

*В. А. Ильинская
А. П. Тереножкин*

СКИФИЯ

VII-IV ВВ. ДО Н. Э.

СЕРИЯ «СКИФИЯ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА
1987 г. 160 стр. 16 ил.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА
1987 г. 160 стр. 16 ил.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА
1987 г. 160 стр. 16 ил. 16 ил.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА
1987 г. 160 стр. 16 ил. 16 ил.

В. А. Ильинская
А. И. Тереножкин

ОКЦИДЕНТА
VII-VI ВВ. ДО Н. Э.

В. А. Ильинская
А. И. Тереножкин

СКИФЫ И КАВКАЗ

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ СКИФОВ
VII—V вв. до н. э.

ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ СКИФОВ
IV в. до н. э.

ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОЙ СКИФИИ VI—IV вв. до н. э.

ПАМЯТНИКИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ

ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

*Академия наук Украинской ССР
Институт археологии*

СКИФИЯ

VII-IV ВВ. ДО Н. Э.

Монография посвящена изучению скифской проблемы в свете имеющихся новейших археологических источников. Памятники Скифии рассматриваются по основным территориям их распространения и хронологическим ступеням, что дало возможность раскрыть их локальные особенности, динамику развития культуры, углубить разработку вопросов истории, этногеографии, экономики и социального строя скифского общества. Для археологов, историков, работников музеев, студентов и всех, кто интересуется историей нашей Родины.

Ответственный редактор
И. И. АРТЕМЕНКО

Рецензенты

К. Ф. СМЕРНОВ,
Е. В. ЧЕРНЕНКО

Редакция литературы
по социальным проблемам зарубежных стран,
археологии и документалистике

И 0507000000-328 66-81
M221(04)-83

© Издательство «Наукова думка», 1983

ОТ РЕДАКТОРА

Авторами книги «Скифия VII—IV вв. до н. э.» являются известные советские археологи, специалисты по истории и культуре Скифии

Варвара Андреевна Ильинская (1920—1979 гг.) — лауреат Государственной премии УССР (1977 г.), доктор исторических наук и

Алексей Иванович Тереножкин (1907—1981 гг.) — заслуженный деятель науки УССР, лауреат Государственной премии УССР (1977 г.), профессор, доктор исторических наук.

В. А. Ильинская всю свою научную деятельность посвятила изучению проблем истории и культуры скифов. Она исследовала большое количество памятников в Лесостепной зоне Украины, внесла большой вклад в изучение степных скифских курганов. В монографиях: «Скифы Днепровского лесостепного Левобережья» (Киев, 1968 г.) и «Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин» (Киев, 1975 г.), а также в многочисленных статьях В. А. Ильинская обосновала гипотезу о скифской принадлежности населения Посулья и бассейна Северского Донца, ввела в науку бондархинскую культуру бронзового века, внесла значительный вклад в изучение истории населения Лесостепной зоны скифского времени, истории и культуры Скифии.

А. И. Тереножкин начал свою научную деятельность с исследований археологических памятников на территории Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. В годы Великой Отечественной войны А. И. Тереножкин прошел путь от Сталинграда до Вены, отмечен правительственными наградами. В послевоенные годы, исследуя городище древнего Афросиаба, А. И. Тереножкин обосновал дату основания г. Самарканда — V в. до н. э.

С 1948 г. А. И. Тереножкин исследовал поздний период эпохи бронзы и ранний железный век на современной территории Украины. Большое значение имеют его работы по хронологии бронзового века и предскифскому периоду. А. И. Тереножкин выделял чернолесскую культуру, обосновал генетическую связь исторических киммерийцев со срубной культурой. Большой вклад внес А. И. Тереножкин в методику раскопок скифских курганов, в теоретическую разработку многих проблем истории скифов. Результаты этих исследований опубликованы в мо-

нографиях: «Предскифский период на днепровском Правобережье» (Киев, 1961 г.) и «Киммерийцы» (Киев, 1976 г.), а также в многочисленных научных статьях. Под редакцией А. И. Тереножкина изданы сборники «Скифские древности» (Киев, 1973 г.), «Скифский мир» (Киев, 1975 г.), «Скифы и сарматы» (Киев, 1975 г.), «Скифия и Кавказ» (Киев, 1981 г.).

Значительное внимание В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин уделили решению общих историко-археологических проблем скифологии. Они являются соавторами коллективных обобщающих трудов: «Нариси стародавньої історії Української РСР» (К., 1957 г.) и трехтомной «Археології Української РСР» (К., 1971, 1975 гг.), за которую в 1977 г. были удостоены Государственной премии УССР.

Настоящее издание является первой книгой из намеченного Институтом цикла работ по истории и археологии Скифии. В ней подведены итоги современных представлений о Скифии VII—IV вв. до н. э., получившей название «Большой Скифии», даны описание и хронологическая классификация памятников, сделаны важные выводы по истории и культуре скифов. Значительный интерес для изучения истории Скифии представляют скифские памятники Кавказа, впервые обобщенные авторами.

Вторая книга этого цикла будет посвящена описанию и хронологической классификации памятников Скифского царства в Крыму и на Нижнем Днепре III в. до н. э.— III в. н. э., получившего название «Малой Скифии».

Этот цикл должна завершить третья книга, посвященная истории Скифии — исследованию хозяйства и экономики, быта и обычаев, искусства и религии скифов, взаимоотношений их с античным миром и другими народами. Особый интерес представляет изучение социальной структуры скифского общества, как основы для реконструкции социально-экономической модели раннегосударственного образования у политически господствующих кочевых племен, а также теоретического осмысления этой модели в рамках докапиталистических формаций.

Преждевременная смерть авторов настоящей книги прервала начатую ими работу по подготовке к печати третьей книги, основные положения кото-

рой в кратком изложении опубликованы В. А. Ильинской в первом томе восьмитомной «Історіі Української РСР» и в первом томе десяти томной «Історіі Української ССР» и А. И. Тереножкиным в ряде статей. Осуществить подготовку к печати второй и третьей книг предстоит сотрудникам и ученикам В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина, который более 30 лет руководил отделом археологии раннего железного века.

Авторы не успели устранить некоторые неточности, допущенные в книге, и учесть новые данные, появившиеся в период подготовки книги к изданию.

В частности, авторы предполагают, что население подгорцевско-милоградской культуры появилось к югу от Киева в результате расселения из более северных и северо-западных районов в V—IV вв. до н. э. (с. 276, 2-й абзац снизу). На с. 288 (3-й абзац снизу), ссылаясь на О. Н. Мельниковскую, авторы пишут, что население милоградской культуры продвинулось с Полесья (Южная Белоруссия) на территорию Северной Житомирщины, в бассейн р. Горыни и верхнее течение Южного Буга.

Во-первых, данные о расселении милоградских племен к югу от Киева с севера отсутствуют; во-вторых, О. Н. Мельниковская не писала о продвижении населения милоградской культуры с Полесья к югу. Наоборот, в цитированной авторами работе, О. Н. Мельниковская доказывает, что на территории

Полесья население милоградской культуры расселилось с юга, с территории Волыни.

Описывая погребения в курганах милоградской культуры Волыни, авторы предполагают, что они относятся к V—IV вв. до н. э. (с. 289). И. К. Свешников, раскопавший курганы этой культуры в Ровенской области, относит обнаруженные в них погребения к более раннему периоду, чем время развития милоградской культуры в Южной Белоруссии, которая датируется VI в. до н. э.—I в. н. э.

По мнению В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина бондарихинская культура Левобережья доживает до VIII в. до н. э. (с. 307, 5-й абзац сверху). На с. 307—308 они отмечают, что наиболее неясным на Левобережье остается период VII в. до н. э., очевидно, здесь происходил процесс этнических перегруппировок, связанных с вытеснением бондарихинского населения и распространением племен скифской культуры (с. 366, 2-й абзац слева сверху). И далее авторы пишут, что скифская культура становится господствующей на Левобережье в начале VI в. до н. э., что этот процесс был резким, внезапным (с. 308).

Новыми исследованиями доказывается существование бондарихинской культуры до середины VI в. до н. э. (Буйнов В., 1981, с. 18).

Фундаментальное исследование В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина «Скифия VII—IV вв. до н. э.» имеет большое значение в развитии скифологии.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Углубленное изучение скифского мира продолжает оставаться одной из насущных задач отечественной археологии. Эта актуальность определяется сложностью и многогранностью скифского периода и его важностью для понимания ряда проблем предшествующего и последующего этапов историко-культурного развития племен и народов Европейской части СССР. Начало скифского периода ознаменовано выходом на историческую арену многих древних народов юга Восточной Европы. В это время возникает и развивается черная металлургия, наблюдается подъем в развитии ремесла, земледелия, скотоводства, расцвет меновых и торговых отношений, что приводит к значительным изменениям в социальной структуре общества, росту имущественного неравенства. В скифской среде складываются раннеклассовое общество и государственность.

Киммерийцы и скифы были первыми из числа народов Восточной Европы, вошедших в непосредственный контакт с государствами Переднего Востока. В Северном Причерноморье скифы основали государство, просуществовавшее в течение ряда столетий и прославились как «непобедимый» народ. Благодаря контактам с греческими колониями скифы оказались тесно связанными с античностью.

Развитие и успехи скифоведения в значительной степени определялись достижениями археологических исследований памятников скифской культуры в степной и лесостепной частях современной территории Украины.

Одним из первых открытий в области скифоведения явились, как известно, раскопки Литого кургана в верховьях Ингульца, осуществленные в 1763 г. по распоряжению губернатора Новороссийской губернии А. П. Мельгунова, по фамилии которого этот памятник стал известен в науке как Мельгу-

новский курган. Изучение найденных здесь сокровищ позволило определить, что курган содержал захоронение скифского царя конца VII или начала VI вв. до н. э.

В 1831 г. П. Дюбрюкс исследовал богатейшую каменную гробницу в кургане Куль-Оба к востоку от Керчи. Большое значение имели раскопки грандиозного (17 м высоты) Александропольского кургана к западу от Никополя. Середина XIX в. явилась временем знаменитых открытий И. Е. Забелина в степях около Никополя. Среди них на первом месте стоят раскопки Чертомлыцкого кургана, получившие всемирную известность. Вторая половина прошлого и начало нынешнего века занимают в скифской археологии особое место: раскопками Н. И. Веселовского на Кубани и Нижнем Днестре были открыты такие выдающиеся памятники скифской культуры, как Келермесские, Костромской, Ульские курганы в Прикубанье, а также знаменитый курган Солоха на левом берегу Днестра.

Значительные открытия сделаны в Украинской Лесостепи. Это курган Перепятиха на Киевщине, раскопанный в 1846 г.

Увлечение раскопками курганов скифской поры в Лесостепи началось в 80-х годах прошлого века. На Правобережье главная роль в этом принадлежала А. А. Бобринскому, Н. Е. Бранденбургу, Д. Я. Самоквасову. Большое количество курганов на этой территории раскопал также В. В. Хвойка. Основные раскопки А. А. Бобринского были сосредоточены в окрестностях г. Смелы, где им было обнаружено более 500 курганов, материалы из которых до сих пор служат главным источником о предскифском и скифском периодах на Правобережье.

Ценным дополнением к результатам исследований А. А. Бобринского служат раскопки более чем 100 курганов на Канев-

щине, осуществленные Е. И. Зноско-Боровским.

Конец прошлого и начало нынешнего века отмечены открытиями выдающихся городищ скифского времени на юге бывшей Киевской губернии: Немировского, Матрошинского, Пастырского.

В Лесостепном Левобережье раскопки сосредоточивались преимущественно в бассейне р. Сулы, к северу и югу от г. Ромны. Большое количество курганов было раскопано здесь Т. В. Кибальчицем и С. А. Мазараки. Более ценными данными о посульских курганах наука обязана деятельности таких специалистов-археологов, как Д. Я. Самоквасов, Н. Е. Бранденбург, Н. Е. Макаренко. Последним были осуществлены раскопки на городище у с. Басовка.

В бассейне р. Ворсклы В. А. Городцовым были произведены раскопки на Бельском городище — одном из наибольших городищ скифского времени и на связанных с ним курганных некрополях.

Раскопки памятников (преимущественно курганов) скифского времени, производившиеся в дореволюционной России около 100 лет, дали значительное количество вещественных находок, имеющих большую научную и художественную ценность. Они украсили собрания лучших музеев России в Петербурге, Москве, Киеве и других городах.

Вопросы скифской археологии изложены в книге М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор». В основу суждений М. И. Ростовцева о скифах и Скифии лег тезис о единстве их культуры, этноса и территории. Поэтому вся область распространения культуры скифского типа воспринималась им как арена господства и расселения скифов, то есть Скифия, созданная племенами ираноязычных воинственных кочевников, пришедших откуда-то из недр южной части Средней Азии (Туркестана). М. И. Ростовцев допускал, что местами здесь могли встречаться остатки местного населения, сохранившего свою особую культуру, некую местную основу, оказавшую более или менее сильное влияние на культуру скифских завоевателей. В частности, такое предположение (под влиянием работ А. А. Спицына) было сделано им для правобережной части Среднего Поднепровья, где наряду со скифской он признавал наличие культуры более древнего аборигенного населения. Но все, что касалось скифского комплекса, особенно сопровождавшееся античными или восточными вещами, воспринималось им как

безусловно ирано-скифское. Поэтому Скифия с обитавшими в ней скифскими племенами понималась им очень расширенно — от Дуная (область Семиградья) до Урала, включая Поволжье. М. И. Ростовцев считал, что Скифия была государством в духе Хазарского каганата и монгольской Золотой Орды.

Особое значение труда М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» состоит прежде всего в том, что им впервые предпринята попытка систематизировать и провести анализ огромной массы накопленного материала. М. И. Ростовцев справедливо учел большое значение взаимосвязей скифского и античного миров, придавая особое значение Боспорскому государству, сообщившему особый аспект скифской культуре Северного Причерноморья.

Слабым местом в трудах М. И. Ростовцева была недостаточная осведомленность о собственно скифской материальной культуре, вследствие чего допущены серьезные погрешности в вопросах датировки. Часть старейших курганов (VI в. до н. э.) в Среднем Поднепровье, где не оказалось предметов греческого импорта, была им ошибочно отнесена к сарматскому времени, к векам, предшествующим началу нашей эры.

А. А. Спицын в работе «Курганы скифов-пахарей» тщательно собрал и обобщил материал из курганных погребений, принадлежавших земледельческим племенам Скифии, включавших, по его мнению, территорию Лесостепи, а также Кубань и Крым. А. А. Спицын попытался выделить локальные подразделения культуры «скифов-пахарей», а также наметил хронологическую периодизацию погребений на основе скифского вещевого материала.

Ступени скифского периода (курганы старшей скифской культуры Журовского типа; курганы среднескифского периода младшего Журовского типа и курганы позднескифского периода) были выделены А. А. Спицыным правильно и хорошо обоснованы фактическим материалом.

Одной из первоочередных задач скифоведения в первые годы Советской власти явилось критическое преодоление ошибочных взглядов исследователей дореволюционного периода, изучение курганов рядового скифского населения, исследование городищ и поселений скифского времени. Однако кроме поисковых исследовательских работ в этот период было написано немало таких, которые трактовали скифскую проблему с марровских позиций «нового учения о языке» Н. Я. Марра, оказавших отрицательное

влияние на изучение раннего железного века, как и других отраслей археологии.

С 30-х годов начались раскопки курганов рядового населения Скифии в окрестностях Никополя. Особенно большая роль в выяснении сословия основных непосредственных производителей Скифии в Нижнем Поднепровье принадлежала Б. Н. Гракову, в течение ряда лет возглавлявшему «степную скифскую» экспедицию Института археологии Москвы и Киева. Параллельно с этим Б. Н. Граковым проводились исследования большого скифского городища у с. Каменка на Днепре.

В 1928 г. Б. Н. Граков предпринял первые, независимо от М. И. Ростовцева, шаги по датировке памятников скифской культуры. На основании всей совокупности накопленных данных, Б. Н. Граков доказал, что курганы Яблоновской группы на Каневщине, отнесенные М. И. Ростовцевым к сарматским, в действительности относятся к V в. до н. э. [Граков, 1928]. Исследовательский путь, найденный Б. Н. Граковым, оказался не только лучшим, но и единственным. Он вскоре был проверен Б. З. Рабиновичем, который, в свою очередь, установил, что большая серия лесостепных курганов, ошибочно отнесенных М. И. Ростовцевым к последним векам до нашей эры, прочно датируется временем скифской архаики [Рабинович, 1936]. Работами А. А. Спицына, Б. Н. Гракова, Б. З. Рабиновича были созданы новые возможности в изучении памятников скифской культуры с широким и правильным в методическом отношении использованием предметов скифской материальной культуры и вещей греческого импорта.

Укреплению перспективных путей в скифоведении способствовало исследование П. Д. Рау, посвященное классификации и периодизации скифских наконечников стрел [Рау, 1929]. Стрелы как массовый и наиболее обычный для скифских могил инвентарь стали одним из главных датировочных материалов.

Особенные, выдающиеся по результатам открытия в области скифоведения произошли в послевоенный период. На Московском совещании археологов весной 1945 г. были определены основные задачи, стоящие перед учеными в этой области. В качестве первостепенных были выделены вопросы изучения предскифского периода и генезиса основных подразделений скифской культуры, а также отдельные региональные группы культуры скифского типа. Наряду с этим была намечена необходимость изучения

общественного строя скифов, экономики, идеологии, искусства, а также различных категорий вещей скифской материальной культуры. Ясность и конкретность поставленных задач, сформулированных Б. Н. Граковым, способствовала целеустремленности научных поисков и полевых изысканий, что впоследствии привело к ощутимым результатам в накоплении археологических фактов и их теоретического осмысления.

Возобновилась работа по изучению этногенетических проблем, в частности вопросов славянского этногенеза и места, занимаемого в этом процессе различными подразделениями племен Геродотовой Скифии и ее ближайшего окружения. Большинство историков и археологов высказались в духе концепций И. Шафарика и Л. Нидерле. С предками славян сопоставляли чаще всего земледельческие племена скифской культуры, противопоставляя их скифам-иранцам, по преимуществу кочевникам. Скифия рассматривалась, таким образом, как политическое образование, включающее различные по этнической принадлежности племена, в том числе и древних славян, с которыми связывали скифов-пахарей днепровского Лесостепного Правобережья.

Представление о Правобережной Лесостепи как об области расселения древних славян и их прародине получило развитие в трудах языковедов М. Фасмера, Ф. П. Филина, В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева.

Важным событием в развитии скифологии явилась вышедшая в 1947 г. книга Б. Н. Гракова «Скифы» — первый после книги М. И. Ростовцева обобщающий труд о Скифии и скифах, где дан глубоко научный очерк истории Скифии, составленный на основании анализа античных источников. Этот труд, а также исторический очерк в книге Б. Н. Гракова «Каменское городище на Днепре» составили основу современных представлений по истории Скифии. В книге Б. Н. Гракова приведена характеристика материальной культуры, хозяйства, идеологии, быта скифов по данным письменных и археологических источников. Б. Н. Граков обоснованно утверждает мысль об этническом единстве всех племен Геродотовой Скифии, в которых он видит народность иранской принадлежности, занимающую область распространения скифской культуры в Северном Причерноморье, в Степной и Лесостепной полосе, в число которых входят все названные Геродотом племена (скифы-царские, скифы-кочевники, каллипиды, алазоны, скифы-земледельцы и скифы-пахари).

В течение 50-х и 60-х годов нашего века были изучены и выделены локальные особенности большинства групп Лесостепного Поднепровья, рассматривавшихся прежде в некоем единстве и подразделявшихся самое большее в соответствии с существовавшим в то время административным делением по губерниям. Ныне в основу регионального деления было положено естественно-географическое размещение. Так, были изучены памятники Сулы, Псла, Посеймья, Северского Донца, Днепровской террасовой Лесостепи, бассейна р. Ворсклы на левом берегу Днепра; памятники бассейнов Тясмина, Поросья, Киевщины, Лесостепного течения Южного Буга, Днестра, северо-западных и северных районов Украины. В разработке этих вопросов приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова. В ходе работ были использованы данные исследований дореволюционного периода и осуществлен ряд новых целеустремленно направленных полевых изысканий, значительно расширивших источниковедческую базу исследований.

В археологии кочевых степных скифов в течение последних десятилетий произошло коренное обновление фонда источников. Начало этому положили раскопки первого с дореволюционного времени «царского» кургана в г. Мелитополе, осуществленные А. И. Тереножкиным. Под его руководством были возобновлены раскопки на Никопольщине. В ходе работ выработывалась и осваивалась новая методика, связанная с поисками скифских курганов с помощью бурения, применения креплений при раскопках глубоких и сложных по устройству катакомб, с привлечением для этой цели горняков, специалистов по технике безопасности. Происходил переход от раскопок курганов вручную к раскопкам с помощью механизмов, требовавший существенной перестройки методики раскопок.

С 1969 г. раскопки в зоне горных работ треста «Орджоникидземарганец» были продолжены Б. Н. Мозолевским, открывшим здесь много интереснейших курганов, в том числе курган Толстая Могила, занявший место в числе наиболее выдающихся скифских памятников.

Начиная с 1961 г. в Херсонской, Запорожской, Днепропетровской, Николаевской областях, в степном Крыму развернулись небывалые по масштабам раскопки курганов, обусловленные необходимостью охранных работ в зоне больших оросительных систем. В результате были исследованы и продол-

жают исследоваться многочисленные курганы и целые курганные поля. Событием в скифоведении явилось открытие Гаймановой Могилы (1968, 1969—1970 гг.), раскопки которой дали уникальные данные о культуре скифов.

Важнейшим результатом послевоенных исследований явилось выяснение особенностей сложения и развития генетических истоков формирования отдельных локальных групп культуры скифского типа в предшествующих культурно-племенных образованиях периода поздней бронзы и начала железа.

Для степной полосы удалось установить, что последний период существования здесь оседлой позднесрубной культуры сабашиновского (XIV—XII вв. до н. э.) и белозерского (XII—X вв. до н. э.) типов сменяется культурой ранних кочевников IX—VIII вв. до н. э., связываемой исследователями с историческими киммерийцами. В развитии культуры этого населения были выделены два этапа: более ранний — черногоровский и более поздний — новочеркасский. Выяснено, что на кочевническую культуру киммерийского населения большое влияние оказала некая культурная волна, проникшая из глубин Сибири, связанная с населением карасукской культуры [Тереножкин, 1976].

Несмотря на то что киммерийские племена и их культура хронологически тесно смыкаются со скифами и в какое-то время, в начале VII в. до н. э., даже как бы соприкасаются друг с другом, каждая из этих культур имеет свои, четко выраженные индивидуальные черты, что прослеживается в оружии, конской упряжи, предметах искусства. Культуру скифского типа нельзя генетически выводить из киммерийской. Представляется единственно вероятным, что появление и распространение скифской культуры связано с новой миграционной волной ираноязычных кочевников, принесших с собой новые формы скифской материальной культуры и скифского звериного стиля. Появление скифов на исторической арене относится к VII в. до н. э.

Исследование памятников конца эпохи бронзы и начала железа на территории к западу от Днестра показало, что распространенная здесь в конце II тысячелетия до н. э. культура Ноа сменилась генетически несвязанной с ней культурой фракийского гальштата. На основе молдавской группы населения фракийского гальштата (кишиневско-лукашешевской) происходит формирование восточной части гето-дакийской культуры,

основная область распространения которой охватывала Прикарпатье. В ходе исследования удалось установить, что на западе, за Днестром, в Скифию входили племена фракийского происхождения.

В Лесостепном Правобережье к западу от Днепра сосредоточено большое количество памятников пастушеско-земледельческого населения скифской культуры, корни которой глубоко уходят в местные культуры бронзового века. Средний период бронзы представлен комаровско-тшинецкой культурой, памятники которой концентрируются преимущественно на севере Украины. Она сменяется памятниками белогрудовской и первой ступени чернолесской культуры позднего бронзового века — XII—X вв. до н. э. Вторая ступень чернолесской культуры (IX—VIII вв. до н. э.) знаменует собой начало железного века. Переход от доскифской к скифской поре представлен памятниками жаботинского типа (вторая половина VIII—VII вв. до н. э.).

Время белогрудовской и первой ступени чернолесской культуры соответствует белозерскому этапу срубной культуры. Позднее чернолесье и начало жаботинского этапа — время киммерийской культуры степи. С конца VII в. до н. э. в Правобережье устанавливается господство скифской культуры.

С полной очевидностью удалось установить, что культура племен Правобережной Лесостепи сложилась на собственной генетической основе, не связанной со степным ирано-скифским миром и протофракийской культурой Днестро-Дунайского бассейна. Это особая этническая группа населения, оказавшаяся в составе земледельческого населения Скифии и воспринявшая в VII—IV вв. до н. э. культуру скифского типа. В населении этой этнической группы многие исследователи видят протославян.

Исследование культур скифского времени в Лесостепном Левобережье привело к открытию здесь бондарихинской культуры и предшествующей ей культуры малобудковского типа. Установлено, что бондарихинская культура не имеет генетической связи со сменившей ее культурой скифского типа. Полученные данные свидетельствуют о том, что скифская культура была принесена сюда с другой территории, вероятнее всего, из степного Юга, в результате большой миграционной волны конца VII — начала VI вв. до н. э. Вновь появившиеся здесь племена заселили Лесостепное Левобережье, за исключением той части бассейна Ворсклы, который еще ранее был освоен населением,

передвинувшимся с правого берега Днепра.

Установление различий в этническом составе населения в пределах «четырёхугольника» Геродотовой Скифии имело важнейшее значение для реального изучения скифской проблемы. Из области гипотезы это превратилось в научно обоснованный факт. Нескифская принадлежность была определена для населения Правобережной Лесостепи (вероятнее всего, праславяне) и для племен, обитавших к западу от Днестра (гето-фракийцы), что привело к пересмотру общего понимания Скифии. В центре внимания вновь встал вопрос о пределах территории, этническом составе, единстве культуры и размещении племен, входивших в состав Геродотовой Скифии и паходившихся в ближайшем соседстве за ее пределами.

Одна из первых попыток пересмотра карты расселения скифских и нескифских племен по Геродоту, в соответствии с особенностями погребального ритуала, была предпринята М. И. Артамоновым. Область Скифии связывалась им с памятниками степной полосы и выступавшей на север в глубь Лесостепи областью Западной Подолии и Побужья, которые связывались им с землей скифов-пахарей [Артамонов, 1949б]. Лесостепь к западу и востоку от Днепра М. И. Артамонов исключал из пределов Скифии, поскольку там были распространены гробницы с деревянными склепами и отсутствовали степные катакомбы. Здесь, по его мнению, жили будины, гелоны, андрофаги и меланхлены.

Будины отождествлялись им в первую очередь с племенами, обитавшими в бассейне Сулы и Северского Донца. Локальные группы скифской культуры с лощеной керамикой в Днепровском Правобережье и бассейне Ворсклы сопоставлялись с гелонами — фракийцами, которые якобы пришли в страну будинов еще в период бронзы. В будинах автор усматривал один из основных компонентов восточнославянского населения в раннем железном веке. С критикой взглядов М. И. Артамонова выступили А. И. Тереножкин [1955а], П. Д. Либеров [1951а], В. А. Ильинская [1951а]. В ходе дальнейшей эволюции взглядов М. И. Артамонов отошел от своих прежних позиций и пришел к выводу, что Среднее Поднепровье входило в состав Скифии и было заселено племенами скифов-пахарей, этнически родственных степным скифам и по своим генетическим истокам восходящих к племенам срубной культуры [Артамонов, 1974, с. 94, сл.]. В состав этих племен входили

родственные скифам гелоны. Что касается будинов, то в своих поздних работах М. И. Артамонов связывает их с племенами бондарихинской культуры. Взгляды М. И. Артамонова, наиболее полно выраженные им в книге «Киммерийцы и скифы», по существу оказались весьма близкими взглядам по вопросам этногеографии Скифии, высказанным Б. Н. Граковым в 1947 г.

Дискуссия о культуре и составе населения Скифии развернулась на страницах печати и на трех конференциях, посвященных скифским проблемам, в Москве (1947, 1967, 1972). На первой конференции в центре внимания был доклад Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, в котором Б. Н. Граков выступил с решительным пересмотром своей прежней концепции [Граков, Мелюкова, 1954]. Он настаивал на определении единства племен Скифии по языку, культуре и территории. Поскольку в свете новых исследований выяснилась невозможность такого единства в прежде принятых географических пределах и появились твердые основания для того, чтобы выделить определенные этнические подразделения, Б. Н. Граков свел понятие Скифии со всеми населявшими ее племенами к области расселения степных племен между Доном и Днестром. Кочевые и земледельческие племена Скифии, по его мнению, следует видеть лишь в степных, родственных по языку иранских группах степного населения, генетически связанных с населением срубной культуры. Такие культурные области, как Среднее Поднепровье и Прикубанье, которые по старей традиции скифологии считались территориями, где характерные черты скифской культуры выступают особенно ярко, оказались за пределами Скифии.

Исходя из высказанного мнения, авторы разделили культуры степного и лесостепного населения Поднепровья. Подобное разделение, по их мнению, проявилось в керамике и обряде погребения. Представление о единстве скифской культуры у лесостепных и степных племен является только кажущимся, что объясняется распространением и там и тут одинаковых форм вооружения, снаряжения верхового коня, звериного стиля, составляющих скифскую «триаду», по терминологии Б. Н. Гракова. Эти, как он писал, «портативные элементы», легко переходили от племени к племени, простирались за пределы Северного Причерноморья и связывали с причерноморскими скифами такие культуры, как анабийская, савроматская, тагарская, горноалтайская и др.

Поскольку на основании археологических данных не удается выделить какие-либо этнографические особенности для отдельных племен в памятниках Степной Скифии, Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова приходят к заключению о полном единстве культуры как кочевых, так и земледельческих племен Скифии.

В своей последней работе «Скифы» Б. Н. Граков [1971] окончательно выделил зону Лесостепи из пределов Скифии, поместив в Правобережье племена неуров, а в Левобережье — гелоно-будинов и меланхленов, причем меланхлены на Северском Донце оказались восточнее гелоно-будинов, помещенных им на Суле и Ворскле. За город Гелон им принято Бельское городище. В общем смысле этногеографическая концепция Б. Н. Гракова, высказанная им в данной работе, оказалась очень близка взглядам М. И. Артамонова в работах 40-х и 50-х гг.

Полное согласие с мнением Б. Н. Гракова выразил Б. А. Шрамко, в течение ряда лет исследовавший памятники Северского Донца и Ворсклы. Б. А. Шрамко в центре внимания поставил гелоно-будинскую проблему, принимая за Гелон Бельское городище.

В 1979 г. опубликована монография Б. А. Рыбакова, в которой проведено специальное исследование географии и этнографии Скифии, как они даны в четвертой книге «Истории» Геродота. В итоге, признав большие достижения современного скифологии в области археологии, Б. А. Рыбаков категорически отверг результаты предыдущих исторических исследований. Отвергая все созданные ранее карты Скифии, он опубликовал свою. На ней на юге Скифии в соответствии с традициями отечественной науки В. А. Рыбаков разместил, идя с запада на восток, каллипидов, алазонов, скифов-царских и скифов-кочевников, но полностью перекроил скифский север: в Лесостепи к западу от Днепра им помещены никогда не существовавшие в Скифии оседлые земледельческие племена скифов-сколотов, а к востоку от Днепра, тоже в Лесостепи, — гелоны, а на Ворскле огромное городище у с. Бельск отождествлено с большим городом Гелоном, о котором пишет Геродот. Ни сколотов-земледельцев, ни гелонов Геродот в Скифии не знал. В этом заключается основной недостаток новой карты Скифии, созданной Б. А. Рыбаковым.

В отличие от вышеназванных исследователей авторы данной монографии придерживаются традиционных взглядов о Скифии, составе ее населения, географических пределах.

Они воспринимают Скифию в пределах «Геродотовского четырехугольника», практически совпадающего с территорией современной Украины, и считают, что в ее состав, помимо этнически родственных ираноязычных скифских племен — кочевых и земледельческих, входили также покоренные скифами народы местного происхождения, обитавшие в Правобережной Лесостепи (вероятные праславяне), и фракоязычные племена к западу от Днестра.

Дискуссия о скифской культуре была продолжена на второй конференции в 1967 г. На этот раз в центре внимания оказался доклад А. И. Тереножкина «Скифская культура» [Тереножкин, 1971а].

По мнению автора, скифская культура в Причерноморье не являлась восприимчивой культур народностей, обитавших в скифское время на этой территории (киммерийцы, чернолесцы, фракцийцы, бондарихинцы). Скифская культура по всем основным элементам оказалась чуждой местным традициям. О новизне скифской культуры в свое время писал А. А. Сплицын: «Перемена одной культуры в другую в киевских курганах совершилась почти вдруг, в полном составе, как перемена декорации» [1918, с. 64]. В своем докладе А. И. Тереножкин поддерживал положение о единстве раннескифской культуры в Степи и Лесостепи по обряду погребения и составу инвентаря.

Возражая против гипотезы автохтонного происхождения скифов, он отмечал, что генезис культуры кочевых скифов следует строить на таких материалах, как керамика, особенностях погребального обряда и типах погребального сооружения, а не преимущественно на материалах, которые автохтонистами называются «портативными элементами», то есть на предметах вооружения, конской узды и скифского звериного стиля. А. И. Тереножкиным было отмечено, что комплекс скифской культуры нельзя сводить к так называемой «триаде». Кроме оружия, конской сбруи, предметов звериного стиля, в нее входят многочисленные элементы, в том числе предметы быта, орудия труда, вещи культурного назначения, предметы украшений и туалета местной и греческой работы и многие предметы скифской культуры, распространенные как у степных, так и лесостепных племен Скифии. Несмотря на общую номенклатуру вещей, бытовавших в обиходе многих евразийских народов I тысячелетия до н. э. (ананьинцев, савромат, саков, народов алтайского и скифо-сибирского типов), культуры их не сливаю-

тся, поскольку сохраняют яркие индивидуальные черты и в погребальном обряде, и в морфологических чертах вещевого комплекса, в том числе оружия, составе и украшениях узды, своеобразии набора и стилизации зооморфных изображений. Благодаря этому скифская культура легко отличается от ананьинской, савроматской, тагарской, тасмолинской и др.

Большинство предметов собственно скифского вещевого комплекса стали известны благодаря раскопкам в Прикубанье, степной и лесостепной полосе Поднепровья. Отметим при этом отсутствие каких-либо особенностей, позволивших выделить каждый из этих регионов как отдельную культуру. Такое единообразие вещей подтверждает общность культуры Степной и Лесостепной Скифии.

Исследованиями последних лет установлено, что и в отношении погребального обряда степные курганы архаического периода в сущности не отличаются от одновременных курганов Северного Кавказа и Лесостепной полосы. Ранние скифские погребения на Северном Кавказе, в Степном Причерноморье, так же как и в Лесостепи, имеют вид деревянных (реже каменных) склепов, сооруженных в грунтовых ямах или на подкурганной поверхности, часто со следами сожжения. Подобный ритуал был распространен и у многих других народов Евразии, имевших культуру скифского типа, — у савромат Поволжья и Приуралья, саков Казахстана.

В целом у нас отсутствуют решающие аргументы, которые подтвердили бы существование к северу от Черного моря особых культур скифского типа: степной и лесостепной.

А. И. Тереножкин выступил против гипотезы местного происхождения скифов от племен позднесрубной культуры бронзового века и от культуры ранних кочевников предскифского времени черногоровского и новочеркасского этапов. Имеются основания полагать, что скифская культура была принесена новой миграционной волной в начале VII в. до н. э. из глубин евразийских степей. Одним из важных элементов этой культуры явился скифский звериный стиль, сменивший в Причерноморье геометрический линейный и циркульно-спиральный орнамент киммерийского периода.

Дискуссия о происхождении скифов и их культуры в связи с проблемой происхождения скифского звериного стиля была продолжена на третьей скифской конференции 1972 г. Здесь четко определились два основ-

ных пути в понимании проблем происхождения скифского искусства. Одна группа исследователей (М. И. Артамонов, Н. Л. Членова) считали, что скифское искусство целиком сложилось во время скифских походов в Переднюю Азию на основе древневосточного искусства и в готовом виде было перенесено в степную Евразию, то есть скифский звериный стиль в основе своей сформировался на базе искусства Переднего Востока.

Другие исследователи (в том числе и авторы настоящей работы) считали, что скифское искусство сложилось в недрах евразийских степей (центральноазиатская гипотеза) независимо от искусства народов Древнего Востока и лишь обогатилось в VII—VI вв. до н. э. благодаря знакомству с переднеазиатскими, а позднее античными элементами. Ни один из древнейших мотивов и приемов стилизации скифо-сибирского звериного стиля не имеет прототипов в памятниках переднеазиатского искусства. Скифо-сибирский звериный стиль подразделяется на несколько больших групп, соответствующих основному делению по культурам.

Выдающимся событием в скифоведении последнего времени явились раскопки царского кургана Аржан в Туве, осуществленные М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-Оолом в 1971—1974 гг., где были найдены древнейшие предметы скифо-сибирского звериного стиля IX—VIII вв. до н. э. Памятник принципиально важный, свидетельствующий о формировании звериного стиля в среде ранних кочевников Центральной Азии в период, предшествующий появлению скифов в степях Причерноморья.

С открытием царского кургана Аржан в Туве проблема происхождения скифской культуры, искусства и самих скифов может считаться в общих чертах решенной. Установлено, что их родину следует искать в глубинах Азии, а не в Северном Причерноморье и не в Передней Азии.

В свете последних исследований по-новому читается этнокультурная карта народов раннего железного века Восточной Европы. Г. И. Смирнова и К. В. Бернякович дали новое освещение вопросу происхождения куштановицкой культуры Закарпатья, связав ее с переселением населения подольской группы скифской культуры Правобережной Лесостепи, наслонившейся здесь на местную культурную основу фракоязычного населения. Л. И. Крушельницкой изучены памятники скифской поры в Верхнем Поднестровье и приведены важные данные относительно миграции части оседлого населения скиф-

ской культуры Лесостепного Правобережья в конце VIII — начале VI вв. до н. э. на запад и северо-запад.

Чрезвычайную важность имело открытие милоградской культуры раннего железного века в южной части Белоруссии и на территории Украинского Полесья, отличной от скифской культуры населения Среднего Поднепровья.

Для понимания юхновской культуры в Левобережном Полесье принципиальное значение имеют результаты раскопок и разведок городищ, осуществленные А. Е. Алиховой и О. Н. Мельниковской.

Благодаря многолетним исследованиям П. Н. Шульца, О. Д. Дашевской, Х. И. Крис, А. А. Щепинского, С. Ф. Стржелецкого, А. М. Лескова [1965] стала хорошо известна кизил-кобинская культура, сопоставляемая с таврами Горного Крыма. Работами П. Д. Либера на Среднем Дону с большой полнотой представлена воронежская группа курганов и городищ с характерным для нее сочетанием скифских и савроматских культурных элементов. П. Д. Либера, объединив данные старых и новых исследований, пришел к заключению о тождестве памятников Воронежской группы с геленобудинскими племенами [Либера, 1965].

К. Ф. Смирнов в ряде трудов дал описание савроматской культуры степей Поволжья и Приуралья, уделив много внимания проблемам культурных связей савроматов со скифским миром [Смирнов, 1964].

Особое место занимает вопрос о скифской культуре и скифах на Кавказе и в Передней Азии. Весьма плодотворными в этом плане являются исследования Е. И. Крупнова, В. Б. Виноградова, В. И. Марковина, Р. М. Мунчаева на Северном Кавказе. Ценные данные получены исследованиями Б. В. Техова в Южной Осетии и М. М. Трапша в Абхазии. Ими подтверждено не только распространение скифского влияния, но и факт пребывания скифов на Кавказе. Б. Б. Пиотровским разработан вопрос о связях скифов с Урарту, народами Закавказья и Передней Азии. Кавказские материалы важны для изучения скифской культуры и начального этапа истории скифов.

Большое значение имеют результаты исследований синдо-меотской культуры и вопросов ее генезиса, осуществленные Н. В. Анфимовым в Прикубанье.

Немало сделано скифоведцами по изучению скифской материальной культуры. К известным ранее трудам П. Д. Рау о наконечниках стрел, Б. З. Рабиновича о стрелах, В. Гин-

герса о мечах, А. П. Манцевич о боевых поясах ныне прибавился ряд исследований о различных категориях скифских предметов, в результате чего произошел решительный перелом в знании скифской материальной культуры, ее хронологии, возможностях использования этих данных в качестве важного исторического источника. Приведем краткий перечень важнейших исследований по этому вопросу. К. Ф. Смирнов и А. И. Мелюкова опубликовали монографии, посвященные савроматскому и скифскому вооружению, его типологии, хронологии, особенностям развития. Е. В. Черненко исследовал совокупность археологических и письменных источников о скифском оборонительном доспехе. В. А. Ильинской изучались скифские топоры, сакральные топоры-скипетры, архаические золотые украшения, культовые навершия, скифский конский убор и устройство узды. А. П. Манцевич опубликованы ценные исследования о скифской деревянной посуде, боевых поясах, остатках ассирийских дворцовых табуретов из скифских курганов и других категориях скифской материальной культуры. Э. В. Яковенко выделена серия античных, найденных в скифских могилах, веретен; Б. А. Шрамко изучил скифские ножи, являвшиеся не только предметами быта, но и важными орудиями труда. Новая работа В. Г. Петренко посвящена изучению украшений Скифии.

Накопление археологических источников, особенно в результате раскопок городищ и поселений, позволило более глубоко исследовать хозяйство и экономическую основу жизни кочевых и оседлых племен Скифии. Изучаются различные ремесла, из которых особое значение имели черная металлургия и кузнечное производство. Начало этих исследований было положено Б. Н. Граковым в ходе многолетних раскопок Каменского городища на Днепре, оказавшегося главным центром ремесленного производства Степной Скифии. В Лесостепной полосе главными объектами исследований ремесла стали Люботинское городище на Северском Донце и Бельское городище на Ворскле, исследованные Б. А. Шрамко.

П. Д. Либеров и В. И. Цалкин плодотворно изучали вопросы скотоводства и земледелия у населения Скифии. Различные отрасли хозяйственной деятельности были подвергнуты всестороннему изучению Б. А. Шрамко. Отрасли древних производств исследовались им на уровне требований современной науки с привлечением специалистов. Им были рассмотрены вопросы тех-

нологии изготовления различного рода изделий из черных и цветных металлов, выделен набор инструментов, которыми пользовались древние мастера. В сферу интересов Б. А. Шрамко вошли также кожевенное дело, изготовление тканей, обработка кости, дерева, гончарное ремесло. Большое внимание уделено таким ведущим отраслям хозяйства, как земледелие и скотоводство. Автор устанавливает, что уровень производства скифского времени был весьма далек от примитивного и в ряде случаев перерастал рамки домашнего ремесла. Наибольшие успехи были достигнуты в Скифии в изготовлении изделий из железа и стали, в бронзолитейном производстве, кожевенном деле, специализированность которых позволяет считать, что они уже выделились в отдельные отрасли ремесла.

Исследование многочисленных и разнородных по составу предметов античного импорта из скифских памятников Побужья и Поднепровья, осуществленное Н. А. Онайко, осветило многие стороны торговых связей населения Скифии с греческими переселенцами из античных городов Северного Причерноморья и метрополий. Н. А. Онайко пересмотрена датировка большой серии античных вещей, происходящих из указанных областей Скифии, что помогло уточнить хронологию ряда ведущих памятников Скифии.

Начало дискуссии о социальном строе скифов было положено в 30-х годах. В отличие от взглядов М. И. Ростовцева о господстве у скифов феодальных отношений и государства в духе Хазарского каганата и татарской Золотой Орды В. И. Равдоникас и М. И. Артамонов выступили с гипотезой о существовании у скифов VI—III вв. до н. э. высокоразвитых патриархально-родовых отношений на ступени распада. А. П. Смирнов отстаивал мнение о том, что у господствующей группы племен собственно скифов того же исторического периода уже сложилось классовое общество и государство рабовладельческого типа.

В конце 40-х годов М. И. Артамонов вновь обратился к вопросу о социальной организации скифского общества. Поддерживая мысль о существовании у скифов VI—IV вв. до н. э. патриархально-родовых отношений, он привел данные в пользу сложения раннеклассового общества и государства на позднем этапе в пору существования скифского царства в Крыму и на Нижнем Днепре. Несколько позднее Б. Н. Граков высказался в пользу того, что

у скифов в раннее время (VI—V вв. до н. э.) сохранялись еще доклассовое общество и межплеменная организация типа союза племен, а в IV в. до н. э. на основе растущих рабовладельческих отношений и в результате объединительной политики царя Атея возникает государство наподобие античных государств с античными формами рабства (Спарта, Фессалия и пр.). В. Д. Блаватский, отбросив концепцию общинного рабства античного типа, высказал гипотезу о возникновении государства у скифов со времени царя Атея. Этому же мнению придерживается Д. Б. Шелов. С другой стороны, Д. П. Каллистов настаивает на том, что у скифов первобытнообщинный строй сохранялся вплоть до конца III в. до н. э., до момента образования скифского царства в Крыму.

В недавнее время А. И. Тереножкин выступил с рядом статей, где приведены данные в пользу возникновения классовых отношений и государства у скифов со времени утверждения их господства в Северном Причерноморье. Им отмечено, что процесс классовообразования протекал здесь в условиях кочевого общества и был отличен от классических форм возникновения классов и государственности в античном мире. Основу классовых отношений Скифии составляло установление военно-политического господства скифского союза племен над остальными зависимыми племенами на основе данничества. Скифскому обществу с самого начала была присуща глубокая имущественная дифференциация, замаскированная родовыми отношениями, и значительное развитие рабовладения.

К числу значительных достижений послевоенного периода относятся почти полная мобилизация и введение в научный оборот материалов из раскопок дореволюционного периода. Материал этого рода впервые пересмотрен и привлечен к исследованию в работах, посвященных изучению локальных групп Скифии и отдельных вещей материальной культуры.

Количество археологических источников чрезвычайно возросло в связи с широкими археологическими раскопками, коснувшимися, по существу, всех областей скифского мира. Особый размах приобрели раскопки курганов Степной Скифии. Масштаб полевых исследований в настоящее время превосходит возможности научной публикации и обработки материала.

Это непрерывное пополнение материала требует периодического пересмотра и упо-

рядочений фонда источников по территории и хронологии и определения того нового, что вносят вновь полученные данные в существовавшие ранее представления, касающиеся отдельных сторон скифской проблемы и существующих мнений, а также наиболее крупных основных тем.

Этой задаче и посвящена настоящая работа. Археологические источники, относящиеся к скифам и их культуре, рассматриваются в следующем порядке: вначале речь идет о памятниках раннего периода истории Скифии, связанных со временем переднеазиатских походов, пребыванием скифов на Кавказе и в Предкавказье; далее рассматриваются в систематизированном виде памятники степных скифов с выделением в их числе памятников, принадлежащих кочевникам, и памятников той части скифского населения, которое расселилось вблизи греческих городов, перешло к оседлости и земледелию. Вслед за тем рассматриваются памятники пастушеско-земледельческих племен, обитавших в Украинской Лесостепи с разделением их, в соответствии со сложившимися ныне взглядами, на два подразделения: племена Правобережья и Левобережья. В зависимости от источников материал каждого из территориальных регионов делится по хронологическим этапам с выделением комплексов VII—VI вв. до н. э. (архаических), памятников V в. до н. э. (среднескифских) и памятников IV—начала III в. до н. э. (позднескифских).

В данной работе мы не претендуем на полное освещение всех материалов и вопросов, выдвигаемых скифской проблемой. В этом плане она не идет дальше предварительных заключений, которые, как мы надеемся, будут способствовать дальнейшему развитию скифоведения.

Выражаем сердечную благодарность сотрудникам отдела раннего железного века Института археологии АН УССР товарищам по многолетней работе Г. Т. Ковпаненко, Е. В. Черненко, Б. Н. Мозолевскому, В. Ю. Мурзину, В. А. Рябовой, В. П. Белозору за оказание всемерной помощи на всех этапах работы. Искренне благодарим сотрудников нашего института О. Г. Шапошникову, Н. Н. Чередниченко, А. И. Кубышева, В. А. Круца, В. В. Отрощенко за любезное разрешение использовать неопубликованные результаты их раскопок. В работе использованы материалы фотоархива ЛОИА АН СССР и В. И. Ключко. Карты составлены В. П. Белозором, список литературы В. А. Рябовой, иллюстрации М. А. Кригачко.

К4 $\frac{85}{1619}$

ГЛАВА I

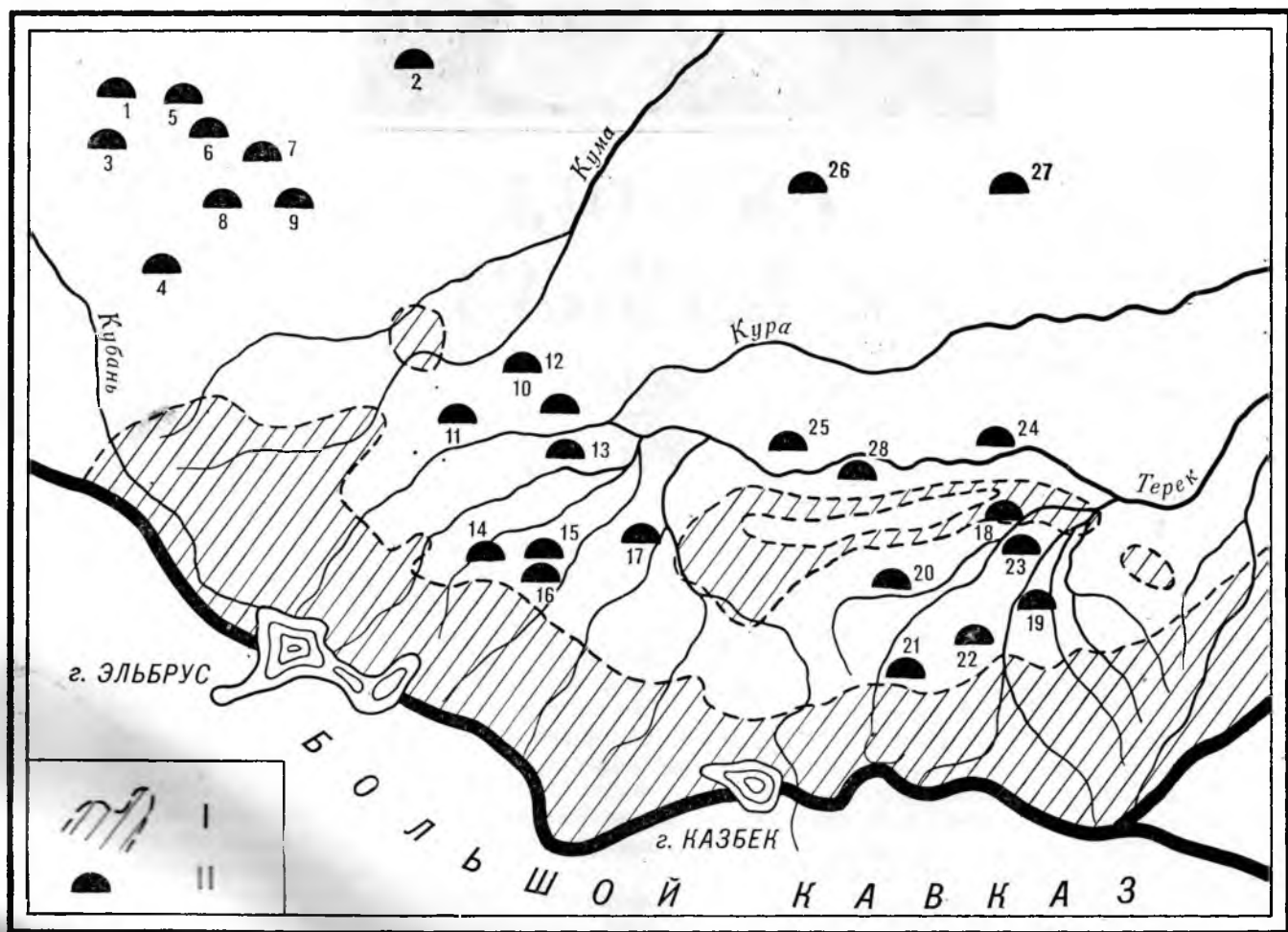

СКИФЫ И КAVKAZ

Карта скифских курганов на территории Центрального и Восточного Предкавказья (по В. Б. Виноградову):

1 — Ставропольский курган 1924 г.; 2 — Алексеевский; 3 — Ставропольский 1953 г.; 4 — Сотниковский; 5 — Мамайковское; 6 — Ставропольский 1968 г.; 7 — Ставропольский 1893 г.; 8 — Большой Ставропольский 1973—1974 гг.; 9 — курганы у хутора Красное Знамя; 10 — Константиновский № 3; 11 — Этокский 1961 г.; 12 — Зольский; 13 — Нижнекуржянские курганы; 14 — Шалушкинские курганы; 15 — Нальчикские курганы; 16 — Вольноаульские курганы; 17 — Кармовский; 18 — Старосунженский; 19 — Мискерюртовский; 20 — Слепцовский; 21 — Вамутский № 5; 22 — Гойтинские курганы; 23 — Куларинские курганы; 24 — Червленский; 25 — Моздокские курганы; 26 — Ачикулакские курганы; 27 — Бажиганские курганы; 28 — Гвардейские курганы. I — горы; II — курганы.

Рассматривая археологические памятники в пределах основного массива распространения скифской культуры по главным регионам, мы начнем обзор с южноскифской группы, под которой подразумеваем степи Причерноморья и области распространения памятников скифской культуры и серий отдельных вещей скифского типа, рассеянных за пределами основных рубежей господства скифов на юге Европейской части СССР, по путям их проникновения через Кавказ в Переднюю Азию.

Эти памятники связаны в основном с древнейшим периодом истории скифов времен их вторжения в Причерноморье, киммерийско-скифских войн, выхода скифов и киммерийцев на арену всемирной истории, когда они фигурируют наряду с такими могущественными государствами, как Ассирия, Мидия, Урарту, Лидия и др. Без обзора археологических памятников этого этапа историческая картина окажется неполной и искаженной.

Современное состояние позволяет уверенно говорить, что события ранней истории скифов нашли яркое отображение в памятниках Северного Причерноморья, Северного и Центрального Кавказа, Закавказья и Передней Азии. Археологические данные дополняют свидетельства письменных источников, а последние, в свою очередь, раскрывают смысл археологических источников, помогают глубже понять их значение для освещения истории.

Появление скифов в Причерноморье, судя по всему, относится к началу VII в. до н. э. Такое заключение вытекает из того, что до конца VIII в. до н. э. здесь еще господствовала культура типа новочеркасского клада, отождествляемая с позднейшими киммерийцами, а в 70-х годах VII в. до н. э. скифы засвидетельствованы уже в Передней Азии, на территории земли Мана. Очевидно, не случайно именно к началу VII в. до н. э. относятся случаи совместных находок в одних погребальных комплексах киммерийских и скифских вещей.

Следами древнейшего проникновения скифов в Северное Причерноморье можно считать повсеместное распространение бронзовых удлиненно-ромбических наконечников стрел, относящихся к первой половине VII в. до н. э., когда они сменяют здесь длинновтульчатые наконечники новочеркасского типа.

Имеются все основания полагать, что первое вторжение скифов в Причерноморье было кратковременным и стремительным. Как следует из письменных источников, киммерийцы не оказали сколько-нибудь значительного сопротивления и покинули большей частью свою страну. Археологические факты не противоречат такому представлению. В течение первой половины VII в. до н. э. культура типа новочеркасского клада исчезает на юге Европейской части СССР, а на путях скифских походов через Кавказ широко распространяются уже вещи скифского комплекса.

Удлиненно-ромбические бронзовые старейшие скифские наконечники стрел были найдены в степной полосе Нижнего Поднепровья, в окрестностях г. Изюма, в памятниках позднечернолесского и раннежаботинского типов (Тясминское городище, поселение на Тарасовой горе, Западное Бельское городище, Рудковецкое городище на Днестре) [Іллінська, 1973, с. 13]. На юго-западе они известны в погребениях у с. Енджи [Попов, 1930—1931, с. 102] и у с. Белоградца [Тончева, 1974, с. 27; Тереножкин, 1976, с. 34], в Болгарии, где они сопутствуют формам позднекиммерийской культуры и достаточно точно могут быть датированы временем не позднее начала VII в. до н. э.

Нам уже приходилось отмечать, что удлиненно-ромбические наконечники не могут быть связаны по происхождению с длинно-втульчатыми наконечниками, имеющими малую асимметрическую головку и относящимися к комплексу вещей новочеркасского типа [Іллінська, 1973]. Скорее всего, непосредственными предшественниками крупных длинноромбиче-

ских наконечников являются стрелы с ромбическим пером типа известных в погребениях ранних кочевников из кургана Аржан (Тува). На востоке распространение длинноромбических наконечников раннего железного века достигает границ Монголии, включает памятники майэмирского этапа на Алтае, раннесакские погребения Казахстана. Известны они также и в Поволжье. Все это дает основания полагать, что появление ромбических стрел в Причерноморье связано с формами, принесенными из глубин Степного Востока.

Едва ли можно сомневаться в том, что появление и распространение наконечников стрел связано с ранним этапом истории скифов времени их вторжения в Причерноморье, изгнания киммерийцев и ранних походов в Переднюю Азию.

КАВКАЗ — СКИФСКАЯ ДОРОГА

Кавказоведы, положившие начало изучению памятников скифского времени на Кавказе, неоднократно подчеркивали особое значение выделения скифских культурных элементов на территории различных областей Кавказа как имеющих большое значение не только для изучения истории и культуры кавказских народов, но прежде всего для осмысления ранней истории собственно скифов. «Последние работы,— пишет Б. Б. Пиотровский,— посвященные тем народам, которых мы уверенно называем термином «скифы», с очевидностью доказывают, что подойти к правильному решению «скифской проблемы» можно, лишь изучая древнее общество VIII—VI вв. на широкой территории... В данном случае отметим лишь тесные связи раннескифской культуры Северного Причерноморья с Кавказом и Закавказьем» [Пиотровский, 1959, с. 244]. К этой же теме неоднократно обращался Е. И. Крупнов, считавший, что без учета взаимодействия скифской культуры и культур народов Кавказа нельзя полностью понять и осмыслить скифскую проблему [Крупнов, 1957, с. 147; 1960, с. 11].

К сожалению, до настоящего времени мы не располагаем исследованиями, посвященными изучению скифских памятников на Кавказе в полном объеме и охватывающими различные его районы во всем богатстве и многообразии их культурных проявлений. И это не может не отразиться на освещении данного вопроса в настоящей работе.

Описывая мрачную и суровую страну, куда Могущество и Сила, повинаясь повелению Зевса, привели закованного Прометея, греческий трагик Эсхил (526—456 гг. до н. э.) назвал Кавказ «скифской дорогой» [ВДИ, 1947, № 1, с. 305]. Казалось бы, всего несколько слов. Но важно, что у греков V в. до н. э. такое сопоставление, хотя бы в виде художественного образа, оставалось вполне правомерным.

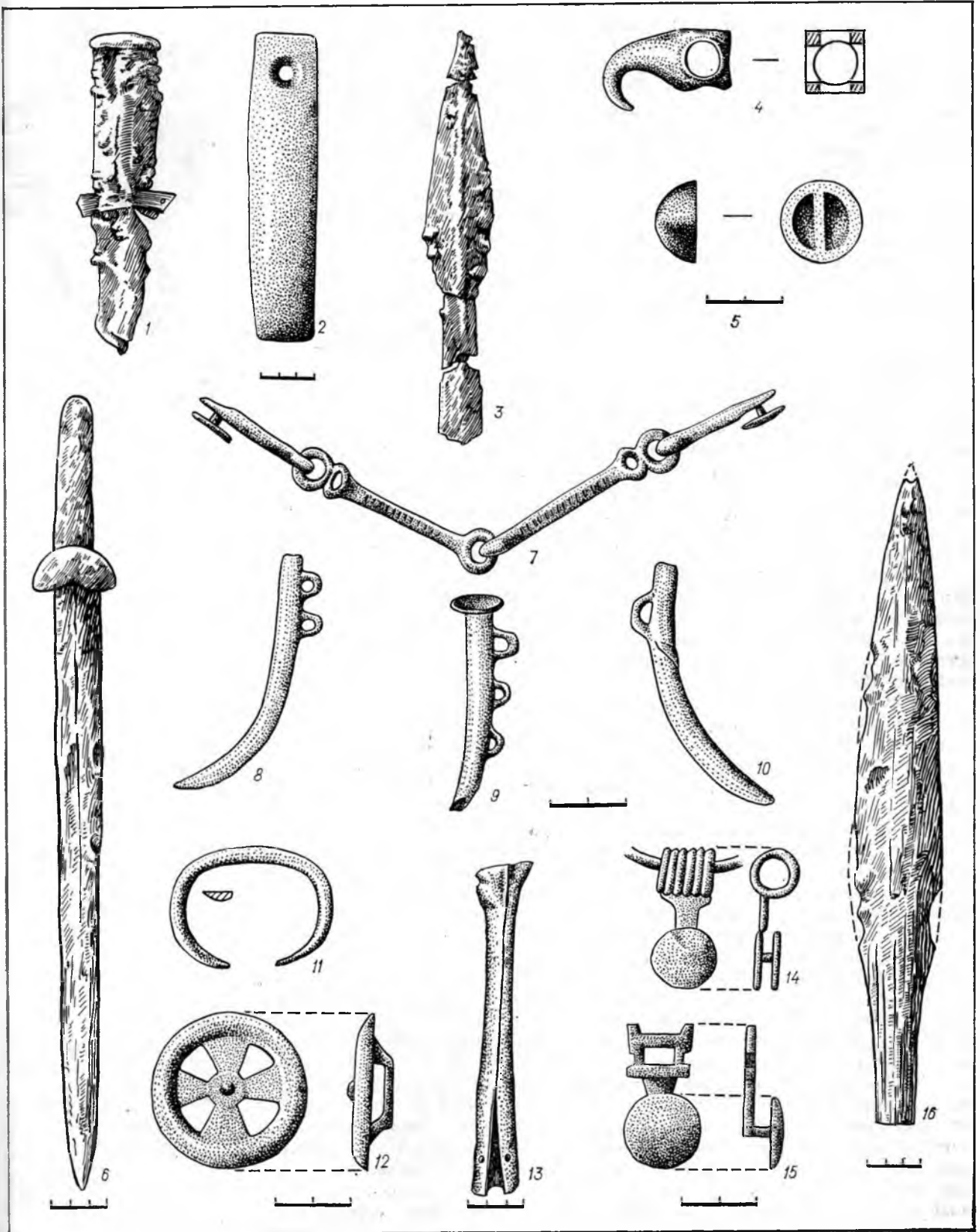
Плацдармом скифских походов служил Северный Кавказ [Мурзин, 1978]. Обращает внимание, что именно здесь оказались сосредоточены памятники, ближе всего связанные с событиями начального этапа скифских переднеазиатских походов. К их числу относятся прежде всего те, где черты вновь проявившейся культуры встречаются вместе с элементами киммерийской культуры предшествующей поры.

Среди них упомянем курган, раскопанный в 1921 г. на Каменноостском могильнике; погребение у Лермонтовского разъезда, курган у хут. Алексеевского близ Ставрополя и, вполне вероятно, находки в кургане у станицы Махошевской на Кубани.

В погребении Каменноостского могильника [Иессен, 1944, с. 20] найдены киммерийский кинжал с бронзово-железной рукоятью и железным клинком, плоский широкий оселок, железный наконечник копьей, круглая выпуклая бронзовая бляха и бронзовая пряжка-пронизь с когтевидным выступом в скифском зверином стиле.

Предметы из комплексов с киммерийскими и скифскими вещами:

1—5 — Каменноостский могильник; 6—16 — погребение у Лермонтовского разъезда.

Вещи из погребения у Лермонтовского разъезда [Иессен, 1954, с. 123, рис. 12] в основе своей относятся к кругу памятник типа Новочеркасского клада: бронзовые удила с двукольчатыми концами, трехпетельчатые псалии с изогнутым концом в виде лопасти, уздечные кольца с подвесками, бронзовый и железный наконечники копий кобанского типа и вместе с ними скифский железный акинак. Этот кинжал или короткий меч имеет сравнительно узкий, сужающийся к острию клинок, бабочковидное перекрестие и плоскую рукоять с утраченными навершием.

В кургане у хут. Алексеевского преобладали вещи скифского типа [Минаева, 1956, с. 338, рис. 2]: двое бронзовых удил со стремявидными петлями, четыре бронзовых псалия с трубчатыми отверстиями, шесть бронзовых пряжек-пронизей с четырехлучевым солярным знаком, четыре круглые бронзовые бляхи с петлей на оборотной стороне, двенадцать наконечников стрел жаботинского типа с большим ромбическим пером. Помимо вещей раннескифского типа здесь найдены два уздечных кольца с подвижными муфтами, аналогичные наборам предскифской узды.

Из хищнических раскопок у станции Махошевской происходят поступившие в Эрмитаж пара двукольчатых удил, семь псалий с тремя петлями и загнутой лопастью и два бронзовых втульчатых навершия с ажурным шаровидным бубенцом, увенчанным фигуркой оленя, и навершие без изображения, на железном стержне [Иессен, 1953, с. 60—62; Ильинская, 1963, с. 36, рис. 2, 1, 2]. Совместное нахождение наверший и предметов узды доказать нельзя, хотя, как отмечает А. А. Иессен, по своим особенностям эти навершия несомненно относятся к наиболее ранним.

Погребения в кургане Каменноостского могильника и у Лермонтовского разъезда по преобладанию в них доскифских форм, вероятнее всего, относятся к первой половине VII в. до н. э., погребение в кургане у хут. Алексеевского, по-видимому, несколько позже — середина — вторая половина VII в. до н. э. [Тереножкин, 1976, с. 126—128].

К числу древнейших свидетельств скифского продвижения через Кавказ относятся находки бронзовых наконечников стрел с массивным удлиненным большим ромбическим пером, охватывающим почти всю втулку (иногда с шипом в основании втулки). Особенно интересны находки подобных наконечников стрел на поселении раннекобанской культуры (IX—VIII вв. до н. э.) у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. В отличие от типичных для Кавказа бронзовых черенковых наконечников стрел и так называемых «площичков», встречавшихся при раскопках Сержень-Юрта по всей площади поселения, раннескифские наконечники были сосредоточены преимущественно на северной окраине и особенно близ входа в поселок [Козенкова, 1965, с. 97; Козенкова, Крупнов, 1966, с. 86]. Исследователи связывают появление этих стрел с заключительным этапом существования поселения и гибелью его во время продвижения скифов через Кавказ. Вот что пишет по этому поводу Е. И. Крупнов: «Поселок, очевидно, погиб в результате штурма скифских полчищ. На это указывает сама топография размещения на площади поселка скифских наконечников стрел раннего типа преимущественно по окраинам и следы пожаров и разрушений на поселении» [Крупнов, 1969, с. 14].

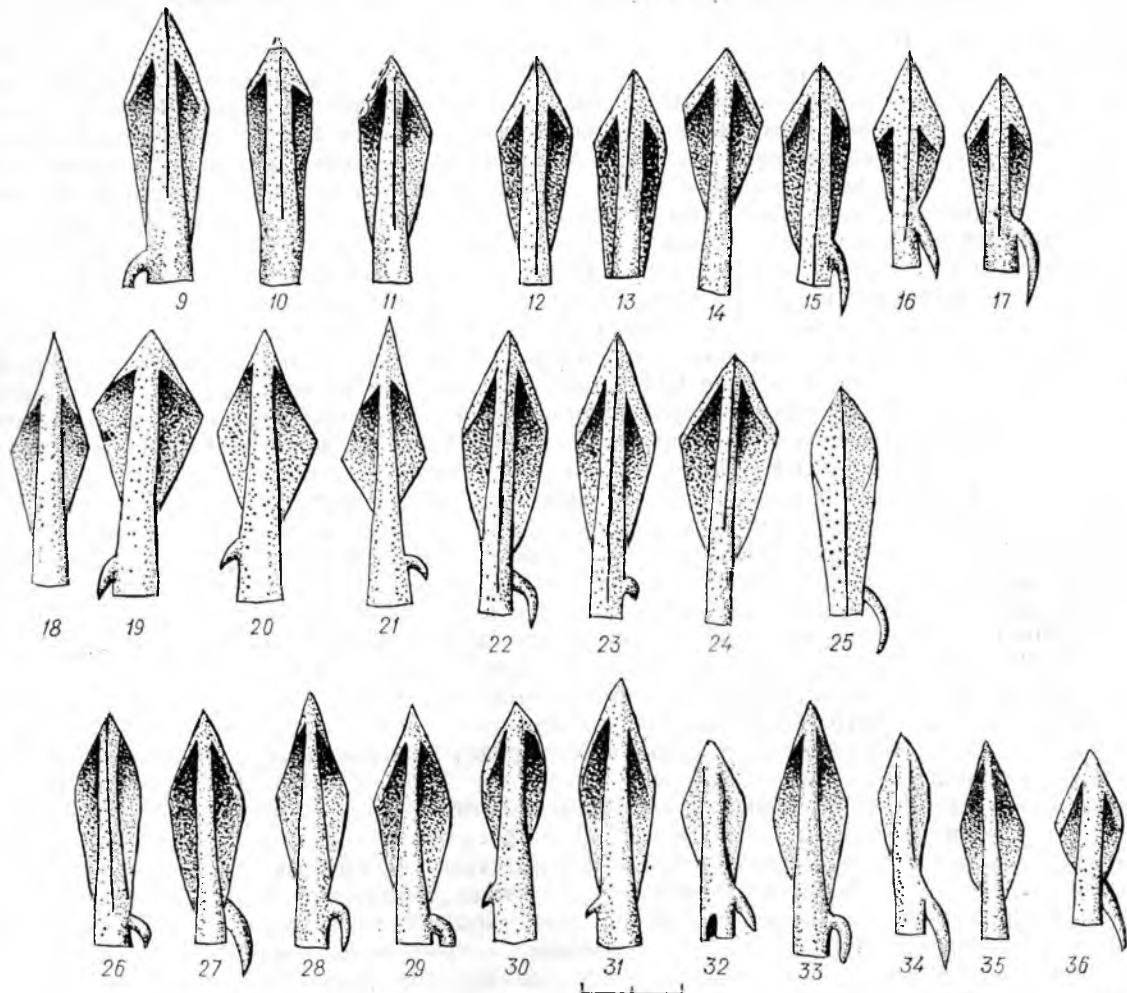
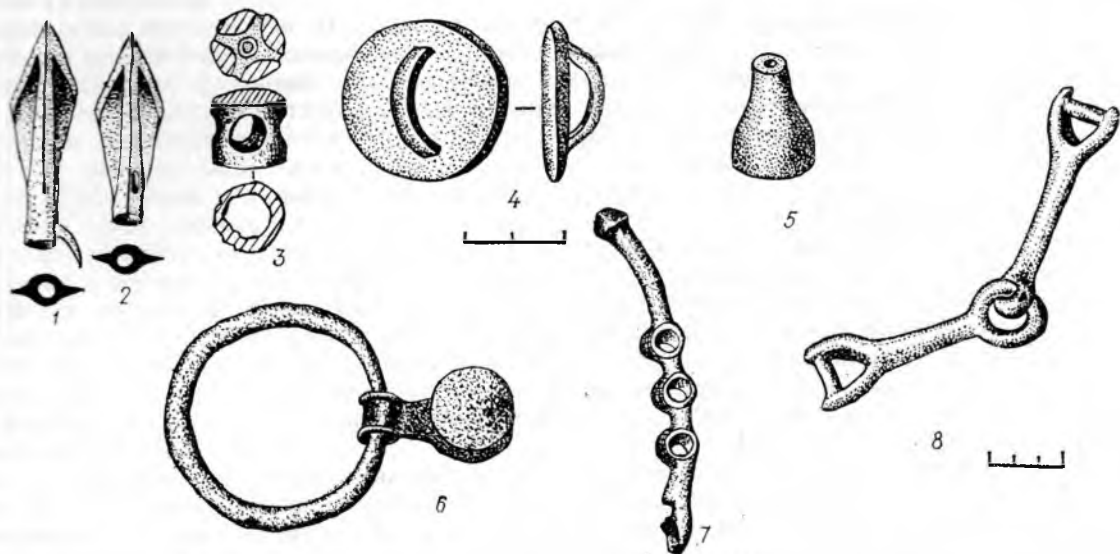
Таким образом, находки древнейших скифских наконечников стрел на Сержень-Юрте свидетельствуют об определенной исторической обстановке. Очевидно, гибели селения, произошедшей при нападении на него скифов. Поселение Сержень-Юрт расположено в восточной части предгорий Кавказского хребта, со стороны Каспийского побережья. Продвижение скифов выражается не как мирное проникновение, а как военный поход. Становится ясным, что скифская дорога была «прорублена»

Вещи из кургана у станции Махошевской на Кубани.

Материалы киммерийского и скифского происхождения:

1—3 — курган у хут. Алексеевского под Ставрополем; 9—11 — наконечники стрел из поселения Сержень-Юрт; 12—17 — наконечники стрел из окрестностей с. Ваджиган; 18—20 — из окрестностей Джерапа; 21—25 — из Ахалцихского района в Грузии; 26—36 — из Тарсуса в Киликии.

при насильственном подавлении всяких попыток воспрепятствовать продвижению скифов.

Характерно, что раннескифские наконечники стрел начала VII в. до н. э. найдены экспедицией Е. И. Крупнова в степных предгорных районах Чечено-Ингушетии, на развеечных дюнах в окрестностях с. Бажиган близ г. Грозного. Подобные наконечники стрел найдены в ряде пунктов Дагестана (Карабудахент, Дербент, Тарнаир) [Давудов, 1974, с. 188, табл. XVIII, 1—4]. Находки таких стрел в перечисленных пунктах могут свидетельствовать о далеко не мирном продвижении скифов вдоль Каспийского побережья Кавказа.

Мы упоминали, что скифские длинноромбические наконечники стрел и наконечники жаботинского типа проникают в Закавказье и далее на юг, в страны Передней Азии. Большинство наиболее ранних из них были найдены вне комплексов, как следы былых военных событий. В качестве примера назовем хранящиеся в собрании ГИМ наконечники, происходящие из Ахалцихского района Грузии. Древнейшие типы скифских наконечников известны из сборов в Тарсусе в Киликии и из Джерара в Передней Азии [Иллінська, 1973, с. 18].

Таковы наиболее древние, археологически ощутимые следы скифских походов через Кавказ. Никаких археологических доказательств появления скифов в Причерноморье в более раннее время, чем начало VII в. до н. э., и следов проникновения их на Кавказ и в Закавказье мы не имеем.

Походы скифов в Переднюю Азию не были эпизодическим военным рейдом. Они происходили на протяжении всего VII в. до н. э. в течение двух или даже трех поколений (скифы Ишпакая, Протогия, Мадия). Все новые и новые отряды скифов отправлялись из степей Северного Причерноморья, Кубани и Предкавказья в поисках военной славы и добычи. К югу от Кавказского хребта скифами были захвачены и подчинены определенные провинции, служившие им форпостом, откуда они совершали опустошительные походы по странам Передней Азии.

Уже в начале VII в. до н. э. (не позднее 674 г. до н. э.) существовало государство «страна Ишкуза», царем которого являлся Протогий (Бартатуа ассирийских источников). Как полагает И. М. Дьяконов, эта страна простиралась на более равнинные территории от Куры в районе Кировобада до района севернее Урмии [Дьяконов, 1956, с. 281], то есть размещалась в пределах современной территории южного Азербайджана и приурмийской части Иранского Курдистана. Б. Б. Пиотровский определяет местоположение «страны Ишкуза» несколько иначе. Он отмечает: «В первой половине VII в. до н. э. скифы появились в стране Мана, на юге озера Урмия. По-видимому, они пришли туда, обогнув озеро с востока без столкновения с урартами» [Пиотровский, 1959, с. 244]. Очевидно, Б. Б. Пиотровский прав, исключив область советского Азербайджана из Ишкузы. По данным современных исследований, какого-то особого места сосредоточения скифских памятников в Азербайджане не обнаружено [Халилов, 1971, с. 183; Виноградов, 1964, с. 27]. «Скифское царство» в Закавказье, по-видимому, находилось южнее, в Приурмийском районе земли Мана, в пределах нынешнего Иранского Курдистана, где найдено выдающееся раннескифское погребение у с. Зивие и происходят находки иных вещей скифского типа.

Между Северным Причерноморьем и скифским оплотом в Приурмийском районе находился Кавказ, ставший в VII в. до н. э. «скифской дорогой». Археологически это подтверждается повсеместным распространением в этот период у аборигенных племен различных территорий и культурных групп Кавказа вещей скифской материальной культуры (главным образом предметов вооружения и конского снаряжения), резко отличающихся от традиционных форм культуры (преимущественно кобанских) народов Кавказа.

Присутствие скифов и их влияние прослеживается не столько в материалах собственно скифских памятников, сколько в погребениях местных кавказских племен. Это обстоятельство представляется весьма существенным в методическом отношении. Археологические памятники с наибольшей четкостью фиксируют не непосредственное присутствие здесь самих скифов, являвшихся главной политической силой и находившихся в состоянии активных действий, а следы пребывания скифов, что отражалось на материальной культуре местного населения, сохранявшего привычный образ жизни и не вовлеченного в круговорот скифских событий. Возможно, после первых столкновений здесь сложились определенные отношения, гарантирующие беспрепятственное передвижение скифов через Кавказ в страны Передней Азии, тем более, что археологические памятники не воссоздают картину повсеместного уничтожения и разгрома на путях скифских продвижений.

По мнению М. И. Артамонова, во время скифских походов в Переднюю Азию туда переселилось почти все скифское население (с семьями и имуществом) из-за губительной засухи, поразившей Северное Причерноморье в VIII—VII вв. до н. э. [Артамонов, 1974, с. 23—26]. Для такого толкования нет решительно никаких оснований. Прежде всего исследователи древнего климата и растительности Украины категорически отрицают версию о существовании сколько-нибудь серьезного засушливого периода в I тысячелетии до н. э. К тому же страны Передней Азии, отделенные от Причерноморья таким трудно проходимым путем, как Кавказ, являлись не лучшим местом для спасения от засухи. Если бы таковая и была, то к северу от степей расположена обширная лесостепная зона, земледельческое население которой, насколько можно судить по данным археологии, не испытывало сколько-нибудь серьезных трудностей в связи с климатическими изменениями. Поведение скифов в Передней Азии отнюдь не соответствует представлению о трудовой деятельности народа, стремившегося осесть во вновь занятой стране.

Письменные и археологические источники свидетельствуют, что основной землей скифов оставалась страна к северу от Кавказа. Особенно интересен в этой связи рассказ Геродота о возвращении скифов в Причерноморье [IV, 1, 3, 4], из которого следует, что после двадцативосьмилетнего пребывания «на чужбине» (события похода Мадия) скифы возвратились «на родину». В их отсутствие семьи оставались в Причерноморье. Поскольку события скифской войны с «потомками рабов» происходили на Керченском полуострове, можно считать, что основным районом обитания семей скифов являлась восточная часть Азово-Причерноморских степей и, по-видимому, также степи Северного Кавказа, где сосредоточены особо ранние скифские погребения, в том числе такие выдающиеся памятники, как погребения в курганах Темир-Гора и Цукур-Тиман.

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Признавая значение Дербентского прохода вдоль Каспийского моря в качестве основного и наиболее древнего пути проникновения скифов в Переднюю Азию, ученые вместе с тем считают, что скифы использовали и другие пути в Закавказье: через Белореченский перевал на западе, а также Дарьяльское ущелье и Мамисонский перевал в районе Центрального Закавказья [Крупнов, 1960, с. 63, 67, рис. 4; Пиотровский, 1959, с. 245], чем и объясняется широкое распространение предметов скифского типа в Азербайджане, Грузии, Армении, Абхазии.

Азербайджан. В Восточном Закавказье к числу древнейших памятников, связанных со скифами, относится так называемый Малый курган в Мильско-Карабахской степи [Иессен, 1965, с. 22]. Здесь, в могильной яме с подбоем, обнаружено захоронение человека в скорченном поло-

жении на правом боку, головой на запад, в сопровождении чернолощеных сосудов местного производства. Кроме того, в могиле лежали: конский череп, предметы конского убора, сердоликовые и костяные бусы, белый и голубой пастовый бисер. Из предметов конского убора найдены бронзовые удила с псалиями жаботинского типа, пять прорезных бронзовых блях, обломок нижней части пластины от большого конского налобника, подобного кубанским [Манцевич, 1858, с. 459], украшенного пуансонным орнаментом и изображениями фигурок животных. А. А. Иссен датировал это захоронение второй половиной VII в. до н. э.

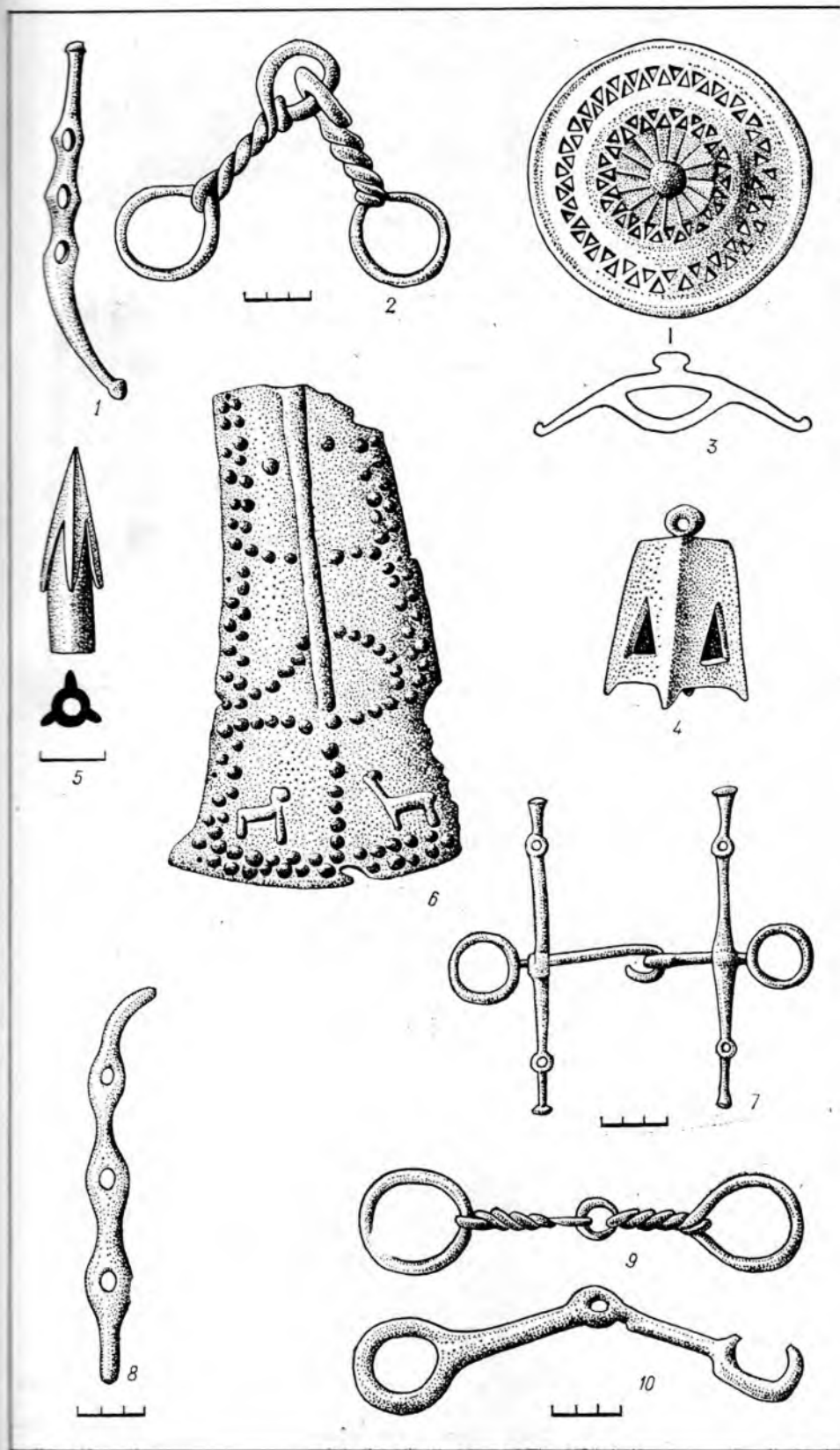
Помимо описанного погребения к древнейшей скифской поре относится ряд погребений в курганах Мингечаура. Здесь открыты погребальные памятники с одиночными, преимущественно ограбленными захоронениями в скорченном положении, сопровождавшиеся большим количеством вещей, приношениями мелкого и крупного рогатого скота, свиней, собак и лошадей. Всего здесь обнаружено до 30 лошадей, многие из которых положены с предметами конской узды [Арсланов, Ваидов, Ионе, 1959]. Рассмотрение мингечаурской узды позволило нам отнести ряд уздечек (а соответственно и комплексы, в которых они были найдены) к VII в. до н. э. [Тереножкин, 1971а, с. 71]. В мингечаурских курганах и раскопанном в этой же местности большом грунтовом могильнике наряду с вещами закавказского типа (литые удила с большими кольцами и напускными псалиями, стрелы типа «площиков», местная керамика и др.) найдены псалии жаботинского типа, скифские наконечники стрел, оружие из железа, в том числе скифского типа [Ионе, 1953, с. 81—98]. К сожалению, все эти вещи в свое время были изъяты из комплексов и в большинстве не опубликованы, а возраст мингечаурских могил чрезмерно удревлен исследователями. Однако эти находки несомненно свидетельствуют о значительном проникновении в местную среду элементов скифской культуры.

Дж. А. Халилов приводит дополнительные сведения о находках скифских вещей на территории Азербайджана. Это главным образом наконечники стрел, обнаруженные в каменных ящиках местной ходжалы-кедабекской культуры при раскопках в окрестностях сел Кедабек, Каякент и на Апшероне. Грунтовое погребение со скифскими наконечниками стрел открыто при раскопках поселения Сарытепе. Во всех случаях автор отмечает, что наконечники стрел относятся к VII—VI вв. до н. э. Интересно, что в одном из женских погребений грунтового могильника Мингечаура найдено бронзовое зеркало так называемого ольвийского типа с ручкой, заканчивающейся фигуркой животного [Халилов, 1971, с. 183—187, рис. 3]. Это крайний юго-восточный пункт находки подобных зеркал. Зеркало, а также некоторые сравнительно поздние наконечники стрел, опубликованные Г. И. Ионе, свидетельствуют о том, что взаимоотношения племен Азербайджана со скифами, начавшиеся в VII в. до н. э., продолжались до конца VI — начала V в. до н. э.

В окрестностях Кировобада найдена глиняная скульптурная головка бородатого мужчины, трактуемая как головка скифа [Крупнов, 1940, с. 170].

Грузия. Не меньший интерес представляют памятники на территории Грузинской ССР, куда скифы проникли через Дарьяльское ущелье, а также из Дигории через Мамисонский перевал по нынешней Военно-Грузинской дороге.

В Карельском районе в Центральной Карталинии, у селения Двани, в могильнике иберо-колхского (древнегрузинского) населения со скорченными захоронениями в грунтовых, обложенных камнями ямах, найден ряд скифских вещей. В погребении № 2 этого могильника обнаружен боевой топор с кинжаловидным клинком и два бронзовых трехлопастных наконечника стрел с шипами. В погребении № 11 найдены: железный акинак, боевой топор скифского типа, два бронзовых архаиче-

Предметы кавказского происхождения:
1-6 — Малый курган в Мильско-Карабахской степи; 7-10 — курганы Мингечаура (Азербайджан).

ских наконечника стрел; за спиной погребенного лежали череп и конечности коня, а также железные удила [Макалатия, 1949, с. 225 сл.].

О проникновении скифского вооружения и узды в иберо-колхскую культуру свидетельствуют погребения знаменитого Самтаврского могильника близ Мцхеты. Время непрерывного существования могильника охватывает почти тысячу лет (с XV по VI в. до н. э., отражая развитие местной культуры от эпохи бронзы до раннего железного века). Где-то в конце VII в. до н. э. сюда попадают многочисленные предметы скифского производства. Так, в погребении № 27 (раскопки 1938 г.) наряду с вещами и керамикой местного типа найдены колчаный набор наконечников стрел жаботинского типа, архаический акинак и кавказский двулезвийный боевой топор. Аналогичные им акинаки изготовлялись и в Скифии [Петровська, 1968, с. 164 сл.]. Не менее значителен комплекс погребения № 106, где среди кавказских вещей обнаружены костяные «гвоздики» от скифских колчанов и обломки костяных псалей с резьбой в скифском зверином стиле (обломок головки грифобарана, нижние концы псалей с конским копытцем и орнаментом в виде «выемчатых треугольников») [Абрамишвили, 1957, с. 115 сл.]. В ряде погребений Самтаврского могильника оказались архаические скифские наконечники стрел, конические пастовые бусы-розетки, пастовый бисер, раковины каури, браслеты со змеиными головками. Как отмечает Р. Абрамишвили, аналогичные погребения со следами скифского влияния обнаружены также около сел Цицамури, Бешташени в Манглиси, на правом берегу Бешкен-су, могильнике Земолиса и др. [Абрамишвили, 1957, с. 132; Куфтин, 1941, с. 42].

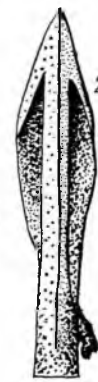
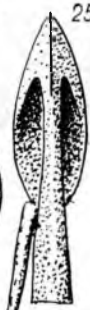
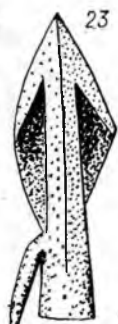
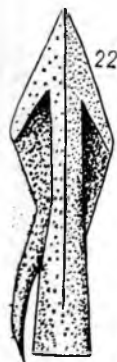
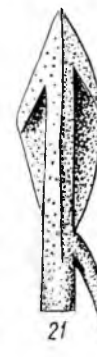
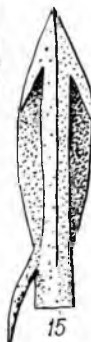
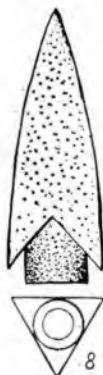
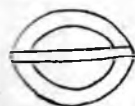
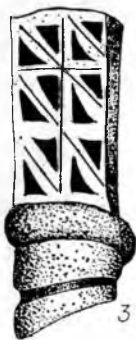
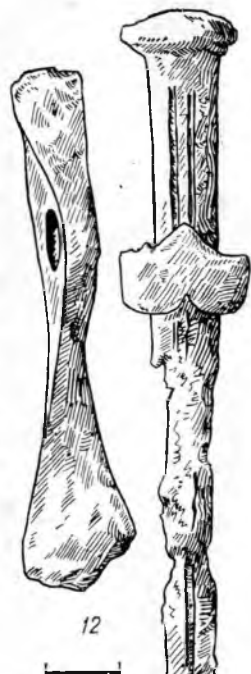
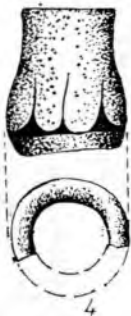
Большинство исследователей датирует кавказские комплексы с вещами скифского типа VII—VI вв. до н. э., главным образом руководствуясь временем тех или иных скифских вещей из комплексов Северного Причерноморья. Однако в ряде случаев кавказские находки являются более древними по сравнению с причерноморскими. Особенно выразительно это прослеживается в тех случаях, когда предметы скифского типа встречаются вместе с местным инвентарем, позволяющим определить время погребений. Важными в этом отношении являются погребения могильника у с. Тли южнокобанской культуры в Юго-Осетии, исследованные Б. В. Теховым.

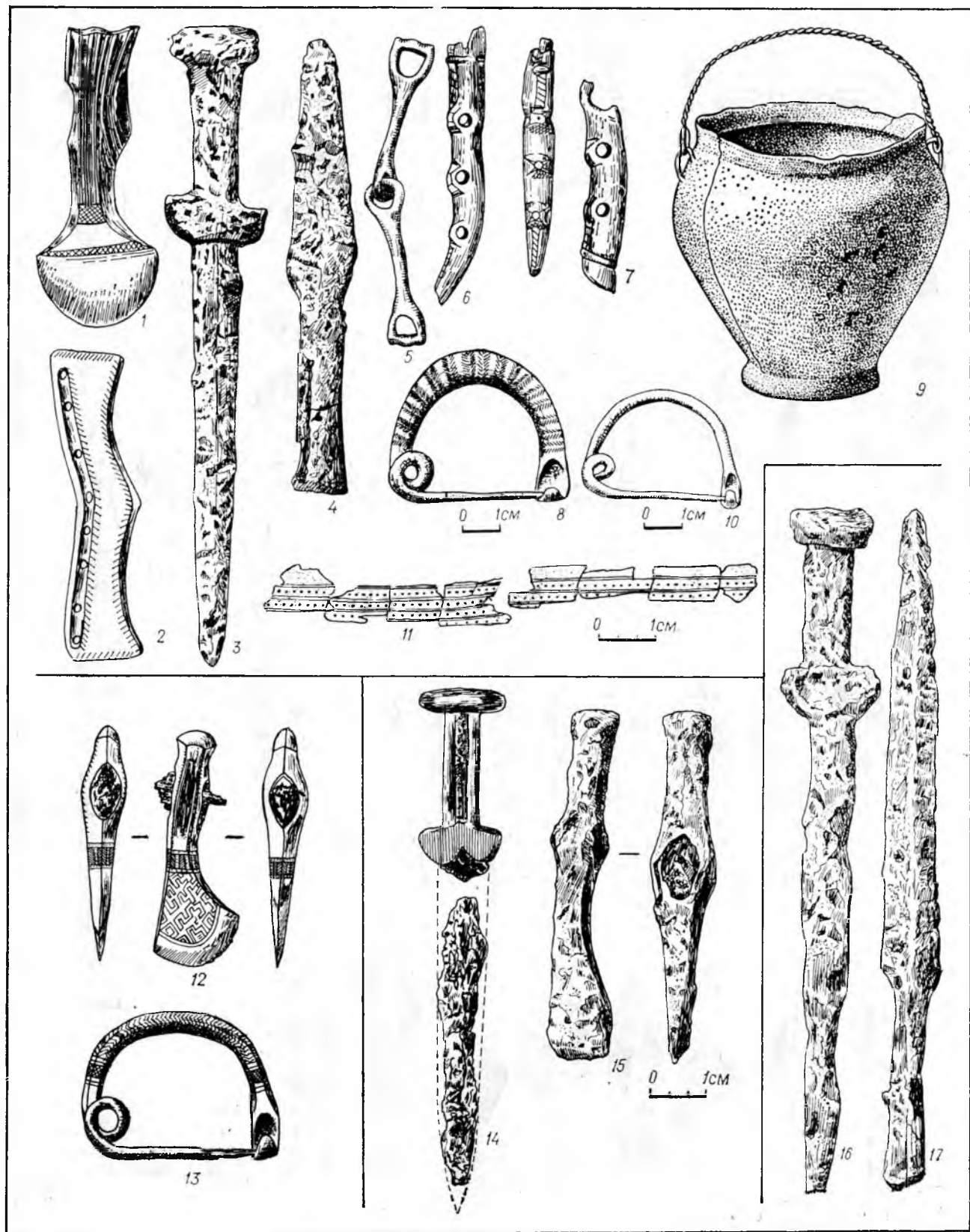
Этот могильник, как и Самтаврский, функционировал от эпохи бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.) до раннего железного века. Господствующим являлся обряд скорченного труположения в грунтовых ямах, обложенных камнями и деревянными перекрытиями. В погребении № 68 наряду с бронзовым топором колхидского типа, бронзовыми ситулами, деталями бронзовых кавказских поясов найдены: железный скифский акинак, наконечник копья, бронзовые удила со стремечковидными петлями, костяные роговидные псалы с солярными знаками на местах трех выступов. Псалы и удила обнаружены у черепа коня, лежащего перед скелетом человека. В погребении № 93 найдены железный скифский акинак, секира-молоток, копье и оселок на бронзовой цепочке, а вместе с ними остатки бронзового пояса, миска и фибула [Техов, 1963, с. 162; 1980, с. 220]. В погребении № 85, где были найдены бронзовый пояс, дуговидная фибула, бронзовый топор, украшенный меандровым орнаментом, ситула с проволочной дужкой, оказались агчак с биметаллической рукоятью, железный нож и оселок. В погребении № 129 найдены: бронзовый топор с изображением животного, бронзовые миски, оселок на цепочке, железный акинак и наконечник стрелы с удлиненно-ромбическим пером наиболее раннего (VII в. до н. э.) скифского типа [Техов].

В могиле № 16 железный топор типа секиры-молотка и клинок кинжала лежали вместе с бронзовой вазой, ручки которой украшены ушастыми звериными головками; кроме того, здесь найдены бронзовая фибула и концевые пластины пояса [Техов, 1963, с. 162]. При погребении

Вещи из Самтаврского могильника (Грузия):

1—11 — погребение № 106; 12—30 — погребение № 27.

№ 164 открыты прекрасная железная секира с клиновидным обухом, железный акинак с бронзовым наконечником ножен в виде свернувшегося в полукольцо хищника. Скифские акинаки с деревянными ножнами, заканчивающиеся костяными наконечниками, украшенными свернувшимися в полукольцо фигурками «пантер», обнаружены в погребении № 216. Интересно, что ножны большого изогнутого железного ножа украшены таким же костяным наконечником, а ножны железного кинжала кавказского типа из погребения № 246 — костяным наконечником в виде головки грифона, выполненного в духе скифского звериного стиля. Что касается изображений свернувшихся в полукольцо животных на наконечниках из бронзы и кости, то они сохраняют лишь схему скифских свернувшихся хищников кошачьей породы, в то время как само

←
Вещи из Тлийского могильника (Юго-Осетия):

1—11 — погребение № 68; 12—14 — погребение № 85; 15—17 — погребение № 93.

Вещи из Тлийского могильника:

1, 2 — погребение № 106; 3—5 — погребение № 128; 6, 7 — погребение № 129; 8, 9 — погребение № 164; 10—12 — погребение № 216; 13 — погребение № 258.

животное сильно видоизменено, аморфно и не имеет специфических черт скифской стилизации, очевидно, представляя местную переработку скифского мотива [Техов, 1980, с. 25].

Б. В. Техов справедливо отмечает, что в VII в. до н. э. «культура ираноязычных скифов в определенной степени оказывала влияние на культуру местных кавказских племен, но... не смогла вытеснить из употребления местных форм оружия и утвари» [Техов, 1963, с. 170]. Исследователь датирует погребения Тлийского могильника со скифским инвентарем VII—VI вв. до н. э. В общем смысле это правильно. Однако мы считаем, что имеются данные для более уверенной датировки — VII в. до н. э. — как времени появления вещей скифского типа в погребениях населения южнокобанской культуры.

В памятниках Северного Причерноморья предметы кавказского импорта встречаются, как правило, в комплексах VIII и VII вв. до н. э. Среди них назовем бронзовые топор из Новочеркасского клада, миску и биконические пронизи из клада на Залевкинском городище чернолеской культуры, сосуды с ручками в зверином стиле, происходящие из поселения Тарасова Гора у с. Жаботина, основной культурный слой которого относится к VII в. до н. э. Наиболее поздними в этой серии могут считаться бронзовый сосуд, найденный в погребении № 15 у с. Константиновка [Ильинская, 1975, с. 28], и обломок бронзовой ручки с головкой зверя из кургана № 2 у станицы Келермесской [Крупнов, 1952, с. 23], время которых может определяться рубежом VII—VI вв. до н. э.

В пределах Украины известно несколько случаев находок кавказских боевых топоров. Такие же топоры найдены у г. Лубны, у Куряжского монастыря [Тр. VIII АС, т. IV, 1897, табл. XXXII; Багалей, 1905, с. 11], в окрестностях г. Киева [Городцов, 1910, с. 341]. Ни разу эти топоры не были связаны с раннескифскими вещевыми комплексами. В памятниках Северного Кавказа бронзовые кавказские топоры также не встречаются с вещами скифского типа. Все это заставляет полагать, что ряд погребений Тлийского могильника (такие, как № 16, 68, 85, 128—130) относится к раннему VII в. до н. э., не позднее его первой половины. К несколько более поздней поре — второй половине — концу VII в. до н. э. — следует относить захоронения в погребениях № 93, 106, 164, 205, 216, 246, 258 [Техов, 1979], где предметы из железа, в том числе скифского типа, а также костяные и железные изделия в зверином стиле представлены не менее выразительно, чем кобанская бронза.

Большинство находок вещей скифского типа из Грузии относится к VII и VI вв. до н. э. Предметы V в. до н. э. здесь встречаются довольно редко, это несколько мечей с волнообразными навершиями из могильника Геби *. Количество акинаков и железных боевых топоров в Закавказье столь велико, что Г. Ф. Гобеджишвили и Б. В. Техов высказали мысль об их кавказском происхождении [Гобеджишвили, 1952, с. 188; Техов, 1971, с. 217]. В отношении топоров это вполне возможно. На Кавказе в эпоху поздней бронзы и начала железа такой вид оружия представлен многочисленными и разнообразными вариантами; с начала железного века здесь появляются железные топоры, вначале копирующие форму бронзовых. Позднее вырабатываются новые формы, многие из которых чрезвычайно близки к топорам из архаических скифских комплексов [Ильинская, 1961, с. 49; Ильинская, 1975, с. 102 сл.].

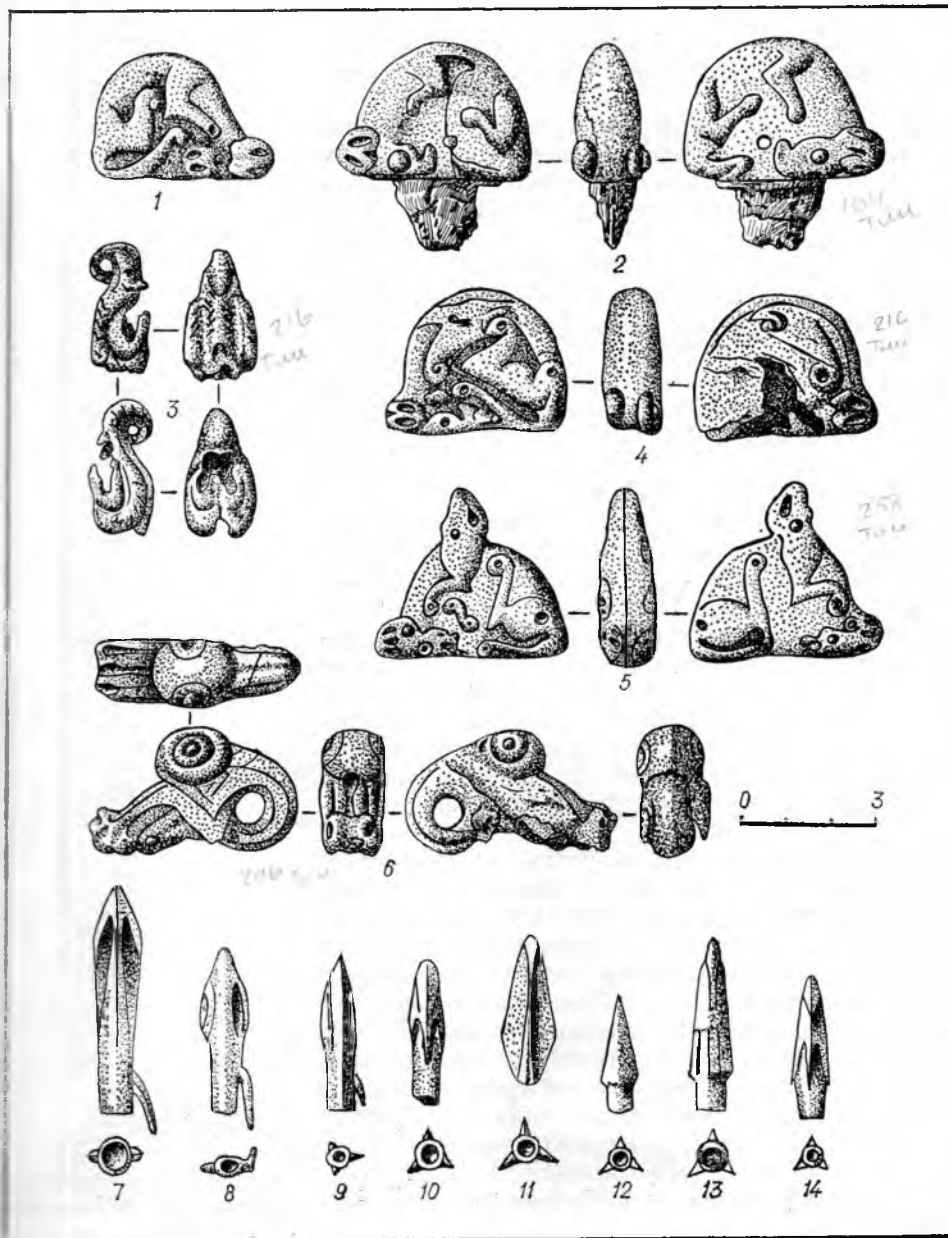
Что касается акинаков, то данные, позволяющие связать их происхождение с Кавказом или со странами Передней Азии, отсутствуют. В период бронзы и начала железного века здесь господствуют свои, совершенно особые типы мечей и кинжалов, не имеющие ничего общего с формами скифских акинаков. Прототипов для них нет и в памятниках предскифского типа в Причерноморье. Мы считаем, что форма скифских мечей складывалась на востоке Евразии, в основу которых легли кинжалы карасукского типа [Тереножкин, 1975, с. 31; 1976, с. 130]. Появ-

* Любезное сообщение автора раскопок Г. Ф. Гобеджишвили.

ление акинаков скифского типа у народов Кавказа под влиянием последних не вызывает сомнения. Датировка древнейших скифских мечей исключает влияние на их формирование кинжалов и мечей ахеменидского Ирана, что в свое время было отмечено Б. Б. Пиотровским [Пиотровский, 1959, с. 248].

Подытоживая данные о скифских памятниках Центрального Закавказья, отметим отсутствие здесь непосредственного контакта со скифской кочевой средой, что характерно для Северного Кавказа. Здесь такой контактирующей группой являются военные отряды скифов, продвигавшихся через Кавказ. Из элементов скифского инвентаря преобладают: стрелы, акинаки, боевые топоры, колья, предметы конского снаряжения. Время основных контактов падает на VII и начало VI вв. до н. э.

Изделия в зверином стиле и наконечники стрел из Юго-Осетии:

1 — бронзовый наконечник ножен из с. Рух; 2 — бронзовый наконечник ножен из погребения № 164 у с. Тли; 3 — костяной предмет из погребения № 216 у с. Тли; 4 — бронзовый наконечник ножен из погребения № 216 у с. Тли; 5 — бронзовый наконечник ножен из погребения № 258 у с. Тли; 6 — костяной наконечник ножен из погребения № 246 у с. Тли. Бронзовые наконечники стрел: 7 — из погребения № 129 у с. Тли; 8—14 — из разных мест Юго-Осетии.

Армения. Весьма интересную картину дают памятники Армении. Следов наиболее раннего появления скифов, соответствующих группе раннего Мингечаура, здесь не прослеживается, хотя местные памятники этого времени, в том числе с удилами, аналогичными мингечаурским, здесь известны [Мартirosян, 1964, с. 145]. Это подтверждает мнение исследователей, что во время своих ранних передвижений скифы избегали столкновения с Урарту и проникли в Переднюю Азию, обходя оз. Урмия с востока.

Картина резко меняется во второй половине и конце VII в. до н. э. Крушение Ассирии, борьба за ее наследство, возвышение Мидии, падение Урарту создали благоприятные условия для грабительских рейдов скифов, не отличавшихся верностью союзникам и преследовавших весьма корыстолюбивые цели. Государство Урарту, потерявшее былую мощь, также становится объектом скифских падений. После разгрома Ниневии скифы в составе кочевых племен, проникших в Закавказье, совершили опустошительный поход, разрушив многие урартские города, в том числе Топрах-кале, Хайкаберд, где были найдены раннескифские наконечники стрел.

Особенно яркая картина скифского нашествия прослежена при исследовании на холме Кармир-Блур, где находился один из крупнейших административных центров северной части Ванского царства — Тейшебаини, город бога Тейшебы, построенный в середине VII в. до н. э. урартским царем Русой II. Раскопки показали, что еще до того, как крепость была взята и разрушена, ее обитатели поддерживали определенные отношения со скифами. В кладовых цитадели обнаружены бронзовые скифские втульчатые наконечники стрел, употреблявшиеся урартцами наряду со своими железными черенковыми [Пиотровский, 1959, с. 240—241]. Из других предметов скифского вооружения здесь найдены акинак, длинный (88 см) меч, аналогичный раннескифским, и другие фрагменты скифских мечей и кинжалов. Найден также костяной наконечник ножен (по-видимому, от акинака), изготовленный в виде свернувшегося животного [Пиотровский, 1959а, с. 177].

В одном из помещений главных ворот цитадели была обнаружена так называемая «комната привратника», где лежали заготовки из оленьего рога, сделанная из рога рукоять ножа и вырезанная из кости головка грифо-барана [Пиотровский, 1954, с. 142]. Кроме того, в помещениях цитадели найдено не менее пяти вырезанных из кости головок орла, барана, грифо-барана. Одна из головок лежала около распиленных заготовок [Пиотровский, 1959, с. 242]. Из прочих изделий в скифском стиле следует назвать четырехгранные костяные палочки, украшенные расположенными вертикально концентрическими кругами, выемчатыми треугольниками, орлиными головками [Пиотровский, 1955, с. 17, рис. 9]. Отдельно найдена костяная бляха с фигурками двух противостоящих животных [Пиотровский, 1959, с. 255, рис. 88 а].

Из раскопок на Кармир-Блуре происходит несколько уздечек скифского типа. На скелете лошади, погибшей при штурме, найдены серебряный фалар с полусферической выпуклостью в средней части, две пряжки-пронизи в виде птичьего когтя и две — в виде трехлучевого солярного знака; второй убор, найденный в винной кладовой, состоял из железных удил, псалий с загнутым концом и тремя петлями, бронзовых пряжек-пронизей, из которых три в виде орлиной головки и одна — головки барана. Третья уздечка, найденная в помещении № 18, имела железные удила, костяные пластинчатые псалии с тремя отверстиями в средней части и копытцем на нижней (головки животных на верхних концах, к сожалению, пострадали от огня). Здесь также встречены пряжки-пронизи в виде птичьего клюва и одной цилиндрической [Пиотровский, 1954, с. 142]. Из украшений встречены пастовые конические бусы-розетки, типичные для раннескифских ожерелий.

Костяные и металлические изделия из Кармир-Блура (Армения).

Падение крепости Тейшебаани, в штурме которой приняли участие скифские отряды, Б. Б. Пиотровский относит к 590—585 гг. до н. э. — ко времени, непосредственно следовавшему за взятием мидийцами столицы Урарту Тушпы [Пиотровский, 1959а, с. 186]. Следовательно, связи жителей Тейшебаани со скифами относятся к предшествующему периоду.

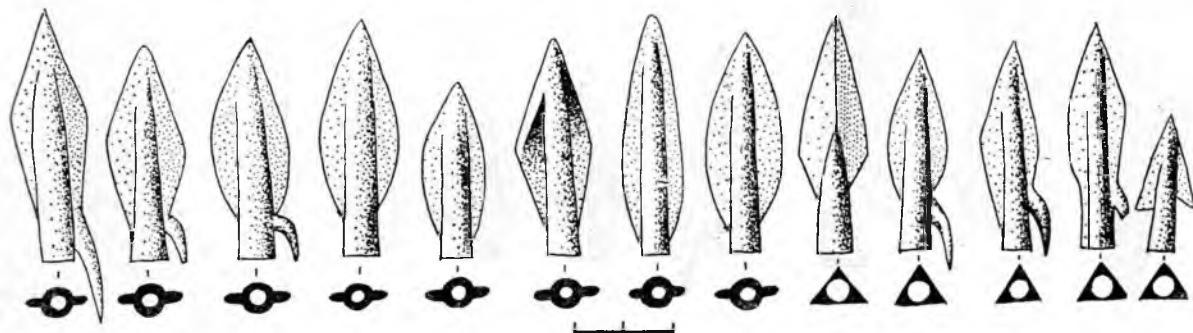
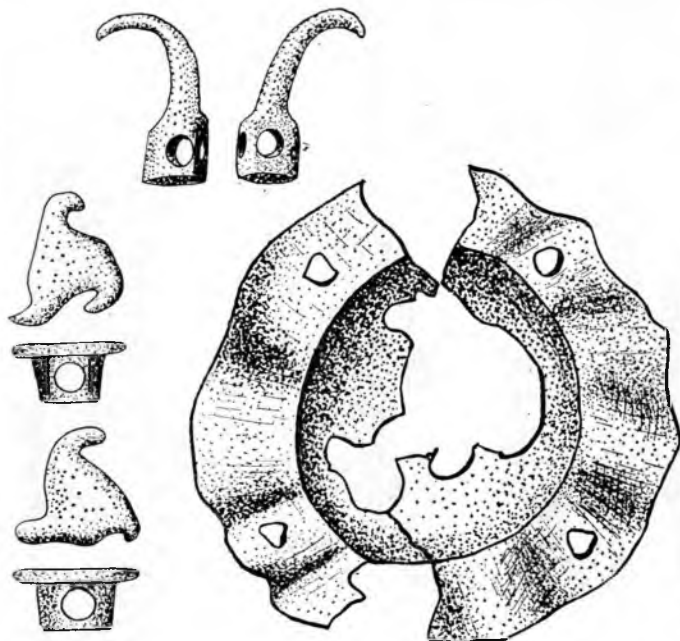
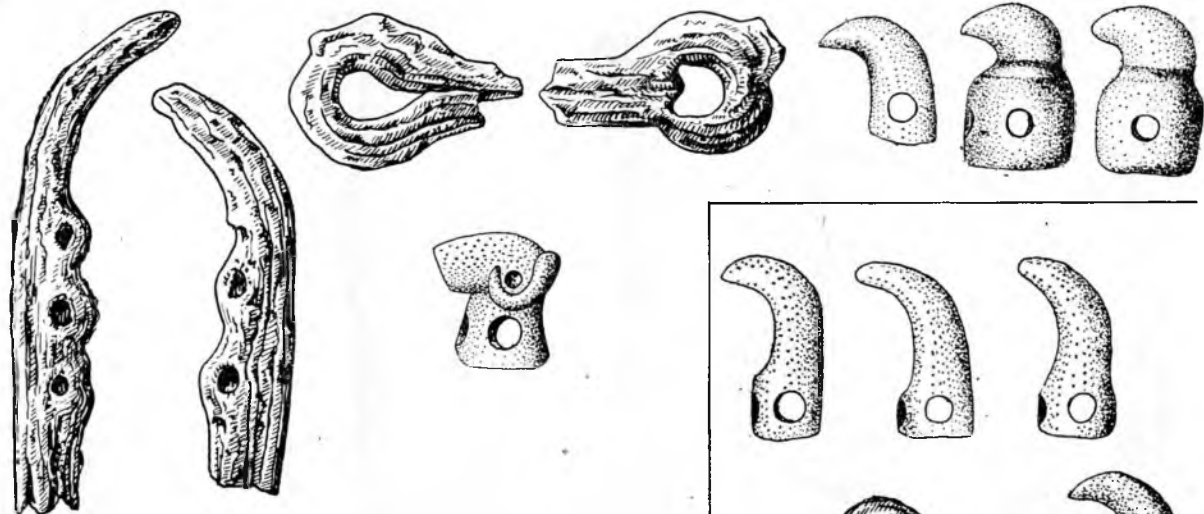
Скифские наконечники стрел найдены в обрушившихся сырцовых стенах, в слоях руин и пожарищ у внешней линии оборонительных стен цитадели, преимущественно около северо-западных ворот. Исследователи не делали попытки расчленить находки на какие-нибудь хронологические группы. В совокупности с позднеурартийскими предметами они датируют скифские вещи из Кармир-Блура второй половиной VII — началом VI вв. до н. э.

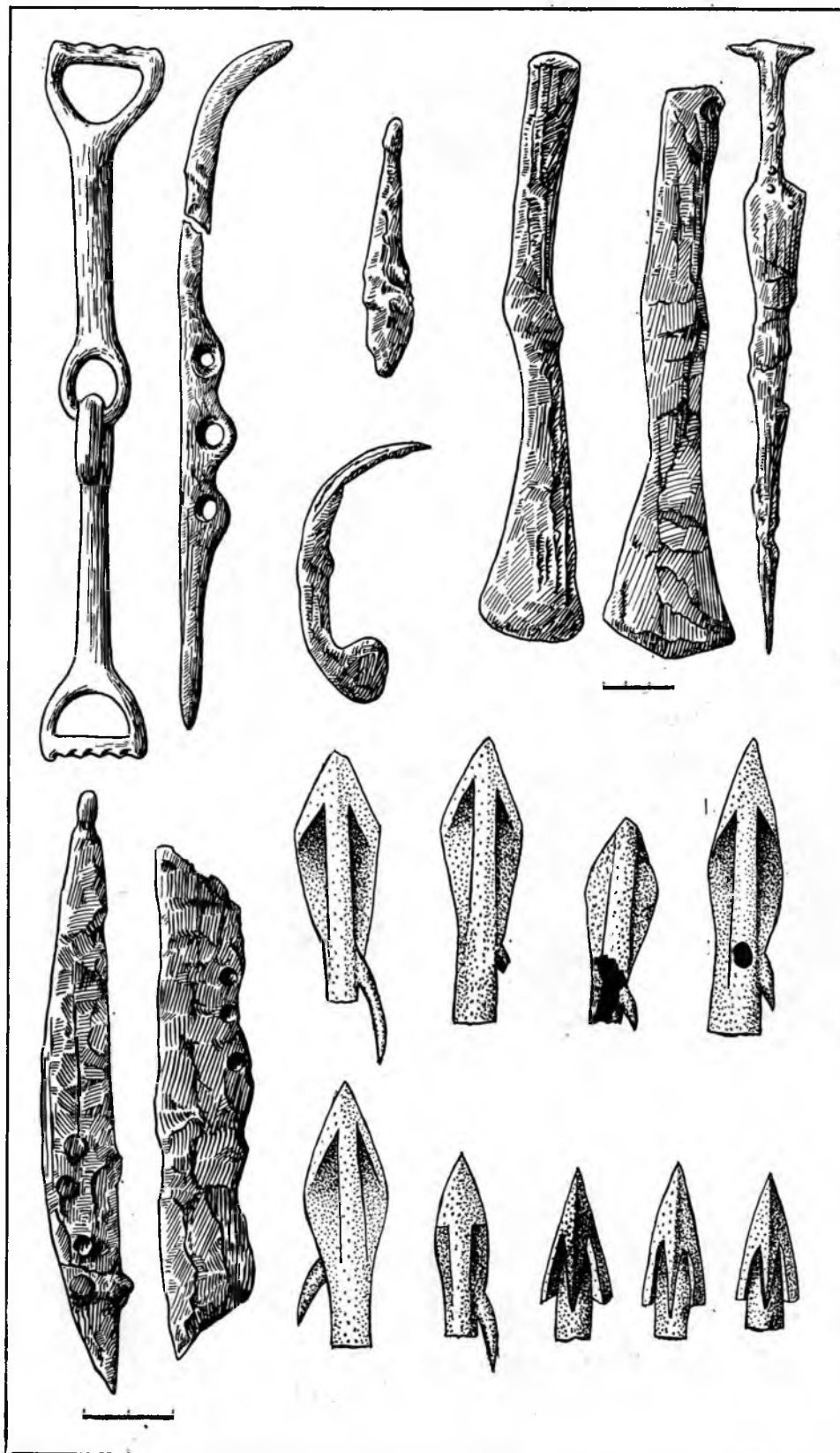
Абхазия. Количество скифских памятников на территории Абхазии сравнительно невелико. Здесь отсутствует материал, относящийся к раннему VII в. до н. э., связанный с начальными этапами скифских походов. Из числа абхазских памятников значительный интерес представляет захоронение у с. Куланурхва в окрестностях г. Гудауты. Большинство погребений куланурхского могильника принадлежит абхазскому населению колхидской культуры. Одно захоронение принадлежало скифскому воину или же человеку, близко связанному со скифской средой. В неглубокой грунтовой яме лежал скелет мужчины в вытянутом положении на спине, головой на запад. Слева от черепа лежали два железных топора типа секиры-молотка. У подбородка — обломок серебряного предмета, похожего на конец гривны со следами орнамента; с левой стороны, возле таза — железный кинжал кавказского типа, нож и обломок фибулы. Справа от ступни умершего — 13 бронзовых наконечников стрел, из которых 5 жаботинского, а остальные келермесского типа. Кроме того, в колчане найдено пять железных наконечников.

Рядом с могилой человека в отдельной яме обнаружено погребение коня. От уздечки сохранились бронзовые удила со стремечковидными петлями и железными стержневидными псалиями с загнутыми концами и тремя петлями [Трапш, 1970, с. 108 сл.]. Наконечники стрел и принадлежности узды очень близки найденным в Кармир-Блуре, что позволяет отнести это погребение к концу VII, рубежу VII—VI вв. до н. э. и связать со временем завершения скифских переднеазиатских походов [Воронов, 1974, с. 23].

Интересен также железный акинак в бронзовых ножнах, найденный в с. Колхида Гагрского района. Акинак обычного раннескифского типа, а ножны — кавказской работы, однако приспособленные к форме акинака с сердцевидным перекрестием [Трапш, 1954, с. 139—142].

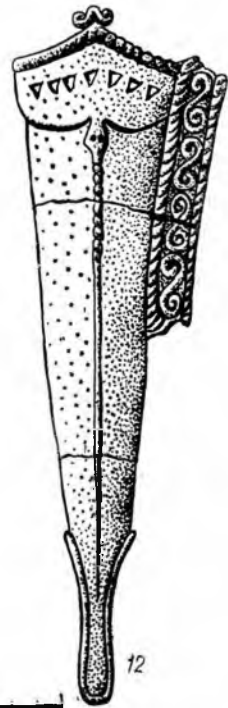
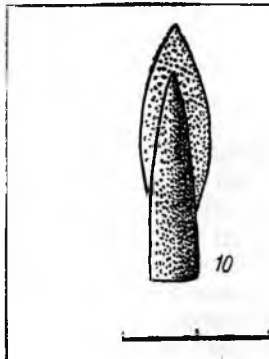
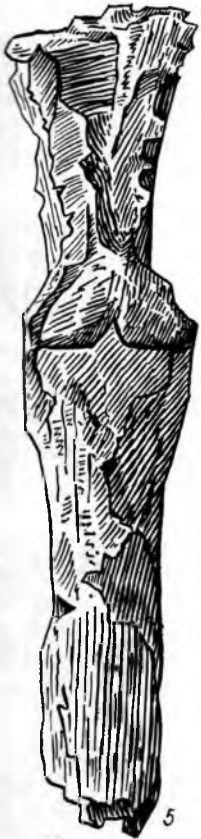
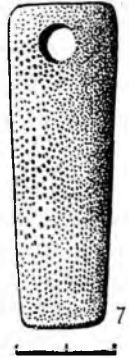
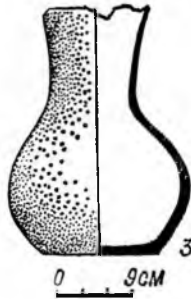
В погребении № 12 могильника Красный Маяк возле г. Сухуми найден скифский акинак с сердцевидным перекрестием, а в погребении № 82 — бронзовый трехлопастный наконечник стрелы. Особенно интересно сильно скифизированное погребение № 8 на Сухумской горе Гуадику. В погребении мужчины, лежащем в вытянутом положении, частично подвергшемся кремации, ориентированного головой на запад оказались: на шее — гешировые бусы и глазчатая бусина из синей пасты; на груди — три бронзовые бляшки в виде фигурок козлов с поджатыми ногами. В отделке бляшек (плетенка по краю) и моделировке заметны кавказские традиции. На левой руке умершего — бронзовый рубчатый браслет с концами в виде головок ушастых животных. На правой — перстень с овальным щитком, на котором вырезано изображение птицы. У пояса слева — скифский акинак и рядом бронзовая проволочная цепочка; у кисти правой руки — железный скифский нож со следами деревянной рукояти и оселок с отверстием. В ногах — два наконечника копий, из которых один был воткнут в землю. Второе копье раннескифской формы с лавролистным пером и высокой нервюрой [Трапш, 1969, с. 26, 93, 138].

Предметы из погребения у с. Куланурхва в Абхазии.

План и предметы из погребения № 8 на горе Гуадику (Сухуми) (1—9). Наконечник стрелы из погребения № 82 могильника Красный Маяк (Сухуми) (10), железный акинак и бронзовые ножны, найденные у с. Коллида близ Гудаут (Абхазия) (11, 12).

Ю. Н. Воронов собрал данные о находках вещей скифского типа на территории Абхазии. Им выделена группа скифских бронз V в. до н. э., полностью соответствующих бронзам Прикубанья. По его мнению, население Абхазии продолжало поддерживать экономические и культурные связи с населением южной части Боспорского царства вплоть до IV в. до н. э. [Воронов, 1975, с. 218 сл.].

Археологические памятники свидетельствуют, что скифские походы оставили глубокие следы в культуре народов Кавказа. Дальнейшие исследования помогут уточнить специфику взаимоотношений скифов с различными группами населения Кавказа. Уже сейчас можно говорить о том, что древнейший путь проникновения скифов шел вдоль Восточного Кавказа. Появление скифов в Закавказье относится к VII — раннему VI вв. до н. э. Во второй половине — конце VII в. до н. э. происходит столкновение скифов с Урарту. Ко времени конца походов относится продвижение их вдоль Черноморского побережья. Связи кавказских племен со скифами сохранились до середины V в. до н. э.

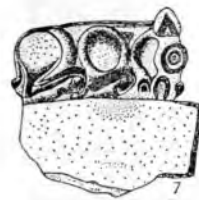
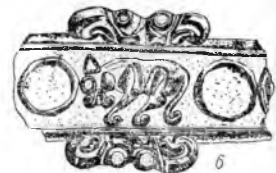
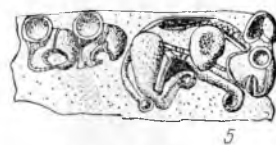
СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

Кавказ в рассматриваемое время служил дорогой скифов, стремившихся в страны Переднего Востока. Их главной территориальной базой являлись Приурмийские районы земли Мана, а опустошительные набеги достигали Палестины и Сирии.

Свидетелями скифских походов являются бронзовые наконечники стрел, встречающихся в руинах многих городов и крепостей Передней Азии. Помимо упомянутых выше урартийских центров, раннескифские наконечники стрел найдены в Нимруде, Ашуре, Вавилоне, Тарсе, Кархемише, Алишаре, в различных пунктах Иранского Курдистана и пр. [Пиотровский, 1959, с. 238—239; Дьяконов, 1956, с. 252].

Сводка находок раннескифских наконечников стрел приведена в работе Т. Сулимирского [1954, р. 252—315]. Назовем некоторые данные. В Ашуре десять трехлопастных стрел были найдены среди остатков крепости «С» и северной стены в слое, датируемом концом VII в. до н. э. (614 г.). В Кархемише сотни наконечников стрел собраны в руинах дома «Д», разрушенном в конце VII в. до н. э. Здесь же найдены глиняные фигурки в виде всадников в остроконечных скифских шапках и бронзовая створчатая форма для отливки таких же наконечников стрел. Несколько скифских двух- и трехлопастных наконечников обнаружено в могиле второго кладбища в Кархемише, относящихся к этому же периоду [Woolley, 1924, р. 125, 126, pl. 206]. В могилах № 11 и 15 найдены кинжалы типа акинаков, «обычные для южной России» [Sulimirski, 1954, р. 296].

Выше мы упоминали о том, что древнейшие скифские наконечники стрел VII в. до н. э. происходят из Джерара [Flinders-Petrie, 1917 pl. XLII] и Тарсуса в Киликии [Goldman, 1937, р. 276, 1938, р. 34]. В Тарсусе (Гозлу-Куль) найдены фигурки бородатых всадников, подобные Кархемишским. Этот слой датируется VII в. до н. э. В Нейрабе, в слое конца VII в. до н. э. найдены три трехлопастных наконечника стрел и глиняные фигурки бородатых всадников в остроконечных шапках [Garriere et Barrois, 1927, р. 206, pl. LII]. В Самарии несколько трехлопастных наконечников обнаружено в слое VII в. до н. э. Три трехлопастных наконечника найдены в некрополе Сялка «В» в слое, относящемся к VII в. до н. э. В доахеменидском слое Суз (XII—VI вв. до н. э.) встречены 15 раннескифских наконечников стрел [Sulimirski, 1954, р. 297]. Из Мосула происходит замечательная бронзовая составная литейная форма, складывающаяся из шести частей. В ней одновременно могли отливаться три наконечника — два трехлопастных и один двухлопастный [Flinders Petrie, 1928, р. 15, fig. 30, pl. 1; Coghlan H. H., 1952]. Произ-

издство наконечников стрел в подобных формах отличалось достаточно высокой производительностью. Специально поставленный опыт показал, что литейщик с помощью такой бронзовой формы мог производить до 20 000 наконечников за неделю, то есть каждый из 500 лучников мог быть снабжен сотней наконечников. Для производства стрел требовалось по шести-семи операций, возможно, выполнявшихся различными мастерами [Underwood, 1958, p. 20—22]. Даже если считать, что результаты проведенного эксперимента преувеличены, несомненно, что с помощью таких портативных приспособлений скифы всегда могли пополнить запас стрел.

В науке неоднократно высказывалось мнение, что бронзовые наконечники стрел раннескифских типов, происходящие из Передней Азии, могли принадлежать не только скифам, но и другим народам, проникшим в Переднюю Азию, в частности киммерийцам, мидийцам и др.

Что касается стрел, которыми пользовались киммерийцы в своих походах, то вопрос этот до сих пор остается открытым. Доскифские наконечники типа Малой Цимбалки и Высокой Могилы, так же как и длинновтульчатые стрелы Новочеркасского типа, в памятниках Передней Азии пока не обнаружены. Древнейшими здесь остаются длинноромбические наконечники типа Енджи и стрелы с асимметрично-ромбической головкой жаботинского типа. Основное количество стрел представлено наконечниками келермесского типа (преимущественно двух- и трехлопастными), многие из которых, несомненно, датируются VII в. до н. э.

Об их возможной мидийской принадлежности следует сказать, что мидийская культура, как и мидийское оружие, остаются археологически неопределенными. Известно, что в доскифское время (когда Мидия уже существовала) во всей Передней Азии, в том числе и на территории Мидии и ее владений, бытовали черенковые наконечники стрел переднеазиатских типов, совершенно отличные от скифских. Своеобразие скифского лука и стрел подтверждается рассказом Геродота о том, что скифы обучали мидийских мальчиков стрельбе из лука, в чем, очевидно, не было бы нужды, если бы луки и стрелы у скифов и мидийцев были одинаковыми. Рассказ Геродота свидетельствует и о том, что превосходство скифского лука было общепризнанным и мидийцы стремились взять его на вооружение. Вероятно, и другие народы Передней Азии и Кавказа (как это установлено на примере Тейшебаини) наряду со своим оружием использовали лук и стрелы скифских образцов, а также скифские наконечники стрел, изготавливая их в формах скифского образца. О принадлежности этих стрел скифам свидетельствует огромный ареал их распространения по всей зоне господства скифской и савроматской культур, а также в местах их влияния.

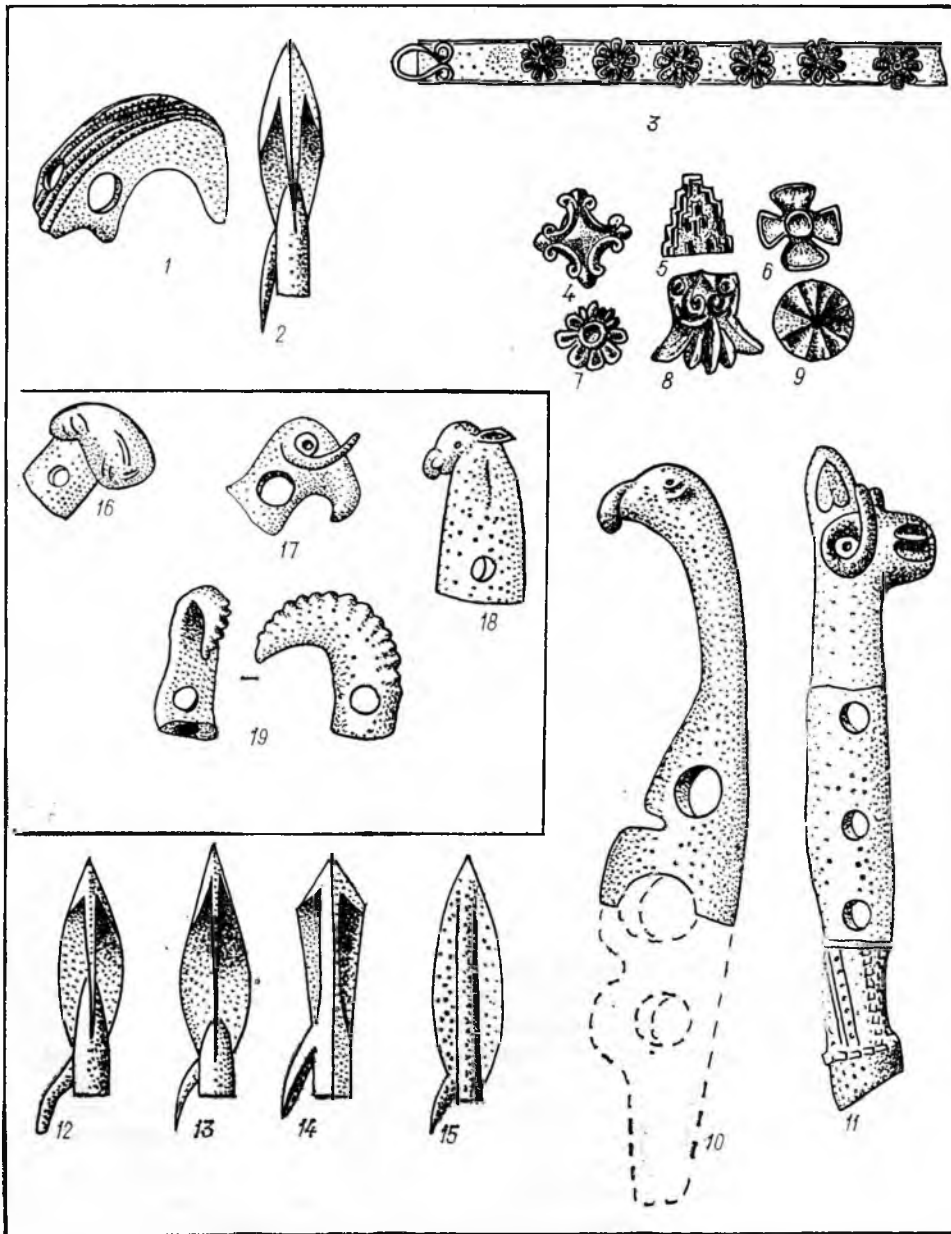
На Переднем Востоке с ахеменидского времени особое распространение получили ромбические коротковтульчатые трехлопастные наконечники с широкими тонкими лопастями, изготавливавшиеся по скифским или египетским образцам. Такие стрелы использовались против защитников крепости Арин-Берд (Эрибуни) в Армении [Пиотровский, 1954, с. 151]. Такие же наконечники найдены при раскопках ахеменидского слоя на Афрасиабе [Тереножкин, 1972, с. 93].

Представление о скифской земле в стране Мана, в которой, очевидно, всего, находился центр скифского государства, после открытия знаменитой гробницы у с. Зивие в Иранском Курдистане и ряда скифских вещей, найденных в этой же местности, значительно пополнилось. В 1947 г. у с. Зивие в окрестностях г. Саккыза крестьяне обнаружили клад, вещи которого разошлись по рукам. Большую часть клада удалось собрать. Основная коллекция попала в Тегеранский музей, другие вещи — в музейные собрания и частные коллекции Европы, Америки. В составе вещей из Зивие имеются предметы древневосточного (ассирийского) искусства VIII в. до н. э., вещи местного, возможно, маней-

Предметы в зверином стиле из погребения у с. Зивие (Иранский Курдистан):
1—6 — золото; 7 — край керамического блюда.

ского производства и предметы, в которых сочетаются черты древне-восточного стиля со скифским. Позднее удалось установить, что далеко не все вещи имеют прямое отношение к «кладу», а сам «клад» из Зивие является погребением в бронзовом ванноподобном гробу, относящимся к концу VII в. до н. э., содержащим богатейшее захоронение скифского царя. Обстоятельства находки столь неясны, что не удалось установить, сколько именно погребений было здесь открыто [Черников, 1965, с. 116; Ghirshman, 1950; 1964, с. 99, 327; 1961; Godard, 1950; Barnett, 1959].

К числу важнейших предметов скифского или скифо-восточного типа из Зивие относятся: обломок золотой пластины (пояс или налучие) с плетенкой из ветвей «дерева жизни» и с львиными масками в местах соединения узлов, фигурками горных козлов и оленей в центре медальонов; серебряная обивка щита или блюда (диаметр 70 см), покрытая

Костяные, золотые и бронзовые вещи из Зивие (1—15); бронзовые пряжки-пронизи с территории Ирана (16—19).

...вирческими рядами фигурок животных: пантер с поджатыми лапками, зайцев, головок орлов; золотые ленты с изображениями орлиных головок и фигур хищников из семейства кошачьих с поджатыми лапами; обкладка ножен акинака с головками сайги; нижняя часть обкладки ножа акинака с изображениями протом двух свернувшихся хищников; обложка золотой диадемы с розетками, аналогичной происходящей из Келермеса; золотая бляха в виде свернувшегося хищника из семейства кошачьих; бляха в виде козла с поджатыми ногами; четыре гривны, из которых одна с головками козлов; пять браслетов, золотые пекторали и фигурками скифских «пантер» среди ряда других животных в древневосточном стиле; мелкие золотые бляшки разнообразных форм, кольца, серьги; золотые обкладки от пластинок панциря и пр. Особый интерес представляют находки бронзовых архаических скифских наконечников стрел, из которых один жаботинского типа, а остальные двух- и трехлопастные с листовидной головкой; серебряные и бронзовые подвески от уздечных наборов; пряжка-пронизь в виде клыка, тишина для скифских уздечных наборов.

В окрестностях селения Зивие обнаружен ряд скифских вещей, хотя с определенностью нельзя сказать, связаны ли они с царским захоронением. Да это в данном случае и не существенно. Важнее другое: находки скифских вещей не являются здесь уникальными, а подтверждают местоположение «земли скифов» — страны Ишгуза ассирийских письменных текстов. Среди этих находок упомянем бронзовый псалий с орлиной головкой (сохранилась верхняя часть), пару костяных псалий с головками барана и грифо-барана, полностью аналогичных северопричерноморским [Porada, 1965, p. 132]. Можно спорить по поводу этнокультурной принадлежности того или иного из произведений скифского искусства, подвергшихся древневосточному влиянию, но такие предметы, как бронзовые и костяные псалии, оформленные в зверином стиле, бронзовые наконечники стрел, наконечники ножен акинаков, пряжки-пронизы узды, несомненно, принадлежат к основному составу скифского архаического набора.

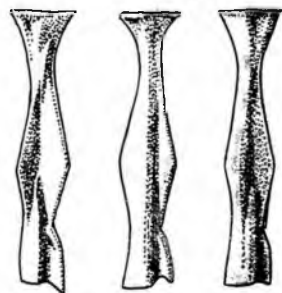
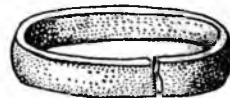
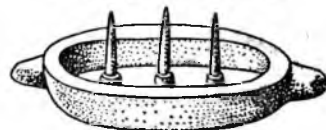
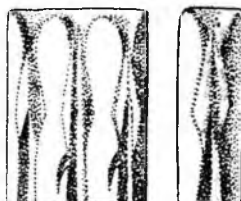
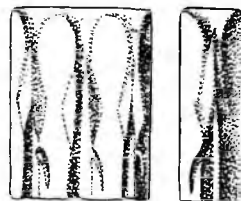
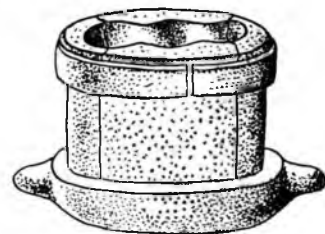
К югу от озера Урмия известны и другие скифские находки. В окрестностях Хасанлу обнаружена гробница с конями, рядом с которыми найдены бронзовые бляшки и костяная головка грифо-барана. В одном из курганов Се-гирдана помимо прочих вещей оказался точильный камень, украшенный головками хищника из семейства кошачьих [Курочкин, 1965, с. 65].

Исследователи давно обратили внимание на исключительную близость художественного стиля скифской группы изображений из Зивие к изображениям на вещах из Келермесских и Мельгуновского курганов. Полное соответствие составляют золотая диадема, украшенная розетками, золотые бляшки в виде четырехлепестковой розетки, отделка мечей и проч. Изучив келермесский и мельгуновский мечи и сопоставив их с художественными изделиями из Зивие, Е. В. Черненко пришел к заключению, что они могли быть изготовлены в одной мастерской, где скифские элементы сочетались с урартскими [Черненко, 1975, с. 11].

Зивие и Келермес весьма сходны между собой по вещам, они однородны и могут датироваться увереннее всего концом VII в. до н. э.

Это имеет большое значение для уточнения времени окончания персидских походов скифов и возвращения их в Северное Причерноморье.

В. Ю. Мурзин обратил наше внимание на находку скифского типа в некрополе Норшуп-Тепе в Малой Азии. В 1970 г. при исследовании могильника открыта гробница в яме размерами 4 × 3, глубиной 3 м, где оказались захоронения трех коней. В грудь одного из них был воткнут железный наконечник копья. В погребении найдены еще одно железное копьё, двое бронзовых удил, кольцо, две пряжки-пронизы с головками гри-

Литейная форма для отливки наконечников стрел из Мосула.

фона, подобные происходящим из Кармир-Блур и многих погребений VII — VI вв. до н. э. юга Европейской части СССР [Anatolian Studies, 1971, vol. XXI].

Отметим, что в своем труде о древнем Иране Е. Херцфельд выделил на территории Переднеазиатского Востока ряд пунктов, где были найдены бронзовые пряжки-пронизи скифского типа, украшенные головками животных (грифо-барана, орла, хищника из семейства кошачьих) или же оформленные в виде когтя, клюва или клыка [Herzfeld, 1941, p. 271, fig., 374].

СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

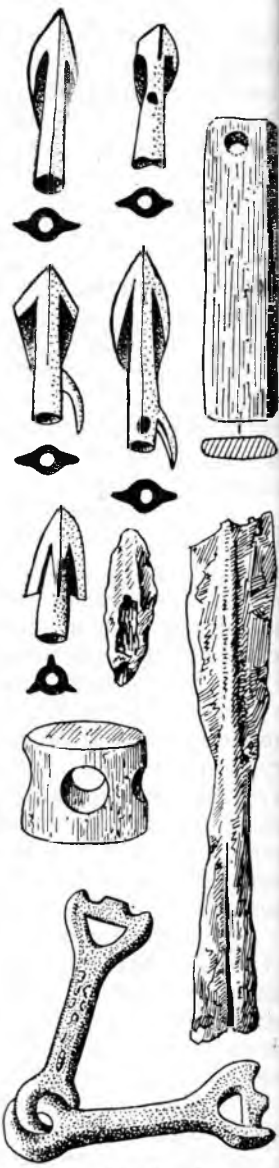
Область к северу от Кавказского хребта в конце бронзового и начале железного века была занята рядом археологических культур. В восточной части, на территории Дагестана, размещались носители мугерганской культуры. В Центральном Предкавказье, на территории Чечено-Ингушетии, Североосетинской, Карачаево-Черкесской АО и в юго-восточной части Ставропольского края (район Кисловодска, Пятигорска, Минеральных Вод) сосредоточен основной массив северокавказской группы кобанской культуры. В Краснодарском крае — протомеотская, а позднее меотская культура. Здесь уже начинается зона степей Прикубанья, Ростовской области, Ставропольского края.

В пределах очерченной территории обнаружены многочисленные захоронения скифов очень раннего времени, выявлены данные о сильном влиянии скифской культуры на другие народы. Е. И. Крупнов, изучавший древнюю историю Северного Кавказа, отмечал, что в местных памятниках материальной культуры начиная с VII в. до н. э. появляются элементы степной культуры скифов. В VI—V вв. до н. э. скифские элементы становятся настолько многочисленными, что налагают отпечаток на общий облик местной материальной культуры, придавая ей какой-то смешанный «скифоидный» характер [Крупнов, 1957, с. 14, 147].

Не претендуя на полноту информации, отметим наиболее яркие и достопримечательные скифские находки на Северном Кавказе.

В южной части Ставропольского края в пределах Карачаево-Черкесской АО на поселении позднекобанской культуры у селения Жако Е. П. Алексеевой открыта могила VI в. до н. э. со скифским акинаком, копьем, ножом, бронзовыми наконечниками стрел, бронзовыми удилами со стремечковидными петлями и железными удилами [Крупнов, 1960, с. 140—143].

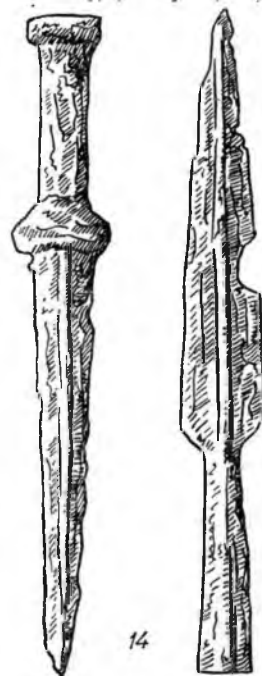
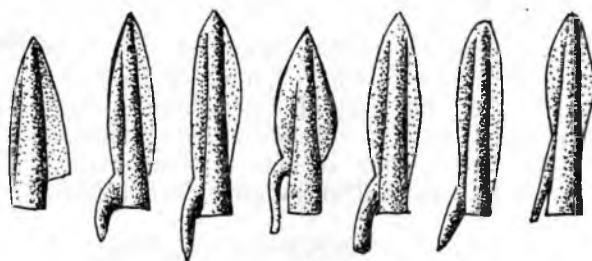
Весьма большое количество памятников кобанской культуры, содержащих множество скифских вещей, сосредоточено в южной части Ставропольского края в районе Кисловодска, Пятигорска и Минеральных Вод. Особый интерес представляет погребение № 4 в могильнике у поселка «Индустрия» близ Кисловодска. Погребение неразграблено. Умерший лежал в каменном ящике в скорченном положении. Рядом с ним найдены: два бронзовых кобанских топора, два тесла, два наконечника стрел типа площадок, железные ножи, наконечник копьяд, оселок и до 600 бронзовых пластинок от панциря, закончившегося бронзовыми пластинками, украшенными штампованными ромбами по краю [Виноградов, 1972, с. 128, рис. 18 на с. 334; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 197]. В. Б. Виноградов относит это погребение к VII—VI вв. до н. э., но мы считаем его более ранним. Обилие кобанских бронз, в том числе топоры, подобные найденным в Новочеркасском кладе, бронзовые тесла и площадки указывают на время этого захоронения в пределах первой половины VII в. до н. э. Если это так, то панцирь с бронзовым набором оказывается одним из наиболее ранних (если не самым ранним) в числе скифских доспехов подобного рода.

Вещи из Ставропольского кургана 1953 г.

Скифские предметы, найденные на Северном Кавказе:

- 1 — биметаллическая рукоять акинака из Камбулты; 2 — бронзовый псалий из Чегемского ущелья; 3 — бронзовый наконечник ножен из Фаскау; 4—6 — вещи из Ставропольского кургана 1924 г.; 7 — бронзовая пластина от конского убора из Вольноаульского кургана; 8 — бронзовые оплечья панциря из кургана у Белой Речки; 9, 10 — бронзовые пластины конского убора, найденные на Кубани; 11 — костяная ручка из Малгобека; 12—14 — предметы вооружения из погребения кобанской культуры у колоны Каррас близ Пятигорска.

11

12

13

14

Из погребений Березовского могильника № 1 близ Кисловодска обращает внимание мужское захоронение в ящике № 24, где найдены: богато орнаментированная глиняная миска; железный наконечник копья с лавролистным пером и высокой нервюрой; бронзовая ворварка и роговидный трехдырчатый псалий [Виноградов, 1972, с. 337, рис. 21, 8—II; Виноградов, Дударев, Рунич, 1980, с. 195].

Серия раннескифских вещей происходит из разрушенных погребений Минераловодского могильника, где преобладают кобанские захоронения в грунтовых ямах, нередко обложенных камнем, с умершими в скорченном положении. В числе находок — скифские архаические наконечники стрел, костяные «гвоздики» от колчанов, боевой топор, архаический акинак с костяным наконечником ножен в виде головки коня [Егоров, 1955, с. 54; Виноградов, 1972, с. 329, рис. 13].

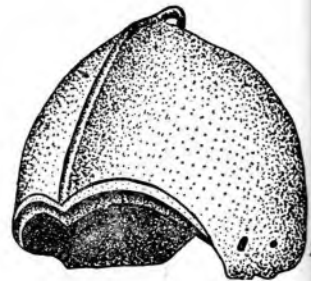
Д. Я. Самоквасовым в 1888 г. раскопана гробница № 8 у колони Каррас близ Пятигорска. В могильной яме, закрытой каменной плитой и выложенной камнями, оказалось погребение мужчины в «полусидячем положении». При нем кроме орнаментированной местной керамики найдены: железные клевец, нож, акинак, наконечник копья, шесть бронзовых двухлопастных наконечников стрел, ворварка и бронзовый браслет с орнаментированными концами [Самоквасов, 1908, с. 24; Крупнов, 1957, с. 153].

В могильнике у горы Султан к югу от Кисловодска в каменных ящиках открыты кобанские захоронения в скорченном положении. В гробницах № 4—9 в составе инвентаря помимо обычных кобанских вещей (посуда, бронзовые украшения, железные наконечники стрел) оказались: раннескифские наконечники стрел, четыре железных акинака, железные охотничьи ножи, бронзовые пряжки-пронизи в виде когтей птиц [Виноградов, Рунич, 1969, с. 104—111, рис. 13, 14].

То же можно сказать и о Клино-Ярском могильнике к западу от Кисловодска, где в каменных ящиках с кобанской керамикой найдены колчажные наборы раннескифских наконечников стрел, четыре акинака, две железные секиры, наконечники копий. Аналогичный набор предметов вооружения встречен при кобанских захоронениях Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарской АССР [Виноградов, 1972, с. 344, рис. 28; с. 345, рис. 29]. Особенно интересны наконечники ножен, один из которых, гладкий бронзовый с округлым концом, подобен хорошо известным в ранних курганах Скифии, а второй — с концом, оформленным в виде орлиной головки с выпуклым глазом и загнутым в виде ажурного крючка клювом. Скифский вариант бронзового наконечника ножен с концом в виде орлиной головки найден в кургане Репяховатая Могила под с. Матусовым близ Шполы [Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, с. 42—43].

Бронзовые наконечники стрел и раннескифский длинный меч происходят из Терских могильников Кабардино-Балкарской АССР [Виноградов, 1972, с. 348, рис. 32, 7]. Среди обнаруженных материалов Каррасского могильника наряду с прекрасным архаическим акинаком, ножом и боевой секирой найдена хорошо сохранившаяся вырезанная из кости головка кабана в скифском зверином стиле [МАК, VIII. М., 1900, с. 227, табл. XCV].

Говоря о центральной кобанской группе в горных районах Северной Осетии, нельзя не упомянуть раннескифские предметы из раскопок кобанских погребений — бронзово-железную рукоять скифского меча из Кумбулты, раннескифский длинноромбический наконечник стрелы из Чми, замечательный бронзовый наконечник ножен из Фаскау [МАК, VIII. М., 1900, табл. XCV; LVII; CXV, 6]; пару бронзовых псалий с тремя петлями, орлиной головкой и конским копытцем из погребения у селения Галиат [Крупнов, 1960, с. 436, табл. XIV, 5, 6], псалий с тремя петлями и конским копытцем из окрестностей Нальчика.

Группа выдающихся по своему значению памятников VII—VI вв. до н. э. происходит из окрестностей Моздока Северо-Осетинской АССР, на выходе из предгорий в степные районы. В групповом погребении № 1 (раскопки 1933 г.) найден скелет в скорченном состоянии, принадлежавший молодой женщине. Погребение сопровождается сосудами местных форм, скифским бронзовым зеркалом с петелькой в центре, ожерельем из пастового бисера, раковинами каури, пастовыми бусами в виде конических розеток [Пиотровский, Иессен, 1940, табл. XI, 3].

Новые материалы получены М. П. Абрамовой в 1970 г. в результате раскопок могильника кобанской культуры у с. Комарово Моздокского района [Абрамова, 1974, с. 195 сл.]. В погребении № 3 найдены костяной наконечник, подобный происходящим из курганов № 406 и 432 у с. Журовка [Ильинская, 1975, с. 22—25, табл. XIII, 5; XII, 6] (назначение накопечников такого рода остается неизвестным); костяная подвеска, имитирующая бронзовый скифский оловянный топорик в виде головки орла с солярным знаком на месте глаза. За спиной погребенного лежал остоу коня с железными удилами и псалями с тремя петлями. В погребении № 9 обнаружен набор раннескифских наконечников стрел жаботинского типа. Вероятно, оба эти захоронения относятся к концу VII в. до н. э.

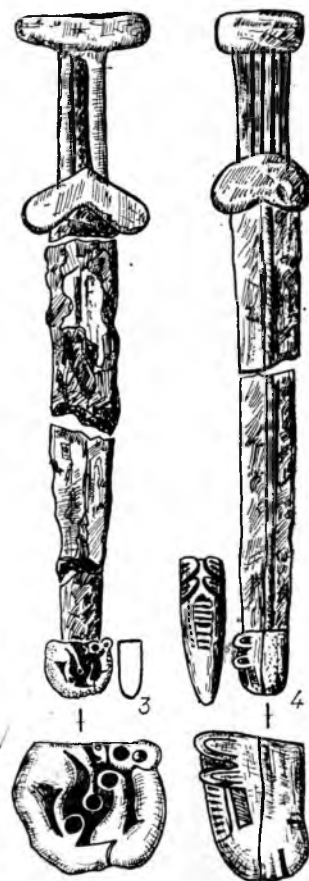
То же можно сказать о памятниках восточной (Грозненской) группы Северного Кавказа в Чечено-Ингушетии. Выше мы говорили о раннескифских находках в восточной части Северного Кавказа в виде бронзовых наконечников стрел на поселении Сержень-Юрт и Бажиганских землях. Среди находок, сделанных на этой территории, следует назвать широко известную костяную ручку из Малгобека в раннескифском зверином стиле, в которой мастер соединил черты хищника из семейства кошачьих с поджатыми лапами с изображением коня (форма головы, передняя нога с копытом) [Пиотровский, Иессен, 1940, табл. IX, 3; Ильинская, 1965, с. 94].

Из Пседахского могильника отметим прекрасный архаический акинак, железный нож и боевую секиру скифского типа. Бронзовая втулка железного кельца, аналогичного перкальскому, и бронзовые наконечники стрел происходят из Гунделеновского могильника кобанской культуры [Виноградов, 1972, с. 348, рис. 32, 1, 3, 4; с. 346, рис. 30, 12].

В составе находок Новогрозненского могильника оказалась бронзовая секира, украшенная линейно-геометрическим чеканным узором, обухом заканчивается головкой хищника из семейства кошачьих с открытой пастью и торчащими клыками. По форме секира напоминает скифские скипетры-жезлы. В мапере орнаментации сочетаются черты скифского звериного стиля с элементами кавказской стилизации [Виноградов, 1974, с. 258]. Так же стилизована бронзовая рукоять железного ножа, украшенная головкой хищника из семейства кошачьих с оскаленной пастью, найденная в Алероевском могильнике I [Виноградов, 1972, с. 361, рис. 45, 1]. Из Новогрозненского могильника происходят клык кабана, орнаментированный в скифском духе (изображение головки птицы на одном конце и собаки или волка — на другом), и бронзовая имитация подобного клыка [Виноградов, 1974, с. 258]. В скифском и савро-аланском искусстве подобные клыки встречаются в памятниках VI—V вв. до н. э.

Предметы скифского типа (акинаки, боевые топоры, наконечники стрел) встречаются в таких хорошо исследованных позднекобанских памятниках, как Луговой и Нестеровский могильники в Чечено-Ингушетии [Крупнов, 1960, с. 241].

Как мы уже видели, скифское влияние на кобанскую культуру начинается с VII в. до н. э. и сохраняется в течение всего VI в. до н. э. Связи населения Северного Кавказа со скифскими племенами прослеживаются

Скифские изделия, найденные на территории Северного Кавказа:

- 1 — бронзовое навершие из кургана у станицы Губской;
- 2 — бронзовый шлем из кургана у станицы Гвардейской;
- 3 — акинак с биметаллической рукоятью и бронзовым наконечником ножен из кургана у хут. Степного у г. Гудермес;
- 4 — акинак с костяным наконечником ножен из Минераловодского могильника.

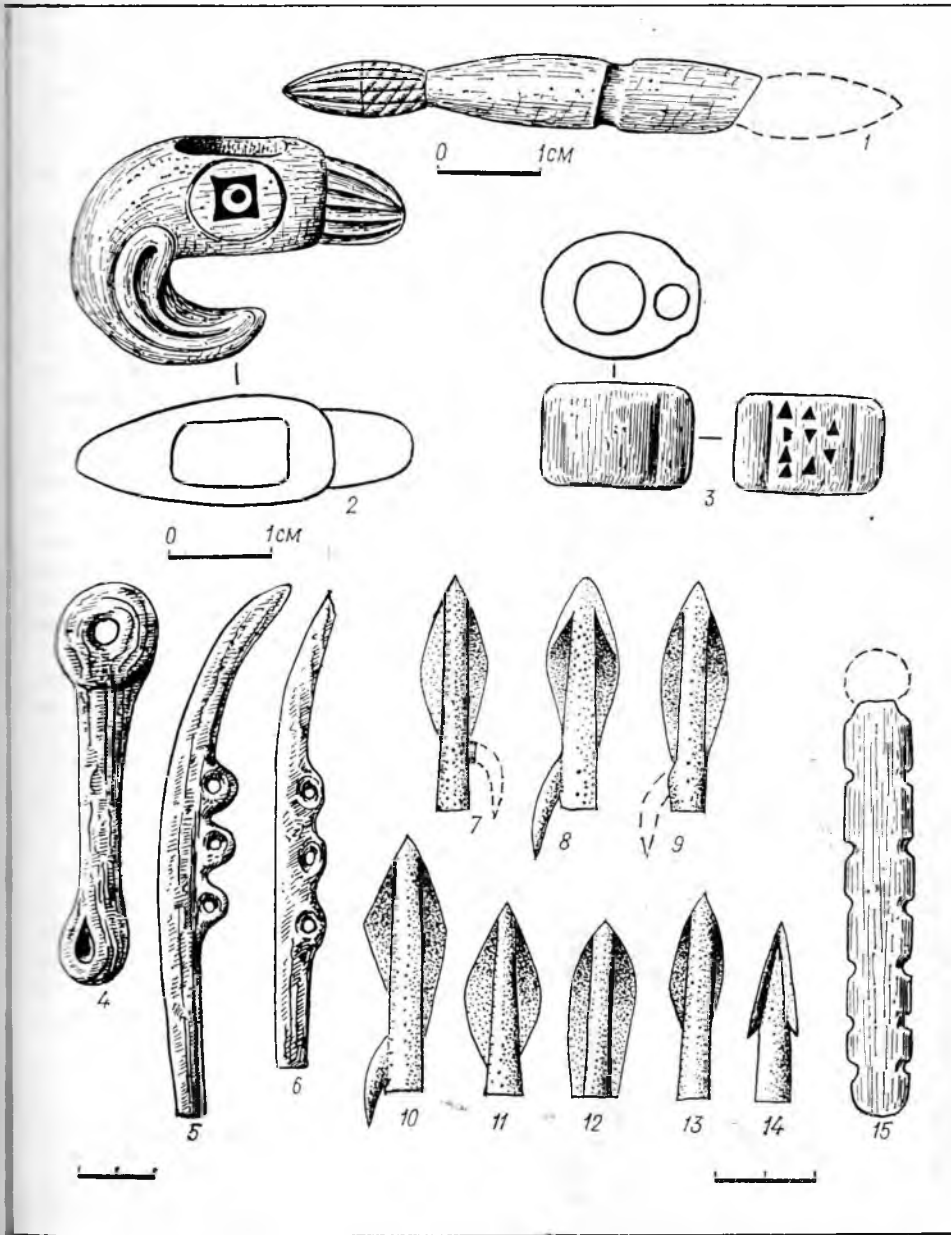

■ в первой половине V в. до н. э. Наиболее убедительны в этом отношении многочисленные находки скифских мечей и кинжалов с волнообразными вершинами, иногда оформленные в виде когтей или головок хищных птиц. Известны они в Нестеровском [Крупнов, 1960, с. 482, табл. XII, 1, 2], Луговом могильниках [Мунчаев, 1963, с. 186, р. 29, 14], в могильниках у Пятигорска, Белореченского, Алероевского I, из Северной Осетии и проч. [Виноградов, 1972, с. 335, рис. 19, 17, 25; с. 338, рис. 22, 9; с. 360, рис. 44, 3; с. 382, рис. 66, 1]. Встречаются предметы конской упряжки. Среди них бронзовые двухдырчатые псаали с головкой животного и стилизованным в духе V в. до н. э. конским копытцем из Северо-Осетинской АССР [Крупнов, 1960, с. 435, табл. XIII, 8], бронзовый псаали с концом в виде птичьей лапы (с. Каррас), костяные псаали с концами, оформленными в виде птичьих голов (Кисловодск) [Крупнов, 1960, с. 436,

←
Бронзовые, железные и костяные изделия, найденные на Северном Кавказе:

1 — бронзовый псаалий из Шалушкинского кургана; 2 — бронзовый псаалий из колонии Каррас; 3 — костяной псаалий из окрестностей Кисловодска; 4 — бронзовый псаалий из Мамайских курганов; 5, 6 — бронзовая бляха и псаалий из Осетии; 7 — железный псаалий из Лугового могильника; 8, 9 — железные акинаки из Нестеровского и Белореченского могильников; 10, 11 — костяной и бронзовый «кылык» из Северной Осетии. Бронзовые котлы: 12 — из кургана у Белой Речки; 13—15 — из находок на горе Бештау близ Пятигорска; 14 — из Новороссийска.

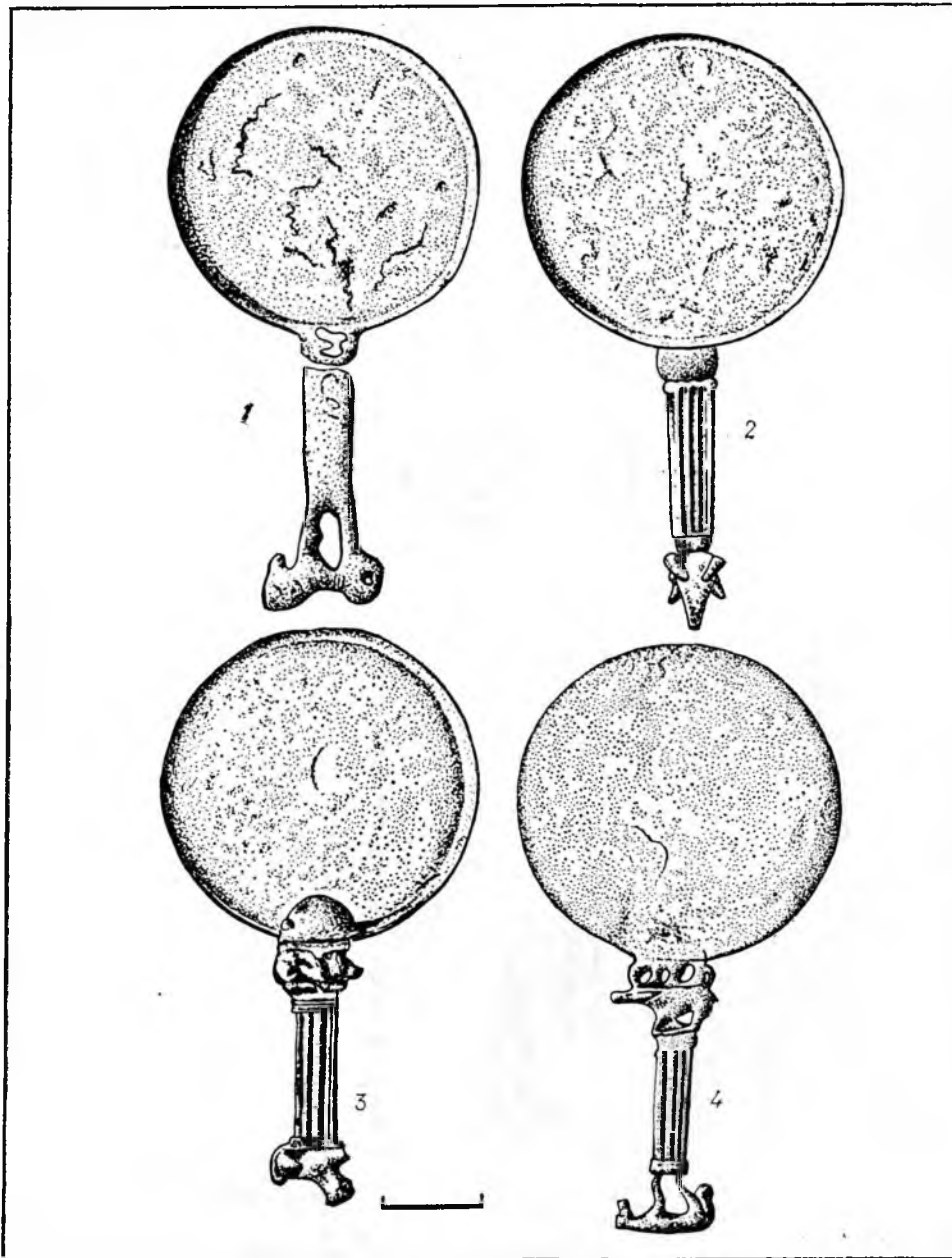

Предметы из могильника у с. Комарово близ Моздока:

1—7 — из погребения № 3; 8—15 — из погребения № 9.

табл. XIV, 8, 9], железные двухдырчатые псалии с загнутым концом из Лугового могильника [Мунчаев, 1963, с. 171, рис. 19, 9; с. 173, рис. 20, 5]. К этой же группе относится бронзовая бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника, хранящаяся в Североосетинском республиканском музее г. Орджоникидзе [Крупнов, 1960, с. 433, табл. XI, 2], со следами местной переработки скифского звериного стиля.

Особенностью описанных выше памятников Северного Кавказа является то, что наряду с предметами вооружения и конского снаряжения VI и V вв. до н. э. в женских погребениях встречаются бронзовые зеркала скифского типа. Среди них назовем архаические с центральной ручкой и бортиком, аналогичные найденным в Моздокском и Минераловодском могильниках [Пиотровский, Иессен, 1940, табл. XI; Виноградов,

Бронзовые зеркала ольвийского типа.

1 — из Мингечаура; 2 — из Каменномостского могильника; 3 — из Нальчика; 4 — из Пятигорска.

1972, с. 330, рис. 14, 3, 4], бронзовые зеркала с боковыми ручками [Виноградов, 1972, с. 330, рис. 14, 1, 2], ольвийские зеркала второй половины VI в. до н. э., найденные у г. Нальчика, Пятигорска и каменном могильнике у с. Каменномостское [Фармаковский, 1914, табл. XIV, 1—3; Крупнов, 1957, с. 141, рис. 40].

Приведенные данные свидетельствуют о наличии тесных и непосредственных контактов населения северокавказской группы кобанской культуры со скифскими племенами в VII—V вв. до н. э.

СОБСТВЕННО СКИФСКИЕ КУРГАНЫ

В. Б. Виноградов выделил в степных районах Предкавказья ряд курганов со скифскими захоронениями, принадлежащих собственно скифам. В их число В. Б. Виноградов относит курганы Ставропольского плато, равнинных районов Кабардино-Пятигорья, Чеченской наклонной равнины и Терско-Кумского междуречья [Виноградов, 1972, с. 34 сл.]. К этой же группе относятся и раннескифские курганы Прикубанья. Данные, свидетельствующие о непосредственном присутствии скифов на Северном Кавказе в VII—V вв. до н. э., имеют большое значение для понимания многих аспектов ранней истории скифов и Скифии.

Выше мы упоминали курганы у Каменномостского могильника, погребения у Лермонтовского разъезда и в кургане у хут. Алексеевского под Ставрополем, в инвентарях которых совместно встречаются вещи новочеркасского и скифского типов. В пределах Ставрополя в настоящее время известен ряд курганов, наиболее ранние из которых относятся к концу VII в. до н. э. В их числе Ставропольский курган, раскопанной Т. М. Минаевой в 1953 г. [1956, с. 330—339]. Могильная яма шириной 1,45 м была врыта на 30 см в горную породу, подстилающую здесь почвенный слой. Вдоль западной и северной сторон сохранилась каменная кладка (восточная и южная стороны разрушены при строительстве газопровода). В могиле сохранились два скелета, лежавшие в вытянутом положении на спине, головой на восток. При них найдены 11 бронзовых наконечников стрел (три жаботинского, а остальные келермесского типа); архаический железный наконечник копьяд; оселок; бронзовые удила с стремечковидными петлями; костяная цилиндрическая пряжка-пронизь и фрагмент лепного горшка.

Близким по времени является Ставропольский курган 1924 г. По сообщению А. А. Иессена, в ограбленной могиле этого кургана найдены: бронзовый двухлопастный наконечник стрелы с шипом; золотые, украшенные зернью пронизи; янтарные бусы; чернолощенная корчага с фризом в виде бегущих оленей и орнаментированная чаша [Иессен, 1954, с. 117, рис. 6]. Оба этих сосуда имеют аналогии в комплексах Моздокского могильника. Несколько курганов на северо-западной окраине Ставрополя подверглись разрушению в связи со строительными работами. В 1968 г. их доисследовала А. Л. Нечитайло. По данным, полученным В. Б. Виноградовым, в северной половине большой могилы, часть которой оказалась потревоженной грабителями, лежал скелет мужчины в вытянутом положении, головой на восток. При нем найдены железный наконечник копьяд и меч с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием.

В 1973—1974 гг. В. Г. Петренко раскопан Большой Ставропольский курган, в котором оказалось разграбленное захоронение скифского царя, лежавшего в уникальном сооружении в виде каменной гробницы, воздвигнутой на погребенной почве. В систему прогребального устройства входила каменная крепиды, в пределах которой обнаружено особое помещение со стенами из каменных плит и перекрытием, поддерживаемым деревянными столбами. Юго-восточная часть помещения ока-

Бронзовый топорик-скипетр из Новогрозненского могильника.

залась нетронутой. В ней найдены скелеты двух взнузданных лошадей. Рядом с ними лежали три уздечки с бронзовыми удилами со стремечковидными петлями и трехпестельчатыми псалиями. Уникальной находкой является дышло (колесницы?) с бронзовыми втулками, украшенными восточным орнаментом. Под восточной полкой кургана находилось культовое помещение, сложенное из плит и сырцового кирпичика, с жертвенником, на котором, судя по всему, разводился огонь [Петренко, 1975а, с. 12—13; 1975, с. 125].

У хут. Красное Знамя под Ставрополем раскопаны три небольших кургана, содержащих по одному погребению. Объединяет их расположение выгуда кольцом возле могилы и обкладка его толстым слоем камыша, но погребальные сооружения различные: каменный склеп, яма, каменно-деревянный склеп в яме. Несмотря на то что курганы разграблены, найденные в могилах предметы (копье, наконечник стрелы, предметы конской узды, навершия, каменное блюдо) дают основания считать эти погребения скифскими и датировать VI в. до н. э. [Петренко, 1976, с. 143—144].

Весьма важным является то обстоятельство, что ряд курганов Ставропольщины содержал скифские захоронения V в. до н. э. Среди них назовем Мамайские курганы на речке Мамайке на юго-восточной окраине Ставрополя, раскопанные до революции при случайных обстоятельствах. Среди находок здесь имеются несколько акинаков, бронзовые зеркала, предметы конской узды, в том числе бронзовый двухдырчатый псалий, загнутый конец которого выполнен в виде головки животного, железные двухдырчатые псалии, дуговидные и S-овидные с фигурной раскованной лопастью [Виноградов, 1972, с. 318, р. 10—12].

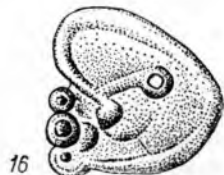
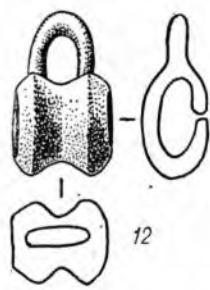
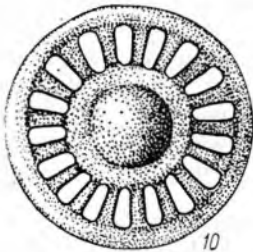
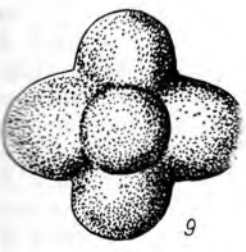
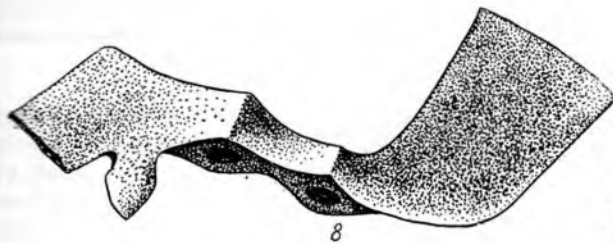
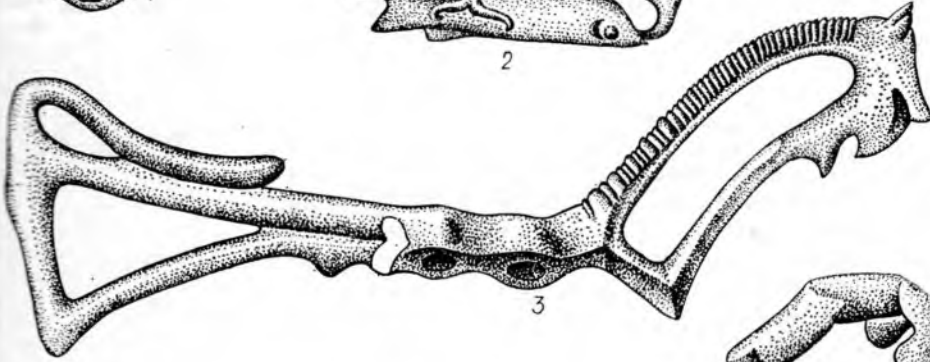
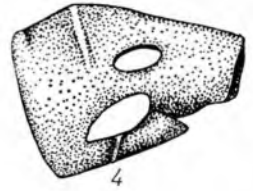
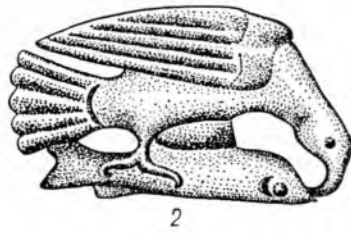
К V в. до н. э. В. Б. Виноградов относит Ставропольский курган 1893 г., где найден инвентарь парного скифского погребения: меч, боевой топор, три бронзовых наконечника стрел, бронзовое зеркало с боковой ручкой, бронзовая бляшка в виде свернувшегося в кольцо хищника (волка?), реалистически выполненная фигурка собаки, глиняное пряслище, бронзовое спиральное кольцо, проволочный браслет [Виноградов, 1972, с. 319, рис. 3]. Из кургана у станицы Крым-Гиреев происходит ольвийское зеркало с фигуркой пантеры на конце ручки. В разрушенном кургане у г. Зеленокумска найден бронзовый скифский котел, очевидно, происходящий из впускного скифского погребения в кургане эпохи бронзы [Нечитайло, 1969, с. 99—100].

В курганах равнинных районов Кабардино-Балкарии большой интерес представляют найденные в одном из Вольно-Аульских курганов бронзовая пластинчатая часть «доспеха» — круглая пластина с концентрическими кругами и соединенная с ней трапециевидная пластина [Виноградов, 1972, с. 320, рис. 4, 5]. Аналогичные предметы известны на Кубани и в кургане под Никополем. А. П. Манцевич считает их накладками центральной части щитов, подобных фракийским [Манцевич, 1958, с. 459]. Е. В. Черненко и В. Ю. Мурзин относят их к числу древнескифских принадлежностей конского доспеха [Мурзин, Черненко, 1980, с. 157, рис. 3].

В кургане у Белой речки, исследованном в 1966 г. В. Б. Виноградовым, в основном погребении на уровне древнего горизонта найдены бронзовый скифский котел и бронзовые оплечья панциря, ошибочно описанные автором раскопок как покрытие щита [Виноградов, 1972, с. 319, рис. 3, 6]. В Константиновском кургане № 3 открыто впускное женское захоронение, в котором найдены горшки, железный нож и бронзовое зеркало V в. до н. э. с орнаментом по краю диска [Виноградов, 1972, с. 319, рис. 3, 6].

Как отмечает В. Б. Виноградов, некоторые скифские предметы происходят из разрушенных в разное время курганов близ Пятигорска и Наль-

Бронзовые предметы из хутора Шунтук близ Майкопа (1—12); бронзовые бляхи из окрестностей Майкопа (13—18).

чика. К ним, по мнению автора, относятся два «ольвийских» зеркала, ко-
стояной двухдырчатый псалий, серия акинаков, бронзовые котлы.

В ряде случаев, когда находка оказывалась внекомплексной, трудно
установить, из какой гробницы, скифской или кобанской, она происходит,
настолько тесным оказалось здесь соприкосновение обеих культур.

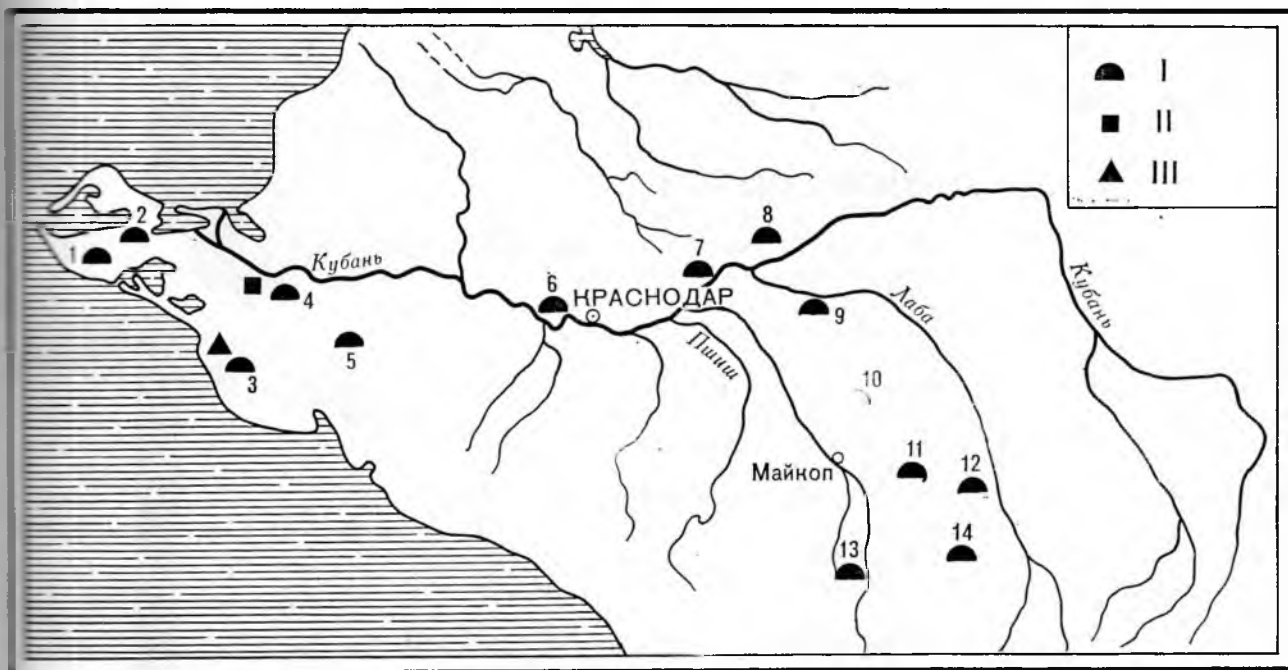
К V в. до н. э. относятся Ш а л у ш к и н с к и е к у р г а н ы, обнару-
женные в 1927 г. при прокладке шоссе. В них найдены: меч с антевовид-
ным навершием, бронзовые и костяные наконечники стрел, железные
удила с бронзовыми зооморфными псалиями с двумя отверстиями [Круп-
нов, 1960, с. 435, табл. XIII, 7].

Интересны курганы в предгорных районах Чечено-Ингушетии.
В кургане у хут. Степного Гудермесского района (высо-
та около 4 м), опоясанном рвом, у дневной поверхности обнаружен обиль-
ный древесный тлен от перекрытия над основной могилой. Могильная яма
(ориентировка западно-восточная) размером $2,2 \times 1,2 \times 0,4$ м обложена
бревнами. Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на запад,
на подстилке из коры. У пояса справа — акинак с биметаллической ру-
коятью; навершие, перекрестие и края рукояти бронзовые. На клинке
следы деревянных ножен, заканчивающихся бронзовым наконечником в
виде фигурки свернувшегося в кольцо хищника из семейства кошачьих,
выполненного в раннескифском зверином стиле [Виноградов, 1974, с. 258,
Техов, 1980, с. 224, рис. 3].

К числу ранних относится размытое Терекком погребение в кургане
у с. Гвардейское, где на уровне древнего горизонта найден бронзовый
шлем кубанского типа [Виноградов, 1973, с. 275]. У с т а н и ц ы Ч е р в -
л е н о й при земляных работах был снесен курган, содержащий поgre-
бение на уровне древнего горизонта. От инвентаря уцелели два бронзовых
двухлопастных наконечника стрел с шипами, фрагменты лепной посуды,
верхняя половина глиняной фигурки бородатого скифа в остроконечном
колпаке [Виноградов, 1972, с. 324, рис. 5, 9]. В кургане у с. М е с -
к е р - Ю р т захоронение V в. до н. э. было совершенно в квадратном
бревенчатом срубе на уровне древнего горизонта. Среди остатков инвен-
таря найдены: рукоять железного меча с антевовидным навершием, брон-
зовый трехлопастный наконечник стрелы с обрезанными концами граней,
лепной кувшинообразный сосуд со шипковым орнаментом в основании
шейки [Виноградов, 1972, с. 324, рис. 5, 1—3, 16; Виноградов, Рунич,
с. 100—101]. В К у л а р и н с к и х курганах № 55 и 56 обна-
ружены следы деревянного сожженного склепа на засыпанной подкурган-
ной поверхности [Виноградов, 1963, с. 22], что характерно для ранне-
скифских погребений как лесостепной, так и степной зоны [Тереножкин,
1971а, с. 19].

Среди скифских погребений особый интерес представляют к у р г а н ы
у с. Г о й т ы в равнинной Чечне [Марковин, 1965, с. 160—173]. В кур-
гане № 1 в обширной яме ($2,7 \times 2,7$ м) открыта деревянная сожженная
гробница со впущенным на 0,4 м в грунт основанием, перекрытая дубо-
выми плахами, и небольшим дромосом. В кургане № 2 яма имела дере-
вянное перекрытие. В кургане № 3 склеп с впущенным в грунт осно-
ванием имел деревянное перекрытие и следы трех столбов. В кургане
№ 5 была почти круглая яма (диаметром 3 м, глубиной 1,75 м), пере-
крытая по выкиду плахами. В кургане № 6 на поверхности почвы про-
слежено пятно от наземного склепа.

Самый большой из исследованных курганов, курган № 4 (высота
5,1 м), был окружен валом и рвом. На погребенной поверхности находил-
ся деревянный склеп в виде сруба, а под ним разграбленная могильная
яма с остатками богатого захоронения V в. до н. э. К северу от склепа
между плахами лежал скелет «рабыни» с бронзовым и железным брасле-
тами на руках. В особом помещении, сложенном из плах, обнаружен скелет
коня с железными удилами и бронзовыми двухдырчатыми псалиями с ло-

ностью. Все курганы у Гойты датируются V в. до н. э. В составе находок имеются бронзовые и костяные наконечники стрел, части панцирных наборов, железные ножи и копья. В кургане № 4 найдены костяные гребни с высокохудожественной резьбой в зверином стиле, золотые нашивные бляшки и амфоровидные подвески. В кургане № 2 рядом с остатками скелета лежал железный меч треугольной формы закавказского типа.

Правильность истолкования гойтынских курганов как скифских едва ли может быть взята под сомнение. «Курганы у с. Гойты, — пишет В. И. Марковин, — могут быть названы скифскими, то есть основанными древними скифами, но скифами, находившимися в тесных контактах с местными племенами, населявшими в V в. до н. э. современную территорию плоскостной Чечни» [Марковин, 1965, с. 172].

Подводя результаты исследований памятников Чечено-Ингушетии, Е. И. Крупинов пришел к следующему заключению: «Переходя к оценке результатов работ экспедиции по изучению памятников скифского времени и имея опыт исследований таких объектов, как Луговой могильник, поселение близ с. Мужичи и другие, а особенно раскопки курганной группы у с. Гойты, можно признать довольно удовлетворительное состояние разработки вопроса о взаимосвязях местной культуры со степной скифо-сарматской».

Нахождение в богатых гойтынских курганах великолепных костяных изделий, выполненных в скифском зверином стиле, как и сам характер степного обряда подкурганых захоронений... с очевидностью убеждает в реальности проникновения, а возможно, и частичного оседания скифо-сарматских элементов даже в предгорной зоне, однако позднее известных походов их через Кавказ. Гойтынские курганы и другие аналогичные памятники датируются V в. до н. э., когда тесные контакты местных племен со скифскими и сарматскими стали заметно отражаться в материале и других объектах: Нестеровского, Лугового и других могильников VI—V вв. до н. э. предгорных и даже горных районов» [Крупинов, 1969, с. 15—16]. И в этом отношении многое сделано Е. И. Крупиновым и его учениками В. И. Марковиным, Р. М. Мунчаевым, В. Б. Виноградовым,

Карта памятников скифского времени Тамани и Прикубанья:

I — курганы; II — городища; III — случайные находки. 1 — Цукур-Лиман; 2 — Большая Близница; 3 — Анапа. Мерджаны; 4 — Семибратние городища и курганы; 5 — Карагодеуаш; 6 — Елизаветинские; 7 — Воронежские; 8 — Усть-Лабинская; 9 — Ульские; 10 — Келемерские; 11 — Махошевская; 12 — Костромской; 13 — Курджиц; 14 — Губская.

привлекшим внимание исследователей скифской проблемы к скифским памятникам Предкавказья и к вопросам взаимодействия скифов с местным населением Северного Кавказа, что способствовало новым успехам исторической науки.

КУБАНСКИЕ КУРГАНЫ

Со времени выхода работ М. И. Ростовцева, посвященных скифским проблемам, в науке твердо установилось мнение, что такие курганы Прикубанья, как Келермесские, Костромской, Ульские, принадлежат скифам и относятся ко времени возвращения скифов из переднеазиатских походов на юг Восточной Европы [Ростовцев, 1918, с. 34; Ростовцев, 1925, с. 310]. Много лет спустя А. А. Иессен, создавая историко-хронологическую колочку культуры ранних кочевников в Северном Причерноморье, также выделил Келермесские курганы в качестве ведущих памятников, с которыми связана история скифов после азиатских походов [Иессен, 1953, с. 49; Иессен, 1954, с. 112—113]. Авторы этих строк после разделения памятников новочеркасской и раннескифской групп на киммерийские и скифские также отнесли Келермесские курганы к начальному периоду истории скифов в Причерноморье, после возвращения их из походов [Тереножкин, 1976, с. 208].

Келермесские курганы расположены в пределах Адыгейской АО, при выходе с гор р. Белой, впадающей в р. Кубань, то есть при выходе из Белореческого перевала в степные районы Кубани. Келермесские курганы занимают особое место среди раннескифских памятников, поскольку они дают наиболее полное представление о захоронениях скифской знати архаического периода и о раннескифском вещевом комплексе. На материалах из этих курганов хорошо прослеживаются следы недавнего пребывания скифов в странах Переднего Востока и Закавказья. Зивие — Кармир-Блур — Келермес — логические звенья одной культурно-исторической цепи, определенные вехи заключительного этапа скифских походов и возвращения их в Причерноморье. В келермесскую группу входят четыре кургана (№ 1—4), хищнически раскопанные горным техником Д. Г. Шульцем в 1903 г., и два кургана, исследованные в 1904 г. Н. И. Веселовским.

Материалы из Келермесских курганов до сих пор не были полностью и покомплексно опубликованы. Наиболее полные сведения о вещах из раскопок Шульца содержатся в книге М. И. Артамонова «Сокровища скифских курганов». В наших описаниях мы следуем М. И. Артамонову, хотя эти данные не всегда соответствуют перечню находок, имеющихся в Архиве археологической комиссии.

Из кургана № 1 происходят такие замечательные вещи, как знаменитая золотая «пантера», украшавшая щит; акинак с золотой отделкой рукоятки и ножен; парадная секира с золотой отделкой; золотая диадема в виде ленты, украшенная цветами и розетками, чередующимися с фигурками птиц и солнечными дисками. Диадема, по словам Шульца, была одета на бронзовый шлем кубанского типа, также происходящий из этого погребения. Здесь же найдены: железный охотничий нож с рукояткой, обложенной гладким золотым листом, две золотые чаши, поставленные одна в одну. По бокам одной изображены птицы, а на дне розетки — животные; на второй — миндалевидные выпуклости [Манцевич, 1962, с. 331 сл.]. В этом же кургане найдены золотой наконечник в виде скульптурной фигурки оленя с поднятой головой, золотое навершие или наконечник в виде полого стержня с крестовидными выступами с изображением свернувшегося хищника из семейства кошачьих на каждом и круглым отверстием в центре; бронзовые наконечники стрел [Rau P., 1929, s. 82, t. I. 2]. В материалах архива среди находок этого кургана упоминаются бронзовые удила, чешуйчатый панцирь и два копыя

Келермесская секира.

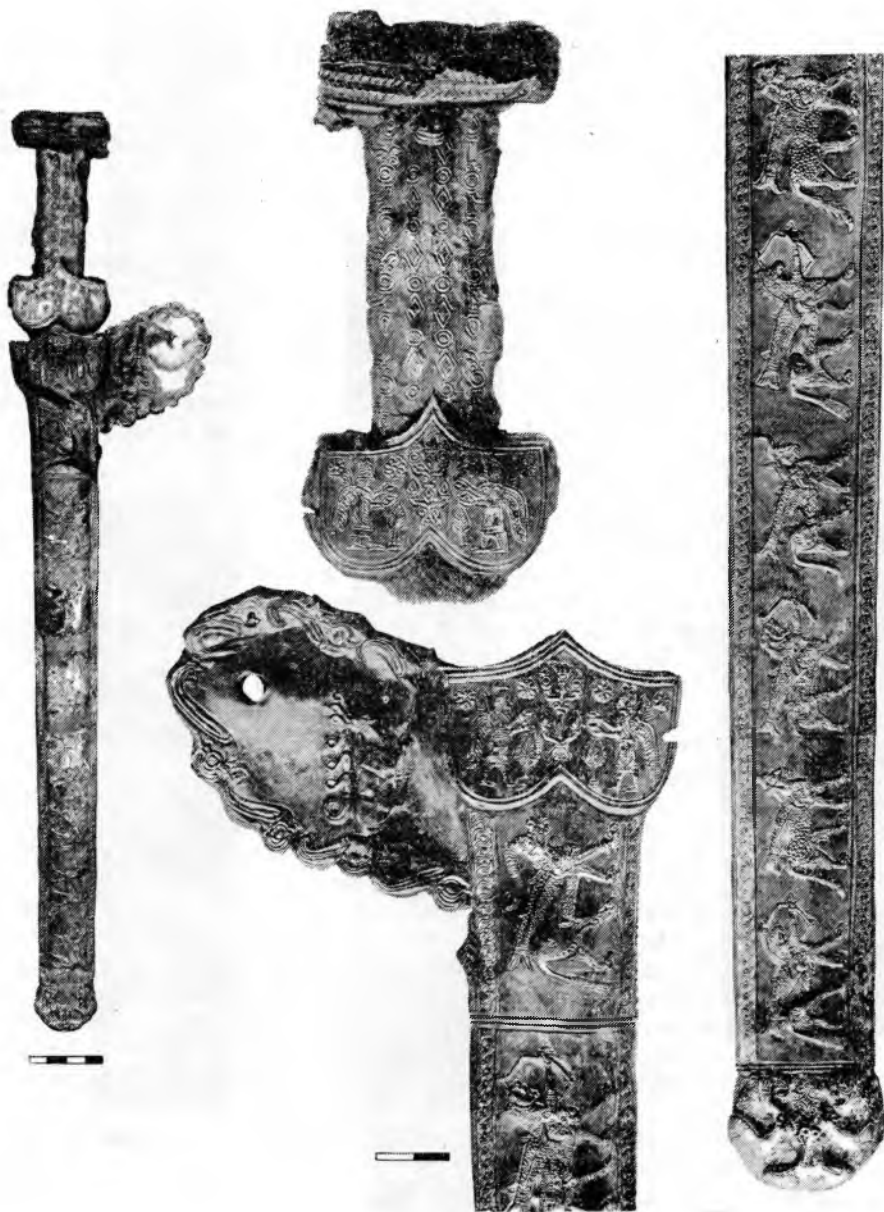

[Артамонов, 1966, табл. 6—19; 22—24; 27; 28; 40—46; 50, рис. на с. 13, 11; Рабинович, 1941, с. 108, т. IV].

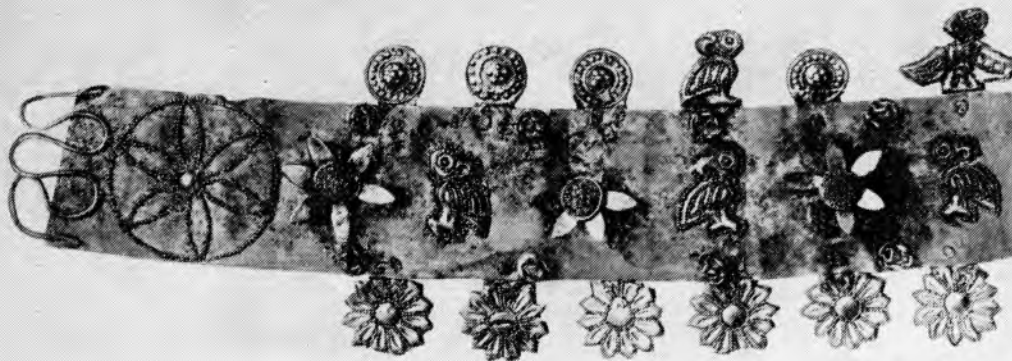
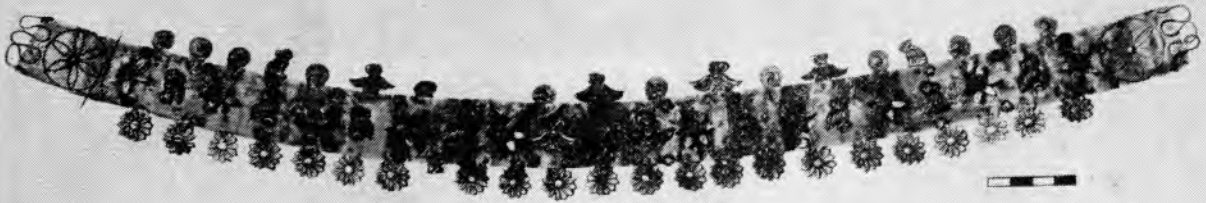
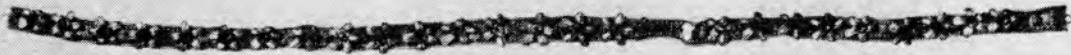
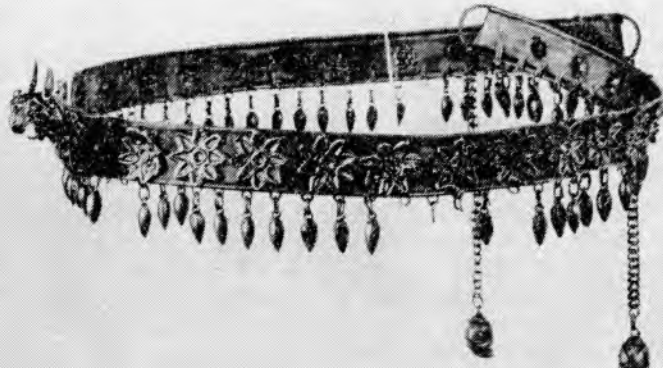
В кургане № 2 находок оказалось сравнительно мало. Из этого кургана (или кургана № 1) происходит бронзовый котел на конической ножке с рельефным ромбическим орнаментом по стенкам и ручками, заканчивающимися скульптурными фигурками козлов. К кургану № 1 или 2 относятся также два золотых цилиндрических наконечника с львиными головками на концах. Достоверно, что из кургана № 2 происходят две бронзовые позолоченные пряжки-пронизи в виде орлиных головок [Артамонов, 1966, табл. 47, 55, с. 14, рис. 13].

В составе инвентаря кургана № 3 значится немало вещей, получивших всемирную известность: золотая диадема в виде ленты, украшенной розетками, подвесками и головкой грифона в центре; серебряный

Золотые диадемы из Келермесских курганов.

Келермесский меч.

ритон с гравированными изображениями; два золотых предмета, служивших украшениями ручек ассирийских тронов с головками львов; круглая золотая пластинка с изображением лежащей лошади; золотой цилиндрический наконечник с розеткой на конце и шесть бронзовых наконечников с головками грифонов [Артамонов, 1966, табл. 4; 20; 25; 26; 34; 36; 37; 51; рис. 10; Максимова, 1956, с. 215 и сл.; Іллінська, 1963, с. 33—35].

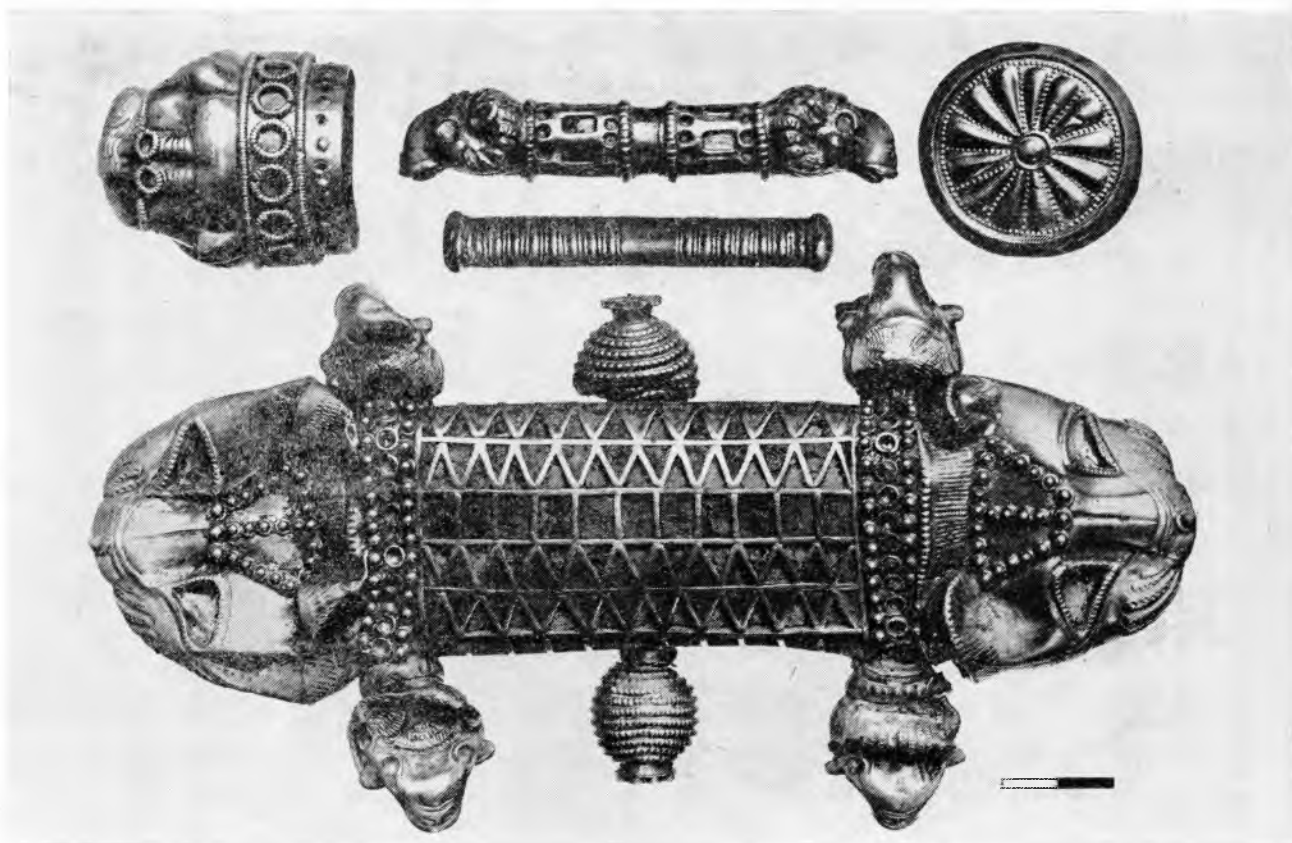
Среди инвентаря кургана № 4 пазваны такие замечательные предметы, как золотое палучие с изображениями оленей и «пантер», знаменитое серебряное зеркало, покрытое золотым листом с художественными изображениями ионийской работы, золотая палочка-застежка с головками барана на концах, круглая фрагментированная золотая пластинка с изображениями лежащего оленя [Артамонов, 1966, табл. 21; 29—33; 52, 54; Максимова, 1954, с. 281 сл.]. Кроме того, по материалам Археологической комиссии к этому погребению относятся: бронзовый котел, два железных наконечника копий, один из которых длиной 70 см, бронзовые и костяные наконечники стрел, пастовые белые бусы [Архив Археологической комиссии, дело № 9, 1904 г.].

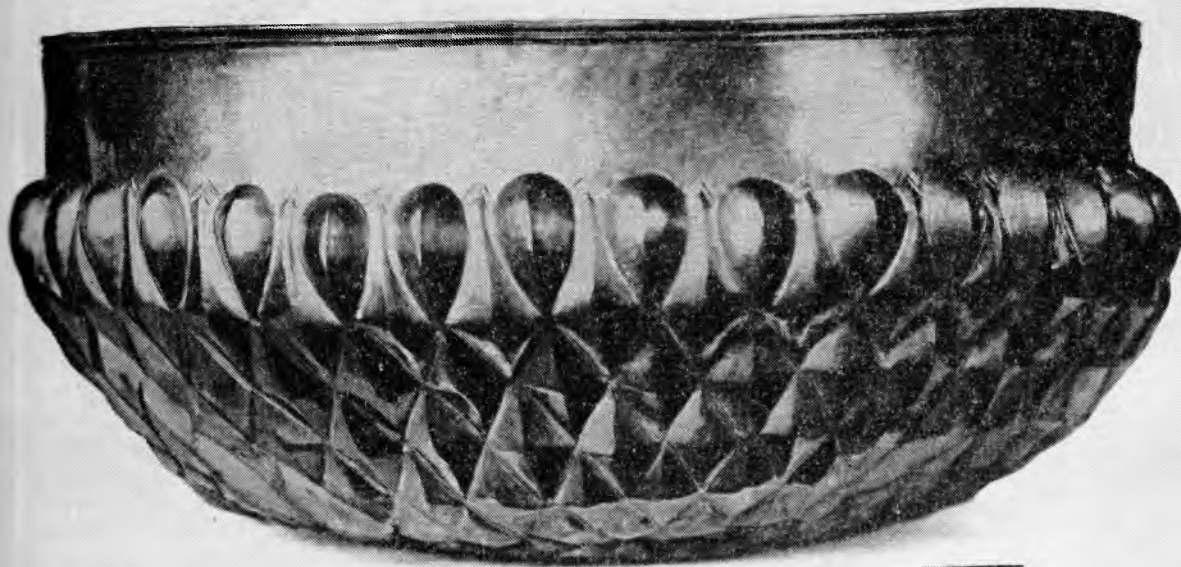
По описанию этого кургана, составленному П. И. Весловским, размеры гробницы $10,65 \times 10,65$ м. Умерший погребен в камере $4,25 \times 4,25$ м. Вдоль ее западной стороны лежали скелеты лошадей, обращенные головами на юг. К инвентарю конской гробницы относятся: шесть бронзовых удил со стремечковидными петлями, золотые бляшки от оголовья узды, два бронзовых наконечника с шаровидным прорезным бубенцом на длинной втулке.

Из очень неясных описаний можно составить представление, что в кургане № 4 захоронение было совершено в яме, тогда как в курганах № 2, 3 — в деревянных склепах на подкурганном горизонте.

Золотые чаши из Келермеских курганов.

Золотые вещи из Келермеских курганов.

Кроме того, в археологическую комиссию Д. Г. Шульцем были переданы два больших пластинчатых бронзовых конских налобника, найденных в кубанских курганах [ОАК, 1904, с. 129].

Золотые изделия из описанных курганов, особенно связанные с древневосточным или раннегреческим искусством, многократно переиздавались. Некоторые из них стали предметами специальных исследований. Часть вещей не были скифскими, а добыты во время переднеазиатских походов (золотые украшения ручек тронов с головками львов, золотые наконечники, чаши и иные предметы дворцовой утвари). Часть предметов изготовлялась, очевидно, по специальному заказу скифских царей и знати в мастерских царской ставки ювелирами различных стран (урартийцами, ассирийцами, ионийскими греками, скифами). Этими мастерами были изготовлены золотая отделка меча и боевого топора, серебряное зеркало, украшение щита, золотые украшения головных уборов. Многие художе-

Келермесское зеркало.

важные изделия из числа впервые опубликованных М. И. Артамоновым специально не изучались.

Менее исследованы вещи собственно скифского обихода из бронзы, железа и кости. Исследовались главным образом бронзовые шлемы, бронзовые и железные навершия, котлы, отчасти бронзовые наконечники стрел. Совершенно не изучены наконечники копий и разнообразные наконечники предметов конской упряжи, представляющие особый интерес, поскольку к ним относятся многочисленные изделия, выполненные в раннескифском зверином стиле, и золотые вещи, украшенные солярными знаками.

Вещи из Келермеса представлены в науке главным образом парадным золотом, принадлежавшим скифским вельможам, и лишь в незначительной степени собственно скифскими вещами. Эта часть келермесского материала, который до сих пор полностью не опубликован, наиболее полно представлен материалами из двух курганов (№ 1 и 2), раскопанных Н. И. Ведровским в 1904 г.

Погребения находились в обширных грунтовых ямах с уступами. В них обнаружены остатки деревянных столбов и бревенчатых перекрытий. Большую часть площади гробниц занимали помещения с захоронением человека, по сторонам которого вдоль стен или на особых уступах были похоронены кони. В первом кургане их насчитывалось 24, по 12 с двух сторон, во втором — 16 по 8 в каждом ряду.

Захоронение знатного лица в гробнице кургана № 1 (1904 г.) оказалось полностью разрушенным. Среди остатков инвентаря обломки бронзового котла и какого-то небольшого бронзового сосуда, пастовый бисер, пастовые, золотые и сердоликовые бусы, три золотые бляшки, в том числе четырехлепестковая розетка в круге (аналогичная из Зивие), бронзовых наконечника стрел, обломки глиняных сосудов, из которых один «грубой работы», один чернолощенный с геометрическим орнаментом, и четвертый «матовый; орнаментированный» [ОАК за 1904 г., с. 86 сл., рис. 136, 137; Пиотровский, Иессен, 1940, табл. XIV, 1, 2].

У 12 лошадей, лежавших вдоль южного борта могилы, удила в большинстве случаев были железные, в одном случае — бронзовые; большинство псалий железные стержневидные с загнутым концом и тремя петлями. В нескольких случаях псалии, очевидно, изготовлены из дерева с кожаными наконечниками в виде головок барана у одного конца и копытка у другого (лошадь № 9).

У наиболее богато убранных лошадей (№ 1, 2 с запада) наконечники изображены из гладкого золотого листа, нашитого на кожу, золотые нащечные украшения из гладких и парных кружков с солярным знаком в центре и тремя концентрическими кругами, заполненными бегущими спиралями. Этим же мотивом украшены золотые накладки на боковых ремнях удила и нащечные бляхи в виде полукружья. При лошади № 1 найдена золотая спиральная лента от нагайки [Артамонов, 1966, табл. 49; ОАК за 1904 г., с. 89, рис. 141—144]. При одной из лошадей найдены два серебряных нащечника с инкрустацией: круг с крестовидным знаком, по внешнему краю которого кольцо с зубчатым узором [ОАК за 1904 г., с. 88, рис. 136].

Интересны костяные наконечники псалий и пряжки-пронизи, украшенные головками баранов, грифо-баранов, конским копытцем; парные костяные наконечников в виде головок козла и пряжки-пронизи, украшенные плоскими бляшками, на которых изображена головка барана с загнутым вперед рогом и голова хищной птицы с солярным знаком в основании (6 экз.) [ОАК за 1904, с. 91, рис. 145—149].

Некоторые детали конской упряжи были обшиты пастовым бисером, в частности найденном при погребениях лошадей № 1, 3, 5. Кроме того, в погребениях этих лошадей были найдены два бронзовых навершия в виде головки коня на трубчатой втулке; два навершия в виде бронзового

бубенца с трубчатой втулкой, насаженной на железный стержень; четыре железных наконечника с овально-удлиненными бубенцами; одно бронзовое наконечник в виде овального бубенца, украшенного птичьей головкой; два шаровидных прорезных наконечника на втулке; два бронзовых наконечника с небольшими бубенцами и круглой муфтой, расположенной между бубенцом и втулкой [ОАК за 1904, с. 88, рис. 139—140; Іллінська, 1963, с. 34, рис. 1, 1—7].

В кургане № 2 найдены предметы, пополняющие наше представление о келермесском комплексе. Здесь обнаружены: два бронзовых ранне скифских шлема [Рабинович, 1941, табл. II—V]; бронзовые наконечники стрел и котел; сильно деформированный кавказский бронзовый сосуд с двумя ручками; бронзовое зеркало с бортиком и столбовидной ручкой, заканчивающейся бляшкой с рельефной фигуркой свернувшегося хищника

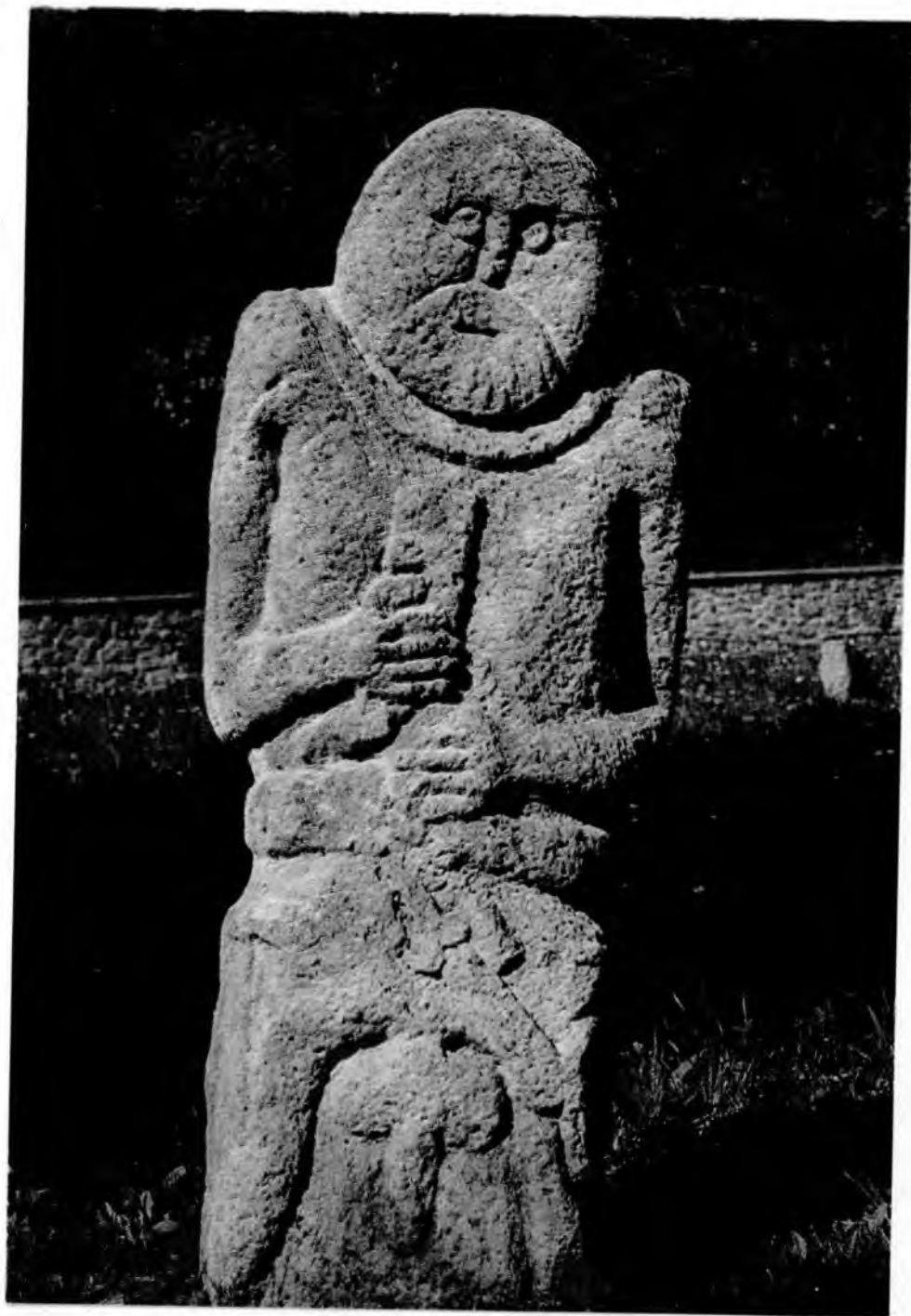
Золотое налучье из Келермесского кургана.

Навершие из Ульского кургана. VI в. до н. э.

Бронзовый парадный топорик. с. Львово. IV в. до н. э.

Бронзовое навершие. V в. до н. э.

Изваяние скифа-воина из с. Пески. V в. до н. э.

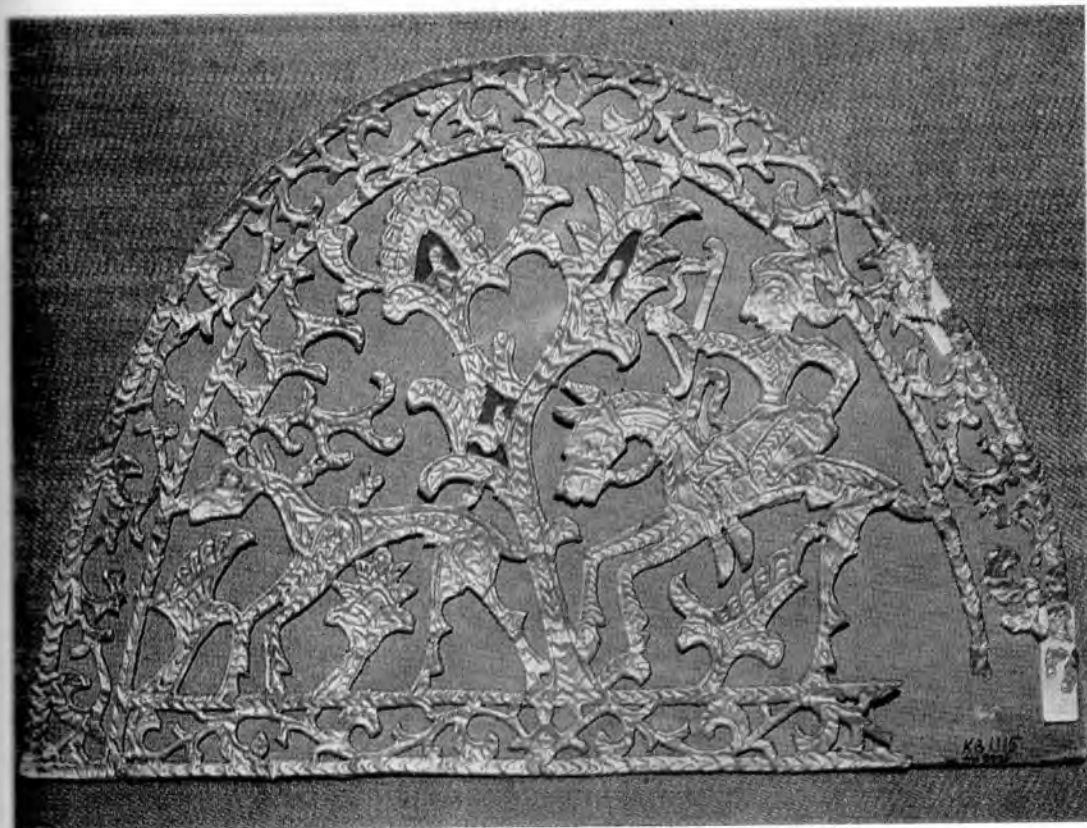
Аттический шлем из кургана у с. Пастырское. IV в. до н. э.

Золотая подвеска из кургана у с. Новоселки, IV в. до н. э.

Серебряная чаша из кургана Солоха. IV в. до н. э.

Ажурная пластина из кургана у с. Гюновка. IV в. до н. э.

*Золотой гребень из кургана
Солоха. IV в. до н. э.*

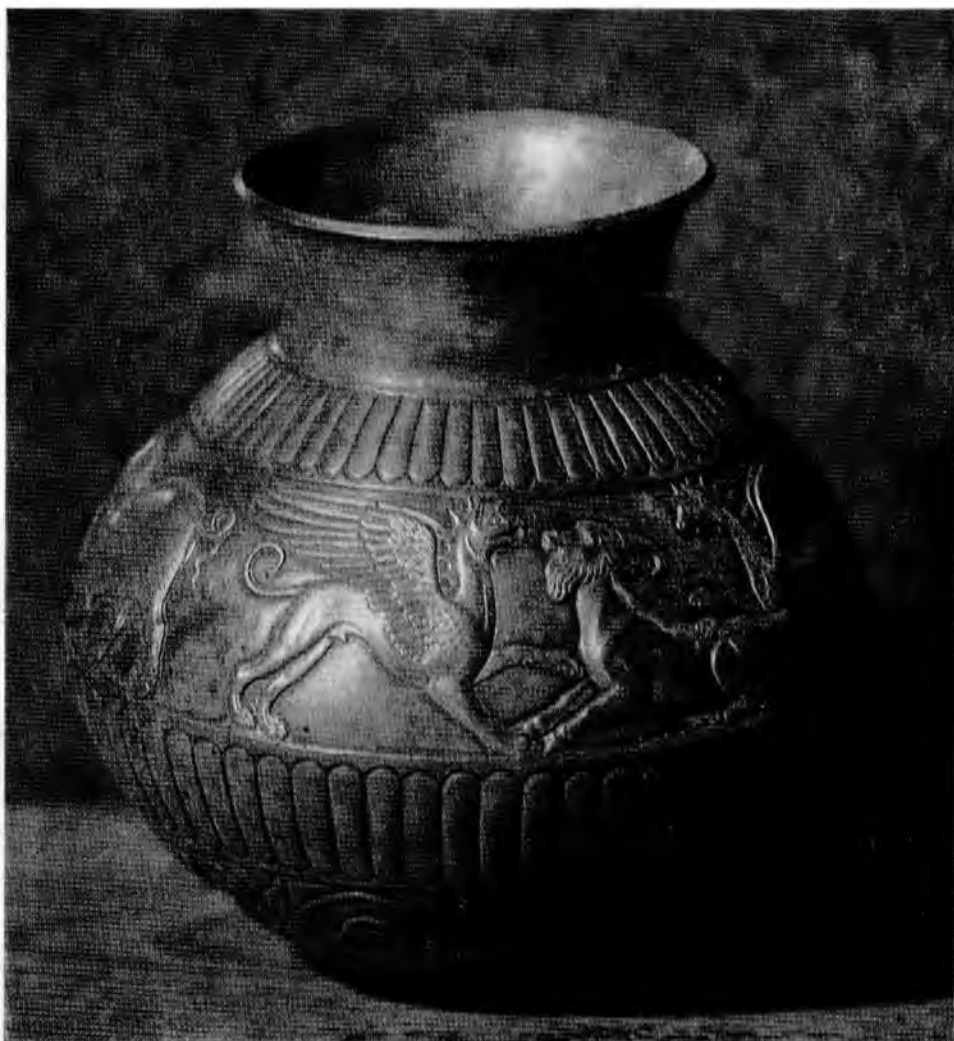

*Амфора из Чертомлыцкого кургана и деталь фриза.
IV в. до н. э.*

*Золотая гривна из кургана
Толстая Могила. IV в. до
н. э.*

*Серебряный сосуд из кур-
гана Солоха. IV в. до н. э.*

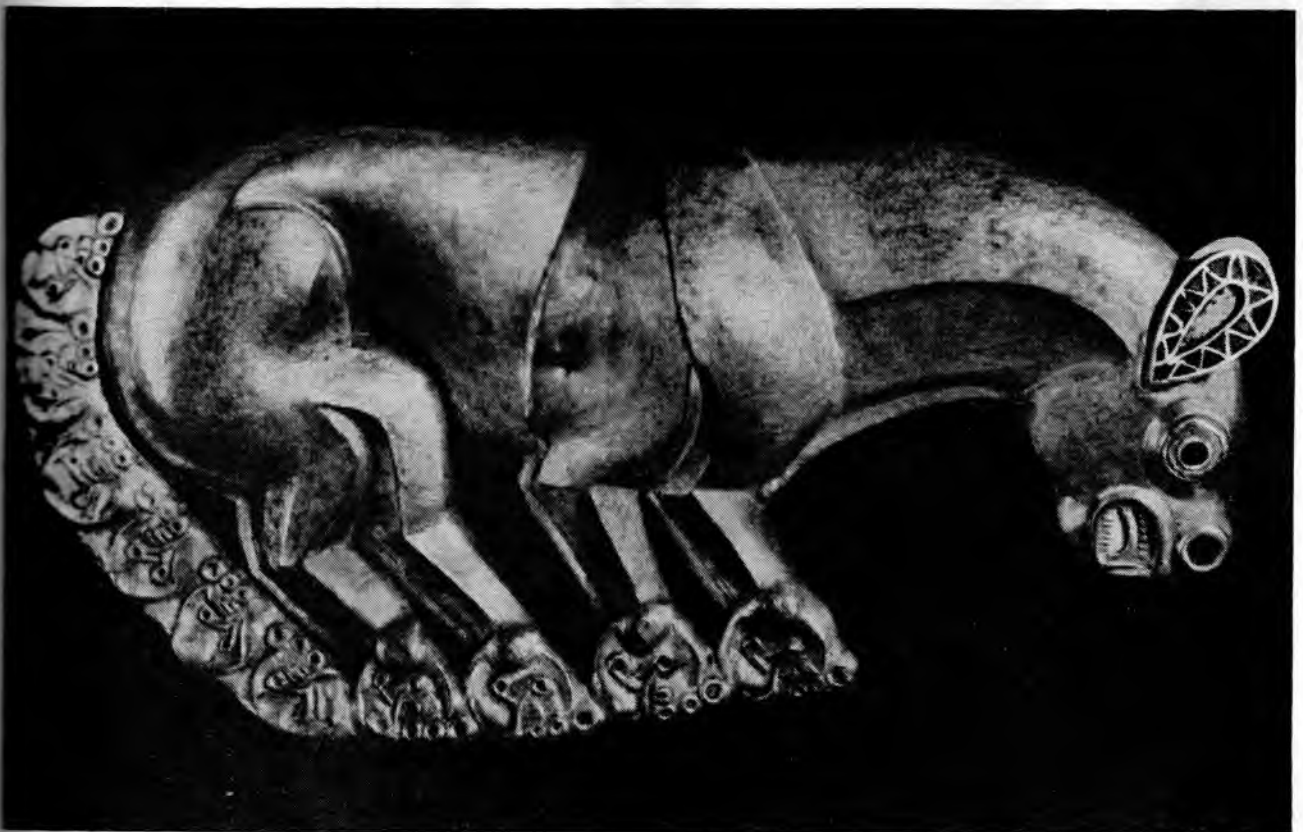

из семейства кошачьих [Рабинович, 1936, с. 89, рис. 4; Крупнов, 1952, с. 23; Артамонов, 1966, табл. 35]; целая и четыре фрагментированные бронзовые крестовидные бляхи конского убора каменноостского типа [Рабинович, 1936, с. 96, рис. 9; Крупнов, 1950, табл. 5]; полый цилиндрический серебряный наконечник, украшенный остроугольными зубцами золотой накладкой [Артамонов, 1966, с. 14, рис. 12]; белые пастовые бусы, обломки сосудов.

Рядом с лошадьми, лежавшими вдоль южного и западного краев, найдены: железные удила с железными псалиями или деревянными псалиями с костяными наконечниками; удила бронзовые со стремечковидными петлями; костяные пряжки-пронизи с головками барана и грифо-барана; крупные четырехгранные бронзовые колокольчики [ОАК за 1904 г., с. 94, рис. 156—160]; две медные подвески в виде трех кружков; два бронзовых прорезных цилиндра с солярными значками на плоских сторонах; две бляшки с головкой пантеры; бронзовые нащечники; два золотых полу-кружья с оттиснутыми волотами; три золотых кружка; золотая ленточка и нагайки. Постоянным украшением уздечек являлся голубой и белый цветовой бисер. При скелетах лошадей этой гробницы найдено пять шарообразных наверший с солярными знаками [Ілліньска, 1963, с. 34, рис. 1, 12, 13].

Бронзовые удила со стремевидными петлями из Келермесских курганов опубликованы А. А. Иессеном [1953, с. 83]. Им же описаны железные удила с загнутыми петлями и псалии с тремя петлями и загнутым концом [Иессен, 1954, с. 113]. В составе уздечных наборов встречаются также железные удила со стремевидными петлями. Два бронзовых псалия, подобные железным из раскопок Н. И. Веселовского на Кубани, опубликованы А. А. Иессеном [1953, с. 84].

Келермесская пантера.

В заключение отметим, что в кургане № 3, раскопанном Д. Г. Шульцем, и № 1 — Н. И. Веселовским, упоминаются находки четырехугольных известняковых плит с отверстием или углублением посередине, являвшихся, как полагают, жертвенниками.

Определение возраста Келермесских курганов имеет существенное значение для уточнения времени окончания перетнеазиатских походов и перенесения центра господства скифов в Степное Причерноморье. Как известно, в основе датировки Келермесских курганов лежит исследование М. И. Максимовой о серебряном зеркале из кургана № 4 [Максимова, 1954, с. 281]. По ее мнению, зеркало было изготовлено в 80-х или 70-х годах VI в. до н. э. эолийскими мастерами на Тамани или в Закавказье. Поскольку в настоящее время установлено, что в столь раннюю пору греческих колоний на Тамани и Боспоре еще не существовало, то возмож-

Железные и бронзовые удила из Келермесских курганов.

вещь изготовления зеркала в этих местах отпадает. Наиболее вероятно, что оно изготовлено в «царской мастерской» закавказской ставки скифских царей.

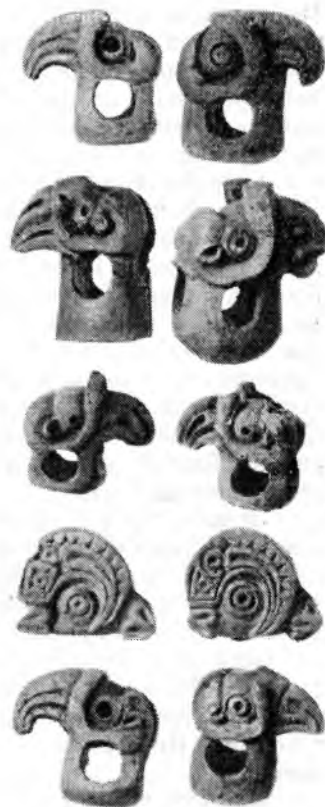
Внимательное прочтение работы М. И. Максимовой позволяет установить, что во всех приведенных аналогиях она ориентируется на возможно более поздние хронологические определения. Поэтому данная ею датировка определяет время не позднее первой четверти VI в. до н. э., оставляя возможность для более ранней датировки. М. И. Артамонов считает, что изученные М. И. Максимовой вещи могут относиться к более раннему времени, а аналогии греко-ионийским изображениям на зеркале — только к VII в. до н. э. [Артамонов, 1968, с. 43]. Таким образом, М. И. Максимова не исключает возможности более раннего определения времени Келермесских курганов. Это не противоречит высказанным в последнее время мнениям о некотором удревнении даты Келермесских курганов. Так, А. А. Иессен считает, что они не могут быть оторваны далеко от времени скифских предметов из Кармир-Блура [Иессен, 1954, с. 112], многие из которых датируются временем, предшествующим разрушению крепости, в конце VII в. до н. э.

Не менее важным для датировки Келермесских курганов служат уборы золотого оружия и предметов, украшенных в зверином стиле, из Зивие вплоть до полного сходства отдельных вещей [диадема, золотые бляхи, бронзовые стрелы, пряжки-пронизи, костяные псалии]. Изучая те и другие памятники, Б. Б. Пиотровский приходит к мысли, что келермесские комплексы предметов с золотыми ножнами следует датировать временем не позже начала VI, а возможно, и концом VII в. до н. э.» [Пиотровский, 1959, с. 248—249]. Этим же временем датирует золотую чашу из Келермеса и М. И. Артамонов, подчеркивая, что она имеет несомненные признаки влияния ассирийского искусства эпохи саргонидов [Артамонов, 1962, с. 31].

Анализируя отдельные вещи древневосточного типа, происходящие из курганов у слободы Криворожье, Мельгуновского и Келермеса, А. П. Манцевич убедительно доказывает их ассиро-вавилонское происхождение и датировку не позднее конца VII в. до н. э. «Очевидно, — пишет он, — криворожская головка, ножки из Литого кургана и наконечник из Келермесского не могут быть позднее конца VII в. до н. э., так как изделия этого стиля изображены только на рельефах VII или даже конца VIII в. до н. э.» [Манцевич, 1958а, с. 201]. Время, когда были положены предметы в гробницы скифов Прикубанья и Причерноморья, определяется найденными у слободы Криворожье ассиро-вавилонской головкой быка от дворцового табурета вместе с самосским кувшином. Последние исследователи датируют рубежом VII—VI или началом VI в. до н. э. [Сидорова, 1962, с. 95—97; Книпович, 1934, с. 100]. Изучив золотую чашу из Келермеса, А. П. Манцевич также отнесла ее к памятникам ассиро-вавилонского круга. По ее мнению, «она, как и табуреты из курганов Келермеса, Криворожья и Мельгунова, принадлежит к числу немногих предметов, которые свидетельствуют о связи Причерноморской Скифии с восточным Междуречьем в конце VII — начале VI в. до н. э.» [Манцевич, 1962, с. 331].

В кургане № 2 найдены такие важные для определения времени вещи, как бронзовая ручка кавказского сосуда с изображением звериной головки и бронзовые бляхи каменноостского типа, датируемые временем не позже конца VII в. до н. э. [Крупнов, 1950, с. 14; 1952, с. 28]. Полученные материалы свидетельствуют, что Келермесские курганы следует отнести ко времени не позднее конца VII — начала VI в. до н. э., а не к первой половине VI в. до н. э., как это делает М. И. Артамонов [1966, с. 2, 1969, с. 27; 1974, с. 57].

Выше мы уже упоминали о находках в кургане у станицы Махосhevской наверху с шаровидными бубенцами и фигурками оленя, очевидно,

Костяные пряжки-пронизи из Келермесских курганов.

Костяные наконечники псалий из Келермесских курганов.

относящихся к VII в. до н. э. Недавно В. И. Марковиным опубликовано навершие из разрушенного кургана у станции Губской в виде шаровидного ажурного бронзового бубенца на трубчатой втулке, украшенного фигуркой оленя в позе «летающего галопа». Всего таких наверший найдено четыре, а также бронзовый котел и каменный жертвенник на четырех ножках [Марковин, 1971, с. 214].

Следующими по значению после Келермесских на Кубани являются Разменный курган I у станции Костромской и курганы возле Ульского аула. Захоронение в кургане у станции Костромской [ОАК за 1897 г., с. 11] совершено на поверхности небольшого кургана эпохи бронзы. Здесь была сооружена деревянная столбовая гробница, за стенами которой похоронены 22 лошади. Склеп был шатрообразно обложен бревнами, после чего его подожгли и затем засыпали землей насыпи. Гробница ограблена. Здесь найдены: чешуйчатый бронзовый панцирь; четыре железных наконечника копий; два колчана с бронзовыми наконечниками стрел; черепки глиняной посуды; железный щит с золотой массивной бляхой в виде оленя, являющейся выдающимся произведением скифского искусства.

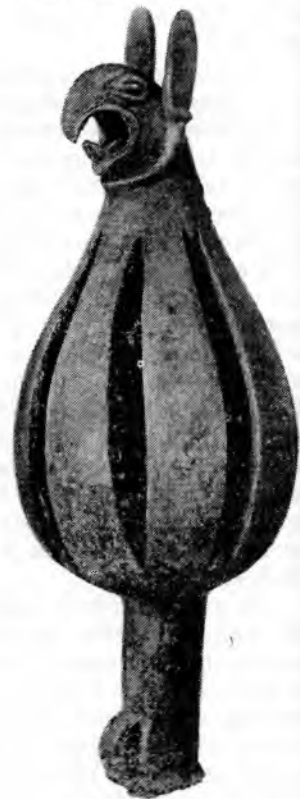
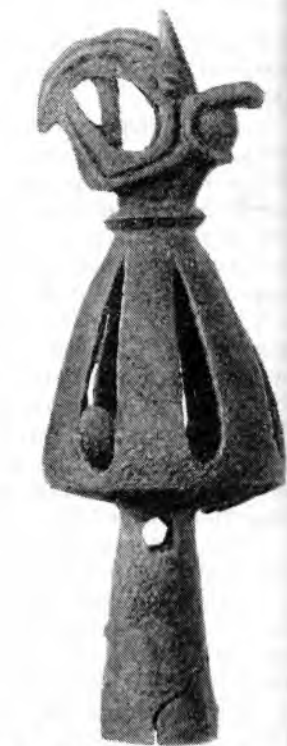
Замечательную серию составляют остатки уздечного снаряжения лошадей. Из их числа известны: трое бронзовых удилов со стремечковидными петлями; трое удилов такого же типа, но со стержнями, покрытыми рубчиками и крестообразными солярными знаками. А. А. Иессеном опубликованы из этого кургана бронзовые удила, железные удила со стремечковидными петлями и железные удила с загнутыми в петли концами [Иессен, 1953, с. 81]. Псалии из этого кургана не известны. Возможно, они были деревянными или костяными и погибли во время сожжения гробницы. Нет оснований отделять время Костромского кургана от Келермесских.

Из курганов Ульского аула к числу наиболее ранних относятся три, раскопанные в 1908 г. [ОАК за 1908 г., с. 118; Артамонов, 1966, рис. 17, табл. 59], в которых найдены золотые бляхи в виде фигурок оленей и «пантер», бронзовое навершие в виде конического бубенца с головкой грифо-барана, а при лошадях бронзовые удила со стремечковидными петлями. Поскольку в этих комплексах отсутствуют особо архаические признаки, их можно отнести к раннему VI в. до н. э. Этим же временем датируется и курган Ульского аула, раскопанный в 1910 г. В нем найдены: бронзовые и железные удила со стремечковидными псалиями и железные стержневидные псалии с тремя петлями [ОАК за 1909—1910 г., с. 147].

Курган Ульского аула, раскопанный Н. И. Веселовским в 1898 г. [ОАК за 1898 г., с. 30, рис. 42, 43], имеет высоту более 15 м. Он знаменит тем, что здесь в жертву умершему было принесено более 400 коней — наибольшее количество из числа известных в Скифии, сопоставимое только с конской гекатомбой архаической сакской гробницы кургана Аржан в Туве.

Погребение умершего в Ульском кургане совершено в наземной деревянной гробнице. От погребального инвентаря уцелели большая каменная плита с четырехугольным углублением посередине (жертвенник, аналогичный келермесским); обломки двух котлов; бронзовые пластинки от панциря; терракотовая, по-видимому, головка скифа в высоком колпаке; обломки греческой чернолаковой керамики, на основании которой К. Шефольд датировал это погребение серединой VI в. до н. э. В грабительском ходу найдена золотая пластина с изображением грифонов, терзающих козла, и небольшое скопление железных трехгранных наконечников стрел. Рядом с лошадьми найдены железные удила и бронзовые колокольчики.

Широко известен Ульский курган № 2 (раскопки 1909 г.), в составе инвентаря которого имеются бронзовые грушевидные навер-

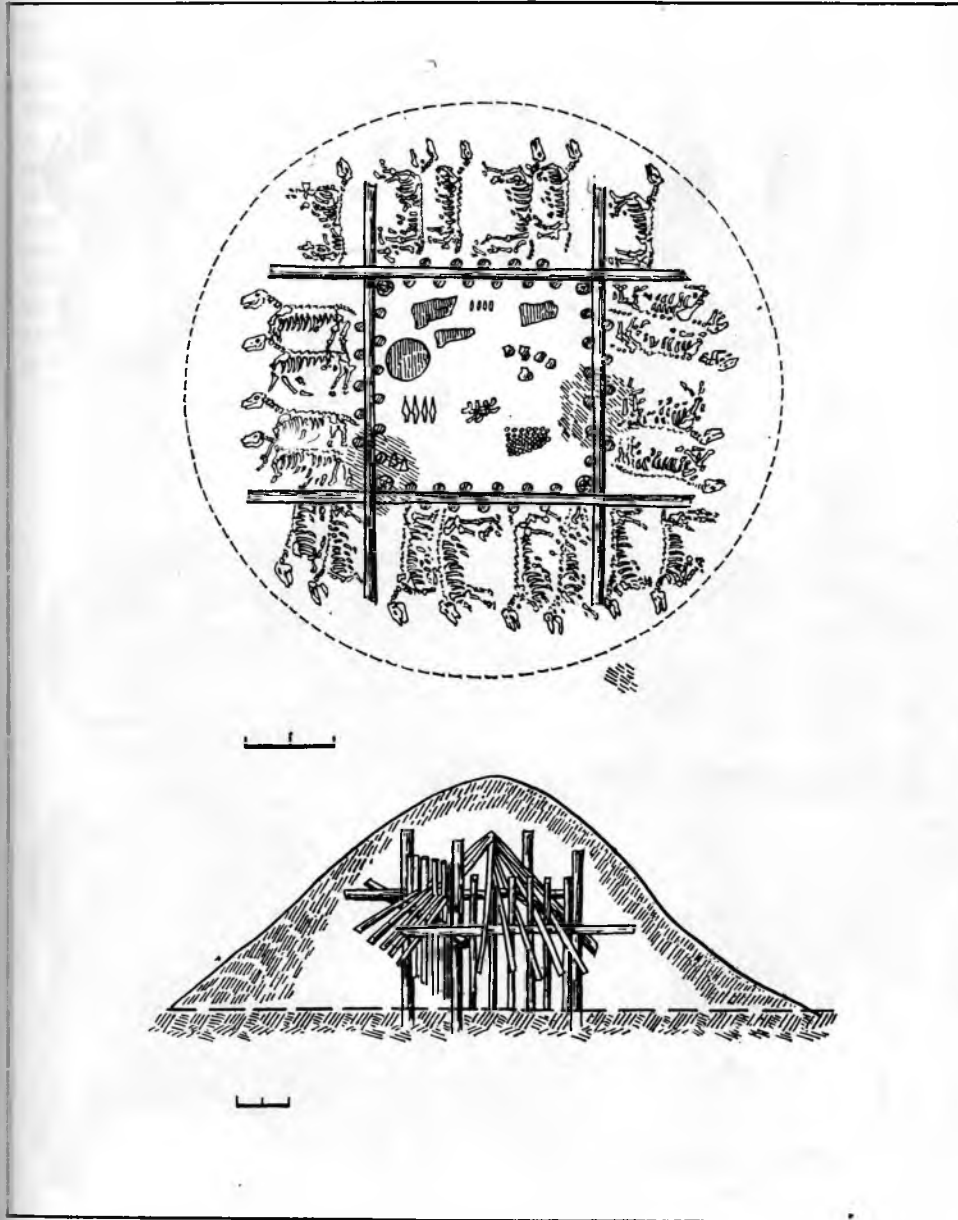

Бронзовые навершия из Ульского аула и Келермеса.

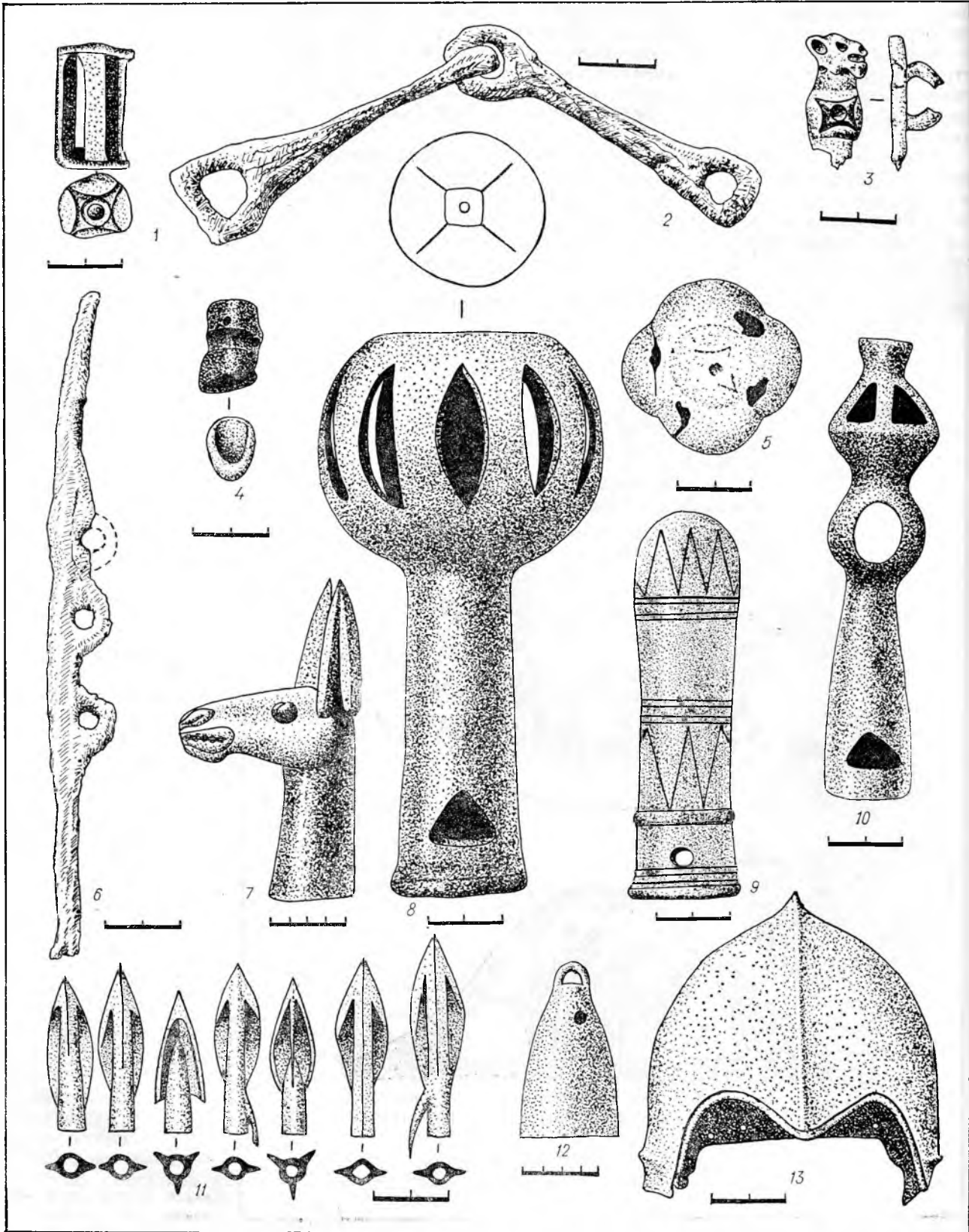

шия с головкой быка, пара плоских наверший на втулке с плоской головкой орлиного грифона. Замечательны серебряные гравированные псалии с двумя отверстиями, золотой наконечник в виде конской головки, инкрустированный янтарем. Этот памятник нередко относят к числу раннескифских, однако в действительности он относится ко времени не ранее начала V в. до н. э. [ОАК за 1909—1910 гг., с. 149; Артамонов, 1966. табл. 56—58; 60, 61].

Рассматривая памятники степных районов Северного Кавказа, мы пришли к существенному и даже несколько неожиданному выводу, что в период архаики (VII—V вв. до н. э.) на всей степной территории Предкавказья обитали многочисленные скифские племена. Это был не только плацдарм, откуда скифы направлялись в походы, но и постоянная зона обитания — здесь находились их кочевья и могилы. Рубеж Танаиса — До-

План и разрез кургана у
станции Костромской.

на не являлся в ту пору восточной границей расселения скифов. Кочевые скифы начиная с VII в. до н. э. свободно проникали в Степное Предкавказье и затем на протяжении всего времени переднеазиатских походов, а также в VI и V вв. до н. э. Количество архаических скифских памятников не уступает известным в Причерноморской степи, а по степени концентрации, а часто и богатству, даже превосходит их. Степное Предкавказье было прочно освоено кочевыми скифами [Мурзин, 1978].

На Северном Кавказе отчетливо прослеживается обряд раннескифских захоронений. Несмотря на некоторые различия, для них характерны захоронения умерших в деревянных гробницах (нередко сожженных), в ямах или на горизонте, с вытянутыми труположениями при господстве широтной (главным образом западной) ориентировки, с обычным для скифских погребений инвентарем. При этом отмечается использование скифами местной глиняной посуды.

Следует отметить, что вплоть до последнего времени многие скифоведы недостаточно учитывали это обстоятельство и, как правило, исключали Северный Кавказ и Предкавказье из сферы своего рассмотрения, в то время как скифские памятники очерченной территории имеют то же значение, что и архаические памятники к западу от Дона.

Келермесские курганы и другие большие курганы Кубани не отличаются принципиально от курганов рядового скифского населения на остальной территории Предкавказья. Они могут быть охарактеризованы как погребения представителей скифской знати времени завершения переднеазиатских походов и возвращения в Причерноморье. Сказанное подтверждается большими размерами курганов, усложненными погребальными сооружениями, богатством инвентаря, наличием вещей, несущих следы влияния древневосточного искусства, ассирийскими трофеями, большим количеством конских гекатомб.

←
Золотые, бронзовые и железные изделия из Келермесских курганов:
1, 3—5, 7—13 — бронза; 2, 6 — железо.

Костромской олень.

Археологические памятники свидетельствуют об определенном проникновении этнического скифского элемента в северные районы кавказских предгорий, где он частично ассимилировался и растворился в среде местного населения.

Обстановка меняется где-то с середины V в. до н. э., когда связи скифского мира с Кавказом ослабевают и со второй половины V и в IV вв. до н. э. почти прекращаются. Очевидно, решающими факторами в этот период явились окончательная стабилизация границы скифов и савроматов по Дону, укрепление могущества Боспора и консолидация синдо-меотских племен, вошедших в состав Боспорского царства.

Как будет показано ниже, начиная с V в. до н. э. усиливается связь кавказских племен с боспорскими центрами (очевидно, прежде всего синдо-меотскими), оказавшими существенное влияние не только на скифскую культуру Причерноморья, но и на формирование культуры Кавказа.

СКИФСКИЕ КАМЕННЫЕ СТАТУИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Важным источником по изучению связей Скифии с Кавказом, как удачно определил А. А. Миллер, являются скифские каменные изваяния, известные по всей территории распространения скифской культуры [Миллер, 1925, с. 106]. Ко времени выхода работы А. А. Миллера здесь было известно четыре стелы. Одна из них из Сальского округа Ростовской области хранилась в Новочеркасском музее. Это малодетализированное изображение человека с выделенными руками и ритонем в правой согнутой руке.

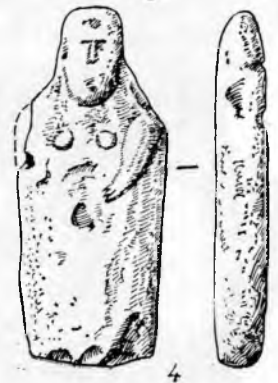
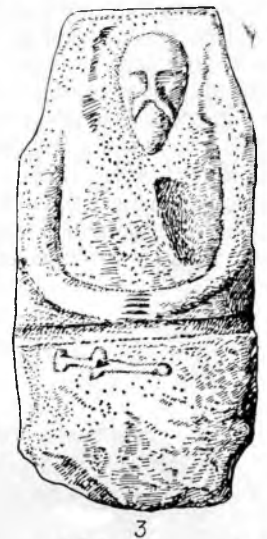
В кургане у станицы Елизаветинской на Дону А. А. Миллером найдена стела, на которой изображены меч, ритон и горит. Две стелы обнаружены в окрестностях Краснодара. На одной из них, наиболее известной, изображен человек, одетый в панцирь с изображением грифона на плече, у пояса акинак и плеть. Относится она к раннему V в. до н. э. По-видимому, к этому же времени относится и вторая статуя с изображениями ритона, пояса, акинака и горита.

В 1964 г. эта группа пополнилась еще одним изваянием из кургана у станицы Бесскорбной Новокубанского района (восточная часть Краснодарского края). Стела изготовлена из плотного местного известняка. Среди атрибутов: гривна, пояс, акинак, горит и топор. Судя по типам вооружения, стела относится к VI в. до н. э., что подтверждается и вещами из погребения этого кургана [Шульц, Навротский, 1973, с. 189].

Заканчивая описание стелы из станицы Бесскорбной, П. Н. Шульц пишет: «Остается подвести итоги. Наиболее раннее изваяние скифского типа из станицы Бесскорбной не имеет никаких локальных кубанских особенностей. Это изваяние собственно скифское. Оно принадлежит скифам, хотя и сделано на меотской земле». Мы полностью разделяем точку зрения, высказанную в свое время А. А. Иессеном в его докладе на Всемирном конгрессе востоковедов в 1961 г., согласно которой «...обратное движение скифов из Передней Азии происходило этапами, частично через территорию Урарту, а затем с более или менее длительным пребыванием на Кубани, о котором свидетельствуют ярчайшие памятники Келермесской группы. Часть скифов, вероятно, осталась на Кубани и позднее, вплоть до ассимиляции их окружающим населением» [Шульц, Навротский, 1973, с. 201].

Приведенное высказывание особенно интересно тем, что П. Н. Шульц выражает здесь не только свое мнение, но и подтверждает его выводами такого авторитетного исследователя, как А. А. Иессен.

По сообщению В. Б. Виноградова, близ станицы Бургустанской (район Пятигорья) в 1938 г. была найдена, но не сохранилась стела, на ко-

...рой вместе с поясом были изображены меч с брусковидным навершием и точковидным перекрестием и оселок. По типу меча В. Б. Виноградов относит изваяние к VI в. до н. э. [Виноградов, 1972, с. 37; Крупнов, 1970, с. 279].

Следующая группа скифских каменных стел выделена недавно в предгорных районах Чечни у селений Бети-Мокх, Замин-Юрт, Мескеты, Галайты и в приморском Дагестане близ поселка Дагестанские Огни [Марковин, Мунчаев, 1964, с. 158—164]. К сожалению, время этих стел остается недостаточно выясненным. Единственным хронологическим ориентиром является то, что одна из стел у с. Галайты была вторично использована в качестве плиты при устройстве каменного склепа, содержащего погребения позднего этапа кобанской культуры, не позднее VI в. до н. э. Над склепом размещались грунтовое погребение и каменный ящик, относящийся к VI—V вв. до н. э. Следовательно, галайтинская стела может относиться к более раннему времени. Авторы исследования относят ее VI—V в. до н. э., хотя, вероятно, она относится к более ранней поре. С достоверностью можно сказать, что она не позднее названной даты.

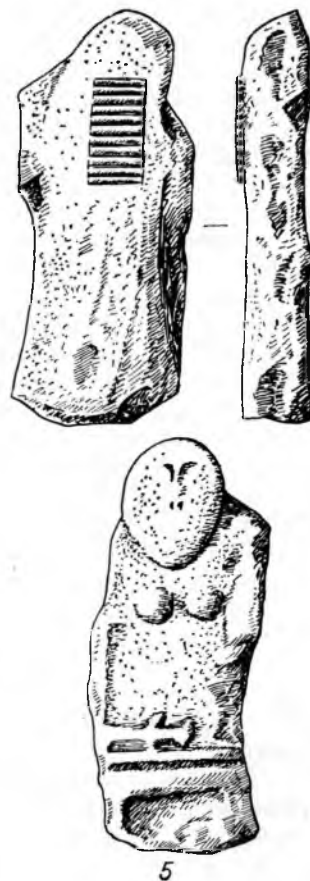
Стелы из Чечено-Ингушетии и Дагестана принадлежат к числу весьма примитивных. Изготовлены они из песчаниковых плит. Рельефным выступающим овалом выделена голова со слабо намеченными чертами лица. В одном случае (у с. Галайты) на лице выделены усы. В качестве атрибутов изображен пояс и акинак. Тип акинаков (стелы из Мескеты, Галайты) выражен недостаточно четко, чтобы по ним можно было определить изображение. Типология каменных скифских изваяний разработана пока слабо. Нам представляется, что стелы из Чечни наиболее близки стелам из Грушевки, Бесскорбной, Добруджи, Ступина и могут быть отнесены к ранней группе скифских стел. Не исключено, что данные стелы могут относиться ко времени интенсивных скифских походов через Кавказ.

В оценке сущности изображений мы присоединяемся к мнению исследователей, полагающих, что на скифских каменных стелах изображены героизированные предки-родоначальники господствующей группы скифских племен, являющихся символом единства скифов, претендующих на происхождение от божественного предка. Высказывалась мысль, что это могло быть изображение Геракла-Таргитая [Артамонов, 1961, с. 82; Шульдц, 1967, с. 225]. Однако более вероятной представляется мысль, что на стеле изображен младший сын Таргитая — Колоксай, являвшийся, согласно известной легенде, родоначальником господствующих племен скифов-царских.

Мы согласны с мнением В. И. Марковина и Р. М. Мунчаева, отмечавших, что «наличие рассмотренных памятников в данном районе — бассейне р. Аксай, очевидно, не случайно. Дело в том, что устье мелководной реки Аксай выходит на Прикаспийскую низменность, а верховья теряются в горном Дагестане. Широкая долина реки, обрамленная лесистыми горами, могла служить легким путем для проникновения в горы кочевых племен. Как известно, на указанное время приходятся походы скифских племен через Кавказ, в частности по Прикаспийской равнине, в Переднюю Азию. В связи с этим интересно отметить находку подобной стелы в Приморском Дагестане. Мы имеем в виду изваяние, хранящееся в музее «Дербента» [Марковин, Мунчаев, 1964, с. 164].

ИЗОБРАЖЕНИЯ СКИФОВ ВРЕМЕНИ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОХОДОВ

Раннескифские изображения, относящиеся ко времени переднеазиатских походов, отражают влияние скифов на народы, с которыми они пришли в соприкосновение. Интересную и почти совсем неразработанную

Каменные скифские изваяния из Чечено-Ингушетии:
1 — поселок Дагестанские Огни; 2 — селение Вати Мокх; 3 — Галайты; 4 — Зимин Юрт; 5 — Мескеты.

группу составляют глиняные фигурки бородатых скифов в остроконечных шапках, найденные в памятниках Кавказа и Передней Азии. Две из них происходят из погребений VI—V вв. до н. э. в Чечено-Ингушетии (станция Червленая, Ялхой Мокх) [Виноградов, 1966, с. 298—291]. Глиняная головка скифа в башлыке и одежде, украшенной аппликацией, найдена у Кировобада [Крупнов, 1940, с. 370]. Она близка к фигуркам из Мемфиса [Minns, 1913, 37, 8]. В слоях Кархемыша, откуда происходят скифские наконечники стрел и форма для их отливки, обнаружены фрагменты фигур всадников и коней [Wooley, 1921, pl., 20, 22, 23]. В Тарсусе найдены раннескифские наконечники стрел и глиняные фигурки всадников в остроконечных колпаках [Goldman, 1937, p. 278—279]. В несколько ином стиле выполнены фигурки всадников в Нейробе [Carriere et Barrois, 1927, p. 206]. Аналогичные фигурки найдены и в Мемфисе [Minns, 1913, p. 33].

Сами скифы подобные фигурки не делали. Так изображали их народы, с которыми они соприкасались. При определенных различиях в изображении фигурок, происходящих с разных территорий, все они изображают конного бородатого воина в остроконечном башлыке. Скифы, очевидно, произвели большое впечатление своим необычным видом, что отразилось в восприятии их современников.

На цилиндрической печати VI—V вв. до н. э. изображена сцена боя мидийцев и скифов [Дьяконов, 1956, с. 289, рис. 50]. В центре помещена пара воинов — скиф, вооруженный топором, отбивается от мидийца, ухватившего его за волосы. По бокам стоят мидиец и скиф, стреляющие друг в друга из луков. У мидийца в руках обычный для Азии дуговидный лук, а у скифа — асимметричный сложный лук. Скифы одеты в остроконечный башлык, короткий кафтан, туго перевязанный поясом, к которому подвешен горит.

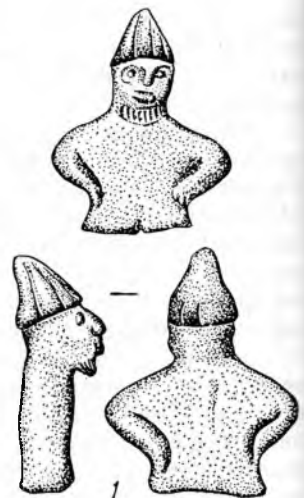
Загадочно изображение на сторонах проуха келермесской секиры. Тут помещены одинаковые мужские фигуры в профиль. На головах одеты островерхие тиары, окруженные зубцами. Кафтан длинный, ниже колен. Он украшен узором в «елочку». На ногах одеты мягкие, по-видимому, перевязанные по-скифски сапоги. Правая рука поднята в молитвенном жесте, в левой — опущенная вниз секира, подобная той, на которой она изображена.

Мастер, изготовивший эту секиру, создал образ, отвечающий требованию заказчика. Некоторые скифские атрибуты здесь налицо: обувь, островерхая шапка, боевая секира.

Исключительный интерес представляют две человеческие фигуры на бронзовом поясе из погребения № 76 Тлийского могильника в Южной Осетии [Техов, 1963, с. 165—166, 173—174, рис. 2, 1; 3, 5—6; 4, 10, 1]. В стиле, типичном для кобанских бронз, изображена сцена охоты конного и пешего воинов. Одна стрела, выпущенная пешим охотником, вонзилась в шею козла, вторая летит, а третью он вынул из колчана. В правой руке он держит сложный скифский лук. На портупее висит футляр для лука, рядом пририсован колчан. Кафтан туго перетянут поясом. Аналогично одет и вооружен всадник. К конской узде привязана отрубленная человеческая голова.

Б. В. Техов первый сопоставил эти изображения со скифами. Отметив необычное для кобанских изображений помещение на сбруе коня отрубленной человеческой головы, он вспоминает свидетельство Геродота [IV, 64] о распространении у скифов обычая вешать головы врагов на сбруе коней.

Очевидно, данное Б. В. Теховым определение является единственно правильным. В этом убеждает нас не только такая (приведенная задолго

Геродота) деталь, как отрубленная голова врага, подвешенная к конской узде, но и ряд других элементов: бородатые и длинноволосые головы воинов, специфичная форма скифского лука, стремление художника передать особую меткость и быстроту стрельбы из лука, одежда, перетянутая поясом.

Изображения обезглавленных врагов, как и отрубленных голов, наблюдающихся в руках победителей,— весьма распространенный мотив в скифо-греческом искусстве Северного Причерноморья IV в. до н. э. [Ильинская, 1978, с. 90].

Изображения воинов-охотников на поясе из могилы № 76 Тлийского некрополя далеки от реализма. Они достаточно условны. Очевидно, этим объясняется необычное расположение налучия и колчана, изображение двух ног на одной стороне коня у сидящего верхом всадника и пр.

В составе вещей из погребений № 76 имеются два кобанских топора с богато орнаментированными рукоятями, бронзовая фибула, два бронзовых сосуда с зооморфными ручками, бронзовая пряжка. Комплекс едва ли можно отнести ко времени позднее середины VII в. до н. э. На поясе из этой могилы кобанскими художниками передано древнейшее изображение скифов. Изготовление пояса совпадает по времени с появлением в Тлийском могильнике наиболее ранних скифских вещей при отсутствии каких-либо иных признаков инокультурного проникновения в местную среду населения южнокобанской культуры.

Существенный интерес представляет ассирийский рельеф из Нимруда, относящийся к царствованию Ашшурнасирапала II (883—859), то есть не моложе второй четверти IX в. до н. э. На рельефе изображена ассирийская колесница, преследующая конных лучников, из которых два передних видны особенно отчетливо. Т. Сулимирский, изучивший этот рельеф, справедливо отмечает, что здесь изображены не урартийцы, не мидийцы, не народ кобанской культуры, не племена и народы, сражавшиеся на колесницах, а степные кочевники, о чем свидетельствуют все детали одежды, вооружения, экипировки коней.

Оба всадника, как и находящийся на заднем плане третий, бородаты и длинноволосы. Лица европеидные. Одеты они в остроконечные шапки, длинные, косозапахнутые, туго перетянутые поясами кафтаны и штаны, направленные в мягкие сапоги. Один из них только что выпустил стрелу и опустил правую руку, в которой держит асимметричный лук, на коленях. Верхняя часть корпуса повернута к преследующему его врагу, левая рука поднята в победоносном жесте. Не исключено, что грудь воина покрыта панцирем с оплечьем. Всадник, скачущий впереди, также обернулся назад и на скаку посылает стрелу в преследователей (Sulimirski, 1954, стр. 289—293). Посадка и поза при стрельбе из лука такая же, как у «киммерийцев» на рисунке аттической вазы [Дьяконов, 1956, с. 233, рис. 40]. Типичным для кочевников Евразийских степей является снаряжение коня: мягкое седло с подпружным и подхвостным ремнями, разделенный натрое нащечный ремень, прикрепленный к трем отверстиям псаля, повод, идущий от кольца удила.

По мнению Т. Сулимирского, на рельефе изображены скифы, и на этом основании он относит время появления скифов в Передней Азии к X—IX вв. до н. э. Киммерийцев он ошибочно исключает на том основании, что вслед за М. И. Артамоновым связывает их с племенами катакомбной культуры среднего бронзового века (XVII—XVI вв. до н. э.). Э. А. Грантовский считает, что этнографический облик изображенных всадников свидетельствует о их происхождении из среды иранских племен, однако решительно возражает против отождествления их со скифами, поскольку в IX—VIII вв. до н. э. на Армянском нагорье и в Приурмийском районе скифов еще не было. К такому выводу исследователь пришел на основании анализа письменных источников. «Барельеф Ашурнасирапала II, — пишет Э. А. Грантовский, — может указывать на присутствие всад-

5

4

Глиняные фигурки с изображением скифов:

1 — курган у станции Червленной; 2 — окрестности Кировобада; 3—4 — Мемфис; 5 — каменная фигурка из погребения могильника Ялхой Дюкх.

нических, очевидно, иранских (происходящих, очевидно, из Юго-Восточной Европы) племен лишь на территории Центрального Курдистана или в соседних районах. Ономастические материалы текстов IX в. до н. э. свидетельствуют, что ассирийцы уже тогда сталкивались на этих территориях, в частности при Ашшурнасирпале II, в районе Сулиймание, с группами ираноязычного населения, очевидно, проникшего туда в период продвижения в Переднюю Азию (очевидно, с севера через Кавказ) других западноиранских племен, не имевших отношения к реальным скифам» [Грантовский, 1970, с. 370—371].

Несмотря на то что скифские элементы у всадников Нимрудского рельефа очень много, безупречная датировка этого памятника IX в. до н. э. делает невозможной идентификацию их со скифами. Этому ме-

Скифские каменные стелы, найденные на Северном Кавказе:

1, 2 — ст. Елизаветовская; 3 — Сальский округ; 4 — ст. Бескорбная.

ают как письменные, так и археологические источники. Более вероятно видеть в них неких предшественников из числа ираноязычных племен, возможно, киммерийцев времени начальных набегов. В пользу этого предположения может свидетельствовать такая существенная деталь: на поясе у двух передних всадников, там, где у скифов обычно подвешен акинак, изображена палка с шаровидным набалдашником на конце, по-видимому, булава. Такой вид оружия принадлежал, скорее всего, киммерийцам, в захоронениях которых встречаются каменные или бронзовые молоточки и шаровидные булавы. Важно, что по своему снаряжению и внешнему виду эти всадники весьма близки скифам, что подтверждает гипотезу о культурно-этнической близости киммерийцев и скифов.

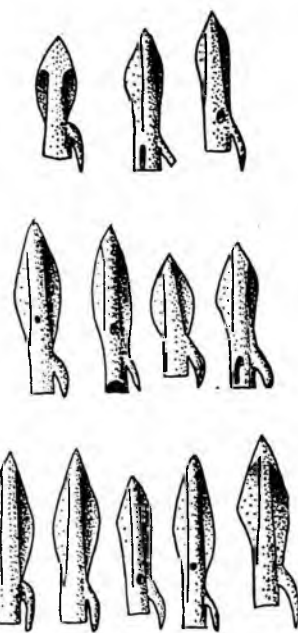
СКИФЫ И СИНДО-МЕОТЫ НА КУБАНИ

Е. И. Крупнов в 1957 г. писал: «Между прочим, в последнее время стала проявляться ничем не оправданная тенденция — богатейшее содержание этих курганов (имеются в виду Келермесские, Ульские, Костромской. — *Авторы*) приписывать меотам, хотя совокупность всех находок, таких типичных для культуры скифов, как образцы золотых и бронзовых вещей скифского звериного стиля, и даже сам погребальный обряд... весьма сходны с наблюдаемым на территории Геродотовой Скифии, говорят больше в пользу признания в них скифских памятников, но возмущавших в местной меотской среде, позднее ставшей по культуре скифской» [Крупнов, 1957, с. 159—160].

Мысль о принадлежности больших скифских курганов Кубани не скифам, а меотам была высказана впервые Н. В. Анфимовым [Анфимов, 1949, с. 241] и поддержана В. П. Шиловым [Шилов, 1951, с. 20]. Б. Н. Граков в 1947 г. писал о курганах Кубани как о «немых свидетелях скифских походов через Кавказ» [Граков, 1947, с. 15] и в соответствии со своей позднейшей концепцией отверг связь со Скифией всех памятников, находящихся к востоку от Дона [Граков, 1971, с. 114—116]. Вслед за Б. Н. Граковым исключила эти памятники из своего обзора археологической Скифии и И. В. Яценко [Яценко, 1959]. М. И. Артамонов описал их как киммерийские курганы [Артамонов, 1974, с. 55].

Обратимся к археологическим данным. На протяжении долгого времени курганы со скифской культурой оставались основными археологическими памятниками раннего железного века, известными на Кубани. В предвоенные годы Н. В. Анфимов обнаружил здесь следы местного земледельческого населения [Анфимов, 1941, с. 258; Анфимов, 1950, с. 85—90]. Дальнейшее изучение этих памятников привело к открытию ряда городищ и могильников середины — второй половины I тысячелетия до н. э. со своеобразной культурой, коренным образом отличающейся от скифской. Важнейшими объектами исследования стали Семибратнее и Усть-Лабинское городища и одноименный могильник.

Для этой вновь открытой культуры оказались характерными бескурганые могильники с труположениями в грунтовых ямах и преобладающей южной ориентировкой как в скорченном, так и в вытянутом положении. Инвентарь захоронений состоит преимущественно из глиняных сосудов, небольшого количества украшений, крайне редких предметов вооружения (наконечники копий, меч с волютообразным навершием). Почти полную принадлежность погребального инвентаря составляют гальки, игравшие какую-то ритуальную роль. Керамика своеобразна: лощеные горчаги с налепами в виде шишечек, кувшинообразные сосуды разнообразных вариантов, глубокие миски и характерные черпаки с раздваивающимися роговидными ручками. Большинство черпаков украшены геометрическим орнаментом из заштрихованных треугольников [Анфимов, 1949,

Скифские стрелы из Тарсуса.

с. 244—264]. Они имеют аналогии среди памятников кобанской культуры, но не тождественны им.

Городища имеют насыщенный культурный слой с бесспорными данными о существовании развитого земледелия, пастушества и оседлого образа жизни. Так была открыта культура древних меотов, существование которых в Приазовье и на Тамани засвидетельствовано античными и эпиграфическими памятниками Боспора. Дальнейшими исследованиями были уточнены племенной состав меотской культуры и область их расселения, охватывающая Таманский полуостров, Прикубанье (выше станицы Усть-Лабинской), южное Приазовье, Черноморское побережье до Новороссийска [Шилов, 1950, с. 102].

Известно, что меотские племена принадлежали к народам иберо-кавказской языковой группы. С конца VI в. до н. э. они попадают под сильное влияние Боспора и в IV в. до н. э. вошли в состав Боспорского царства, играя в его истории немалую роль. В частности, Семибратнее городище на Таманском полуострове рассматривают как остатки города синдов — одного из наиболее развитых и значительных меотских племен, подвергшихся сильной эллинизации под влиянием Боспора.

В ходе дальнейших исследований Н. А. Анфимовым были открыты памятники IX—VII вв. до н. э., генетически предшествующие меотским, протомеотским, соответствующие по времени поздним киммерийским погребениям степной полосы. Главными памятниками протомеотской культуры являются Николаевский и Кубанский могильники, из которых первый [Анфимов, 1964, с. 120 сл.], более ранний, соответствует времени погребений комышевахско-черногоровской группы, а второй [Анфимов, 1974, с. 170 сл.], более поздний, синхронен памятникам культуры Новочеркасского клада.

Четкая периодизация могильников, установленная Н. В. Анфимовым, послужила основой для культурно-исторического членения позднекиммерийской культуры всего юга Европейской части СССР [Тереножкин, 1976, с. 198].

В памятниках протомеотской культуры господствующим обрядом захоронения являются труположения в грунтовых ямах без каких-либо наземных сооружений, как и в Усть-Лабинском могильнике. Обычно южная ориентировка. Встречаются захоронения, вытянутые на спине и скорченные на боку. Глубина могил незначительна. Известны захоронения воинов, рядом с которыми лежала шкура лошади вместе с головой и копытами. В могилах обычны гальки, имевшие культовое значение. В отдельных случаях найдены кости коровы, лошади, овцы, свиньи от папутственной пищи.

Наиболее обычным инвентарем является керамика. Для Николаевского могильника особенно характерны лощеные черпаки с высокой ленточной ручкой, которые ставились по одной или по две в головах покойного. Встречаются черпаки с врезным геометрическим орнаментом в виде заштрихованных треугольников, зигзагообразных заштрихованных лент. В одном случае у подобного черпака были сделаны «рожки», типичные для подобных сосудов Усть-Лабинского могильника. Встречаются и кувшинчики, сходные с усть-лабинскими.

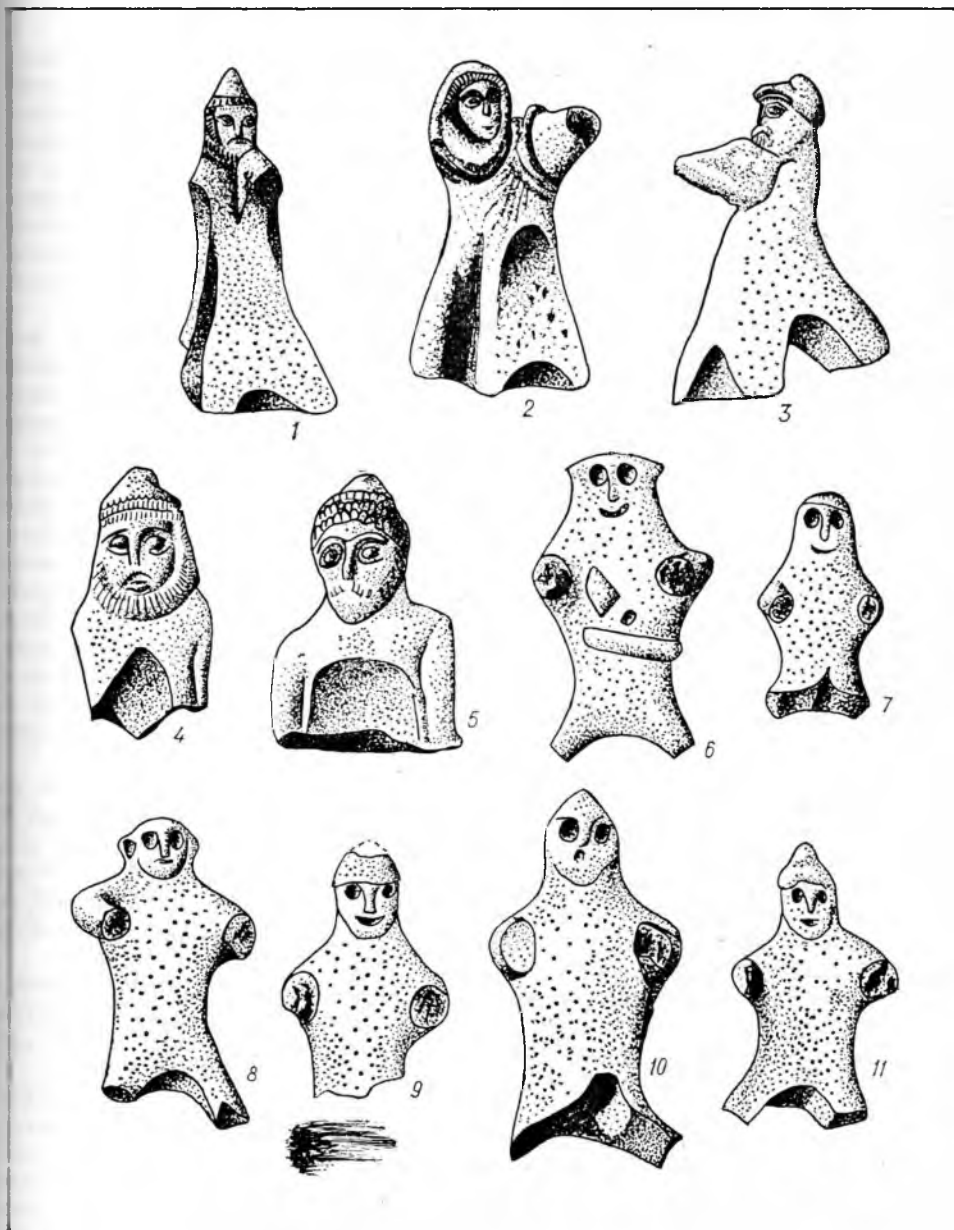
Оружие Николаевского могильника представлено в основном бронзовыми наконечниками копий, нередко с шестигранной втулкой. Железные наконечники редки. К мужскому инвентарю относятся бронзовые и изредка железные ножи. Форма и размеры тех и других одинаковы. Обычны оселки.

Своеобразный местный тип уздечных принадлежностей составляют бронзовые однокольчатые удила с гладкими, витыми или псевдовитыми стержнями. Остальные типы удил со стремечковидными петлями, бронзовыми и костяными псалиями аналогичны распространенным в памятниках черногоровско-камышевахского типа киммерийской культуры.

Украшения Николаевского могильника представлены браслетами, подвесками, булавками, типы которых известны на Кавказе, а также разнообразными гешировыми, сердоликовыми, свинцовыми бусами, белым и голубым пастовым бисером.

В Кубанском могильнике погребальный обряд такой же. Однако в инвентаре заметны изменения. Здесь уже отсутствуют бронзовые наконечники копий и ножей. Бронза почти полностью вытесняется железом. Изменения коснулись основных типов керамики: кувшинов, мисок, черпаков, горшков. Их форма уже близка к формам раннемеотской культуры Усть-Лабинского могильника. В одном из погребений найдена бронзовая кавказская ситула. Из оружия найдены железный акинак и бронзовая рукоять железного киммерийского кинжала, два наконечника стрел но-

Глиняные фигурки скифов.
1—5 — Нейраба; 6—11 — Тарсус.

вочеркасского типа, бронзовые секира-молоток с солярным знаком на втулке и булава, каменные молотки, часто встречаются оселки. Из предметов узды обычны бронзовые двухколычатые удила с характерными для них псалиями с весловидной лопастью.

Н. В. Анфимов датировал Николаевский и Кубанский могильники 750—650 гг. до н. э. Мы несколько удвеем начальную дату Николаевского могильника, отнеся ее к 850—750 гг. до н. э., а Кубанский могильник — к 750—650 гг. до н. э. Наиболее поздним захоронением Кубанского могильника можно считать то, из которого происходят удила со стремчовидными петлями и псалии с тремя муфтовидными отверстиями, подобные жаботинским, концы которых оформлены в виде орлиных головок. Это погребение, имеющее отчетливые раннескифские черты, вероятно всего, следует отнести ко второй половине VII в. до н. э.

Н. В. Анфимов устанавливает прямую генетическую связь этих памятников с меотскими, одновременно решительно отвергая мысль об их соответствии степным киммерийцам, а также, что синды и меоты могли быть потомками киммерийцев. Это две параллельные независимые линии этногенетического развития [Анфимов, 1971, с. 170—176], с чем мы полностью согласны.

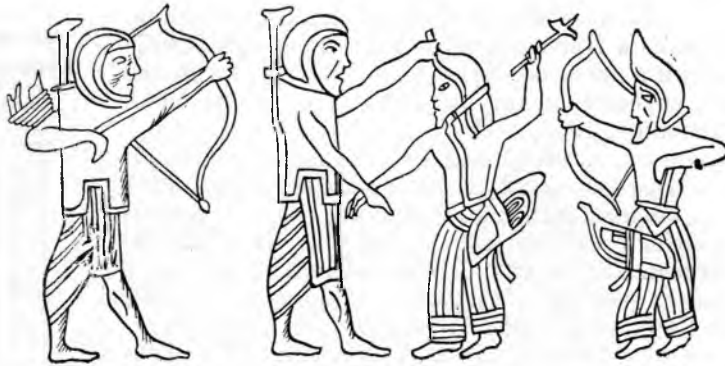
В то же время высказанное предположение противоречит мнению о том, что такие памятники скифской культуры, как Келермесские, Костромской, Ульские курганы, могли принадлежать меотам. Обе эти группы населения отличаются друг от друга образом жизни, характером материальной культуры, истоками происхождения. В населении, оставившем скифские памятники Кубани, нельзя видеть потомков протомеотских племен, носителей культуры Николаевского и Кубанского могильников, прямыми наследниками которых являлись меоты, известные по городищам и могильникам у станицы Усть-Лабинской. Это тем более очевидно, поскольку за Келермесскими и аналогичными им курганами стоит предшествующая история скифских переднеазиатских походов и вслед за ними возникновение Скифии к северу от Черного моря.

Сторонники меотской принадлежности Келермесских и других подобных курганов обычно апеллируют к сообщению Геродота о том, что «За Танаисом земля уже не скифская...» [IV, 21] и, что на указанной территории античные авторы и данные эпиграфики знают только различные подразделения меотских племен. Это безусловно так. Но несомненно и то, что со времени походов скифы пользовались большой властью и господством на захваченных территориях. Отдельные группы скифов в ходе передвижений оставались на той или иной территории, постепенно сливаясь с местным населением. Эта мысль, высказанная А. А. Исесеном для Прикубанских курганов, представляется нам вполне приемлемой.

Сравнительно небольшая область меотских племен с их оседлым земледельческим бытом не могла препятствовать проникновению скифов в Предкавказье. Из рассказов Геродота известно, что в зимнее время скифы совершали походы по льду через Боспорский (Керченский) пролив на Тамань, в землю синдов [IV, 28]. Отметим, что скифы осуществляли эти походы даже тогда, когда здесь уже возникли греческие колонии во главе с Пантикапеем и формировалось Боспорское царство.

Еще более важным является свидетельство Ксенофонта (около 434—355 гг. до н. э.), сообщавшего о том, что «в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны» [Воспоминания о Сократе, ВДИ, № 2, 1947, с. 316]. Сказанное дает возможность определить характер отношений между этими двумя народами и политическую обстановку в Прикубанье, по крайней мере в период скифской архаики.

Выдвигается еще один аргумент. Начиная с V в. до н. э. (особенно с его середины) на Таманском полуострове и на Кубани появляются курганы, по богатству, характеру и составу инвентаря не уступающие скифским (Семибратние, Карагодеуашх, Курджипский и др.), очевидно, при-

Изображение битвы мидийцев со скифами на цилиндрической печати.

надлежавшие местной, скорее всего, синдской аристократии. В погребениях, нередко совершенных в склепах из сырцового кирпича или камня, найдены прекрасные образцы скифского вооружения, узды, изделия в зверином стиле, украшения античной работы, предметы античного импорта и проч. Пользуясь ретроспективным методом, исследователи ставят вопрос так: коль скоро Семибратние и иные богатые погребения V—IV вв. до н. э. могли принадлежать знатым синдо-меотам, то почему же нельзя отнести к ним и более ранние курганы Келермесской группы и другие им подобные?

Однако подобный подход в данном случае едва ли может быть оправдан. Возникновение богатых курганных захоронений синдо-меотской знати относится ко времени консолидации местного земледельческого населения возле Боспорского царства, когда политическая и культурная обстановка здесь коренным образом изменилась. По всей территории Причерноморья в это время прослеживается мощное античное и скифское влияние, особенно сильное и яркое в зоне непосредственного соприкосновения античного и туземного миров, например на Боспоре. Для того чтобы уловить различие, достаточно сравнить Семибратние курганы с более ранними меотскими захоронениями Усть-Лабинского могильника и протомеотских погребений, а в свой черед названные памятники — с инвентарем и погребальным устройством келермесско-ульских курганов. Становится ясным, что линия развития идет не от Семибратних курганов к Келермесу, а от Келермесских (скифских) через античность Боспора к Семибратним и другим богатым погребениям синдо-меотских племен, вошедших в состав Боспорского царства.

Начиная с этой поры открывается новая страница в истории туземного населения Боспора (скифского и меотского), оказавшегося тесно связанным со Скифией Причерноморья и античным миром греческих городов Боспора. С течением времени здесь формируется яркий и самобытный центр греко-скифской культуры, оказавший заметное влияние на культурное развитие скифо-меотского мира. Подробнее этот вопрос мы рассмотрим далее.

М. И. Артамонов высказал гипотезу, что Келермесские курганы принадлежат киммерийцам, потомкам носителей катакомбной культуры, которые являются в то же время генетическими предшественниками синдов [Артамонов, 1974, с. 55, 118].

Начало истории Келермесских курганов восходит, по М. И. Артамонову, к той далекой поре, когда насилие срубной культуры (скифы) под давлением андроновских племен (исседонов или массагетов) вытеснило из Причерноморья племена катакомбной культуры (киммерийцев). События, рассказанные Аристеем и Геродотом, как непосредственно предшествующие началу переднеазиатских походов, переносятся М. И. Артамоновым, без всякого на то основания, в глубины эпохи бронзы середины II тысяче-

летия до н. э. Процесс вытеснения населением срубной культуры носителей катакомбной и формирование в Причерноморье сабастиновской (скифской) культуры определяется им в пределах XII—XI вв. до н. э., тогда как начало сабастиновского этапа срубной культуры относится ко времени XIV—XIII вв. до н. э. [Тереножкин, 1965, с. 72].

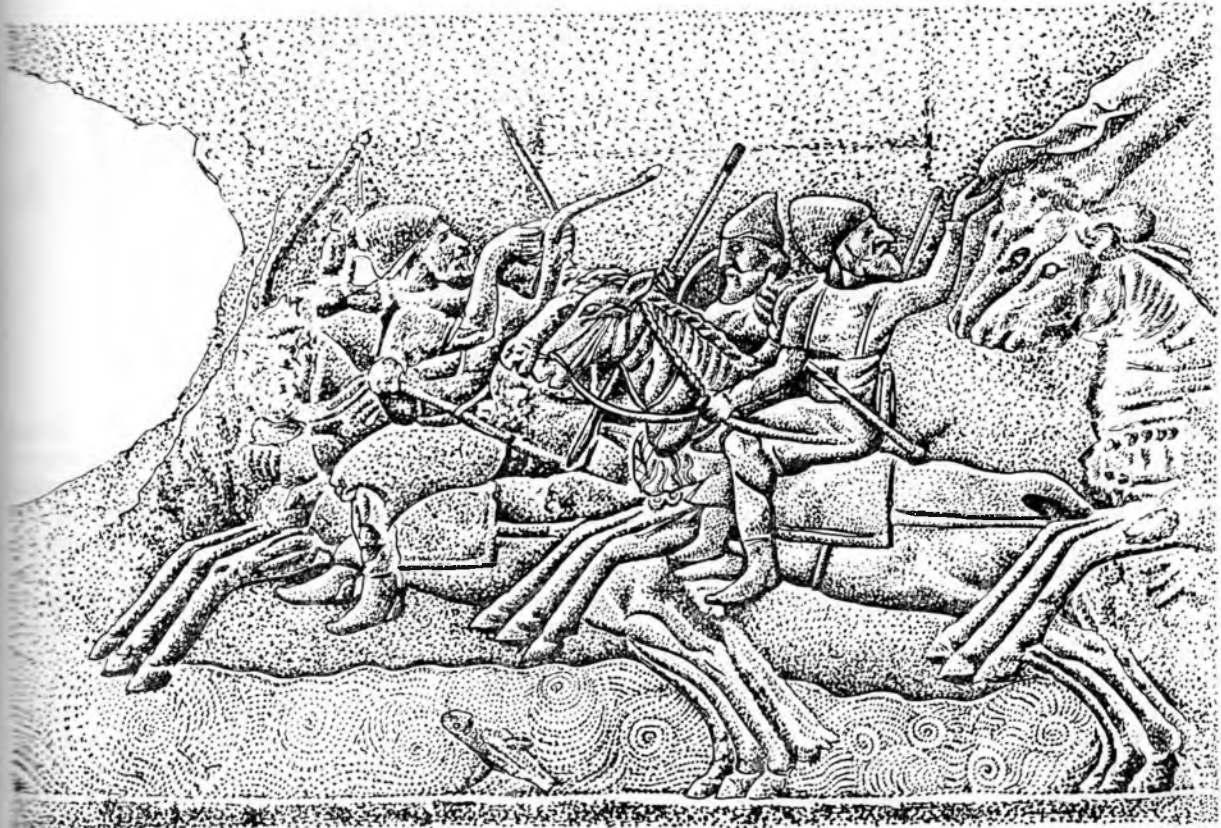
По мнению М. И. Артамонова, киммерийцы как носители катакомбной культуры были расчленены на две части, из которых одна (западная) ушла за Дунай и Карпаты и, смешавшись с фракийцами, создала фрако-киммерийскую культуру, носители которой совершали походы в Малую Азию через Балканы. Действительно, влияние катакомбной культуры в XV—XIV вв. до н. э. достигает района Днестра, но данные о широком проникновении ее в районы Карпато-Дуная отсутствуют. Ни по территории, ни по хронологии она не может иметь никакого отношения к фрако-киммерийской культуре VIII в. до н. э. Между нею и катакомбной культурой лежит глубокий хронологический разрыв. Основой фрако-киммерийской культуры, воспринявшей восточные элементы конской узды черногородовского типа, являются местные культуры гальштатского типа, Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии.

Что касается восточной части, разделенной между населением срубной, катакомбной культурами и киммерийцами, то, по М. И. Артамонову, они оказались оттеснены в зону Азово-Каспийской территории и к горам Кавказа, проникнув в предгорья к югу от Кубани. Подобное утверждение автора опять-таки не согласуется с данными археологии. Относительно западной части Прикаспия, в пределах Калмыцкой АССР, то она является коренной зоной обитания племен катакомбной культуры, куда ее никто не «оттеснял». В пору средней бронзы она занимала здесь господствующее положение и прекратила свое существование в середине II тысячелетия до н. э. Во второй половине II тысячелетия до н. э. Дону-Маньчское междуречье оказалось занятым племенами срубной культуры, оставившими скорченные захоронения с банковидными горшками, впущенными в насыпи более древних курганов, столь хорошо известными по аналогичным захоронениям Азово-Черноморских степей. Попытки М. И. Артамонова реконструировать здесь некоторую культуру, заполнившую промежуток между концом катакомбной культуры и началом появления исторических киммерийцев первых веков I тысячелетия до н. э., не обоснованы. Чтобы придать хоть какое-то археологическое правдоподобие своим построениям, М. И. Артамонов пытается замаскировать несуществующих киммерийцев катакомбной культуры под население срубной культуры сабастиновского этапа. По его мнению, «в составе культуры поздней бронзы, унифицированной срубным влиянием, в степи Азовско-Каспийского междуморья могло сохраниться киммерийское население, в особенности в прикаспийской ее части, геофизические условия которой не отвечали требованиям типичного срубного хозяйства» [Артамонов, 1974, с. 21]. Совершенно непонятно, почему, не находя археологического соответствия между киммерийцами и катакомбным населением в Причерноморье, М. И. Артамонов переносит их в Азовско-Каспийское междуморье, где для этого периода (вторая половина II — начало I тысячелетия до н. э.) не существует иной культуры, кроме позднесрубной.

Признавая, что «катакомбная и срубная культуры настолько различаются между собой, что об общем их происхождении и этническом родстве не может быть и речи», М. И. Артамонов в то же время допускает, что «киммерийская культура за время контактов со срубной культурой могла настолько сблизиться с последней, что распознавание археологических памятников той и другой стало почти невозможным» [Артамонов, 1974, с. 22]. Признание подобного положения означало бы факт ассимиляции катакомбного населения срубным, что отчасти имело место, по крайней мере, в Северном Причерноморье. В то же время в период поздней бронзы ни катакомбной культуры как таковой, ни какого-либо гене-

Изображение человеческой фигуры на келермесской секуре.

тически связанного с ней особого проявления культуры ни в Причерноморье, ни в Азово-Каспийском междуморье не существовало.

Но вот непреодолимый культурно-хронологический барьер от конца катакомбной культуры до начала киммерийских походов в Переднюю Азию волею автора оказался преодолен. За это время в истории и археологии произошли большие изменения. Срубная культура конца периода бронзы (белозерский этап) сменяется предскифской культурой ранних кочевников (типа черногоровки-камышевахи и новочеркасского клада), принимаемой многими исследователями за культуру исторических киммерийцев, совершенно не связанную с катакомбной культурой. Прошли киммеро-скифские походы. С начала VII в. до н. э. обозначились черты скифской культуры, отчетливо проявившейся на Кавказе и в странах Передней Азии. И вот, на рубеже VII—VI вв. до н. э., 700—800 лет спустя после исчезновения со сцены катакомбной культуры, мы вновь встречаемся с этим «наболевшим вопросом в связи с Келермесскими курганами Кубани».

Связь их со скифами М. И. Артамонов сразу же отвергает по причине несоответствия погребального обряда, хотя хорошо известно, что катакомбные погребения у скифов получают широкое распространение лишь с конца V в. до н. э., а до этого времени для них обычны захоронения в деревянных склепах, опущенных в ямы, на горизонте, сожжения склепов и проч., что характерно для курганов Кубани.

Принадлежность больших курганов начала железного века также вызывает сомнение, «потому, во-первых, что в меотских погребениях предшествующего времени не наблюдается ничего подобного, а во-вторых, что чет никаких данных об участии меотов в скифских завоеваниях в Азии» [Артамонов, 1974, с. 62]. Поэтому М. И. Артамонов делает совершенно

Нимрудский рельеф времени Ашшурнасирпала II (883—859 гг.).

неожиданный вывод: «С наибольшей вероятностью Келермесские курганы можно признать киммерийскими, принадлежавшими не киммерийцам, возможно, оставшимся на Северном Кавказе после переселения основной части этого народа в Малую Азию, а вместе со скифами вернувшимся из Азии» [Артамонов, 1974, с. 62].

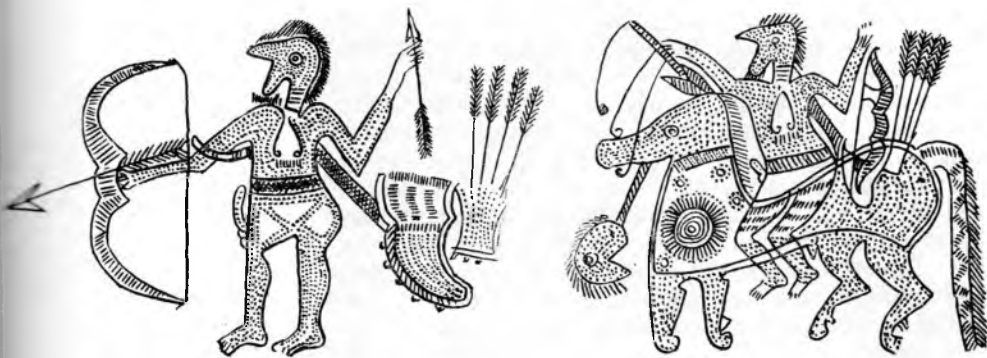
Итак, наши старые знакомые, киммерийцы катакомбной культуры, не пожелали расстаться со своими традиционными противниками, вновь вернулись в Причерноморье на сей раз в скифском облике. (Вспомним, как раньше они превращались в носителей срубной культуры). Каким образом им удалось пережить все это время и сохранить звенья генетической цепи, остается никому не известным. Но и этого мало. На вопрос о том, кем же являлись киммерийцы, М. И. Артамонов отвечает следующим образом: «Вопрос об этнической принадлежности киммерийцев остается открытым. Несмотря на признание иранскими имен киммерийских царей в Малой Азии, больше всего данных о близости киммерийцев не со скифами, не с туземным населением Кавказа, какими были меоты, тем более не с таврами горного Крыма, у которых катакомбная культура не была распространена, а с древним населением Малой Азии и Балканского полуострова, в частности с фракийцами. Об этом свидетельствует и литературная традиция, ведущая свое начало от Страбона (Эратосфена), и тождество имен фракийских и боспорских царей, последние из которых... скорее всего, вышли не из собственно фракийской, а из киммерийско-синдской среды» [Артамонов, 1974, с. 63]. «Ибо, — по утверждению М. И. Артамонова, — прямыми потомками киммерийцев были синды, представляющие наиболее прогрессивную часть населения Нижнего Прикубанья — Таманского полуострова и прилегающей части Черноморского побережья» [Артамонов, 1974, с. 62].

Итак, от носителей катакомбной культуры до фракийцев! Вывод поистине неожиданный и не обоснованный доказательствами. Правда, сам автор признает, что изложенная им гипотеза остается необоснованной археологическими данными.

Подводя итог вышеизложенному, можно прийти к следующим выводам. Появление скифских памятников и предметов скифской материальной культуры на территории степного Предкавказья, Северного Кавказа, Закавказья, стран Передней и Малой Азии относится ко времени не ранее начала VII в. до н. э. Памятники более ранней поры (VIII в. до н. э.), связанные с культурой типа Новочеркасского клада, нельзя рассматривать как скифские, предшествующие началу переднеазиатских походов. Для них характерны совершенно иные типы мечей, наконечников стрел, отсутствуют копыя, своеобразны предметы конской упряжи, совершенно иной художественный стиль, в основе которого лежит циркульно-геометрический орнамент. В настоящее время большинство исследователей связывают памятники типа Новочеркасского клада с позднейшими киммерийцами. Следует отметить, что предметы, относящиеся к новочеркасской группе, почти не проникают к югу от Кавказского хребта, что существенно отличает северную группу памятников кобанской культуры от памятников этой же культуры, расположенных по другую сторону Кавказских гор (Южная Осетия). В северокавказской группе наблюдается значительное включение киммерийских (черногородских и новочеркасских) элементов. В южной они отсутствуют.

Таким образом, следы киммерийских передвижений через Кавказ по данным археологии улавливаются плохо. Они не оказали существенного влияния на культуру населения Передней Азии и Кавказа. К числу реальных следов киммерийских проникновений в Переднюю Азию следует считать рельеф из Нимруда (IX в. до н. э.).

Скифские походы предстают как явление крупномасштабное, оказавшее многостороннее влияние на исторические судьбы и культуру народов Кавказа и Передней Азии. Скифы участвовали в политической борьбе и

войнах государств Древнего Востока, склоняя чашу весов в ту или иную сторону. Своими опустошительными набегами и тяжелыми данническими поборами они нарушали экономическую жизнь, выступая в качестве неслыханной непредвиденной разрушительной силы, «кары божьей» по горьким испуганным воплям библейских пророков.

С другой стороны, активные военные действия скифов с короткими перемилиями военными союзами способствовали повсеместному распространению скифского вооружения, особенно луков и стрел, а также акинаков, боевых топоров, конского уздечного снаряжения. «Скифство» стало определенной модой, о чем может свидетельствовать распространение глиняных фигурок скифских всадников, а также сцен битв и охоты, культовых действий, нашедших отражение в искусстве ряда народов.

Скифы принесли с собой новый «звериный стиль» и заставили работать на себя искусных гонимцев Древнего Востока. Это привело к слиянию различных художественных начал и появлению во второй половине VII в. до н. э. нового направления в искусстве, в котором сочетались скифские и восточные элементы. Скифские мотивы орлов, оленей, хищников из семейства кошачьих и др. стали использоваться для украшения вещей восточного типа (налобные ленты, пекторали), а образы восточного искусства использовались при отделке скифских вещей (келермесский и гальгуновский акинаки, келермесская секира). Начал формироваться новый вариант скифо-восточного искусства, оказавший значительное влияние на дальнейшее развитие скифского звериного стиля.

Знакомясь с роскошью дворов восточных владык, скифские цари и знать переняли стремление к роскоши в отделке одежды, оружия, конского снаряжения. Золотые тиары, диадемы, гривны, пекторали, браслеты, кольца, одежда, расшитая золотыми бляхами, стали обычными предметами быта представителей аристократической верхушки скифов. Золотой отделкой высочайшей художественной работы покрывались налучия, рукояти ножен мечей и кинжалов, щиты, даже панцирные чешуйки обтягивались золотом. Скифский царь в парадном военном убранстве буквально был покрыт золотом, вплоть до нагайки и точильного оселка, причем почти каждая вещь являлась подлинным произведением искусства.

Не имея дворцов, скифы перенесли роскошь на себя и вещи личного обихода, особенно одежду, оружие, конскую упряжь, а из числа бытовых предметов высоко ценились золотые чаши. Такое внешнее оформление богатства и знатности явилось одной из черт, усвоенной скифами во время среднеазиатских походов и оставшейся затем отличительной чертой скифов на протяжении всего периода их правления. К этому следует еще прибавить высокий художественный вкус, сложившийся в результате соприкосновения с миром искусства Древнего Востока, а затем античной Греции. Ни один из народов древнего мира (за исключением, пожалуй, только эллинизированных фракцийцев) не имел возможности так художест-

Изображения воинов-охотников на бронзовом поясе из погребения № 76 у с. Тли.

венно оформлять вещи бытового обихода, как скифы. Представление о скифской культуре и вещах, составляющих бытовую обстановку, всегда связано с самобытным искусством.

Из Передней Азии скифы заимствовали такие элементы доспеха, как панцири с чешуйчатым набором, бронзовые шлемы, отдельные мотивы в оформлении шумящих наверший (головки и фигурки быков, грифонов) и некоторые другие черты культуры и искусства. Отметим, что, будучи кочевниками, скифы так и не ввели в своем воинском обиходе боевых колесниц, распространенных у сирийцев, мидийцев, народов Урарту, Ассирии и других народов Востока. Единственным свидетельством использования скифами колесниц, скорее всего в качестве трофея, может служить находка обломков бронзовой оковки дышла в большом Ставропольском кургане, раскопанном В. Г. Петренко.

Связь скифов с населением Кавказа продолжалась на протяжении VI — начала V вв. до н. э. и не всегда имела враждебный характер. Повидимому, правы те исследователи, которые считают, что какая-то часть скифов инфильтрировалась в местную среду и растворилась в ней.

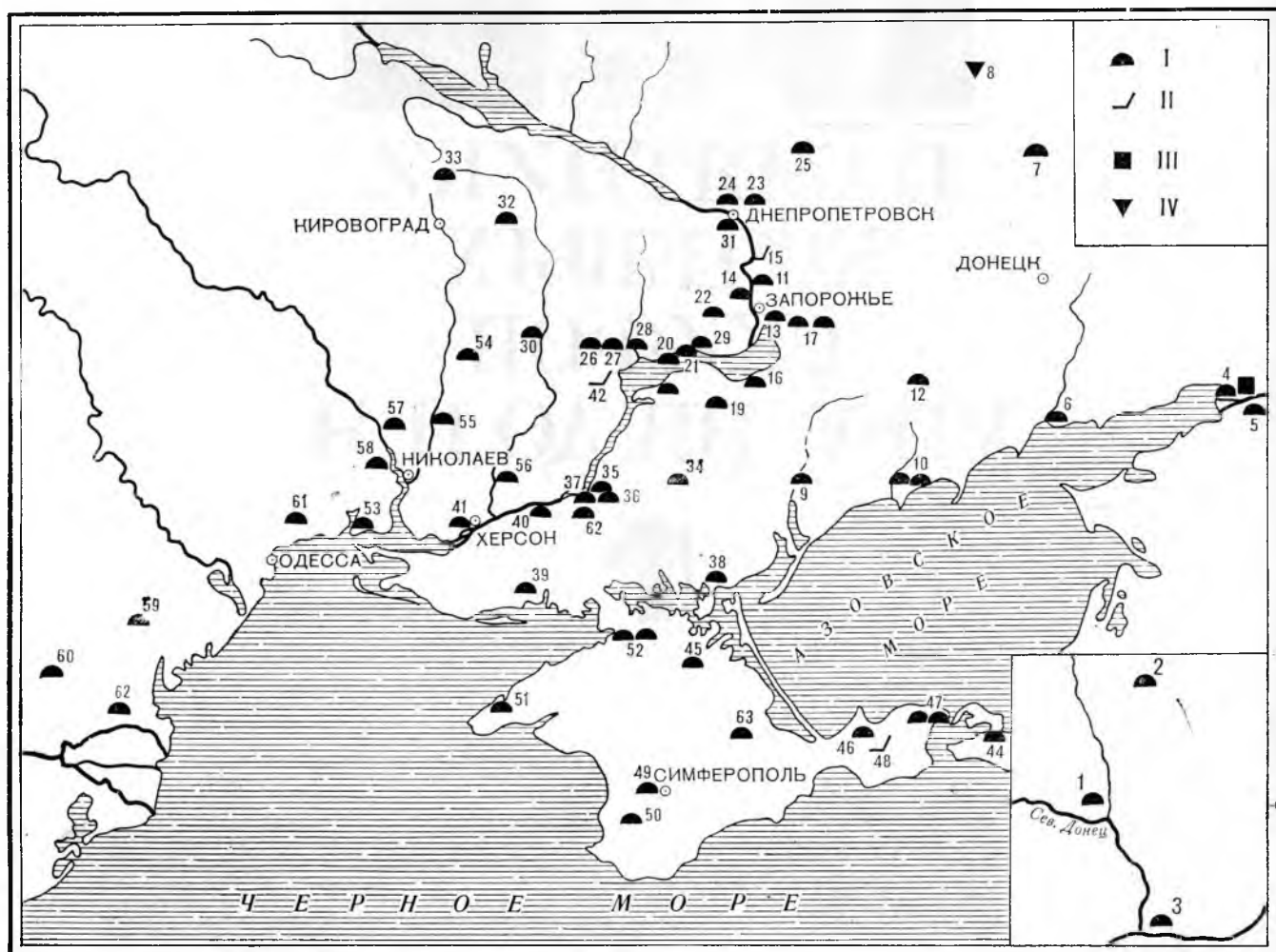
ПАМЯТНИКИ
КОЧЕВНЫХ
СКИФОВ
VII-V ВВ. ДО Н. Э.

Карта памятников кочевых скифов VII—V вв. до н. э.:

I — курганы; II — бескурганные погребения; III — городища; IV — случайные находки.
 1 — курган у слободы Кривоорожье на р. Калитва; 2 — курган у хутора Большой на р. Пурган; 3 — Константиновский; 4 — курганы у Ростова-на-Дону. Елизаветовское городище и курганы; 5 — Койсуг; 6 — Жданов; 7 — Новониколаевка; 8 — Изюм; 9 — Константиновка; 10 — Ногайск; 11 — Грушевка; 12 — Гусарка; 13 — Приднепровка; 14 — Кичкас; 15 — Дубовой; 16 — Днепрорудный; 17 — Новогригорьевка; 18 — Большая Знаменка; 19 — Малая Цимбалка; 20 — Никопольское курганное поле; 21 — Шолохово; 22 — Томаковка. Острая Могила; 23 — Покровское; 24 — Подгородне; 25 — Новоалександровка; 26, 27 — Апостолство, курганы Бабь, Раскопана Могила; 28 — курганы у г. Орджоникидзе; 29 — Верхняя Тарасовка; 30 — Рахмановка; 31 — Волошское; 32 — Медерово; 33 — Мельгунов (Литой) курган; 34 — Нижние Серогозы; 35 — Зелe-

ный Лагерь; 36 — Семеновка; 37 — Любимовка; 38 — Новоалексеевка; 39 — Широко; 40 — Днепряны; 41 — Рожновский; 42 — Михайловна, бескурганный могильник; 43 — Темир Гора; 44 — Цукур Лиман; 45 — Филатовка; 46 — Ильичево; 47 — Ак-Бурун; 48 — бескурганный погребение на поселении Кирова; 49 — Золотой Симферопольский курган; 50 — курган Кулаковского; 51 — Ак-Мечеть; 52 — курганы у сел Танковое и Мартыновка; 53 — Анновка; 54 — Новорозановка; 55 — Христофоровка; 56 — совхоз «Коммунист», Нововасильевка; 57 — поселок Бугский; 58 — Ковалевка; 59 — Арпиз; 60 — Огородное; 61 — Владиславка; 62 — Шевченко; 63 — Чвалово.

Вторая половина VII в. до н. э., а особенно начало VI в. до н. э. в Северном Причерноморье отмечены повсеместным распространением скифской культуры, охватившей не только степную, но и лесостепную зоны. Скифская культура оказала сильное влияние почти на все сопредельные со Скифией племена, жившие на Северном Кавказе, в Закавказье, синагометов в Прикубанье, тавров горного Крыма, фракийцев в Карпато-Дунайском бассейне, северо-восточную область лужицких племен, племена милоградской и юхповской культуры к северу от Скифии и др. Племена с культурой скифского типа заселили с конца VI в. до н. э. территорию Среднего Дона. Тесный контакт существовал между скифами и родственными им по языку и культуре савроматами, жившими к востоку от Дона.

Центром политического и культурного сосредоточения скифского мира становятся степи Северного Причерноморья, являвшиеся местом обитания кочевых скифских племен, в том числе и скифов-царских, составлявших ядро политического объединения Скифии.

До недавнего времени существовало представление об исключительно небольшом количестве раннескифских памятников в степной полосе. И. В. Яценко, рассматривая архаическую Скифию VII—V вв. до н. э., на основании немногим более двух десятков погребений этой поры делает вывод об отсталости степных скифов раннего времени по сравнению с окружающими их племенами [Яценко, 1959, с. 116]. Выказанная точка зрения получила отражение и в других исследованиях, посвященных раннескифскому периоду [Артамонов, 1970, с. 28, 29; 1974], хотя в действительности она далеко не отражает подлинного положения вещей.

Со времени выхода работы И. В. Яценко в представлении о доскифском и раннескифском периодах степной полосы произошли большие изменения. Относимые автором к непосредственно предскифскому периоду [XI—VIII вв. до н. э.] памятники сабастиновского и белозерского этапов позднесрубной культуры и сопутствующие им клады и литейные мастерские в действительности относились к значительно более ранней поре — XIV—X вв. до н. э. Изменилось представление о культурно-хронологическом отношении памятников белозерского и сабастиновского этапов. На переходе от доскифского к раннескифскому времени выделен еще один культурный этап, охватывающий период от начала IX до середины VII в. до н. э., с которым открывается эпоха ранних кочевнических, связываемых с историческими киммерийцами [Терепожжик, 1976].

Описанные И. В. Яценко в качестве раннескифских комплексы из с. Ивановки бывшего Николаевского уезда и курганов у хут. Веселого в Мелитопольском районе, а также погребения в курганах у с. Малая Камбалка и № 8 у с. Кут [Яценко, 1959, с. 25, 49] в действительности относятся к белозерскому и позднему киммерийскому периодам и не имеют прямого отношения к раннескифской поре.

Таким образом, в качестве памятников Степной Скифии архаического периода в работе И. В. Яценко привлечены лишь поселение у Широкой Балки близ Ольвии и материалы из 21 погребения, в том числе шесть погребений из Аджигола у Ольвии [Яценко, 1958, с. 45], которые так же, как и поселение у Широкой Балки, характеризуют локальную группу каллипидского земледельческого населения приольвийской округи, нуждающуюся в специальном изучении. Если выделить приольвийские памятники в особую группу, то для характеристики раннескифских памятников степной полосы И. В. Яценко привлекает всего лишь 15 погребений. В число памятников первой половины VI в. до н. э. отнесены: погребение № 5 в кургане № 3 у с. Нижние Серогозы, погребение № 3 кургана № 2 у с. Константиновки, погребение в кургане № 3 близ Ногайска. К рубежу VI—V вв. до н. э. И. В. Яценко относит курган у Рожновских хуторов на Херсонщине, Острую Томакову Могилу, для кургана у г. Жданова, курган № 1 у с. Волошского.

В качестве памятников V в. до н. э. ею учтены курганы Бабы и Раскопана Могила, курган № 25 Кичкасского могильника, погребение на острове Дубовом, курган у с. Большая Белозерка, курганы Острая Могила и № 6 у г. Ногайска.

Таким образом, И. В. Яценко не учла и не ввела в научный оборот не только раннескифские кочевнические курганы Кубани и Северного Кавказа, но и такие выдающиеся памятники архаической Скифии, как курганы у Цукур-Лимана на Таманском полуострове, Темир-Гора на Керченском полуострове, скифские курганы Нимфейского некрополя, Ак-Мечетский, Ак-Бурунский и Баксинский курганы; проигнорированными остались раннескифские курганы Степного Крыма: Золотой Симферопольский, курган Кулаковского (между Альмой и Качей), а также ряд выдающихся по значению курганов степной полосы из дореволюционных раскопок: курганы Никополя, у слободы Криворожье, хут. Большого на р. Цуркан, Новогригорьевки и Большой Знаменки и даже знаменитый Мельгуновский курган.

Естественно, что при таком подходе к отбору материала картина архаического периода в степной полосе не может быть объективной и полной. В настоящее время в результате вновь произведенных раскопок количество раннескифских погребений в степной полосе превышает сотню. Это в шесть-семь раз превышает количество погребений, использованных И. В. Яценко. Каталог раннескифских памятников Степи составлен В. А. Ильинской и В. Ю. Мурзиным. Поскольку в нашей литературе отсутствует сколько-нибудь полное представление о раннескифских памятниках степной полосы, приведем сводку имеющихся данных с тем, чтобы составить объективную основу для дальнейших суждений. Описывать памятник будем в соответствии с современным административным делением, в направлении с востока на запад, в хронологической последовательности от памятников ранних к более поздним.

Ростовская область (к западу от Дона). Одним из наиболее ранних здесь является курган на р. Калитве у слободы Криворожье [Смирнов, 1909, табл. V, 16; VI, 1; Манцевич, 1958а, с. 196]. Он случайно раскопан при добыче камня в 1869 г. При обследовании выяснилось, что погребение было совершено под невысокой (0,35 м) насыпью в деревянной сожженной гробнице на уровне древнего горизонта. Здесь найдены массивный золотой цилиндр с отогнутыми наружу верхним и нижним краями, два небольших кувшинчика, верхняя часть самосского кувшина, украшенная головкой барана, и серебряная головка быка [Книпович, 1935, с. 99]. По мнению А. П. Манцевич, головка украшала подлокотник дворцового ассирийского табурета VIII—VII вв. до н. э. Погребение, вероятнее всего, относится к концу VII в. до н. э.

К этой же поре относится курган у хут. Большого на р. Циркан, притоке р. Чир в бывшем Хоперском округе, откуда происходит фрагмент ионийской вазы, украшенной сверху головкой быка [Книпович, 1935, с. 94—97, 105—106]. По мнению исследователей, этот сосуд относится к середине или последней трети VII в. до н. э. [Артамонов, 1974, с. 69; Сидорова, 1962, с. 94].

Архаической порой датируется погребение в распаханном кургане на западной окраине г. Константиновска [Кияшко, 1969, с. 106; Кияшко, Кореяко, 1976, с. 170 сл.]. Вокруг погребения был ров, имеющий разрыв с западной стороны. Могильная яма ориентирована по странам света (3,2×3×3,2 м). С южной стороны в нее вела ступенька. В яме обнаружены остатки склепа со столбами в северо-восточном и северо-западном углах и полусожженным перекрытием, засыпанным камнями и просевшим в могилу. Скелет человека лежал со слабым поворотом на правый бок, головой на запад. Правая нога слегка согнута. В могиле оказались: большой глиняный кувшиновидный сосуд с ручкой; бронзовый наконечник ножен меча; костяная пластина, слошья

покрытая гравированными изображениями оленей; кости быка. Все это, очевидно, лежало на перекрытии и южной ступеньке. При самом умершем найден комок мела и галька. В юго-западной части рва — два конских черепа, обломки разбитого каменного блюда и фрагменты лепного горшка. По характеру резьбы на костяной пластине, близкой к жабовинским, мы относим это погребение к VII—VI вв. до н. э. В. Я. Кияшко упоминает также о группе погребений раннескифской поры, открытых в окрестностях г. Ростова. К ним он относит курганы у хут. Красноворского под Новочеркасском, у хут. Тузловского, курган № 10 Аксеновского могильника, раскопанного в 1967 г., курган № 2 у г. Константиновска-на-Дону, курган у хут. Арбузова [Кияшко, Кореняко, 1976, с. 176].

На западной окраине Ростова-на-Дону И. Б. Брашинским открыты скифские захоронения интересующего нас времени. В погребении № 1 кургана № 5 (1967 г.) захоронение скифянки было впущено в курган эпохи бронзы. Оно совершено в яме неправильной формы

1

2

3

4

Греческие сосуды:

1 — курган Темир-Гора; 2 — курган у слободы Криворожье; 3 — курган у хут. Большой на р. Цуркан; 4 — курган у Цуркур-Димана.

с широтной ориентацией ($2,4 \times 0,8 \times 1,1$ м). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. В составе инвентаря: бронзовое зеркало с бортиком и ручкой в виде петельки; свинцовое пряслице, овальное блюдо из песчаника, небольшой лепной горшочек со сливом [Брашинский, 1973, с. 54 сл.]. И. Б. Брашинский сообщает о находке еще одного подобного блюда на песчаных дюнах у станицы Елизаветовской в дельте Дона.

Курганы с погребениями V в. до н. э. открыты на Елизаветовском могильнике. К ним относятся погребение № 2 кургана № 28 и погребение № 2 кургана № 29. В первом из них найдены: копье, акинак с антенным навершием, стрелы, амфора последней четверти V в. до н. э. и аттический чернолаковый килик, датированный 30-ми годами V в. до н. э. Второе погребение женское, по хиосской поздней пухлогорлой амфоре, найденной в нем, определяется временем третьей четверти V в. до н. э. [Брашинский, Демченко, 1969, с. 111 сл.; Брашинский, 1973, с. 58—59].

Интересно погребение № 2 кургана № 30, содержащее женское захоронение с оружием. Могильная яма удлиненно-прямоугольной формы (юго-запад — северо-восток, $3,65 \times 0,95 \times 0,72$ м). Скелет лежал на спине, головой на юго-запад. В могиле оказались: акинак; наконечник копья со втоком; наконечники стрел; два бронзовых браслета; четыре кольца; разнообразные бусы, в том числе несколько золотых; бронзовое зеркало с деревянной ручкой; две бронзовые ворварки; глиняное пряслице, в ногах лощеная миска; кости животного (лошади, коровы); железный нож; хиосская пухлогорлая амфора первой половины — середины V в. до н. э. [Брашинский, 1973, с. 60].

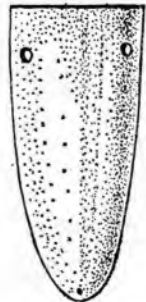
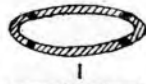
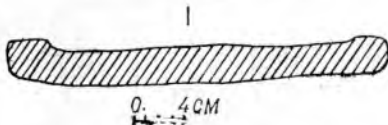
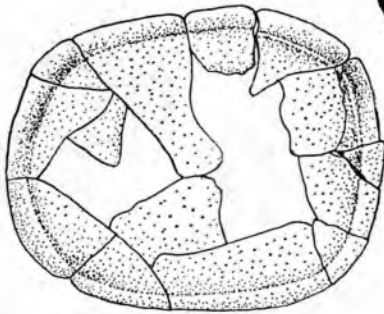
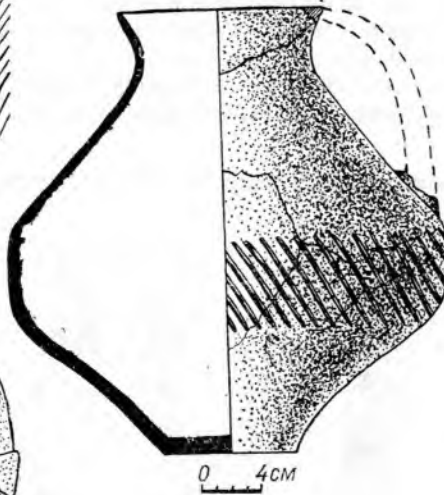
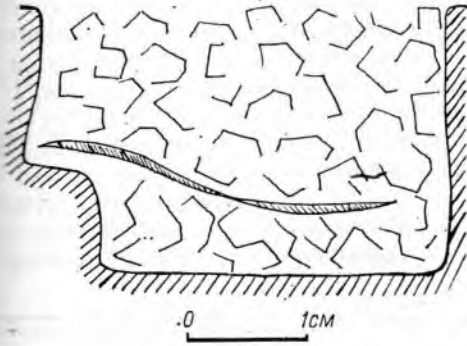
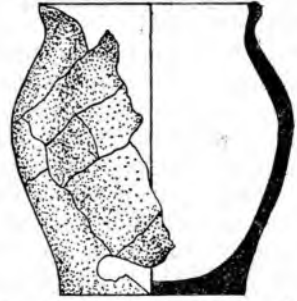
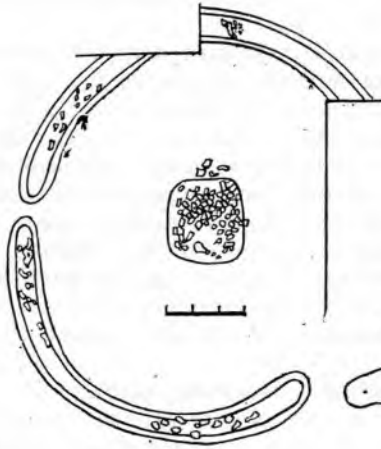
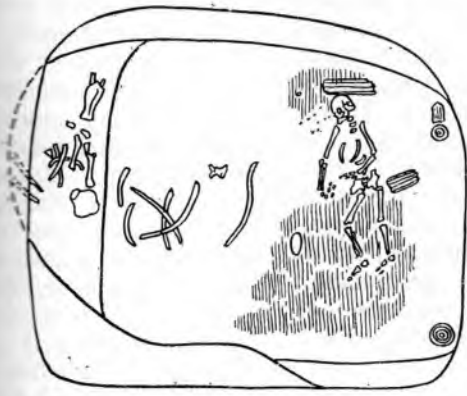
Погребение № 4 в кургане № 62 также принадлежало женщине-воительнице. Наряду с украшениями и глиняным пряслицем в инвентаре погребения найдены железный меч и колчаный набор. Погребение относится к V в. до н. э. [Брашинский, Зарецкий и др., 1977, с. 89].

У г. Жданова на р. Кальмиус известны два погребения V в. до н. э. [Черненко, 1970а, с. 176 сл.]. Первое из них в кургане № 6 было основным. К моменту раскопок насыпь имела всего 15 см высоты и состояла из одного выкида. Погребение совершено в яме глубиной 2 м, с подбоем с южной стороны, заложеными камнями. В подбое лежал скелет мужчины вытянуто на спине, головой на восток, с несколько разведенными в стороны руками. Погребенный был одет в железный панцирь, у головы — остатки античного шлема. Рядом с умершим — короткий кинжал и длинный меч с антенным навершием, наконечники двух копий со втоками, боевой пояс с набором из железных пластин. Кроме того, в могиле найдены: золотая обивка деревянного сосуда в виде головы хищной птицы, железный котел (?), бронзовое зеркало и браслет. В северо-западной части подбоя прослежены остатки костра, в котором найдены скорлупа яиц и речные раковины. Отдельно лежали кости животного от жертвенного мяса.

В кургане № 7 обнаружено впускное скифское захоронение, совершенное в яме ($2 \times 0,96 \times 1,2$ м). Погребенный лежал вытянуто, головой на восток. При нем, у левого бока, найдены: железный меч, остатки колчана со стрелами, две костяные пластины, вероятно, от лука. У правого плеча — две бронзовые ворварки и три наконечника стрел. У левой ноги — бронзовая бляха в виде головки лося, очевидно, украшавшая колчан. Кроме того, здесь обнаружены кусок розовой краски и «кусочек желтой краски, похожей на серу» [Пиневиц, Архив ИА АН УССР; Архив ВУАК, № 116 (д)].

В 1971 г. Н. Н. Чередниченко производил раскопки в **Ворошиловградской области**. У с. Николаевка Станишно-Луговского района в кургане № 13 периода бронзы открыто разрушенное впускное погребение

План гробницы и предметы погребения у г. Константиновск-на-Дону.

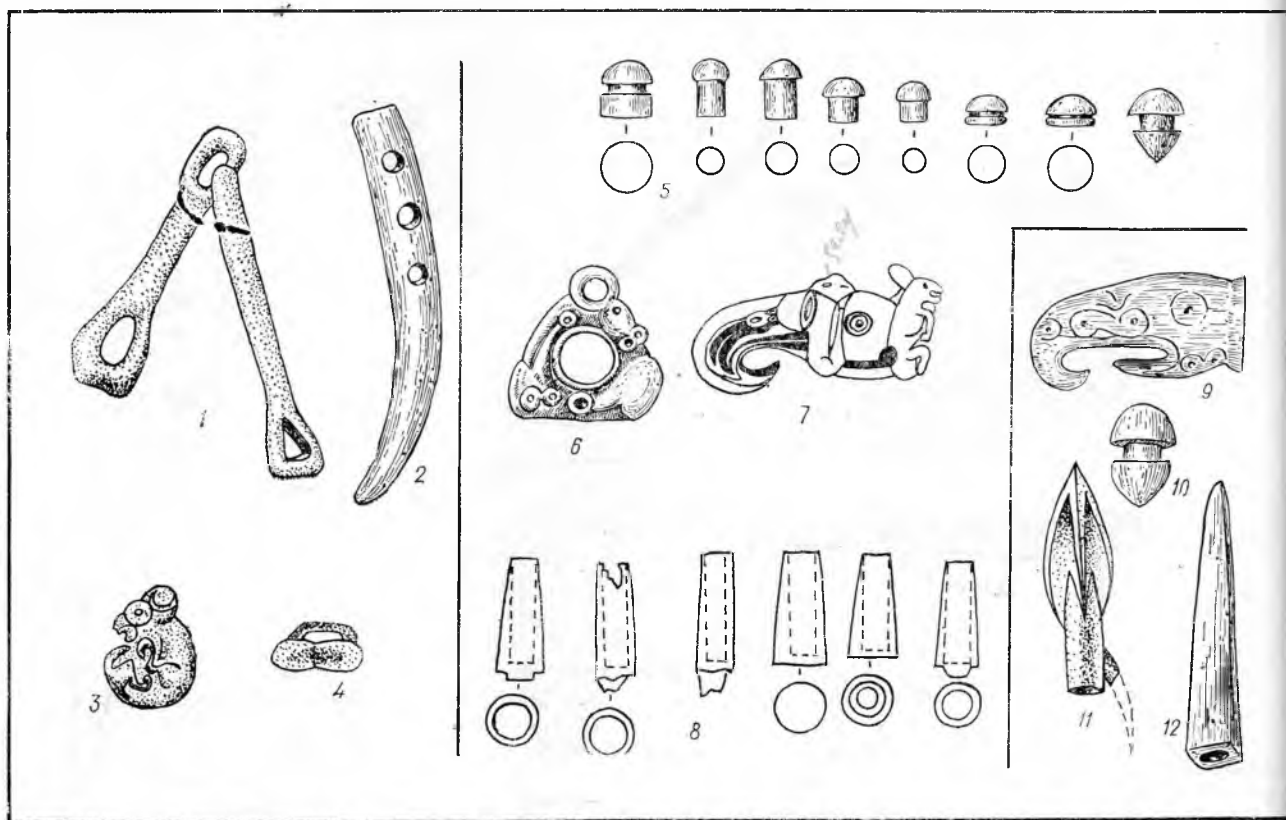

ние в яме, из которого было выброшено блюдо из песчаника с носиком, типичное для раннескифских захоронений [Чередниченко, Архив ИА АН УССР, 1971/31].

К числу загадок скифской археологии следует отнести факт почти полного отсутствия скифских погребений не только архаического, но и более позднего времени в пределах степной полосы Донецкой, Луганской и степной части Харьковской областей, то есть, именно там, где следовало бы ожидать размещения памятников скифов-царских. О том, что скифы здесь были, свидетельствуют не только письменные источники, но и находки многочисленных наконечников стрел, включая и наиболее архаические, на дюнах в окрестностях г. Изюма [Сибилев, 1936, табл. XXVIII] и происходящая оттуда же находка одного из древнейших бронзовых зеркал, на боковой ручке которого изображены знаки четырехлучевой солярной эмблемы и лунные знаки [Сибилев, 1936, табл. XXVII].

Известны здесь и скифские каменные статуи, но скифские захоронения здесь крайне редки, несмотря на то что начиная с дореволюционного времени на этой территории осуществлено значительное количество раскопок курганов, в подавляющем большинстве датированных периодом бронзы. Не приходится сомневаться в том, что эти степи служили местами скифских кочевий. Но сколько-нибудь больших скифских кладбищ здесь не обнаружено. Это обстоятельство снова приводит нас к мысли о существовании в эпоху архаики особых курганных некрополей за пределами степной полосы, в зоне Лесостепи на удаленных и укрытых местах Скифского Герроса.

Запорожская область. Следующую к западу группу составляют памятники Запорожской области, охватывающие обширную территорию

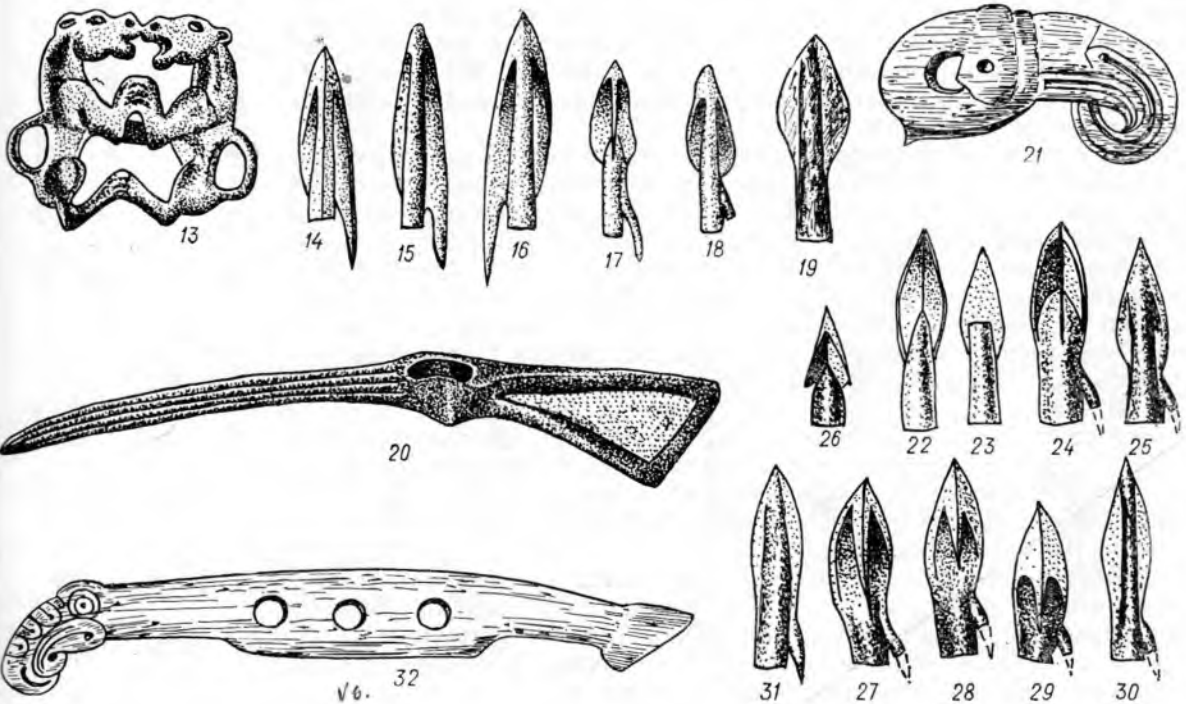
между Приазовьем и порожистой частью Днепра, ныне покрытой водами оз. Ленина и отчасти Каховского водохранилища.

Одним из наиболее ранних здесь является впускное погребение № 3 в кургане № 2 у с. Константиновка под Мелитополем [Либеров, 1951, с. 144]. Погребение открыто в центральной части насыпи кургана эпохи бронзы. Контуры могильной ямы не прослежены. Скелет лежал вытянуто, головой на запад—северо-запад. Поза свободная. Правая рука согнута в локте, кисть в области живота; кисть левой — у подбородка. При погребенном найдены: бронзовые удила со стремечкообразными петлями, костяные роговидные псалии с тремя отверстиями, бронзовая бляха-восьмерка с ушком сзади и бронзовая бляха в виде свернувшегося зверя. Погребение может быть датировано ранним VI в. до н. э.

К ранней поре VI в. до н. э. И. В. Яценко относит также впускное погребение в кургане № 3 близ Ногайска [ОАК за 1887, с. СLXXIII; Яценко, 1956, с. 157 сл.; Яценко, 1959, с. 43]. От инвентаря осталась только бронзовая с золотой плакировкой колчанная застежка. Определение времени погребения по данной находке представляется нам сомнительным, поскольку подобные предметы встречаются не только в VI, но и в V в. до н. э.

Погребения близ Ногайска, в кургане № 6, кургане Острая Могила и у с. Владимировка [Яценко, 1956, с. 157 сл.] относятся к V в. до н. э. Захоронения основные, под высокими (до 5,5 м) насыпями, обложенными камнями. В насыпи кургана № 6 открыты две кольцевые каменные вымостки. Погребения совершены в грунтовых ямах значительных размеров и почти полностью ограблены. В кургане Острая Могила оказались части конской узда: семь бронзо-

Предметы из раннескифских погребений в степи:
1—4 — курган у с. Константиновка; 5—8 — курган Темир-Гора; 9—12 — курган у с. Нижние Серогозы; 13—20 — курган Цукур-Лиман; 21 — курган у с. Семеновка; 32 — курган у с. Грушевка.

вых S-овидных псалий; бронзовые налобники, украшенные головкой копытного животного, бляшки в виде задней ноги хищника; бронзовые кольца и ворварки. В кургане № 6 найдены трехгранные наконечники стрел, три золотые пластины, из которых две изготовлены в форме копыта и одна треугольная, покрытая изображением орлиных головок, бронзовое кольцо. В кургане у с. Владимировки найдены бронзовый колокольчик и золотая бляшка с изображением зайца.

Большинство остальных раннескифских погребений Запорожской области сосредоточено в Приднепровье. Среди них одним из наиболее ранних является разрушенное погребение в кургане у хут. Грушевка на правом берегу залива Днепра, против хут. Запорожского Красноармейского района. В кургане открыто погребение. Возле черепа найден костяной трехдырчатый псалий с орлиной головкой и конскими копытцами на концах [Іллінська, 1961, с. 46, рис. 7, 4].

Комплекс архаического времени обнаружен случайно в насыпи кургана у с. Гусарка Куйбышевского района. В состав найденных вещей входили железный акинак, восемь бронзовых наконечников стрел позднеархаических типов и бронзовая обтянутая золотым листом крестовидная бляха, имеющая полное сходство с бляхой из кургана у с. Опишлянка на Ворскле [Мурзин, 1977, с. 54 сл.]. Погребение может быть отнесено к началу V в. до н. э.

Неподалеку от Запорожья, у с. Приднепровка, на месте разрушенного курганного могильника А. В. Бодянским открыто погребение в яме (запад — восток $1,95 \times 0,75 \times 1,2$ м). Умерший лежал вытянуто головой на запад. Слева — акинак с наконечником ножен, точильный брусок, семь наконечников опорновтульчатых и базисных стрел, характерных для раннего V в. до н. э. Один наконечник обнаружен в грудной клетке, второй — застрял в тазовых костях. Особый интерес представляет литой ажурный наконечник ножен меча полуовальной формы. С тыльной стороны имеются две прямоугольные прорези. На лицевой стороне — ажурные изображения козла и стоящего на нем оленя [Бодянский, 1972, с. 95 сл.]. Близкие по типу бронзовые наконечники ножен найдены в кобанских могильниках Северного Кавказа, Закутыпском и Урус-Мартан [Крупнов, 1960, с. 433, табл. XI, 6; Виноградов, 1972, с. 342, табл. 26, 7]. Погребение у с. Приднепровка может быть датировано началом V в. до н. э.

К этому же времени следует отнести погребение кургана № 25 возле с. Кичкас. Оно было совершено под невысокой (0,7 м) насыпью из земли и камней, среди которых встречены обломки амфор, в овальной яме (запад — восток $2,2 \times 1,2$ м). Погребение ограблено. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Рядом с ним найдены семь наконечников стрел, ворварка, обломок железного предмета, вток от копыта, бронзовая бляшка в виде головы хищной птицы и бронзовый топорик-скипетр в виде орлиной головки, деревянная рукоять которого лежала в правой руке погребенного [Добровольский, 1929, с. 80—82].

В погребении на о. Дубовом (между Днепропетровском и Запорожьем) под каменной вымосткой открыто погребение воина, сопровождавшееся акинаком с брусковидным навершием и почковидным перекрытием и бронзовыми наконечниками стрел, характерными для V в. до н. э. [Яценко, 1959, с. 64].

Интересное погребение открыто в кургане, разрушенном во время строительных работ, у г. Днепрорудного, доисследованного В. Ф. Пешановым и нами. В нем на глубине 1,5 м от погребальной поверхности обнаружено парное захоронение мужчины и женщины. При них оказались: 17 бронзовых наконечников стрел; обломки меча и копыта; бронзовая ворварка; золотая серьга с тремя амфоровидными подвесками; золотое массивное височное кольцо; пуговицы; бусины; пронизка; бронзо-

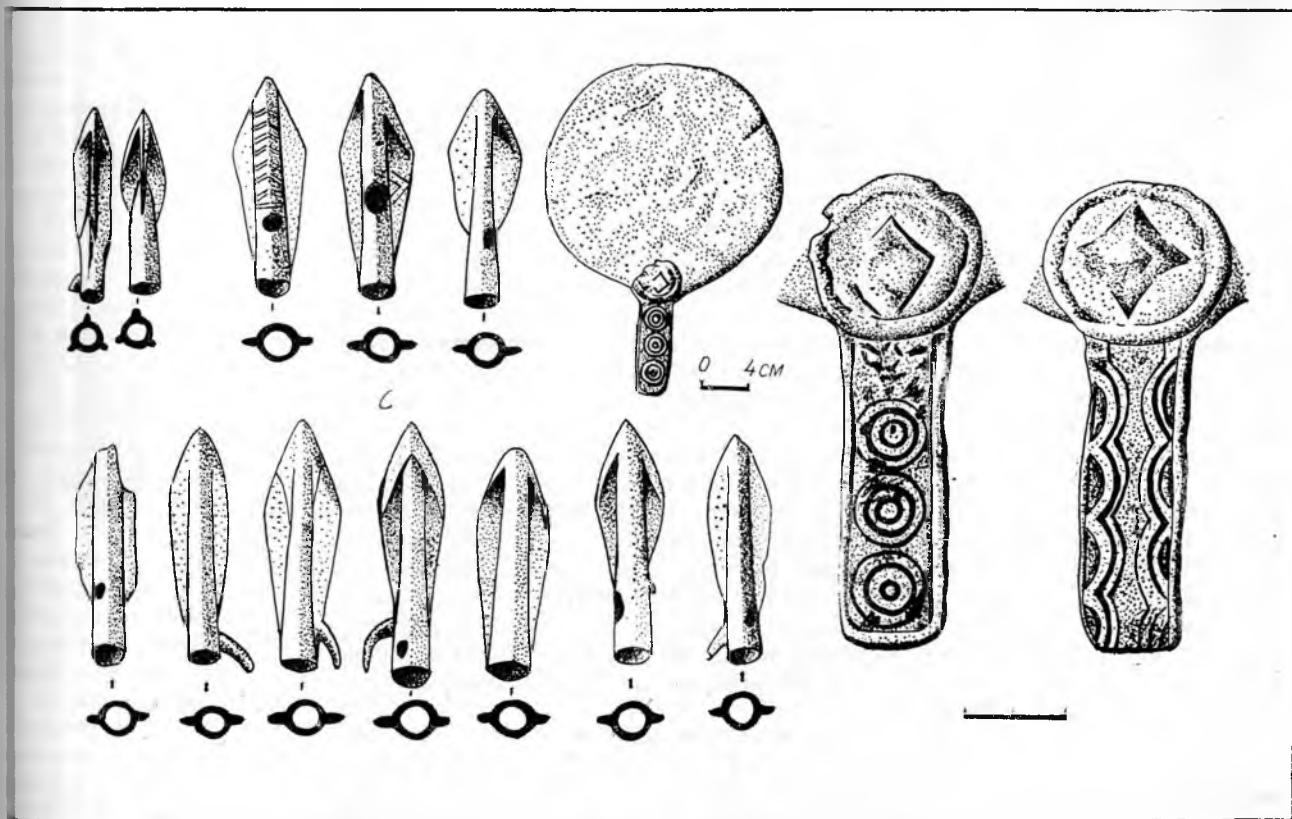
зеркало с деревянной ручкой; золотая обивка деревянного сосуда с изображением оленя, простой горшочек; лепной сосуд в виде небольшого кувшинчика с ручкой и орнаментом в виде кружков в основании шейки; глиняная чашечка на ножке; бронзовая полусферическая миска греческой работы; греческий чернолаковый сосудик с граффити на дне; нож с костяной ручкой [Мурзин, 1977, с. 60 сл.]. Погребение может быть датировано серединой — второй половиной V в. до н. э.

Следует назвать несколько курганов (I—V), исследованных И. Я. Самоквасовым у с. Новогригорьевка на р. Конке и у с. Большая Знаменка [Самоквасов, 1908, с. 121—123]. Курганы у Новогригорьевки содержали основные захоронения в квадратных или прямоугольных ямах, ориентированных с запада на восток, со следами деревянных перекрытий, а иногда и обшивок стен. Над перекрытиями обычно скопление камней. Погребения ограблены. Сохранились наконечники стрел, копий, фрагменты панцирей, бронзовый котел и др.

В кургане у с. Большая Знаменка исследована большая могила с остатками деревянного столбового склепа. В ограбленной могиле найдены мелкие золотые бляшки, бусы, бронзовые бубенчики, бронзовый терпак с головой птицы на конце ручки. В пользу сравнительно ранней датировки этих могил может свидетельствовать их устройство в ямах со следами деревянных склепов.

Курган у с. Большая Белозерка (Малая Цимбалка) высотой около 5 м расположен недалеко от известного кургана Цимбалова Могила. Курган относится к эпохе бронзы. В нем открыто известное киммерийское погребение. В западной поле этого кургана оказалось впускное скифское погребение в катакомбе (глубина около 2,5 м). В камере, направленной от входа, лежал скелет человека головой на запад. Погребен он в дере-

Раннескифские изделия из окрестностей г. Изюма.

вянном гробу, вроде колоды. На шее была золотая массивная гривна. С левой стороны лежали 3 железных наконечника копьа, более 100 наконечников стрел, а у бедра — железный нож. Возле гроба, с левой стороны, найдено более 200 наконечников стрел и части 2 уздечек с бронзовым набором. Во входе в камеру лежали рядом 30 челюстей каких-то небольших животных, очевидно, напизанных на ремень, а дальше костер и череп собаки. В северо-западном углу стоял бронзовый котел с костями барана. У северной стенки — деревянная «бочка», высотой до 1 м, диаметром до 0,5 м, выдолбленная из цельного дерева, с резной ручкой. Возле стояла деревянная «кружка» высотой 0,35 м, украшенная тремя золотыми пластинами. На одной из них изображение крылатого льва, на двух — рыб. В ногах погребенного лежали кости лошади [ОАК за 1868, 1870, с. XVII]. И. В. Яценко, изучившая материал, хранящийся в Эрмитаже, относит это погребение к V в. до н. э. [Яценко, 1959, с. 64—65].

Днепропетровская область. Ряд погребений раннескифского времени известны на обоих берегах Днепра и выше днепровских порогов в нынешней Днепропетровской области. Одним из наиболее ранних является погребение в кургане близ Никополья, открытое в дореволюционное время. Погребение находилось под разрушенным курганом в деревянном склепе. Вместе с человеческими костями найдены четыре большие бронзовые пластины, являвшиеся нащечными и наносными украшениями коня. Они близки найденным в Прикубанье и на Северном Кавказе и относятся к весьма раннему периоду VII—VI вв. до н. э. [Ханенко, 1907, с. 10—11, табл. III, рис. 415—418; Мурзин, Черненко, 1980, с. 156, рис. 1—4].

На Никопольском курганном поле (группа Сирко) экспедицией Б. Н. Гракова в кургане № 5 открыто погребение № 12, впущенное в курган эпохи бронзы. Погребение совершено в катакомбе с подбоем. Скелет женщины лежал навзничь, головой на северо-запад, рядом с ним найдены кости обезглавленного ягненка и семь костяных «столбиков», характерных памятникам архаической поры [Граков, 1962, с. 80—81, с. 113, рис. 14, 5; с. 109, рис. 8, 4].

Интересно погребение № 4 в кургане № 3 у с. Покровское. Оно впущено в насыпь кургана эпохи бронзы на глубину 1,4 м. Могильная яма прямоугольной формы (2,1 × 1,4 м). В яме находился деревянный сожженный склеп. От него остались зола, сожженная земля, уголь. На костях скелета и вещах заметны следы действия огня. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. У левой руки находился колчан, поверхность которого обшита 28 бронзовыми восьмерковидными бляшками. В колчане — 33 архаических (главным образом двухлопастных) наконечника стрел и костяной наконечник. При колчане находились также клык кабана с отверстием для подвешивания и полый костяной наконечник неизвестного назначения [Ковалева, Архив ИА АН УССР, 1973/35].

Среди скифских степных памятников широкой известностью пользуется Острая Могила у с. Томаковки (высота 5 м). Курган в основном содержал погребения эпохи бронзы. В этом недокопанном И. Е. Забелиным кургане крестьянами, добывавшими камни из насыпи, была обнаружена впускная скифская могила. Среди вещей уцелели золотая обкладка рукояти и ножен меча, золотая витая гривна, большой массивный золотой воронкообразный предмет неизвестного назначения, лунница, украшенная треугольниками из зерни и эмалью, около 200 бронзовых наконечников стрел. Погребение датируется концом VI — началом V в. до н. э. [Ростовцев, 1918].

Еще одно раннескифское погребение открыто у с. Шолохово Никопольского района, в кургане № 13. Курган, уничтоженный распашкой, в свое время был обнесен рвом с перемычкой в юго-восточной части. В заполнении рва встречены остатки тризны в виде

железного боя и костей животных. Погребение совершено в яме (во-
— запад, 2,6 × 2,26 × 1 м). Очевидно, некогда яма была перекрыта
—, а сверху завалена камнями. Погребение ограблено. Скелет
— человека был сброшен грабителями под западную стенку.
—, первоначально он лежал в вытянутом положении головой на
—. В могиле найдены акинак с бронзовой рукоятью, имевшей округ-
— перекрестие и навершие с волютообразными концами; бронзовый
— наконечник стрелы с шипом; большое количество желез-
— пластин от панциря; обломок оселка; кости животных от жертвен-
— мяса [Ковалева, 1976, НА ИА АН УССР, 1976/66]. Ранний тип на-
— чника стрелы и своеобразный акинак с реликтовым металлом руко-
— архаической формы, почковидным перекрестием и более поздним
— навершием позволяют отнести это погребение к концу VI — началу
— до н. э.

Работами экспедиции Днепропетровского университета под руко-
— И. Ф. Ковалевой в 1977 г. на территории учебного хо-
— «Самарский» у с. Александровки исследован курган,
— два погребения — киммерийское и скифское. Боковая скиф-
— гробница оказалась целой. В ней стояла выдолбленная из дуба коло-
— диаметром около 1,5 м. В ней открыты останки молодого воина, ле-
— на развернутом панцире.

Сохранились набедренники и поножи из пластин на кожаной основе,
— на кожаной основе шлема — железные пластины. У головы — колчан с
— наконечниками стрел. Под колодой найдены меч с золотой отделкой
—, золотой конусовидный предмет, подобный найденному в Томаков-
— могиле, много мелких золотых вещей [Ковалева, Волковой, Костенко,
— Чалобудов, 1978].

Погребения в курганах Бабы и Раскопана Могила близ
— Апостола [ОАК за 1897, Спб, 1900, с. 133—137] реконструи-
— И. В. Яценко как основные захоронения в катакомбах с камера-
— параллельными входной яме. Этому же мнения придерживается и
— И. Артамонов [Яценко, 1959, с. 58, 68; Артамонов, 1974, с. 74].

В насыпи кургана Бабы отмечено много камня, на вершине — сле-
— обильной тризны. В основании насыпи обнаружен круг из больших
— глыб. В инвентаре погребения оказался ряд предметов грече-
— происхождения: части двух бронзовых гидрий, ручка одной из
— которых украшена изображением крылатой сирены; две ручки лутерия;
— светильник с четырьмя ножками; поддон и ручка серебряно-
— киллика; сероглиняная плоскодонная амфора; часть краснофигурного
— фоса. Из скифских предметов здесь оказались маленькие золотые
— в виде фигурок зайцев и львов; золотые оковки деревянных
— с изображением оленя с поджатыми ногами, конской ноги с ко-
— и разрезанной плоской головы кабана, соединенной из двух по-

Предметы из Мельгуноз-
ского кургана.

ловинюк. И. В. Яценко датирует курган Бабы концом VI — началом V в. до н. э. Однако типичный для V в. до н. э. художественный стиль золотых накладок на деревянных чашах и состав античных вещей [Онайко, 1966, с. 56—57] позволяют отнести это погребение к середине V в. до н. э.

Наиболее интересной вещью из кургана Раскопана Могила является бронзовый котел с тремя рельефными фризами в виде концентрических кругов, чередующихся с букрациями, пальметами и треугольниками. Этот котел является выдающимся образцом сочетания скифской формы предмета с греческой декорировкой. Кроме того, в Раскопанной Могиле найдены обломки бронзовых блюда и гидрии, наконечники стрел и копий, обломки амфор, остатки напутственной пищи и нож. Погребение, возможно, сопровождалось захоронениями коней. Во входной яме было

Золотая обкладка ножен из Мельгуновского кургана.

Найдено 17 конских черепов. Погребение датируется второй половиной V в. до н. э. [Онайко, 1966, с. 57].

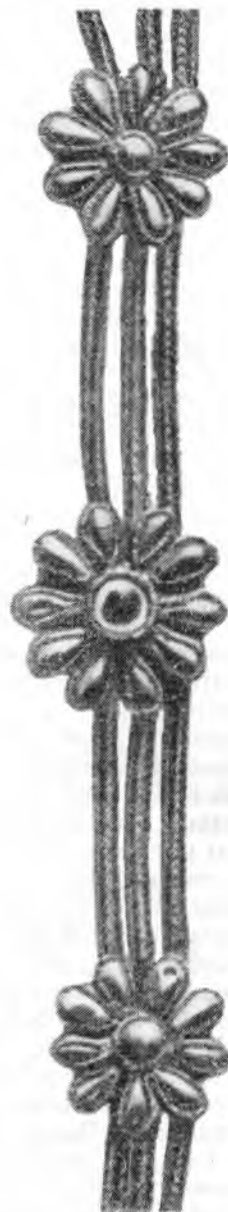
Ряд погребений конца VI и V вв. до н. э. открыты благодаря новым раскопкам у г. Орджоникидзе в Днепропетровской области. К их числу относится основное погребение в кургане № 12 у шахты № 22 Александровского рудоуправления [Гереножкин, Ильинская и др., 1973, с. 169 сл.]. Захоронение совершено в яме (северо-восток — юго-запад, $2,4 \times 2,5 \times 1,7$) со следами деревянного перекрытия и угловых столбов. Могила ограблена. На погребенном черноземе и на выкиде обнаружена овальная площадка с истлевшим камышом и двумя вкопанными пухлогорлыми амфорами, из которых одна была поставлена горлом вверх, другая — вниз. Амфоры позволяют датировать погребение концом VI — началом V в. до н. э.

Три выдающиеся по своему значению погребения V в. до н. э. открыты Б. Н. Мозолевским в окрестностях г. Орджоникидзе. В 1972 г. им были раскопаны курганы Чабанцова и Завадская Могила [Мозолевский, Михольская, Рябова, 1973, с. 311—315]. Первый из них (высота 2,7 м) был окружен мощным кольцом материкового выкида и каменной обкладкой. Основная гробница представляла собой яму (восток — запад) с подбоями под северную и западную стороны. Погребение полностью ограблено. В заполнении ямы обнаружены чешуйки панциря, бронзовый двухлопастный наконечник стрелы, золотая обивка от деревянного сосуда с изображением какого-то животного в стиле V в. до н. э.

У Завадской Могилы (высота 4,5 м) склоны насыпи были обложены глиной, а затем камнем. Курган окружен рвом с перемычкой на западе. В западной части рва встречены остатки тризны в виде костей животных и обломков амфор, в том числе пухлогорлых. Основная гробница устроена в яме ($5 \times 5 \times 4,2$ м) с деревянным склепом, оказавшимся ограбленным. Сохранились следы перекрытия, угловых столбов, облицовки стен. Под южной стеной вырыт небольшой подбой. В центре находился деревянный настил (носилки, ложе?), на котором лежал умерший. Из вещей найдены: фрагменты щита, панциря, наборных поясов, железное тесло и клевец, бронзовые наконечники стрел. На пороге подбоя обнаружены пять деревянных чаш с золотыми обивками с изображениями лежащих оленей, орлиных голов, орлов, терзающих рыбу. К западу от центральной гробницы находились две конские могилы. В одной из них обнаружены скелеты двух лошадей, в другой — один. Уздечные наборы бронзовые, посеребренные. В составе узды одного из коней имелся пластинчатый наносник, нащечники в виде крыльев, различные бляшки. Нащечники остальных коней оформлены в виде бедра животного. Все псалии Г-образной формы.

В 1975 г. погребение V в. до н. э. было открыто в кургане № 4 группы Испановых Могилах [Мозолевский, Рябова, Шевченко, НА ИА АН УССР, 1975/8]. В невысокой (1,2 м) насыпи встречались камни. Курган был окружен рвом с перемычками на западе и востоке. Погребение было основным и находилось в катакомбе с двумя камерами под западной и южной стенками. Основная южная камера имела трапециевидную форму. В восточной стенке ее сделана небольшая ниша, на дне которой заметна небольшая ямка, вероятно, след от ножки котла. Перед нишей лежали выброшенные из котла кости коня, окисленные бронзой. В центре камеры — пять золотых обивок от деревянной чаши. В западной камере — бронзовый наконечник стрелы, ворварка, фрагмент лепного сосуда. В грабительском ходе найдены обломки меча, панциря, небольшая ворварка.

Центральное погребение сопровождалось захоронениями двух лошадей в отдельной прямоугольной яме. Конская могила ограблена. Сохранился бронзовый Г-образный псалий и подвеска в виде «замочка».

Фрагмент золотой диадемы из Мельгуновского кургана.

Впускное погребение V в. до н. э. открыто в кургане № 52 Верхне-Тарасовской экспедиции 1974 г. [Мурзин, Евдокимов, 1977, с. 56—58]. Погребение расположено в центральной части, непосредственно под верхним пахотным слоем. Яма прямоугольная (восток — юго-восток — запад — северо-запад, $2,2 \times 0,9 \times 0,3$ м). Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток — юго-восток. У левой руки находился колчан с бронзовыми базисными и опорновтульчатыми наконечниками стрел раннего V в. до н. э. и бронзовая бляшка с петлей. На тазовых костях умершего наискосок лежал акинак с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестием.

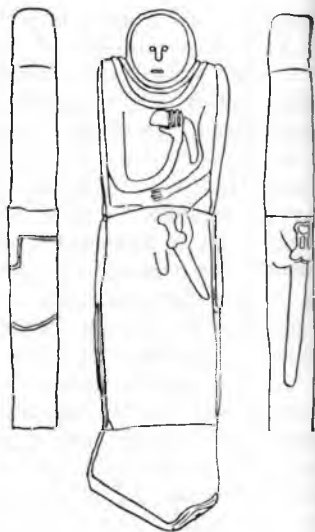
В кургане № 3 у с. Рахмановка близ Кривого Рога [Крылова, НА ИА АН УССР, 1964/67] скифское погребение было впускным. Могильная яма ($3,4 \times 2,5 \times 1,4$) содержала разграбленное погребение V в. до н. э. Найдены 22 наконечника стрел, железные пластины пащира, золотые оковки от деревянного сосуда, пластинки с изображением головки орла, обрывок ленты с изображением орлиных головок.

Рядовое погребение в кургане № 1 у с. Волошского неподалеку от Днепропетровска впущено в курган эпохи бронзы. Оно совершено в могильной яме прямоугольной формы ($2 \times 1 \times 1,5$ м) и перекрыто камнями. Умерший лежал вытянуто, головой на восток. У левой руки — бронзовые наконечники стрел начала V в. до н. э., а также несколько костяных и деревянных наконечников стрел, точильный брусок. У правого плеча — кости животного от отсутствующей пищи и обломок ножа [Яценко, 1959, с. 57—58].

Интересен курган № 11 у с. Подгородное. Под его высокой (3,9 м) насыпью обнаружена большая и глубокая прямоугольная могила ($5,7 \times 5,6 \times 4,6$ м) с деревянным обгоревшим перекрытием. В ней найдено деревянное ложе длиной 3 м и шириной 1,2 м, от которого сохранились обуглившиеся плахи. Скелет погребенного, нарушенный грабителями, по-видимому, был ориентирован головой на юг. У западной стены могилы лежал скелет коня. В могиле найдены бронзовые и железные псалии, бронзовые бляшки с рубчатыми краями и в виде «медвежьей лапы», наконечники стрел, обломки краснофигурного и чернолакового сосудов и трех амфор. Кости жеребенка и овцы, пропитанные окислами меди, свидетельствуют о том, что здесь был бронзовый котел. По комплексу вещей захоронение датируется серединой или второй половиной V в. до н. э. [Ковалева, НА ИА АН УССР, 1973/35].

К концу V в. до н. э. относится курган № 1 на Никопольском курганном поле [Граков, 1962, с. 70—71]. Небольшая насыпь кургана (высота 0,7 м) окружена рвом. Второй ров находился под насыпью. В насыпи и рвах обнаружены остатки тризны, среди которых найден Г-образный бронзовый псалий. Могильная яма с подбоем ориентирована с северо-запада на юго-восток. Умерший лежал в подбое в вытянутом положении, головой на северо-запад. При нем найдены 2 наконечника копий с подтоками, акинак с волотообразным навершием, 14 бронзовых наконечников стрел, кости ноги и ребра вепря и при них железный нож.

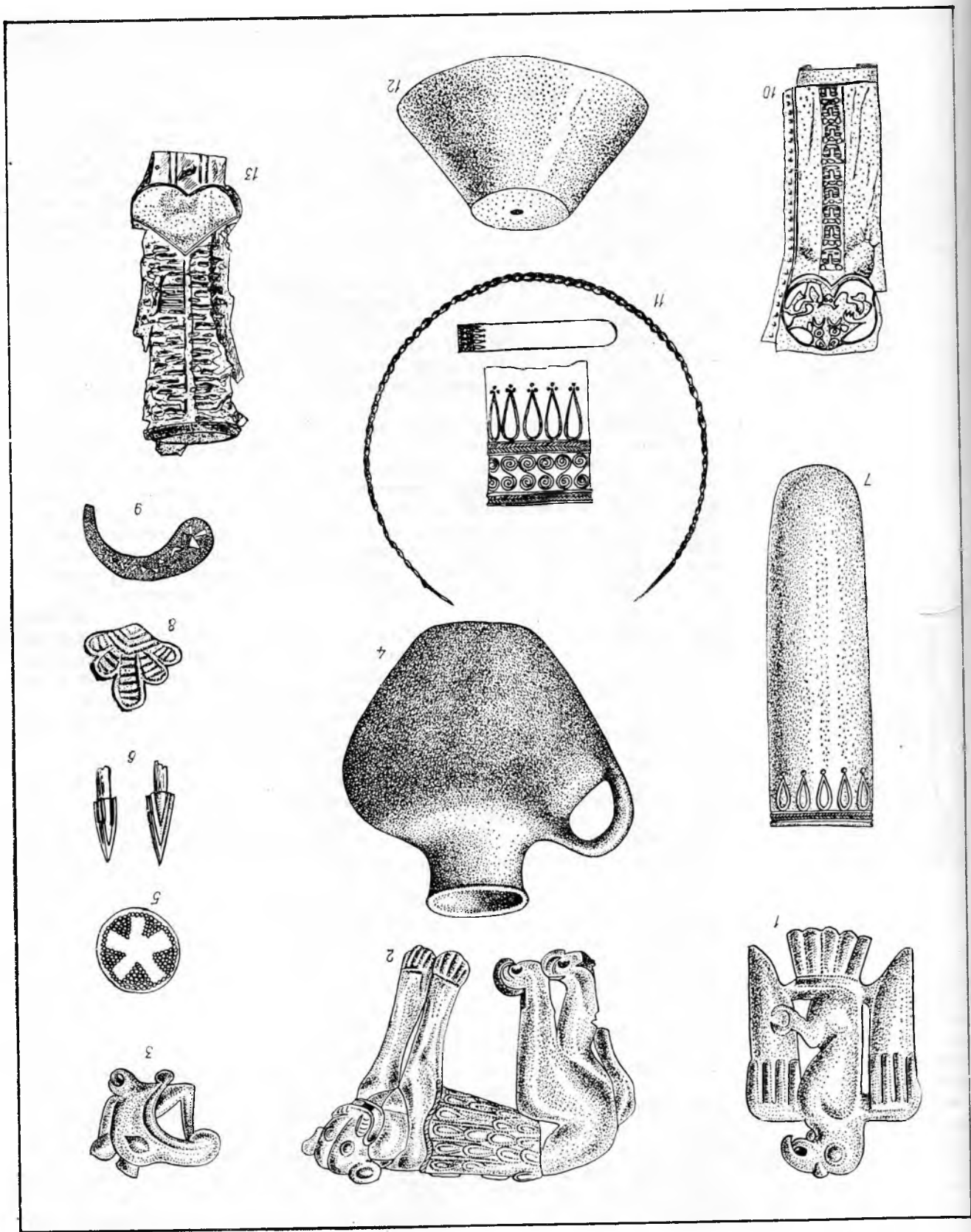
В коллекции Б. Н. Ханенко опубликован бронзовый набор конской узды, происходящий из Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии (ныне окрестности г. Днепродзержинска), в состав которого входили псалии с фигуркой клювоголового животного у верхнего и птичьей лапы у нижнего концов; псалии с круглой ажурной лопастью, расположенной под прямым углом, с гравированным изображением четырех головок животных; ажурный налобник и наносник с изображением четырех орлиных голов, отходящих от сильно стилизованной головки оленя; две ладьевидные бляхи с отходящим от них изображением клювоголового существа; две пары ажурных блях в виде фигурок клювоголовых животных с повернутой назад мордой и подня-

Каменная стела из Медеровского кургана.

Предметы из Золотого кургана под Симферополем (1—7) и кургана Острая (Томаковская) Могила (8—13).

к 116

той передней лапой, аналогичных изображенным на псалиях; четыре бляхи в виде человеческого лица, две пронизки [Ханенко, ДП III, 1900, табл. XLI, 336; XLII, 339, 340, 341, 342]. По стилю эти изделия аналогичны бронзовым украшениям конской узды из погребений в курганах № 19 у станиц Воронежской и Елизаветинской на Кубани. Эти аналогии позволяют отнести данный комплекс к концу V в. до н. э. и считать его происходящим из боспорского бронзолитейного центра.

Кировоградская область. Количество исследованных памятников раннескифского времени в степной части Кировоградской области невелико — два кургана, имеющих, однако, большое принципиальное значение. Во-первых, это знаменитый Литой (Мельгуновский) курган [Придик, 1911] рубежа VII—VI вв. до н. э., расположенный к северо-востоку от нынешнего Кировограда у с. Кучеровка. В кургане была найдена ныне не сохранившаяся, вероятнее всего, скифская каменная антропоморфная стела. Насыпь была прожжена и состояла из земляных шлаков. На уровне погребенной поверхности обнаружены остатки сожженной гробницы. К западу от центра, на глубине 2 м, находился сложенный из каменных плит ящик, в котором обнаружены: железный акинак с золотой отделкой рукояти и ножен, подобный келермесскому; золотая диадема, 17 золотых блях в виде фигурки орла, украшавшие пояс; серебряные части ассирийского табурета — ножки, цилиндры, гвозди; бронзовые наконечники стрел.

К востоку от Кировограда нами был раскопан курган у станции Медерово [Бокий, 1974, с. 264—271]. Высота кургана 4 м. Погребение совершено в деревянной десятистолбовой гробнице, сооруженной на уровне древней поверхности и сожженной после похорон. При этом деревянный склеп был радиально-конически обложен бревнами, создавшими вместе с гробницей огромный костер. Почва под ним прокалилась на глубину до 30 см, сильно была обожжена и нижняя часть насыпи.

В гробнице, оказавшейся ограбленной, находилось погребение воина с конем. Отсюда происходят железный наконечник копья; обрывки железного пластинчатого панциря; кабаньих клык с изображением головы волчьего хищника; железные удила с псалиями; античный сероглиняный кувшин; обломки амфор; кости животного от напутственной пищи; нож. Наиболее замечательную находку составляет каменная стела, на которой изображен воин с двумя гривнами, ритонном, горитом, большим и малым мечами с волютообразными навершиями. Античная керамика, инвентарь погребения, оружие, изображенное на стеле, позволяют датировать это погребение началом V в. до н. э.

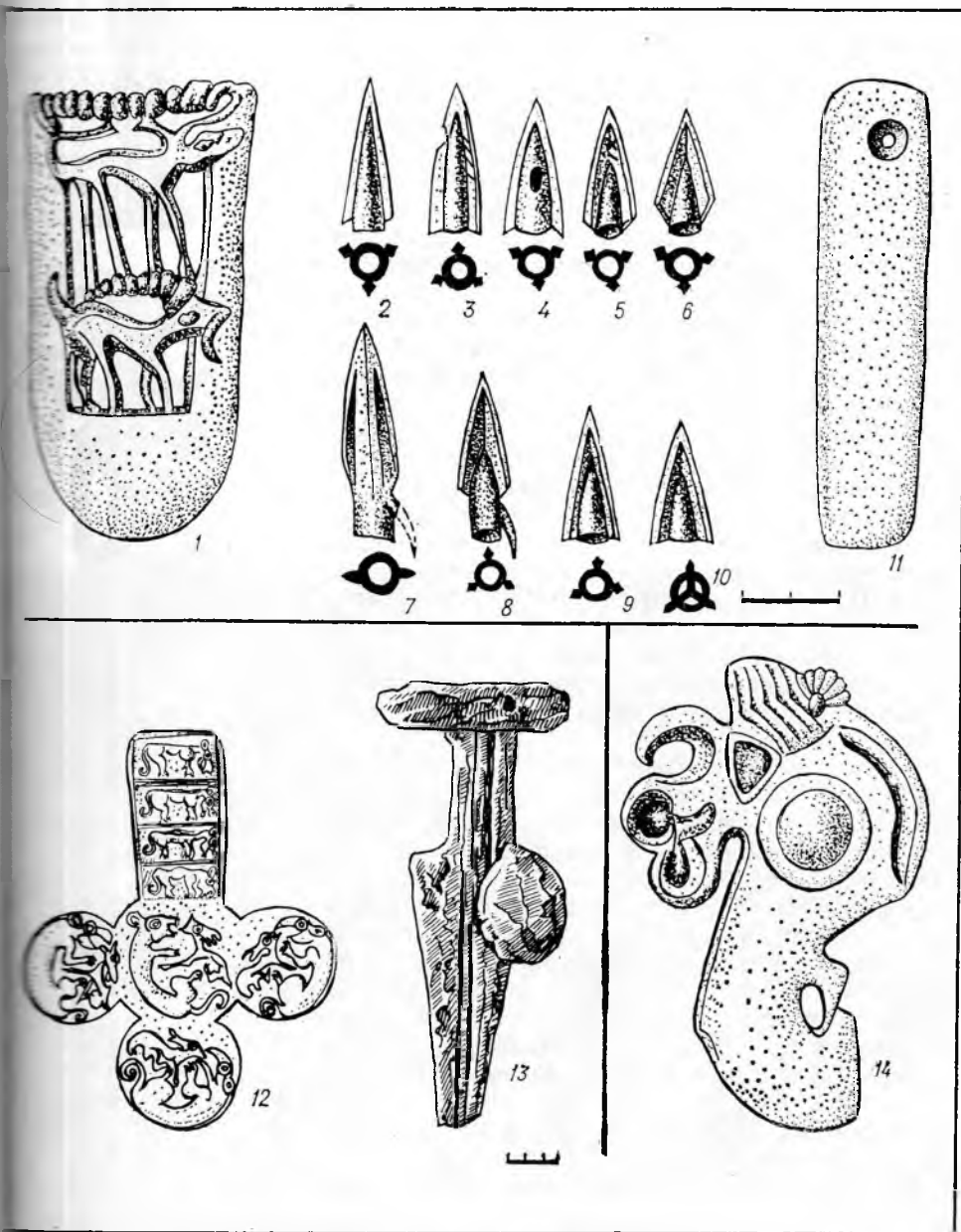
Херсонская область. Из ранних памятников Херсонщины хорошо известно впускное в курган эпохи бронзы погребение № 5 в кургане № 3 у с. Нижние Серогозы. Яма (2,2×1,5 м) проходила через насыпь и на 0,35 м была углублена в материк. В южной стенке сделан подбой, заложенный деревянным щитом. В подбое на левом боку, головой на запад был погребен мужчина. У левой руки на остатках кожи находилась костяная резная головка хищной птицы, здесь же найдены бронзовый и костяной наконечники стрел и четыре костяные «пуговицы». Очевидно, все это вместе составляло остатки горита с костяным наконечником верхнего конца лука в виде орлиной головки. Погребение сопровождалось также вырезкой грудной части коня или быка [Браун, ИАК, 19, 1906, с. 84—85; ОАК за 1898, 1901, с. 25]. Погребение у с. Нижние Серогозы в течение долгого времени являлось единственным раннескифским захоронением с подбоем, похожим на катакомбу.

В кургане № 2 у с. Зеленый Лагерь Каховской экспедицией открыто разрушенное впускное погребение, где найдена изготовленная из кости головка грифо-барана, очевидно, как и головка из Серогоз, украшавшая верхний конец лука. В кургане у с. Семенов-

В 2 км близ Каховки под небольшой насыпью открыта неглубокая четырехугольная яма с остатками деревянного перекрытия, ориентированная с востока на запад. В разграбленной могиле сохранились десять бронзовых архаических наконечников стрел. Архаическое погребение обнаружено также в кургане у с. Любимовка. Оно впускно в насыпь кургана эпохи бронзы и совершено в каменной гробнице. Сохранилась часть ее северной и восточной стенок, образованных несколькими рядами больших камней, поставленных на ребро. Здесь же лежали человеческие кости, четыре бронзовых двухлопастных наконечника стрел и точильный брусок [Лесков, НА ИА АН УССР, 1961/15].

Впускным было погребение в кургане № 17 у с. Ново-Алексеевка. На глубине 0,6 м в насыпи обнаружен скелет, лежав-

Предметы из степных погребений V в. до н. э.:
1—11 — курган у с. Прилепковка; 12, 13 — курган у с. Гусарка; 14 — курган у с. Новорозановка.

ший вытянуто на спине, головой на запад. На нем лежал конский череп. При погребенном обнаружен костяной столбик от колчана, двух- и трехлопастные бронзовые наконечники стрел и две костяные накладки лука [Полин, Ольговский, 1976]. Описанные вещи могут относиться к VI в. до н. э.

В центре кургана № 37 группы II у с. Широкого близ Скадовска на глубине 1,65 м, на уровне погребенного чернозема открыта круглая яма, впущенная в курган эпохи бронзы (диаметром 3,8, глубиной 2,5 м). В засыпке и на дне обнаружено большое количество перегнившего дерева. Могила ограблена. Сохранилось лишь каменное блюдо с бортиком, очевидно, выброшенное грабителями и оказавшееся рядом с ямой на глубине 0,8 м [Черненко, Бунятян, 1977, с. 57].

В кургане № 70 этой же группы открыто основное парное погребение в продольной катакомбе (запад — восток). При ограбленном захоронении найдены: бронзовые проволочные сережки; бусы; наконечники копья и дротика; свинцовое пряслице, наконечники стрел. У южной стены стояла хиосская пухлогорлая амфора V в. до н. э. [Черненко, Бунятян, 1977, с. 87—88].

У с. Днепряны близ Новой Каховки обнаружено разрушенное погребение V в. до н. э. Погребение основное, совершенно в подкурганной яме. В составе находок: бронзовые S-овидные псалии; обломки бронзовых псалий с головкой хищника из семейства кошачьих; бронзовая бляха в виде головки кабана [Черненко, Мурзин, 1978].

В известном кургане у Рожновских хуторов близ Херсона под невысокой насыпью находилось основное погребение богатой женщины, ограбленное кладоискателями. Из находок уцелели: четыре золотых кольца, бронзовое кольцо или серьга; части ожерелья из нескольких десятков золотых мелких бус, трех сердоликовых и одной пастовой; золотая лунница, украшенная треугольниками зерни; глиняное пряслице; нож; ионийский глиняный кувшин конца VI — начала V вв. до н. э. В ногах умершей лежало бронзовое зеркало с ручкой в виде задранированной в греческое одеяние женской фигуры в сопровождении животных. Верхнюю часть диска украшала фигурка собаки [ОАК за 1896 г., с. 82—83]. С. А. Жебелев и В. К. Мальмберг считают, что эта фигурка изображает богиню Кибелу, владычицу зверей, и изготовлена она ионийской художественной школой второй половины VI в. до н. э. [Жебелев, Мальмберг, 1907, с. 1, табл. XIII]. Интересно, что в этой же могиле найдено 18 пращевых камней и 13 бронзовых наконечников стрел раннего V в. до н. э. [Яценко, 1959, с. 51—52]. Доследовавший этот курган В. И. Гошкевич считает, что погребение было одиночным [Гошкевич, 1903, с. 44]. Подробный вывод дает основание отнести его к числу раннескифских женских погребений с оружием.

Погребение в кургане № 6 у с. Архангельская слобода было впускным в насыпь скифского кургана высотой 2 м. Оно совершенно в перекрытой досками яме (восток — запад). Скелет мужчины лежал головой на запад. Погребение сопровождалось двумя копиями и тремя колчанами, в которых насчитывалось 450 наконечников стрел, боевым поясом и оселком. Один из колчанов был обит 12 золотыми бляхами с изображением кабана, собаки и пантеры, терзающей человеческую голову. На шее погребенного одета массивная гривна с львиными головками на концах. По скелету рассыпано множество золотых бляшек. В маленькой нише в западной стене стояла деревянная чаша, от которой сохранились золотые обивки с изображением рыб. Стиль золотых блях на колчане позволяет отнести это захоронение к концу V в. до н. э. [Лесков, 1974, с. 70—77].

Датировка впускного погребения концом V в. до н. э. позволяет отнести к раннему времени и основное погребение в этом кургане, оказавшееся полностью разграбленным. Оно было совершенно в яме с подбоям.

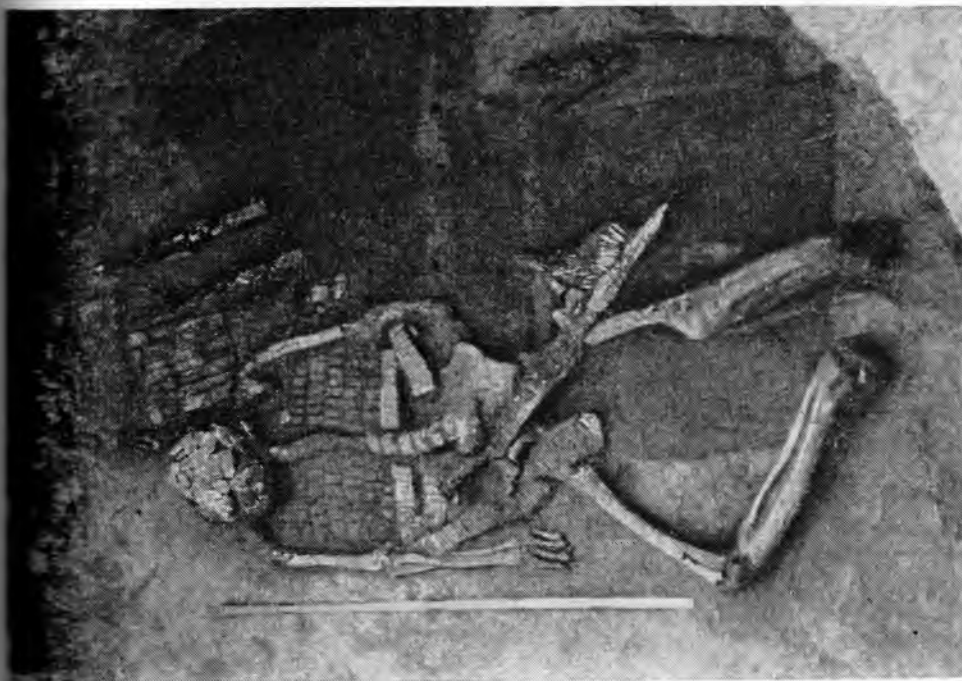
Ручки бронзовых зеркал античной работы.

Среди погребальных памятников Херсонщины известен скифский грунтовый могильник у с. Михайловка, содержащий захоронения V и IV вв. до н. э. Из девяти раскопанных здесь погребений в крайней мере два (№ 7, 8) относятся к V в. до н. э. Все погребения совершены в грунтовых ямах (размеры приблизительно $2 \times 0,8$ м, глубина не более 1,2 м). Ямы перекрыты деревом, поверх которого сооружена каменная вымостка. В могиле № 7 найдена бронзовая бляха V в. до н. э. с изображением орла, терзающего рыбу, а в могиле № 8 — меч с волотообразным навершием V в. до н. э. [Лагодовская, Сымонович, 1973, с. 235 сл.].

Крым. В состав Скифии входила и степная часть Крымского полуострова, где найдены выдающиеся раннескифские захоронения. Среди них одним из наиболее замечательных является основное погребение кургана Темир-Гора на Керченском п-ове [ОАК 1870—1871 гг., Спб., 1874, с. XX; Яковенко, 1972, с. 259]. Погребение совершено в вырубленной в скале могильной яме округлой формы ($4 \times 3 \times 1,4$ м). Судя по значительным размерам, яма, очевидно, была перекрыта деревянным накатом с устроенным над ним каменным закладом, просевшим в могилу. Позднее курган использовался для последующих скифских захоронений. Умерший в основной могиле был ориентирован головой на запад. При нем оказались остатки колчана: восемь костяных «звездиков»; обтянутая золотым листком бронзовая застежка; шесть костяных трубочек с двумя бронзовыми, «по-видимому, принадлежащими к ним наконечниками» (?); круглая костяная подвеска или наконечник в виде свернувшегося в кольцо хищника из семейства кошачьих и костяная подвеска в виде орлиной головки, оформленной дополнительными частями звериного стиля. Странным является то, что при столь явных остатках колчана здесь не найдены наконечники стрел. Особо важную роль составляет родосско-милетский сосуд, датируемый специалистами не позже третьей четверти VII в. до н. э. [Копейкина, 1972].

По другую сторону Керченского пролива, на Таманском п-ове, расположен еще один древнейший скифский памятник, курган у Цу-

Погребение воина в панцирном доспехе из кургана у с. Новорозановка.

к ур - Л и м а н а [Прушевская, 1917, с. 31 сл.]. Погребение открыто при случайных обстоятельствах. Никаких сведений относительно устройства гробницы не сохранилось. Известно лишь, что справа у головы погребенного лежали бронзовая секира-клевец и архаический набор наконечников стрел. Справа — бронзовая бляха в виде фигурок противостоящих друг другу хищников из семейства кошачьих. У ног — килик и ойнохоя, датируемая концом VII — началом VI в. до н. э.

В 1977 г. Северокрымской экспедицией под руководством В. П. Корпусовой в районе Присивашья у с. Филатовка в кургане № 11 открыто впускное погребение в насыпи, в котором оказалась ионийская ойнохоя конца VII — начала VI вв. до н. э. [Корпусова, НА ИА АН УССР].

При исследовании Кировского поселения времени поздней бронзы на Керченском п-ове открыто погребение, впущенное в культурный слой. Кургана над ним не было. Форма ямы не прослежена. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. При нем найдены неорнаментированный простой горшочек и костяной грибовидный столбик [Лесков, 1970, с. 15, 47, рис. 8]. А. М. Лесков бесосновательно отнес это погребение ко времени Кировского поселения сабатиновско-белозерского времени.

Данные о курганных погребениях Восточного Крыма V в. до н. э. собраны Э. В. Яковенко [1974]. Несколько из них раскопано Керченской экспедицией ИА АН УССР. Особенно интересно погребение № 6 в кургане № 1 у с. Ильичево [Лесков, 1968, с. 158 сл.], разрушенное во время Великой Отечественной войны. Погребение впущено в насыпь кургана эпохи бронзы и совершено в каменной гробнице, от которой сохранилась южная стенка из трех плит. Здесь же обнаружены следы камыша, обломки человеческих костей и амфор. Неподалеку от остатков погребения найдена часть инвентаря: золотая четырехгранная в сечении гривна с несомкнутыми концами; две пластины от обкладки колчана с изображением оленя, которого терзают лев, орел и змея; золотая пластина с изображением головок орлов и лосей; массивный воронкообразный предмет в виде усеченного конуса.

К V в. до н. э. относятся два погребения в курганах у с. Ильичево. Погребение № 1 в кургане № 4 [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 141] оказалось впущенным в насыпь кургана эпохи бронзы. Контуры ямы не прослежены. Могила перекрыта каменными плитами. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. У поясицы найден акинак с округлым перекрестием (навершие не сохранилось). Слева от умершего — колчан с 47 бронзовыми наконечниками стрел — базисными и опорновтульчатыми, раннего V в. до н. э. Относительно погребения из кургана № 10 у с. Ильичево трудно сказать, являлось ли оно основным или впускным, так как насыпь была почти полностью распахана. Погребенный лежал на спине, ориентированный головой на юго-запад. Слева от него — три наконечника стрел позднеархаического типа и нож.

Интересен курган № 5 на Ак-Вурунском мысу (высота около 8,5 м). Основное погребение совершено в плитчатой гробнице в грунте (очевидно, в яме). Могила ограблена. Недалеко от нее, на уровне «поверхности материка», находились две конские могилы. Одна потревожена грабителями, другая сохранилась полностью. При коне найдены: обломки железных удил; бронзовые псалии с концами в виде лап хищной птицы; четыре круглые бронзовые бляхи от ремней; бронзовый налобник и бляхи в зверином стиле, среди которых имеется нагрудное украшение в виде свернувшегося хищника [Яковенко, 1974, с. 105; 1970а, с. 54 сл.]. Погребение относится к середине V в. до н. э.

Погребения с предметами скифского инвентаря в курганах Нимфейского некрополя и в грунтовом могильнике у с. Фронтное V в. до н. э.

будут рассмотрены в главе «Памятники оседлого населения Степной Скифии VI—IV вв. до н. э.».

В центральной части Степного Крыма у г. Симферополя исследован курган Золотой [ОАК за 1890 г. Спб., 1893, с. 4—6] конца VI—начала V в. до н. э. Погребение совершено в прямоугольной яме, впущенной через насыпь в материк, с дном, покатом понижающимся от изголовья в северо-западном конце к юго-востоку. Скелет лежал на развернутом панцире или щите. При нем были: золотая гривна; пояс с бронзовым набором, на концах которого имелись две бляшки в виде фигурки орла и две — в виде головки грифона; меч с золотым наконечником ножен и колчан со 180 наконечниками стрел, украшенный бронзовой фигуркой львицы с головой, повернутой в фас. Туловище животного обтянуто золотым листком с миндалевидными гнездами для цветных вставок. Кроме того, в могиле найден самосский кувшин конца VI — начала V в. до н. э.

По характеру инвентаря Золотой курган особенно близок к Острой Могиле у с. Томаковки. Оба памятника занимают выдающееся место среди курганов степной скифской знати раннего периода.

Еще один курган, относящийся к первой половине V в. до н. э., открыт в окрестностях г. Симферополя между речками Альма и Кача (так называемый курган Кулаковского). Погребение, очевидно, основное, совершено под насыпью кургана в яме, перекрытой деревом и заваленной камнями. Скелет лежал на спине, головой на восток. Возле правой руки — две бронзовые бляхи: одна в виде свернувшегося зверя — волчий хищник с фигуркой козла на плече, вторая — в виде хищника из семейства кошачьих. Кроме того, найдены: бронзовый votивный топорик с копытцем и орлиной головкой; точильный брусок; железный

Бронзовый котел из кургана Раскопана Могилы.

меч; наконечник копья; колчан со множеством бронзовых наконечников стрел [ОАК за 1895 г., с. 17—18].

В кургане у Ак-Мечетской бухты (современный Черноморск) возле Евпатории обнаружено впускное погребение в каменной гробнице со следующими предметами: обломок меча; 230 наконечников стрел; железные чешуйки панциря; бляхи от конского убора; обломок бронзового черпака с ручкой в виде лебединой головки и четыре золотые пластинки, являющиеся обивками деревянных сосудов, на которых изображены олень с пышными стилизованными рогами и орлиная головка [ОАК за 1882—1888 гг., с. ХСІ—ХСІІ; Толстой, Кондаков, 1889, с. 126—127].

Несколько погребений V в. до н. э. исследовано во время работ на трассе Северо-Крымского канала. Среди них курганы у с. Танкового и Мартыновки близ г. Красноперекопска [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 213, 232, 280, 282]. Все они впущены в насыпь курганов эпохи бронзы. Могильная яма погребения № 1 кургана № 12 у с. Танкового прослежена не была. Скелет лежал в центре насыпи на глубине 0,6 м вытянуто на спине, головой на северо-восток. В составе инвентаря: колчан с 58 наконечниками стрел типа базисных и опорновтульчатых; оселок; нож; железная прямоугольная пластина.

В погребении № 2 кургана № 15 у с. Танкового могильная яма также не прослежена. Погребенный лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток. У черепа найдена бронзовая серьга с петлей. Перед лицом стоял горшок и лежали кости барана. Рядом с погребенным найдены остатки захоронения коня: железные удила; два бронзовых восьмерковидных псаляя; два бронзовых нащечника в виде задней ноги животного.

Погребение № 5 в кургане № 4 у с. Мартыновки совершено в овальной яме (восток — запад $2,2 \times 0,7$ м). Скелет лежал на спине головой на запад. Слева у таза находились 19 бронзовых трехлопастных наконечников стрел, а у пояса — акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Погребение № 1 в кургане № 5 у с. Мартыновки совершено в прямоугольной яме ($1,7 \times 0,6$). Рядом с умершим, лежавшим головой на северо-запад, найдены: акинак; четыре бронзовых опорновтульчатых наконечника стрел, бронзовое кольцо и кости от напуганной птицы.

Отметим, что количество известных нам раннескифских курганов в степной полосе зависит от общего числа исследованных здесь курганов. Так, до определенного времени в Николаевской и Одесской областях они почти не были известны. Однако с началом массовых раскопок курганов Ингульской, Южно-Бугской, Днестро-Дунайской экспедициями в западной части Северного Причерноморья обнаружены раннескифские погребения.

Николаевская область. Не менее восьми погребений V в. до н. э. открыто работами Южно-Бугской (Очаковской) экспедиции. Среди них большой интерес представляют погребения в курганах у с. Ковалевка под Очаковом [Ковпаненко, 1978]. Погребения № 2 и 3 кургана № 2 оказались впускными в насыпь кургана эпохи бронзы. Первое из них совершено в прямоугольной яме ($0,8 \times 0,65 \times 1,1$ м) с перекрытием из двух плит. Умерший лежал на спине, головой на запад. В составе инвентаря: горшок с отогнутым венчиком и насечками по краю; несколько опорнообразных наконечников стрел. В погребении № 3 найдены такие же стрелы, чешуйки от панциря, золотая пластина от обивки чаши с изображением орлиной головки.

Погребение № 1 кургана № 6 было впускным в курган эпохи бронзы на глубину 0,55 м. Над погребением находилась вымостка из камней. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на запад. Из инвентаря найдены трехлопастные наконечники стрел типа базисных,

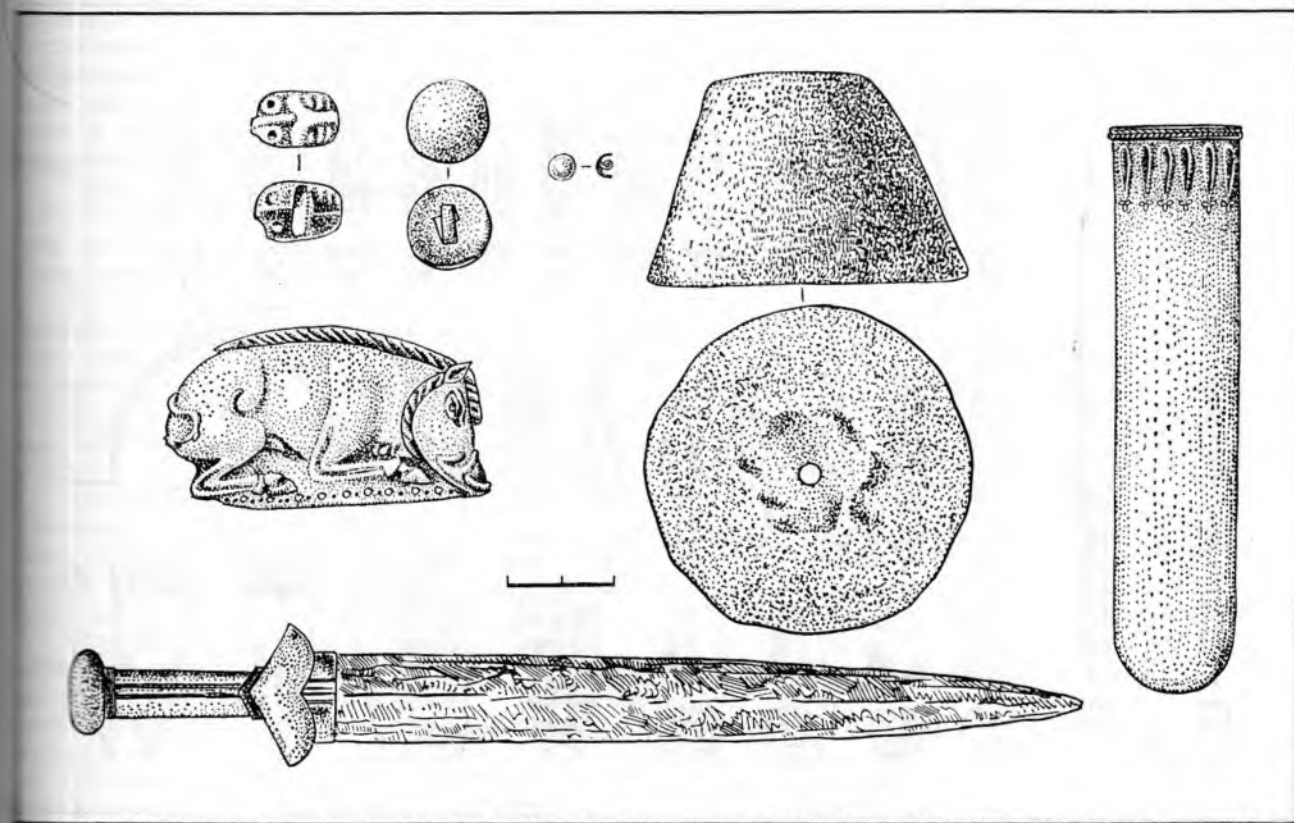

Бронзовые бляшки в виде орлиных головок и бляха в виде свернувшегося в кольцо «волчьего» хищника. Остальные курганы на Южном Буге под Николаевом датируются V в. до н. э. по найденным в них эллинистическим наконечникам стрел и обломкам амфор.

Не менее интересны раннескифские погребения, открытые Ингульской археологической экспедицией. Среди них прежде всего следует назвать курган № 1 у с. Новорозановка. Основное погребение совершено под невысокой (0,8 м) насыпью, в овальной яме (запад — восток, 2,18×1,85×2 м). Умерший лежал на спине, головой на восток. Под ним находились развернутый железный чешуйчатый панцирь и кожаные штаны, покрытые панцирным набором. У головы — щит с назатыльником, набранный из железных пластин. Воин опоясан железным поясом с набором из железных пластинок, нашитых на кожу, к которому был прикреплен акинак с антенным навершием и бабочкообразным перекрестием, деревянный колчан или горит, украшенный бронзовой бляхой с изображением головы лося. В колчане оказалось 200 бронзовых наконечников стрел. Рядом найдена бронзовая ворварка. Слева от погребенного лежали два железных наконечника копий со вторичными. Рядом с каждым из наконечников лежало по ворварке. Справа от скелета находилась вырезка от паутинной пищи — кости молодой лошади и железный нож [Шапошникова, 1970, с. 208 сл.; Шапошникова и др., 1977, с. 66—70]. Погребение датируется V в. до н. э.

Курган № 2 у с. Христофоровка. К моменту раскопок насыпь отсутствовала. Погребение было основным. Курган окружен кольцевым рвом, в его северо-восточной части найдены фрагменты амфор, в том числе обломок венчика и ручки конца VI — начала V в. до н. э., что и дает основания для датировки кургана. Возле восточ-

Вещи из погребения кургана № 6 учхоза «Самарский».

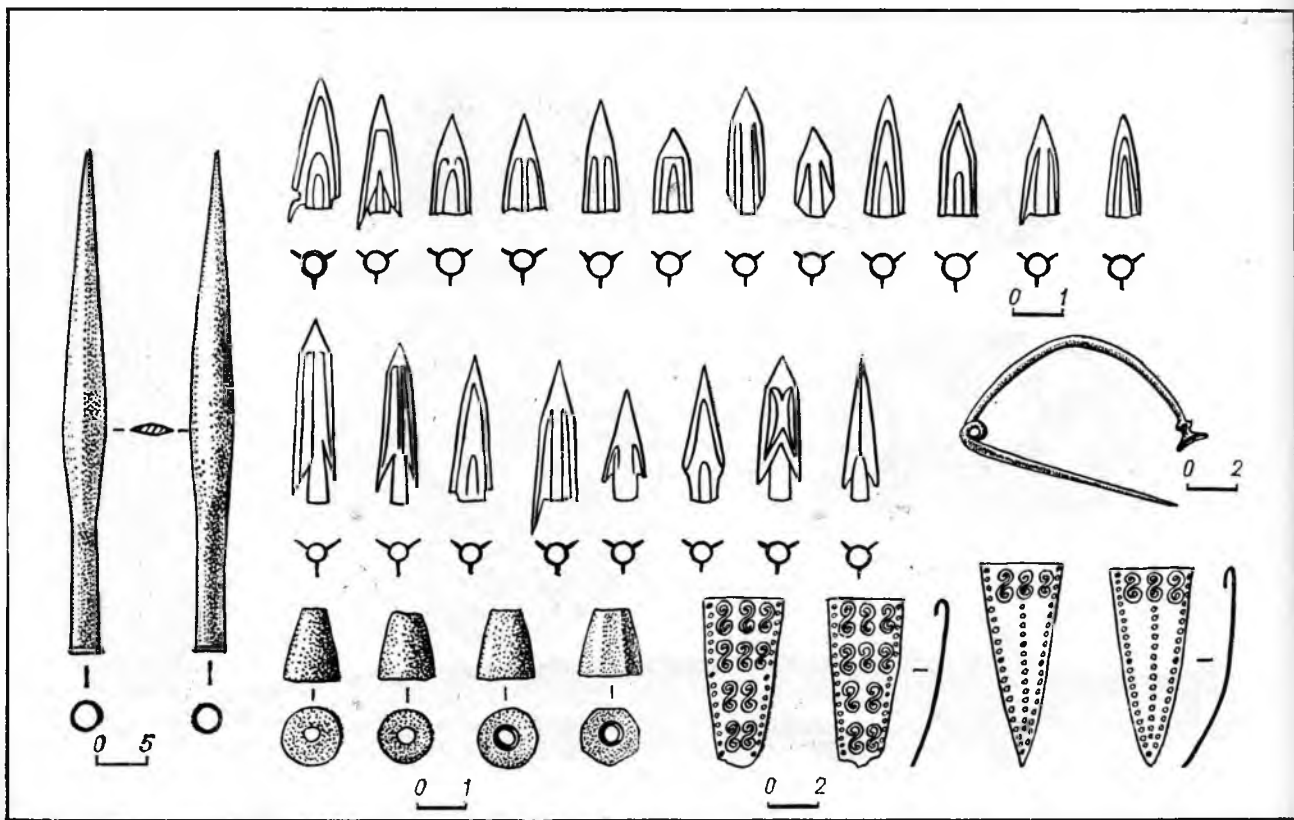
ной части рва найдена стела из рыхлого известняка высотой 1,5 м. На стеле выделены голова, плечи и правая рука, прижатая к груди. Погребение совершено в катакомбе и полностью разграблено [Шапошникова и др., 1973].

В кургане № 9, на землях совхоза Коминтерна, основное погребение совершено в овальной яме с уступом, на котором обнаружено ряд предметов: наконечники копий, амфора, фрагменты греческих сосудов (килика и скифоса V в. до н. э.), светильник, фрагмент каменного блюда. В яме лежал скелет головой на запад. Среди находок — обломки железного панциря, наконечник копья, бронзовые стрелы, ворварки.

Насыпь кургана обведена каменным кромлехом, а могильная яма обложена вымосткой из камней. В северо-западной части на камнях крепиды найдена каменная стела высотой 2 м, изображающая мужчину с бородой и усами, на шее — гривна, в правой руке — ритон. Среди атрибутов изображены пояс, акинак, меч, горит, боевой топор. На боковых сторонах намечены изображения ног, обутых в перевязанную мягкую обувь. Греческая керамика из погребения и характер оружия на стеле позволяют отнести погребение к раннему V в. до н. э. [Шапошникова, 1975, НА ИА АН УССР].

В 1977 г. в кургане № 4 у поселка Бугский открыто впускное раннескифское погребение с колчанным набором наконечников стрел раннескифского (позднеархаического) типа [Шапошникова и др., 1977]. По-видимому, довольно богатым было погребение из кургана в окрестностях Ольвии у с. Анновка. Данные об обстоятельствах раскопок этого памятника очень скудны. Известно, что в погребении найдено бронзовое зеркало ионийской работы с ручкой в виде обнажен-

Вещи из погребения кургана № 6 учхоза «Самарский».

ной женской фигуры, датируемое исследователями концом VI в. до н. э. [Жебелев, Мальмберг, 1907; Капошина, 1956, с. 249].

Одесская область. Сравнительно небольшая группа погребений раннескифского времени обнаружена в пределах Одесской области. Наиболее ранним из них является погребение № 5 в кургане № 9 у с. Огородного [Субботин, Загинайло, Шмаглий, 1970, с. 152 сл.], впущенное в курган эпохи бронзы на глубину 0,8 м. Контуры могильной ямы не прослежены. Умерший лежал вытянуто на спине головой на запад — северо-запад. Поза свободная, левая нога слегка согнута. На костях заметны следы красной краски. У правого плеча найден колчан со 103 бронзовыми двух- и трехлопастными наконечниками стрел раннеархаических скифов. За головой — второй колчан с бронзовой рубчатой палочкой-защелкой, в котором лежали 8 бронзовых и 4 костяных наконечника стрел и бронзовая ворварка. Кроме того, в могиле найдена часть оленьего рога с четырьмя отростками, на заостренных концах которых заметны следы сработанности. Исследователи описали это орудие в качестве ружья. Однако подобный вывод требует специального доказательства.

К V в. до н. э. относятся два погребения, найденные в междуречье Дуная и Днестра. Первое из них обнаружено в кургане № 1 у г. Арциза [Алексеева, 1973, с. 252]. В нем открыто основное погребение молодого знатного воина с полным набором наступательного и защитного вооружения: бронзовый шлем, панцирь из бронзовых и железных чешуек, меч с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, наконечник кося и колчан со стрелами. Кроме того, в могиле обнаружены золотые пластинки с изображением головы хищной птицы на обшивке деревянного сосуда, чернолощенный кувшин, золотое кольцо с несомкнутыми концами (серьга?) и большой золотой конический предмет неизвестного назначения. Захоронение воина сопровождалось жертвоприношением коня. В могиле найден скелет одной лошади и череп другой. При них — железные удила, бронзовые и железные двухдырчатые псалии с шишечками на концах, бронзовый налобник с изображением орла, два серебряных нащечника с изображением пернатого хищника, две серебряные ворварки, шесть бронзовых бляшек в виде кисти руки и некоторые другие предметы. Вещевой материал позволяет отнести погребение к середине V в. до н. э.

Второе погребение раннего времени открыто в кургане у с. Островное [Алексеева, 1973, с. 252]. В нем обнаружены два скифских котла, а в грабительском подкопе — железное тесло с двумя выступами, остатки железного панциря, бронзовый наконечник стрелы.

И. Л. Алексеева сообщает о погребении V в. до н. э., открытом Застро-Дунайской экспедицией в кургане № 2 у с. Шевченково Килийского района, и о кургане, исследованном А. В. Гудковой в этой же местности [Алексеева, 1975, с. 247]. В разрушенном кургане у с. Владиславка Коминтернского района на Одессине при ограбленном погребении найдена амфора VI—V вв. до н. э. [Синицын, 1950, с. 54, 66].

Итак, нами рассмотрены данные о раннескифских погребениях в степной полосе конца VII—V вв. до н. э. Приведенный перечень курганов существенно меняет сложившиеся представления о характере раннескифской культуры на очерченной территории и роли кочевых скифов среди других племен Северного Причерноморья в раннескифское время.

Установлено, что погребения VII—V вв. до н. э. в сравнительно большом количестве распространены по всей Степи, не образуя сколько-нибудь заметных сосредоточений. Количество их обычно составляет определенный процент от общего числа исследованных в данной местности курганов.

К числу наиболее ранних относятся такие памятники, как погребения в курганах Темир-Гора, Цукур-Лиман, у слободы Криворожье,

у хут. Большого на р. Цуркан, у с. Филатовка, курган у г. Константиновска-на-Дону, у г. Никополя, Мельгуновский курган. Отметим, что большинство наиболее ранних курганов с древнейшими античными сосудами и трофеями переднеазиатских походов сосредоточиваются в восточной части на Нижнем Дону, Таманском и Керченском полуостровах, составляя как бы переход к Келермесско-Ульской группе Прикубанья и архаическим памятникам Северного Кавказа.

С VI в. до н. э. связаны погребения в курганах у сел Нижние Сергозы, Константиновка, Зеленый Лагерь, Семеновка, Ново-Алексеевка, Покровское, № 5 на Никопольском курганном поле, у хут. Грушевки, № 37 у сел Широкое и Огородное.

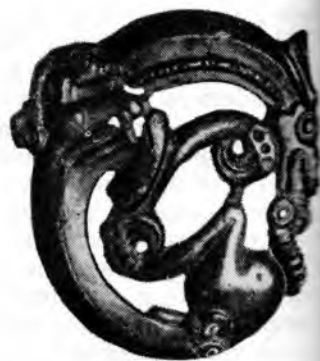
Выдающимися памятниками конца VI — начала V вв. до н. э. являются Острая (Томаковская) Могила, Золотой Симферопольский курган, погребения в курганах у Рожновских хуторов, с. Анновки, Медеровский курган. Большинство остальных погребений связано с V в. до н. э.

В числе рассмотренных погребений имеются захоронения представителей высшей знати, к числу которых принадлежат курганы Мельгуновский, на р. Калитве у слободы Криворожье. Ряд курганов содержат захоронения представителей военно-родовой верхушки и зажиточного сословия. Это Острая (Томаковская) Могила, курганы Золотой и Кулаковского, погребения в кургане у с. Гусарка, № 5 у Архангельской слободы, курган № 6 у с. Ильичево, курганы Ак-Бурунский, Бабь, Раскопана Могила, Чабанцова, Завадская, Испанова Могилы, погребение в кургане у г. Арциз. Ряд курганов содержат захоронения рядового населения.

Благодаря найденным памятникам стало возможным опровергнуть тезис о том, что в раннее время скифы сами не создавали курганов, а хоронили умерших только в курганах эпохи бронзы [Яценко, 1959, с. 109; Артамонов, 1970, с. 28—29]. Начиная с самого раннего времени отчетливо выделяется серия основных погребений в гробницах с различным устройством [Мураш, 1982]. Среди них первыми следует назвать погребения в грунтовых ямах с деревянными склепами и перекрытиями, поверх которых нередко устраивались каменные вымостки. Обычно эти деревянные гробницы находили сожженными. Встречаются гробницы в виде деревянных склепов, сооруженных на погребенном черноземе и сожженных. Известно несколько склепов, сложенных из камня. Они обычны в местах, где имеются выходы плитняка.

Впускные погребения имели в основном такое же устройство, что и основные, с преобладанием захоронений в грунтовых ямах. Отметим, что впускными оказались два наиболее ранних погребения в катакомбах. Количество захоронений с катакомбным устройством гробниц значительно увеличивается с начала V в. до н. э., когда погребения в катакомбах все чаще становятся основными.

Основные захоронения в ямах. Одной из наиболее ранних из этой серии является гробница кургана Темир-Гора, где в скальном грунте была высечена большая яма, перекрытая деревом и засыпанная сверху камнями. Яма с остатками деревянного перекрытия исследована в кургане у с. Семеновка под Каховкой. В кургане у Никополя обнаружена деревянная гробница в яме. Основное захоронение в яме со следами деревянных столбов по углам открыто в кургане № 12 у шахты № 22 под Орджоникидзе. В курганах около Ногайска (№ 6, Острая Могила и у с. Владимировки) погребения совершены в грунтовых ямах «значительного размера». Едва ли можно сомневаться в том, что эти могилы были сверху перекрыты деревом. В курганах у с. Новогригорьевки Д. Я. Самоквасов отмечает захоронения в квадратных или прямоугольных ямах со следами деревянных перекрытий, а иногда и обшивкой стен. В яме подкурганного сооружения у с. Большая Знаменка зафиксированы канавки от деревянной облицовки стен и ямы от угловых столбов.

Бронзовая бляха из кургана Кулаковского под Симферополем.

Основные погребения в ямах с сооруженными над ними каменными вымостками зафиксированы в кургане № 25 на островах Кичкас и Дубовом. Склеп с угловыми столбами, с облицованными плахами стенами и деревянным перекрытием зафиксирован в кургане Завадская Могила. Яма с деревянным перекрытием оказалась в кургане № 5 у Архангельской слободы и в кургане Кулаковского, а также в погребениях курганов у сел Новорозановка, Тимофеевка, Константиновка. Ямы, как правило, четырехугольные, иногда овальные, ориентированы по странам света.

Захоронения в ямах с сожженными склепами. В погребении, открытом у г. Константиновка-на-Дону, в могильной яме обнаружены следы склепа со следами сожжения. Погребение № 4 в кургане № 3 у с. Покровское на Днепропетровщине впущено в курган эпохи бронзы и имело вид ямы с устроенным в ней деревянным склепом, впоследствии сожжен-

*Золотые оковки деревянных
сосудов из кургана Завад-
ская Могила. № 6.*

ным. На костях и вещах прослежены следы действия огня. Основное погребение в яме с сожженным склепом зафиксировано в кургане № 11 у с. Подгородное.

Погребения в сожженных деревянных склепах на грунте. Среди раннескифских памятников Степи известно несколько захоронений со склепами, сооруженными на древнем горизонте и затем сожженными. К их числу относятся курганы: у слободы Криворожье на р. Калитве, у станции Медерово и Мельгуновский.

Таким образом, мы видим, что по основным признакам устройства погребальных сооружений раннескифские памятники Степи вполне аналогичны одновременным погребальным памятникам лесостепной полосы и скифским курганам Северного Кавказа, не являясь каким-то исключением.

Захоронения в катакомбах. Наибольшее своеобразие погребальных сооружений степной полосы составляют, как известно, захоронения в катакомбах. К наиболее ранним относятся два впускных погребения в курганах у с. Нижние Серогозы и № 5 группы «Сирко» под Никополем. Не исключено, что в этот период могли быть и основные погребения в катакомбах, о чем может свидетельствовать основное раннескифское погребение в катакомбе, открытое В. А. Дергачевым в Припрутской лесостепной Молдавии у с. Куконешти. Во всяком случае в VI в. до н. э. погребения в катакомбе, точнее в яме с подбоем, в степной полосе очень редки и по количеству решительно уступают погребениям в ямах. За последние годы в Степи обнаружена группа погребений предскифского времени IX—VII вв. до н. э., совершенных в катакомбах [Черников, 1977, с. 29 сл.; Тереножкин, 1976, с. 62—65]. Эти новые открытия, очевидно, в недалеком будущем позволят рассматривать вопрос о возникновении скифского обряда погребения в гробницах с катакомбами в новом аспекте.

Начиная с V в. до н. э. захоронения в катакомбах становятся более обычными. Из них наиболее ранними являются впускное погребение из Золотого кургана, основные погребения в кургане № 6 у г. Жданова, курганах Бабы, Раскопана Могила, Чабанцова Могила, Испанова Могила IV, погребение № 1 в кургане № 1 на Никопольском курганном поле, основное погребение в кургане № 5 у Архангельской слободы, № 2 у с. Христофоровка и др. Отметим, что большинство катакомб V в. до н. э. относятся к числу широтных, где входная яма параллельна погребальной камере.

Количество погребений в катакомбах в V в. до н. э. остается значительно меньшим, чем захоронений в ямах, в том числе ямах с деревянным перекрытием или склепом.

Погребения в каменных гробницах. Они открыты в кургане у с. Любимовка, кургане № 2 у с. Ильичево и Ак-Буруйском кургане № 5. Погребения совершены в каменных ящиках, сложенных из известняковых плит. В двух первых случаях каменные гробницы были впущены в насыпь курганов эпохи бронзы. Ящик, сложенный из каменных плит, найден в Мельгуновском кургане. В нем лежали некоторые вещи и драгоценные предметы парадного убранства. Однако в данном случае он не являлся гробницей, а играл какую-то вспомогательную роль при сожженном склепе. Наличие погребений в плитчатых гробницах на территории Крыма связано с широким использованием местным населением камня в качестве строительного материала. Кроме того, они находились в тесной культурно-экономической связи с античными городами Боспора.

Преобладает широтная ориентировка умерших с отклонениями к северу или югу, причем обычна как западная, так и восточная. Меридиальная встречается крайне редко. Господствует вытянутое труположение на спине, при этом, как и вообще в скифских курганах, нередко

«свободное» положение со слабо согнутой рукой или ногой, легким поворотом, раскинутыми ногами и пр. (погребения в курганах у г. Константиновка-на-Дону, у сел Константиновка под Мелитополем, Нижние Серогозы, № 1 на Никопольском курганном поле). Исключение составляет захоронение молодой женщины, положенной ничком, в могиле № 12 кургана № 5 на Никопольском курганном поле.

Начиная с VI в. до н. э. наблюдаются такие черты погребального обряда, как устройство прерывающихся рвов вокруг могилы (Константиновск-на-Дону), обкладка насыпей камнями, каменными кромлехами, кольцом материкового грунта (курганы около Ногайска, Бабы, Раскопана Могила, Чабанцова Могила, Завадская Могила, Испанова Могила, № 1 на Никопольском курганном поле, Христофоровка).

В общем для раннескифских курганов степной полосы характерно одинаковое устройство погребальных сооружений и обряда захоронения. Наблюдаются определенная избирательность в рамках общих правил, допущение различных вариантов и индивидуального подхода к устройству гробницы. Эти черты присущи скифскому погребальному обряду на всем протяжении скифского периода.

Большинство погребений принадлежит мужчинам-воинам. Могилы простых скифов сопровождаются луком и колчаном со стрелами. Основные женские погребения сравнительно редки (курган у Рожновских хуторов, курганы № 29, 30, 62 Елизаветовского могильника). Характерно, что в трех из них погребены женщины с оружием.

Из-за сильной ограбленности погребений далеко не всегда удается определить количество и состав погребенных лиц. Встречаются парные захоронения (в кургане у Днепрорудного), принадлежащие представителям среднего имущественного сословия.

Довольно отчетливо вырисовывается группа погребений воинов с конями, относящихся преимущественно к V в. до н. э. В ранних могилах встречаются части конской узды (костяной псалий из кургана у с. Грушевка). Конское защитное убранство оголовья найдено в кургане близ Никополя. Части конских уздечек — в погребении V в. до н. э., в кургане Острая Могила близ Ногайска, у сел Большая Белозерка, Днепрыш. В кургане № 1 Никопольского курганного поля части конской узды обнаружены во рву среди остатков тризны.

Захоронения взызданных коней, положенных в могилу воина, открыты в Медеровском кургане, курганах № 15 у с. Танковое, у с. Подгороднее. Отдельно устроенные конские могилы открыты в кургане у г. Аршиза, в Завадской Могиле, в Испановой Могиле, в кургане Ак-Бурунского мыса. В кургане у с. Ново-Алексеевка на скелете человека лежал конский череп. Во входной яме Раскопанной Могилы найдено 17 конских черепов, что свидетельствует об обильной конской гекатомбе.

Из сказанного выше вытекает, что сложившееся представление о резком различии степных и лесостепных погребений в VII—V вв. до н. э. является преувеличенным, что объясняется недостаточностью ранее имевшегося материала. По преобладающим данным степные скифские захоронения архаической поры (впускные и основные) не имеют принципиальных отличий от лесостепных могил Среднего Поднепровья. Захоронения в Степи совершались в могилах в виде ям с деревянными перекрытиями или в виде деревянных склепов, поджигавшихся с ритуальной целью. Этим степные скифские могилы сходны с лесостепными и, как мы видели выше, со скифскими захоронениями на Северном Кавказе. Значительные различия между степными и лесостепными погребениями появляются с V в. до н. э., когда у степных скифов ямный обряд сменяется катакомбным, в то время как в Лесостепи сохраняется старый тип погребальных сооружений — ямы с деревянным склепом или деревянным перекрытием.

В равной степени нет никаких оснований для существующих высказываний о небольшой численности степных скифов, их слабости и культурной отсталости по сравнению с лесостепным населением. Обращает внимание то обстоятельство, что могилы степных скифов в подавляющем большинстве жестоко ограблены, что является показателем их богатства, а не бедности. В ранних скифских могилах Степи наличествуют те же категории скифского инвентаря, что и в курганах Северного Кавказа, включая военные трофеи, захваченные во время переднеазиатских походов. Начиная с середины VII в. до н. э. степное население устанавливает торговые отношения с античным миром, которые крепнут и развиваются из десятилетия в десятилетие.

Скифские памятники времен переднеазиатских походов и пребывания их на Кавказе, скифские погребения VII—V вв. до н. э. на Северном Кавказе и в степной полосе не создают представления о скифах раннего периода как об утратившем военную мощь народе, обескровленном, растерявшем свои силы в борьбе с мидийцами. Письменные источники и археологические памятники свидетельствуют о скифах VI в. до н. э. как о могучей в военном отношении политической силе, распространившей свою власть на многие племена степной и лесостепной полосы к северу от Черного моря, отчего имя их было перенесено на обширную страну, ее земли и реки.

В культурном отношении время от начала VI в. до н. э. является периодом широкого распространения скифской культуры в Степи и на периферии степного скифского мира, включая Карпато-Дунайский бассейн и область Лесостепи от Днестра до Дона, в очерченных Геродотом географических рамках Скифии.

Конечно, число памятников раннескифского времени в степной полосе намного меньше, нежели в последующий период IV в. до н. э. на этой же территории, и значительно меньше, чем в архаический период на территории Лесостепи. Это обстоятельство вновь возвращает нас к не решенной еще проблеме Герроса Геродота, не изменяя, однако, общенсторической обстановки.

ПАМЯТНИКИ
КОЧЕВНЫХ
СКИФОВ
IV В. ДО Н. Э.

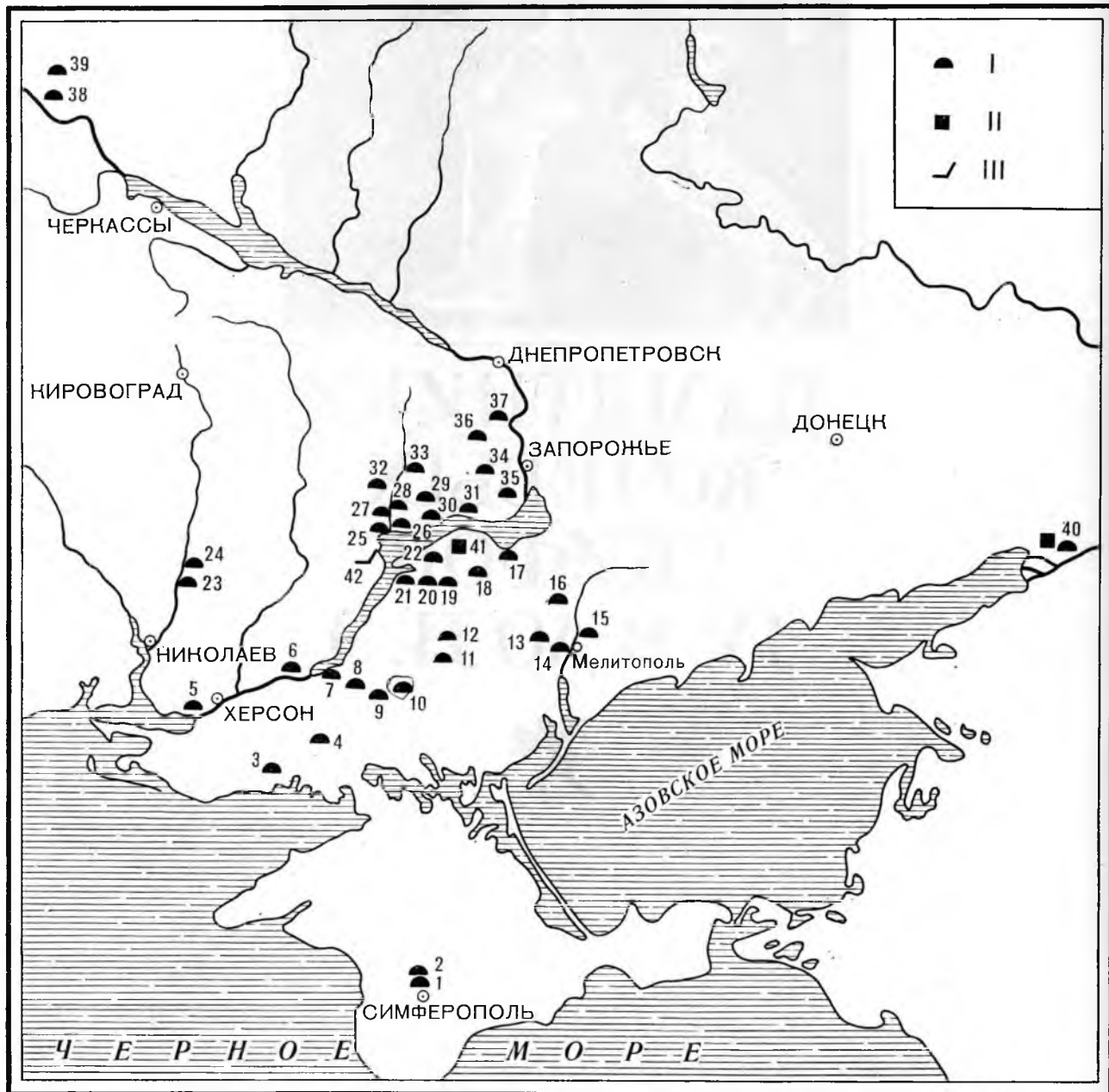

Карта памятников кочевых скифов IV в. до н. э.:

1 — Талаевский курган; 2 — Дорт-Оба; 3 — Широкое, Шевченко; 4 — Балтазаровка; 5 — Белозерка; 6 — Львово; 7 — Любимовка; 8 — Красный Подол; 9 — Мордвиновские курганы; 10 — Червоный Перекоп (Архангельская слобода, Вильна Украина); 11 — Нижние Серогозы, курганы Огуз, Деев; 12 — курган Козел; 13 — Шульговка; 14 — Медитополь; 15 — Аккермень; 16 — Троицкое; 17 — Гайманова Могила; 18 — Большая Белозерка, курганы

Чмырев, Цымбалка; 19 — Верхний Рогачик; 20 — Лемешев; 21 — Малая Лепетиха; 22 — Солоха; 23 — Пески; 24 — Булгаково; 25 — Кут; 26 — Капуловка; 27 — Орджоникидзе; 28 — Толстая Могила; 29 — Чертомлык; 30 — Никопольское поле; 31 — Верхняя Тарасовка; 32 — Михайловка; 33 — Александрополь; 34 — Томаковка; 35 — Геремесов курган; 36 — Краснокутский; 37 — Башмачка; 38 — Старинская птицефабрика, Ерковцы (Бориспольская группа); 39 — Иванков, Любарцы, Мирное, Подол (Бориспольская группа); 40 — Елиза-

ветовское городище, Пятибратный курган; 41 — Каменское городище; 42 — Михайловка. I — курган; II — городище; III — бескурганное погребения.

В настоящее время одной из наиболее актуальных и малоразработанных тем является Степная Скифия IV в. до н. э. Если для VI—V вв. до н. э. главная трудность заключается в сравнительно ограниченном количестве материала, то для IV в. до н. э. мы встречаемся с иными трудностями — огромным количеством накопленного материала, в значительной степени еще не опубликованного и не подвергнувшегося предварительной обработке. В результате раскопок новостроечных экспедиций в Степи исследованы сотни курганов IV в. до н. э. (причем количество их с каждым годом возрастает), содержащих важные данные о быте, этнологии, общественных отношениях, материальной культуре, торговых связях и других сторонах жизни скифского общества. Сведения о многих скифских погребениях хранятся в Научном архиве ИА АН УССР, в фондах Каховской, Запорожской, Ингульской, Верхне-Тарасовской, Днепро-Дунайской экспедиций, не говоря уже о серии более мелких работ, произведенных за последние годы в Степном Причерноморье.

В несколько лучшем положении оказались результаты исследования Керченской экспедиции, данные раскопок на строительстве Северо-Крымского канала в Присивашье, раскопок, осуществленных у с. Кирово, г. Орджоникидзе, на курганном поле Гаймановой Могилы у с. Балки. Опубликованы материалы из курганов, исследованных Краснознаменной, Запорожской, Верхне-Тарасовской, Очаковской экспедициями. Несомненно, в результате публикаций основных исследований изучение Степной Скифии IV в. до н. э. значительно продвинулось вперед.

Первостепенной задачей является описание погребальных памятников Степной Скифии по крупным территориальным группам, создание плана и карты памятников и на основании всего этого написание обобщающего исследования. Поскольку такая работа в настоящее время еще далека от завершения, мы не можем дать полный обзор имеющихся памятников и поэтому рассмотрим лишь опубликованные материалы.

В ходе многолетних раскопок удалось выявить имущественные и социальные прослойки скифского общества — от беднейших до самых богатых его представителей. Выделены захоронения рабов, бедных пастухов-воинов, лиц из сословия зажиточных кочевых скифов, гробницы скифской аристократии и, наконец, курганы скифских царей и членов их правящих династий. Нашей целью является рассмотрение отдельных социальных групп степного скифского населения.

IV в. до н. э. — время наибольшего расцвета и могущества Степной Скифии. К этой поре относятся самые большие и богатые гробницы скифской аристократии и среди них — курганы с погребениями скифских царей. За последние годы сделаны серьезные попытки выделить памятники этой высшей группы скифского общества, руководствуясь теми данными, как размеры насыпей, величина и сложность погребального сооружения, богатство инвентаря, количество и состав человеческих жертвоприношений, число конских сопровождающих захоронения, роскошь убранства этих коней.

По мнению исследователей, уровню царских курганов в полной мере соответствуют Солоха, Чертомлык, Александрополь, Огуз. Близки к ним по значности и богатству погребенных Толстая Могила и Куль-Оба, Мезенкопольский курган, Гайманова Могила, содержащие если не захоронения самих царей, то, вероятно всего, ближайших родственников царского дома или номархов — глав больших скифских воинских соединений.

Большую группу составляют курганы с захоронениями знати, принадлежащей к различным категориям скифской аристократической верховности: вождей, представителей привилегированного сословия — пиллофов (носивших особый головной убор), скептухов (скипетродержателей), представителей царской дружины и иных представителей аристократии, составившей в скифском обществе развитое и многочисленное сословие.

Таблица 1
 ВЫСОТА КУРГАНОВ И ГЛУБИНА ГРОБНИЦ СКИФСКОЙ ЗНАТИ
 (ПО Б. Н. МОЗОЛЕВСКОМУ)

Курган		Глубина гробниц, м		
Название	Высота, м	основной	боковой I	боковой II
Александрополь	21,0	5,9	5,9	5,0
Огуз	20,0	6,4	—	—
Чертомлык	19,0	12,2	12,2	—
Солоха	18,0	4,0	5,4	—
Большая Цимбалка	15,0	8,5	—	—
Ковзел	14,0	9,6	—	—
Верхний Рогачик	11,0	6,7	—	—
Желтокаменка	9,5	7,5	7,5	—
Толстая Могила	8,6	8,5	6,2	—
Краснокутский	8,5	5,3	—	—
Лемешев курган	8,5	8,5	—	—
Гайманова Могила	8,0	6,8	4,0	8,0
Малая Лепетиха	7,5	5,3	3,9	—
Башмачка	7,0	5,3	—	—
Страшная Могила	7,0	6,9	—	—
I Мордвиновский	7,0	8,3	4,6	—
II Мордвиновский	6,5	4,5	—	—
Мелитопольский	6,0	12,5	7,0	—
Казенная Могила	6,0	13,0	13,0	—
Чмырева Могила	5,7	12,0	12,0	—
Каменная Могила	5,7	2,1	—	—
Деев курган	4,0	5,7	4,0	—
Хомина Могила	3,2	6,0	6,0	4,5

Мы не располагаем надежными средствами, которые позволили бы отчетливо разграничить погребения тех или иных представителей скифской знати, особенно учитывая массовую ограбленность могил, главным образом центральных. Сопоставив богатые курганы Степной Скифии по таким категориям, как высота насыпи, глубина основных и впускных мужских и женских захоронений, Б. Н. Мозолевский пришел к выводу, что для уяснения представления об уровне погребенного в каждом отдельном случае следует исходить не из характеристики какой-то одной из сторон погребального ритуала, а из комплекса данных в целом [Мозолевский, 1979].

Установлены интересные особенности сооружений насыпей больших скифских курганов. В ряде случаев для предотвращения разрушения основу насыпи сооружали из дерна (Солоха, Огуз, Гайманова Могила) или из специально сделанных вальков болотного грунта (Мелитопольский курган, Мордвиновский I, II курганы). Для сооружения насыпи Толстой Могилы использован илистый грунт, добытый в пойме реки Соленой. Такого рода приемы делали насыпь более прочной, что позволяло в ряде случаев обойтись без сооружения каменной крепицы [Мозолевский, 1979].

Каменные кромлехи и рвы несомненно играли немаловажную роль в отправлении заупокойного культа, им придавалось магическое охранное значение. Ров нередко имел разрыв, особенно с западной стороны, реже с восточной. Очевидно, это связано с тем направлением, куда (в сторону заходящего солнца) следовала душа усопшего. Рвы имели также определенное значение при совершении в них тризны (чаще в западной части встречаются кости животных, обломки амфор). Остатки тризны находят и в насыпях курганов: кострища, амфорный бой, кости животных, обломки местной посуды, а также отдельные вещи — наконечники стрел, предметы конской упряжи, остатки погребальных повозок.

Курганы IV—III вв. до н. э., как царские, так и другие, все больше приобретали характер усыпальниц ближайших членов семьи, включавших главу дома, его жену (или несколько жен), их детей, похороненных в последовательности их смерти. Известное сообщение Геродота о том, что с умершим царем хоронили одну из его наложниц [IV, 71], по-видимому, не охватывает всех категорий сопровождающих женских захоронений, встречающихся в скифских курганах. Тем более это вряд ли относится к женщинам, погребенным в отдельных могилах в том же кургане, где расположено главное погребение мужчины-воина.

Б. Н. Мозолевский привел интересную сводку состава и последовательности захоронений различных лиц в курганах скифской знати с разделением по полу и возрасту с учетом высоты насыпи, количества сопровождающих слуг и конских захоронений.

Выясняется, что первоначально курган мог сооружаться не только над захоронением мужчины, но и над могилой знатной женщины, причем позднее в этом же кургане хоронили и ее супруга. Особенно отчетливо это прослеживается в Александропольском и Мелитопольском курганах. Более обычными являются первоначальные захоронения мужчин с последующим устройством женской гробницы (курганы Толстая Могила, Гайманова Могила, Деев, Мордвиновский). Иногда в этих же курганах хоронили детей (Толстая Могила, Гайманова Могила, у с. Малая Лепетиха). В отдельных случаях в одном кургане погребены члены как бы

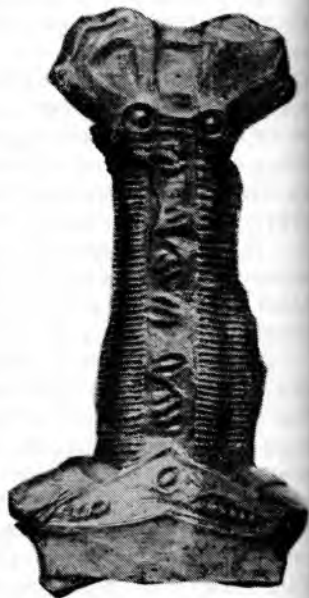
Таблица 2
СОСТАВ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЗАХОРОНЕНИЙ В КУРГАНАХ СКИФСКОЙ ЗНАТИ.
ПОГРЕБЕНИЯ КОНЕЙ И СЛУГ (ПО Б. Н. МОЗОЛЕВСКОМУ).

Курган	Высота, м	Крепиды	Место-нахождения тризны	Последовательность погребений по роду и возрасту *	Погребения лошадей					Погребения слуг	
					Количество в последовательных погребениях	Ориентация относительно гробницы	Уздечные украшения	Нагрудные уборы	Оковки седел **		
I Александрополь	21,0	+	З	Ж + М + Ж	1+15?	—	З + ЗС	1+1	З	?	
	Огуз	20,0	+	?	?	7+	ЗС	1?	З	3+	
	Чертомлык	19,0	+	З	Ж? + М	11	—	ЗС	2	З	4+3?
	Солоха	18,0	—	З	Ж + М	2+5	—	З + ЗСБ	0+2	З	? + 3
	Большая Цимбалка	15,0	+	З	М?	6	?	ЗСБ	—	—	?
	Козел	14,0	?	?	М?	11	?	СБ	2	З	2?
II Верхний Рогачик	11,0	+	?	Ж + М	?	—	—	—	—	?	
	Желтокаменка	9,5	+	З	Ж + М	2	—	?	2	С	5
	Толстая Могила	8,6	—	В	М + Ж + Р	6	—	ЗС	1	—	4+4
	Краспокутский	8,5	+	В — З	М?	4	—	СБ	—	—	?
	Лемешев курган	8,5	+	З	М?	3	?	СБ	1	Б	?
	Гайманова Могила	8,0	+	З	М + Ж + + Д + + ММ + Ж	2+1	—	З + Б	—	—	?+3
	Малая Лепетиха	7,5	+	З	? + ? + Р	—	—	—	—	—	?
III Страшная Могила	7,0	+	З	М	1	—	Б	—	—	1	
	Бапмачка	7,0	+	З	МЖР	1	—	Б	—	—	?
	I Мордвиновский	7,0	+	З	М + Ж	—	—	—	—	—	?
	II Мордвиновский	6,5	—	З	М	1	—	Б	—	—	?
	Мелитопольский	6,0	—	З	Ж + М	0+2	1	Б	1	—	1+2?
	Чмырева Могила	5,7	—	ЮВ	М? + МЖ	0+10	2	ЗСБ	2	—	?
	Каменная Могила	5,7	+	З	М?	3	—	Б	—	—	?
	Завадская Могила	4,5	+	З	М	3	—	Б	—	—	?
	Деев курган	4,0	—	З	М + Ж	1	—	Б	—	—	—
	Хомина Могила	3,2	+	СЗ	М + Ж + П	2+1	—	С	—	—	—

* М — мужчина; Ж — женщина; П — подросток; Р — ребенок.
— З — золото; С — серебро; Б — бронза.

двух родственных семей (Гайманова Могила). Известны одиночные основные мужские захоронения, подобные кургану Страшная Могила, в которой был погребен знатный юноша. При этом отсутствуют курганы, где погребения знатных женщин были бы единственными и основными. Было ли женское погребение первым или последующим, оно всегда связано с мужским. Такой обычай отражает, с одной стороны, достаточно высокое, с другой — вполне зависимое положение женщин в семьях скифской аристократии, мера знатности и богатства которых определялась положением ее господина.

Описание и интерпретация важнейших курганов скифской знати даны во многих научных и научно-популярных работах по скифской археологии. Одной из первых работ, где дано осмысление этих памятников, является труд М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор» [1925]. На серьезном научном уровне описаны открытые к тому времени скифские погребения в исследовании И. Толстого и Н. Кондакова [1889, с. 84 сл.]. Описание важнейших памятников приведено в «Нарисах стародавньої історії». [Іллінська, Тереножкін, 1957, с. 161 сл.], «Археологія Української РСР» [Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 45 сл.], в научно-популярных работах Б. Н. Гракова [1947, с. 54 сл.; 1971, с. 80 сл.], А. П. Смирнова [1966], И. Б. Брашинского [1967]. Прекрасная сводка курганов скифской знати, материалы из которых хранятся в собрании Эрмитажа, приведена в книге М. И. Артамонова [1966]. Этот свод дополнен научно-популярным очерком А. М. Лескова [1974; Leskov, 1972], переиздавшим сведения о ряде ранее исследованных памятников и дополнившим их новыми материалами Херсонской экспедиции. Перечень приведенных работ включает монографическое исследование Толстой Могилы Б. Н. Мозолевого.

ЦАРСКИЕ КУРГАНЫ

Обзор царских курганов мы начнем со знаменитого кургана Солоха [ОАК за 1912 г., с. 40; ОАК за 1913—1915 гг., с. 104 сл., раскопки Н. И. Веселовского] — одного из наибольших (высота 18 м) курганов левобережной части Степного Приднепровья. Насыпь была сооружена в два приема и содержала два погребения: центральное и боковое.

Центральная могила представляла собой вертикальный колодец с двумя камерами — северной и южной, разделенными материковой стенкой. Северная, содержавшая человеческое захоронение, оказалась ограбленной. В ней найдены золотые бляшки, золотые обивки от деревянной чаши, большая амфора с черпаком для вина, серебряный килик с греческой надписью. Кто был погребен в этой могиле, не выяснено. О женском захоронении может свидетельствовать находка золотой иголки, в то же время здесь обнаружены бронзовые наконечники стрел. Была ли погребена тут знатная женщина в сопровождении старика-слуги, скифская амазонка или же здесь находилось парное погребение, осталось не выясненным.

Не вносят ясности и найденные во второй, по тропутой грабителями камере предметы хозяйственного обихода: бронзовый котел с бараньими и бычьими костями, решетка на колесах (очевидно, для развозки мяса), деревянный ковш, железный заостренный стержень для выемки мяса из котла, три амфоры, бронзовый позолоченный сосуд и маленький деревянный столик.

Косвенным доказательством вероятности парного захоронения служит найденная здесь конская могила. Яма последней была перегородена стенкой из сырцовых кирпичей и содержала два конских скелета с уздечками, украшенными закрепленными на деревянной основе золотыми наносниками в виде распластанных рыб и нащечниками в виде

птичьих крыльев. Так как в женских погребениях захоронения коней, как правило, не встречаются, можно предположить, что основное погребение центральной гробницы кургана Солоха было мужским, сопровождавшимся женским. Но так как в погребении отсутствовали жесткие законы обряда, то сказанное едва ли может служить решающим доказательством.

Боковая могила — одна из немногих скифских гробниц, сохранившихся нетронутой, содержала захоронение царя. Расположена она в юго-западной части кургана. Входная яма глубиной 5,4 м соединялась с петрообразной камерой длинным подземным коридором. В камере были построены три ниши. В наибольшей из них, вырытой в восточной стенке, лежал скелет основного покойника в вытянутом положении, головой на запад. Близ головы — бляшки с изображением козла или лося и золотое ожерелье из рубчатых пронизей, чередующихся с миндалевидными медвесками с розеткой на конце. На шее была одета массивная витая гривна из золота со львиными головками на концах. На правой руке было три, на левой — два золотых пластинчатых браслета. У ног обнаружено множество золотых бляшек (в их числе бляхи с изображением братающихся скифов), которыми, очевидно, были обшиты штаны погребенного.

Справа лежал меч с отделанными золотом рукоятью и ножнами. На обивке ножен дважды повторено изображение льва, терзающего оленя и другие фигуры зверей. Особенностью ножен является расширение в виде круга на конце, заполненное изображением стилизованной головы льва, и два боковых выступа с фигурками львов.) Вдоль правой руки лежал шестопер. У головы — греческий шлем, а рядом — знаменитый золотой гребень с изображением сражающихся скифов. Возле скелета обнаружены бронзовые наконечники стрел, второй меч, остатки пояса и железный чешуйчатый панцирь.

С правой стороны умершего стояли шесть серебряных сосудов; кубок с изображением сфинксов; позолоченная чаша, повторяющая форму деревянных скифских сосудов с боковыми ручками, украшенная изображениями сцен охоты скифов с собаками на львов; сосуд в виде чашки, на котором выгравировано изображение женщины с цветами и музыкальными инструментами; остальные сосуды гладкие: один — в виде круглотелого кубка, два — с боковыми ручками. Рядом с сосудами найдены греческий чернолаковый килик и деревянный сосуд — прообраз металлических с плоскими выступами ручек, обитый золотыми пластинками с изображениями рыб и лежащего оленя.

В северной стенке было сделано небольшое углубление, в котором находились золотая фиала, покрытая изображениями львов, терзающих оленей, и знаменитый горит, серебряная обивка которого украшена изображением битвы конных пожилых и молодых пеших воинов. Очевидно, мастер передал легенду о битве вернувшихся из похода скифов выступившим против них молодым поколением «потомков ослепленных рабов».

К югу от ниши с захоронением царя была расположена вторая ниша, в которой стояла кухонная утварь: три котла с лошадиными и оленьими костями, в одном из которых были железный стержень для приготовления мяса и медный ковш. Здесь же обнаружены большой бронзовый газ, серебряный ободок от ритона, бронзовое ситечко с ручкой в виде лебединой головки и треугольные обивки от деревянных сосудов.

Вдоль северной стенки камеры, головой к царю, лежал скелет слуги-женосца, одетого в панцирь. При нем были: меч, наконечники стрел, три наконечника копий.

При выходе из коридора в камеру лежал скелет слуги-подростка, с которым найдены два железных наконечника копий, колчан со стрелами и бараньи астрагалы. В западной нише стояло десять амфор.

Рукоять меча и ножны с золотой отделкой из кургана Солоха.

Поэтому захоронение подростка обычно называют погребением виночерпия.

Возле боковой гробницы находилась особая могила для пяти коней, а на краю ее — могила для конюха. В состав уздечных наборов входили железные удила с бронзовыми псалиями, бронзовые бляхи с золотой плакировкой, обтянутые золотом наносники в виде головок грифона, ажурные гравированные нащечники в виде стилизованных лап животного, подпружные пряжки, множество лунниц, колокольчиков-подвесок, ворварок и бронзовые оковки седел. Рядом со скелетом конюха обнаружены 11 бронзовых наконечников стрел.

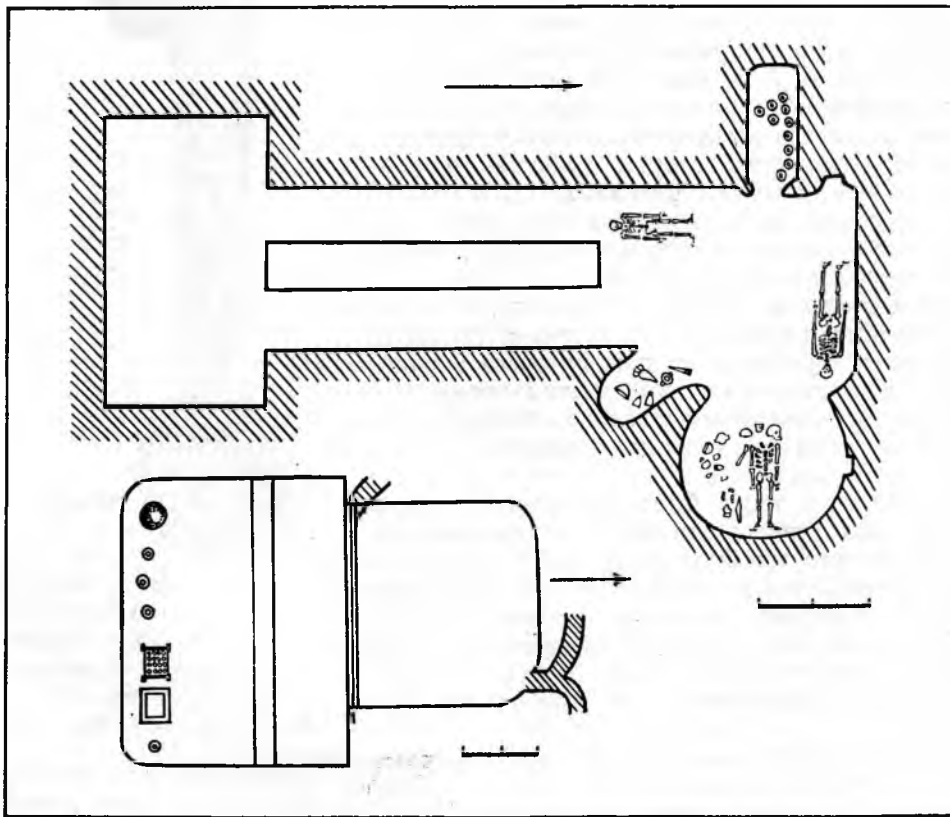
На основании амфорной керамики время боковой гробницы кургана Солоха определяется началом II четверти — серединой IV в. до н. э. [Брашинский, 1965, с. 94].

Чертомлык. На правом берегу Днепра, возле с. Чкалово, высятся остатки кургана Чертомлык, раскопанного И. Е. Забелиным в 1862—1863 гг. [ДГС, II, Спб., 1872, с. 74 сл.]. Первоначальная насыпь достигала 19,5 м высоты. Она была сооружена в четыре приема и обнесена по основанию мощной крепидой из каменных плит. При раскопках в насыпи кургана найдены остатки тризны и жертвоприношений, главным образом части уздечек, которых было не менее 250; кроме того, бронзовые навершия, увенчанные фигурками животных и птиц, наконечники стрел, бронзовая шейная гривна, ажурная жаровня со втулкой для ручки. Подкурганная поверхность на западе была насыщена обломками амфор и костями коней. Отдельно лежал скелет взызданного коня.

Под насыпью кургана открыты две гробницы: центральная и боковая и три конских могилы с 11 конями, рядом с которыми в особых ямах были погребены два конюха.

Типы золотых бляшек в кургана Солоха.

План центрального и бокового погребений в кургане Солоха.

Центральная гробница имела вид глубокого (до 11 м) прямоугольного колодца, по углам которого были расположены входы в камеры-подземелья размером 5×4 м (дно на глубине 12,5 м). В северо-западной и юго-западной камерах находились захоронения людей, в северо-восточной и юго-восточной размещен погребальный инвентарь.

На дне входной ямы посередине были замечены отпечатки камыша, следы истлевшего дерева, отпечатки красок, скобы и гвозди. Возможно, здесь находились остатки повозки, части которых нередко встречаются в качестве заслона устья камер во входных ямах многих скифских степных гробниц.

В северо-западной камере обнаружено погребение царицы. Скелет женщины лежал вытянуто, головой на северо-запад, на остатках деревянного ложа или саркофага со следами росписи синей, голубой, зеленой и желтой красками. На лоб была надета золотая лента с растительным орнаментом; 49 бляшек в виде цветов и розеток располагались надо

Предметы конской узды из кургана Солоха.

лбом, как бы нашитые на высокий конический головной убор. Около головы и вдоль тела лежали 57 золотых бляшек, окаймлявших покрывало, на которых изображена богиня с зеркалом и предстоящим скифом с ритонном. Головной убор дополняли две серьги с подвесками на цепочках. На шее — массивная золотая гривна с фигурками львов на концах; на руках — широкие браслеты. Пальцы рук унизаны золотыми кольцами. Возле правой руки умершей лежало бронзовое зеркало с костяной ручкой.

У западной стены камеры обнаружена знаменитая серебряная амфора с фризом, на котором изображены скифы, укрощающие коней, и большой серебряный лутерий, на котором лежал черпак с ручкой, украшенной головой собаки. Кроме того, здесь найдены 14 амфор для вина. Возле них в вытянутом положении лежал скелет юного слуги-«виночерпия», инвен-

Электрический горит из кургана Солоха. Центральная сцена горит.

Серебряные сосуды из кургана Солоха.

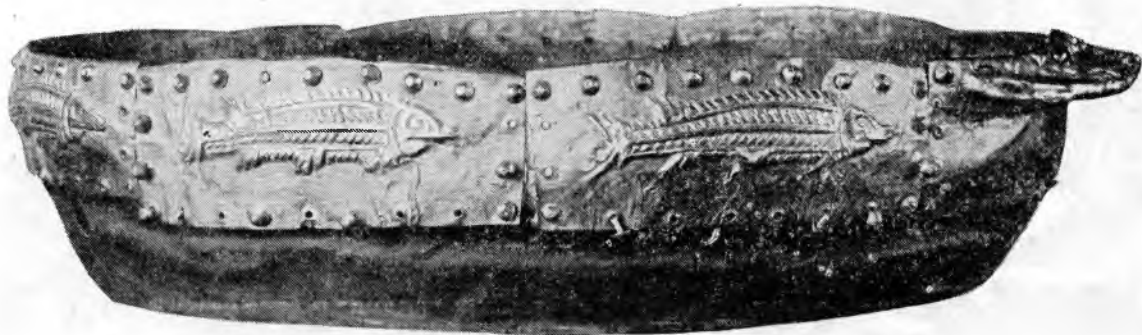
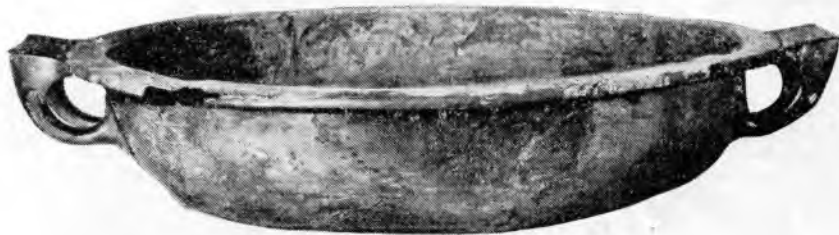
тарь которого состоял из бронзового и железного браслетов, ножа и колчана со стрелами.

Предметы женского обихода открыты в *северо-восточной* камере. Здесь найдены: бронзовое зеркало с железной ручкой, серебряная ложка, костяные пластины от ларца, части костяного веретена, до 2500 золотых блях, подвесок, бус, пуговиц, составляющих украшения одежды и части головных уборов, некогда развешанных на железных крюках вдоль стенок подземелья. Кроме того, в камере находилось шесть амфор. Близ входа лежал скелет человека, головой на северо-запад, с гладкой бронзовой гривной на шее, золотой подвеской от серьги у головы и золотым спиральным кольцом на левой руке. При нем оказались колчан с 67 наконечниками стрел и железный нож. Этот положенный у входа воин несомненно исполнял функцию стража сокровищницы.

В *юго-восточной камере* были положены парадные уборы царицы, обшитые множеством золотых бляшек, пронизок и бус, золотые ленты и украшения по крайней мере от двух роскошных головных уборов, а также хозяйственная утварь: небольшой бронзовый котел, пять амфор и пять ножей с костяными рукоятями. Тут же лежали остатки ковра и кожаные колчаны с бронзовыми наконечниками стрел. Вдоль стен рядами стояли стрелы с уцелевшими ко времени раскопок древками. Для охраны сокровищ у входа в камеру была положена собака.

В *юго-западной камере* были похоронены двое мужчин, лежавших рядом в вытянутом положении, головой на запад. У одного из них на шее была потертая золотая гривна с 12 фигурками львов. Около черепа, образуя контур конического головного убора, лежало 29 золотых блях. На запястьях — широкие золотые браслеты, на безымянных пальцах обеих рук — гладкие золотые кольца. У левого бока лежал меч с отделанной золотом рукоятью и гладким накопечником ножен, спиральная золотая лента от нагайки, остатки кожаного колчана со стрелами и при нем железный нож. На умершем был надет пояс с бронзовым панцирным набором, на ногах — бронзовые поножи. Слева от черепа — четыре наконечника копий, обломки бронзовой чаши и серебряного кувшинчика и еще один колчан со стрелами.

Бронзовый и деревянный сосуды с золотыми оковками из кургана Солоха.

*Золотая и серебряная чаши
с позолоченным рельефом
из кургана Солоха.*

Серебряные сосуды из кургана Солоха.

У второго умершего на шее также была золотая гривна с концами в виде львов, на правой руке — серебряный браслет и золотое кольцо. На нем был надет портупейный пояс с бронзовым набором, при котором слева находились меч, колчан со стрелами и нож.

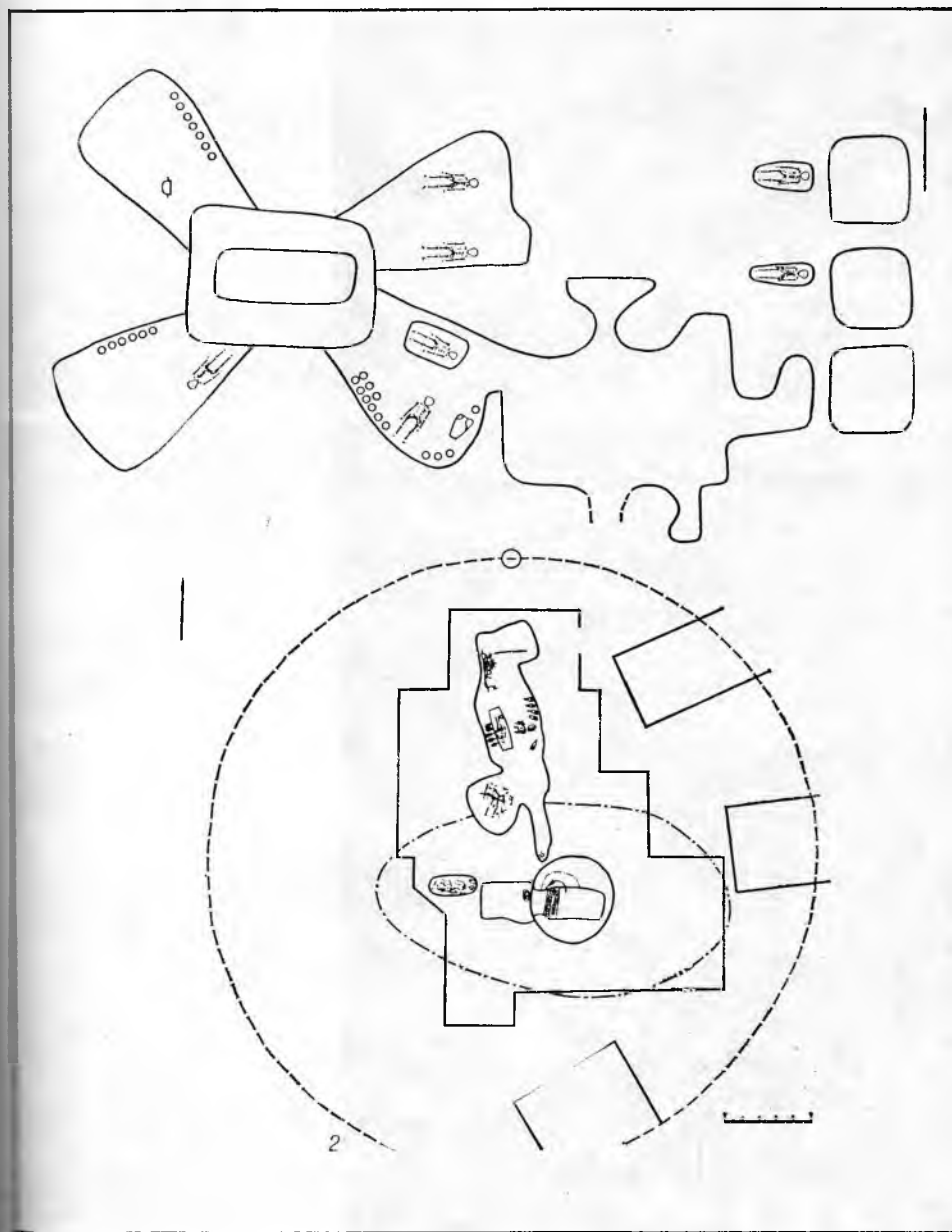
Вторая гробница. К западу от центра располагалась вторая могила с захоронением царя. Гробница представляла собой род подземелья размером 7×5 м, дно на 12,5 м ниже поверхности. Вероятнее всего, это была отдельная катакомба, хотя входной ямы, ведущей в нее, И. Е. Забелиным обнаружено не было. Камера найдена через пролом, идущий с тыльной стороны помещения, где была погребена царица. Представляется невероятным, чтобы грунт из подземелья «гробницы царя» при ее сооружении выносился бы через камеру, в которой была погребена царица.

В помещение, в котором находилось захоронение царя, через подземный ход, идущий от подошвы, проникли грабители. Однако погребение разрушено ими частично — главные сокровища не были тронуты. Умерший лежал на деревянном ложе, находившемся у западной стенки. Останки его были разбросаны. Возле этого места и у грабительского хода найдены некоторые золотые вещи: перстни, кольца, гладкий наконечник от ножен меча, золотые бляшки, пуговицы, обрывки золотых ажурных пластин и прочие остатки пышного убора. Кроме того, в погребальной камере обнаружены обломки греческой чернолаковой чашки, бронзовый светильник с шестью рожками, два бронзовых котла с костями животных, в одном из которых был железный ковш с деревянной ручкой.

Наиболее ценные вещи обнаружены в трех боковых нишах-тайниках. В западной нише, очевидно, хранились парадные одежды: здесь в толстом слое тлена от кожи и ткани найдено множество золотых бляшек. Здесь же стояло бронзовое ведро. В северной нише находились: бронзовая позолоченная чапа, колчан, меч с обложенными золотом рукоятью и наконечником ножен, два железных ножа. В южной нише найдены: золотая обивка горита с изображением сцен из мифа об Ахиллесе; золотая обивка ножен меча со сценами битвы греков с варварами; два меча с золотыми рукоятями, на одной из которых изображены животные. Второй меч уникальной ахеменидской работы. Навершие ру-

кояты оформлено в виде двух головок комолых бычков, плоскость заполнена изображением сцены охоты всадников на козлов. Перекрестье сердцевидное. Вероятно, этот меч, лежавший без ножен, вкладывался в ножны с богатой золотой отделкой с изображением битвы греков с варварами. Художественный стиль рукояти и ножен совершенно различен, иранская рукоять, бесспорно, старше, чем ножны, заказанные, вероятно, в античной мастерской. Очевидно, этот меч представлял собой реликвию царского дома, передававшуюся из поколения в поколение. Кроме этого меча в стену ниши были воткнуты еще три меча с обложенными золотом рукоятями, покрытыми грубыми схематичными изображениями животных «чертомлыцкого» типа. В нише также найдены оселок с золотой обкладкой верхнего конца, некоторые части бронзового

Планы погребений в кургане Чертомлык (1) и Мелитопольском кургане (2).

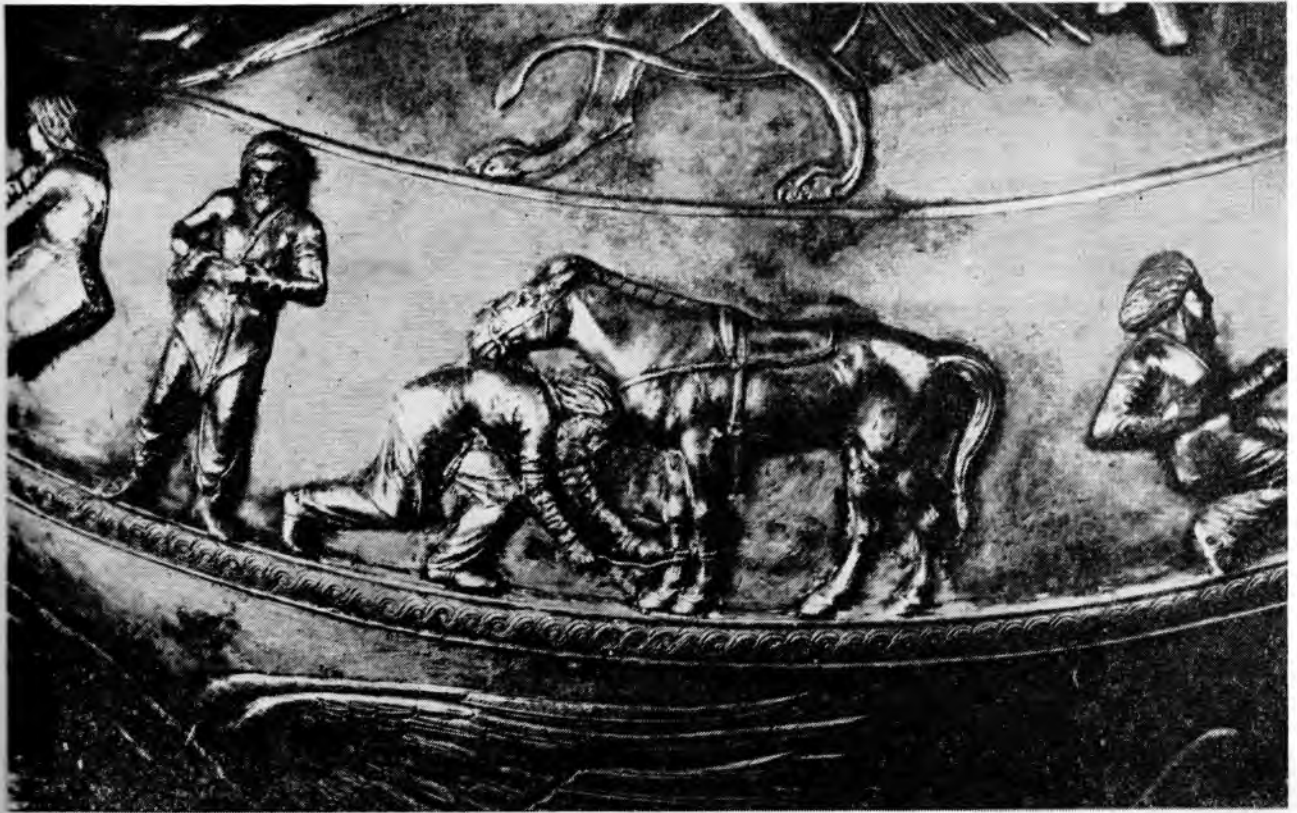
поясного набора, несколько ножей, наконечники стрел, золотые бляшки, пуговицы и пр.

К западу от гробницы царя на погребенной подкурганной поверхности находились три большие, перекрытые бревнами ямы. В южной — захоронение трех взызданных коней и отдельная от них уздечка. В двух других ямах было по четыре коня. У пяти лошадей уздечки и седла были с золотой отделкой, у шести — с серебряной. Украшения узды довольно однообразны: массивные налобники с головками животных типа «львиных грифонов», плоские нащечники с гравированными изображениями птиц, круглые бляхи от перекрестий ремней, подпружные пряжки, ворварки. Похороненные в отдельных могилах конюхи лежали вытянуто, головой на запад. При первом из них найдена бронзовая гривна с золотой лакировкой, золотая серьга с подвеской в виде двуликой чело-

Детали фриза чертомлыцкой амфоры.

Золотые украшения и головной убор из женского погребения кургана Чертомлык.

веческой головы, золотое спиральное кольцо, колчан со стрелами, нож, наконечники копья и дротика. При втором — золотая массивная витая гривна и бронзовые наконечники стрел.

Мы присоединяемся к мнению авторов, считающих, что в Чертомлыке совершены два равнозначные по степени знатности и богатства погребения — царя и царицы в окружении их приближенных. Все сопровождающие захоронения — «виночершия», «стража», «конюхов», двух знатных воинов из юго-западной ниши — несомненно принадлежат свободным скифам из личного окружения царя, что подтверждает свидетельство Геродота о том, что царю служили не рабы, а природные скифы [IV, 72]. Время Чертомлыка определяется последней четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1965, с. 401].

Александропольский курган (Луговая Могила) раскапывался Терещенко в 1852—1854 гг. и А. Е. Люценко в 1855—1856 гг. [ДГС, I, 1866, с. 1—25]. Это самый большой из известных в Причерноморье курган. Высота его достигала 24 м. Основание кургана обложено огромными камнями и обведено широким рвом с перемычками на восточной и западной сторонах. В насыпи обнаружены остатки тризны, а также части и украшения повозок, на которых были доставлены умершие: обломки железных шин от колес, позолоченные бляхи, наверхшия. Среди них наиболее интересны бляхи с изображениями крылатой богини, держащей двух зверей; наверхшия в виде крылатой богини; наверхшия в виде бронзового трезубца с сидящими на вершинах птицами с колокольчиками в клювах; два наверхшия, украшенных фигурками птиц; четыре — с фигуркой грифона в квадратной рамке, с подвесными колокольчиками; бляхи с изображениями животных; пять серебряных блях в виде дерева с круглыми подвесками; колокольчики; лунницы; бронзовые бляхи; золотые обивки от деревянных сосудов (в том числе с головкой лошади и в виде фигурки кабана).

Под насыпью кургана оказалась центральная могила с двумя входами, причем из второй входной ямы в камеру вел длинный подземный коридор. Рядом с центральной могилой — захоронение коня. В северо-восточную полу насыпи была впущена еще одна гробница.

Центральная могила с останками двух людей оказалась ограбленной. Сохранилась россыпь золотых украшений (до 700 штук).

Наибольшую достопримечательность Александропольского кургана составляют захоронения коней. В одном из них возле центрального входа лежал скелет лошади, узду которой украшали четыре золотые бляшки с изображением быка, льва, птицы и гиппокампа. Соединения удила и псалий закрывали бляхи в виде золотых розеток. На лбу — бляха со скульптурным изображением лошади. Нагрудное украшение состояло из бронзовых подвесных лунниц, блях, колокольчиков, ворварок. Передняя и задняя луки седла были покрыты золотыми пластинами, вырезанными фигурно. К седлу прикреплен колчан с 45 стрелами.

С умершим, внесенным в гробницу через вторую входную яму, связано захоронение не менее чем 14 лошадей, положенных вдоль длинного, ведущего из ямы в камеру коридора. Часть из них оказались ограбленными, некоторые же, присыпанные ранее обвалом свода, сохранились. Кони имели богатые уздечные наборы.

У одной из лошадей найден серебряный налобник, украшенный тиснением в виде прядей золотых волос, золотой наносник со стилизованной головкой львиного грифона, нащечники в виде фигурок лежащего льва. На перекрестьях ремней были четыре золотые бляхи с изображением человеческой головы, окруженной семью головками быков. Золотыми бляхами были покрыты и соединения удила с псалиями. Ремни украшали чередующиеся золотые и серебряные бляхи с растительным орнаментом и изображением скифа на коне, охотящегося на зайца.

*Ножны и рукояти мечей из
чертомлыцкого кургана.*

Один из конских уборов имел серебряные плакированные золотом украшения античной работы. На месте соединения ремней уздечки с удилами находились бляхи с изображением женского бюста, на перекрестиях ремней — бляхи с изображением воина в плаще; нащечниками служили прямоугольные бляхи с изображением грифона. На лбу — круглый медальон с изображением головы Афины в шлеме, а на хребте — овальный с изображением фигуры Афины с копьем в руке. Здесь же найдено богатое золотое нагрудное украшение лошади. Ремень длиной 70 см был покрыт золотыми ажурными пластинами с изображениями грифонов, терзающих оленя и кабана. К ремню были подвешены две большие полуовальные золотые ажурные пластины: на одной изображены два грифона, поднявшиеся на задние лапы, на другой — грифон и гишпокамп, нападающий на пантеру, а также золотые медальоны и лунницы.

Замечательные конские украшения найдены и при скелетах других лошадей. Уздечные наборы Александропольского кургана являются наиболее выдающимися в Скифии по роскоши и художественному мастерству.

Центральное захоронение Александропольского кургана принадлежало женщине и мужчине, что очевидно из остатков сопровождающего инвентаря. К предметам мужского обихода относятся обломки железного чешуйчатого панциря, каждая чешуйка которого была обложена золотым листком. К женскому инвентарю принадлежали обломки костяного ларца и части костяного веретена.

Б. Н. Мозолевский полагает, что первым захоронением, внесенным через центральную входную яму, было погребение женщины. Он объясняет это тем, что в первом случае у края входной ямы была похоронена всего одна лошадь, тогда как второму погребению, внесенному через боковую входную яму и длинный коридор, сопутствовало жертвоприношение не менее чем 14 лошадей в роскошных уборах, что более соответствует захоронению царя.

Из-за ограбленности могилы количество погребенных людей установить не удалось. В конце длинного коридора, поперек входа в камеру, лежал скелет человека с двумя серебряными серьгами, бронзовой спиральной гривной и железным браслетом. Недалеко от него стоял бронзовый таз с лежавшей в нем бронзовой вазой. В грабительском ходу найден человеческий череп.

Второе погребение. В царском кургане Александрополь обнаружено еще одно женское погребение — в северо-восточной части кургана. Гробница состояла из входной ямы, коридора и округлой камеры. Во входной яме найдены остатки погребальной повозки: оковки от шести колес и множество золотых ажурных блях, пуговок и бус. Скелет погребенной лежал в камере, головой на север — северо-запад. Около него найдены золотые бляшки, пронизи, голубые фаянсовые бусы с глазками. В изголовье лежала истлевшая ткань с мелкими серебряными украшениями, тут же — серебряное веретено. Справа обнаружены две амфоры. Погребение частично ограблено.

Александропольский курган является одним из наиболее поздних. Датируется он началом III в. до н. э.

Курган Огуз. Раскопан Н. И. Веселовским в 1891—1894 гг. и Н. В. Роттом в 1902 г. [ОАК за 1891, с. 72; 1892, с. 2; 1893, с. 7; 1894, с. 9 сл.; 62 сл.; ОАК за 1903, с. 166; ИАК, вып. 19, с. 157]. Высота достигала 20 м. Насыпь окружена рвом и валом. Под центром открыта гигантская (16,3×16,3×6,6 м) яма, заполненная большими дикарными камнями. На дне ее обнаружена каменная гробница (6,4×6,4 м) с каменным полом, сложенная из хорошо отесанных блоков, поставленных вертикально, и уступчатым сводом. Блоки крепились с помощью железных скреп, отверстия в блоках заливались свинцом. В разграбленной ка-

мере на каменном полу и в заполнении гробницы найдено сравнительно небольшое количество золотых бляшек.

С южной стороны к склепу вел коридор длиной 34 и шириной 2 м. Перед входом, головой к камере, лежал «страж» с копьем и колчаном. С западной, восточной и северной сторон ямы были сделаны ниши, из которых в западной и северной погребены слуги, положенные головами на запад. В северной нише была погребена женщина с небогатыми украшениями, в западной — два человека, один из которых вовсе не имел инвентаря, а у второго была лишь бронзовая проволоочная серьга. Восточная ниша оказалась пустой.

Курган в значительной степени остался недоисследованным. После окончания раскопок крестьяне обнаружили боковые погребения и могилы лошадей, из которых происходят части не менее чем от семи уздечных наборов. В их числе четыре, аналогичные найденным в Чертомлыкe, — с золотыми налобниками в виде головок львиного грифона и плоскими гравированными нащечниками с изображением птицы. Остальные наборы состоят из серебряных фигурных налобников со львиными головками, блях в виде перекрещенного солярного знака с четырьмя головками взнузданных коней на концах, нащечники с изображениями животных и птиц. Один серебряный нащечник украшен изображениями человеческих фигур. В конских могилах найдены также золотые лунницы, круглые бляхи, колокольчики от нагрудного убора. Время Огуза определяется концом IV — началом III вв. до н. э.

КУРГАНЫ СКИФСКОЙ ЗНАТИ

Толстая Могила. К описанным царским курганам близко примыкает Толстая Могила (высота 8,6 м), раскопанная в 1971 г. Б. Н. Мозолевским [1972, с. 268; Мозолевский, 1979]. Курган интересен тем, что погребения его как бы иллюстрируют заключительный этап жизни знатной скифской семьи, включая основного погребенного — знатного вельможу, его жену и ребенка. Под насыпью, окруженной рвом с разрывом северо-восточной части, в центре находилась основная могила. В юго-западную полу была впущена боковая гробница с двумя входами, в которой были последовательно погребены молодая женщина, а затем двухлетний ребенок. Погребенных сопровождали несколько слуг.

В исследованной части рва оказались обильные остатки тризны: обломки амфор, кости коня, дикого кабана, лося. Кроме того, с внутренней стороны рва на уровне подкурганной поверхности открыта площадка, где совершалась тризна, сплошь покрытая амфорным боем. Анализ сохранившихся костных остатков дал возможность исследователям предположить, что в тризне (а следовательно, и в строительстве кургана) могло принимать участие до 2500 человек.

Центральная могила, состоявшая из входной ямы и погребальной камеры с двумя хозяйственными нишами, оказалась ограбленной. По сохранившимся останкам удалось установить, что погребенный, мужчина лет 40—50, лежал посередине на деревянном настиле в вытянутом положении, головой на юг. Он был облачен в панцирь, пояс с бронзовым набором и поножи, штаны были обшиты золотыми бляшками. При нем найдены части бронзовой булавы, золотые обкладки ритона, обломки серебряных сосудов, золотые бляхи от горита и другие вещи.

В дромосе, уцелевшем от разграбления из-за обрушившегося свода, найдены бронзовый светильник и лутерий, амфора с тремя ручками, три колчаных набора, золотые украшения от нагайки, меч с обложенной золотом рукоятью и ножнами, уникальная золотая нектораль. Поперек свода в дромосе лежал скелет слуги, рядом с которым находились обломки от деревянного заслона входа.

Золотая обкладка ножа
меча из кургана Толстая
Могила.

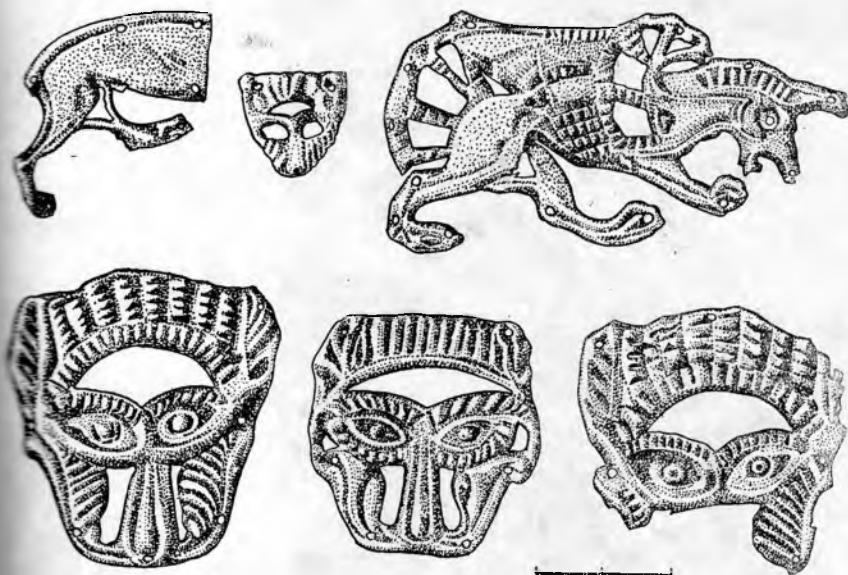
К востоку от входной ямы в центральную гробницу размещались две могилы со скелетами шести коней, уздечки которых украшали роскошные золотые и серебряные наборы. Один из коней имел бронзовые нагрудные подвесные украшения. Возле конских могил обнаружены три погребения «копюхов», лежавших головой на восток. При одном из них найдены золотая гривна, железный браслет, два ножа и колчан.

Боковая гробница с двумя входами размещалась в юго-западной части кургана. На вершине выкида из первой входной ямы этого погребения обнаружено скопление бронзовых вещей, украшавших погребальную выезд и повозку: части конской узды, колокольчики, пронизки, шесть бронзовых наверший, орнаментированные бляхи и пр.

В обширной погребальной камере на настиле лежала молодая женщина (20—30 лет), головой на запад. Одежда ее была пышно расшита золотыми бляшками, на голове находился украшенный золотыми лентами калаф, на шее — массивная гривна со скульптурными фигурками оленей, преследующих оленя; у головы — подвески с изображением богини, сидящей на троне, на руках три пластинчатых браслета, перевязи бус и 11 перстней.

В изголовье женщины стояли серебряный кубок, чернолаковая миска и стеклянные сосуды. Под левой лопаткой — бронзовое зеркало. Большой интерес представляет находка двух бронзовых пряжек типа финских сьюльгамов, найденных у южного края настила.

Справа от женщины был погребен ребенок (очевидно, мальчик) в возрасте около двух лет. Он был внесен в гробницу через второй входной колодец. Захоронение совершено в саркофаге, сильно истлевшем. Ребенка сопровождали соответствующие его возрасту золотые миниатюрные вещи: гривна, сережки, бляшки от одеяния, перстень; в руку

Золотые бляхи, украшавшие горит. Толстая Могила.

вложен пластинчатый браслет. В саркофаг были положены миниатюрные серебряные сосуды: килик, ритон и кубок.

В небольшой хозяйственной нише найдены бронзовый котел, сковородка, кости от жертвенной пищи.

Погребения женщины и ребенка сопровождалось четырьмя слугами. За первичным входом в могилу, рядом с остатками повозки лежал «возничий». Поза умершего неестественная, с широко раскинутыми руками и ногами. Из инвентаря при нем найден лишь железный браслет. В головах основных погребенных в вытянутом положении лежал «страж» с бронзовым браслетом и колчаным набором. В ногах, против устья хозяйственной ниши, в скорченном положении лежал скелет «поварихи», единственное украшение которой составляла серьга с костяной шляпкой.

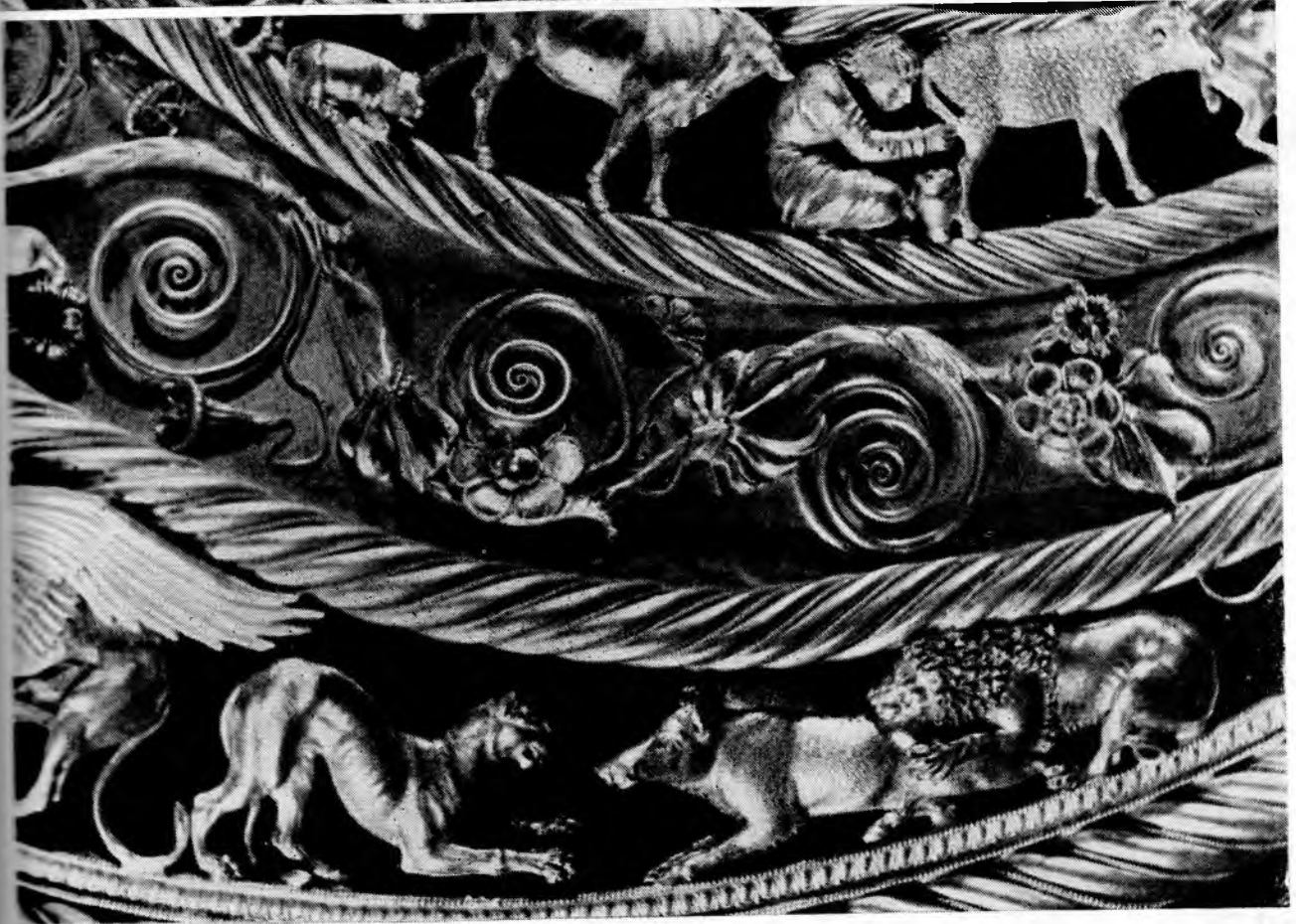
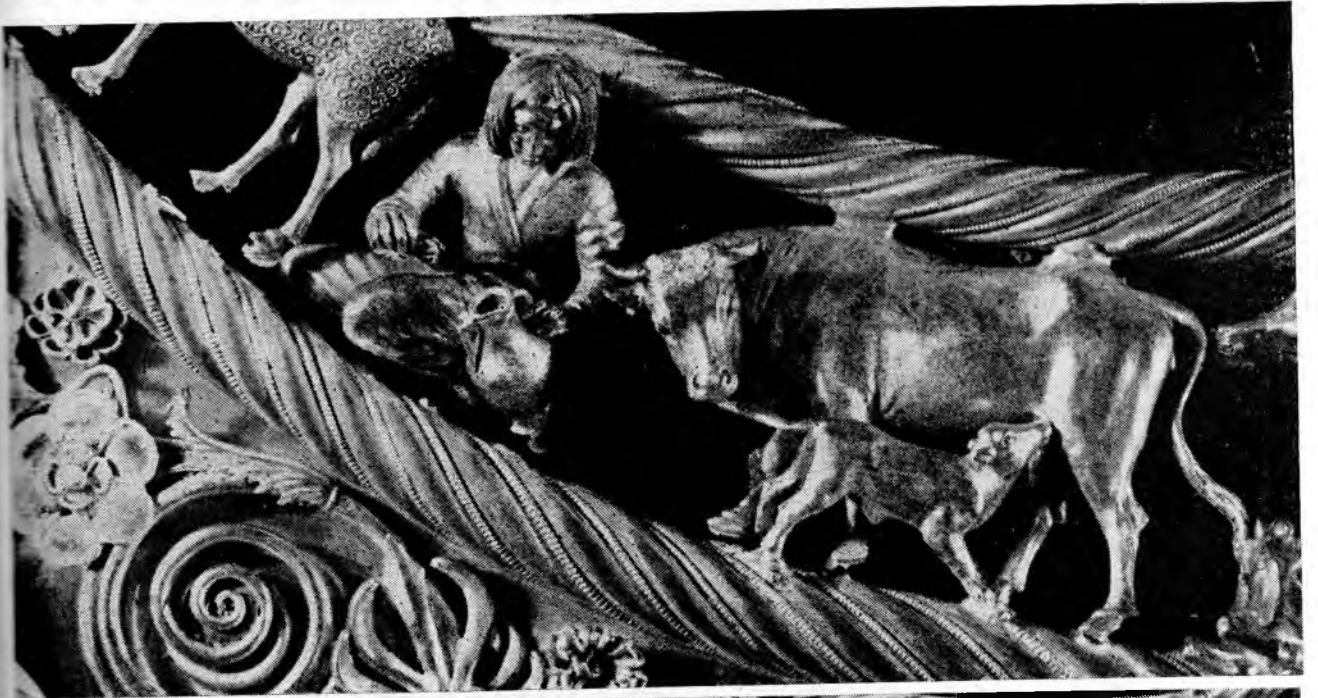
В особой нише, вырытой от угла первой входной ямы, была погребена в скорченном положении девица-«служанка», инвентарь которой составляло скромное ожерелье из пастовых бус. Очевидно, все сопровождающие лица (за исключением «стража») были рабами членов знатной семьи, о чем свидетельствует бедность их инвентаря и скорченная поза погребенных.

Б. Н. Мозолевский убедительно датирует время Толстой Могилы серединой — началом третьей четверти IV в. до н. э., считая этот памятник несколько более поздним по сравнению с Солохой и предшествующим по времени Чертомлыку.

Гайманова Могила у с. Балки была раскопана в 1969—1970 гг. В работе экспедиции принимали участие В. И. Бидзиля (начальник экспедиции), А. И. Тереножкин, Б. Н. Мозолевский, Э. В. Яковенко [Бидзиля, 1971, с. 44; Іллінська, Тереножкін, 1971, с. 68—70]. Курганный

Детали пекторали из Толстой Могилы.

могильник насчитывал около 50 насыпей со скифскими захоронениями IV в. до н. э. В настоящее время он полностью исследован [Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977, с. 152 сл.].

Самый большой курган группы Гайманова Могила имел высоту 8 м. Насыпь сложена из кусков дерна, обведена каменной крещидой и окружена рвом. В западной части на погребенной поверхности обнаружены остатки тризны: кости животных, обломки амфор, здесь же разбросаны части уздечек с бронзовыми и серебряными украшениями. Отдельно найден комплект вещей от погребальной повозки, состоявший из бронзовых наверший, уздечных наборов, бубенцов, пронизок, блях.

Под курганом оказались ограбленные могилы: центральная и три впускные.

Центральная могила. В центральной мужской могиле сохранились незначительные остатки вещей. Рядом с нею открыты два конских погребения с золотыми уздечными украшениями.

Первая впускная могила. Под южной полкой кургана обнаружена катакомба с женским погребением. Во входе в подземелье лежал скелет «слуги». В засыпке найдено около 800 золотых бляшек. Уникальной находкой являются фрагменты костяного гребня, на одной из сторон полукруглой ручки которого выгравировано изображение сфинкса с женской головой и грудью, а на другой — сцена битвы скифов с чудовищем.

Детская могила. Недалеко от женской могилы размещалась небольшая катакомба с захоронением ребенка, при котором найдены: серебряная с позолотой гривна, золотая сережка, пастовые бусы. Особый интерес представляют два бронзовых навершия веерообразных булавок. Их тип хорошо известен в памятниках подгорцевской, юхновской и дьяков-

Серебряные килик, чаша, ритон с золотым наконечником из детского погребения Толстой Могилы.

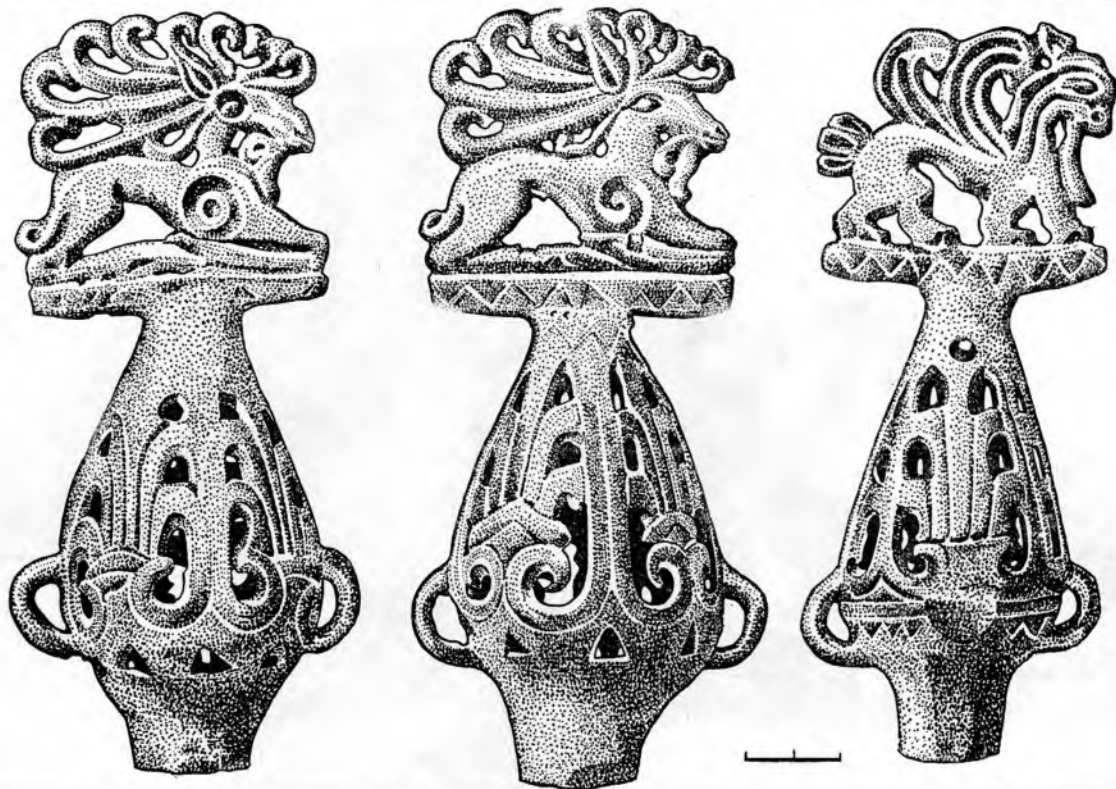
ской культур. Вместе с сьюльгами из Толстой Могилы они могут свидетельствовать об определенных связях степных скифов с народами, жившими к северу от Скифии.

Северная могила. Наибольшее значение имеет северная гробница, в которую вели два входа. На дне обеих входных ям лежали колеса от разобранных повозок. Через восточную входную яму в камеру были внесены трое умерших — двое мужчин и женщина, положенные рядом, головами на юго-запад, каждый на особом деревянном ложе. Женщина лежала вдоль северо-западной стенки, мужчины — справа от нее. Погребения оказались почти полностью уничтожены грабителями. За головой центрального (мужского) погребения обнаружен тайник в виде круглой ямки, в которую были сложены: серебряный килик; два серебряных кубка; два ритона с золотыми наконечниками: два деревянных сосуда с золотыми обивками; серебряная позолоченная чаша с боковыми ручками-упорами, на широком фризе которой изображены две пары скифских вельмож и два прислуживающих им скифа. Изготовленная по образцу скифских сосудов, чаша является выдающимся произведением античного торефта.

В ногах погребенных, перед первоначальным входом в катакомбу, лежал скелет коня с бронзовым уздечным набором, а возле него — скелеты двух молодых рабов без вещей, небрежно брошенных на пол ямы.

В северной стенке могилы размещалась обширная ниша с кухонным инвентарем. В ней найдены большой и малый бронзовые котлы, ситулы, двуручная железная жаровня, четыре амфоры, бронзовое блюдо-жаровня, на котором лежали килик, ойнохоя, цедилка, ажурный черпак и железные пружинные щипцы для углей. В передней части ниши лежал скелет воина-«стража» с оружием.

Бронзовые навершия из Толстой Могилы.

В южной камере гробницы находилось погребение женщины, внесенной через второй, северо-западный вход, и также оказавшееся разграбленным. В разных местах гробницы обнаружены обломки железных мечей, наконечники и подтоки копий, железный клевец, части портупейных поясов с бронзовыми оковками, костяной гребень с выгравированным изображением двух собак, части веретена, железные шилья, пастовые бусы, различные золотые украшения в виде бляшек, бусин, подвесок, пронизок, оковки деревянных сосудов и пр.

По амфорной керамике время Гаймановой Могилы определяется серединой — началом второй половины IV в. до н. э., то есть очень близко к Толстой Могиле. Очевидно, погребенные в этих курганах люди жили в одно время. По имущественно-социальному положению захороненные в Гаймановой Могиле были несколько ниже, нежели знатный воин из Толстой Могилы. Можно полагать, что в Гаймановой Могиле были похоронены члены знатной и богатой семьи, стоявшей во главе родо-племенной группы, члены которой были погребены на окружавшем курган поле.

Мелитопольский курган был раскопан в 1954 г. [Тереножкин, 1955, с. 23 сл.]. К моменту раскопок насыпь его имела высоту 6 м. Под курганом обнаружены две катакомбы: одна под северной полкой, вторая — в центре. Первая содержала богатое женское погребение, вторая — мужское.

Изучение стратиграфии памятника показало, что первоначальным являлось погребение женщины. Над ее могилой была сооружена сравнительно небольшая насыпь, обведенная рвом. Позднее, рядом с первой насыпью, было совершено захоронение мужчины, а насыпь доведена до полных размеров. Досыпка производилась таким образом, что вершина

Сосуды из гайника Гаймановой Могилы.

оказалась над мужской могилой, ставшей в итоге центральной. Это пока наиболее убедительный случай сооружения кургана с первичным женским и вторичным мужским захоронением. Рядом с мужской могилой, к северу от нее, расположено захоронение двух коней.

Центральная часть кургана толщиной 3 м была сложена из перемежающихся слоев сырцовых вальков и морской травы. Входная яма центрального погребения имела глубину 12,5 м; дно камеры находилось на 13,5 м ниже погребенной почвы.

Мужская могила. Поперек входа в погребальную камеру лежал скелет ребенка 7—8 лет, по-видимому, жертва, принесенная в качестве оберега гробницы. В подземелье найдены обломки железного панциря, наконечники стрел, обрывки золотых украшений, выброшенные из котла кости коня и овцы. В грабительском ходе найдены железный клевец и другие вещи.

В полу гробницы перед входом был обнаружен тайник, в котором лежали боевой пояс с бронзовым покрытием, портупейное украшение, состоявшее из 50 золотых блях с изображениями сидящей богини с

Серебряные с позолотой со-
суды из Чмырзева кургана.

зеркалом и стоящего перед ней скифа с ритонном, а также горит с золотой обивкой, подобной чертомлыцкой со сценами из мифа об Ахиллесе. В колчанном отделении — до 70 наконечников стрел.

Два положенных в одной могиле коня из Мелитопольского кургана имели бронзовые уздечные наборы. Кроме того, у одного из них имелся бронзовый набор нагрудных украшений — лунницы, диски, колокольчики, подвешенные к ремню, покрытому бронзовой лентой с античным орнаментом [Ильинская, 1973, с. 42].

Женская могила. Вторая катакомба состояла из входной ямы глубиной 7 м, длинного подземного коридора, округлой камеры и ниши. На дне входной ямы лежала грудка железных деталей от повозки, на которой к месту погребения была привезена умершая. Среди них оковки от ступиц, шины от колес, гвозди.

В коридоре подземелья у западной стенки на деревянном помосте, головой на юг лежал скелет молодой женщины — «служанки». При ней были бронзовые сережки с золотой плакировкой; ожерелье из пастовых бус, клешней крабов, морских камешков; железные браслеты, пара пряслиц и чернолаковая чашечка. Справа от нее стояли бронзовый котел с костями барана, амфора и ярмо от повозки. Вдоль обеих стенок стояли 10 амфор.

В погребальной камере на деревянном помосте лежали остатки скелета скифянки преклонного возраста, ориентированной головой на северо-восток. Из одежды на ней сохранились часть каймы от конического головного убора, обшитого золотыми бляшками, пронизьями и бусами; на месте пояса — лента из золотых блях, остатки кожаной обуви с носками, сплошь обшитыми золотыми бляшками. В земле, перекопанной грабителями, найдено до четырех тысяч золотых украшений, в том числе лента от налобного убора, сережки, перстни, различные бляшки, бусы, подвесные украшения. Здесь же найдены крышечка от краснофигурной леканы, ручка от серебряного килика, ножки от бронзового сосуда. Справа от умершей обнаружены три истлевших деревянных ларца с ожерельями из фаянсовых и стеклянных бус. В нише возле погребальной камеры лежали кости коня от папуственной пицци, чернолаковая пеллика, много железных шильев и различные золотые украшения.

Лица, погребенные в Мелитопольском кургане, несомненно, также принадлежали к числу скифской аристократии, возможно, не такой высокой, как в Гаймановой Могиле.

Перейдем к рассмотрению курганов так называемой Серогозской группы в левобережной части Степного Поднепровья.

Курган Чмырева Могиле раскапывался Ф. Брауном в 1898 г. и Н. И. Веселовским в 1909—1910 гг. [ОАК за 1898, с. 26 сл.; ОАК за 1909—1910, с. 127 сл.; ИАК, вып. 19, с. 96 сл.]. Курган сравнительно небольшой (6 м) высоты. В нем открыто два погребения. Центральное состояло из входной ямы и трех отходящих от нее камер. В отработанной могиле найдены лишь мелкие золотые украшения.

Впускная катакомба состояла из глубокой (12 м) входной ямы, дромоса и погребальной камеры. Гробница особенно интересна тем, что в ней сохранился тайник с десятью серебряными сосудами: три фиалы; килик с позолоченным изображением nereид на гиппокампах; чаша с боковыми ручками, украшенная позолоченными рельефными изображениями птиц, ловящих рыбу; высокий сосуд в виде кружки с золотой ручкой и крышкой; два круглотелых кубка, один из которых украшен канелюрами; сосуд с ручкой. В камере найдено много золотых украшений.

Рядом с катакомбой размещалась могила с десятью лошадьми в богатых уборах. Помимо обычных бронзовых, золотых и серебряных украшений (в виде круглых блях, наносников в виде львиноголовых грифонов, пластинчатых наносников в виде крыла, лап и бедра хищника, с гравиро-

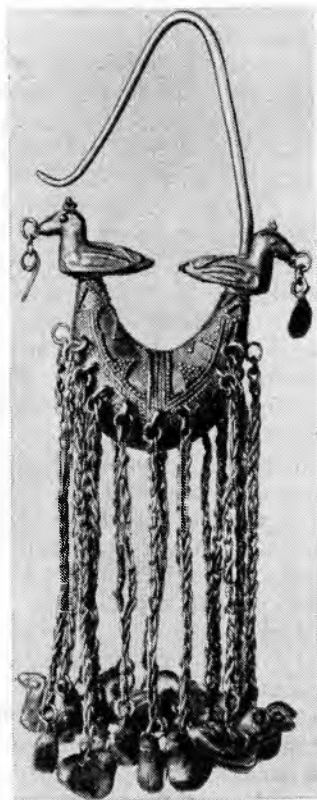
ванним изображением птицы) здесь найдены золотые бляхи прекрасной античной работы с изображением головы Геракла с львиной шкурой на голове, Медузы, Пана, высокохудожественные наносники с головками львов и грифонов. На некоторых лошадях найдены лунницы от нагрудных украшений. В состав уздечных уборов входят также золотые и бронзовые, обтянутые золотым листом бляхи, золотые и серебряные бусы, бронзовые подпружные и другие пряжки для ремней. Обилие сопровождающих конских захоронений, роскошь конских уборов, а также тайник с десятью чашами могут свидетельствовать о том, что в боковой гробнице Чмырева кургана был погребен весьма знатный воин. Вместе с тем наличие в составе находок костяного веретена и золотых височных украшений позволяет предполагать, что погребение было парным. Сохранившийся инвентарь Чмырева кургана по уровню богатства близок к Толстой Могиле. Возле раскопанного кургана найдено несколько плоских ажурных бронзовых наверший с изображением фантастического животного с рогами оленя и козлиной бородой.

Деев курган имел высоту 4,2 м. Раскопан Н. И. Веселовским в 1891 г. и К. Е. Думбергом в 1897 г. [ОАК за 1891, с. 73; ОАК за 1897, с. 73; ИАК, вып. 19, с. 168]. В центральной могиле с остатками разграбленного мужского погребения найдены меч и бронзовые наконечники стрел. С погребением может быть связано открытое в центральной части кургана захоронение коня, уздечный набор которого остался неизвестным. В юго-западной поле кургана открыта могила «конюха» или «стража». Скелет лежал головой на запад. У пояса были меч и 53 наконечниками стрел и костяной остроконечник.

Боковая гробница, открытая крестьянами случайно, содержала некропольное женское захоронение. Могила была впущена через насыпь кургана и состояла из входной ямы глубиной около 6 м, короткого коридора и камеры. Среди золотых украшений, найденных в могиле, наибольший интерес представляют части парадного головного убора вроде шапки с нашитыми на нем золотыми лентами и украшениями с железными подвесками. К убору относятся 24 золотые бляшки в виде танцующих менад. Кроме того, здесь найдена пара золотых височных подвесок в виде фигурки сфинкса на пьедестале, к которому на цепочках подвешены шесть уток, золотое ожерелье из бляшек с цветами, широкий пластинчатый браслет, множество разнообразных золотых бляшек и бронзовое зеркало.

Курган Цимбалова Могила раскопан И. Е. Забелиным в 1867—1868 гг. [ОАК за 1867, с. XIX; ОАК за 1868, с. XIV сл.; Толстой, Кондаков, 1889, с. 115 сл.] у с. Большая Белозерка. Высота около 15 м. В насыпи обнаружены остатки тризны и части двух конских уборов. Под насыпью — гробница с человеческим захоронением и конская могила со скелетами шести коней. В разграбленной гробнице найдены россыпь мелких золотых украшений, части панциря, портупейного пояса, бронзовые наконечники стрел. Конская могила оказалась втронутой. На четырех конях были бронзовые уздечные уборы с серебряными наносниками в виде птичьих голов, а на двух — уборы с золотыми пластинчатыми наносниками и нащечниками, имеющие форму крыла с изображением на нем головы дельфина с расплавленной пастью. На одном из золотых наносников изображена змееногая женщина — прародительница скифов, на другом — противостоящие львиные грифоны. Эти наносники являются наибольшей достопримечательностью комплекса Цимбаловой Могилы.

Курган Козел достигал 14 м высоты. Раскопки его были проведены в 1865 г. И. Е. Забелиным [ОАК за 1865 г., с. X сл.; Лесков, 1864, с. 14 сл.]. Его катакомба интересна тем, что по своему устройству она очень близка центральной могиле Чертомлыка. Глубина входной ямы 9,6 м, по углам размещены четыре камеры. Захоронение человека

Золотые височные украшения из Чмырева кургана.

ограблено. К западу от входной ямы размещалась конская могила с тремя отделениями, где были захоронены 11 лошадей в бронзовых и серебряных уздечных уборах. У четырех из них были золотые седельные обивки. Двое коней имели нашейные и нагрудные украшения. По своему типу уздечные украшения подобны чертомлыцким. У западной и восточной сторон конской могилы были погребены два «конюха», возле которых лежали колчаны со стрелами, железные ножи и железная пряжка.

Курган у с. Новониколаевка (бывшее с. Шульговка) около Мелитополя имел высоту 4,5 м. Раскопки произведены Н. И. Веселовским в 1889, 1890, 1891 гг. [ОАК за 1889, с. 19; ОАК за 1890, с. 14; ОАК за 1891, с. 69 сл.]. В кургане открыты две катакомбы.

Центральная гробница достигала 12,8 м глубины и состояла из входной ямы, погребальной камеры и ниши. В камере найдены два человеческих черепа и россыпь золотых бляшек. В нише вместе с беспорядочно разбросанными человеческими костями оказались: бронзовое зеркало, бронзовая чаша, бронзовая ручка от сосуда с изображением крылатой фигуры, бронзовые колокольчики с железными язычками, золотые бляшки, обломки бронзовых и железных предметов.

Северо-западная катакомба имела глубину около 12 м. Входная яма соединялась с камерой длинным (6,4 м) подземным коридором. Среди находок в разграбленной могиле оказались более тысячи мелких золотых украшений, части конской уздечки, наконечники стрел, пращевые камни, обломки железного панциря, железный меч с рукоятью и наконечником ножен, покрытыми золотым листком; железный кинжал в ножнах с серебряной обкладкой; кости коня и пожи с костяными рукоятями, а также часть черепа, пробитого стрелой, и просверленный сустав пальца. Судя по инвентарю, первая гробница, вероятно, содержала женское, а вторая — мужское захоронение.

Следующая группа курганов скифской знати расположена ближе к приднепровской части Левобережья.

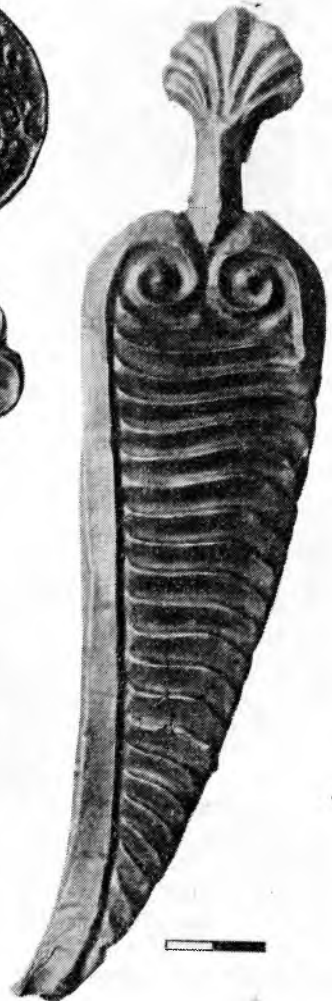
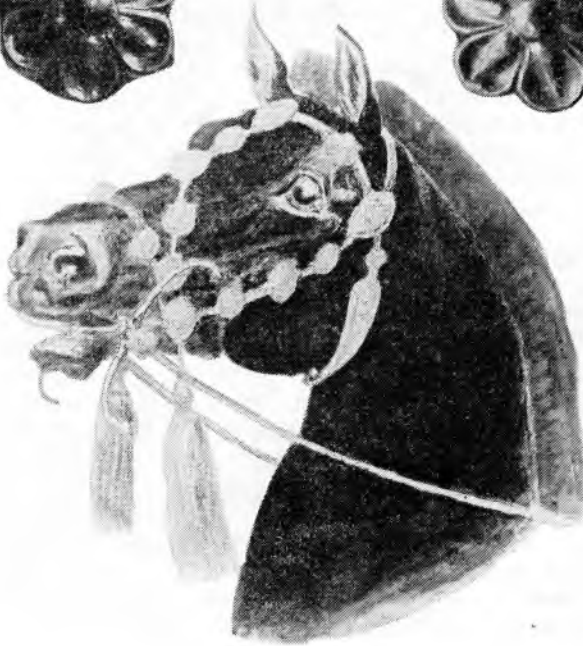
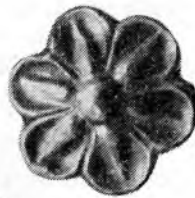
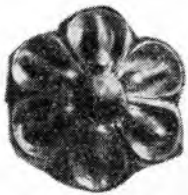
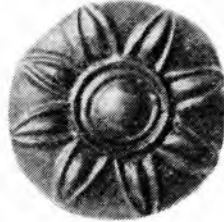
Среди них назовем курган № 2 у с. Малая Лепетиха высотой 7,5 м, раскопанный Н. И. Веселовским в 1914—1915 гг. [ОАК за 1913—1915 гг., с. 136 сл.; Лесков, 1974, с. 39 сл.]. Курган обнесен каменной кренидой. В насыпи найдены навершия в виде прорезного бубенчика, увенчанного фигуркой уточки, пара бронзовых нащечников в виде рыбы, 15 бронзовых круглых блях с рельефной плетенкой по краю.

Под курганом открыты три катакомбных гробницы. *Центральная* состояла из входной ямы глубиной 5,3 м и двух камер, вырубленных в длинной юго-западной стенке. В юго-западной камере были устроены в стене две ниши-тайника. Боковая гробница в восточной части кургана представляла собой катакомбу с подбоем. Третья, северная могила, содержала, по-видимому, захоронение ребенка. Очевидно, и в этом кургане, как и во многих других, были погребены члены знатной скифской семьи.

Курган у с. Верхний Рогачик. Раскопан Н. И. Веселовским в 1915 г. [ОАК за 1913—1915 гг., с. 132 сл.; Лесков, 1974, с. 41 сл.]. Под насыпью высотой 11 м обнаружены две катакомбы. В *центральной могиле* найдены остатки золотых украшений, среди которых бляшки с изображением богини с зеркалом и стоящим перед ней скифом с ритоном; с изображением сидящей богини с собакой и птицей перед ней, со сценой борьбы двух скифов и многие другие. Вместе с ними найдены обрывки ожерелья с амфоровидными подвесками. Следов мужского инвентаря в этом погребении не обнаружено. Вероятно, погребение было женским.

Вторая впускная гробница интересна своим устройством. Вырытая в южном поле яма переходила в пятнадцатиметровый дромос, ведущий к центру кургана. В конце коридора перпендикулярный ход вел в две камеры — западную и восточную, оказавшиеся полностью разграбленными.

Золотые украшения конской узды из Чмырева кургана.

Мордвиновский курган I. Высота 7 м. Раскопан в 1914 г. Н. Е. Макаренко, В. В. Саханевым. Доисследован в 1970 г. Херсонской экспедицией под руководством А. М. Лескова [Гермес, 1916, № 12; Лесков, 1974, с. 45 сл.]. Курган содержал два захоронения. Центральное, очевидно, мужское и боковое — женское. Насыпь над основным погребением сооружена из дерна и укреплена толстым слоем глины. Кроме того, она окружена крепидой и рвом. Второе погребение совершено у края первичной насыпи, а затем курган был досыпан.

Центральная гробница была устроена по типу чертомлыцкой и представляла собой глубокий (свыше 8 м) колодец с четырьмя камерами по углам. Две главные камеры были ограблены. Здесь найдены только несколько десятков золотых бляшек. Две другие камеры целые. В них похоронены слуги, а также находились бронзовый котел и амфоры.

Боковая могила Мордвиновского кургана I уцелела от разграбления. В ней была похоронена молодая женщина, почти подросток. У ног ее, попереки камеры лежала служанка-рабыня. Главная погребенная лежала в особом гробу. На голове сохранились остатки высокого кожаного убора конической формы, обшитого золотыми бляшками и увенчанного золотой фигуркой птицы. На шее — золотое ожерелье из бляшек с изображениями сфинкса, чередующихся с подвесками, на висках золотые подвесные украшения, на руках широкие пластинчатые браслеты и перстни. Одежду украшало более 200 золотых бляшек. У головы, частью в особом деревянном ящике, частью отдельно, лежали: серебряный ритон, круглодонный деревянный сосуд прекрасной сохранности, несколько ножей, предметы туалета. Украшения рабыни состояли из железного браслета и нескольких настовых бусин.

Мордвиновский курган II является четвертым по счету с устройством гробницы, подобной Чертомлыку, с камерами, отходящими от углов входной ямы. Высота 6,5 м. Раскопан Херсонской экспедицией в 1971 г. [Лесков, 1974, с. 49]. По конструкции насыпь подобна Мордвиновскому кургану I, однако сооружена в один прием. Погребение было единственным и основным. Все камеры оказались разграбленными и содержали остатки панциря, боевого пояса, наконечники стрел, фрагменты амфор. К западу от входной ямы — могила коня в уздечке с бронзовым набором [Ильинская, 1973, с. 52 сл.].

Лемешев курган расположен у с. Большая Знаменка. Высота 8,5 м. Раскопан Н. И. Веселовским в 1911 г. [ОАК за 1911, с. 33 сл.]. Курган окружен крепидой из хорошо обработанных камней. Входная яма была завалена камнями и вела в длинный коридор, заканчивающийся круглой камерой. Рядом с входной ямой центрального погребения размещалась конская могила со скелетами трех лошадей в бронзовых и серебряных уборах чертомлыцкого типа.

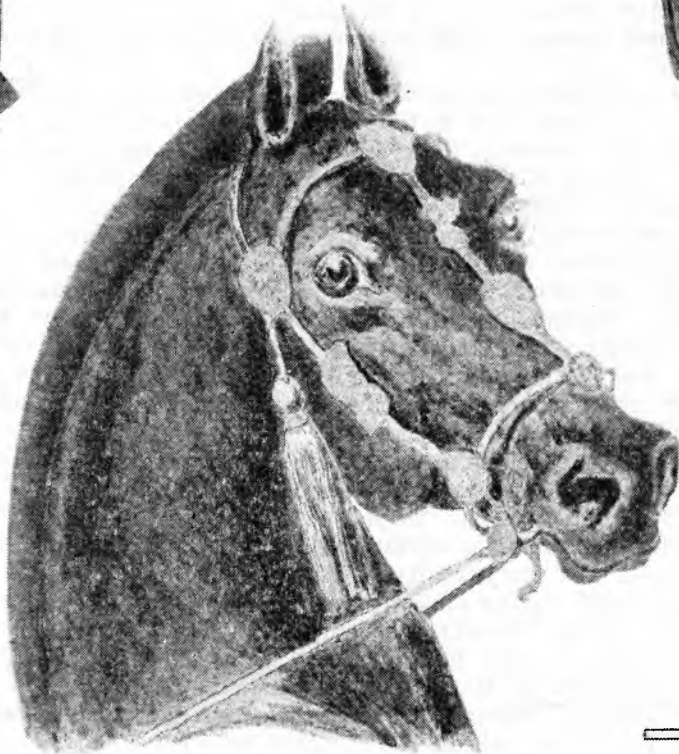
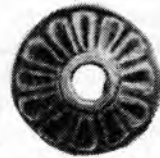
Второе, впускное погребение находилось к востоку от центрального и состояло из двух округлых камер с боковыми нишами, соединенных длинным подземным коридором.

Из числа курганов скифской знати IV в. до н. э. на правом берегу Днепра следует отметить также курганы, как Геремесов, Краснокутский, Близницы Слоновские, Башмачка, Страшная Могила и недавно раскопанный курган Хомина Могила.

Геремесов курган имел высоту более 6 м. Раскопан И. Е. Забелиным в 1859 г. [ОАК за 1859 г., с. VI; ДГС, II, 1872, с. 22]. Главной находкой является большая золотая пластина с грубым изображением битвы конного и пешего воинов. Интересны также три крупные палочки-застежки с львиными головками на концах.

Краснокутский курган имел высоту до 8,5 м. Раскопан И. Е. Забелиным в 1860 г. [ОАК за 1860, с. VII; ДГС, II, 1872, с. 43 сл.]. Насыпь обложена крепидой. Камнями засыпаны также центр насыпи и яма гробницы, оказавшейся разграбленной. Наиболее интересными на-

Золотые украшения конской узды из Чмырева кургана.

ходками Краснокутского кургана явились сложенные двумя кучами на уровне погребенной почвы остатки богато украшенных погребальных повозок и конская могила с захоронениями четырех лошадей в серебряных уздечных наборах. Среди остатков повозок — железные части от колес в виде оковок обода, колесных втулок и др. Кроме того, в первой куче оказались четыре бронзовых ажурных навершия с изображением дракона, пожирающего животное, бронзовые украшения в виде цветка, гладких пуговиц, треугольных и круглых блях с отверстиями для нашивания.

Во второй куче кроме остатков колес найдены до 70 железных удил, лунницы, диски, колокольчики от нагрудных конских украшений, четыре бронзовых ажурных навершия с фигурками крылатых львов и два с прорезными бубенцами, увенчанными фигурками птиц с распростертыми крыльями, множество бронзовых круглых и треугольных блях и колчан с 54 стрелами.

В числе украшений конских уздечек — наносники с головками ушастых львиных грифонов, четыре бляхи с конскими головками для перекрестий ремней, расположенными в виде солярного знака с отростками, две круглые бляхи, украшенные изображением восьмилучевой звезды, оригинальные нащечники в виде стилизованной лапы животного, сдвоенных фигурок гипсокампов, четырехугольных пластин с двумя головками грифонов.

Курган Слоновская Близница. Здесь также зафиксированы в насыпи кургана сложенные в кучу удила с псалиями и бронзовые ажурные навершия. Высота кургана около 5 м, окружен рвом и валом, основание обнесено крепидой. Центральная катакомба оказалась ограбленной. Самой замечательной находкой в этом кургане являются два бронзовых навершия, на которых изображен всадник на львиноголовом грифоне, терзающем оленя [ДГС, I, 1872, с. 64]. Подобная сцена изображена на навершиях из Крыма и золотом медальоне, найденном у с. Дуровка под Воронежем [Черепанова, Щепинский, 1966, с. 75; Пузикова, 1966, с. 82]. Как убедительно показала Н. А. Онайко, этот образ является варварской переработкой сюжета, заимствованного из греческой мифологии [1976, с. 168 сл.].

Курган № 6 у с. Башмачки к западу от Днепропетровска, высота 7 м. Раскопан А. А. Спициным в 1897 г. [ИАК, вып. 1, с. 72; ОАК за 1898, с. 40]. Насыпь сложена из кусков дерна и обведена по основанию крепидой. В кургане обнаружены центральная катакомба и находящаяся при ней могила коня. В разграбленной камере обнаружены остатки погребений мужчины, женщины и ребенка (как полагают, девочки). Мужской скелет лежал головой на север. Из вещей при нем сохранились бронзовые наконечники стрел. Женский и детский скелеты лежали головами на запад. Определить взаимное соотношение погребенных весьма трудно. На месте захоронения женщины и ребенка найдено несколько сотен золотых бляшек и других мелких украшений, тогда как при мужском скелете их не оказалось. Разграбленность могилы не позволяет сделать какой-либо определенный вывод.

В могиле найдены обломки серебряных киликов, бронзовый светильник (?), кости барана и коня от отсутствующей пищи, ножи и пр.

Курган Хомина Могила. Ряд погребений знати открыт за последние годы в курганах у г. Орджоникидзе. Среди них Хомина Могила, представляющая собой как бы переходную ступень от аристократической группы к следующей социальной градации. Высота кургана сравнительно небольшая — 3,2 м. Насыпь сложена из кусков дерна и обнесена каменной крепидой. Курган раскопан в 1970 г. экспедицией ИА АН УССР под руководством Б. Н. Мозолевого [1973, с. 208 сл.]. Под западной и северо-западной частями крепиды встречены остатки трисны — кости животных и части амфор. Под насыпью кургана обна-

Бронзовые навершия с с-тропоморфными изображениями.

ружены три могилы: центральная мужская в сопровождении двух коней, западная женская и северо-восточная юноши-подростка. Первые две гробницы ограблены, третья уцелела от разрушения. Вход во впускные боковые гробницы находился под крепидой, камни которой при сооружении могил были разобраны, а затем снова сложены. Какой-либо досыпки кургана после сооружения боковых погребений не прослежено.

Центральная гробница представляла собой продольную катакомбу с трапецевидной камерой глубиной 6,5 м. Вдоль длинных сторон входной ямы с севера — северо-запада и юга — юго-востока (у дна) были устроены подбои с захоронениями коней. О наличии в камере захоронения мужчины свидетельствуют находки таких предметов, как бронзовые наконечники стрел, обломки железного меча, втулки копий, фрагменты наборного пояса. Замечательной находкой является золотая фигурка вепря, служившая ручкой деревянного сосуда.

Конские погребения не нарушены, поэтому в них сохранились два оригинальных уздечных набора. Первый конь был взнуздан железными удилами и псалиями с железными пряжками в наружных кольцах удил. Убор оголовья состоял из серебряного позолоченного наносника с фигуркой льва (?), сидящего на фигурном основании; четырех блях на скрещении ремней с изображением двух пар грифонов; двух нащечных пластин с изображениями трех морских коньков; двух гладких круглых блях, прикрывавших соединения удил с псалиями. Все украшения изготовлены из серебра с позлотой искусным мастером и представляют собой выдающиеся произведения скифо-античного искусства.

Замечателен второй уздечный убор с серебряными украшениями с геометрическим узором: наносник с орнаментом в виде соединенных вершинами треугольников с выпуклым и линейным рисунком; круглые бля-

Золотое ожерелье из Девса кургана.

хи с концентрическим (одна пара) и радиальным (вторая пара) орнаментом; четырехугольные нащечные пластины с линейным узором.

Западная женская катакомба сильно вытянута от входной ямы к центру. Ее тыльная сторона так близко подходила к камере центральной гробницы, что перемычка между ними обвалилась, образовав проход*. В камере найдены мелкие золотые украшения в виде пронизок и полусферических луговиц. Кроме того, найдены тонкая золотая проволочная серьга с бронзовой подвеской, серебряный килик и такая же фиала, части костяного веретена, костяные пластинки от гребня, пастовые бусы, обломок амфор, кости жертвенного мяса, ножи.

Северо-восточная катакомба. Большой интерес представляет северо-восточная катакомба, где был погребен юноша-подросток с конем. Умерший лежал посередине камеры на деревянном настиле вытянуто, головой на восток — юго-восток. На нем был пояс с набором из серебряных пластинок, у левого бока колчан (или горит) с 52 стрелами и ножами с костяными рукоятями. В могиле найдены наконечники копья и дротика с подтоками, херсонесская амфора с клеймом, в ногах погребенного лежали лопатка и ребра от непутственной пищи вместе с кухонным ножом.

Погребение коня совершено в подбое, сделанном в северной стене входной ямы. От узды сохранились железные удила с псалиями и железный наносник с загнутой в петлю головкой, петель на стержне и раскованным в виде лопаточки нижним концом.

В целом все погребения кургана Хомина Могила могут быть датированы концом IV — началом III вв. до н. э. и представляют весьма важный памятник, характеризующий имущественное и социальное положение скифской семьи, принадлежавшей к сравнительно небогатой части скифской аристократии.

Представление о погребениях знатных скифских юношей дают захоронения в курганах Страшная Могила у г. Орджоникидзе и у с. Пески на Ингуле.

Курган Страшная Могила. Высота 7 м. Склоны кургана крутые и обложены мощной крепидой. При сооружении насыпи были использованы пласты дерна. Основное и единственное погребение находилось в центре кургана. К западу от входной ямы была могила коня.

Входная яма глубиной 7 м вела в обширную камеру, которая оказалась разграбленной. Судя по сохранившимся останкам, умерший лежал в западной части камеры вытянуто, головой на северо-запад. На сброшенных с места костях голеней сохранились следы медного окисла, из чего можно заключить, что юноша был похоронен в кнемидах. На ребрах и тазовых костях прослежены следы окисла железа от панциря. В могиле найдены обломки железного меча, бронзовые наконечники стрел, три стержня от железных дротиков, две костяные рукояти от ножей, небольшое количество золотых бляшек; кости барана, пропитанные окислом меди, очевидно, выброшенные из бывшего здесь бронзового котла.

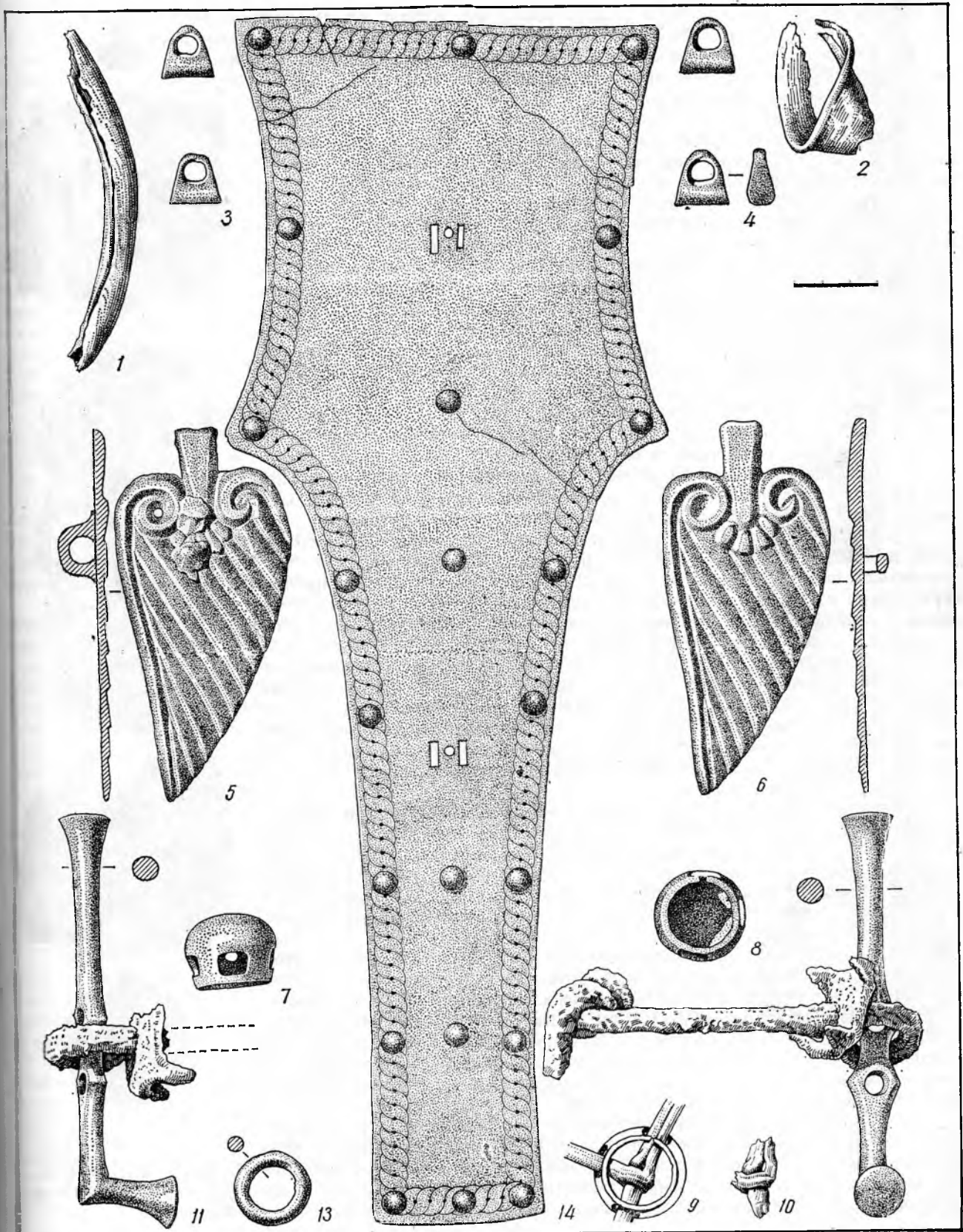
В восточной стене камеры была сделана ниша, на полу которой имелась округлая лунка — как бы след от стоявшего здесь кубка. У входа в погребальную камеру лежал скелет мужчины лет сорока, скорее всего, «слуги»-воина. Он был положен в свободной позе, с несколько раскинутыми руками и ногами, головой на север. Слева возле него лежали колчан (или горит) со 127 стрелами и нож. На правой руке — железный браслет.

Уздечный набор коня, лежавшего в отдельной яме, типичный для степных наборов IV в. до н. э. Он состоял из железных «строгих» удил с большими шипами, псалий и бронзовых украшений в виде круглых блях, наносника со скульптурной головкой львиного грифона и нащечников с гравированными изображениями птиц. Набор дополняют пряжки

Детали уздечного набора из Завадской Могилы I:

1, 2, 10 — обрывки ремней; 3—6, 14 — бронзовые украшения; 7—9 — пряжки для распределения ремней; 11, 12 — удила и псалии; 13 — кольцо от повода.

* Этот факт может служить наглядным примером такого же случая, произошедшего в Чертомлыцком кургане.

ки для повода и подпружная пряжка [Тереножкин, Ильинская, Черненко, Мозолевский, 1973, с. 132; Ильинская, 1973, с. 50 сл.].

Курган № 9 у с. Пески на Ингуле (раскопки Ингульской экспедиции 1972 г.) [Шапошникова и др., НА ИА АН УССР, 1972—1973]. Насыпь обнесена крепидой и окружена рвом. Центральная гробница разграблена. Впускное захоронение совершено в глубокой (7 м) катакомбе с большой трапециевидной камерой, параллельной входной яме. В камере обнаружен скелет юноши 15—16 лет, лежавшего в вытянутом положении, головой на запад. На шее умершего была одета золотая гривна с концами в виде головок длинноклювых птиц, на руках — два бронзовых и один серебряный браслеты. На ногах были одеты бронзовые поножи. Одежда обшита золотыми бляшками. Рядом с погребенным найден короткий однолезвийный меч, подобный мечу из кургана № 487 у с. Турии. Меч находился в обитых серебром кожаных ножнах, украшенных тисненым орнаментом. Рукоять обложена золотом и орнаментирована фигурками животных. В погребении обнаружены серебряные удила с витыми стержнями, при одном из которых находились электрическая цилиндрическая обойма и две роговых подвески. В состав инвентаря входили: три наконечника от дротиков, колчан со стрелами, нагайка с серебряной ручкой, бронзовый котел, три амфоры, серебряный лугерий с одной ручкой, серебряный кубок, серебряная ситула со сливом и ситечком, кости коня от жертвенного мяса.

К такой же сравнительно высокой социальной группе кочевых скифов следует отнести хорошо известные курганы Степного Крыма близ Симферополя — Дорт-Оба (или курган Пастака) и Талаевский.

Курган Дорт-Оба раскопан Н. И. Веселовским в 1892 г. [ОАК за 1892, с. 6]. Высота 5 м. Низ насыпи укреплен огромными известняковыми камнями. Могильная яма (2,85×2,5×4,7 м) была облицована вертикально стоящими столбами. Покойник помещался в особом углублении у северной стены могилы. На голове обнаружены остатки шапки с золотыми накладками. Одежда до пояса была обшита 533 треугольными и ромбическими золотыми бляшками. На правой руке — бронзовое кольцо. Возле головы лежал железный чешуйчатый панцирь. У тазовых костей — горит, покрытый золотой пластиной с изображением орла с зайцем в клюве, грифона и каких-то рогатых животных. С левой стороны лежал меч. Кроме того, в могиле оказались еще один колчан со стрелами, несколько наконечников копий, пять амфор, кости быка от напуганной пищи и нож.

Талаевский курган раскопан Н. И. Веселовским в 1891 г. [ОАК за 1891, с. 76; Манцевич, 1957, с. 155]. Высота 3,2 м. Погребение совершено в грунтовой яме, облицованной камнем и перекрытой деревом с каменной насыпью сверху (3,9×1,8×2,1 м). При скелете найдены золотая гривна с головками львов на концах, золотое спиральное кольцо и серебряный браслет. Умерший был одет в бронзовый панцирь и пояс с бронзовым набором. В состав защитного доспеха входил бронзовый шлем. Из предметов вооружения найдены: секира с рукоятью, обвитой золотой лентой, каменный точильный брусок в золотой оправе, два копья и три дротика с подтоками. Слева лежал колчан со стрелами. В юго-западном углу гробницы обнаружены кости от напуганной пищи и нож. В остальных углах стояли три амфоры. Кроме того, в погребении найдены греческий кувшинчик, чернолаковый сосуд и изготовленный из рога оленья рита, оправленный в серебро. Время Талаевского кургана определяется второй половиной — концом IV в. до н. э.

Интересно, что крымские захоронения совершались не в катакомбах, а в ямах. Вероятнее всего, это зависело от каменистой почвы данной части Крымского полуострова. Описанные курганы дают представление о различных категориях представителей скифской знати IV в. до н. э., что дополняет данные исследований ряда других курганов.

Серебряные с позолотой предметы оголовья конской узды из кургана Хомина Могила.

Подведем некоторые итоги. Из приведенных данных видно, что в IV в. до н. э. катакомбные гробницы становятся господствующим типом погребальных сооружений у кочевых скифов. При этом, однако, следует отметить отсутствие единого строгого порядка в их устройстве, в составе и размещении погребенных лиц и сопровождающего их инвентаря. Различными бывают формы и размеры входных ям, размещение и ориентировка камер, устройство и длина подземных коридоров, формы камер (овальные, округлые, прямоугольные, трапециевидные). Разнообразно устройство дополнительных помещений — хозяйственных камер, ниш и тайников. Существенные различия наблюдаются и в устройстве конских захоронений, совершаемых то в специальных грунтовых ямах, то в дромосах, то во входных ямах. Столь же свободным является размещение погребенных. Главных умерших, как правило, вносили на специальных деревянных ложах-носилках, которые устанавливались в камере. Известны захоронения в саркофагах. Разнообразна и ориентировка умерших. Наряду с наиболее обычной, западной, нередко встречается южная. В отдельных случаях наблюдается северная и восточная. Интересна в этом отношении таблица, составленная Б. Н. Мозолевским [Мозолевский, 1979, с. 158, табл. VI].

При достаточно однородном составе инвентаря можно отметить определенное количественное различие вещей того или иного типа в погребениях. В первую очередь это относится к предметам бытового назначения. В отдельных случаях были сделаны специальные помещения для кухонного инвентаря, в других количество вещей подобного типа оказалось ограничено. Наиболее общим признаком времени является пышное убранство золотыми украшениями женских одежд. Очевидно, богатство женского убора, как, впрочем, и в другие времена, служило своеобразным показателем богатства семьи.

Едва ли можно сомневаться в том, что лица, погребенные под одной курганной насыпью, являлись членами одной семьи, причем объединяющим членом этой группы являлся знатный мужчина-воин, отношением к которому определялось положение всех остальных членов. Более сложным является уточнение положения женщин. Прежде всего следует отметить, что в могилах скифской знати IV в. до н. э. хуже всего представлены сопровождающие погребения наложниц. Достаточно отметить, что из в одном из перечисленных нами случаев не было зарегистрировано парного захоронения мужчины и женщины, которые могли бы соответствовать подобному представлению.

Что касается погребений знатных женщин в гробницах, сооруженных ранее или же впущенных позднее в насыпь кургана с основным мужским погребением, то их ни в коем случае нельзя отнести к представительницам неполноправного сословия. Наоборот, все говорит об их почетном положении, о том, что они достойно представляют в потустороннем мире знатную семью в своем пышном одеянии, в окружении слуг и рабов.

Точно определить социальное положение этих женщин не всегда возможно. Не вызывает сомнения отнесение к числу цариц основных женских погребений Чертомлыка и Александрополя. Более скромное женское погребение из Александрополя могло принадлежать младшей, тем не менее выделенной по отношению к господину, жене.

Пожилую скифянку в первой гробнице Мелитопольского кургана естественно считать старшей женой, тогда как девочка-подросток из Мядвиновского кургана I едва ли могла быть таковой. По-видимому, ее «почетная» роль определялась отношением к ней ее господина. Старшей из жен по своему возрасту едва ли могла быть и женщина, погребенная в Толстой Могиле. По мнению Б. Н. Мозолевского, богатое захоронение этой скифянки объясняется тем, что она была матерью младшего сына.

Бронзовые нагвешия из кургана Малая Лепетиха.

Существенно, что посмертное соединение супругов было связано не с насильственным умерщвлением женщины, а с ее естественной смертью. Поэтому захоронение в одном кургане с господином действительно могло расцениваться как почетное и определяться рядом причин, далеко не всегда поддающихся уточнению.

По наблюдениям Б. Н. Мозолевого, в большинстве случаев находки остатков погребальной повозки и ее украшений связаны с захоронениями женщин, реже — с мужскими. Это обстоятельство он объясняет тем, что быт скифской женщины при жизни был неразрывно связан с жилой кибиткой, являвшейся и домом и хранилищем имущества и всего бытового обихода. Известно, что число повозок определялось имущественное состояние кочевников. Погребения знатных мужчин нередко сопровождалась жертвоприношениями верховых коней. Уздечные принадлежности являются постоянной находкой среди остатков тризны. К этому же выводу приходят С. С. Бессонова и Д. С. Кириллин в результате анализа надгробного рельефа из Трехбратнего кургана [1977, с. 128]. Однако нельзя не отметить, что и в этом случае нет какого-то постоянного правила. Иногда остатки повозок встречались в мужских (?) погребениях (Краснокутский курган), а погребения верховых коней — в женских (Александропольский курган).

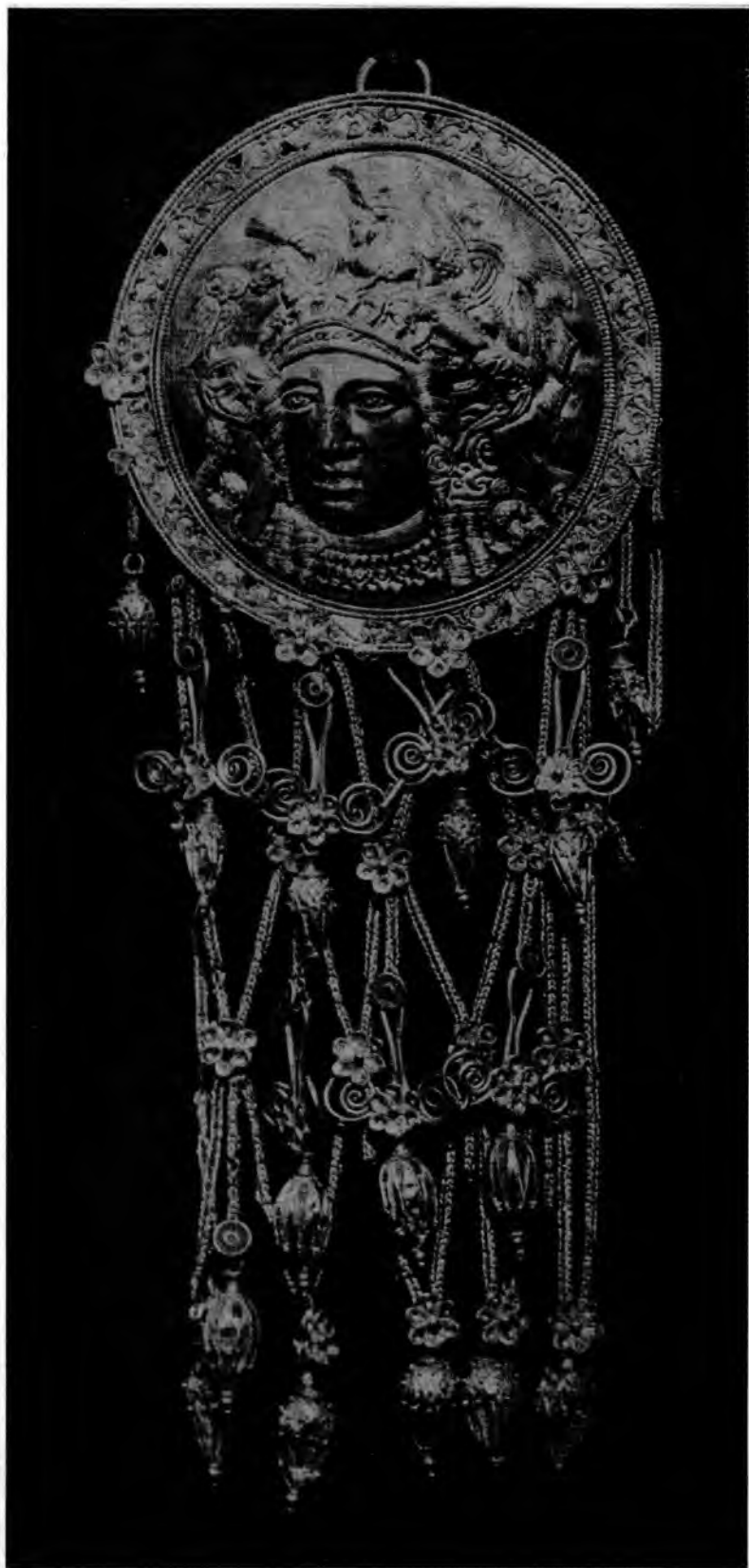
В могилах скифских царей лица, положенные в качестве сопровождавших умершего при захоронениях, являлись свободнорожденными скифами, погребенными с ценными украшениями и оружием, что подтверждает сообщение Геродота о том, что царю служили не рабы, а природные скифы [IV, 72]. В могилах менее знатных скифов отдельные из сопровождающих лиц могут быть отнесены к категории слуг из скифской среды (воин-«страж» из Страшной Могилы, «служанка» из Мелитопольского кургана, «конюхи» Толстой Могилы, воин-«страж» из ниши северной гробницы Гаймановой Могилы). Эти умершие погребены по скифскому обряду, в сопровождении определенного инвентаря, мужчины — с оружием. Наряду с ними в этих же погребениях встречаются сопровождающие захоронения погребенные, которые могут быть отнесены к категории рабов. Последние бывают небрежно брошены на пол гробницы, без вещей или с какими-то незначительными украшениями. С наибольшей очевидностью к этой категории могут быть отнесены останки двух подростков, лежавших в случайных позах, рядом с конем в дромосе северной гробницы Гаймановой Могилы. Рабами являются сопровождающие захоронения в женском погребении Толстой Могилы (скелеты «возницы», «служанки», «поварихи») и Мордвиновского I кургана («служанка»). В отдельных случаях не всегда возможно отделить людей из числа привилегированных рабов, находившихся в личном окружении господ, от слуг-скифов, однако категория рабов вырисовывается с достаточной определенностью. Столь же отчетливо сопровождающие захоронения рабов прослеживаются в могилах рядовых скифов, о чем будет сказано ниже.

Погребения скифской аристократии сопровождаются огромным количеством вещей, изготовленных из золота, электра и серебра: украшения личных уборов, оружия, конского снаряжения, разнообразные сосуды — ритоны, чаши и пр. Все эти предметы являются, как правило, высокохудожественными произведениями торевтики, выпедшими из рук греческих или скифских мастеров, часто подлинными шедеврами искусства (солошский гребень, пектораль Толстой Могилы, чаша из Гаймановой Могилы и пр.). Отметим, что различного рода богатства встречались не только в гробницах отдельных представителей скифской верхушки, но и в могилах широкой прослойки знати и богачей.

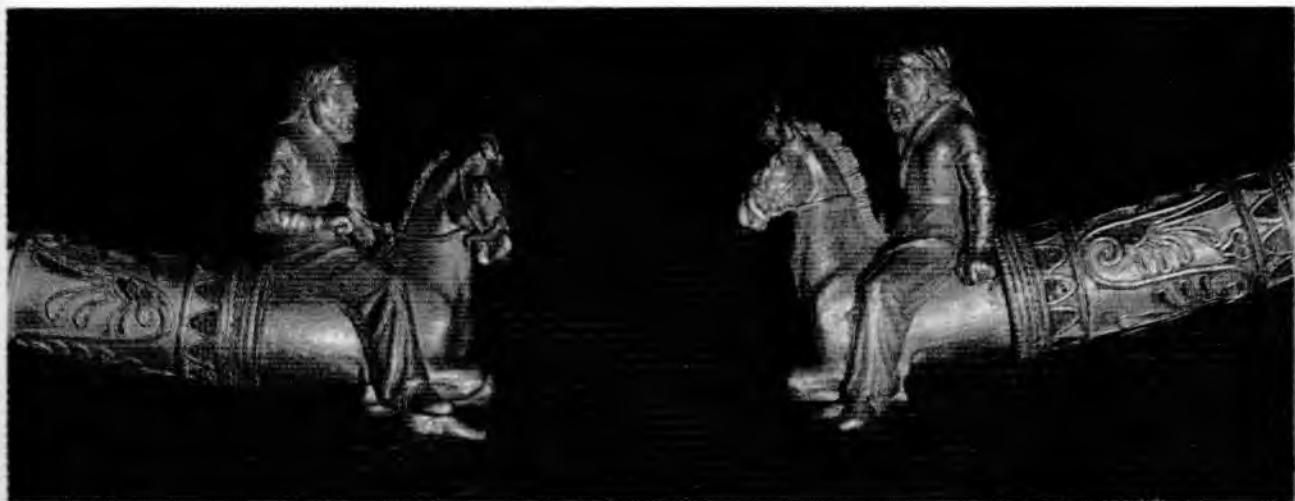
Каковы же истоки столь значительных богатств, сосредоточенных в руках значительной по численности социальной верхушки скифского общества? Как и ранее, такого рода сокровища собирались в виде военных трофеев, даней (в том числе и с греческих городов-государств Север-

Золотая серьга из кургана
Куль-Оба. IV в. до н. э.

*Золотая серьга из кургана
Куль-Оба. IV в. до н. э.*

Окончание гривны из кургана Куль-Оба. IV в. до н. э.

Золотая обивка горита из Мельгуновского кургана. IV в. до н. э.

Золотая налобная бляха из кургана Толстая Могила. IV в. до н. э.

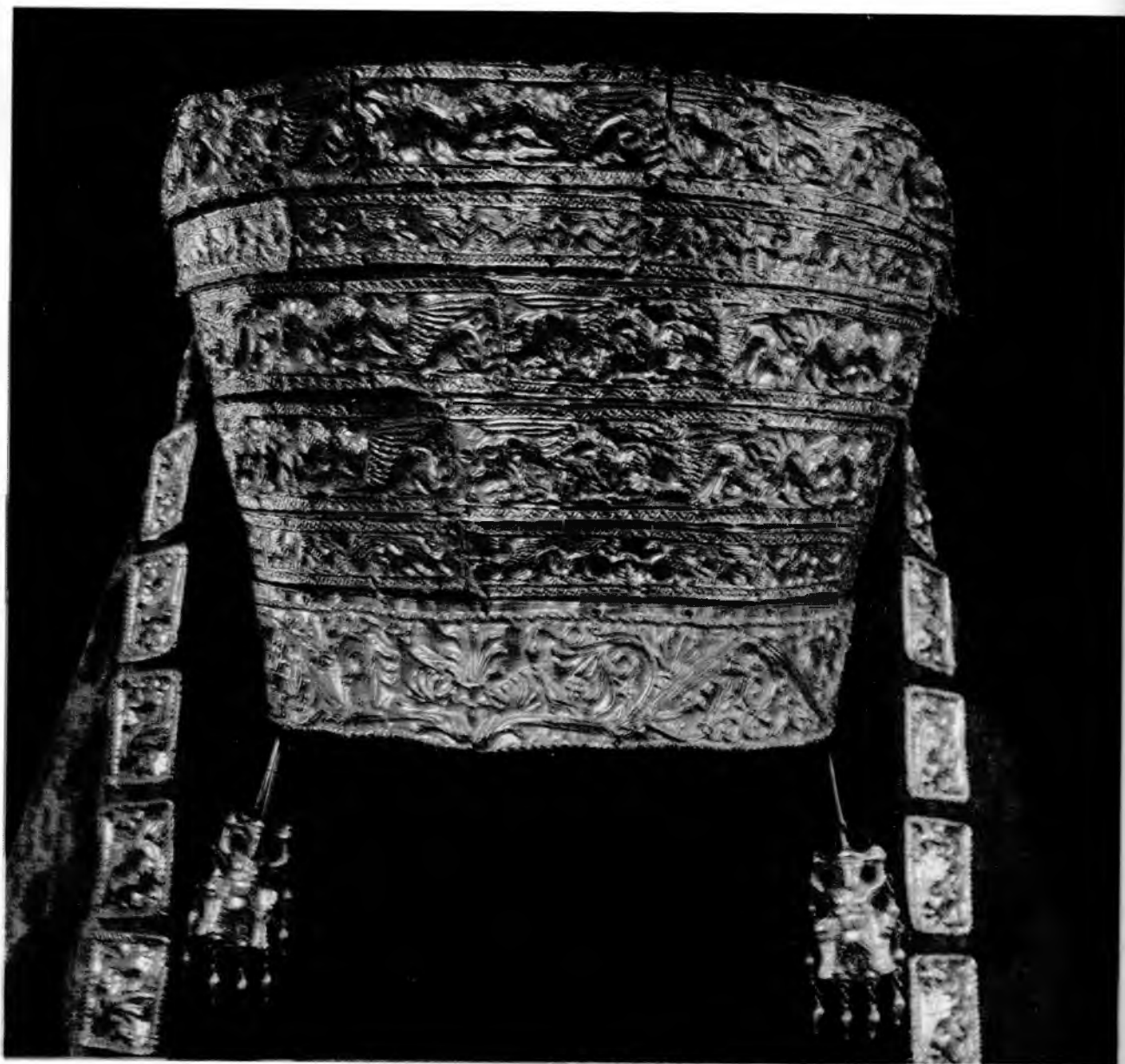

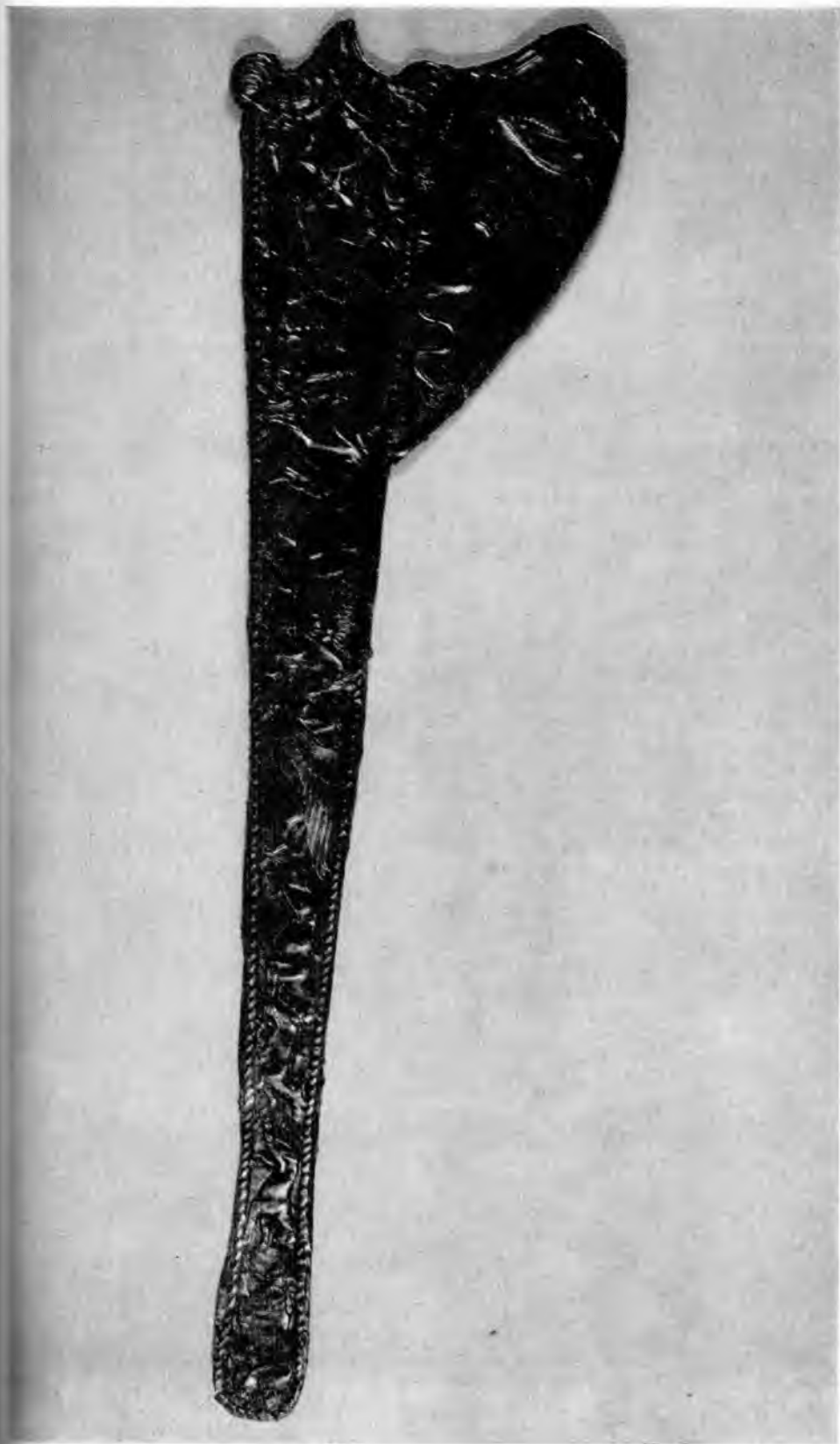
Золотая фигурка кабанчика из кургана Хомина Могила. IV в. до н. э.

Бронзовое навершие из
кургана Толстая Могила.
IV в. до н. э.

*Женский головной убор из
кургана Толстая Могила.
IV в. до н. э.*

*Золотые позны от меча из
кургана Толстая Могила.
IV в. до н. э.*

Золотая пектораль из кургана Толстая Могила. IV до н. э.

ного Причерноморья). Не исключено, что многие драгоценные изделия были выполнены в мастерских скифских царей.

В скифском золоте как бы материализовались натуральные богатства Скифии: бесчисленные стада скота, выращенного в степях, полученного в виде дани, угнанного в качестве добычи, огромное количество зерна, стекавшего со всей земледельческой Скифии, армия рабов, захваченных в плен и поступивших от скифов на рынки античных городов. Короче говоря, в этих богатствах выразились результаты неограниченной эксплуатации военной общиной «царских» скифов всей массы зависимых, подвластных племен Скифии.

ПОГРЕБЕНИЯ БОГАТЫХ СКИФОВ

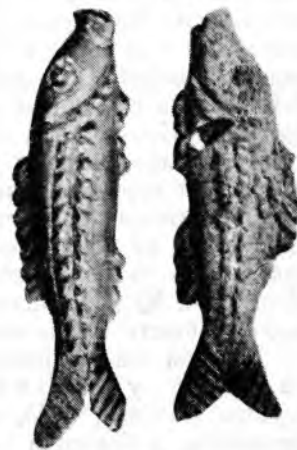
Помимо курганов скифской знати, отличающихся большими насыпями, глубиной и размерами погребальных сооружений, в степной полосе известно немало курганов, высота которых сравнительно невелика, в среднем не более 2—3 м. В уцелевших от разграбления курганах порой встречаются значительные богатства, свидетельствующие о том, что не только скифская знать, но и значительная часть населения, которую можно отнести к среднему слою, располагала значительными богатствами. Естественно, что и эта социальная прослойка распалась на определенные категории в зависимости от возраста, хозяйственного положения, военной удачи и многих иных причин.

Выше мы уже говорили о кургане № 5 у с. Архангельская Слобода на Херсонщине, под двухметровой насыпью которого оказались две могилы. Боковое погребение, датированное концом V в. н. э., не было ограблено и содержало захоронение воина, сопровождавшееся массивной золотой гривной с львиными головками на концах, парадным колчаном с двенадцатью золотыми бляшками высокохудожественной работы. На костях скелета собрано свыше 500 золотых бляшек. В нише найдены золотые оковки от деревянной чаши [Лесков, 1974, с. 70—77].

Исключительно интересным является курган № 22 у с. Вильна Украина на Херсонщине [Лесков, 1974, с. 83—101], высотой 2 м. Под его насыпью открыты три катакомбы: центральная и две впускные — северная и южная.

В центральной катакомбе (глубина 6 м) при разрушенном захоронении воина найдено несколько золотых бляшек, бронзовые наконечники стрел. Найденный вонзвившимся в позвонок наконечник свидетельствует об обстоятельствах гибели погребенного. Боковые могилы оказались женскими. Они устроены по единому плану и уцелели от разграбления, что дало исключительно ценный материал для характеристики этой группы населения.

Северная катакомба имела 5 м глубины. Со стороны входа устье погребальной камеры было заложено каменными плитами, дно покрыто деревянным настилом. Умершая лежала вытянуто на спине, головой на запад. На голове находился головной убор с золотыми украшениями, в состав которых входили венец с амфоровидными подвесками, лента с растительным орнаментом, обрывки двух пар лент с изображениями фантастических животных и три ажурные ленты с растительным орнаментом. Реконструкция этого головного убора, предложенная А. М. Лесковым, вызывает определенные сомнения [Лесков, 1974, с. 92—93]. На шее умершей — массивная золотая гривна с далеко заходящими концами, украшенными парными рубчиками и скульптурной фигуркой львицы. С обеих сторон черепа лежали сережки из золотой проволоки. На правой руке были четыре золотых перстня, на левой — два золотых и один электровый, массивный, литой, со вставленной в шток ажурной фигуркой грифона. Одежда обшита 150 золотыми бляшками. Кроме того,

Бронзовые украшения конской узды из кургана Малая Лепегиза.

в камере оказались: остатки деревянной шкатулки; ожерелье из разноцветных пастовых бус; бронзовое зеркало с железной ручкой. Недалеко от входа лежала амфора, в юго-восточном углу — глубокая бронзовая чаша и рядом железный меч (!). В центре камеры найдены два ножа и маленькая серебряная чашечка с золотой ручкой.

Под сводом камеры в стены были забиты железные гвозди, на которых некогда были развешаны одежды.

Южная катакомба имела глубину 4 м. Вход в камеру заложен камнями. На дне обнаружен плохо сохранившийся скелет молодой женщины, лежащей вытянуто на спине, головой на запад, ко входу. У головы найдены 13 золотых пластин разных форм и размеров, украшавших убор, очевидно, имевший форму кокошника. Пластины орнаментированы растительными мотивами и фигурками животных. По сторонам черепа лежали сережки из золотого проволочного колечка с 10 плоскими диск-видными подвесками на каждом. Одежда украшена 50 золотыми бляшками. Слева от черепа лежало большое бронзовое зеркало в деревянном футляре. Кроме того, в могиле оказались: пастовые синие глазчатые бусы, большое низкое бронзовое блюдо, два бронзовых биконических грузика от веретена, два ножа и чернолаковая мисочка.

Несомненно, что лица, погребенные в этих курганах, по многим признакам не могут быть отнесены к числу представителей скифской знати, тем не менее имущественное положение их достаточно высокое. Курган № 22 у с. Вильна Украина можно рассматривать как захоронение погибшего в бою воина с последующим захоронением двух его жен.

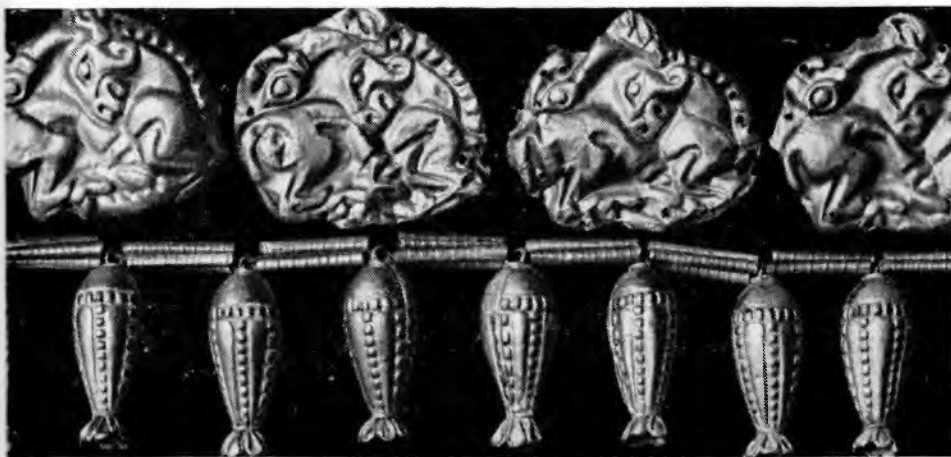
К этой же имущественно социальной группе можно отнести курган № 2 у с. Вильна Украина той же Червонопереконской группы [Лесков, 1974, с. 78—83], имевший высоту 1,5 м. Центральная катакомба с боковым подбоем была ограблена, боковая сохранилась. Входная яма последней имела глубину 3 м. В камере у входа лежала амфора. Погребение принадлежало женщине. На черепе умершей обнаружены широкая золотая лента с растительным орнаментом и 60 мелких золотых пуговок. Около головы и плеч 13 золотых бляшек с изображением грифона. Возле правого плеча — бронзовое зеркало; выше головы стоял чернолаковый канфар.

Курган № 5 у с. Булгаково на р. Ингуле известен под названием Осипова Могила, имел высоту 0,8 м. Под насыпью, окруженной кромлехом, открыты четыре скифских погребения. Три из них ограблены.

В сохранившейся впускной катакомбе глубиной 3,6 м в камере находились скелеты мужчины и женщины, лежащие в вытянутом положении, головой на запад. На ступнях мужчины сохранилась кожаная мягкая обувь — «скифики» — полусапожки, перевязанные ремнями. На женщине — серебряная гривна в полтора витка, бронзовое височное кольцо, три золотых перстня и один бронзовый, множество бусин и бронзовых бляшек. В составе инвентаря найдены фрагментированное бронзовое зеркало с железной ручкой, два веретена, обломки деревянного гребешка со стилизованным изображением лошади, пряслице из амфорной стенки. Сверху на женский скелет были брошены наконечники стрел, копьё и дротик.

Это погребение особенно интересно тем, что здесь сохранились деревянные и кожаные предметы: маленький кожаный мешочек с двумя дырочками для подвешивания, коробка с изображением грифона, две шкатулки [Шапошникова, 1971, НА ИА АН УССР, 1971].

Отметим, что курганы этой социальной прослойки при своей многочисленности дают исследователям с наибольшим трудом. Из-за большого количества золотых вещей они являются постоянным объектом грабительских поисков. В то же время они не столь грандиозны и сложны по устройству, как гробницы царей и знати, и поэтому оказывались бо-

Фрагмент золотого украшения.

лее доступными для кладоискателей. Нередко исследователь, проделав нелегкий труд по снятию насыпи, проходке глубокой входной ямы, расчистке обширной камеры, обнаруживает полностью расхищенную гробницу с разбросанными в ней костями и ничтожными остатками уцелевшего инвентаря в виде отдельных наконечников стрел, подтоков от копий, обломков железных вещей.

ПОГРЕБЕНИЯ РЯДОВЫХ СКИФОВ

Изучение погребений рядовых скифов фактически началось лишь после Октябрьской революции. В настоящее время раскопаны многие сотни скифских курганов IV в. до н. э., содержащих захоронения представителей различных категорий рядового скифского населения. Погребения очень разнообразны по имущественной и социальной градации, от весьма состоятельных до крайне бедных. В значительной степени это объясняется той ролью, которую играло то или иное лицо в обществе и семье.

Известны курганы, служившие семейными усыпальницами; курганы с захоронениями воинов в полном доспехе и легко вооруженных воинов; погребения юношей и подростков; различные категории женских захоронений, в том числе сопровождающие женские погребения, захоронение женщины в том же кургане или гробнице вместе с мужчиной после ее естественной смерти; одиночные захоронения скифянок, погребения женщин с предметами вооружений (скифских амазонок); захоронения детей и низшей социальной прослойки скифского общества — рабов.

Рядовое скифское население хоронили по тому же обряду, что богатых и знатных. Эти захоронения отличались от них только меньшими размерами погребальных сооружений, более скромной трезной, меньшим количеством и составом погребального инвентаря.

Семейные погребения рядовых скифов. В этом отношении интересен курган № 2 у с. Красный Подол под Каховкой, раскопанный Херсонской экспедицией 1974 г. под руководством А. И. Кубышева [Кубышев и др., НА ИА АН УССР, 1974]. Высота кургана 1,25 м. *Центральная катакомба* глубиной 5,2 м с камерой, параллельной входной яме (запад—восток). Во входную яму была сброшена скифская каменная стела простейшего типа (с головой в виде округлого выступа, намеченными чертами лица и поясом). В середине камеры, на деревянном ложе-носилках лежал скелет мужчины в возрасте 19—21 года (антропологическое определение С. И. Круц), череп которого был пробит клевцом. Умер-

ший лежал на развернутом чешуйчатом панцире и обшитых железными чешуйками штанах. Справа находился щит с железным чешуйчатым покрытием. На щите лежали наконечники копья и дротика, а под щитом — боевой топор. У голени левой ноги — свинцовая булава. В заполнении камеры найдены также фрагмент акинака, 18 бронзовых наконечников стрел, бронзовая ворварка, истлевшая деревянная чаша, наполненная пращевыми камнями; пять камней лежали отдельно в северо-западном углу.

Из предметов украшений при погребенном найдены 15 золотых бляшек. У восточной стены стоял бронзовый котел с костями барана. В могиле найдены фрагменты греческого сосуда (скифоса?), кости коня, рукоять ножа. В дне камеры обнаружен тайник — круглая ямка, в которой оказался гладкий серебряный кубок, по форме соответствующий знаменитому кубку из Куль-Обы.

Впускная могила этого кургана размещалась к северу от центральной. Конструкция погребального сооружения такая же, только камера обращена на юг, навстречу камере мужской катакомбы. Глубина ее 5,4 м. Посередине камеры в деревянном гробовице находился скелет пожилой женщины, лежавшей головой на запад, со слабым поворотом на правый бок, в сторону мужской катакомбы. За черепом найдены бронзовое зеркало и нижняя часть чернолакового канфара; у левого плеча — железный браслет и глиняное пряслице. В камере обнаружены также кости коня на деревянном блюде и нож.

Картина, воссоздаваемая погребениями этого кургана, очень наглядна. Молодой воин погиб в бою и был похоронен в полном воинском доспехе. Спустя много лет в этом же кургане была захоронена женщина, вероятно жена, погребенная очень скромно. Это свидетельствует о том, что имущественный достаток семьи был прямо связан с воинской доблестью умершего воина и ставшим незначительным после его гибели.

В кургане № 3 у Старинской птицефабрики близ г. Борисполя [Ильинская, 1966а, с. 156—157], высотой около 3 м, обнаружены две одинаковые по устройству катакомбы с трапециевидными камерами и ложами-ступеньками с тыльной стороны. В основной могиле было мужское, во впускной — женское захоронение. Камеры катакомб обращены навстречу друг другу. Взрослый, но не старый мужчина был убит или умер от ран. В колене правой ноги застрял бронзовый наконечник стрелы. В гробнице сохранились обломки панциря, след от меча, два железных наконечника копий, несколько бронзовых наконечников стрел, обрывки золотой ленты.

Во второй камере похоронена молодая женщина. Сохранились две золотые проволочные серьги, серебряное зеркало с железной ручкой, три золотых перстня с эмалевыми вставками в щитках, серебряная ухвертка. Одежда была обшита мелкими золотыми бляшками в виде полукруглых чашечек. Сохранились кости от вырезки жертвенного мяса и нож.

Курган № 4 Любарецкого поселка той же Бориспольской группы [Ильинская, 1966а, с. 157—159], высотой 1 м, содержал три погребения в катакомбах, входные ямы которых были устроены по оси север—юг с интервалами между ними 4 м. Центральная могила была основной, боковые — впускные; основное погребение ограблено. В трапециевидной камере на ложе-ступеньке лежали отдельные кости взрослого мужчины, по которым можно установить, что умерший лежал в вытянутом положении, головой на юг. Из сопровождающих вещей сохранились наконечник копья, стрела и чернолаковый килик.

Южная могила такого же устройства уцелела от разрушения. На ложе-ступеньке лежал скелет юноши-подростка (антропологические определения сделаны Г. П. Зиневич). У черепа стоял чернолаковый канфар, на шее были три крупные стеклянные бусы, в правую руку вложен се-

ребряный браслет. У левого бока найдены остатки кожаного колчана с 51 наконечником стрел. Перед ступенькой, на дно камеры, был брошен труп молодого раба или рабыни в возрасте 18—20 лет.

В северной катакомбе обнаружено погребение ребенка 7—8 лет без вещей.

Выдающийся интерес представляет курган № 7 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 50—55], высотой 2 м. Первичный курган высотой 0,35 м был сооружен еще в эпоху бронзы. Позднее на этом месте был насыпан скифский курган с пятью захоронениями. Главными из них являются погребения мужчины и женщины в камерах, обращенных навстречу друг другу так, что они слились в одну катакомбу с двумя входами*.

Западная мужская могила оказалась ограбленной. В ней найдены остатки пояса, покрытого бронзовыми пластинками, колчан с 69 наконечниками, меч, несколько наконечников копий, обломки чернолаковой посуды.

Восточная камера содержала погребение скифянки с оружием. Женщина лежала головой на запад (в сторону мужского погребения). На лбу была золотая лента с орнаментом в виде концентрических полукружий. На шее — ожерелье из цветных пастовых бус; на левой руке — серебряный перстень с позолоченным щитком; в головах лежало бронзовое зеркало, украшенное вдоль края двойным рядом орнамента «бегущей волны». Кроме того, здесь оказались часть костяного веретена и два свинцовых пряслица. Вдоль стены были положены два копья с железными наконечниками. У локтя левой руки был колчан (или горит) с 87 наконечниками стрел и нож. Инвентарь дополняют чернолаковый канфар, амфора, кости животного от напутственной пищи и нож.

Погребения в катакомбах с двумя входами. Модификацией этого обряда посмертного соединения членов одной семьи в потустороннем мире, без насильственного умерщвления женщины, является внесение следующего из умерших родственников (чаще всего одного из супругов) в ту же камеру через специально сделанную входную яму и дромос. В рядовых курганах IV в. до н. э. Степи этот обычай получил повсеместное распространение, особенно отчетливо он наблюдался при раскопках курганов Гайманова поля в 1968 г. [Тереножкин и др., 1977, с. 152]. К сожалению, в этих случаях, как первое, так и последующие погребения оказываются начисто ограбленными. Нам удалось учесть лишь несколько более-менее сохранившихся погребений такого рода из раскопок Верхне-Тарасовской экспедиции 1973 и 1975 гг.

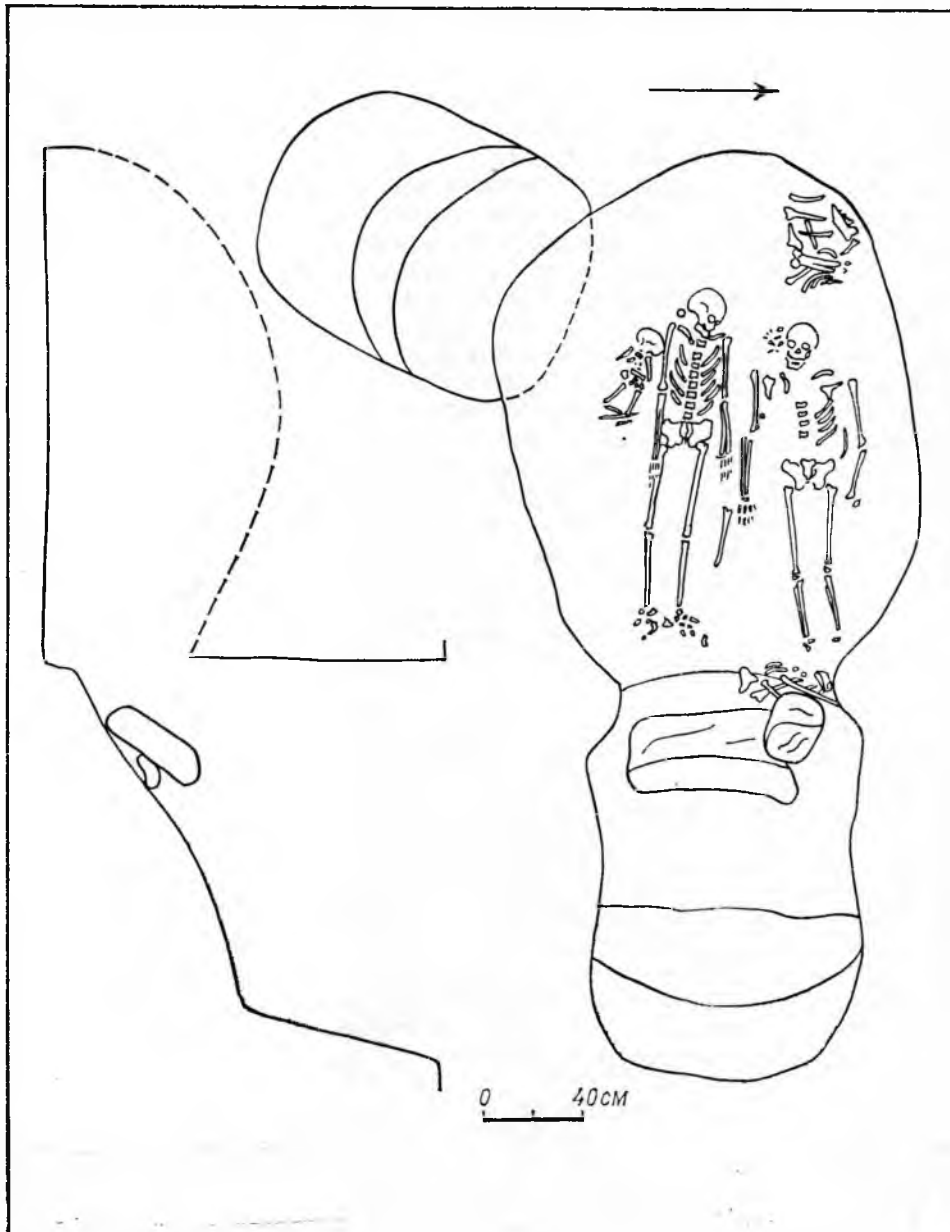
В кургане № 10 у с. Верхняя Тарасовка (1973 г.) скифская катакомба с двумя входами была вшунчена в курган срубного времени (высота 0,2 м). Через первую (восточную) входную яму в камеру, закрытую каменным заслоном, был внесен мужчина в возрасте 25—30 лет, возле которого у головы и руки были найдены восемь наконечников стрел. Через вторую входную яму (юго-западную) были внесены женщина 30—35 лет (антропологические определения С. И. Круц) и ребенок, положенный у ее правого плеча. Украшения погребенной составляли две бронзовые сережки. Все умершие лежали вытянуто, головой на запад. В головах обнаружены кости от жертвенного мяса. Во второй входной яме у входа в камеру найдены глиняное и свинцовое пряслица, наконечники стрел и нож с костяной рукоятью. Вероятно, погребение следует реконструировать как погребение мужчины с последующим захоронением его жены и ребенка [Черненко, НА ИА АН УССР, 1973/12].

Не менее выразительно погребение в кургане № 85 у с. Верхняя Тарасовка [Чередниченко, 1975; НА ИА АН УССР, 1975/11]. Погребение было основным в кургане высотой 0,5 м. В камеру (запад—восток, размер 2,3×2 м) вели два входа. Первый — с востока, второй (впускной) — с запада. Вход в камеру со стороны основного входа был

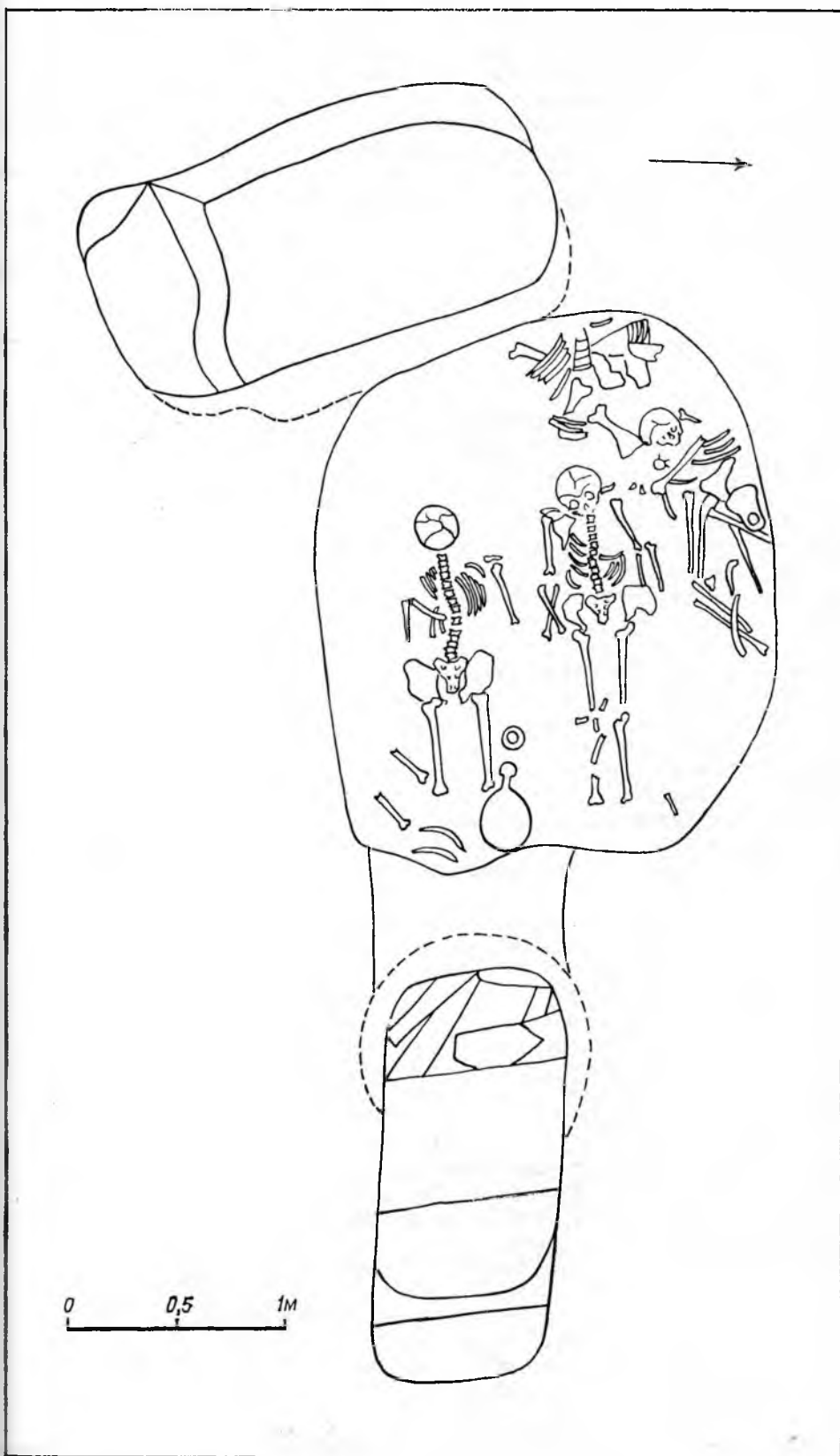
* Д. Т. Березовец ошибочно принял входную яму желского погребения за грабительский ход.

заложен камнями. Через этот вход был внесен взрослый человек, кости которого и находившийся при нем инвентарь при повторном захоронении оказались сброшены под северную сторону. Очевидно, первоначально погребенный лежал на деревянных носилках, головой на запад. Среди костей умершего найдены 20 бронзовых наконечников стрел, меч с костяной рукоятю, аналогичный найденному в кургане № 489 у с. Макеевка [Мелюкова, 1964, табл. 18, 9; Галанина, 1977, с. 27, рис. 10; 21], 2 наконечника копий, 2 дротика с подтоками, пращевый камень и бронзовый браслет.

Через вторую, впускную яму впоследствии внесено двое людей, положенных в вытянутом положении, головой на запад. Главной являлась женщина, лежавшая справа, вдоль южной стены. Возле черепа найдены

План погребения в катакомбе с двумя входами в кургане № 10 у с. Верхняя Тарасовка (раскопки 1973 г.).

План погребения в катакомбе с двумя входами у с. Владимировка (раскопки 1975 г.).

восемь наконечников стрел и две бронзовые серьги. У таза — россыпь бус и подвеска. Справа у бедра лежали костяной стержень и фрагменты костяного веретена. Слева от ног — остаток деревянного предмета со следами бронзовой оковки; у бедра — чернолаковая чашечка; у голени — бронзовое зеркало; в ногах — кости от паутственной пищи.

Второй скелет взрослого человека лежал слева. Возле него найдены золотая проволочная серьга с надетой на нее пастовой бусой в виде кувшинчика, а возле левого бедра — нож. Пол погребенного не установлен. Вероятно, обе погребенные были женщинами.

Групповые погребения. Наряду с курганами, где хоронили членов одной семьи, встречается немало могил с групповыми погребениями, в которых наряду с главным умершим были захоронены насильственно умерщвленные сопровождающие лица. Одним из наиболее выразительных является курган № 45 у Белозерского городища [Скадовский, 1897, с. 152—153]. Здесь в центре кургана обнаружены две катакомбы, в каждой из которых было погребено по три человека.

В камере *западной катакомбы* в центре лежал мужчина, возле которого находились два копья, два колчана, канфар и амфора. Справа перед входом лежала женщина, инвентарь которой составляли бронзовые зеркало с деревянной ручкой, проволочная серьга с надетой бусиной, браслет, несколько пастовых бусин, глиняное пряслице. Слева лежал скелет ребенка, возле которого найдены семь пастовых бус. Умершие лежали в вытянутом положении, головой на северо-запад. В женском и мужском погребениях обнаружены остатки жертвенного мяса и нож.

В *восточной катакомбе* были погребены трое взрослых — мужчина, женщина и еще один умерший, инвентарь которого не позволяет судить о принадлежности к определенному полу. Мужчина лежал в вытянутом положении, головой на юго-восток. Возле него оказались колчан с 25 наконечниками стрел, бусы и терракотовое блюдо. Женщина размещалась в южной части камеры, головой на северо-запад. Под плечом лежало бронзовое зеркало, у черепа — бронзовая серьга с золотой бусиной, на руках — обшивка из бус. В состав инвентаря входили пряслице, жертвенное мясо и два ножа. Третий скелет лежал параллельно мужскому, в положении антитезы, головой на северо-запад. Возле него стояли 2 чернолаковых сосуда, лежали бронзовая серьга, 12 бус. Вероятно, это погребение тоже женское.

В кургане № 4 у экскаваторного парка близ г. Орджоникидзе в группе Страшной Могилы открыты три скифских погребения. Высота кургана 2,5 м [Тереножкин и др., 1973, с. 138]. Центральная катакомба разграблена. Вторая, в южной части кургана, сохранилась. Глубина входной ямы 6 м. В камеру вел дромос длиной 2,3 м. В камере обнаружено погребение воина в сопровождении женщины. Мужчина большого роста, мощного телосложения, в возрасте старше 40 лет, лежал в вытянутом положении вдоль восточной стены камеры, головой на север. В шейных позвонках застрял бронзовый наконечник стрелы. На погребенном надет пояс, обшитый 115 серебряными пластинками с золотой плакировкой. С левой стороны в пояс включена четырехугольная пластина с вырезом, к которой крепился горит. Тут же, у левого бока, найдены тлен от футляра горита и в нем 185 наконечников стрел с сохранившимися древками длиной 50 см. В числе предметов вооружения оказались также клиновидный топор, два дротика с подтоками, лежавшие остриями к ногам, и копьё длиной 3 м.

В ногах мужчины, поперек, головой на запад, лежал скелет очень молодой женщины. При ней были серебряные кольцевидные серьги с золотыми подвесками, украшенными пастовыми вставками. На груди — россыпь мелких золотых бляшек и пастовых бус. Запястья обеих рук покрыты золотыми и серебряными бляшками, электровыми подвесками, пастовыми бусами. Этими украшениями некогда были расшиты рукава

одежды. На левой руке был один, на правой — два золотых перстня с гладкими щитками. Справа от черепа лежало бронзовое зеркало и камешек-амулет. У левого плеча — три глиняных пряслица. Около кисти левой руки стояла краснолаковая миска. Копья и дротики были положены так, что наконечники их лежали поперек ног женщины.

У входа в погребальную камеру лежали кости коня от напутственной пищи, нож, бронзовый котел с костями барана и железный черпак.

Женщина-подросток, скорее всего, могла быть младшей из жен и насильственно умерщвленной при похоронах погибшего в бою мужчины.

Третьей могилой этого кургана является захоронение в неглубокой яме в северной поле кургана. Взрослый мужчина лежал в вытянутом

План погребения и вещи из кургана № 4 группы Страшная Могила у г. Орджоникидзе.

положении, головой на запад. При нем найдены пастовая бусина и два наконечника стрел. Характерно, что могильные ямы всех трех погребений этого кургана расположены по одной оси, идущей с севера на юг, через определенные интервалы. Это дает основание видеть здесь членов одной семьи, а в погребенном в третьей могиле кого-то из слуг, приближенных к главе дома.

Таким образом, в IV в. до н. э. жестокий обычай насильственного умерщвления женщин (главным образом свободных скифянок из числа жен главы дома) хотя и смягчался, заменяясь совместным захоронением после смерти, однако еще полностью не исчез.

В некоторых случаях в насильственно умерщвленных женщинах, положенных вместе с мужчинами, можно видеть не жен, а наложниц-рабынь. Последние отличаются отсутствием сопровождающего инвентаря, обычного при захоронениях свободных скифянок, а также некоторыми особенностями их положения в могиле.

Одним из наиболее ярких примеров может служить погребение в кургане № 2 Старинской птицефабрики под Борисполем [Ильинская, 1966а, с. 154—156]. Высота кургана 3 м. В центральной катакомбе, с обширной трапециевидной камерой, на возвышенной ступеньке, некогда покрытой ковром, лежали, нарушенные грабителями, останки взрослого мужчины большого роста в вытянутом положении, головой на юго-восток. На месте черепа сохранилась россыпь золотых розеток от головного убора. При погребенном найдены: колчан с наконечниками стрел, пружинные очажные щипцы, бронзовая чашечка греческой работы с одной ручкой, кости от напутственной пищи. На полу перед входом в камеру лежал скелет молодой женщины без вещей, между бедренными костями которой был положен младенец не старше трехмесячного возраста. Вряд ли это погребение может быть интерпретировано иначе, нежели захоронение скифа в сопровождении рабыни-наложницы.

В погребении № 4 кургана № 10 у с. Кут, высотой 0,4 м [Березовец, 1960, с. 61], во впускной могильной яме были захоронены двое взрослых и ребенок. Скелеты взрослых мужчины и женщины лежали рядом, головой на запад. Возле мужчины, лежавшем слева, найдены: бронзовая серьга, две бусины, пять наконечников стрел. Вдоль южной стороны ямы лежало копые. При женском скелете вещей не было. Ребенок лежал вдоль западной стенки, головой на юг. У него на шее найдены три бусины и пять пронизок. За головами взрослых лежали кости от жертвенного мяса и нож. Представляется вероятным, что похороненная женщина была не свободная скифянка, а рабыня.

В кургане № 4 у с. Мирное Бориспольской группы [Погорелый, НА ИА АН УССР, 1975/9] в катакомбе с параллельной камерой с тыльной стороны обнаружено ложе-ступенька, на которую были положены мужчина и женщина. Рука женщины находилась под головой мужчины, как бы обнимая его. Возле мужчины найдены: серебряный спиральный браслет, остатки колчана с 59 наконечниками и тремя костяными ворварками, наконечники копья и трех дротиков с подтоками, кости животного и нож. Возле женщины вещей не обнаружено. Гробница близко напоминает вышеописанное захоронение в кургане № 4 у с. Кут.

Одиночные погребения скифов-воинов. Эти погребения в курганах IV в. до н. э. весьма многочисленны. В большинстве случаев погребения взрослых мужчин бывают основными, что не является абсолютным правилом. Они встречаются также в качестве впускных в курганы эпохи бронзы и в насыпи скифских курганов. Точно так же не установлен единый тип погребального устройства для основных или впускных захоронений взрослых свободных скифов, поголовно являвшихся воинами. Для их захоронений сооружались гробницы (чаще всего катакомбы)

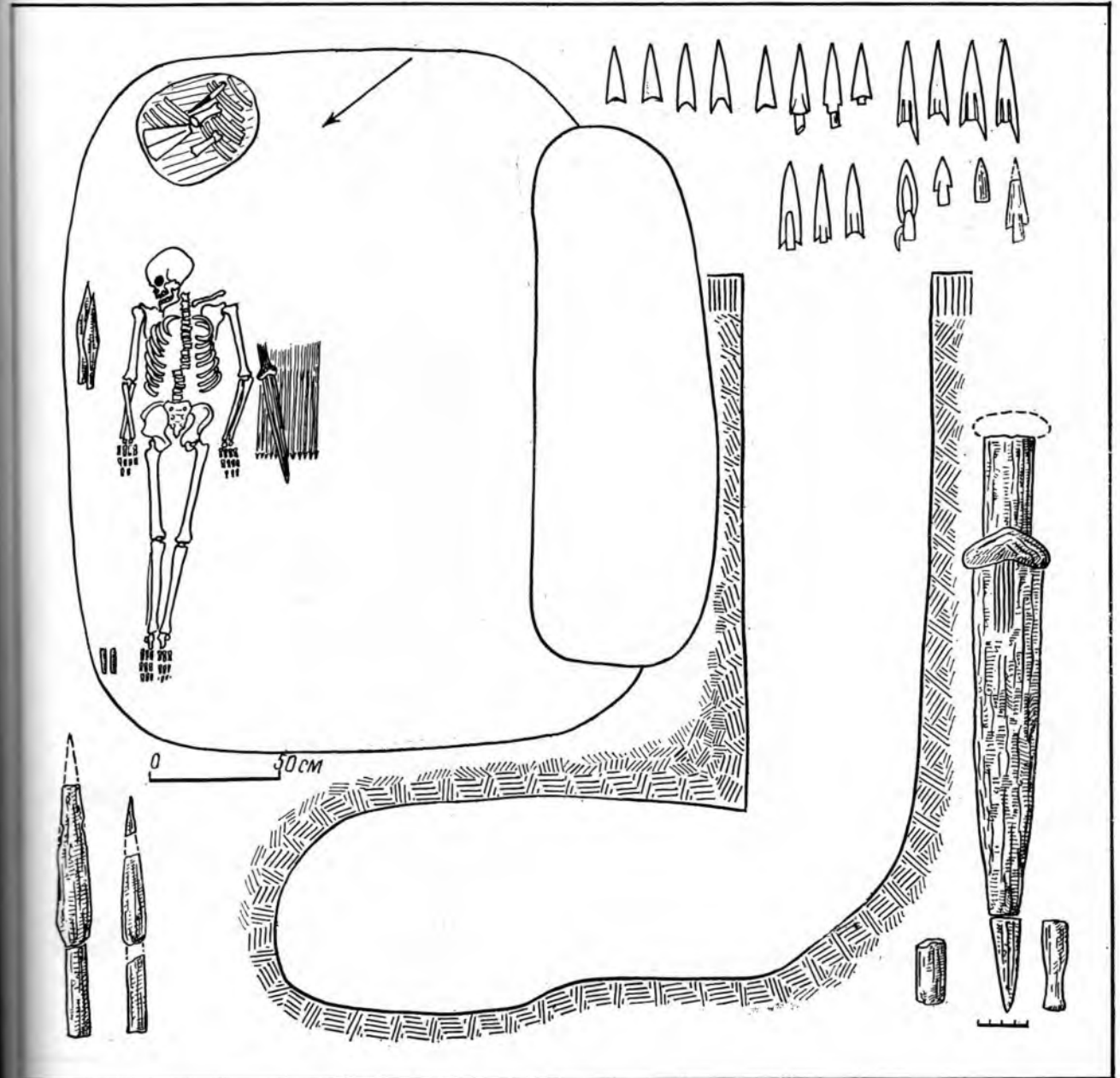

различного устройства, до настоящего времени не поддающегося какой-либо строгой типологической стандартизации.

Значительно более общим является состав сопровождающего инвентаря, по которому выделяются воины в панцирных доспехах (всадники и тяжело вооруженные пехотинцы) и легко вооруженные воины, сражавшиеся на коне и в пешем строю.

В настоящее время известны несколько захоронений воинов в полном тяжелом вооружении, включая и обшитые панцирным набором штаны. Это захоронения у с. Новая Розановка и учхоза «Самарский», относящиеся к V в. до н. э., погребение в кургане № 2 у с. Красный Подол на Херсонщине, датированное IV в. до н. э. В кургане у с. Новая Розановка

*План, разрез катакомбы и
предметы из кургана № 1
Гайманова поля.*

панцирный доспех включал шлем из железных пластин с пластинчатым назатыльником, панцирную рубашку с наборным поясом, обшитые панцирными чешуйками штаны. В состав наступательного оружия входили: акинак, горит, два копья. В погребении из кургана у с. Красный Подол также найдены развернутая панцирная рубашка, наборный пояс, обшитые чешуйками штаны и покрытый железными пластинами щит. Оружие составляли акинак, колчан со стрелами, боевой топор, копьё, дротик, булава и праща. Воины в панцирных доспехах подобного рода изображены на золотой пластине из коллекции Романовича [Ильинская, 1978, с. 91]. Любопытна в этом отношении могила, открытая в кургане № 12 группы шахты № 22 у г. Орджоникидзе [Тереножкин и др., 1973, с. 168—179]. Она впущена в скифский курган конца VI — начала V вв. до н. э. и имела вид узкой ямы, ориентированной по линии северо-восток — юго-запад, размерами 2,4×1×1,7 м. При погребенном находились разрушенные грабителями части по крайней мере от двух наборов оборонительного вооружения. Среди них части панциря с бронзовым набором и панциря с железным набором, к которым принадлежали ворварки от шнуры, два портупейных пояса с покрытием из железных пластин, фрагменты широкого пояса с покрытием из железных пластин, фрагменты двух щитов, обтянутых кожей, обшитых железными пластинами, один прямоугольной формы, другой с закругленными углами. Один из щитов был украшен бронзовой бляхой в виде рыбы. К щиту относятся две цилиндрические втулки, служившие для прикрепления держального ремня, как это изображено на щите всадника солохинского гробия. Возможно, некоторые пластины происходили от железного наборного шлема [Горелик, 1977, с. 146—151].

В состав доспеха входили два горита, в одном из которых лежало 279, а в другом — 235 бронзовых наконечников стрел, акинак с прямым навершием и бабочковидным перекрестием, обломок клинка меча или кинжала, три наконечника копий со втоками, с тыльной стороны в древо которых были для расклинивания бронзовые наконечники стрел.

Характерно, что во всех описанных случаях рядом с воинами в панцирных доспехах не найдены предметы конского снаряжения или погребений коня, которые четко засвидетельствовали бы принадлежность их к числу всадников. Однако и отрицать это тоже нет оснований.

Многочисленную серию составляют погребения легковооруженных воинов. Устройство их погребальных сооружений, чаще всего катакомб, разнообразно. Инвентарь составляют обычно колчан или горит со стрелами, два наконечника копий или дротиков, обычно с подтоками, меч, иногда какие-нибудь скромные украшения, чернолаковый сосуд, остатки жертвенной пищи — чаще всего лопатка, ребра и часть передней ноги коня или быка, положенные на деревянном блюде, и вместе с ними железный нож. В качестве примера назовем погребения в кургане № 1 (1937 г.), кургане № 2 (1945 г.), № 17 в кургане № 2 на Никопольском курганном поле. В последнем случае меч был вбит в стенку камеры, а наконечники копий — в дно камеры [Граков, 1962, с. 70—71; 77—78; 59].

В погребении № 3 кургана № 24 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 70—72] мужчина-воин лежал в камере, параллельной входной яме, в вытянутом положении, головой на восток. Ноги свободно раскинуты. Рядом с погребенным найдены: колчан с 118 наконечниками стрел, два копья; с левой стороны, частично перекрывая грудную клетку, обнаружен тлен от деревянного, обтянутого кожей щита овальной формы; на руке — железный браслет; в головах — кости коня и нож.

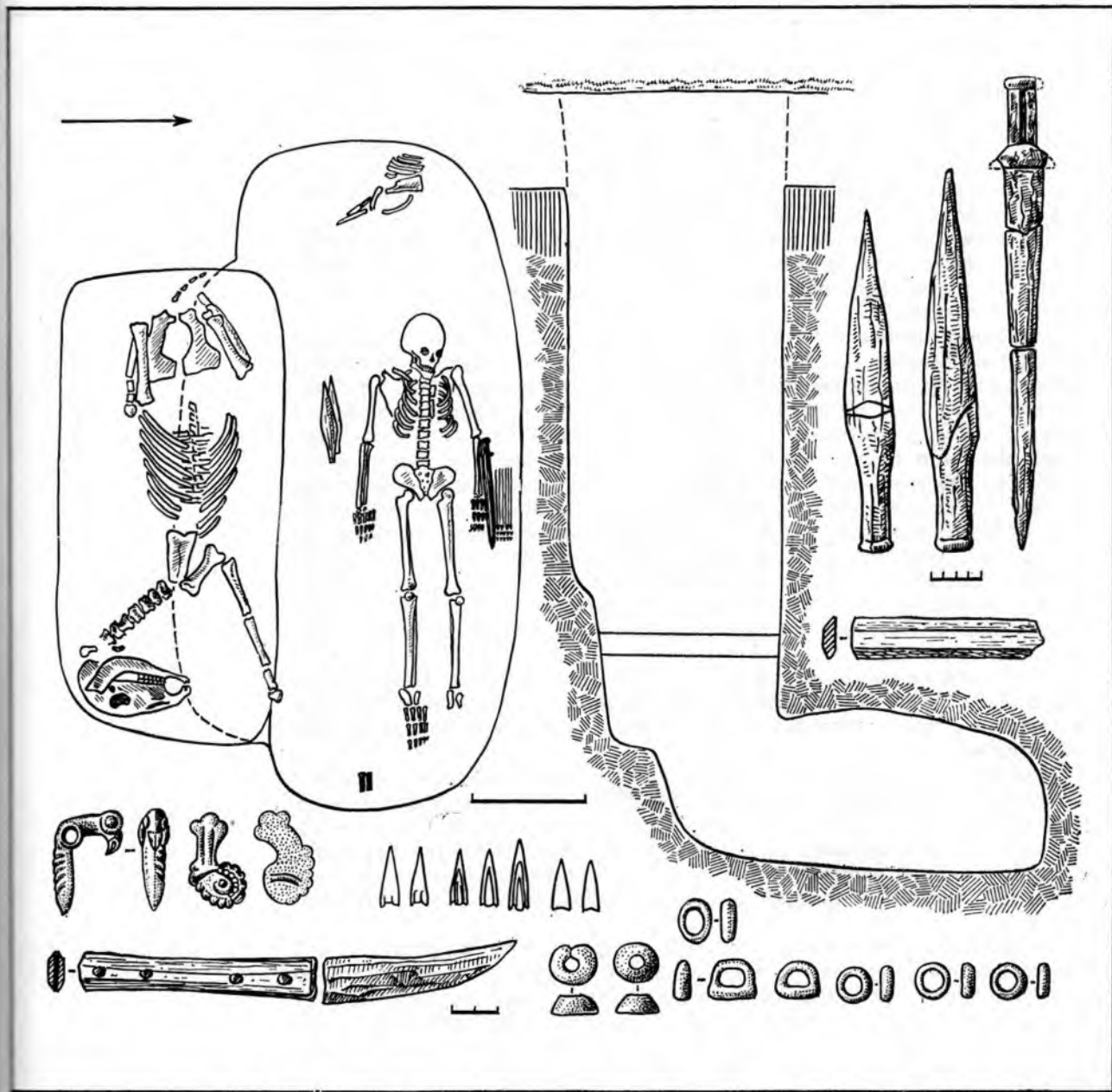
В захоронении молодого воина из погребения № 2 кургана № 3 у с. Иванкова (высота 0,4) обнаружены: гладкая золотая гривна с заходящими концами, колчан со стрелами, два копья, вырезка жертвенного мяса [Ильинская, 1966а, с. 154].

Классическим образцом погребения рядового воина является захоронение в основной могиле кургана № 1 Гайманова поля (высота 1 м). В камере, параллельной входной яме, лежал скелет мужчины в возрасте до 30 лет, в вытянутом положении, головой на юго-восток, возле него, слева, найден железный меч, а поверх него — горит со 110 бронзовыми наконечниками стрел, одним костяным и одним железным. Справа, вдоль стены, — два наконечника копий с подтоками, а за головой на деревянном блюде — кости от жертвенного мяса и нож.

В кургане № 29 этой же группы [Тереножкин и др., 1977, с. 156; 189—190], высотой 0,35 м, в катакомбе с камерой, параллельной входной яме, в вытянутом положении, головой на запад лежал скелет

План, разрез катакомбы и предметы из кургана № 29 Гайманова поля.

мужчины 30—40 лет. Ниже локтя левой руки — акинак с бабочковидным перекрестием. Под мечом обнаружены остатки колчана (или горита) с 80 стрелами, справа — два железных наконечника копий и подтоки (общая длина 1,85—1,90 м), за головой — кости овцы. Во входной яме лежал конь с удилами, деревянными псалиями, орлиноголовым наносником, бронзовыми колечками и ворварками от ремней оголовья, назатылочной бляхой в виде стилизованной «медвежьей лапы» и украшениями в виде «висячего замочка» [Ильинская, 1973, с. 54].

Погребение было впускным. Интересно, что в центральном погребении этого же кургана (глубокая яма с двумя боковыми нишами-карманами, ориентирована по линии запад—восток) над могильной ямой, на уровне древнего горизонта, открыты остатки жертвоприношения в виде черепа, двух лопаток и костей двух ног коня.

В кургане № 3 группы VIII у с. Балки, высотой 0,6 м, открыта катакомба с двумя входами. В первой входной яме оказался скелет коня, рядом с которым найдена костяная и бронзовая ворварки и три колечка. Погребение ограблено [Болтрик, Томашевский, НА ИА АН УССР, 1970/37 — в].

В кургане № 9 у с. Капуловка (высота 1 м) на дне входной ямы найдены остатки скелетов двух коней. В разрушенной грабителями камере продольной катакомбы — останки мужского и женского скелетов [Тереножкин и др., 1973, с. 119].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в отдельных случаях сопровождающие жертвоприношения коней встречаются и в могилах рядового скифского населения, в том числе и рядом с легко вооруженными воинами.

Одиночные женские погребения. В курганах IV в. до н. э. женские захоронения обычны. Большинство из них вшунены в насыпи скифских курганов или курганов эпохи бронзы. Погребения совершались по обычаю для этого времени обряду в катакомбах. Левая рука часто бывает согнута в локте, с кистью в области таза. Наиболее характерными предметами женского инвентаря являются: бронзовое зеркало (часто клавшееся под лопатку), веретено с глиняным или свинцовым пряслицем, греческие костяные веретена, железные шила. Обычны предметы украшений — бронзовые, реже золотые кольцевидные сережки с надетой на них бусиной, проволочные браслеты, ожерелья из пастовых бус или обшивка одежды по вороту и рукавам. Как правило, погребение сопровождала вырезка мяса коня или быка, клавшаяся на деревянном подносе вместе с ножом. Встречаются греческие канфары, килики и амфоры, изредка лепные сосуды.

В кургане № 3, погребение № 7 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 45], погребение скифянки совершено в кургане эпохи бронзы, в катакомбе с камерой, параллельной входной яме, скелет ориентирован головой на юго-запад.

У черепа с обеих сторон лежали очень потертые золотые сережки в виде калачика, на шее ожерелье из 41 золотой шаровидной бусины. На кисти правой руки — бронзовый проволочный браслет, на левой — такой же железный браслет. В погребении найдены глиняное пряслице, остатки деревянной чашечки, в которой лежали железный перстень и комочек красной краски. За головой на подносе находились кости от жертвенного мяса.

Во впускном погребении № 3 скифского кургана № 2 этой же группы [Березовец, 1960, с. 42] в камере, расположенной по одной оси с входной ямой, рядом со скелетом женщины, лежавшей в вытянутом положении, головой на запад, найдены две бронзовые проволочные серьги с надетой на них бусиной в виде кувшинчика, на шее 22 мелких стеклянных бусины, три глиняных пряслица, кусок желтой охры, кости коня и нож.

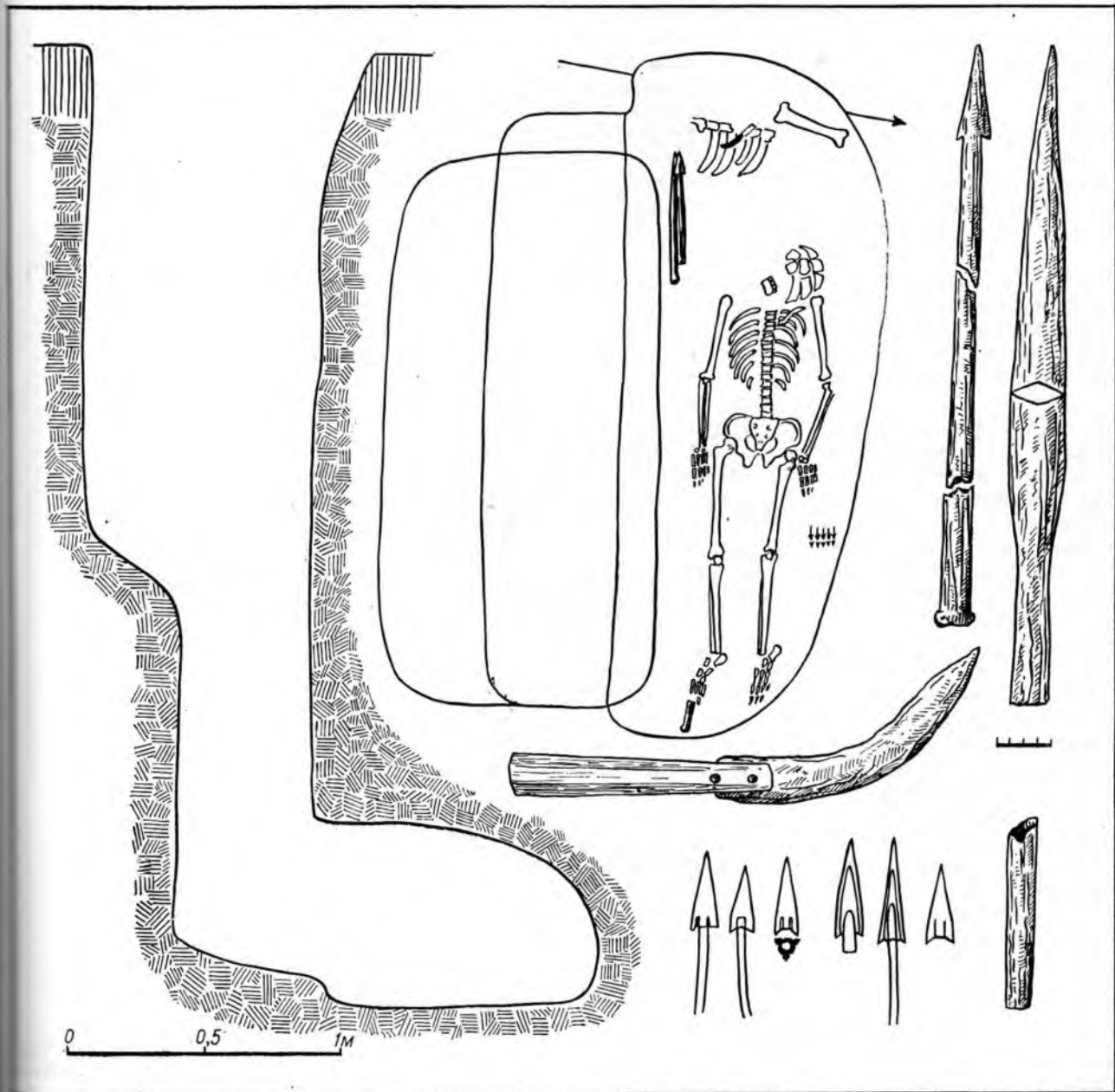

Во впускном погребении № 3 кургана № 13 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 62] захоронение женщины сопровождалось бронзовой сережкой, двумя наручными браслетами, стеклянными бусинами, двумя свинцовыми и глиняным пряслицами, костями коня и ножом от жертвенной пищи.

В женском впускном погребении № 8 в кургане № 30 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 78—79] найдены бронзовое зеркало, кости от жертвенного мяса коня и нож.

Погребения женщин с детьми. Выше мы рассмотрели серию погребений женщин, входивших в состав скифской семьи. Определенную группу составляют захоронения женщин с детьми.

Погребение юноши-воина из кургана № 13 у с. Капуловка.

Во впускном погребении № 9 кургана № 22 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 68] в продольной катакомбе находилось погребение женщины и двух младенцев. Женщина была положена головой на юг — юго-запад. Возле нее были бронзовые сережки, ожерелье из пастовых бус, бронзовое зеркало, глиняное пряслице, чернолаковый канфар, кости коня. Младенцы (судя по возрасту, близнецы) лежали слева от ног, головами в разные стороны. Посередине между ними найдены бусина и нож.

Весьма выразительно основное погребение в кургане № 12 группы Богдановской обогатительной фабрики у г. Орджоникидзе (высота 0,8 м). Здесь в продольной катакомбе, в средней части камеры, обнаружено потревоженное грабителями погребение женщины, положенной вытянуто, головой на юго-запад. Рядом с ней сохранились следы бронзового зеркала с железной ручкой, положенного под спину, два железных браслета. Справа у ног лежали рядом, головой на юго-запад, двое детей 5—7 лет. Скелеты так близки по размерам, что, вероятно, принадлежали близнецам. У левого оказались бронзовые проволочные сережки с трапециевидной подвеской. У правого выше локтевых сочленений найдено несколько крупных бусин, а на запястье правой руки — ряд мелких бусин от браслета-повязки. В камере найдены также глиняное пряслице, маленькая трапециевидная поделка из стенки амфоры, бронзовое колечко, кости быка и нож [Терепошкин и др., 1973, с. 155—157].

В погребении № 2 кургана № 1 группы Красный Перекоп Каховской экспедиции 1970 г. [Лесков, НА ИА АН УССР, 1970] в катакомбе с камерой в виде подбоя открыто погребение женщины и с правой стороны — подростка, положенных вытянуто, головой на запад. Захоронение разрушено грабителями, из вещей сохранился только железный браслет на руке женщины.

В кургане № 6 у совхоза Красный Перекоп [Лесков, НА ИА АН УССР, 1971] от одной входной ямы отходили две параллельные камеры. В юго-западной совершенно захоронение пожилой женщины, в составе инвентаря которой было семь пастовых бус, глиняное пряслице, кости животного, нож, а в северо-восточной — захоронение подростка с железным браслетом, колчаном с 22 наконечниками стрел и ножом вместе с костями животного.

Несмотря на обычность погребений женщин с детьми, четко объяснить характер захоронений не всегда возможно. В одних случаях это может быть погребение матери с детьми, в других — подростка-раба со своей хозяйкой, в третьих — служанки, погребенной вместе с ребенком господина. Только ряд специальных исследований может раскрыть подлинную сущность отношений в каждом отдельном случае.

Женские погребения с оружием. Очень интересна серия погребений скифянок, сопровождавшихся помимо чисто женского инвентаря (зеркало, пряслице, украшения) предметами вооружения — колчаном со стрелами, копьями, дротиками, пращевыми камнями.

В настоящее время количество погребений скифских «амазонок» приближается к сотне. Количество их с каждым годом возрастает. Не вызывает сомнений, что эта группа женщин играла видную роль в скифском обществе.

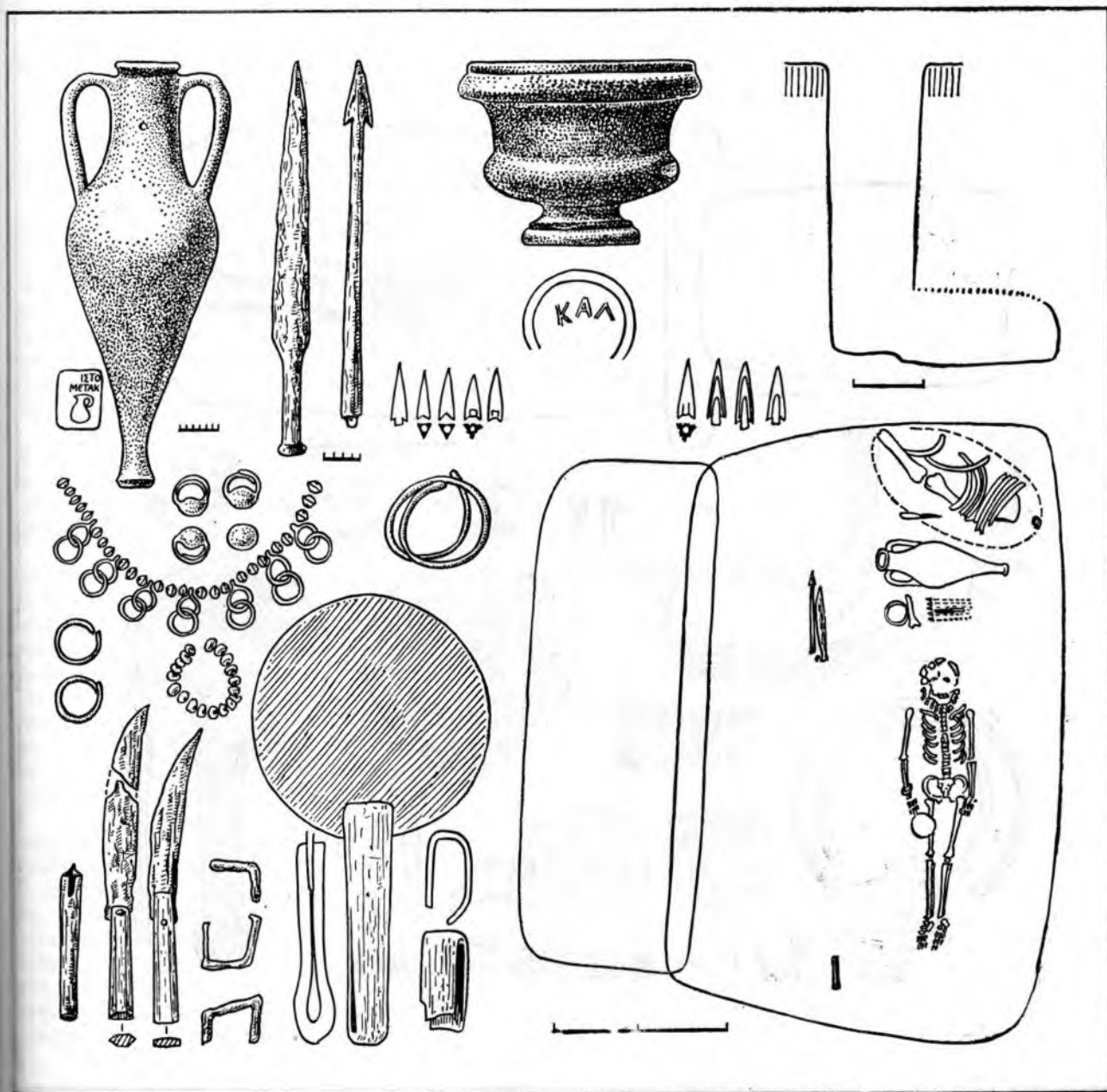
В отличие от прочих женских захоронений погребения скифянок с оружием чаще всего бывают основными, приравниваясь в этом отношении к погребениям воинов-мужчин. Наиболее ранние случаи захоронений вооруженных женщин зарегистрированы в курганах VI в. до н. э. и раннего V в. до н. э. в степной полосе (курган у Рожновских хуторов, курганы Елизаветовского могильника № 30 у Ростова-на-Дону и в Правобережной Лесостепи, курганы № 423 у с. Журовка, № 454 у с. Макевка) [Ганина, 1958, с. 183; Ильинская, 1966а, с. 166].

* Антропологическое отделение Т. С. Кондукторовой.

Одно из первых таких погребений IV в. до н. э. было открыто в кургане № 16 у совхоза Аккермень на р. Молочной (высота 0,5 м). Погребение основное, совершено в катакомбе (глубиной 3,8 м). В камере, параллельной входной яме, головой на запад, лежала молодая женщина около 20 лет* [Вязьмитіна, Іллінська та др., 1960, с. 93—66]. Рядом с ней найдены боевой пояс с железными пластинками, поперек которого лежал колчан или горит с наконечниками стрел. В дно ямы были вбиты два наконечника копьа, древки и подтоки которых лежали вдоль северной стены. Украшения умершей составляли ожерелье из синих пирамидальных стеклянных бусин, серебряный и железный браслеты, перевязь-повязка из бус. Под левой лопаткой — бронзовое зеркало с

Погребение девушки с оружием из кургана № 13 у с. Капуловка.

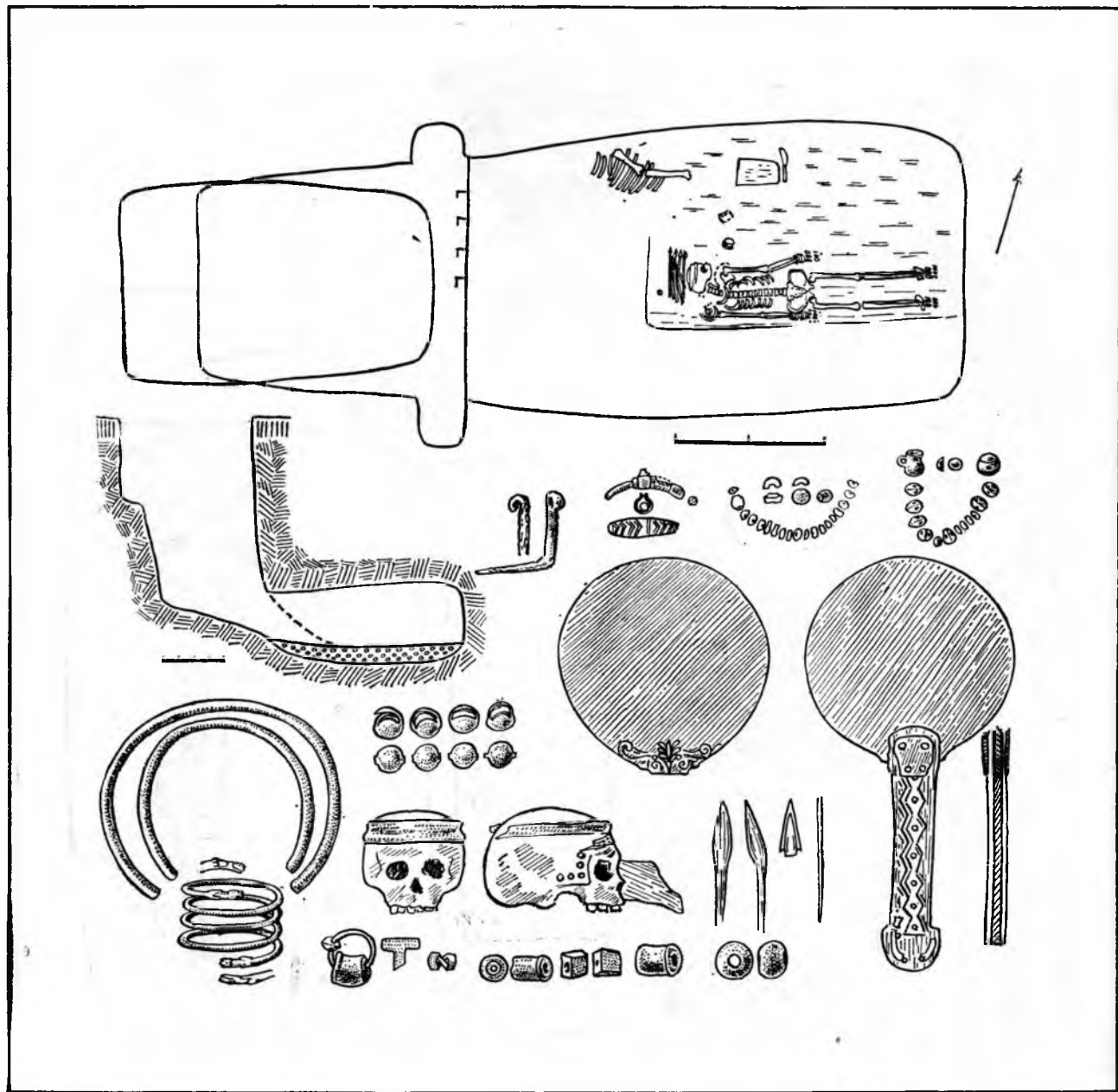
деревянной ручкой. В могиле найдены также свинцовые пряслице, два деревянных сосуда и деревянное блюдо, на котором лежала традиционная вырезка из мяса коня и нож с костяной рукоятью.

Выше мы рассматривали женское погребение № 9 кургана № 7 у с. Кут, где лежали колчан, копья, золотая диадема, перстни, бронзовое зеркало, пряслице.

Выразительная серия женских захоронений с оружием обнаружена раскопками Скифской степной экспедиции в 1964 г.

В кургане № 13 у с. Капуловка [Тереножкин и др., 1973, с. 120—126], высотой 0,55 м, открыты две основные могилы с захоронениями подростков. В северной катакомбе с камерой, параллельной вход-

Погребение женщины с оружием. Орджоникидзе, курган № 13 группы БОФ.

ной яме, погребена молодая девушка, лежавшая вытянуто, головой на запад. Ее инвентарь состоял из двух кольцевидных сережек, сделанных из золотой проволоки, ожерелья из золотых бус, чередующихся с подвесками из соединенных попарно колечек, два золотых перстня с гладкими щитками, серебряного браслета в два оборота, браслета-повязки из бус. В правую руку была вложена ручка бронзового зеркала.

Кроме того, в могиле найдены: колчан с 52 наконечниками стрел, копьё и дротик, фасосская амфора с клеймом, чернолаковый канфар с отбитыми ручками и надписью граффити, деревянное блюдо с лежавшими на нем костями от напутственной пищи и нож.

Весьма интересными оказались боковое и центральное погребения в кургане № 13 (группы БОФ) у г. Орджоникидзе [Тереножкин и др., 1973, с. 157—165]. Высота кургана 0,8 м.

Боковая впускная могила оказалась неразрушенной. В камере продольной катакомбы на деревянном ложе лежал скелет молодой женщины. На черепе сохранилась деревянная основа от головного убора, украшенного мелкими полукруглыми золотыми пуговками. На шее умершей одета гладкая серебряная гривна, под правым плечом лежала небольшая серебряная гривна. В области шеи и грудной клетки были рассыпаны бусы от ожерелья, в том числе сердоликовые с золотой оправой. Слева от черепа найдена золотая серьга с боченковидной пронизью; на запястьях обеих рук надеты спиральные серебряные браслеты с фигурками львов на концах, здесь же найдена россыпь различных бус. На левой руке один, на правой — три золотых перстня со щитками. К числу женских принадлежностей относятся также глиняное пряслице, железное шило и бронзовое зеркало, положенное под левое плечо. За головой погребенной лежал кожаный колчан с 30 бронзовыми и девятью деревянными наконечниками стрел. Рядом находился нож с костяной рукоятью. В могиле обнаружены остатки плохо сохранившихся деревянных предметов и поднос, на котором лежали кости передней ноги коня и нож.

Основное погребение этого кургана оказалось не менее интересным. В обширной, глубиной 5 м катакомбе с камерой, параллельной входной яме, открыто погребение женщины и двух детей. Вход из камеры в яму был заставлен боковиной телеги, здесь же найдены деревянные ступицы двух колес.

В центре камеры на деревянных носилках сохранилась нижняя часть скелета, лежавшего вытянуто, головой на запад. На месте левой руки найдены мелкие пастовые бусы, около правой — бронзовое зеркало с железной ручкой и железное шило. Слева от ступней ног находился железный подток копья. В разных местах гробницы обнаружены семь наконечников стрел. Бронзовый наконечник стрелы найден в колене левой ноги погребенной. В перерывной грабителями части камеры обнаружены кости грудного младенца, лежавшего, очевидно, слева от женщины. Справа от костей ног женского скелета найден еще ребенок 7—10 лет. Корпус и голова его повернуты влево, руки раздвинуты в локтях. Около черепа найдены три пастовые бусины.

К сожалению, нарушенность могилы не дает возможности полностью восстановить погребальную обстановку. Можно предположить, что обе гробницы данного кургана принадлежали женщинам-воительницам. В центральной из них находились остатки повозки, что хорошо известно по ряду погребений знатных скифянок. Любопытно, что погребенная женщина была ранена в ногу стрелой и вместе с ней похоронены двое детей. Это меняет наше представление о положении скифских «амазонок». Как выяснилось, к их числу принадлежали не только молодые девушки, но женщины более старшего возраста. Безусловно, этот вопрос требует дальнейшей разработки.

Погребения женщин-воительниц открыто в кургане № 11 у с. Львово Бериславского района на Херсонщине [Те-

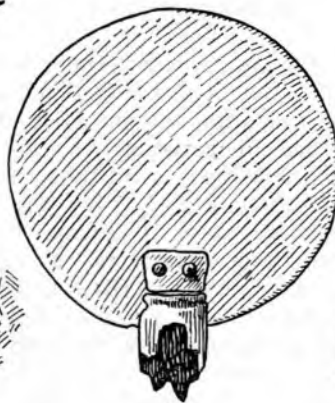
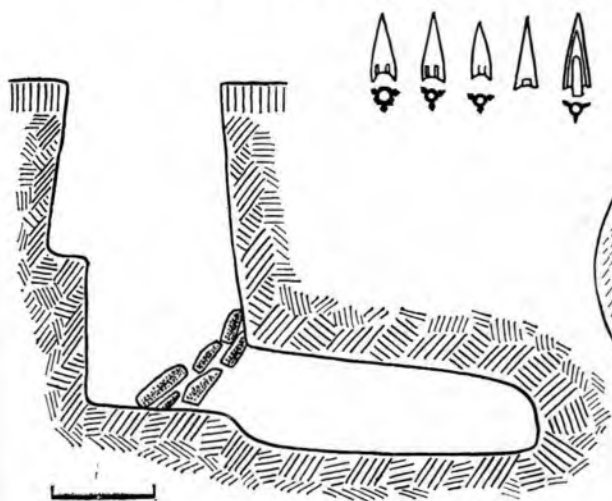
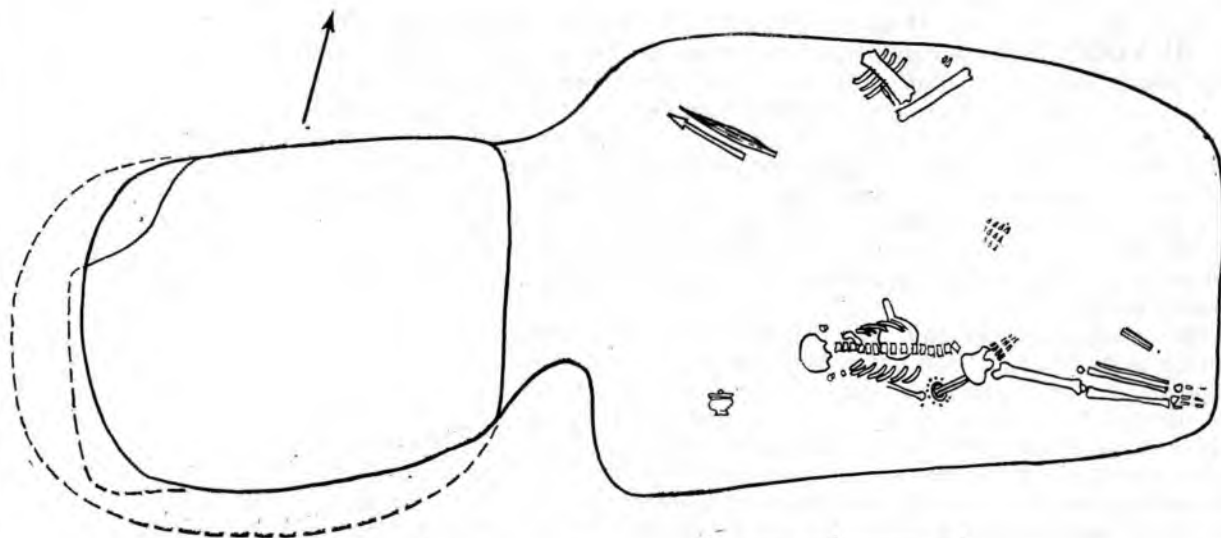
реножкин, Ильинская, Кубышев, НА ИА АН УССР, 1973]. Высота кургана 2,3 м. Всего здесь обнаружено пять скифских погребений. Из них основное и одно из впускных оказались не ограбленными.

Центральное погребение находилось в катакомбе с камерой, параллельной входной яме (глубина 3,6 м). В центре камеры стояли деревянные носилки в виде рамы с поперечными перекладинами, на которых в вытянутом положении, головой на запад, лежал скелет молодой женщины. На шее погребенной оказалось ожерелье из двух ниток пастовых бус, слева от головы — бронзовый пластинчатый браслет. В юго-западном углу носилок обнаружено бронзовое зеркало в кожаном футляре. Среди предметов женского инвентаря найдены свинцовое пряслице в виде колесика с шестью спицами и деревянный игольник в виде усеченного конуса, где хранились различных размеров железные иголки и шилья. Справа лежало оружие: дротик, бронзовый наконечник стрелы, нож с костяной рукоятью, пращевой камень. От локтя правой руки, вдоль правой ноги сохранились отпечатки двух полос ремня, окрашенного в зеленый цвет, длиной около 1 м, очевидно, праща. В погребении найдены канфар с каннелированным корпусом, амфора, распавшийся полусферический серебряный сосуд, бронзовая раскрошившаяся пластина и кости передней части бока коня с ножом.

Второе впускное погребение к югу от центра размещалось в катакомбе с продольной камерой глубиной 3,5 м. Скелет молодой женщины лежал на ложе-носилках в виде рамы вытянуто, головой на восток. На шею было надето ожерелье из пяти подвесок в виде золотых парных колечек, двух сердоликовых бусин, обтянутых крест-накрест полосками золота, кольцевидной серьги из бронзовой проволоки с надетой на ней бусиной; на запястье левой руки был широкий браслет в виде повязки из бус, на кисти левой руки — серебряный перстень с пастовой вставкой на щитке. Справа, между локтевым сочленением и ребрами, лежала галька, очевидно, служившая амулетом. На правой руке — железный браслет с «рамкой», золотой перстень со щитком и электровый перстень с сердоликовой вставкой. В кисть правой руки была вложена деревянная ручка бронзового зеркала, инкрустированного костяными треугольными пластинами. Между кистью правой руки и тазовыми костями обнаружено костяное наборное веретено. В пределах гробовища найдены костяной двусторонний гребень в кожаном футляре, нож с костяной рукоятью, две костяные пронырки, костяные пластины от какого-то предмета, окрашенные синей и красной краской, греческая чернолаковая чашечка. Слева от ноги — очажные пружинные щипцы с раскованными в виде плоских чашечек концами. Справа от плеча лежал бронзовый наконечник стрелы, у северной стены — два дротика с подтоками общей длиной 2,5 м и какой-то кожаный предмет, обшитый девятью бронзовыми пластинками. Перед входом в камеру лежала амфора с астиномным клеймом. У южной стены стояла бронзовая чаша греческой работы с орнаментом из полуов по краю. Здесь же на деревянном подносе были лопатка, ребра и часть передней ноги коня, а также нож с костяной рукоятью.

В завершение остановимся на двух погребениях скифянок с оружием, исследованных в курганах близ Борисполя. Одно из них открыто в кургане № 15 Старинской птицефабрики [Ильинская, 1966а, с. 161] (высота 0,3 м). Основное погребение совершено в продольной катакомбе (глубина 2,8 м). Здесь была похоронена молодая женщина не старше 18 лет, положенная вытянуто, головой на северо-запад. Правая рука откинута, кисть левой внизу живота. На скуловых костях заметны следы красной краски, которой были покрыты щеки. На шее найдено шесть крупных золотых бус, у висков — две золотые проволочные сережки в виде колечка. На руке — пружинный серебряный браслет. Под левой лопаткой находилось бронзовое зеркало; рядом — веретено с

Погребение женщины с оружием в кургане № 1. Капуловка II.

А 1351

глиняным пряслицем, железная игла. У кисти левой руки лежали пучком семь бронзовых наконечников стрел. В головах находились чернолаковый сосуд, кости быка, нож.

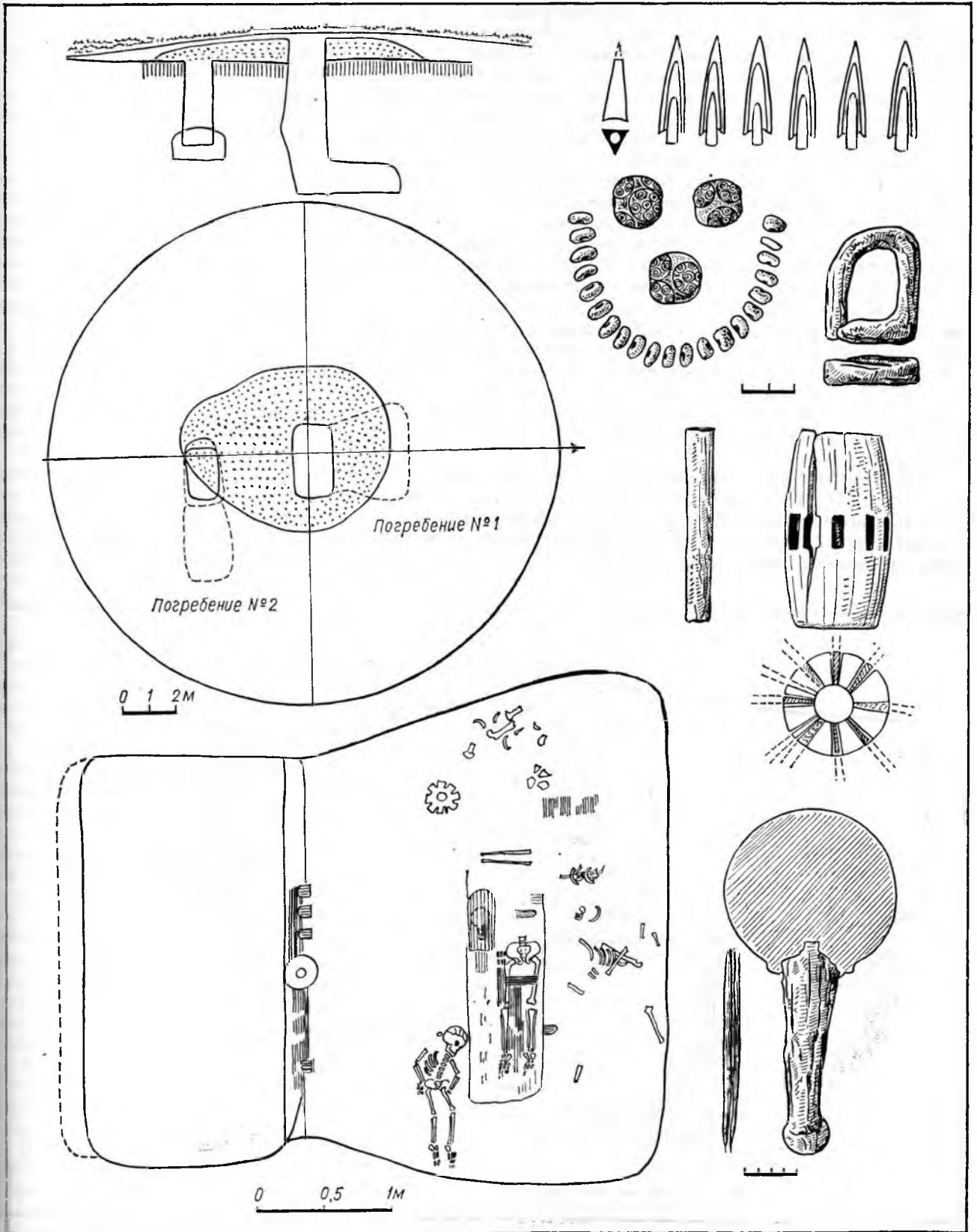
В кургане у с. Мирное близ г. Борисполя [Погорельый, НА ИА АН УССР, 1975] погребение совершено в продольной катакомбе. Здесь обнаружен скелет молодой женщины, положенной вытянуто, головой на восток. На шее найдено ожерелье из бус и подвесок в виде цветков лотоса, у черепа — сережки с подвесками, на руках золотые и серебряные перстни, под головой бронзовое зеркало. В камере, кроме того, найдены два глиняных пряслица, чернолаковая мисочка, кожаный колчан с 45 бронзовыми наконечниками стрел и ножом. Еще один нож лежал вместе с костями от жертвенного мяса. В ногах «амазонки» в скорченном положении лежала рабыня, инвентарь которой состоял из ожерелья из пастовых бус.

Не вызывает сомнений, что описанная группа женских погребений с оружием отличалась социальным положением от большинства женских захоронений с обычным набором женского инвентаря. Их более почетное положение подчеркнуто сооружением специальных курганов, сопровождением богатого инвентаря, состоящим из украшений, зеркал, предметов греческого импорта. Несомненно, это возвышало женщин-воительниц над многими рядовыми женщинами скифского общества. Несомненно, в скифской среде поощрялось участие женщин в воинских упражнениях и занятиях, связанных с владением оружия, преимущественно луком и стрелами, копьями, дротиками, пращей, то есть основными видами метательного вооружения. Крайне редко в женских могилах встречаются мечи. Ни разу не были найдены топоры. По своему положению скифские «амазонки» приравнивались к легковооруженным воинам и скифскому юношеству.

Погребения скифских «колдуний». Большая часть скифского населения умирала, не достигнув преклонных лет. В раскопанных погребениях люди молодого и среднего возраста встречаются значительно чаще стариков. Тем больший интерес представляет погребение пожилой скифской женщины, погребальный обряд которой отличается от традиционного. Открыто погребение в кургане № 5 (погребение № 12) группы «Сирко» под Никополем [Граков, 1962, с. 80—81]. Захоронение впускное, совершено в катакомбе с камерой, параллельной входной яме. Старуха лежала ничком, головой на северо-запад. Ноги слабо согнуты, слегка согнутые руки уходили под таз. Перед скелетом лежала обезглавленная туша ягненка, на которой найдены семь костяных «грибков»-застежек. Две застежки, шляпкою вверх, на спине, пять расположены в два ряда на грудной клетке (два в одном, три в другом ряду). Все необычно в этом погребении: и поза умершей, и положение с ней обезглавленной туши совершено иначе, нежели обычная часть жертвенного мяса, и наличие костяных «грибков», с помощью которых в раннескифское время скреплялись кожаные части предметов. Трудно найти правдоподобное объяснение, но складывается впечатление, что с их помощью была стянута шкура на жертвенном животном.

В кургане № 2 у с. Троицкое на р. Молочной [Клейн, 1960, с. 145—146] погребение в яме было впущено в курган эпохи бронзы. Женщина в возрасте около 25 лет лежала со слегка поджатыми ногами и значительным наклоном туловища на левый бок, головой на юго-запад. Наряду с обычными предметами (бусы, зеркало, кости овцы, сосуд) в ногах найдено скопление вещей, очевидно, находившихся в мешочке. Сюда вошли кусок железного шлака, черепок греческого сосуда с отверстием, наконечник стрелы, кремниевый отщеп, грузило, камешек. Однако набор сочли достойным для положения его в могилу. Это может свидетельствовать о том, что он содержал какой-то особый смысл. Вероятнее всего, в глазах окружающих он имел значение орудий колдовства.

Погребение женщины с детьми в кургане № 13. Орджоникидзе, группа БОФ.

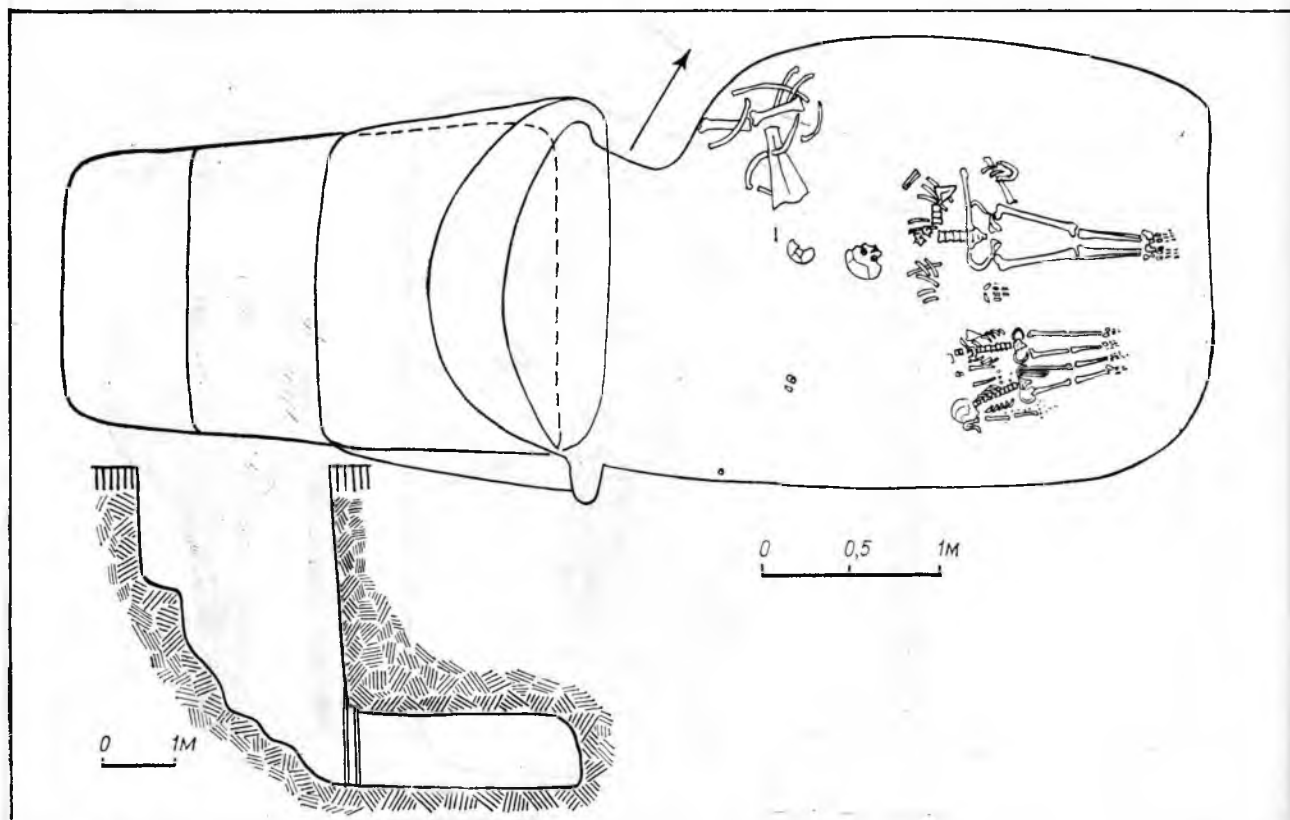
Погребения юношей. Вопрос о правах и обязанностях различных возрастных групп в среде рядовых скифов остается не освещенным и практически не поставлен в науке. В значительной мере это объясняется недостаточностью антропологических определений. Вследствие неправильного подхода естественное деление членов скифской общины по полу и возрасту нередко принимается за имущественно-социальное, что приводит к серьезным ошибкам. В то же время накопление нового материала из скифских степных погребений IV в. до н. э. дает все основания для освещения этого вопроса. Так как мы не можем полностью охватить эту тему, рассмотрим некоторые предварительные данные по материалам Скифской степной экспедиции и курганов у с. Кут.

Во впускном погребении № 2 кургана № 4 у с. Балтазаровка на Херсонщине был погребен юноша [Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 255—256]. Он лежал в катакомбе с небольшим дромосом и камерой, параллельной входной яме (глубина 2,45 м), вытянуто, головой на запад. У черепа слева — золотая витая сережка с бусиной, у левой ноги — колчан с 14 наконечниками и костяной ворваркой; у локтя правой руки лежали два кусочка смолы, за головой — кости быка и нож.

Во впускном погребении № 3 кургана № 21 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 65] в катакомбе приблизительно такого же устройства рядом с юношей оказались колчан с 15 наконечниками стрел и вырезка овцы.

Во впускной катакомбе погребения № 1 кургана № 18 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 64] в скелете подростка, лежавшего головой на запад, между ребрами найден наконечник стрелы, а в головах — кости овцы и нож. Беднейшие впускные погребения подростков в простых ямах из кургана № 7, погребение № 8 из

План погребения женщины с детьми. Орджоникидзе, курган № 12 группы БОФ.

кургана № 21, погребение № 6 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 53, 68] сопровождалось только вырезкой жертвенного мяса и ножом. К числу юношеских погребений относится упомянутое выше погребение в кургане № 13 у с. Капуловка, где найдены колчан с 52 наконечниками стрел, копьё, дротик и вырезка жертвенного мяса [Тереножкин и др., 1973, с. 124].

Можно полагать, что приобщение мальчиков к воинским упражнениям начиналось с очень раннего возраста, и первым оружием, на которое они получали право, был лук и стрелы, а несколько позже — копьё и дротики. Меч — оружие мужчины — в могилах юношей-подростков не встречается, так же как и боевые топоры. Очевидно, право пользования этими видами наступательного вооружения получалось по мере возмужания и перехода в разряд настоящих воинов. Детальное изучение этого вопроса поможет составить более отчетливое представление о положении различных социальных и возрастных групп в скифском обществе.

Погребения детей. Естественная детская смертность у скифов, как и у многих других народов на ранних ступенях развития, была весьма высокой. Однако это почти не отражалось в курганном обряде кочевого скифского населения архаической поры (VII—V вв. до н. э.). В этот ранний период детские захоронения в степных курганах почти не встречаются.

Картина существенно изменяется в IV в. до н. э., когда впускные погребения подростков и детей становятся обычными и в качестве сопровождающих в гробницах взрослых членов семьи, и в отдельных могилах. Едва ли можно сомневаться, что это явилось прямым следствием возрастающей роли малой патриархальной семьи, в состав которой входили глава семьи, жена или его жены и их дети. Обычай хоронить детей еще не стал всеобщим, но уже получил широкое распространение у знатного сословия и особенно в среде рядового населения.

Погребения детей совершались в небольших катакомбах обычных типов и в простых ямах в грунте или насыпи. В качестве сопровождающего инвентаря обычны мелкие украшения в виде бус, колец, сережек. Чаще, чем в могилах взрослых, встречаются глиняные сосуды местной работы, постоянны кости от жертвенного мяса животного (чаще овцы), а при них неизменный нож. Серия детских захоронений была открыта при раскопках Кутянского могильника. В маленькой продольной катакомбе кургана № 21 (погребение № 1) при младенце, положенном вытянуто, головой на северо-запад, найдена лишь вырезка жертвенного мяса. В катакомбочке с камерой, параллельной входной яме, в кургане № 22, погребение № 10, на шее ребенка, лежавшем головой на запад, найдена 21 бусина. В катакомбе аналогичного устройства в кургане № 23, погребение № 2, сопровождающих предметов не оказалось. В маленькой катакомбе погребения № 5 этого же кургана останки двух детей, лежавших вытянуто на живот, сопровождали три бусины, бронзовое кольцо, кости овцы. В кургане № 29, погребение № 2, в насыпи кургана обнаружены два детских скелета, лежавших рядом, головой на юг. Рядом с первым найдены бронзовые серьги с надетым на одной из них черепком античного сосуда, на груди стеклянные бусы; со вторым — бронзовые серьги, железный и бронзовый браслеты [Березовец, 1960, с. 66 сл.].

В кургане № 13, погребение № 1 на Никопольском поле [Граков, 1962, с. 74], возле ребенка, лежавшего головой на северо-запад, найдены глиняная мисочка с крышечкой и горшочек с конусовидным отверстием в виде соски.

В кургане № 2, погребение № 1, Никопольского курганного поля [Граков, 1962, с. 113] в яме найдено впускное захоронение двух детей 6—7 лет, лежавших вытянуто, головой на северо-запад. При западном найдены две бусины и пряслице, при

восточном — две бусины и раковина-пурпурица. В головах стоял небольшой лепной горшочек, кости овцы, нож.

Эти погребения достаточно типичны для большинства захоронений детей и не нуждаются в дополнительных комментариях.

Погребения рабов. Низшее социальное сословие скифского общества составляли рабы. Захоронения этого угнетенного, полностью бесправного населения встречаются во многих скифских могилах, куда они были положены, а часто просто брошены, в позе, подчеркивающей их униженное положение, а иногда в особом помещении, отделенном от захоронения их хозяев. Эта категория сопровождающих лиц обычно клалась без вещей, реже с бедными украшениями и заметно отличается от почетного сопровождения — «стражей», «конюхов», «слуг» из числа свободных скифов, погребения которых встречаются в могилах высших представителей скифской аристократии.

В качестве яркого примера приведем захоронение двух юношей у входа из входного колодца в дромос северной гробницы Гаймановой Могилы, возле принесенного в жертву коня. Оба они были брошены на дно могилы в небрежной позе, с неестественно лежащими конечностями, безо всякого сопровождающего инвентаря. С аналогичным явлением мы встречаемся при погребении в кургане № 4 у Любарецкого поселка, где труп молодого человека с раскинутыми руками и неестественно скрещенными ногами был брошен на дно камеры перед ложем-ступенькой, на которой покоилось тело господина.

Быше мы уже писали о рабынях-наложницах, захоронения которых можно видеть в кургане № 2 у Старинской птицефабрики, где скелет молодой женщины с грудным младенцем лежал на полу перед ступенькой-ложом ее хозяина. К этой же группе мы относим сопровождающее захоронение женщины в кургане № 10 у с. Кут и в кургане № 4 у с. Мирное, где у женщин, положенных рядом с мужчиной, отсутствовали какие-либо вещи. В ряде случаев рабское положение подчеркивалось скорченной позой, в отличие от основного погребенного.

Главным погребенным в основном захоронении кургана № 8 Старинской птицефабрики [Ильинская, 1966а, с. 159—160] был ребенок 1—2 лет, положенный в камере продольной катакомбы, вытянуто, головой на запад, в одежде, украшенной по вороту и рукавам бусами. В ногах младенца, поперек узкой камеры, был втиснут в скорченном положении подросток без вещей, головой на север. В этом сопровождающем захоронении, очевидно, следует видеть рабыню — «няньку».

Близкая картина наблюдалась во впускных погребениях № 2 и 3 в кургане № 7 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 50—51]. В первом из них, в камере, параллельной входной яме, была погребена девочка, положенная вытянуто, головой на запад. Возле нее найдено 50 пастовых бус, браслет-повязка, золотой перстенок, греческий канфар, деревянный сосуд, кусочек белил. В ногах ребенка лежал скелет очень молодой женщины без вещей. Во второй катакомбе находился ребенок в вытянутом положении, головой на запад, с бусами, украшавшими одежду. Рядом — кости от вырезки жертвенного мяса. На дне входной ямы лежал скелет взрослого человека в скорченном положении без вещей.

В погребении № 2 кургана № 12 у с. Кут [Березовец, 1960, с. 61] обнаружено захоронение девочки с бусами, свинцовым и глиняным прислицами. Рядом с ней в скорченном положении лежал скелет взрослого человека, при котором оказалась лишь бронзовая проволочка под черепом.

Погребения служанок в скорченном положении в ногах хозяек найдены при захоронениях скифянок в курганах у с. Широкое па Херсонщине [Ковпаненко, Яковенко, 1973, с. 258—261] и у с. Мирное под Борисполем.

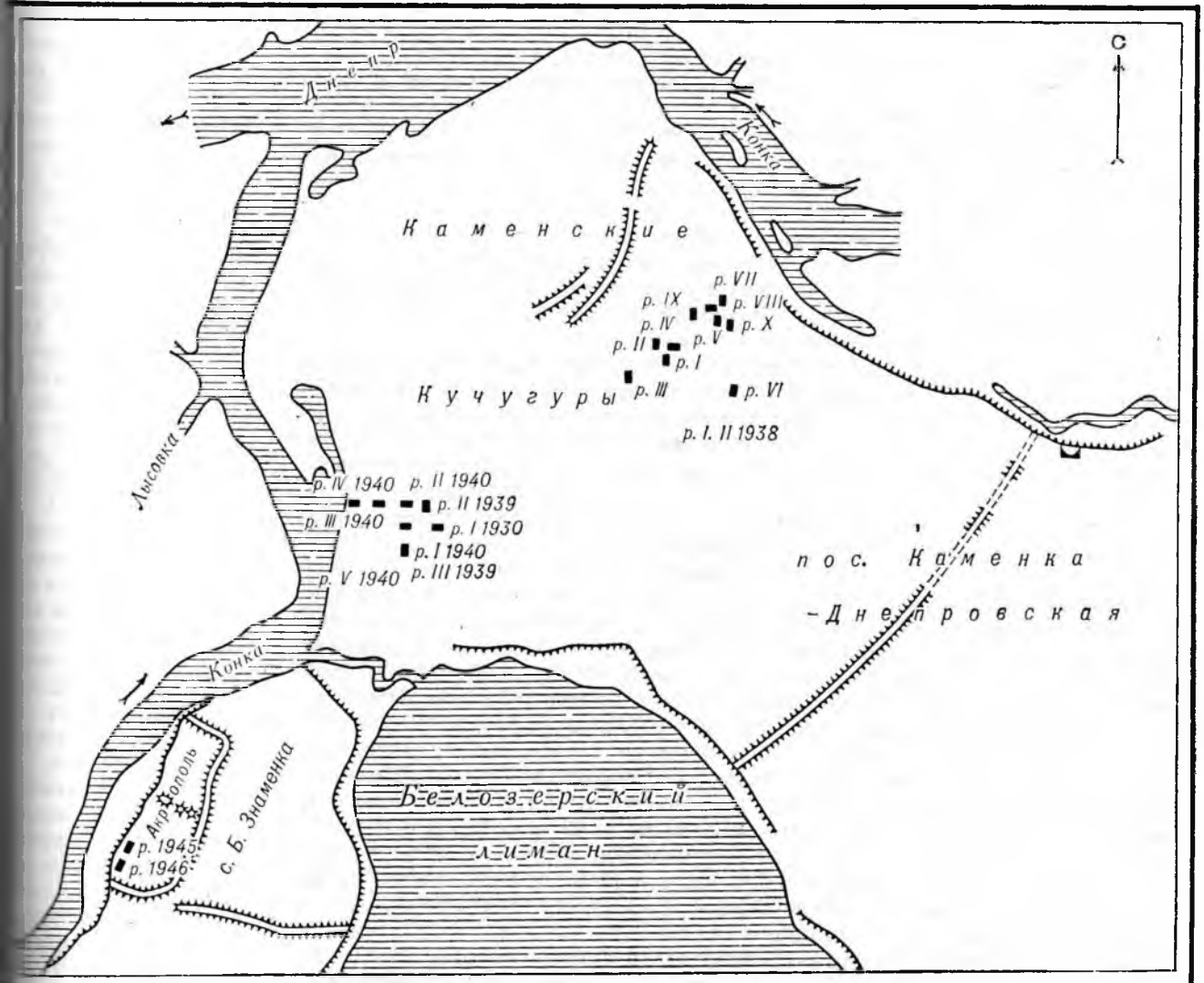

В некоторых случаях погребения рабов выносились за пределы основного погребального помещения. В кургане № 1 Старипской станице фабрики [Ильинская, 1966, с. 162—163] в яме с деревянным склепом обнаружено ограбленное погребение. Под восточной стенкой был сделан особый подбой, заложный со стороны погребальной камеры глиной, где лежал скелет молодого раба или рабыни на спине, головой на север. При нем оказался только железный браслет на правой руке.

В кургане № 6 этой же группы в юго-восточной стороне склепа за деревянной обшивкой был устроен подбой, где лежал скелет подростка, головой на северо-восток, без вещей. Аналогичное захоронение рабыни за деревянной обшивкой гробницы обнаружено в кургане № 4 у с. Гойты в Чечено-Ингушетии.

По-видимому, к этой же группе следует отнести погребение девочко-подростка из Толстой Могилы, чье захоронение совершено в особой камере, вход в которую шел из входной ямы, отдельно от погребальной камеры госпожи, ее ребенка и слуг.

План городища у с. Каменка-Днепровская.

Все вышесказанное свидетельствует о довольно значительном распространении рабства не только у знати, но и в среде простых скифов, о суровых и жестоких его формах, а также о многочисленности рабов, находившихся в домашнем услужении. Ярко вырисовывается социальная пропасть, отделявшая рабов от свободных скифов.

Каменское городище на Днепре. В IV в. до н. э. на Нижнем Днепре, в центре Степной Скифии, возникает большое, хорошо укрепленное поселение, получившее название Каменского, историческая роль которого была выяснена в результате многолетних исследований, осуществленных экспедицией Б. Н. Гракова [1954]. Мнение Б. Н. Гракова о том, что возникновение Каменского городища относится к концу V в. до н. э., вызывает большие сомнения. Обращает внимание, что в ходе многолетних раскопок здесь не было раскрыто ни одного комплекса, относящегося к V в. до н. э. В культурном слое городища отсутствует античная керамика этого периода, хотя аморфная керамика IV—III вв. до н. э. встречается в изобилии. Происходящие из городища отдельные вещи, такие, как монета Истрии конца V в. до н. э., обломок конца бронзового псаля в виде стилизованного копыта, наконечник стрелы середины V в. до н. э., найдены вне комплексов и, вероятно, являются обычными находками, которые вообще нередко встречаются на песчаных дюнах Нижнего Днепра.

Городище расположено на левом берегу Днепра, на дюнных холмах. С одной стороны оно было защищено течением Днепра и Конки, с другой — большим Белозерским лиманом, а со стороны степи обнесено валом. Общая площадь его достигала 600 га. В юго-западной части его, над р. Конкой, возвышалась сравнительно небольшая, дополнительно укрепленная часть, так называемый акрополь.

В нашей литературе порой встречаются высказывания, что Каменское городище являлось столицей Скифии, резиденцией скифских царей IV в. до н. э. Однако для такого толкования нет решительно никаких оснований. Ни в устройстве жилых сооружений, ни в составе вещевого материала нет ничего, что позволило бы характеризовать Каменское городище с подобной стороны.

Раскопки Каменского городища убедительно показали, что это было поселение ремесленников-металлургов: железоделателей, кузнецов, бронзолитейщиков. Кочевой образ жизни скифов не способствовал развитию трудоемкого ремесла кузнецов и железоделателей, поскольку для этого были необходимы постоянные установки: сыродутные горны, кузницы, значительные запасы руды и металла, разнообразные орудия труда и пр. Растущие потребности в оружии, орудиях труда, железных частях повозок и т. д. не могли удовлетворяться продукцией малых таборных кузниц и торговыми связями с греческими городами Северного Причерноморья. Возникновение собственного ремесленного центра, постоянной производственной базы кочевой Скифии, было вызвано исторической необходимостью. Образованию такого поселения способствовали и природные условия: богатство водных угодий, леса днепровской поймы, близость богатых железорудных месторождений Криворожского бассейна.

Раскопками на дюнах открыты ряд наземных жилищ, полуземлянок и хозяйственных построек со стенами из частоколом поставленных столбов и жердей. Встречаются жилища с несколькими помещениями, где находились очаги в виде ям, заполненных углем и золой. Рядом с жилищами открыты металлургические мастерские с остатками горнов, следами бронзового литья, кузницы, орудия для обработки металла, металлические изделия из железа и бронзы, заготовки, крицы, шлаки, предметы, изготовленные или испорченные в процессе производства.

Возле жилища, исследованного в 1945 г., находились остатки за-слона из столбов, за которым производились восстановление железа из руды и кузнечные работы. Тут найдены небольшие зубила, пробойники,

молот, служивший для выковывания чешуек бронзового панциря, часть бронзового псаля и пр. В 1950 г. обнаружен комплекс, состоявший из четырех жилищ с многочисленными остатками металлургического производства. Большинство жилищ на Каменском городище исследовано во время строительства Каховской ГЭС.

Исследователи отмечают универсальный характер этих мастерских, недифференцированность различных отраслей металлоделательного и металлообрабатывающего мастерства. В одной и той же мастерской производилось восстановление железа из руды, литье предметов из бронзы, ковка железных изделий, дошпильная обработка изготовленных вещей. Мастерские были неразрывно связаны с жилищем и хозяйственным комплексом ремесленников-металлургов. Очевидно, в производстве принимали участие все работоспособные члены семьи. Не исключено, что для выполнения тяжелых трудоемких работ использовался и труд рабов.

Развитие металлургического ремесла на Каменском городище свидетельствует о складывающемся товарном производстве. Железные и бронзовые вещи (наконечники стрел, копий, панцири, удила, псалии, штолки, шилья, свинцовые пряслица, некоторые виды украшений) сбывались среди кочевых скифов и встречаются в могилах степного скифского населения.

Ремесленники Каменского городища также изготавливали ювелирные украшения, что подтверждается бронзовым штампом для тиснения золотых бляшек с изображением человеческого лица [Шрамко, 1972, с. 217—220]. Очень интересен обломок ручки амфоры с вырезанным на нем овальным медальоном с изображением скифа-ремесленника, чеканящего металлический сосуд типа амфоры или гидрии [Іллінська, 1976, с. 31—35]. Это изображение, очевидно, служило штампом для перенесения его на воск или глину.

Найден он был краеведом В. Г. Скрипченко, жителем с. Каменка-на-Днепре, на участке городища, размытого рекой, и передан в Запорожский музей. В некрополях, связанных с городищем, похоронены также же войны-степняки, как и в остальных степных курганах. Погребения и жилища свидетельствуют также о том, что жители Каменского городища вели самостоятельное хозяйство и меновую торговлю как с окружающим кочевым населением, так и с греческими торговыми центрами. Греческий ввоз отражен в находках большого количества обломков амфор, из которых многие имели клейма мастерских Гераклеи, Фанаса, Синопы, Херсонеса. Фрагменты чернолаковых сосудов весьма редки. Главный торговый путь шел через Пантикапей.

Среди лепной посуды преобладают различные варианты горшков с узкой шейкой и выпуклым корпусом. Наиболее обычны орнаменты в виде пальцевых вдавлений по краю венчика и оттисков на шейке. Часто встречаются простые горшочки без орнамента. В небольшом количестве имеются кувшинообразные сосуды, на которых иногда прочерчен орнамент в виде параллельных линий. Основная масса глиняной посуды имеет те же формы и орнаментацию, что и керамика Елизаветинского городища. Более редкими формами являются невысокие мисочки, крышки. Интересна глиняная ручка, имитирующая форму ручек бронзовых котлов.

Археологический материал Каменского городища свидетельствует о развитии и обособлении железоделательного, кузнечного и бронзолитейного ремесел. Это способствовало образованию внутреннего рынка в Скифии. Однако этот процесс был еще далеко не закончен. Многие другие отрасли ремесел (гончарство, прядение, ткачество и пр.) продолжали оставаться домашними, рассчитанными на внутреннее потребление. Металлургическое ремесло кузнецов-литейщиков оставалось слабо дифференцированным и не отрывалось от домашнего хозяйства отдельных семей. Торговля, как и раньше, была меновой.

Существенное место в занятиях населения занимало земледелие, о чем свидетельствуют находки железных серпов, каменных зернотерок, фрагментов сосудов с отпечатками зерен (ячменя). Было развито и скотоводство. Среди остеологических материалов преобладают кости быка (50%) и коня (40%), меньше встречается костей мелкого рогатого скота (7%) и очень редко свиней.

Ни остатки жилых сооружений, ни вещевой материал не подтверждают существования комплексов, связанных с обитанием на Каменском городище аристократической части населения, соответствующей представлению о «столице» и «резиденции». Отсутствуют они не только на дюнах, но и на «акрополе». Эта дополнительно укрепленная, возвышенная часть городища была заселена с IV в. до н. э. Однако большое количество найденного здесь материала относится к III—II вв. до н. э. и более позднему времени. В то время как поселение на дюнах в конце III в. до н. э. прекратило свое существование, поселение на «акропольной» части продолжало функционировать до II—III вв. н. э., представляя собой тот же тип укрепленных городищ, что и позднескифские городища Нижнего Днепра.

Возникновение Каменского городища означало начало постепенного перехода скифского населения к оседлости. В конце IV—III вв. до н. э. на Белозерском лимане и притоках Нижнего Днепра (Лапинке, Лидпильной, Базавлуке) появляется ряд неукрепленных селищ, а в конце III в. до н. э. на Нижнем Днестре возникает ряд укрепленных поселений, история которых связана с поздним этапом истории Малой Скифии в пределах Крыма и Нижнего Днепра.

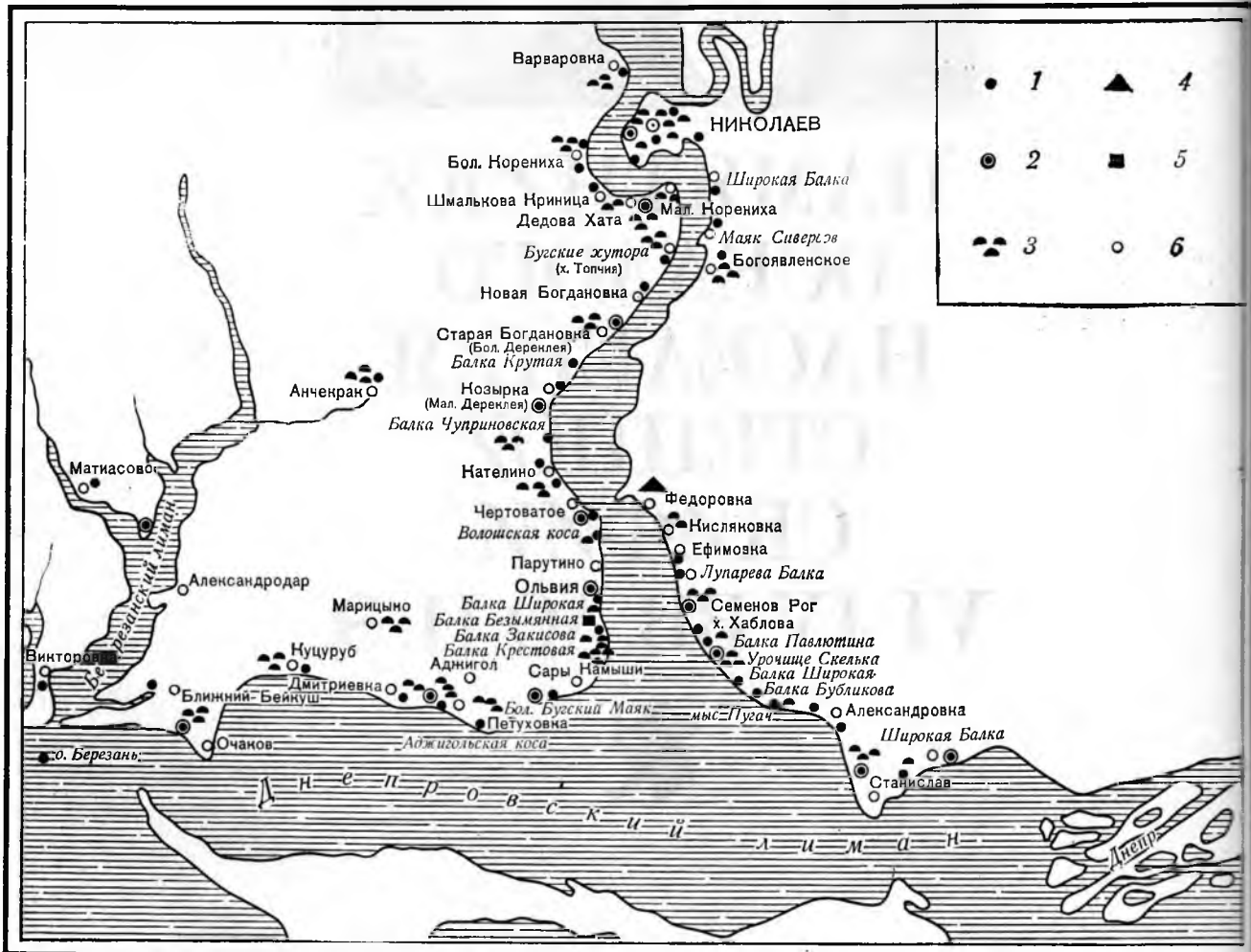

ПАМЯТНИКИ
ОСЕДЛОГО
НАСЕЛЕНИЯ
СТЕПНОЙ
СКИФИИ
VI-IV ВВ. ДО Н. Э.

Карта археологических
 памятников Бугского лимана
 (по Ф. М. Штительману)

1 — поселения; 2 — горелые
 3 — могильники; 4 — стелы
 ные находки; 5 — каменные
 сооружения; 6 — современные
 населенные пункты.

О СКИФАХ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ
НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Немаловажным является то обстоятельство, что в степной части Нижнего Поднепровья не обнаружено никаких следов пребывания оседлого земледельческого населения VI—V вв. до н. э., которое можно было бы сопоставить со скифами-земледельцами, упоминаемыми Геродотом. Это тем более очевидно, так как именно здесь в течение многих лет осуществлялись обширные раскопки и тщательные разведки, связанные со строительством Кременчугского, Днепродзержинского морей, водохранилища им. В. И. Ленина, Каховского водохранилища, а также оросительных систем, охвативших приднепровский юг Украины.

Отметим, что в археологии сложилось ошибочное мнение, по которому считалось, что на Нижнем Днепре существовали земледельческие скифские племена. В 90-х годах прошлого столетия местный любитель археологии Г. Л. Скадовский раскопал значительное количество курганов у Белозерского городища под Херсоном [Скадовский, 1980, с. 86]. Как исследователь Г. Л. Скадовский имел к науке самое косвенное отношение, а методика его раскопок и по сей день является образцом анекдотичной антинаучности. Достаточно сказать, что при раскопках скифских катакомб он окапывал материк вокруг ямы, оставляя рыхлый столб земли, заполнявшей входную яму, «на столе», для последующей разборки и изучения.

В результате раскопок Г. Л. Скадовский пришел к заключению, что одна из групп раскопанных им курганов (V), расположенная ближе к городищу, отличается от более удаленных в степь курганов (VI группы). И это настолько серьезное отличие, что позволяет считать их захоронениями скифов-земледельцев в отличие от кочевников, обитавших далее в степи. Мнение Г. Л. Скадовского ввел в науку М. И. Артамонов, полностью приведший выписку из его статьи, где пишется: «Главное отличие (VI группы) от предыдущей заключается: 1) в устройстве иных могильных сооружений; 2) в постоянном нахождении при скелетах этой группы остатков оружия, в то время как в предыдущей мы находим предметы, указывающие на оседлый образ жизни; 3) курганы с этими могилами разбросаны в открытой степи, в то время как все курганы V группы сосредоточены возле Белозерского городища; 4) в этой группе мы встречаемся чаще с остатками коней, положенных при скелете; в курганах же V группы остатки эти замечены всего раз, и то в кургане № 3, выделяющемся и другими особенностями (в этом кургане были найдены предметы вооружения)». «Все это,— заключает сопоставление V и VI групп Г. Л. Скадовский,— говорит в пользу оседлого характера V группы, несомненно населявшей Белозерское городище и занимавшейся здесь скотоводством, овцеводством и рыбным промыслом и в пользу ипнственного и кочевого хозяйства VI группы» [Скадовский, 1897, с. 104]. «С этим выводом,— пишет М. И. Артамонов,— нельзя не согласиться; особенно убедительно сопоставление инвентарей, пищевых остатков, местоположение курганов с погребениями того и другого типа. Могилы V группы оказываются принадлежностью оседлого населения Нижнего Поднепровья. Такое оседлое земледельческое население здесь было известно Геродоту под именем «борисфенитов» или «скифов-земледельцев». Область их вверх по Днепру простиралась на 10 или 11 дней плаванья. Во всяком случае область земледельцев не простиралась выше страны Герра. Протяжение ее с запада на восток Геродот исчисляет в трех днях пути, то есть в 126 км [Артамонов, 1949, № 85, с. 146—147].

Так в археологических работах появились безоружные мирные скифы-земледельцы, противостоящие вооруженным кочевым скифам. Это положение Г. Л. Скадовского и М. И. Артамонова было некритически

воспринято А. И. Мелюковой и использовано в качестве доказательства исчезновения у земледельческих скифских племен Степи IV в. до н. э. предметов вооружения [Мелюкова, 1950, с. 33; Мелюкова, 1964, с. 83]. Недавно Д. Б. Шелов вновь использовал этот аргумент как доказательство исчезновения обычая класть оружие в могилы рядовых скифов-земледельцев [Шелов, 1972, с. 77], что, несомненно, является ошибкой.

При внимательном рассмотрении погребений, отнесенных Г. Л. Скадовским в V группу, выясняется, что все они либо детские, либо женские, либо начисто разграблены и не могут быть выделены в особую этническую и хозяйственную группу населения.

Погребения в курганах у Белозерского городища действительно могли принадлежать обитателям данного поселка, но и в этом случае по обряду, устройству и инвентарю они ничем не отличаются от остальных степных скифских курганов и в любом случае не могут служить доказательством обитания здесь скифов-земледельцев времен Геродота, поскольку относятся ко времени более позднему — к IV—III вв. до н. э., то есть к той поре, когда в Степи уже возникло Каменское городище, а по берегам Днепра и его притоков появились укрепленные городки, связанные с поздним этапом существования Скифии, так называемой Малой Скифии в Крыму и на Нижнем Днепре, когда оседлость скифского населения становится достаточно повсеместной.

И по нынешний день на прибрежной полосе Днепра в районе Каховского водохранилища и ниже плотины встречаются обломки эллипстических амфор, местной керамики и другие остатки размываемых водой поселений, датируемых не ранее IV—III вв. до н. э. Но ни разу не были обнаружены поселения, относящиеся к VI—V вв. до н. э.

Д. Т. Березовец считал погребения Кутянского могильника принадлежавшими скифам-земледельцам [Березовец, 1960, с. 87]. А. И. Мелюкова, наоборот, приводит скифские памятники могильника у с. Кут в качестве примера рядовых кочевнических погребений [Мелюкова, 1964, с. 83]. Их сравнительно поздняя хронология (IV в. до н. э.) и отсутствие вблизи поселений полностью снимают возможность считать их памятниками скифов-земледельцев.

Новая попытка обнаружить скифов-земледельцев на Нижнем Днепре, в окрестностях г. Каховки на Херсонщине, была предпринята А. М. Лесковым [Лесков, 1974, с. 9; Лесков, 1977, с. 294]. Произведя большие раскопки в Приднепровской части Нижнего Поднепровья (курганы у сел Любимовка, Красный Перекоп), он установил, что для непосредственно прилегающей к Днепру территории (могильник у с. Любимовка) характерными являются погребения в неглубоких катакомбах или в простых ямах со сравнительно часто встречающейся в них скифской керамикой, а в курганах, расположенных далее в степи (Красный Перекоп и др.), наиболее обычны большие и глубокие катакомбы. На этом основании А. М. Лесков отнес погребения приднепровской группы к скифам-земледельцам, а расположенные далее в степи — к скифам-кочевникам. С этим заключением, как и с приведенными выше, согласиться нельзя.

Курганы у с. Красный Перекоп находятся к востоку от Днепра на расстоянии не более 25—30 км от днепровской поймы и от с. Любимовка. Курганы той и другой группы очень близки между собой и не могли принадлежать к различным по культурным особенностям и хозяйственно-экономическому укладу группам населения. Во-первых, потому, что такие особенности отсутствуют, а во-вторых, скифы-земледельцы, по Геродоту, занимали пространство к востоку на три дня пути, то есть не на 20—30, а минимум 120 км.

Различия в размерах, глубине и устройстве могил у сел Любимовки и Красный Перекоп обусловлены различием структуры почв между прибрежной частью и более удаленными от Днепра территориями. Вот что

разъяснил по этому вопросу знаток почв Херсонщины профессор Херсонского сельскохозяйственного института В. П. Золотун, многие годы работавший в контакте с археологическими группами на юге Украины*.

Подпочвенный слой приднепровской части, к которой относится и район с. Любимовки, составляют легкие суглинки с большой водопроницаемостью (40—50 см влаги за 1 час на 1 см²). В то же время в районе Красного Перекопа подпочву составляет плотный суглинок, переходящий в глинистую подпочву. Водопроницаемость почвы здесь 5—7 см за 1 час наблюдения на 1 см². Это означает, что в окрестностях Любимовки подпочва рыхлая, малопригодная для сооружения глубоких и обширных котлованов, в чем нам пришлось убедиться во время раскопок 1969 г.

В степной полосе Северного Причерноморья в ранний период известны только памятники кочевого скифского населения, представленные основными захоронениями в курганах, впускными погребениями в насыпях более ранних курганов, бескурганными могильниками. Следы обитания пастушеско-земледельческого населения, продолжавшего вести оседлый образ жизни, обнаруживаются только близ крупных античных центров (Ольвия, Тира), в окрестностях Боспорского царства, на Керченском полуострове и в низовьях Танаиса. Население этих частей скифского мира оказалось непосредственно связанным с античными центрами и вовлеченным в орбиту их экономических интересов.

ПРИОЛЬВИЙСКАЯ ГРУППА

Описывая скифские племена от Ольвии вверх по Гиппанису-Бугу, первыми от Ольвии Геродот называет калипидов, «потомков прекрасноконных», как переводит их имя Б. Н. Граков «являющихся эллино-скифами» [IV, 17], то есть смешанным греко-скифским населением. По сведениям Геродота, этот народ занимался земледелием, а «в прочих отпочкованиях жил одинаково со скифами». Эта драгоценная строчка древнего автора дает представление о своеобразной конкретной исторической ситуации, сложившейся вблизи крупных античных центров, какими на Днестро-Бугском лимане являлись Березань и Ольвия.

Возникновение греческого поселения на о. Березани относится к середине VII в. до н. э., возникновение Ольвии — к первой половине—середине VI в. до н. э., а уже в V в. до н. э. греческий историк фиксирует устойчивую этнокультурную категорию, особый народ, сложившийся в результате смешения двух народов — греков и скифов. То, что в V в. до н. э. этот народ занимал определенное место среди племен Скифии, свидетельствует о начале формирования в раннюю пору греческой колонизации эллино-скифской группы. Археологические факты убедительно подтверждают высказанное предположение.

Поселения. С начала VI в. до н. э. в окрестностях Ольвии возникает ряд поселений, где материалы греческой культуры (главным образом амфорная керамика) встречаются совместно с изделиями скифского типа. Принцип приблизительно таков: чем более ранним было поселение и чем ближе оно находилось к Ольвии, тем больше античного материала, чем отдаленнее и позже во времени — тем обильнее скифский материал [Штительман, 1956].

Впервые попыталась проанализировать и дать научную характеристику памятников античного периода на побережье Бугского лимана Ф. М. Штительман [Штительман, 1956]. По полноте охвата и основным научным выводам ее работа сохранила свое значение и в настоящее время. Из числа ранних памятников были изучены поселения у с. Широкая Балка [Рабичкин, 1951, с. 114 сл.] на правом берегу Бугского лимана ниже Ольвии и поселение у с. Викторовки на правом берегу Березанского лимана [Капошина, 1956, с. 239].

* Сердечно благодарим В. П. Золотуна за его ценную консультацию.

В последнее время к этим памятникам прибавились поселения у сел Малая и Большая Черноморка (бывшие названия Малый и Большой Бейкуш) на левой стороне Березанского лимана [Русяева, 1967, с. 141—145; Русяева, 1968, с. 146; Русяева, 1971, с. 180], датируемые VI — первой половиной V в. до н. э.; поселения у сел Чертоватое и Козырка второй половины — конца VI в. до н. э. [Доманский, Марченко, Рубан, 1975, с. 276]. В отношении последних поселений у нас имеются лишь предварительные сведения.

Исследователи отмечают, что количество ранних поселений значительно уступает поздним, а в ряде случаев более ранние слои оказываются уничтоженными слоями более позднего периода (Закисова Балка, Козырка, Лиманы I) и их удается обнаружить только при тщательных исследованиях.

На большинстве ранних поселений обнаружены жилища типа полуземлянок, а наряду с количественно преобладающей античной (преимущественно амфорной) керамикой — лепная посуда скифского типа. «На поселениях VI—V вв. до н. э., — пишет Ф. М. Штительман, — лепная керамика представлена в основном фрагментами горшков и мисок. Глина, из которой они приготовлены, чаще всего плохо промешана, в ней много примесей (песок, ракушки). Цвет ее иногда серый, иногда красноватый. В изломе бывает черного цвета. Выделка сосудов грубая. Поверхность у большинства сосудов шероховатая, но иногда на ней видны следы сглаживания, а некоторые сосуды подвергнуты хорошему лощению. Горшки имеют обычно округлое туловище и плоское дно. Венчик чаще всего отогнут наружу либо вертикально направлен вверх. Значительно меньшим количеством находок представлены миски с плоским дном и слегка вогнутым краем.

По своим формам горшки, а особенно миски побережья Бугского лимана весьма близки к керамике из ряда скифских поселений и могильников. Значительное количество обломков горшков изучаемой территории в VI—V вв. до н. э. украшено налепным валиком, обычно снабженным глубокими вдавлениями. Налепной валик имеет вообще весьма широкое распространение в орнаментальных мотивах скифской керамики» [Штительман, 1956, с. 261—263].

Ф. М. Штительман отмечает также, что сосуды из Широкой Балки, украшенные налепным валиком, аналогичны найденным на городищах в бассейне р. Тясмин.

Близкую характеристику местной лепной керамике, найденной в Ольвии, на Березани и поселении Викторівка I, дает С. И. Капошина [Капошина, 1956, с. 158 сл., с. 244 сл.]. Описывая керамику более поздних поселений (IV—III вв. до н. э.) по материалам Закисовой Балки, Ф. М. Штительман отмечает их полную аналогию керамике городищ Каменское и Елизаветовское на Дону [Штительман, 1956, с. 263].

На территории Березани и Ольвии начиная с древнейшего периода наряду с количественно преобладающим античным материалом встречается (в том числе и в закрытых комплексах) керамика туземного происхождения, что по мнению исследователей является доказательством присутствия здесь сравнительно небольшой, но количественно устойчивой группы туземного населения [Книпович, 1940, с. 129; Капошина, 1956, с. 154, 211; Дзис-Райко, 1959, с. 35 сл.]. О. Н. Кульская установила, что лепная керамика Ольвии изготовлена из местных глин и технология ее изготовления полностью совпадает с технологией изготовления посуды у скифских племен [Кульская, 1940].

Особый интерес в изучении этого вопроса представляет работа К. К. Марченко [1974, с. 3 сл.; Доманский, Марченко, 1975а, с. 120—121]. В качестве главного источника автор обратился к местной лепной керамике, количество которой сильно возросло за счет хорошо документированных материалов из раскопок в Ольвии, Березани и некоторых при-

ольвийских поселений. Опираясь на группы лепной керамики с учетом их хронологии и территории раскрытых объектов, К. К. Марченко пришел к ряду убедительных заключений. Им установлено, что в VI—III вв. до н. э. количество лепной керамики в керамическом комплексе Ольвии оставалось стабильным и не превышало 3—4%. В этом он видит отражение сознательной регламентации численности местного населения, проживавшего в городе. Процент лепной керамики значительно выше в жилых районах и сокращается в местах с общественными постройками.

К. К. Марченко отметил также несоответствие количества лепной керамики, найденной в Ольвии, на Березани и поселениях приольвийской округи. В Ольвии это количество оказывается наименьшим, на Березани в 3—4 раза больше (10—12%), а на поселении Широкая Балка количество лепной посуды достигало 34,8%. Кроме того, им отмечено существенное сокращение кружалной кухонной греческой посуды.

Этнокультурная атрибуция лепных сосудов из ранних слоев Березани и Ольвии позволила выделить примерно три равные по объему группы: 1) керамику, соответствующую типам посуды лесостепного населения Правобережной Лесостепи (скифов-пахарей); 2) керамику скифов степной зоны; 3) гетскую керамику карпато-дунайского и фракийского типов, из чего следует, что в число обитателей раннего периода Березани и Ольвии входили скифы-пахари Лесостепного Правобережья, собственно скифы степной полосы и представители гетского населения из фракийских племен Заднепровья. «Присутствие небольшого количества фракийцев и лесостепных скифов, — пишет К. К. Марченко, — устанавливается и на некоторых наиболее ранних поселениях березанской и ольвийской округи (Бейкушское, Широкая Балка, Каборга, Большая Черноморка II)» [Марченко, 1974, с. 16].

Анализируя состав керамики V—IV вв. до н. э., К. К. Марченко отмечает, что керамика в эту пору существенно изменилась. Исчезает посуда раннескифского правобережного и гетского типов. Господствующей становится степная скифская посуда, форма и приемы наружной отделки которой в наибольшей степени соответствуют керамике Каменского городища. По его мнению, это явилось следствием усиления политической власти скифов и оттеснения ими из области экономических и культурных контактов аборигенного населения (фракийцев, скифов-пахарей). В последующий период вновь наблюдается увеличение гето-дакийской керамики, что объясняется возрастанием связей античных центров Побужья с гето-дакийскими племенами Заднепровья и Подунавья. Выводы автора удачно объясняют специфику состава лепной керамики Побужья по сравнению с другими земледельческими оазисами степной зоны, хорошо согласуются с данными об экономико-культурных связях и исторической обстановке на различных этапах взаимоотношения Ольвии с местными племенами. Исследование К. К. Марченко убедительно рисует картину того, как в силу определенной экономической заинтересованности и благодаря установлению непосредственных торговых отношений с населением античных центров Побужья часть местного населения перешла к оседлому образу жизни и занятиям земледелием, благодаря чему здесь быстро возникает сельскохозяйственная округа. Мы полностью поддерживаем мнение тех авторов, которые следом за В. В. Латышевым видят в густой сети приольвийских поселений, расположенных как в непосредственной близости от Ольвии, так и на некотором отдалении, памятники вновь возникшего населения эллино-скифов, потомков эллинов и «прекрасноконных» [Латышев, 1887, с. 18 сл.; Штителман, 1956, с. 271; Траков, 1947а, с. 82; Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 178].

Было ли это население политически подчинено Ольвии, управлялось ли оно из ольвийского центра в качестве подвластной территории — сказать трудно; прямых свидетельств в пользу такого предположения нет. Важное свидетельство о характере взаимоотношений Ольвии и окру-

жающего ее эллино-скифского населения содержится в декрете в честь Протогена, где отмечается, что в изменившейся ситуации (III в. до н. э.) миксаллины, бывшие традиционно дружественными по отношению к Ольвии, стали переходить на сторону ее врагов. Это указывает, что каллиподское население никогда не было подчинено Ольвии военно-политически, но по общности происхождения, культурно-хозяйственной близости оно в течение долгого времени было дружественно связано с Ольвией, составляя как бы промежуточное звено между греческим и кочевым миром.

Курганы. Данные о погребениях VI в. до н. э. в курганах приольвийского Побужья приведены в работе С. И. Капошиной [Капошина, 1956, с. 240]. К их числу относится курган у с. Анновка в верховьях ныне высохшей р. Березанки. В погребении найдено бронзовое зеркало с фигурной ручкой в виде обнаженной Афродиты, относимой исследователями ко второй половине VI в. до н. э., а также могильник в верховьях Тилигула, погребения у Червоного Маяка в с. Рыбацком. Ко второй половине VI в. до н. э. С. И. Капошина относит погребение № 371 на о. Березани. Здесь, в деревянном полусожженном срубе, в грунтовой могиле были найдены железный меч и золотые украшения: серьги, бусы, пластинки, нашивные бляшки, исполненные в особой манере, отличающейся от художественного стиля вещей V и IV вв. до н. э. [Капошина, 1956, с. 230, 235].

Наибольшее количество курганов раскопано М. Эбертом у сел Аджигол и Петуховка [Ebert, 1913].

Курганы у Аджигола расположены на правом берегу Днепро-Бугского лимана. Из исследованных здесь 13 курганов 7 относятся ко времени конца VI и V вв. до н. э. (1—J, 1—U, 1—J, 1—F, 1—00, 1—R). Кроме того, М. Эберт раскопал 59 курганов у с. Петуховки и 16 у «городка Николаевка», относящихся в большинстве своем к более позднему времени — IV—III вв. до н. э. и позднее.

Все курганы у Аджигола отличались небольшими размерами (от 0,75 м до еле заметных). Большинство было разграблено. По наблюдениям И. В. Яценко, каждый ранний курган содержал по одному основному захоронению в яме с деревянным перекрытием, а иногда и с деревянным полом. Существовало мнение, что этим они особенно близки курганам лесостепной полосы. В последнее время установлено, что захоронения в ямах с деревянными перекрытиями были обычны и для Степной Скифии VI—V вв. до н. э.

Погребенные лежали вытянуто, головой на восток, что характерно для погребений аджигольской группы.

Наиболее ранним является женское захоронение в кургане 1—J. Части разрушенного женского скелета лежали на деревянном помосте. Под спиной находился овальный камень 31×19 см, напоминающий по форме скифские каменные блюда для растирания косметических средств и, очевидно, служивший для этой же цели. Кроме того, в могиле найдены бронзовое зеркало с боковой ручкой, украшенное гравированной розеткой на округлом конце и изображением женской фигуры на вытянутой части; лепная миска; большой железный нож; фрагмент чернофигурного сосуда конца VI — начала V в. до н. э.; следы красной краски.

В мужском погребении кургана 1—U оказались две половинки каменной литейной формы для отливки бронзовой бляшки в виде головки льва, половина второй литейной формы для отливки каких-то цилиндрических столбиков, фрагмент железного орудия, напоминающего серп, и несколько наконечников стрел.

Наиболее интересным оказалось мужское погребение в гробнице с деревянным полом в кургане 1—L, почти неразрушенном. Скелет лежал вытянуто на восток, череп отсутствовал. У пояса погребенного находилась рукоятка длинного железного меча с волютообразным навершием.

Слева — колчан (или горит) из дерева и кожи, застегивавшийся костяной палочкой-застежкой, обернутой бронзовой проволокой. В колчане оказалось 377 наконечников стрел. Вдоль левого бока лежал панцирь в двух кусках (возможно, панцирь и щит); вдоль южной стенки были положены два наконечника копий остриями на запад, к ногам. У кисти правой руки находились два бронзовых жертвенных ножа с гравировкой на рукоятках. Кроме того, в могиле обнаружены две амфоры, чернолаковый килик, бронзовый черпак и ситечко-цедилка с утиной головкой на конце и гравированным античным орнаментом на ручке. Погребение твердо датируется началом V в. до н. э.

К раннему V в. до н. э. относится также могила в кургане 1—F, где найдены меч, подобный мечу из кургана 1—L, амфора, килик, бронзовый черпак, алабастр, две бронзовые булавки, три ворварки, нож. Скорее всего, погребение было парным.

В женской могиле кургана 1—R оказались два лекифа конца V в. до н. э., бронзовое зеркало, античный чернолаковый сосуд типа «солонки», сероглиняная миска и маленький горшочек.

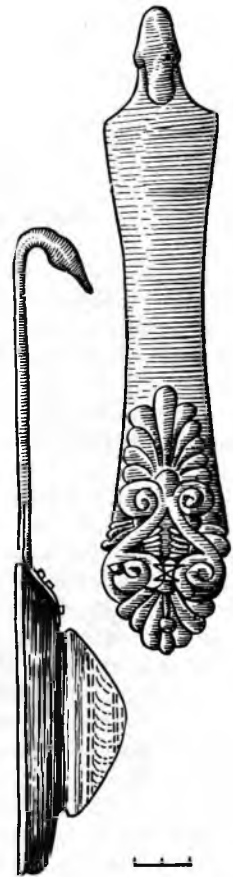
Курганы 1—G и 1—F датируются V в. до н. э. по находкам античной посуды.

И. В. Яценко отмечает, что своеобразной чертой аджигольских погребений является наличие большого количества античного импорта и отдельных орудий труда, связанных с хозяйственной деятельностью представителей греко-скифского населения, живущего близ Ольвии [Яценко, 1959, с. 81 сл.].

В более поздних погребениях могильников Петуховки и Николаевки наблюдается увеличение количества захоронений в катакомбах по скифскому обряду и греческих изделий, особенно керамики, в составе погребального инвентаря.

Ремесленные изделия скифского типа. В последнее время в науке установилось прочное мнение, что поселение на о. Березань являлось эмпорием, через который в Скифию проникали древнейшие товары из греческой метрополии. И позднее Березань сохраняла свою роль торговоремесленного центра, хотя со времени возникновения Ольвии главная роль во взаимоотношении греков с местным населением переходит к ней. Помимо товаров транзитной торговли (вино, масло в амфорной таре, бронзовые сосуды, зеркала, керамическая посуда, в том числе художественно расписанная, ткани и пр.) греческие мастера весьма рано, не позднее середины VI в. до н. э., начинают развивать различные ремесла и изготавливать предметы, рассчитанные на сбыт в среде местного населения. В оформлении их мастера обращаются к образам скифского звериного стиля, умело сочетая его с греческими орнаментальными элементами. Именно сочетание этих двух разных художественных начал послужило основой изменения и преобразования скифского звериного стиля, исчезновения архаических форм и мотивов и возникновения своеобразного скифо-греческого этапа в V в. до н. э. Особенно велико было влияние греческого ремесла в области бронзо-литейного и ювелирного искусства.

Одну из хорошо выявленных и многочисленных серий вещей ольвийского производства представляют бронзовые зеркала, среди которых исследователи выделяют зеркала с античной орнаментацией на ручке, гладкие и украшенные зооморфными мотивами. К их числу относятся зеркала, обведенные по краю диска мотивом бегущей волны и изображением головы Медузы на круглом окончании ручки. Одно из таких зеркал с двумя розетками в основании диска, цветком лотоса на плоскости ручки и маской Горгоны на конце найдено в Ольвии [Фармаковский, 1914, табл. XI]; близкое ему зеркало происходит из кургана № 3 уроч. Стайкин Верх у с. Аксютинцы [Ильинская, 1968, табл. VIII, 9]. Из ольвийского некрополя и кургана № 4 у с. Волковцы происходят одинаковые

Вещи из погребения в кургане 1 у Аджигола.

зеркала с изображением фигуры нагой Афродиты с поднятыми руками на плоскости ручки и сфинкса на закругленном кошке [Фармаковский, 1914, табл. X, 3; ДП III, табл. XIV, 1351, б]. Ряд зеркал в месте соединения ручки с диском украшены изображением ионийской капители; среди них зеркала из кургана № 404 у с. Журовка, № 6 у с. Басовка, из кургана у с. Гавриловка [Петренко, 1967, табл. 24, 10; Ильинская, 1968, табл. XXX, 5; Ильинская, 1971а, с. 80]. В пользу ольвийского производства последних свидетельствует бронзовая накладка в виде ионийской капители, подобная басовской, найденная в Ольвии [Фармаковский, 1914, табл. X, 7].

Нижний конец зеркала из кургана № 6 у с. Басовка украшен волютообразными, обращенными друг к другу головками орлов, выполненными в стилизованной скифо-греческой манере [Ильинская, 1965, с. 103; 1971а, с. 78]. Ручка зеркала из Гавриловки украшена вертикальным рядом «пантер» с опущенными лапами, что также является греческой переработкой раннескифского зооморфного мотива.

Наибольшую серию составляют бронзовые зеркала с бортиком, гладкой или каннелированной ручкой, украшенной изображением оленя, пантеры или головки барана [Скуднева, 1962]. Изображение пантеры располагается обычно на конце ручки и используется в качестве петельки. Изображение оленя помещено чаще всего у места соединения ручки с диском. Бараньи головки обычно украшают конец ручки. Восходя к первоначальным раннескифским мотивам, эти изображения подверглись радикальной переработке, приобрели утилитарное и орнаментальное значение. Многие зеркала подобного рода найдены в архаическом некрополе Ольвии, что подтверждает их ольвийское происхождение. Широкий ареал распространения подобных зеркал и в туземном мире: на территории Скифии, Кавказе и Закавказье, по торговому пути из Ольвии в Поволжье и Приуралье, а также в Карпато-Дунайском районе [Скуднева, 1962; Капошина, 1956, с. 179; Бондарь, 1955, с. 58 сл.].

Мы не видим оснований для пересмотра мнения об ольвийском происхождении основной массы подобных зеркал и считаем, что Б. Н. Граков прав, отметив отсутствие в некрополях других античных городов подобных зеркал [Граков, 1947б, с. 29]. В то же время нельзя исключать и того, что зеркала по ольвийским образцам могли производиться и в местных бронзолитейных мастерских, в частности в Трансильвании.

К числу ольвийских изделий относятся также бронзовые литые крестовидные бляхи. Одна из них с фигуркой свернувшегося зверя в центре и тремя выступами в виде орлиных головок (выполненная в той же манере, что и зеркало из кургана № 6 у с. Басовка) [Фармаковский, 1914, табл. XII, 1; Ильинская, 1965, с. 103, рис. 14] была найдена в ольвийском могильнике. Бляхи с округлыми выступами происходят из кургана № 2 у с. Волковцы [ДП II, 1899, табл. XVI, 316]. Две аналогичные бляхи найдены в курганах у с. Опишлянка на Ворскле и у с. Гусарка под Запорожьем [Мурзин, 1977, с. 54]. «Ольвийским» признаком этих блях служат изображения фигурок пантер с опущенными лапами, расположенными вертикальным столбцом на прямоугольном выступе блях, и изображения фигурок свернувшихся хищников, выполненных в той же манере, что и в центральной части бляхи из Ольвии. Отметим, что мотивы свернувшихся большеголовых животных встречаются в Скифии в виде отдельных блях, например в кургане № 482 у с. Басовка на Суле [Ильинская, 1971 а, с. 80, рис. 8, 4].

Среди предметов, изготовлявшихся бронзолитейщиками Ольвии, известны литейные формы для отливки блях в виде орлиных головок, подобные найденным в кургане у с. Ковалевки близ Николаева и в курганах Посульской группы [Капошина, 1956, с. 185 рис. 53; Ковпаненко, 1972, с. 62; Ильинская, 1968, с. 39, табл. XXVIII, 10]. Такие же или подобные каменные матрицы использовались для изготовления блях пу-

тем тиснения по золоту. В каллипидском погребении кургана 4—U близ Аджигола найдена литейная форма для отливки бляхи в виде львиной головки. Этот тип блях широко известен в скифских захоронениях раннего V в. до н. э. Существенно отметить, что подобная бляха найдена на поселении у Широкой Балки.

К числу изделий ольвийского производства относятся также ажурные бляхи в виде стилизованной головки грифона, аналогии которым известны из курганов у с. Журовка и близ г. Симферополя [Капошина, 1956, с. 186, рис. 24]. Из Ольвии происходит редкий тип бронзовой бляхи в виде стилизованной фигурки лося с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, аналогия которой известна в кургане у с. Плавинищи на Суле [Леви, 1957, с. 336, рис. 1; Ильинская, 1968, с. 56, табл. XLIX, 2]. К числу ольвийских находок принадлежит бронзовая бляха с четырьмя конскими головками, образующими фигуру солнечного колеса, — тип, широко представленный в украшениях конской узды [Капошина, 1956, с. 186, рис. 25; Ильинская, 1968, с. 47, табл. XXXV, 9] и особенно в конских степных захоронениях IV в. до н. э.

Из ювелирных изделий к предметам ольвийского художественного ремесла несомненно относятся большие золотые височные подвески или керьги в виде выпуклых круглых щитов с крючком для подвешивания. Крючки заканчиваются изображениями головки барана, сами щитки украшены в центре изображением львиной головки, а по краю — бордюром из плетенки и треугольниками из зерни. В Ольвии найдено пять пар подобных украшений, а в Скифии — одна пара в кургане у с. Емчиха на Каневщине [Фармаковский, 1914, табл. IX; Онайко, 1966, табл. XXII, 2]. В Ольвии обнаружены литейные формы для изготовления блях с изображением человеческого лица, амфоровидных подвесок, круглых блях, украшающих ожерелья лунниц [Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 170], подобные найденным в кургане № 4 у с. Волковцы и г. Кагарлыц [Ильинская, 1968, табл. XLI; Онайко, 1966, табл. XXI, 4].

Имеются все основания согласиться с мнением авторов, считающих, что в ольвийской мастерской изготовлена золотая отделка меча, происходящего из кургана у хут. Шумейко. В его украшении прослеживаются знакомые по ольвийским изделиям мотивы в виде вертикального ряда щитков кошачьей породы с опущенными лапами и в виде треугольничков из зерни. По аналогии с шумейковским мечом к этой же группе, вероятно, следует отнести мечи из Томаковского и Золотого курганов близ Симферополя [Капошина, 1956, с. 180].

В настоящее время представление о значении античного (днепровско-бугского) импорта для скифов значительно пополнилось в связи с открытием в 1973 г. поселения на берегу Ягорлыцкого залива. Это было поселение греков-ремесленников, занимавшихся изготовлением различных предметов обихода, предназначенных для сбыта в скифской среде. Здесь обнаружены остатки железоплавильных горнов, железные шлаки и обломки железных изделий, а также следы бронзолитейного производства, мастера которого специализировались на отливке скифских наконечников стрел и различных мелких украшений: браслетов, перстеньков, гвоздевидных булавок, находивших особый спрос в среде скифов-пахарей в правобережной части Среднего Поднепровья. На Ягорлыцком поселении отливались также предметы из свинца, в частности свинцовые пряслица, хорошо известные по многочисленным находкам в скифских курганах. Особенно интересны остатки стеклодельного производства, мастера которого специализировались на изготовлении бус, пасты и стекла. Время существования Ягорлыцкого поселения охватывает период VI—V вв. до н. э. [Островерхов, 1974, с. 32; Островерхов, 1975а; Островерхов, 1978, с. 41].

Таким образом, наличие тесных торгово-ремесленных связей эллинистического населения Ольвии и Березани с населением Скифии начиная с

Бронзовые крестовидные бляхи «ольвийского» типа: 1 — Ольвия; 2 — курган у с. Опишнянка на Борскле (плакирована золотом).

VI в. до н. э. представляется совершенно очевидным. Эти связи сыграли немаловажную роль в развитии хозяйственной и культурной жизни местного населения. В них приняли участие не только основные античные центры, но и смешанное эллино-скифское, каллипидское население приольвийской округи.

НИЖНЕДНЕСТРОВСКАЯ ГРУППА

Аналогичные явления с чертами местного своеобразия наблюдаются в нижнем Степном Поднестровье и побережье Днестровского лимана, где жизнь местного населения оказалась тесно связанной с античными колониями Тирой и Никоном, колонией Истрии, отождествляемой с современным Роксаланским городищем на левом берегу Днестровского лимана, почти против Тиры (нынешний Белгород-Днестровский). Другие античные поселения, упоминаемые древними авторами в низовьях Тираса (Офиус, башня Неоптолема, Гермонактова деревня), археологически пока не определены. Изучению вопросов скифо-гетских отношений, уточнению границы между этими народами и определению этнической принадлежности населения, оставившего археологические памятники Нижнего Днестра (включая Днестровский лиман), посвящен ряд работ А. И. Мелюковой [1962, с. 114; 1963, с. 70; 1965, с. 32; 1969, с. 61; 1971, с. 39 сл.; 1975].

Исследовательница отмечает, что Нижнее Поднестровье было районом непосредственного тесного взаимодействия скифских и гето-фракийских племен, причем в IV—III вв. до н. э. граница между ними проходила по Днестру. На левом берегу обитали скифские племена, на правом, между Днестром и Прутом, основное население составляли гето-фракийцы, оседлые земледельцы и скотоводы. Отдельные памятники свидетельствуют о проникновении в IV в. до н. э. какой-то части кочевого скифского населения в Пруто-Днестровское междуречье, а со второй половины IV вв. до н. э. наблюдается проникновение гетов на левый берег Днестра. Эти события, скорее всего, связаны с победами и поражениями скифов под началом царя Атея [Мелюкова, 1971, с. 39].

По обоим берегам Днестровского лимана расположен ряд небольших укрепленных поселков, курганных и бескурганных могильников. Появляются они здесь в VI—V вв. до н. э., хотя наибольшее количество принадлежит к IV—III вв. до н. э. К числу наиболее ранних относятся поселение у с. Надлиманское на левом берегу лимана (VI—V вв. до н. э.) и поселение у с. Пивденное на правом берегу, датированное этим же временем. Оба поселения исследованы А. И. Мелюковой. Из числа более поздних памятников (IV—III вв. до н. э.) исследованы Надлиманское городище и поселение и могильник у с. Николаевка [Мелюкова, 1969, с. 71; 1971, с. 44—45; 1975; Сальников, 1961, с. 51; 1966, с. 176; Сивицин, 1960, с. 201; Дзис-Райко, 1961, с. 37; 1966, с. 163].

Анализируя состав материальной культуры левобережных и правобережных поселений, А. И. Мелюкова отмечает существенные различия между ними. На Надлиманском поселении на левом берегу не менее 80% фрагментов лепной посуды принадлежит скифской керамике, аналогичной керамике Каменского городища; 20% посуды гетских форм, среди которых имеются фрагменты лощенных мисок и горшков с ручками-упорами. Приблизительно такое же соотношение керамики скифских и гето-фракийских форм дает и более позднее городище у с. Надлиманское. Преобладание скифской керамики над фракийской наблюдается и в ряде пунктов на левом берегу Днестра и Днестровского лимана: у сел Слободзея, Градницы, в составе лепной посуды античного городища у с. Роксоланы.

Совершенно иная картина наблюдается на поселении у с. Пивденное на правом берегу лимана. Процентное соотношение лепной посуды здесь

обратное: 80% составляет керамика фракийского типа и сравнительно небольшая группа обломков сосудов скифского облика — простые горшки без орнамента или с орнаментом в виде пальцевых зацепов по венчику или отпечатков по шейке [Мелюкова, 1975, с. 45 сл]. Подобные различия в составе керамики позволили А. И. Мелюковой прийти к выводу, что на левом и правом берегах лимана обитало население местного происхождения, принадлежавшее к различным этническим группам. На правом берегу жили гето-фракийцы, на левом — скифы, перешедшие к земледельческому образу жизни по тем же причинам, что и каллипиды Днепро-Бугского лимана. Характерной чертой обеих групп населения Нижнего Поднестровья являются тесные контакты, отразившиеся во взаимопроникновении материальной культуры.

Вывод о скифской принадлежности земледельческого населения Левобережья подтверждается раскопками двух могильников у с. Николаевка (IV в. до н. э.), связанных с расположенными вблизи поселениями. Погребения совершены под невысокими курганными насыпями — вымостками, чаще всего в простых грунтовых ямах без внешних признаков. Могильные сооружения в курганах обнесены кромлехами с остатками тризны и жертвоприношений. Основными типами могильных сооружений являются ямы и подбойные могилы, в устройства которых широко применялся камень (обкладка степ, перекрытия, заслоны подбоев). Господствовал обряд вытянутых труположений, головой на восток, иногда с небольшими отклонениями к северу или югу. Лишь три погребения имели западную ориентацию. Инвентарь захоронений типичен для скифского рядового населения. В могилы всегда ставили напутственную пищу в виде вырезки части туши коровы или овцы с воткнутым в нее ножом. Обычны амфоры с вином (нередко с черпаком), античные канфары, киллики, блюда. Встречается сероглиняная посуда. Мужские погребения (даже у этого заведомо земледельческого населения) всегда сопровождаются оружием. Чаще всего встречаются колчаны со стрелами, обычны также копыя и мечи. Украшения в мужских погребениях сравнительно редки.

В женских захоронениях встречаются пряслица, пастовые бусы, бронзовые зеркала, отдельные украшения из бронзы и серебра. Особым богатством погребения Николаевского могильника не отличаются. В лучшем случае можно говорить о некоторой зажиточности отдельных погребенных здесь лиц; зато отчетливо представлена группа погребений, характеризующихся отсутствием или крайне ограниченным количеством сопровождавшего инвентаря.

А. И. Мелюкова отмечает отсутствие в погребальном обряде фракийского влияния. Наиболее близки Николаевскому могильнику курганы Тираспольщины, могильник у с. Фронтовое на Керченском п-ове и Михайловский могильник в Степном Поднепровье.

В погребальных памятниках и на поселениях встречено большое количество греческой посуды. Наибольшую группу составляют обломки амфор. Сравнительно небольшое количество составляет чернолаковая и простая гончарная посуда. Обычны глиняные лепные светильники, подражающие античным.

Античные элементы в культуре местного населения являются следствием тесных торговых связей с греческими городами Нижнего Поднестровья. Основным продуктом обмена со стороны местных племен, очевидно, служило зерно, на которое в античных городах всегда был большой спрос. Это обстоятельство и обусловило появление, а затем бурное развитие небольших поселений местного населения, перешедшего к земледельческому образу жизни и находившегося в тесных культурно-экономических связях с греческими центрами Нижнего Поднестровья, кочевым скифским миром, а также гето-фракийским населением к западу от Днестра.

Отвечая на вопрос, к какой группе племенных подразделений принадлежало земледельческое население левобережной части Днестровского лимана, А. И. Мелюкова полагает, что это могла быть западная ветвь каллипидов либо асиаки — народ, живший между реками Асиак (отождествляемый с одной из небольших рек, впадающих в Тилигульский лиман) и Тирас [Мела, кн. II, § 7. — ВДИ, 1949, № 1, с. 280]. Последнее предположение представляется автору более вероятным, поскольку каллипиды в Нижнем Побужье и на Буго-Днепровском лимане явно тяготеют к Березани и Ольвии, тогда как население Нижнего Поднестровья связано с Тирой, Никонием и другими античными центрами этой территории. «Археологические памятники левобережья Днестровского лимана, — пишет А. И. Мелюкова, — по общему облику безусловно близки к памятникам каллипидов в Побужье. Они отличаются лишь присутствием элементов фракийской материальной культуры, которая не прослеживается в Побужье. Однако эта особенность объясняется соседством оставившего их населения с гето-фракийским миром» [Мелюкова, 1971, с. 54].

Рассмотрение археологического материала позволило автору прийти к выводу, что основной границей размежевания скифских и гето-фракийских племен служил Тирас — Днестр, хотя в период наибольшего расцвета и могущества Скифии (VI—IV вв. до н. э.) заселенная гетами земля между Днестром и Дунаем, включая ряд левобережных притоков Дуная, упомянутых Геродотом, входила в пределы скифского политического объединения [Мелюкова, 1969, с. 79 сл.; Ілліньська, Тереножкін, 1957, с. 125—134; Ілліньська, Тереножкін, 1971, с. 33].

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОГО КРЫМА И БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Еще более сложная картина прослеживается на территории Восточного Крыма, на Керченском п-ове, где местные племена оказались в тесном экономическом, культурном и политическом контакте с крупнейшим в Причерноморье объединением античных городов по обоим берегам Боспора Киммерийского — Боспорским царством.

Первые следы греческого поселения (эмпория) на месте Пантикапея, основанного милетянами, относятся к концу VII — началу VI в. до н. э. Возникновение полиса датируется первой половиной — серединой VI в. до н. э. Во второй половине VI в. до н. э. на побережье Керченского п-ова возникли города: Феодосия, Тиритака, Мирмекий, Нимфей, Акра, Китей, Киммерик, Парфений, Порфмий. Одновременно с ними на восточной (азиатской) стороне, по побережью Таманского полуострова, возникли Фанагория, Гермонасса, Коркондама, Кепы, Патрей, Ахилий, Киммерик. Известно, что уже с 480 г. до н. э. большинство городов Боспора были объединены в единое государство под властью династии Архенактидов с центром в Пантикапее. С 437 г. до н. э. власть перешла к династии Спартокидов. В первой половине IV в. до н. э. при Левкопе I (389—348 гг.) к Боспору были присоединены Феодосия и территории Керченского п-ова к востоку от нее. На азиатской стороне Спартокидам удалось распространить свое влияние на значительную часть меотских племен, в первую очередь на синдов, а также торетов, дендариев, песесов. При преимнике Левкона, Перисаде I, сюда вошли племена фатеев, досхов и «всех меотов». Таким образом, меотские племена, по крайней мере некоторая часть их (в первую очередь синды), оказались прочно и надолго связанными с историей и культурой Боспора.

Весьма сложным является состав местного населения Керченского полуострова. В доскифское время здесь обитали киммерийцы, что ярко отразилось в топонимике местности. Страбон отмечает, что «киммерийцы некогда обладали большим могуществом на Боспоре, в силу чего он по-

лучил название Боспора Киммерийского» [Страбон, XI, 2,5]. Археологические данные подтверждают это сообщение. Здесь обнаружены и исследованы поселения сабатинового и белозерского этапов поздней срубной культуры, связываемые большинством ученых с историческими киммерийцами. Где-то со второй половины VII в. до н. э. этой территорией завладели скифы. Геродот прямо указывает, что скифы живут на побережье восточного моря (к востоку от южной оконечности Крымского п-ова), на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера до р. Танаис, которая впадает в отдаленный угол этого озера [IV, 100].

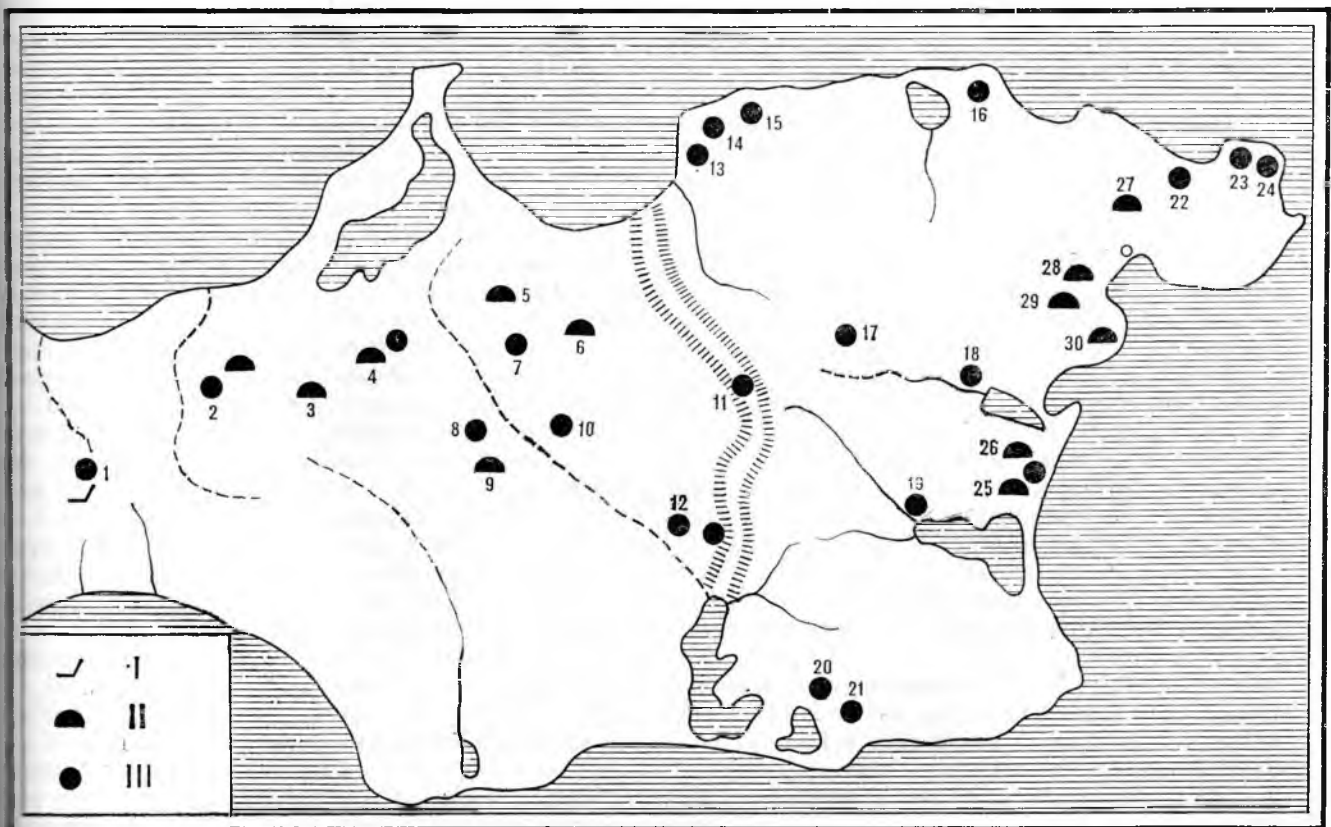
Очевидно, не все киммерийское население было изгнано и истреблено, а часть его подчинена скифам и ассимилирована ими. Намек на это содержится в рассказе Геродота о молодом поколении, произошедшем от скифских женщин и покоренных скифами «рабов» [IV, 31].

В состав местного населения Керченского п-ова проникла с юго-востока какая-то часть тавров, что подтверждается находками на поселениях таврской керамики и наличием таврских погребений в прибрежных районах Восточного Крыма [Лесков, 1961, с. 259]. В связи с этим особый интерес представляет каменное надгробие Пантикапейского некрополя V в. до н. э., поставленное над погребением Тихона-тавра [Блаватский, 1964, с. 50—51].

Выше мы уже говорили, что в тылу у синдо-меотов, в Степном Предкавказье и на Кубани, в VII—V вв. до н. э. обитали скифские племена, частично оказавшиеся здесь в связи с переднеазиатскими походами и переселившиеся затем в Северное Причерноморье, частично растворившиеся в среде северокавказского и синдо-меотского населения. Отношения между скифами и синдо-меотами не всегда были дружественными, о чем свидетельствует рассказ Геродота о скифских походах в землю синдов

Карта памятников скифского времени Восточного Крыма (по Э. В. Яковенко):

1 — Фронтное; 2 — Бранное поле; 3 — Ильичево; 4 — Ленино; 5 — Астанино; 6 — Зеленый Яр; 7 — Слюсаревое; 8 — Ленинское; 9 — Кирово; 10 — Сазоновка; 11 — Новониколаевка; 12 — Марфовка; 13, 14 — Золотое; 15 — Куль-Тепе; 16 — Мысовое; 17 — Тасуново; 18 — Чурубаш; 19 — Огоньки; 20, 21 — Марьевка; 22 — Юрганов Кут; 23, 24 — Астанино; 25 — Нимфей (Героевка); 26 — Три Брата; 27 — Темир-Гора; 28 — Куль-Оба; 29 — Патиноти, Кекуватский; 30 — Ак-Бурун. I — грунтовые могильники; II — курганные могильники; III — поселения.

зимой по льду замерзшего Боспора, а также Ксенофонта о господстве скифов над меотами. В то же время очевидно, что такого рода военные столкновения носили частный характер и не изменяли основного соотношения сил и границ племенных владений.

Важнейшим фактором, цементирующим конгломерат племен в единое целое, была экономическая политика Боспора — крупнейшего экспортера скифского хлеба в Грецию, что объединяло интересы греческой и местной знати. Не менее важное значение получила и деятельность ремесленников Боспора, завоевавших рынок путем сбыта разного рода ювелирных, бронзолитейных, гончарных изделий местного производства и импорта из греческих (главным образом аттических) центров. Боспор стал одним из основных каналов, через который в скифскую и синдо-меотскую среду проникало греческое влияние, охватившее различные стороны экономической, социальной и культурной жизни местного общества. Не ставя своей целью осветить значение Боспора в истории и культуре Скифии и синдо-меотских племен (чему посвящен широкий круг специальной литературы), остановимся лишь на важнейших археологических фактах, характеризующих жизнь и деятельность различных слоев местного населения в рассматриваемое время.

Поселения. Из числа памятников раннескифского периода особый интерес представляет поселение на месте Нимфея (современная Героевка), существовавшее во времена, предшествовавшие возникновению античного города. Здесь под культурным слоем раннего Нимфея середины — второй половины VI в. до н. э. расчищено 17 ям с культурными остатками местного поселения начала VI в. до н. э. Помимо кухонных остатков и отдельных находок здесь обнаружено большое количество лепной керамики, относящейся к четко определенному архаическому времени [Скуднова, 1954, с. 306 сл.; Худяк, 1952, с. 245]. До сих пор это единственный случай, давший возможность составить представление о характере керамического комплекса раннескифского времени на очерченной территории [Скуднова, 1954, с. 313; Іллінська, 1966, с. 71; Лесков, 1961, с. 259].

Лепная керамика из ям Нимфея отчетливо делится на две группы — чернолощеную с геометрическим орнаментом, заполненным белой пастой, и простую кухонную. Рассмотрение керамики первой группы позволило сделать вывод, что она тождественна таврской лощенной керамике VI в. до н. э. и аналогична посуде подобного рода, найденной на Березани и в Ольвии. Среди простой кухонной посуды наиболее выразительную группу составляют обломки простых горшков скифского типа с суженным горлом, отогнутым венчиком, украшенным пальцево-ногтевым орнаментом по краю или отпечатками в виде ямочек на шейке. Наряду с горшками встречаются глубокие миски, сосуды с носиком для слива, фрагмент, имитирующий форму ручки скифского бронзового котла [Кругликова, 1959, с. 108; 1954, с. 78; 1963, с. 68; Кастанаян, 1952, с. 249; 1967]. За последние годы проведены большие работы по изучению сельских поселений Боспора, ближайшей городской хоры и территории Боспорского царства, в целом принадлежавшей греческому населению [Кругликова, 1957, с. 221; 1963, с. 68 сл.]. Кроме того, на степных пространствах Керченского полуострова обнаружены поселения местного населения. Исследование этих памятников наиболее полно отражено в работе Э. В. Яковенко [1974]. Археологические исследования поселений у сел Ленинское [Лесков, Збеневич, 1960, с. 270] Марфовка, Сазоновка, Заморское (Кругликова, 1960, с. 69—72) и ряда других позволили установить, что возникновение наиболее ранних из них относится к V в. до н. э. Количество поселений значительно возрастает в IV—III вв. до н. э. Основным занятием населения являлось земледелие.

При сопоставлении лепной керамики приольвийской и боспорской групп было установлено различие, заключавшееся прежде всего в том,

что в боспорской отсутствуют элементы, связанные в Ольвии с культурой племен скифов-пахарей Среднего Поднепровья, а также ранняя фракийская керамика, отражающая проникновение в Побужье гето-фракийских элементов. Общими для той и другой группы является наличие чернолощеной керамики таврского типа и керамики родственной степной скифской, находящей соответствие в керамике Елизаветовского и Каменского городищ.

Погребения. Древнейшими погребальными памятниками на этой территории являются: основное погребение в кургане на Темир-Горе близ Керчи и курган Цукур-Лиман на Тамани. Первое датируется по находке родосского кувшина третьей четвертью VII в. до н. э. [Копейкина, 1972, с. 147—159], а второе по родосской ойнохое — концом VII — началом VI в. до н. э. Оба сосуда из скифских погребений связаны с эмпориальным периодом на Боспоре.

Погребения более позднего времени отчетливо делятся на следующие основные группы: 1) курганы и грунтовые могильники земледельческого населения степной части полуострова; 2) курганы эллинизированной скифской знати, принадлежавшей к аристократическим кругам, связанным с Боспором.

Первая группа памятников выделена в результате работ на трассе Северокрымского канала Керченской новостроечной экспедицией 1960—1967 гг. под руководством А. М. Лескова. Здесь раскопано 45 курганов. Из них 30 оказались скифскими, 15 относились к эпохе бронзы и содержали впускные скифские захоронения. Всего открыто 60 скифских погребений (30 основных и 30 впускных) в курганах у сел Брапное Поле, Ильичево, Ленино, Кирово, Астанино [Яковенко, 1970, с. 113; Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 136 сл.; Яковенко, 1974, с. 38 сл.]. Курганы скифского времени встречаются здесь совместно с курганами эпохи бронзы. Высота насыпей от 0,2 до 2,3 м; в скифских курганах обнаружены повторные захоронения. Курганы обычно располагаются компактными группами, чаще на водораздельных грядах. Два погребения датируются V в. до н. э., 12 — рубежом V—IV вв. до н. э., а остальные — IV—III вв. до н. э. В основании насыпей передки каменные домлехи. Все могильники расположены в непосредственной близости от одновременных поселений.

Различаются три типа могильных сооружений: грунтовые ямы, каменные склепы и каменные ящики. Грунтовые ямы составляют один из наиболее обычных видов погребального устройства (24 из 62). В большинстве они прямоугольные, реже овальные, перекрыты известняковыми плитами. Основная ориентировка могил широтная, преобладает ориентировка погребенных на запад. Вариантом такого могильного устройства являются грунтовые склепы с повторными захоронениями.

Основную массу погребальных сооружений составляют каменные склепы и ящики. Склепы служили семейными усыпальницами. С восточной стороны к склепу обычно вел наклонный ход — дромос длиной от 1 до 1,5 м. Дромос сужался к входу, закрытому плитой. Стенки сложены из диких камней, щели замазаны глиной или забиты щебнем. Иногда встречаются склепы, у которых стены сложены из тщательно отесанных и подогнанных одна к другой плит. Перекрытием служили большие плиты. Пол, как правило, был материковый, в некоторых случаях произведена подсыпка из песка или известняковой крошки. Форма склепов прямоугольная.

Каменные ящики отличаются от склепов меньшими размерами и отсутствием дромоса.

Во всех видах гробниц и особенно в склепах больших размеров встречаются повторные захоронения. В таких коллективных усыпальницах бывает от 4 до 35 скелетов — мужских, женских и детских. При каждом последующем захоронении останки погребенных ранее отодвигались в за-

падную часть склепа, где скапливались человеческие кости, среди которых встречались отдельные предметы инвентаря. В тех случаях, когда размеры погребальных сооружений были небольшими (чаще это грунтовые ямы), наблюдалось частичное сохранение скелетов похороненных раньше. После очередного захоронения производилась досыпка кургана. Интересно погребение, совершенное в каменном ящике. Умерший лежал в скорченном положении, головой на восток.

Обычай повторных захоронений в одной могиле свидетельствует о значительном изменении социальной структуры перешедшего к земледелию скифского населения Керченского п-ова. По-видимому, это объясняется ослаблением родовых связей и усилением семейного начала в жизни общества. Сооружение курганов, требовавшее усилий значительного коллектива, является обрядом, присущим общине с сильными родовыми связями. В скифских курганах IV в. до н. э. наблюдается уащение случаев повторных захоронений в насыпи одного и того же кургана. Нередко в камеру основной могилы через отдельно сделанный вход вносили тела поздние умерших родственников (жену, ребенка), что также свидетельствует об упрочнении семейных связей. Впоследствии погребальные сооружения регулярно использовали для повторных захоронений, что сокращало необходимые затраты при совершении погребений. Развитию этого обычая в Восточном Крыму, безусловно, способствовал каменистый грунт, а также знакомство с древними традициями таврских захоронений. В дальнейшем курганный обряд сменяется захоронениями в грунтовых могильниках с повторным использованием погребальных сооружений (Золотобалковский могильник); возникают каменные склепы, служившие длительное время усыпальницами членов одной семьи (некрополь Неаполя Скифского).

В мужских захоронениях V—III вв. до н. э. встречается оружие: колчаны со стрелами, копья, акинаки, наборные пояса, панцири. В женских погребениях — остатки ожерелий, подвески-амулеты, сережки, бронзовые зеркала, кольца и браслеты, пряслица, веретена. И в женских, и в мужских погребениях в изголовье ставили жертвенную пищу в виде вырезки мяса быка, коня или барана и пож. В могилах часто встречаются античные амфоры, представленные в основном синопскими и гераклейскими типами, красноглиняная и сероглиняная посуда: ойнохои, светильники, чашечки; обычные миски, кувшинчики, амфориски. Из чернолаковой посуды встречаются канфары, блюда, солонки. Значительную группу составляет лепная керамика. Чаще всего находят горшки обычного скифского степного типа с пальцевыми вдавлениями по краю. По наблюдениям Э. В. Яковенко, лепная керамика Восточного Крыма VI—III вв. до н. э. полностью соответствует скифской степной посуде, чем еще раз подчеркивается скифская принадлежность основной части местного населения Керченского п-ова [Яковенко, 1970, с. 128].

Показательно, что ни в одном кургане восточной части Степного Крыма не было найдено предметов конского снаряжения, что, по мнению Э. В. Яковенко, объясняется оседлым образом жизни местного населения [Яковенко, 1974, с. 57].

Локальными особенностями скифской культуры данной территории является широкое распространение каменных гробниц с коллективными захоронениями в них, что объясняется прежде всего обилием выхода ракушечного известняка на Керченском п-ове.

В целом культуру земледельческого населения Восточного Крыма можно охарактеризовать как скифскую в своей основе, включившей некоторое количество таврских элементов и подвергшейся сильному эллинизирующему влиянию античных городов и сельской периферии Боспора.

Помимо курганных захоронений в окрестностях с. Фронтное был открыт и исследован грунтовый могильник, содержащий

захоронения V и IV вв. до н. э., и связанное с ним поселение [Цвек, 1968, с. 199—205; Корпусова, 1967, с. 39—40; 1972, с. 40—46; Яковенко, 1974, с. 34—37]. На могильнике открыто 62 погребения в простых грунтовых ямах со стенками, обложенными буговым камнем, и в ямах с подбоями.

Погребения в простых ямах составляют большинство (48). Господствующими являются широтная ориентировка ям и положение погребенных вытянуто, головой на запад. Очевидно, могилы имели простейшие деревянные перекрытия. В трех случаях погребения совершены в катакомбах типа подбоев, параллельных входной яме, со входами, заложеными камнями. Так же, как в курганах, здесь встречаются повторные захоронения с полным или частичным сохранением останков предыдущего умершего.

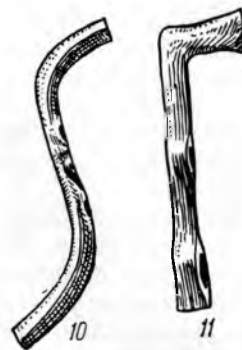
Погребенных сопровождает такой же инвентарь, что и в курганах. В детских могилах встречаются бусы и бронзовые колечки, в мужских — бронзовые наконечники стрел, акинаки, точильные бруски, изредка бляшки от конской сбруи, в женских — бронзовые сережки, железные и бронзовые браслеты, перстеньки, бусы из стекла и пасты, зеркала, пряслица, иголки. Количество керамики, как местной, так и импортной, сравнительно невелико. 35% погребений (детские и повторные) вовсе не имели инвентаря. Несомненно, бескурганый могильник у с. Фронтового принадлежал оседлому скифскому населению округа Боспора, занимавшемуся земледелием.

Выдающийся интерес представляют захоронения, справедливо выделенные Э. В. Яковенко как погребения скифской эллинизованной знати, в некрополях античных городов. К ним относятся несколько курганов в некрополе Нимфея, Куль-Обе, Патиниоти, в западном некрополе Пантикапея на горе Митридат, Ак-Бурунские курганы, курган мирзы Кекуватского, Второй Змеиный курган юго-западного некрополя Пантикапея (хребет Юз-Оба), Баксинский курган и впускные погребения кургана на Темир-Горе [Яковенко, 1974, с. 61].

Скифские курганы Нимфейского некрополя. Из числа греческих мотил Нимфейского некрополя Л. Ф. Силантьевой выделено пять погребений знатных скифских воинов в каменных гробницах с плитчатым перекрытием [Силантьева, 1959, с. 51; Артамонов, 1966, с. 34]. Гробницы были сооружены в могильных ямах, перекрытых каменным завалом, или насыпи (курганы № 6, 16, 17, 24; курган № 1, гробница № 14). В кургане № 32, гробница № 14, в яме под центром кургана была открыта не каменная гробница, а склеп, сложенный из сырцовых кирпичей. В гробницах находились деревянные саркофаги со следами резьбы и инкрустации. В тех случаях, когда это удалось установить, умершие лежали головой на восток. В составе личных украшений, найденных при погребенных, имеются гладкие золотые гривны, перстни, ожерелья, разнообразные золотые бляшки. Между саркофагом и стенкой гробницы обычно находилось вооружение, среди которого встречаются остатки панцирей, щлемы, поножи, бронзовые наконечники стрел, обломки железных мечей, кинжалов и копий. В ногах, между стенками саркофага и гробницы, ставили утварь: амфоры, бронзовые черпаки, ситечки-цедилки, чернолаковые килики, котлы, скифосы, серебряные фиалы, металлические и глиняные кувшины, гидрии и ойнохои. Обилие греческой керамической и бронзовой посуды позволяет исследователям достаточно твердо обоснованно датировать погребения.

Рядом с гробницей, на уровне древнего горизонта в неглубокой яме размещались сопровождающие погребения коней (от одного до восьми) в уздечных наборах, от которых сохранились бронзовые псалии, бляхи, ворварки, пряжки. Эти предметы представляют важный материал для изучения конского снаряжения и звериного стиля.

По мнению Л. Ф. Силантьевой, курган № 32 является наиболее ценным и может быть отнесен к первой половине V в. до н. э. Курган № 24

Предметы конской узды из Нимфейских курганов:

1—9 — курган № 24; 10—14 — курган № 32.

датируется серединой V в. до н. э. Курганы № 1, 6, 17 определяются временем второй половины V в. до н. э. В гробнице кургана № 16 большинство вещей принадлежит к первой половине — середине V в. до н. э., и только чернолаковый килик сравнительно позднего типа заставляет отнести это погребение к концу V в. до н. э. В целом нимфейские курганы принадлежат к ведущей группе скифских памятников V в. до н. э.

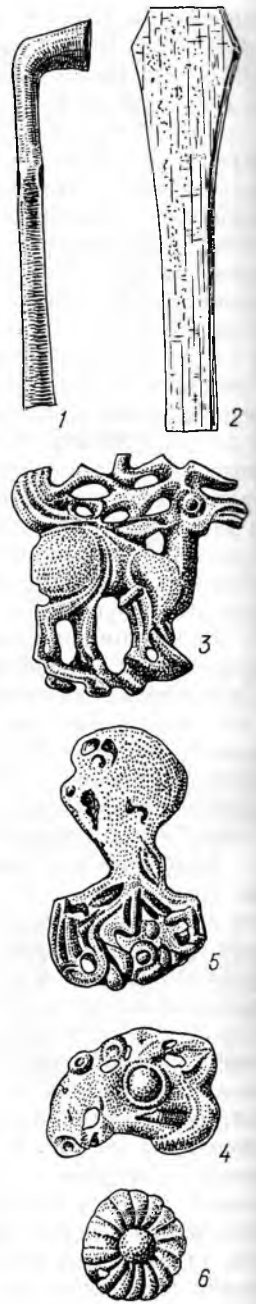
Исключительный интерес представляют уздечные наборы из нимфейских курганов. Характерными для них являются двухдырчатые псалии: прямые с молоточковидным загнутым концом; с концом, загнутым в виде лопасти; с S-овидно загнутыми концами, четырехгранными в сечении; замечательны псалии, загнутый конец которых оформлен в виде большой орлиной головки в профиль. В составе уздечных украшений имеются нащечники в виде крыльев с греческими пальметами в основании; пластинчатые ромбовидные наносники. Замечательна серия блях в зверином стиле: голова вепря, орлиного грифона, львиная голова с оскаленной пастью и торчащими клыками, голова лося с рогами в виде птичьих голов и пальметой в центре; редкий тип бляхи в виде сидящей птицы с орлиным клювом и распущенным хвостом. Из других принадлежностей узды встречаются подвески в виде «висячих замочков», кольца, граненые и гладкие конические ворварки, гладкие круглые бляхи, бляхи с рубчатыми краями.

В более поздних комплексах интересна бляха в виде фигурки стоящего оленя, выполненная с нарушением канонизированных приемов в передаче этого образа, и с декоративными рогами. В кургане № 1 среди предметов конской упряжи найдены бронзовая четырехугольная пряжка, две передние лапы от фигурки какого-то животного [Скуднова, 1954, с. 316]. Зооморфные изображения в этих более поздних комплексах суше и схематичнее, чем в ранних. Некоторые виды защитного вооружения из Нимфейских курганов опубликованы Е. В. Черненко [Черненко, 1970, с. 190].

К числу более поздних погребений знатных скифов, территориально близких к Нимфею, относится курганный комплекс «Три брата», раскопанный в 1965 и 1967 гг. Д. С. Кириллиным и С. С. Бессоновой [Кириллин, 1968, с. 178; Бессонова, 1971, с. 215; Бессонова, 1973, с. 243; Кириллин, Бессонова, 1977, с. 128]. Здесь найдено пять погребений — две плитчатые гробницы и три каменных склепа со ступенчатым входом. В насыпях всех трех курганов обнаружены конские захоронения, расположенные неподалеку от погребений.

В кургане № 1 исследован неразграбленный склеп с погребениями двух женщин с золотыми и серебряными украшениями и костями от жертвенного мяса на деревянном блюде. Уникальной находкой является связанный с этим погребением массивный надгробный рельеф, на котором изображена встреча героизированных умерших. В повозке, запряженной четверкой лошадей, восседает женщина в скифском наряде. К ней навстречу направляется всадник в скифском кафтани с горитом на боку. Надгробие имело архитектурное обрамление, от которого сохранились обломки. Здесь же найден фрагмент каменного жертвенника.

В кургане № 2 открыты три могилы. В одной из них, полностью ограбленной, находился каменный склеп, рядом с которым лежали остатки конской уздечки. В другой могиле обнаружен каменный ящик с остатками семи повторных погребений. В третьей — неразграбленная каменная гробница, содержащая кипарисовый саркофаг с захоронениями мужчины и женщины. Оба погребенных сопровождалась оружием. Возле мужского скелета лежали колчан со стрелами и два копья. Возле женского — колчан со стрелами и небольшой лук. Рядом с погребениями размещался разнообразный инвентарь и лежали кости от отсутствующего мяса на деревянном блюде.

Предметы конской узды Нимфейских курганов:

1—4 — курган № 1; 5—6 — курган № 16.

И нн V в

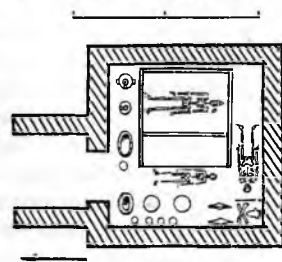
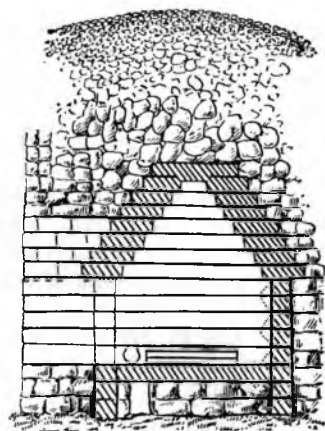
К числу курганов пантикапейской группы относится Ак-Бурунский V курган, расположенный на южной оконечности Керченской бухты [Яковенко, 1970а, с. 54; раскопки А. Г. Люценко, 1892 г.]. Здесь открыта гробница из каменных плит, рядом с которой на уровне материка находились скелеты двух коней, при одном из которых сохранился уздечный набор. У черепа лежали железные удила с бронзовыми псалями S-овидной формы с копчами, оформленными в виде ажурных птичьих лап с тремя когтями. Найдены также уникальный налобник в виде головки сайгака, четыре круглые конические бляхи с петлей сзади и шишечками в центре и по краям, две небольшие бляшки в виде головки барана и две — в виде лапы хищника, пара бронзовых ворварок. У груди лежала бляха с изображением свернувшегося хищника — поздняя переработка раннескифского мотива, превратившегося в орнаментальную схему. В области живота коня лежала бронзовая подпружная пряжка с язычком. Интересна своеобразная художественная отделка и законченность стиля бронзовых изделий, частично имеющих параллели среди памятников других групп скифской культуры, частично уникальных, но несомненно имеющих печать художественного единства.

К числу богатейших скифских погребений Евразийского Боспора и Скифии IV в. до н. э. относится знаменитый курган Куль-Оба, открывший новую страницу в изучении отечественного скифоведения.

Курган, сложенный из плит известняка, достигал 10 м высоты. Погребение находилось в склепе из тесаного камня со ступенчатым сводом, размерами 4,3 × 4 м, высотой 5 м, с ведущим в гробницу дромосом. В гробнице, оказавшейся неразграбленной, обнаружены погребения царя, царицы и сопровождавшего их слуги. Главный погребенный лежал в деревянном саркофаге в восточной части гробницы. Скелет, ориентированный головой на юг, принадлежал мужчине высокого роста в возрасте от 30 до 40 лет. На голову надет войлочный остроконечный башлык, богато украшенный золотыми бляшками, на шее — золотая гривна в виде жгута из толстых проволок, заканчивающаяся скульптурными фигурками конных скифов. На руках и ногах имелись золотые браслеты великолепной работы. Одежда была расшита множеством золотых тисненых бляшек. Богатой отделкой отличалось оружие: рукояти и ножны мечей украшены изображениями борющихся зверей и фантастических животных; кожаная нагайка оплетена золотой лентой, точильный оселок с золотой отделкой, позолоченные поножи. В состав вооружения входили также наконечники копий, дротиков, колчаный набор. Рядом с оружием обнаружена массивная золотая фиала, украшенная многократно повторяющимися масками Медузы Горгоны и бородатой мужской головы в остроконечной шапке.

Рядом с погребением царя находился кипарисовый саркофаг, в котором была похоронена царица. Саркофаг был расписан и отделан пластинами слоновой кости, на которых изображены сцены из древнегреческих мифов и жизни скифов. Одежда женщины была расшита золотыми бляшками, голову украшала электрова диадема. В число украшений входили золотые подвески: одна пара в виде медальона, на котором изображена голова Афины по образу статуи, изваянной Фидием для храма Парфенона в Афинах. На другой представлена сцена из «Иллиады»: Фетида и переиды приносят Ахиллу оружие, выкованное для него Гефестом. На шее царицы — гривна с концами в виде львов и сканное ожерелье с амфоровидными подвесками. На руках — широкие золотые браслеты. За головой лежали шесть ножей и бронзовое зеркало с ручкой, отделанной золотом. В составе инвентаря найдено веретено из слоновой кости [Яковенко, 1973, с. 39]. В ногах стоял знаменитый золотой кубок со сценами из жизни скифов.

Скелет слуги лежал за саркофагами у южной стенки гробницы, головой на запад. За его головой в углублении находились кости лошади,

План и разрез погребения в кургане Куль-Оба.

греческий шлем и поножи. Вдоль стен стояли два серебряных позолоченных таза и большое серебряное блюдо, а в них набор серебряных сосудов: кубки, украшенные чеканным позолоченным изображением львов, терзающих оленей, диких гусей, ловящих рыбу; два ритона и килик. Состав находок завершают два больших бронзовых котла и четыре глиняных амфоры.

После того как камера была в основном исследована, ночью в нее проникли грабители. Они взломали плиты пола и под одной из них обнаружили и расхитили тайник. Одной из немногих вещей, которую удалось спасти, оказалась золотая фигурка оленя (очевидно, украшение от щита), покрытая звериным орнаментом из грифонов, львов, горного козла. Среди исчезнувших вещей было золотое покрытие налучия, уничтоженное грабителями при дележе добычи [ДБК, 1854; Артамонов, 1966, с. 62].

Датируется Куль-Оба последней четвертью IV в. до н. э. [Брашинский, 1965, с. 102—104]. Несомненно, погребенный здесь воин принадлежал к числу представителей скифской знати (скорее всего, номарх), тесно связавший свою судьбу с Боспором и наживший богатство благодаря торговле предметами, имевшими большой спрос. О высокой степени эллинизации и приобщении к греческой культуре свидетельствуют большое количество и изысканность художественных изделий из золота и серебра, выполненных выдающимися торевами Боспора. На ножнах меча выгравировано имя греческого мастера Порнакса; греческая надпись (ΠΑΙ) имеется и на золотой бляхе в виде оленя.

Что касается захоронения женщины, то в ней, вероятнее всего, можно видеть знатную скифянку, умерщвленную после смерти мужа.

Из Куль-Обского кургана происходит замечательная серия изображений скифов. Среди них первое место занимает золотая чаша, на которой переданы четыре сцены из военного быта скифов: скифский военачальник, опершийся на копье, выслушивает донесение воина; скиф, натягивающий лук; скиф, перевязывающий ногу больному товарищу; скиф, врачующий зуб другому скифу. С большой выразительностью выполнены фигурки конных скифов на концах гривны царя. Кроме того, среди куль-обских блях имеются изображения стоящего воина с горитом у пояса и чашей в руке; сцена братания двух скифов, пьющих из одного ритона; состязание скифов в стрельбе из лука; бляшки с изображением конного скифа, поражающего дротиком зайца; конного скифа, мечущего копье; бляхи с изображением скифянок в вакхической пляске; скифской змееногой богини в калатосе, держащей в руках отрубленную бородатую голову, и пр. Эти изображения дают представление об облике, одежде, вооружении и культуре скифов.

Аналогичная скифская культура проявлялась по другую сторону Боспора в синдской земле. Синдо-меоты издавна были земледельцами и пастухами. С возникновением и развитием Боспора как центра производства, потребления и экспорта зерна, а также сосредоточения ремесла и торговли меотские и особенно синдские племена оказались вовлеченными в экономическую и политическую жизнь Боспора, что нашло отражение в археологических памятниках и материальной культуре синдо-меотов.

К числу важнейших памятников Синдики относятся Семибратнее городище и расположенные возле него некрополи Больших и Малых Семибратних курганов. Возникновение Семибратнего городища относится к концу VI в. до н. э. Находки большого количества амфорной и другой античной керамики свидетельствует о его ранней и сильной эллинизации. Имеется ряд синдских монет, датируемых второй половиной V в. до н. э. Семибратнее городище считают остатками синдского города, расцвет которого падает на период V—IV вв. до н. э. [Анфимов, 1949, с. 241 сл.]. На протяжении этого времени прослеживаются два слоя

разрушений и пожарищ, относящиеся к рубежу V—IV и к концу IV в. до н. э., связанные, очевидно, с событиями политической борьбы на Боспоре, в которых участвовали и синдские племена.

Семибратние курганы расположены неподалеку от городища и содержат погребения представителей синдской знати. По характеру инвентаря, обилию предметов скифского вооружения, греческого импорта, украшениям личного убора, сопровождающим захоронениям коней с большим количеством конской упряжи Семибратние курганы не уступают Нимфейским и даже богаче их.

Большинство гробниц в Семибратних курганах сооружены на подкурганной поверхности или в грунтовых ямах. Это склепы, сложенные из сырцового кирпича с деревянными перекрытиями [Ростовцев, 1925, с. 352; Коровина, 1957, с. 174; Артамонов, 1966, с. 36]. В южной части

*Некоторые типы золотых
бляшек из кургана Куль-
Оба.*

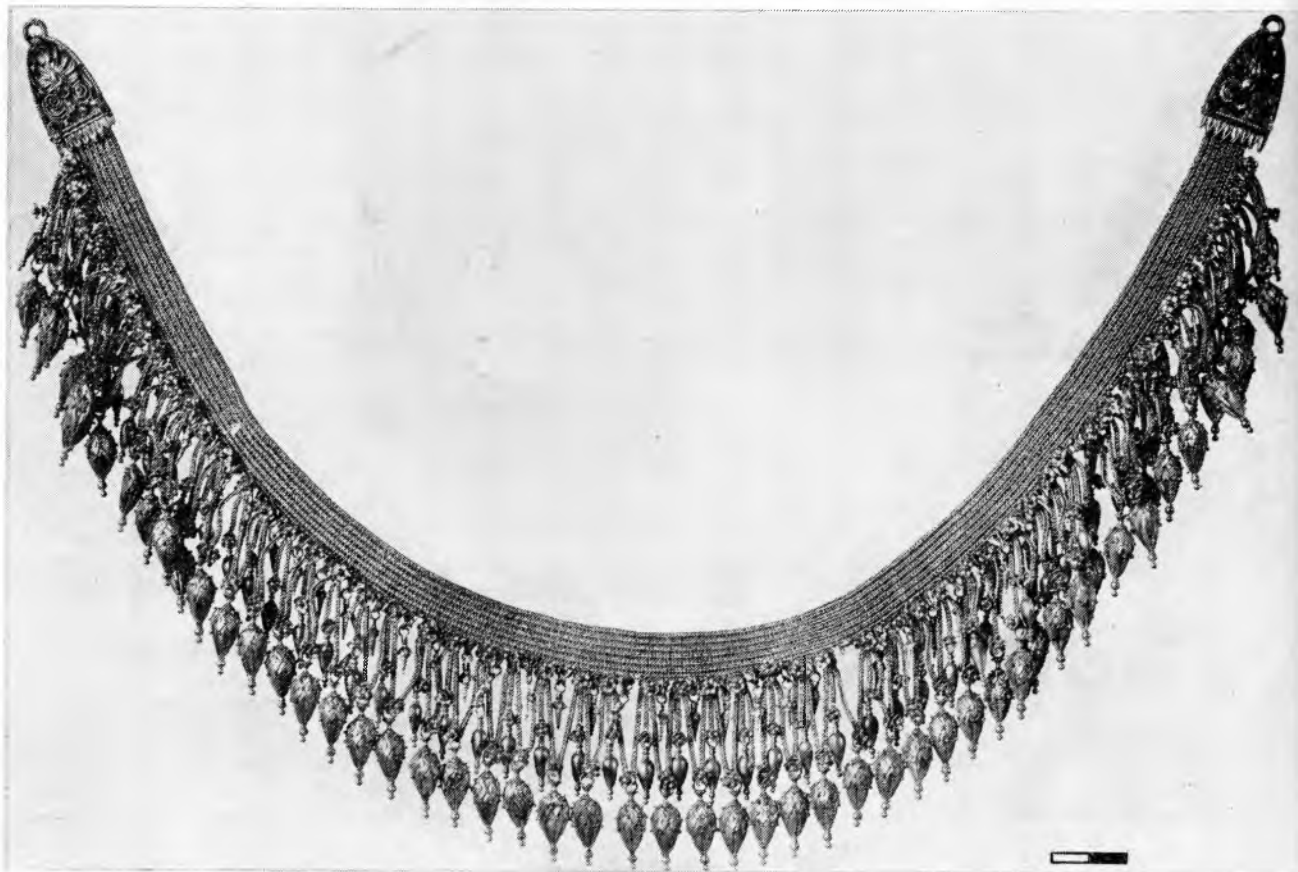
гробниц делалось специальное отделение для захоронения коней. Иногда гробница разделялась перегородками на более мелкие помещения, предназначенные для отдельных видов вещей. Сырцовые гробницы с деревянным перекрытием и специально выделенным помещением для коней являются основным типом погребальных сооружений синдской знати, чем отличаются от скифских каменных склепов в ямах с отдельными конскими гробницами, одновременными нимфейским курганам.

Выше уже упоминалось, что в одном из нимфейских курганов (№ 32) находился не каменный, а сырцовый склеп. В то же время среди Семибратних изредка встречаются каменные гробницы (курган № 1).

К числу наиболее ранних, первой половины — середины V в. до н. э., относятся курганы № 2, 4, 5 группы Больших Семибратних, этим же временем датируется большинство погребений в Малых Семибратних. С более поздней порой конца V—IV в. до н. э. связаны курганы № 6, 7 группы Больших Семибратних.

Одним из наиболее замечательных являлся курган № 2 высотой до 18 м. Здесь в большом склепе из сырцовых кирпичей в северо-восточном углу было отгорожено помещение для погребенного, лежавшего на особом помосте головой на восток. Остальная часть склепа была занята захоронениями 13 коней. На погребенном был надет кожаный панцирь с железными и бронзовыми, частично плакированными золотом чешуйками. Полагают, что нагрудник этого панциря украшала большая серебряная пластина с изображением оленихи, кормящей детеныша, ниже помещена фигура птицы с распростертыми крыльями. На шее умершего — золотая гривна и два ожерелья из золотых пронизок и овал-

Золотое ожерелье из женского погребения кургана Куль-Оба.

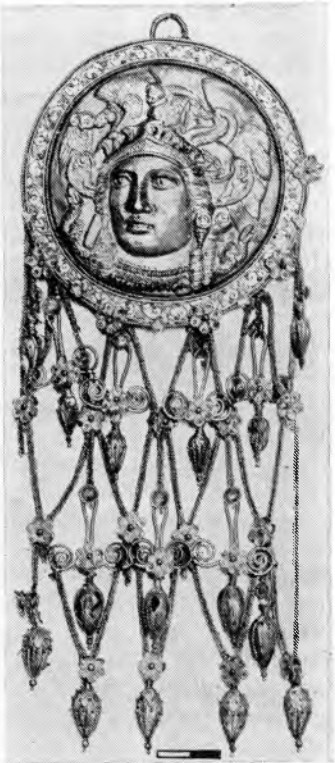

ных бус, чередующихся с подвесками. При погребенном найдены различные золотые бляшки. Возле него лежали копьа, наконечники стрел, мечи, большое количество сосудов: серебряный ритон с золотым наконечником в виде головки льва; серебряная фиала с бордюром из головок силенов; бронзовый кубок; два черпака; ситечко с лебединой головкой; большой бронзовый сосуд с подставкой в виде трех львиных лап и с ручками в виде львов и змей; часть серебряного килика с изображением сцены боя Беллерофонта и Химеры; алебастровый кубок; две чернолаковые вазы; золотые обивки сосудов; одна треугольная обивка от ритона в виде крылатого чудовища, терзающего горного козла, вторая — от деревянной чаши в виде двух обращенных навстречу друг другу орлиных голов.

Большим разнообразием отличаются принадлежности конской узды. В их числе — налобник с изображением фигурок оленей и пластинчатые наносники; бронзовые псалии S-овидной формы с концами в виде протомы коня и конского копыта лошадиная или оленья нога с копытом у одного конца и загнутой плоской лопастью — у другого. Найдены налобники в виде скульптурной головки оленя, бронзовая бляха в виде орлиной головки с пальметтой сзади, золотые розетки. В насыпи найдено пять больших бронзовых колокольчиков.

Не менее замечателен комплекс частично разграбленной гробницы кургана № 4 высотой 13 м. Очевидно, гробница также была сложена из сырцовых камней с деревянным перекрытием. Отдельно в большой яме, перекрытой деревом, лежали скелеты взызданных коней. Достопримечательностью этого погребения являются три ритона, лежавшие у головы погребенного. Один — серебряный ахеменидской работы с протомой горного козла и два золотых с головкой барана и протомой собаки. Тут же лежало пять золотых треугольных пластин — оковки от ритонов с изображениями орла, схватившего ягненка; крылатого льва, терзающего козла; льва, терзающего оленя; крылатого существа, сочетающего черты собаки и дракона — сенмурва иранской мифологии. Кроме того, здесь найдены: золотой браслет, клык в золотой оправе, несколько амулетов, небольшая серебряная чашка и килик с гравированным изображением на доньшке крылатой Ники. В специальном отделении, отгороженном досками, находились оружие и различная утварь. Среди них остатки кожного панциря с бронзовыми пластинами рубашки и оплечья с короткими нарукавниками. Ворот обшит серповидной бляхой, на груди — большая бронзовая бляха в виде головы Медузы [Черненко, 1973, с. 74]. В состав доспеха входили также пластинчатые поножи. Здесь же найдены художественные греческие изделия античной работы и керамические сосуды.

Замечательны в художественном отношении бронзовые изделия из конской могилы: псалии с загнутыми концами в виде молоточка, секиры, ноги с копытом лошади; S-овидные псалии в виде «перекрученной» фигурки льва. В уздечные наборы входили бляхи с изображением фигурки льва с «перекрученным» туловищем, бляхи в виде свернувшегося льва, близкие по стилю к найденной в Ак-Бурунском кургане. Уникальна бляха в виде лежащего льва, в спину которого вгрызается другой хищник, похожий на льва. Здесь найдены бляхи в виде головы кабана, аналогичная нимфейской; в виде фигурок оленя с повернутой назад головой, увенчанной развернутыми рогами в виде пальметты; в виде фигурки водоплавающей птицы с раскрытыми крыльями и распущенным хвостом; уздечная бляха в виде головы оленя в профиль с пучком рогов, образующих пальметту и три орлиных головы. Большой интерес представляют налобники в виде головы грифона с высоким волнистым гребнем, пластинчатый гладкий наносник, а также «строгие» удила с четырехконечными шипами. Четвертый Семибратний курган датируется временем не позднее второй четверти V в. до н. э.

Золотые серьги из женского погребения кургана Куль-Оба.

Курган № 5 представлен в основном предметами узды из конского погребения, близкими уздечным наборам из курганов № 2 и 4. Гладкие наносники, псалии с загнутым концом в виде оленьей ноги с копытцем, стилизованного копытца, птичьей лапы, охватывающей орлиную голову. Отметим, что одни из них близки к псалию, найденному в кургане № 2 у с. Омельник на Кировоградщине [Бокий, 1971, с. 156 рис. 1, 3], а другие аналогичны псалиям из кургана № 2, у с. Волковцы, кургана в окрестностях г. Ромны на Суле [ДП, II, табл. XVI, 316; Смела, III, табл. X, 2], а также находкам у колонии Каррас близ Пятигорска [Крупнов, 1960, с. 436, табл. XIV, 8]. Указанные аналогии позволяют твердо датировать этот комплекс первой половиной V в. до н. э.

Погребение в кургане № 6 датируется второй половиной V в. до н. э. Здесь сохранилась нетронутой большая могила, обложенная сырцовым кирпичом и перекрытая деревянными брусьями. Она была разделена на три части. В большее отделение впущена гробница из каменных плит, в которой стоял деревянный саркофаг. В соседних отделениях находились погребальный инвентарь и останки семи лошадей.

Около умершего найдены остатки меховой шапки и меховых сапог, железный чешуйчатый панцирь, три золотые ворварки, наконечник дротика, наконечники стрел, печать из горного хрусталя, обломки трех маленьких серебряных сосудов. На одежду были нашиты золотые бляшки. Здесь же обнаружены золотые бусы от ожерелья. В соседнем помещении находились две амфоры, краснофигурная ваза, бронзовое зеркало. Металлическая ручка зеркала была сломана и заменена деревянной еще в древности. В третьем отделении гробницы стояли ящик слоновой кости с изображением Афродиты и подносящего ей тению Эрота, бронзовые и глиняные сосуды, костяной игольник с железными иг-

Серебряный кубок с позолоченным рельефом из кургана Куль-Оба.

Золотой кубок из кургана Куль-Оба.

лами, плетеная корзина. Пол умершего остался невыясненным. В каменной гробнице, очевидно, был погребен мужчина. Во втором и третьем отделениях находился женский инвентарь, очевидно, связанный с сопровождающим захоронением женщины, прах которой не сохранился.

В конской могиле обнаружены бронзовые S-овидные псалии, псалии с концом, отогнутым почти под прямым углом, пластинчатый наносник, бронзовые наносники с фигуркой лежащего животного в профиль и скульптурной головкой, повернутой в фас, ворварки, пряжки для ремней.

К наиболее поздней поре, к началу IV в. до н. э., относится курган № 3. Наиболее замечательной находкой является серебряная рукоять греческого меча типа махайры, оформленная в виде головки грифона [Сокольский, 1954, с. 132; Черненко, 1973, с. 70]. Предметы конской узды представлены бронзовыми псалиями, в том числе с загнутым под

Гравированные стенки конского ларца из кургана Куль-Оба.

прямым углом концом в виде конской ноги с копытцем, псалии с отогнутой под прямым углом ажурной лопастью в виде птичьей лапы и стилизованных в виде растительного узора рогов оленя. Интересна бронзовая бляшка с двумя головами животных на длинных, изогнутых в противоположные стороны шеях.

Мы подробно рассмотрели Семибратние курганы, поскольку они являются выдающимися памятниками эллинизированной части местного населения на Боспоре, а также потому, что они дают четкое представление о социальных процессах, происходящих на этой окраине скифо-меотского мира, вовлеченного в сферу влияния Боспора. Оказывается, уже с начала V в. до н. э., еще до установления политического господства династии Спартокидов, до присоединения к Боспору Феодосии и синдо-меотских племен, как на скифской (керченской) стороне, так и на синдо-меотской происходили одни и те же процессы активного вовлечения местной знати в культурно-экономическую жизнь Боспора и тесного соприкосновения этих слоев населения с правящей верхушкой античных центров.

Несомненно, лица, погребенные в Нимфейских и Семибратних курганах, не были непосредственными производителями. Это были представители знати, организаторы, через руки которых проходили основные нити обмена, имевшие возможность обогащаться и приобретать предметы роскоши античного производства.

В это время происходит процесс «переваривания» Боспором местной среды, в которой слабеют и растворяются локальные этнические признаки материальной культуры и складывается некая скифо-греческая культурная общность. Эти вновь возникшие формы и мотивы орнаментации, особенно ярко проявившиеся в бронзовом литье, отличались рядом свое-

образных признаков и оказали большое влияние на облик скифской культуры Причерноморья, культуру народов Кубани и Северного Кавказа в V—IV вв. до н. э. Доминирующими при этом оказались исходные основные категории скифской материальной культуры, подвергшейся сильной греческой переработке, в результате чего сформировался собственный, весьма своеобразный греко-варварский центр художественного ремесла.

Е. В. Черненко убедительно показал, что основным видом вооружения у местного населения Боспора, а также у синдов Тамани являлось оружие скифского типа с некоторым привнесением греческих элементов, главным образом в составе защитного доспеха (шлемы, панцири, поножи), с сохранением незначительных пережитков местных доскифских традиций (граненые втулки копий) [Черненко, 1973, с. 80, 81].

Наиболее оригинальную группу составляют бронзовые принадлежности конской узда, свидетельствующие о том, что уже в V в. до н. э. здесь существовал местный центр бронзолитейного ремесла. Эта точка зрения была высказана А. К. Коровиной, поддержана Э. В. Яковенко [Коровина, 1957, с. 185; Яковенко, 1970, с. 59] и всецело разделена нами. Если рассмотреть художественные бронзы конских уборов из Семибратних курганов и скифских курганов Керченского полуострова, то легко заметить, что многие из них имеют уникальную, неповторимую форму и встречаются только среди памятников данной группы. Имеется серия изображений, повторяющихся внутри керченско-таманской группы как, например, бляхи в виде фигурки свернувшегося льва, найденные в кургане у Ак-Буруна и в четвертом Семибратнем, псалии с загнутым концом в виде копытца, происходящие из третьего, четвертого и пятого Семибратних курганов; серия предметов конской узда имеет аналогии далеко за пределами керченско-таманского мира. Таковы псалии с загнутыми S-овидно концами, с концами в виде «молоточка», загнутой лопасти, в виде стилизованной птичьей лапы; широко распространены пластинчатые наносники, нащечники в виде крыльев; бляхи в виде головы кабана, льва, орла, лосиной головки с рогами в виде орлиных головок, бляхи в виде «медвежьей лапы», человеческой руки и пр. Такие разновидности деталей конского убора имеют многочисленные параллели в памятниках Скифии V в. до н. э.— «младшие журовские» на Тясмине, курганы № 4 и 5 у с. Берестяги на Каневщине, № 188 на р. Тенетинке, № 2 у с. Волковцы и др. Можно подумать, что многие из этих бронз либо непосредственно поступали из боспорских центров, либо были сделаны по боспорским образцам. Большинство этих изделий индивидуально своеобразны и в то же время не выходят из рамок скифского искусства V в. до н. э. Интересна в этой связи серия предметов из бронзы, найденная в окрестностях Майкопа. Коллекция бронзовых принадлежностей конской узда V в. до н. э. из кургана у хут. Шунтук близ Майкопа, несомненно, является изделиями местного бронзолитейного центра.

Дальнейшее развитие этой художественной традиции мы находим в памятниках последующего периода конца V—IV вв. до н. э. В первую очередь в курганах у станицы Елизаветинской на Средней Кубани, раскопанных Н. И. Веселовским [ОАК за 1912, с. 57; ОАК за 1913—1915, с. 148; Артамонов, 1966, с. 39].

Основным типом погребальных сооружений здесь является каменный склеп с деревянным перекрытием в большой грунтовой яме с ведущим к ней дромосом. Захоронения основных лиц сопровождалось человеческими жертвоприношениями и гекатомбами коней, положенных либо в дромосы и могилы, либо около них на подкурганной поверхности. Вместе с ними встречаются повозки. В целом курганы у станицы Елизаветинской близки к могилам знати на Керченском п-ове.

Наиболее замечательными находками Елизаветинских курганов являются предметы конской узда, выполненные в особой художественной

*Зеркало с позолоченной
ручкой из кургана Куль-
Оба.*

манере, свойственной кубанско-таманской группе IV в. до н. э.: псалии с ажурными щитками на прямых или загнутых концах и бронзовые ажурные бляхи. Характерно сочетание зооморфных мотивов с растительными, причем зооморфные образы (голова оленя, птичья лапа и пр.) служат основой для плоской ажурной композиции в виде пальмет, волют с концами, загнутыми наподобие крючков. Путем дополнительной гравировки им придавался вид птичьих головок. Зооморфные образы на псалиях приобретают здесь особо вычурные формы, лишенные сходства с реальными. Эти предметы конской узда сближаются с уздечными принадлежностями из третьего Семибратнего кургана и свидетельствуют о едином развитии стили. В такой же манере выполнены ажурные накладки из курганов у станицы Елизаветинской, Анап-Кургана, нашествия Новочеркасского музея [Ильинская, 1967, с. 207], где головки оленя служат основой для растительно-ажурного изображения рогов.

В близкой манере выполнены предметы конской узда из кургана у станицы Воронежской конца V—IV вв до н. э., где деревянная гробница была устроена на материке и окружена открытой на юг канавой с захоронением 30 лошадей с уздечками [ОАК, 1903 г., с. 75], в состав которых входили железные удила с бронзовыми псалиями и бляхами, среди которых выделяются ажурные бляхи с изображениями грифонов и грифо-козлов своеобразного рисунка.

Бронзовые предметы конской узда, подобные происходящим из Семибратних и Нимфейских курганов, получили распространение на Кавказе и в Северном Причерноморье. Еще более выразительно это фиксируется в памятниках конца V—IV вв. до н. э. Среди находок в Абхазии имеется ряд типично елизаветинских бронз с ажурно-растительным орнаментом: псалий с «ногой» и копытом, псалий с загнутой ажурной лопастью, вычурные бронзовые бляхи с гравировкой, бляха в виде грифона, подобная происходящим из кургана у ст. Воронежской [Воронов, 1975, с. 218 сл.].

Комплект уздечных украшений, подобных елизаветинским и воронежским, открыт возле Днепродзержинска в степи (ДП, III, табл. XLI,

Золотые накладки ритона и бронзовые предметы конской узда из четвертого Семибратнего кургана (Тамань). Табл. V 4

334; табл. XLII, 339—342]. В данном случае Кубань выступает как бы центром, из которого предметы конского снаряжения описанного типа проникали на юг и на север.

Кому же принадлежали курганы у станиц Елизаветовской и Воронежской на Кубани в этническом плане? Ответить на этот вопрос не легко. Памятники эти расположены на «меотской» стороне, но в то же время имеют ряд своеобразных признаков. Мы не исключаем возможность, что они принадлежали той ветви скифского населения, которое осталось в Степном Предкавказье с архаической поры VII—VI вв. до н. э., смешавшись здесь с местным населением. Об этом свидетельствуют своеобразные черты погребального ритуала, сохранившего традиции келермесских курганов и имеющих параллели со скифскими курганами керченской группы. В кургане у станицы Елизаветовской (раскопки 1913 г.) была найдена каменная плита-жертвенник, подобная встреченным в Келермесских, Костромском, Ульском курганах. Отсутствуют здесь характерные для синдских погребений сырцовые склепы.

В данном случае наиболее существенным является то, что единые черты культуры, общие признаки и стиль изделий из бронзы становятся достоянием различных туземных племен Боспора и Прикубанья. Происходят нивелировка культурно-этнических признаков и сложение нового производственного и художественного центра, который может быть определен как скифо-меотский.

К числу наиболее замечательных памятников эллинизированной, вероятнее всего, синдской знати IV в. до н. э. на таманской стороне Боспора относятся знаменитые курганы Большая Близница, Карагодеуашх, Мерджаны [Артамонов, 1966, с. 68—77].

ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ДОНА

Еще одна группа памятников оседлого местного населения расположена в низовьях Дона, при впадении его в Азовское море — Меотидское озеро. Здесь находятся известное Елизаветовское городище и обширный курганный могильник к югу от него. Исследования этих памятников начались с дореволюционного времени и продолжаются по сегодняшний день. При этом, однако, Нижнедонская группа до сих пор остается одной из наименее освещенных в археологии. Материалы раскопок опубликованы недостаточно, обобщающих исследований нет.

Елизаветовское городище было открыто в середине прошлого века П. М. Леонтьевым, произведшим здесь первые раскопки [Леонтьев, 1854, с. 512]. Поздние исследования на этом городище осуществлялись А. А. Миллером [1926, с. 102; Миллер, 1929, с. 89], а затем Т. Н. Книпович [Книпович, 1935, с. 111; Книпович, 1949, с. 7—12]. В результате этих раскопок сложилось представление о том, что Елизаветовское городище первоначально было основано местным населением до скифского времени и позднее V—IV вв. до н. э. колонизовано боспорскими греками, представляя собой остатки древнего Танаиса.

В. Ф. Гайдукевич видел в Елизаветовском городище не античный город, а укрепленное поселение местного населения, находившегося в тесных экономических и культурных связях с Боспором и другими античными центрами [Гайдукевич, 1963, с. 295—297]. Дальнейшие исследования показали правильность этого предположения. Изучение Кобяковского поселения конца периода бронзы показало отсутствие непрерывной культурной и генетической связи между скифским и предскифским периодами [Шарафутдинова, 1973, с. 3—26; Шелов, 1970, с. 26—57].

В. П. Шилов, И. Б. Брашинский, Я. В. Доманский, К. К. Марченко, исследуя Елизаветовское городище в послевоенное время, доказали, что городище возникло в середине VI в. до н. э. и являлось не античным по-

Бронзовые бляхи конской узды.

лисом, а укрепленным поселением местного населения. Расцвет жизни на городище приходится на IV—III вв. до н. э., когда оно превратилось в хорошо укрепленный город, где были развиты различные виды домашних ремесел. Особенно большую роль играла посредническая торговля с Боспором и античными центрами Средиземноморья. Городище являлось своего рода административным центром и убежищем населения во время военной опасности. В этом отношении Елизаветовское городище как бы предвосхищало Каменское, однако главную роль в его экономике играла торговля. Земледелие и скотоводство также занимали большое место в хозяйственной деятельности населения [Брашинский, 1976, с. 68; Брашинский и Марченко, 1978]. На городище открыты остатки наземных жилищ, возведенных из камней, обмазанных глиной, с глинобитными полами и очагами, жилища-полужемлянки со стенами из жердей и камыша и двускатными камышовыми крышами.

В культурном слое найдены каменные зернотерки, точильные и пращевые камни, глиняные пряслица, костяные поделки, железные ножи, металлические и керамические шлаки. В жизни населения большое значение имело рыболовство, что подтверждается находками каменных и керамических грузил для сетей, костей и чешуи рыбы [Доманский, 1966, с. 108—109; Брашинский, Доманский, 1967, с. 80—81; Брашинский, 1968, с. 80—89; Брашинский, Марченко и др., 1974, с. 99]. В большом количестве встречена амфорная керамика. Здесь открыто обширное торговое помещение складского назначения, где найдены свинцовые гири, многие сотни обломков амфор, в подавляющем большинстве гераклеиских и фасосских, обломки разнообразной античной посуды и терракот. Многочисленные находки остатков греческой керамической тары V—III вв. до н. э. свидетельствуют об исключительно важной роли Елизаветовского поселения как центра греко-варварской торговли [Брашинский, Марченко, 1972, с. 138—139].

Во время раскопок 1972 г. на Елизаветовском городище в значительном количестве найдены остатки хлебных запасов в виде скоплений пшеницы, а также места металлургического производства и остатки мастерской по производству роговых ритонов [Брашинский, Марченко, Мелентьева, 1973, с. 115—116]. Отметим, что Елизаветовское городище явилось опорным пунктом для изучения скифской степной керамики V—III вв. до н. э. С керамикой Елизаветовского городища Б. Н. Граков удачно сопоставляет керамику Каменского городища, И. Т. Кругликова и Е. Г. Кастанаян — с местной посудой из Боспорских городов, С. И. Капошина — с керамикой из Ольвии и приольвийской округи.

Возле Елизаветовского городища возникает ряд поселений и несколько укрепленных городищ. Так, на Нижнем Дону складывается важный, экономически единый земледельческий и торговый район, связанный с Боспором, причем главную роль в нем играло местное население. Торговые связи Елизаветовского городища глубоко затрагивали интересы местного населения. Д. Б. Шелов, в частности, отмечает особую роль торговли, ведшейся через Елизаветовское городище со Средним Доном [Шелов, 1970, с. 57].

Елизаветовский курганный могильник. Раскопки курганов этого могильника начались в дореволюционные годы И. И. Ушаковым [Шилов, 1966, с. 174] и А. А. Миллером [ОАК за 1908, с. 129; ОАК за 1909—1910, с. 141; ОАК за 1911, с. 150; ОАК за 1912, с. 61; ОАК за 1913—1915, с. 171; ИАК, вып. 35, с. 96 сл.; ИАК, вып. 56, с. 225]. Позднее они были возобновлены раскопками Нижнедонской археологической экспедиции [Доманский, 1966, с. 108—110; Брашинский, Доманский, 1967, с. 81; Брашинский, 1968, с. 89; Брашинский, Копылов, 1976, с. 113—114; Брашинский, Зарецкий и др., 1977, с. 86; Брашинский, 1973, с. 54]. На протяжении длительного времени исследователи считали, что Елизаветовское городище и могильник принадлежали различным группам населения (А. Миллер, М. И. Ростовцев, Т. Н. Книпович, М. И. Артамонов). Считая Елизаветовское городище греческим городом Танаисом, они полагали, что наряду с курганами местного населения здесь должен находиться и греческий некрополь. В 1965 г. Я. В. Доманский приступил к поискам грунтового могильника. Однако раскопки подтвердили предположение о принадлежности комплекса местному населению.

Наиболее ранние погребения в курганах Елизаветовского могильника, как и отложения в культурном слое на городище, относятся к концу VI — началу V в. до н. э. Среди них следует назвать погребения в курганах № 28, 29 и 30, датируемые находками греческой посуды [Брашинский, 1933, с. 54].

В песчаном грунте при сравнительно высоком уровне грунтовых вод преобладающим типом погребальных сооружений являлись неглубокие ямы; в отделке стен, пола и перекрытий широко использовался камыш.

Последнее не было какой-то особой чертой ритуала, просто жители использовали местный строительный материал, имеющийся здесь в изобилии. В 1976 г. в кургане № 57 в яме с продольным подбоем впервые было открыто погребение воина.

Для погребений обычны широтная ориентировка ям и положение умерших вытянуто, головой на запад, реже на восток. В пределах курганного могильника встречаются захоронения рядового населения и знатных лиц. Как обычно, большинство захоронений ограблено. Повторные погребения в одних могилах здесь очень редки, что, по-видимому, обусловлено рыхлостью грунта, при котором сооружение неглубокой погребальной ямы не составляло особого труда.

Судя по составу инвентаря, помимо одиночных захоронений встречались и парные — мужские с сопровождающим погребением женщин. Из-за сырого грунта оружие из железа (копья, мечи) сохранились плохо. Обычны бронзовые наконечники стрел; встречаются обломки панцирей. Среди находок следует упомянуть золотую ленту от рукояти нагайки, шлем, бронзовый круглый щит. Замечательны три меча с золотой отделкой ножен из Ушаковского кургана и курганов № 10 (1909 г.) и № 1 (1910 г.).

При женских погребениях обычны находки бус из цветного стекла и пасты, бронзовых браслетов, немногих уцелевших от ограбления, золотых украшений в виде гладкой золотой гривны, бус, бляшек, перстеньков. В составе утвари имеются ножи с костяными рукоятками, пряслица, бронзовые котлы, бронзовый кувшин греческой работы и много греческой посуды: амфоры, канфары, чернолаковые тарелочки и пр. Скифской лепной посуды сравнительно мало и представлена она обычными, наиболее распространенными формами. Среди достопримечательных вещей следует назвать обломок серебряного ритона с изображением птиц, клюющих рыбу (курган № 9, 1910 г.). Хронологический диапазон скифских вещей в греческой посуде Елизаветовского могильника охватывает в основном V—IV вв. до н. э.

В восточной части могильника расположены пять курганов особенно больших размеров (высота 7—12 м), получивших название Пятибратних. В одном из них (№ 8) В. П. Шилов открыл богатое погребение представителя местной знати второй половины IV в. до н. э.

Пятибратний курган № 8 раскопан в 1959 г. Высота его 9 м [Шилов, 1961, с. 150]. В насыпи этого кургана обнаружен каменный склеп с основанием, слегка углубленным в почву. Склеп состоял из камеры и дромоса, перекрытые сверху накатом из мощных дубовых бревен. Стены сложены из песчаниковых плит на глиняном растворе с примесью рубленой соломы. В камере находились два скелета, лежавшие вдоль северной и южной стен, головами на запад. Южное погребение ограблено. От него сохранился череп старого мужчины, здесь же находились кости ног какого-то другого человека.

Северное захоронение уцелело. Головной убор погребенного был украшен золотыми штампованными бляшками, на шее — золотая гривна с концами в виде лежащих «барсов» и ожерелье из тройных золотых колечек, а также бусы из янтаря, белой пасты, сердолика, золота и медальонов со вставками. У пояса находились меч с золотой отделкой ножен и горит с золотым покрытием, повторяющим отделку меча и горита из Чертомлыка, а также горитов из Мелитопольского и Ильинецкого курганов. В погребении обнаружены остатки ларца, где хранились одежды, расшитые золотыми украшениями (всего 1273 предмета); серебряный килик, круглотелый кубок, бронзовая полусферическая чаша, бронзовый котел; три глиняных светильника, золотая спиральная лента, три боевых пояса, обломок кинжала, железные наконечники копий и дротиков. Особенно много здесь найдено колчаных наборов. В. П. Шилов пишет о находках 16 колчанов с 1064 наконечниками стрел.

Золотые ритоны из четвертого Семибратнего кургана.

При погребенном найдена конская уздечка, от которой сохранились железные удила, бронзовые псалии, серебряные позолоченные нащечники в виде крыльев птицы, серебряный налобник с изображением головы хищника и шесть бронзовых, плакированных серебром полусферических блях. Конская могила в дромосе оказалась разрушенной. Вдоль северной и южной сторон дромоса стояли девять гераклейских и пять синопских амфор. Все погребения относятся ко времени, когда Елизаветовское городище было главным городским центром юго-восточной окраины скифского мира.

Вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники Нижнего Дона, до настоящего времени является предметом научной дискуссии. Обычно исследователи связывают население Елизаветовских курганов со скифами (А. А. Миллер, М. И. Ростовцев, Т. Н. Книпович, М. И. Артамонов, В. П. Шилов). К. Ф. Смирнов полагает, что здесь обитал конгломерат скифо-савроматского и меотского населения [1964, с. 267]. В. Ф. Гайдукевич высказался в пользу савроматской этнической основы местного населения Нижнего Дона [1963, с. 297—298].

Нижнее течение Танаиса-Дона являлось пограничьем и местом соприкосновения трех больших этнокультурных массивов. К западу от Танаиса и Меотиды жили скифы-царские, к востоку простиралась земля савроматов, к юго-востоку — синдо-меоты. Очевидно, эта граница сложилась еще в VI в. до н. э. и просуществовала до конца IV — начала III в. до н. э. Анализируя сложившуюся в древности обстановку, Д. Б. Шелов пишет: «Область нижнего течения Дона и Приазовья была тем районом, где тесное соседство и рано начавшееся передвижение разных этнических групп должно было привести к значительному смешению населения и где трудно найти ту или иную культуру в чистой форме. Взаимное усвоение отдельных культурных явлений скифами, меотами или сарматами должно было облегчаться культурной и этнической близостью всех этих групп населения» [Шелов, 1970, с. 65].

С таким положением Д. Б. Шелова можно согласиться при условии, что на каждой из указанных территорий в VI—IV вв. до н. э. преобладала какая-либо одна этнокультурная среда с возможным включением некоторого количества представителей других групп населения. Со своей стороны, мы считаем, что основную часть местного населения Нижнего Дона, обитавшего на Елизаветовском городище и захороненного в расположенном рядом могильнике, составляли скифы. В пользу этого говорят ранние свидетельства древних авторов, и прежде всего Геродота, твердо отмечавшего местоположение скифов к западу от реки Танаис.

Материальная культура и погребальный обряд захоронений рядового населения и знати Елизаветовского могильника также соответствуют скифским. Что касается устройства погребений преимущественно в ямах, а не в катакомбах, то это, естественно, объясняется особенностью припойменного грунта дельты Дона. Преимущественно скифский облик имеет керамика Елизаветовского городища и некрополя.

Материальная культура и погребальный обряд елизаветовских памятников резко отличаются от савроматского и тем более от меотского. На протяжении V—III вв. до н. э. здесь не наблюдается каких-либо следов вторжения извне, нарушившего и изменившего бы здесь обычный ход жизни. Прекращение жизни на Елизаветовском городище и прекращение функционирования могильника относятся к концу III — началу II в. до н. э., что, скорее всего, объясняется экспансией сарматских племен и их начавшимся продвижением на запад.

ПАМЯТНИКИ
ПРАВОБЕРЕЖНОЙ
ЛЕСОСТЕПИ

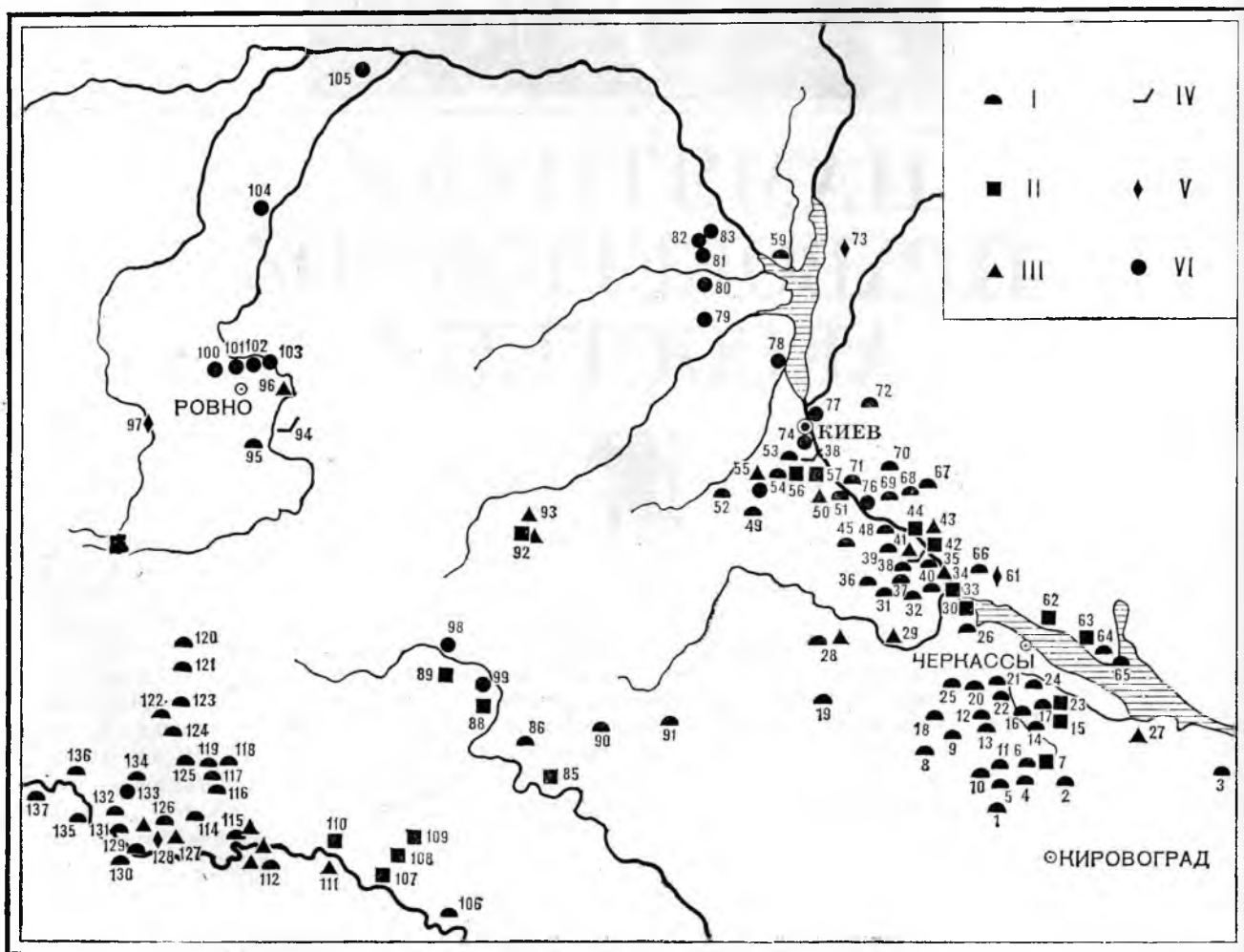
Карта скифских памятников Правобережной Лесостепи:

Тясминская группа: 1 — Мартоноша, Защита; 2 — Болдышка; 3 — Омельник; 4 — Оситняжка; 5 — Турия; 6 — Пастырское (курганы, городище); 7 — Шарповское, Буда-Макеевское городища; 8 — Дарьевка (Шпола); 9 — Матусов; 10 — Журовка; 11 — Капитоновка; 12 — Михайловка (Пруссы); Райгород; 13 — Ташлык; 14 — Грушевка; 15 — Матронинское городище (Мельники); 16 — Тенетинские могильники, поселения в Сунковском лесничестве; 17 — Жаботино, курганы, поселения на Тарасовой горе у с. Завадовка; 18 — Носачево; 19 — Рыжановка; 20 — Константиновка; 21 — Юрьева Гора (Смела); 22 — Холодный Яр; 23 — Плискачевское городище; 24 — Гулий город; курганы, поселения в уроч. Шляева гора, Шева гора; 25 — Теклино; 26 — Мошны; 27 — Ивановка (Яныч); Каневская группа (Поросье): 28 — Медвин; кур-

ганы, поселения; 29 — Москаленки; 30 — Крещатик; 31 — Емчица; 32 — Яблонька; 33 — Пекари; курганы, поселения; 34 — Большое Каневское городище, Исковщина (поселение); 35 — Боборица; 36 — Зеленки; 37 — Синявка, Козаровка; 38 — Берестяги; 39 — Лазурцы, Пищальники; 40 — Степанцы, Ковали; 41 — Гришинцы (поселение, могильники); 42 — Григоровское городище; 43 — Зарубинцы; 44 — Трахтемировское городище; 45 — Кагарлык; 46 — Тулинцы; 47 — Шандра; Киевщина: 48 — Пучинка; 49 — Перепахта; 50 — Обухов; 51 — Триполье; 52 — Малая Офирна; 53 — Скрипки; 54 — Глеваха; 55 — Гатное; 56 — Хотовское городище; 57 — Ходосовское городище; 58 — Ладыжечи, Днепровская террасовая лесостепь: 60 — Каратульское городище; 61 — Песчаное; 62 — Крутьки; 63 — Васютинцы; 64 — Веремеевка; 65 — Жовнин; 66 — Гладковщина; 67 — Подолье; 68 — Ерковцы; 69 — Старинская птицефабрика; 70 — Любарцы; 71 — Софиевка; 72 — Сеньковка; 73 — Навозы. Памятники

подгорцевско-милоградской культуры: 74 — Погребы; 75 — Большая Салтановка; 76 — Рудяки; 77 — Подгорцы; 78 — Казаровичи; 79 — Розважев; 80 — Радинка; 81 — Дуброва; 82 — Бовище; 83 — Новая Краснида, Восточная Подолия: 85 — Немировское городище; 86 — Тютюки; 87 — Севериновское городище; 88 — Якушинцы; 89 — Переопки; 90 — Ильинцы; 91 — Новоселицы. Волынь: 92 — Лука-Райковецкая (Райки); 93 — Троянов; 94 — Могиляны; 95 — Сивки; 96 — Дулебы; 97 — Дубно. Памятники милоградской культуры: 98 — Кирилловка; 99 — Мизяков; 100 — Деревянное; 101 — Городок; 102 — Великий Олексин; 103 — Заборзь; 104 — Корост; 105 — Дубой, Западная Подолия: 106 — Мервинцы; 107 — Григоровка; 108 — Низший Олчедаев; 109 — Высший Олчедаев; 110 — Рудковцы, Матерское; 111 — Непоротово; 112 — Ленковцы; 113 — Нагоряне; 114 — Великие Паневцы; 115 — Лука Врублевская; 116 — Завадинцы; 117 — Серватинцы; 118 — Скричч; 119 — Ивахновцы; 120 — Качановка;

121 — Новоселки Гримайловские; 122 — Городница; 123 — Раков Кут; 124 — Крокулец; 125 — Шидловцы; 126 — Сапогов; 127 — Залесье; 128 — Михалково; 129 — Иване Пусте; 130 — Круглик, Долиняны, Перебыковцы; 131 — Городок; 132 — Дуплиск; 133 — Голитряды; 134 — Бильче Злоте. I — курганы; II — городища; III — поселения; IV — бескурганные могильники; V — клады, находки; VI — памятники милоградско-подгорцевской культуры.

Основным земледельческим населением Скифии были племена, обитавшие в лесостепной зоне Среднего Поднепровья. Среди них выделяются два больших этнокультурных объединения. К первому из них относятся племена, населявшие территорию на запад от Днепра, между Днепром и Днестром (скифы-пахари). По этносу и культуре с ними связано племенное объединение среднего течения р. Ворсклы, переселившееся на левый берег Днепра в период позднего чернолесья.

На Правобережье эти племена были древними аборигенами края — потомками чернолесских племен, по своей этнической принадлежности, вероятнее всего, древние славяне.

Вторую большую группу составляют племена, проживавшие в Левобережной Лесостепи — по нижнему течению р. Сейм, среднему и верхнему течению рек Сулы и Псла, на верхнем течении Ворсклы и бассейне Северского Донца, в районе Харькова. В отличие от обитателей Правобережья, эти племена появились на Левобережье не ранее начала VI в. до н. э. Они вытеснили из прежних мест своего обитания на север, в Полесье, население бондарихинской культуры и принесли с собой полный развитый комплекс раннескифской культуры (включая погребальный обряд и вещевой состав).

По своему происхождению и этносу посульскодонецкие племена скорее всего принадлежали к той же ветви ираноязычного населения, что и степные скифы, представляя собой скотоводческоземледельческий народ скифской культуры и этноса.

По уровню социального развития, способу ведения хозяйства, развитию ремесла племена Правобережной и Левобережной Лесостепи были близки между собой. Однако исторические судьбы и процессы, протекавшие в среде той и другой части населения, отличались друг от друга.

Господство скифов в Северном Причерноморье оказало глубокое влияние на экономику, социальный строй, материальную культуру, идеологические представления и другие стороны жизни населения Правобережной Лесостепи. Особенно большое влияние скифы оказали на племена южной окраины Лесостепи в Приднепровье на севере Кировоградщины, в пределах Черкасской и Киевской областей. Далее на север и северо-запад скифское влияние постепенно уменьшается и сохраняются местные доскифские традиции.

Соответственно с этим в скифское время на Правобережье можно выделить ряд локальных культурных групп, отличающихся друг от друга определенными этнографическими признаками, особенностями быта и бытаев. К числу таких культурно-племенных подразделений принадлежат: Киево-Черкасский регион, в рамках которого можно выделить Тясминскую, Каневскую и Киевскую группы; Восточноподольский по среднему течению Южного Буга на Винничине; Западноподольский, соответствующий территориям современных Тернопольской, Черновицкой и Хмельницкой областей; Волынский, охватывающий южную часть Полесья — современную Ровенскую, южную часть Хмельницкой и полностью Житомирскую области.

На основании изучения памятников Приднепровской Лесостепи и особенно бассейна р. Тясмин в настоящее время сложилось представление о непрерывном культурном развитии от эпохи поздней бронзы до раннеславянского времени, охватывающем период около полутора тысяч лет. Это: комаровско-тшинская культура XV—XIII вв. до н. э.; белогрудовская культура XII—X вв. до н. э.; чернолесская культура X—VIII вв. до н. э.; жаботинский этап (переход от чернолесья к скифскому периоду) VII в. до н. э. Старшая журовская группа (раннескифская) VI в. до н. э.; младшая журовская группа (среднескифская) V в. до н. э.; позднескифские памятники IV — начала III вв. до н. э.; зарубинецкое время — конец III в. до н. э. — I в. н. э.

КИЕВО-ЧЕРКАССКИЙ РЕГИОН

Наиболее обжитым, густонаселенным и развитым в экономическом и культурном отношении был приднепровский и Киево-Черкасский регион, а в его пределах — южная, пограничная со степью территория, соответствующая бассейну р. Тясмин.

Б а с с е й н р. Т я с м и н. В географические рамки рассматриваемой группы входит система р. Тясмин в нынешней Черкасской области, а также территория, где притоки верховьев Тясмина близко соприкасаются с правобережными притоками системы Южного Буга (Горный Тикич, Синюха) и верховьем Ингула и Ингульца в северной части Кировоградской области.

В этих пределах известно около 600 курганов, раскопанных в основном в дореволюционное время, и шесть крупных городищ: Пастырское, Шарповское, Макеевское, Буда-Макеевское, Матронинское, Плискачевское и имеющее значение городища поселение на Тарасовой горе у с. Жаботин.

Основные работы здесь производились А. А. Бобринским, Д. Я. Самоквасовым, Н. Е. Бранденбургом, В. В. Хвойкой и некоторыми другими.

Тясминские курганы и поселения изучались М. И. Ростовцевым, А. А. Спицыным, П. Д. Либеровым, Е. Ф. Покровской, В. Г. Петренко и нами [Ростовцев, 1928; Спицын, 1918; Либеров, 1949, с. 93; Либеров, 1954, с. 132; Покровская, 1953; Покровская, 1953а; Петренко, 1961; Петренко, 1967; Ильинская, 1975]. Памятники Кировоградщины в настоящее время изучаются Н. М. Бокый.

К у р г а н ы Ж а б о т и н с к о г о э т а п а (VII в. до н. э.). Переходным звеном от предскифского, чернолесского периода к развитой поре скифской архаики служат памятники жаботинского этапа. В этот период экономика, социальные отношения и материальная культура претерпевают ряд существенных изменений.

Исчезает преобладающий ранее обряд трупосожжений с захоронениями в бескурганых могильниках. Господствующим становится погребение с труположением в подкурганной яме в сопровождении скифского инвентаря. При этом отметим отсутствие стабильных признаков ритуала и сохранение ряда пережиточных черт трупосожжения. Изменяется тип вооружения. Мечи и кинжалы киммерийских форм заменяются скифскими, появляются ранее неизвестные наконечники копий и боевые топоры. На смену костяным наконечникам чернолесской культуры и бронзовым наконечникам стрел новочеркасского типа приходят наконечники скифских типов: сначала раннежаботинские асимметрично-ромбические, с охватывающим втулку пером, потом жаботинские с выделенной втулкой и затем наконечники колермесских типов. В погребениях местной знати появляются скифские панцирные доспехи. Исчезают доскифские типы конского снаряжения из кости и бронзы, сменяющиеся новыми типами общеизвестных для раннескифской культуры удиц, псалий, бронзовых и костяных пряжек-пронизей. Полностью выходят из употребления чернолесские бронзовые украшения, сменяясь скифскими типами сережек, булавок, браслетов, колец, стеклянных и пастовых бус, ожерелий из янтаря, сердолика, горного хрусталя и пр.

О глубоких изменениях в области идеологии свидетельствуют исчезновение характерного для чернолесья геометрического линейно-циркулярного и спирального орнаментов на принадлежностях конской упряжи, предметах вооружения и личного убора, которые сменяются изделиями в раннескифском зверином стиле. Появляются скифские культовые принадлежности.

Быструю непрерывную эволюцию переживает керамика, основные формы которой — кухонные сосуды типа горшков, чернолесские корчаги, миски, черпаки, кубки — генетически восходят к чернолесской посуде.

Основные элементы орнаментации чернолощеной посуды остаются прежними, но система расположения несколько изменяется: орнаментальный пояс переносится с плечиков на среднюю часть корпуса, исчезают свисающие заштрихованные треугольники. В VII в. до н. э. орнамент чернолощеной посуды отличается особым богатством и разнообразием линейных композиций в сочетании со штампованными узорами и пластическими налестками. В богатстве и разнообразии орнаментации керамики жаботинского этапа сказалось влияние фракийских культур Карпато-Дунайского бассейна.

Плавный переход от чернолесья к скифскому периоду составляет одну из ярких особенностей памятников жаботинского этапа Правобережной Лесостепи и в первую очередь Тясминского региона. Эта изменчивость культуры под влиянием внешних обстоятельств позволяет выделить, по крайней мере, три последовательных этапа, отличающихся определенными признаками.

К числу древнейших памятников жаботинского этапа принадлежат курганы на р. Тенетинке (Смела, I, с. 92, Ильинская, 1975, с. 42] № 107, 111, 113, 139, 158, 163 (высота 2—2,5 м), относящиеся к концу VIII — началу VII в. до н. э. Типичными для них являются перекрытия на грунте или в неглубоких ямах с деревянными перекрытиями. Нередко в одном кургане встречаются погребения в яме и в насыпи. Преобладают вытянутые труположения с западной ориентацией, а в отдельных случаях — захоронения с вариантами трупосожжений (от сожжения в стороне с ссыпанием праха, до сожжения деревянной гробницы).

Отличительной чертой являются слабо выраженная дифференциация, незначительное различие между женскими и мужскими погребениями по инвентарю, небольшое количество предметов вооружения, ограничивающиеся отдельными экземплярами наконечников стрел (среди них известен наконечник раннежаботинского типа). В кургане № 126 при погребенном сказались обломки двух железных копий.

В составе погребального инвентаря встречаются железные ножи, пряслица, иглы, каменные терочники, бусы, простые бронзовые браслеты, колечки и оригинальные булавки с загнутой головкой в виде петли или спирали [Ильинская, 1973а, с. 116; Покровська, 1975, с. 64].

Главной достопримечательностью является в погребениях посуда, среди которой особо характерны глубокие черпаки с высокими ручками и округлотелые кубки с лощеной поверхностью черного или желтого цветов. Сосуды украшены широким поясом орнамента, составленного из различных вариантов линейно-геометрических композиций, среди которых обычны зигзаги, различные варианты заштрихованных треугольников, четырехугольников, ромбов, композиции, составленные из групп параллельных линий, и пр. Орнамент по лощеному полю обычно бывает затерт белой пастой, что делает его особенно отчетливым и выразительным. Пояс орнамента нередко разделен на отдельные поля, в каждом из которых изображены различные геометрические комбинации орнамента. Изредка по верхней части орнаментального пояса встречаются пластические налестки в виде шишечек.

В наиболее ранней группе при составлении линейного узора наряду с прочерченными линиями используются оттиски зубчатого штампа и штампиков в виде колечка, кружка, кружка с крестиком внутри, S-овидного знака и др. Отпечатки штампа обычно располагаются горизонтальными рядами над поясом. Штампованный орнамент в сочетании с прочерченным восходит к орнаменту, присущему позднему чернолесью.

К числу раннежаботинской керамики, связанной с чернолесскими традициями, относятся также глубокие неорнаментированные черпаки, большие кратерообразные сосуды, богато орнаментированные зубчатым и резным геометрическим орнаментом и пластическими налестками, боль-

шие корчаги с подобного рода орнаментацией, миски с загнутыми внутрь или отогнутыми наружу краями, в орнаментации которых также используется геометрическая резьба или рельефный орнамент по краю венчика. В орнаментации корчаг, кубков и мисок встречается также орнамент в виде каннелюр. Для кухонной посуды характерны высокие горшки с гладким краем венчика, проколами под краем и налипным валиком с защипами в основании шейки, практически не отличавшиеся от чернолесских.

Следующую хронологическую группу составляют курганы, в инвентаре которых встречаются вещи доскифских (чернолесских или киммерийских) типов, позволяющих датировать эти погребения временем не позднее первой половины — середины VII в. до н. э. Однако в оформлении богато орнаментированной посуды таких же вариантов, что и на предшествующем этапе, отсутствуют древнейшие элементы штампов и оттисков. К этой группе относятся: курган № 375 у с. Константиновка, где найдены бронзовые двукольчатые удила с подвесками и трехпетельчатые псаляии, курган № 376 этой же группы (высота обоих 2,5 м) [ИАК, вып. 2, с. 30—33], где найдены бронзовые, цельнолитые с псалиями удила типа Енджи; курган II у с. Рыжановка (двукольчатые удила и пряжка-пронизь с солярным знаком) [Самоковасов, 1908, с. 12—13], курганы № 4, 8, 10 у с. Оситняжка (незначительного размера) с характерной керамикой и бронзовой бляхой со спиральным орнаментом [Хвойка, 1904, с. 8—10], курган № 344 на р. Ташлык [Бобринский, 1901, с. 34—35], где среди находок оказалось бронзовое копьё.

В этой группе открыты погребения в насыпи (Рыжановка II, Ташлык, № 344), в сожженных склепах на грунте (Константиновка, № 375, Оситняжка, № 8, 10), в грунтовых ямах с деревянными склепами (Константиновка, № 376, Оситняжка, № 4). В тех случаях, когда удавалось проследить, погребенные лежали головой на запад [Ильинская, 1973, с. 15—18; Ильинская, 1975, с. 30, 35—36, 38, 40].

Конская узда из этих погребений и оружие (Ташлык, № 344) свидетельствуют о выделении сословия всадников, более ранние приметы которых зарегистрированы в таких доскифских погребениях, как у с. Носачева под Смелой и погребение у с. Бутенки на Полтавщине [Ковпаненко, 1966, с. 174; Ковпаненко, 1962, с. 66].

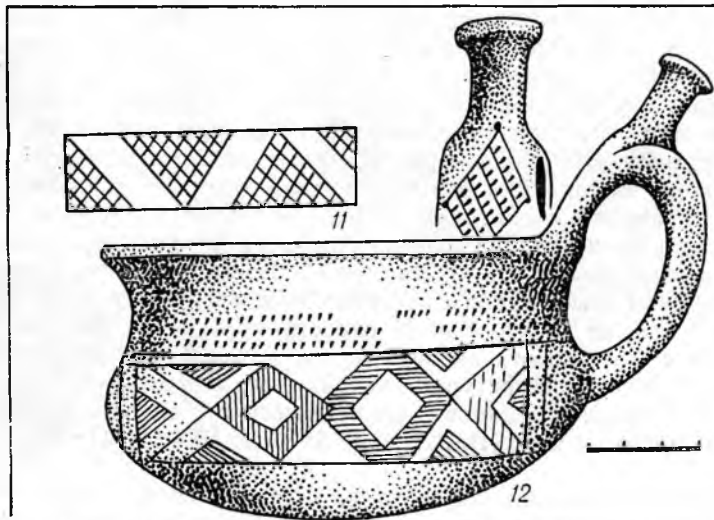
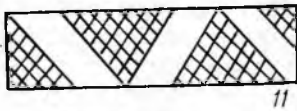
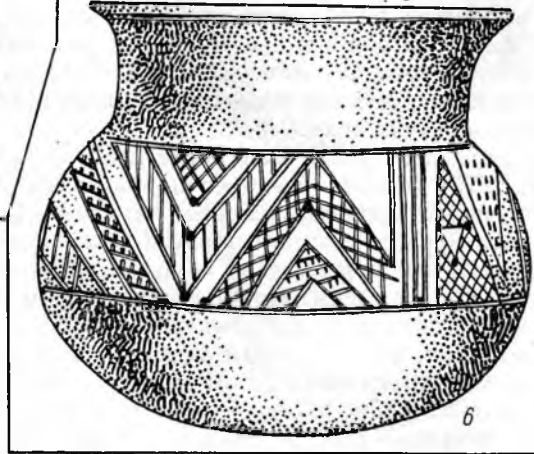
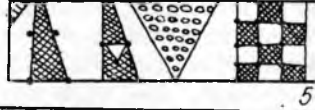
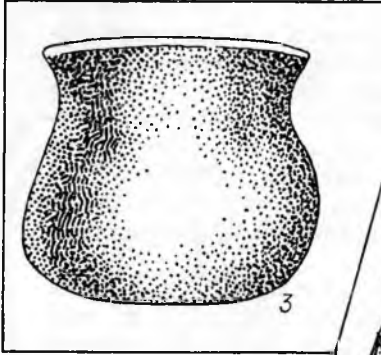
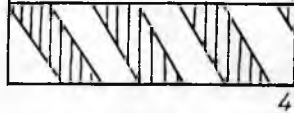
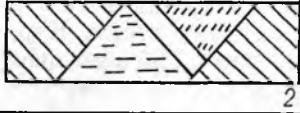
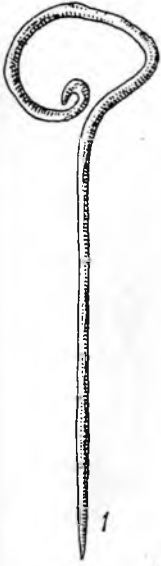
Со второй половины VII в. до н. э. предметы доскифских типов начинают встречаться все реже. Их сменяют, пока еще немногочисленные, предметы скифского архаического комплекса: бронзовые удила со стремявидными петлями и стержневидными псалиями с тремя отверстиями в средней части, отдельные предметы в зверином стиле, оружие.

Определенное изменение претерпевает керамика. Черпаки становятся более мелкими. Орнаментальный узор черпаков и кубков заметно упрощается, преобладающим становится линейный орнамент из групп параллельных прочерченных линий. В орнаментации черпаков (реже — кубков) становится обычным линейный орнамент, радиально расходящийся от середины дна сосуда. Упрощается орнамент на корчагах и мисках. У горшков налипной валик с защипами размещается ниже по корпусу; наряду с ним появляется второй валик под краем венчика. Несколько видоизменяется и форма: горшок становится более приземистым и прямоугольным (переход от тюльпановидной формы к боченкообразной). К этой группе следует отнести курганы № 2 и 15 у с. Константиновка [Бобринский, 1887, с. 2, 34], курганы № 183 и 211 на р. Тенетинка [Бобринский, 1894, с. 95, 65], погребения в кургане у с. Мошны [ОАК, 1894, с. 27], курган № 455 у с. Макеевка [Брандербург, 1908, с. 128; Галанина, 1977, с. 22].

Продолжают встречаться погребения в насыпи (Константиновка, № 2; Тенетинка, № 183), в склепах, впущенных в курган эпохи бронзы (Константиновка, № 15), и преимущественно в грунтовых ямах с деревянными склепами (Макеевка, № 455, Тенетинка, № 211).

*Могильник на р. Тенетинке
(бассейн р. Тясмин):*

1, 2 — курган № 107; 3 — курган № 108; 4 — орнамент сосуда из кургана № 110; 5, 6 — курган № 111; 7—10 — курган № 113; 11, 12 — курган № 114.

Наиболее важными заключительными памятниками, относящимися к концу VII в. до н. э., следует считать погребения в курганах № 2 и 524 у с. Жаботина, давших имя всему этому переходному этапу. Курган № 2 известен нам только по вещевым находкам. Здесь найдены двое бронзовых удил, один из которых с двукольчатыми, а второй со стремявидными петлями (единственный случай, когда удила таких типов найдены совместно), пара костяных псалий, украшенных изображением орлиной головки, конского копытца и геометрическим орнаментом в виде выемчатых треугольников на концевых пластинах псалий, две костяные кубические пряжки-пронизи, две костяные бляхи в виде фигурок «лосих» или «ланей» с поджатыми ногами и повернутой назад мордой со вписанной в контур бляшки фигуркой «детеныша». На плече одной из «лосих» — солярный знак. Замечательную находку из этого погребения составляют четыре костяные пластины с гравированными изображениями лосей и длинноклювых птиц.

В кургане № 524 [ИАК, вып. 50, с. 1, 20; Ильинская, 1973, с. 12—14; Ильинская, 1975] (высота 5,4 м) обнаружен деревянный склеп из вертикально стоящих бревен со слегка впущенным в грунт основанием, а в нем остатки разграбленного парного захоронения. В гробнице вместе с разбросанными костями найдены обломки железного меча, 31 бронзовый наконечник стрел с асимметрично-ромбическим пером и выделенной втулкой (так называемого жаботинского типа), до 300 бронзовых пластинок от панциря, часть рукояти длинного ножа. Из предметов конской узда обнаружены бронзовые удила со стремявидными петлями и бронзовыми псалиями, один конец которых изготовлен в виде рубчатой шишечки, а второй — слегка изогнут. В средней части стержня — три трубчатых отверстия в виде муфт, на боковых сторонах которых имеются изображения солярных знаков. Помимо этого в погребении найдены каменная булава, две золотые пластинки в виде лежащих «ланей» или «лосих», кубок, два черпака, небольшая корчажка (или большой кубок) с вертикальными каннелюрами в средней части. В грабительском ходе обнаружены части железных игл (очевидно, булавок) обломки каменной плиты со следами красной краски, кусочки румян и серы, пастовые и янтарные бусы — остатки инвентаря женского захоронения. Наличие таких предметов, как каменная булава, бронзовые псалии древних скифских типов, жаботинские наконечники стрел, свидетельствуют о том, что этот комплекс относится еще к докелермесской поре, то есть к концу VII в. до н. э.

К этой же поре (возможно, к рубежу VII—VI вв. до н. э.) следует отнести группу предметов из кургана в уроч. Дарьевка близ Шполы [Смела, II, с. 128]. Здесь оказались резная из слоновой кости головка льва восточногреческого происхождения VII в. до н. э. (трофей или ранний импорт), архаический железный акинак, костяной наконечник пожен меча или кинжала с изображением фигуры кошачьего хищника, девять костяных «гвоздиков», две костяные палочки-застежки от колчанов, костяной наконечник псалия в виде орлиной головки, костяная ложечка, украшенная фигурками хищника кошачьей породы и стоящего на нем горного козла, три золотые бляхи в виде фигурок оленя, золотая серьга с гвоздевидными шляпками, две бронзовые такие же булавки.

Ко времени жаботинских курганов или чуть более поздней поре — к началу VI в. до н. э. — можно отнести курган № 346 у с. Теклипо [Смела, III, с. 20] (высота около 6 м), из которого происходят такие же золотые бляшки в виде фигурок «ланей», как и в кургане № 524. О несколько более позднем времени свидетельствует находка наконечников стрел келермесского типа [Ильинская, 1973, с. 10—11; Ильинская, 1975, с. 62—63].

Как видим, в начале VI в. до н. э. появляются курганы так называемой старшей журавской группы, которые в свою очередь можно под-

Предметы из кургана с. Константиновка. Бассейн р. Тясмин:

1—5 — курган № 375; 6 — курган № 376; 11, 12 — курган № 378; 13 — курган № 377.

разделить на более раннюю ступень — первая половина VI в. до н. э. и более позднюю — середина — вторая половина VI в. до н. э.

Курганы VI в. до н. э. (старшая журавская группа). Общими признаками памятников первой половины VI в. до н. э. является широкое внедрение скифского вещевого комплекса келермесского типа в оружие, конском снаряжении и некоторых бытовых вещах, оформленных в зверином стиле. Оружие и конское снаряжение становятся необходимой принадлежностью мужских захоронений. Среди керамики этого времени преобладают мелкие черпаки, украшенные расходящимся радиально от дна орнаментом; обычны глубокие неорнаментированные черпаки, круглотелые кубки с легким и простым линейным узором по поясу. Преобладающими в это время становятся миски с загнутым внутрь краем и корчаги типа вилланова — чернолощенные, гладкие, с наклепными шишками на корпусе. На основании предшествующих форм горшков вырабатываются и становятся господствующими боченковидные горшки с гладким краем и наклепным валиком и защипами и проколами под венчиком. К этой группе относятся курганы № 411 у с. Журавки, № 453, 454, 492 у с. Макеевки, № 471 у с. Оситняжка и № 5 у с. Рыжановка [ИАК, вып. 14, с. 36; ЖРБ, с. 138; Галанина, 1977, с. 19—29; Самоквасов, 1908, с. 88].

Господствующими в это время становятся захоронения в грунтовых ямах с деревянными склепами.

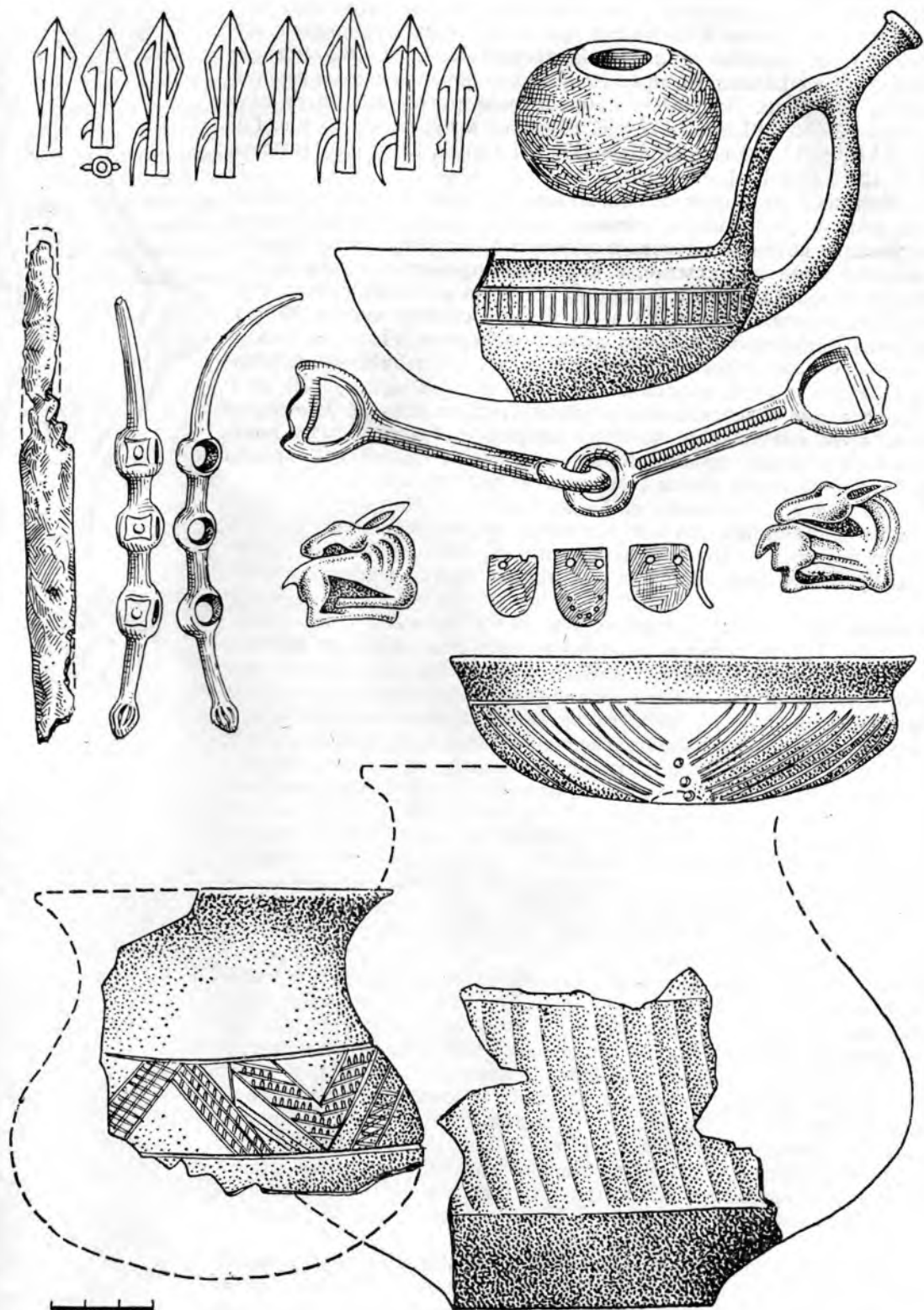
К концу VII — началу VI в. до н. э. относится появление первых предметов греческого импорта доколониального периода. Выше мы уже упоминали львиную головку из слоновой кости, найденную в Дарьевке. В погребении с остатками деревянного склепа у с. Болтышка найдена шейка от большого родосско-милетского сосуда, относящегося ко второй четверти VII в. до н. э. Из кургана у с. Мартопоша происходит бронзовый кратер ионийской работы первой половины VI в. до н. э. с ручками, украшенными изображением Медузы [Древности, т. 25, с. 47; ОАК, 1880, с. 29]*.

Для курганов середины второй половины VI в. до н. э. характерно полное господство разнообразных предметов раннескифского вещевого комплекса, а также вследствие расширения торговых связей с греческими колониями появление вещей транзитного обмена из метрополии и

Фрагмент греческого сосуда из кургана у с. Болтышка

Предметы из кургана № 52 у с. Жаботин. Бассейн р. Тясмин.

* Здесь и ниже определение времени греческих вещей дается по работам Н. А. Онайко 1966, 1970 гг.

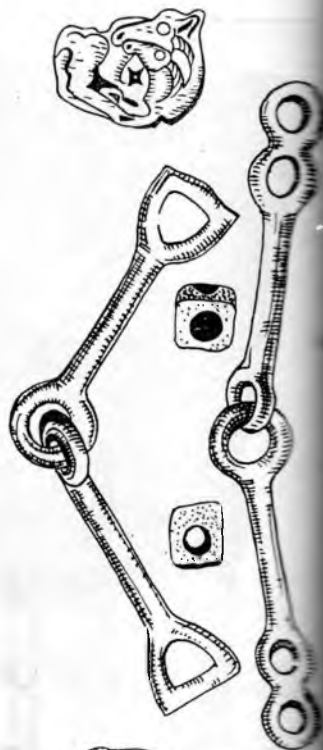
колоний, преимущественно ольвийского производства. Из состава керамики почти полностью выходят из употребления орнаментированные круглотелые кубки и черпаки. Типичными для этого этапа становятся высокие грушевидные черпаки с лощеной неорнаментированной поверхностью, корчаги типа вилланова, простые миски и бочонковидные горшки с валиком под венчиком. Опорными памятниками этого типа могут служить курганы № 406, 407, 432, 447 у с. Журовка и курган № 38 у с. Гуляй-Город [ИАК, с. 14, 29 сл.; ИАК, с. 17, 87; Смела, I, с. 100] (высота насыпей 8,3; 4,5; 2,5; 2,1 м).

Здесь отчетливо выступает сложившийся тип погребального устройства в виде ямы с деревянным склепом со стенками, облицованными деревом, основание которого вкопано в канавки по сторонам ямы, столбами, поддерживающими перекрытие, и коридором-дромосом с южной стороны. К числу наиболее ранних (середина VI в. до н. э.) относится курган № 406. Позднейшим (конец VI в. до н. э.) является курган № 447. В нем найдены ионийское блюдечко второй половины VI в. до н. э. и бронзовое зеркало типа известного среди находок в Ольвийском могильнике в погребениях второй половины VI в. до н. э. В кургане № 38 у с. Гуляй-Город в яме с деревянным склепом открыто парное погребение с богатым набором вооружения, конского снаряжения и остатками предметов женского инвентаря, среди которых — бронзовое ольвийское зеркало с головкой барана на конце ручки (середина VI в. до н. э.).

Курган № 454 у с. Макеевки особенно интересен тем, что в гробнице с большим деревянным срубом оказалось перазграбленное женское захоронение с оружием — копья и наконечники стрел. Кроме того, здесь обнаружены бусы, булавка, глиняное пряслице и посуда с напутственной пищей.

Аналогичен этому захоронению курган № 423 у с. Журовка (Галанина, 1977, табл. 7), где в яме с деревянным склепом погребена молодая женщина. Из предметов инвентаря найдены бронзовое зеркало с железной ручкой, кусочки румян и серы, мелкие каменные и глиняные бусы, позднесамосский лекиф VI в. до н. э., доньшко чернолакового сосуда и амфора. Кроме того, здесь найдены колчан с 56 наконечниками стрел архаических и позднеархаических типов, железные оковки от пояса и пять пращевых камней. В могиле лежали остатки от напутственного мяса коровы и железный нож. Погребение относится к концу VI в. до н. э. (подробнее об этом см. Ильинская, 1975). Подобное захоронение открыто в исследованном в 1974 г. кургане Репяховатая Могила у с. Матусов. В этом кургане (высота насыпи 2 м) оказались два погребения — основное и впускное, — одинаковые по плану и устройству. Очевидно, захоронения членов одной семьи. Обе гробницы представляли почти квадратные ямы, ориентированные по сторонам света, с покато спускающимся с юга дромосом. В первом случае яма была впущена в материк, во втором — в насыпь, с основанием, оказавшимся на материке. Сверху ямы перекрыты накатом. Глубина гробниц 2,25 м. Вдоль степ вкруговую (за исключением участка дромоса) вырыта канава шириной 0,4—0,6 м, и глубиной 0,5—0,6 м, по углам которой были поставлены столбы, а вдоль стен — расколотые бревна, обращенные выпуклой стороной внутрь гробницы. Промежутки между горбылями замазаны глиной так плотно, что с внутренней стороны стена была плоская, с просвечивающимися через глину выпуклыми частями горбылей. Канавки засыпаны неплотно утрамбованной глиной. В средней части ямы находились столбы, поставленные без соблюдения симметрии; в первой гробнице их было два, во второй — четыре.

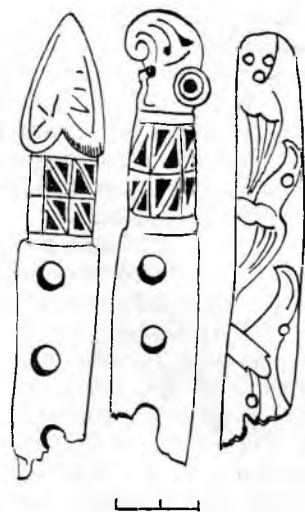
Основная могила, содержащая парное захоронение, оказалась ограбленной. Восточная часть могилы, где находилось место главного погребенного, была опустошена. В западной части на деревянном ложе или носилках в вытянутом положении головой на юг обнаружен скелет жен-

щины. На лобной части черепа умершей находилась повязка с нашитыми на ней в два ряда пастовыми бусинами. Справа и слева от черепа лежали золотые серьги с гвоздевидными шляпками. В области черепа, кроме того, найдены две бронзовые гвоздевидные булавки. На запястье левой руки оказались бусы и амулеты от браслета-повязки. Справа, выше головы, лежало бронзовое зеркало с центральной ручкой.

В ногах женского скелета лежал скелет подростка скорченно на боку, головой на юг, очевидно, «слуги-раба». При нем найдена бронзовая серьга с гвоздевидной шляпкой. Кроме того, в гробнице обнаружены: железный наконечник копья и колчан с 83 бронзовыми, 4 костяными и 5 железными наконечниками стрел. Рядом с колчаном лежали костяные «гвоздики» и палочка-застежка. Бронзовые наконечники стрел принадлежат различным вариантам двухлопастных и трехлопастных с овальной

*Предметы из кургана № 2
у с. Жаботин. Бассейн
р. Тясмин.*

*Ручка от греческого брон-
зового кратера из кургана у
с. Маргоноша.*

головкой, с шипами и без них. Найдены также бронзовые удила со стремявидными петлями и две пары костяных наконечников псалий — два в виде головки грифобарана и два в виде конского копытца.

Более интересной оказалась впускная гробница. Грабители нарушили здесь только скелет главного погребенного, лежавшего на деревянном ложе вдоль восточной стены головой на юг. На месте пояса умершего обнаружен железный кинжал с бронзовым наконечником ножен в виде орлиной головки.

Здесь же оказалось сопровождающее захоронение подростка без вещей, лежащего скорченно головой на восток. Очевидно, это был, как и в первом случае, «слуга-раб».

В гробнице найдено большое количество вещей, сохранивших первоначальное положение. Из предметов вооружения, помимо упомянутого кинжала, обнаружены два железных наконечника копий архаической лавролистной формы, боевой топор типа секиры-молота, остатки двух колчанов, один из которых содержал 151 бронзовый и 4 костяных наконечника стрел, а второй — 124 бронзовых наконечника. При обоих колчанах сохранились палочки-застежки и костяные «гвоздики». Бронзовые наконечники стрел в обоих колчанах представлены пятью типами. Это обстоятельство является немаловажным, поскольку оно свидетельствует о различных вариантах одновременно сосуществующих наконечников. Среди них имеются различные варианты двух- и трехлопастных наконечников различных размеров, с шипами и без них, а также трехгранные со сводчатой головкой и обрезанными краями граней. Кроме того, в гробнице обнаружено шесть больших однолезвийных ножей типа «охотничьих» и остатки плохо сохранившегося железного панциря, лежавшего в головах погребенного.

Здесь же оказалось наибольшее для известных на Правобережье гробниц количество частей конского снаряжения от 16 уздечек. В их число входят двое бронзовых удили со стремявидными петлями, одни такие же из железа и 13 железных удили с концами, загнутыми в петли. Все псалии принадлежат к одному типу: железные стержневидные, с загнутым концом и тремя боковыми петлями. При одной из уздечек найдены костяные головки коня и грифобарана, при другой — девять подвесок из когтей медведя.

В гробнице обнаружено немало предметов туалета: три бронзовых зеркала, два каменных блюда, два куса желтой и кусок розовой серы, пастовые и янтарные бусы. Вместе с тем здесь найдены предметы культового назначения: две пары больших бронзовых жертвенных ножей и пара железных наверший в виде овальных бубенцов на стержне.

На редкость полным оказался набор керамики: два горшка с валиковидным налепом и проколами под венчиком, две миски с загнутым внутрь краем (одна из них на полом поддоне), четыре чернолощенных черпака грушевидной формы разных размеров и большая чернолощенная корчага виллавановского типа. Здесь же находился какой-то деревянный сосуд, от которого остались золотая оковка края в виде небольшой гладкой пластины.

Перечисленный набор хорошо датирован вещами античного импорта, представленного глиняной амфорой, ионийским кувшином и бронзовым кратером середины — второй половины VI в. до н. э.

В результате раскопок Репяховатой Могилы удалось уточнить ряд особенностей погребального устройства тясминских курганов VI в. до н. э., подтвердить представление о единовременном комплексе вещей и керамики, получить новые данные для уточнения хронологии курганов журавовского типа.

Курганы V в. до н. э. (младшие журавовские). Следующая ступень связана с курганами так называемой младшей журавовской группы (среднескифского периода). Название предложено А. А. Спици-

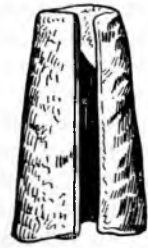

ным по материалам курганов № 396—398, 400—404, 412, 413 у с. Журовка. По данным В. Г. Петренко, к этому периоду на Тясмине относятся 32 погребения [Петренко, 1967, 92—94].

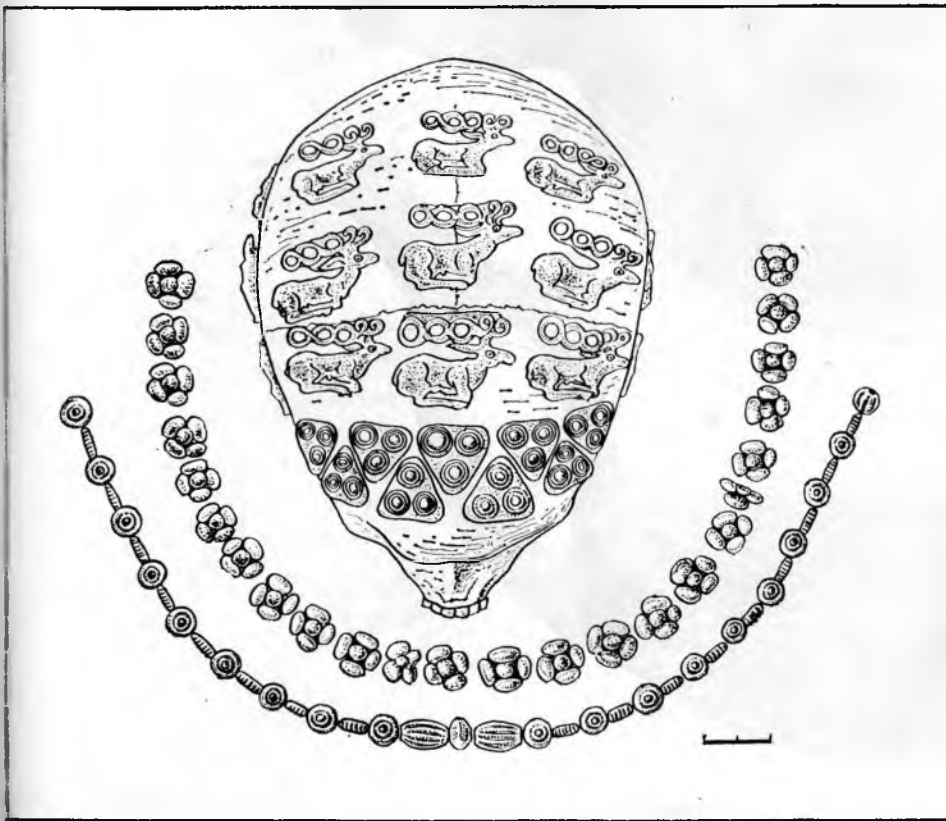
В период перехода от VI к V в. до н. э. в скифской культуре происходят значительные изменения, затронувшие большинство скифских вещей: оружие, конское снаряжение, украшения, керамику, изделие в зверином стиле. Предметы быта становятся богаче за счет широкого проникновения разнообразных предметов греческого производства из метрополии и из причерноморских городов. Среди памятников этого периода наиболее выразительны курган № 483 у с. Грушевка, журовские курганы, курган № 491 у с. Макеевки.

Курган № 383 у с. Грушевка [Петренко, 1967, с. 92; Онайко, 1966, с. 235] справедливо относят к рубежу раннескифского и среднескифского периодов. Гробница реконструируется как деревянный столбовой сожженный склеп с впущенным в грунт основанием. Погребенный лежал слегка скорченно на левом боку, головой на запад. На шее была гладкая электрическая гривна, у головы — золотая серьга калачиком и разнообразные бусы. Индивидуальной особенностью этого захоронения является то, что погребенный был окружен 115 воткнутыми со всех сторон наконечниками стрел архаических и позднеархаических типов. Из состава других вещей здесь найдены: железный меч, два наконечника копья, оселок, железные удила с псалями, бронзовый наносник в виде головки грифона, две бронзовые круглые уздечные бляхи с рубчатыми краями, чернолощенная корчага и лепной амфоровидный сосуд с двумя ручками и железный нож при костях от жертвенного мяса.

В кургане № 491 недалеко от с. Макеевка Н. Е. Брандербургом [ЖРБ, 1908, с. 133—134; Галанина, 1977, с. 26—31] была раскопана богатая, хотя

← ↑
Предметы из кургана у с. Емчиха (Поросье) и кургана № 453 у с. Макеевки (Тясмин).

Золотые украшения головного убора и ожерелья из кургана № 100 у с. Синявка (Поросье).

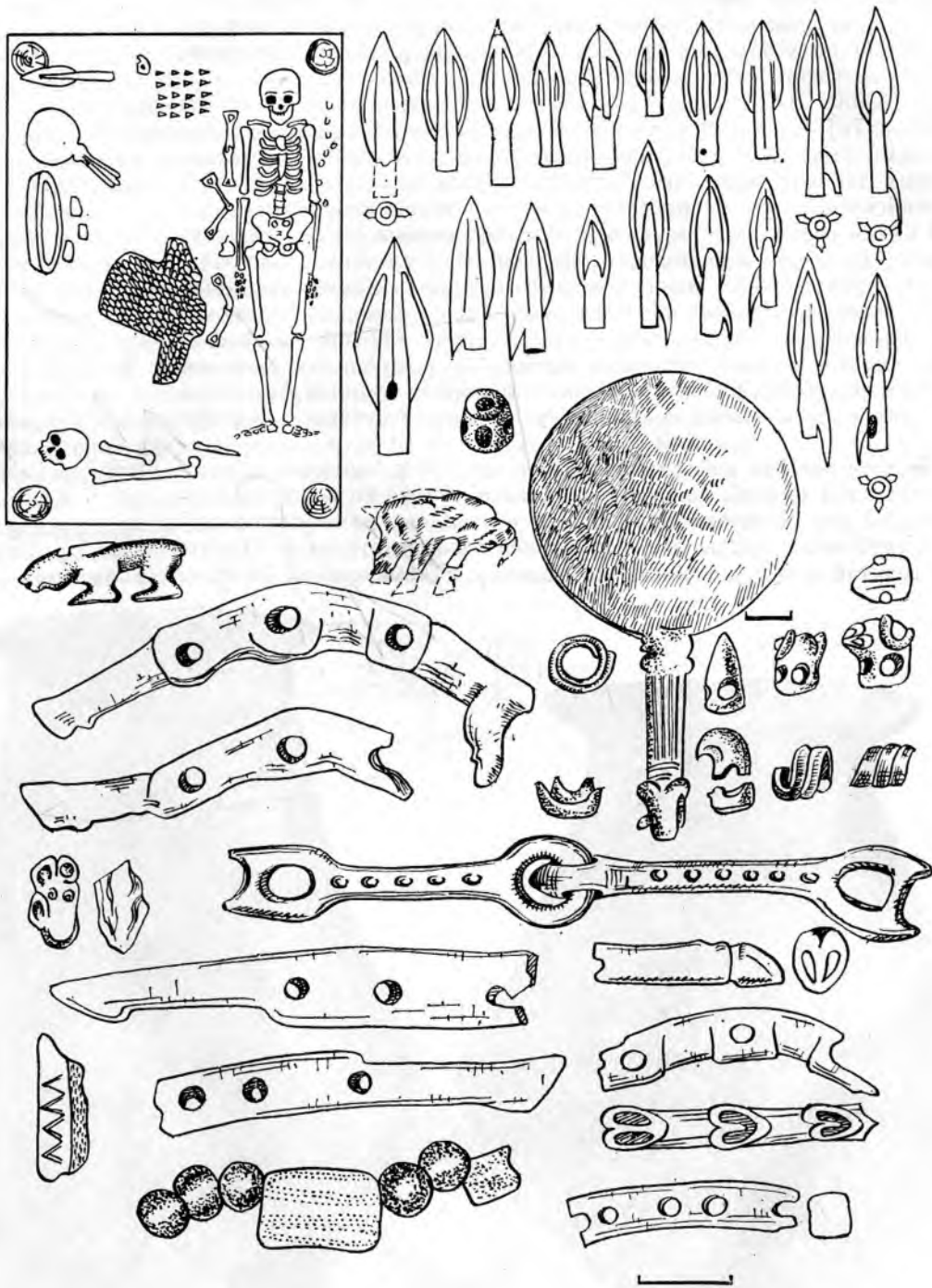
и нарушенная грабителями, могила в яме с деревянным склепом и дромосом. Количество погребенных не ясно. В дромосе перед входом в гробницу лежал скелет коня с уздечным набором. Гробница хорошо датируется находками ряда античных вещей, среди которых самосский лекиф конца VI в. до н. э., чернофигурный аттический килик и чернолаковая чашка на ножке начала V в. до н. э. Кроме того, в гробнице оказались остатки двух железных панцирей, большое железное копье архаического типа, бронзовые наконечники стрел, преимущественно позднеархаических типов (базисные и опорновтульчатые) [Мелюкова, 1964, табл. 7, Д] по терминологии П. Рау, большой железный нож, конец ручки которого оформлен в виде головы хищника кошачьей породы.

Из предметов конской узда найдены части трех уздечек с железными удилами, железными и бронзовыми псалиями S-овидной формы. У железных псалий верхний конец оформлен в виде львиной головки. Далее назовем два наносника с фигурками хищника в профиль и скульптурной головкой, повернутой в фас, две бляхи в виде фигурок свернувшихся в

План погребения и предметы из кургана № 38 с. Гуляй-Города (Тясмин)

Черпак из кургана № 411 с. Журовка (Тясмин).

кольцо хищников волчьей породы, ворварки, небольшие выпуклые круглые бляшки.

В устройстве погребальных сооружений Журовские курганы V в. до н. э. продолжают традиции погребений предшествующего периода. Господствующими остаются деревянные склепы в больших грунтовых ямах со стенками, облицованными деревянными плахами, укрепленными в канавках, столбами по углам и в средней части, поддерживающими перекрытие, и покатым коридором-дромосом с южной стороны.

Курган № 400 [ИАК, вып. 14, с. 9 и сл.; Петренко, 1967, с. 92; Онайко, 1966, с. 70] — один из наиболее интересных — имел склеп с деревянным полом. Гробница прекрасно датируется античными сосудами, среди которых две хосские амфоры, чернолаковая ионийская чашечка, крышка ионийского сосуда начала V в. до н. э., а также краснофигурный аттический килик середины V в. до н. э. с изображением на дне сидящего обнаженного мужчины и надписью граффити «Врачу и Дельфинию».

В могиле обнаружены скелет молодого мужчины, лежавший вдоль юго-западной стенки, головой на северо-запад и останки, по-видимому, женщины, положенные вдоль северо-западной стенки головой на северо-восток. При первом найден железный панцирь с чешуйчатым набором и железными ворварками, бронзовая серьга с янтарной бусиной, три пары железных удил с бронзовыми псалями, уздечными бляхами и ворварками.

При женском скелете найдены бронзовое зеркало с бортиком и отломанной петельчатой ручкой, золотая ромбическая бляха со сканным узором и петелькой для подвешивания, золотая серьга, массивная несомкнутая золотая трубочка с пятью цветочками, две золотые рубчатые бусины и большой золотой конус, подобный найденному в Томаковской Могиле.

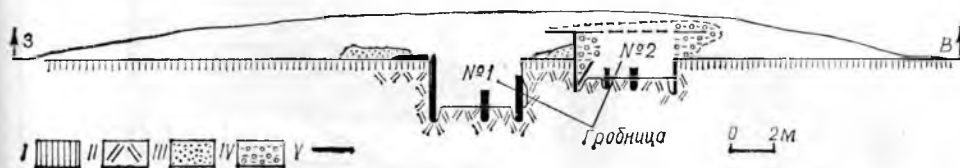
Биконические корчаги из курганов № 447 и 432 с. Журовка.

Возле этого же скелета оказался колчан (вероятно, их было несколько) с 563 бронзовыми наконечниками стрел типа базисных и опорновтульчатых; четверо железных удил с железными псалиями, ворварками и различными бляхами. Кроме того, в могиле найдены два железных наконечника копий с подтоками. У центрального столба обнаружены еще двое удил с железными псалиями и предметы конской сбруи. В гробнице найден простой горшок с четырьмя налечами по плечикам и золотая оковка от деревянного сосуда с изображением фигурки оленя. В дромосе перед входом лежали скелеты двух коней с железными удилами, бронзовыми псалиями и бронзовыми украшениями уздечек.

Очень близким по времени (возможно, более поздним) является курган № 401 [ИАК, вып. 14, с. 14; Петренко, 1967, с. 92; Онайко, 1966, с. 70], где найдены такие античные предметы, как хиосская амфора первой половины V в. до н. э., чернолаковый килик на высокой ножке второй четверти V в. до н. э., бронзовое ситечко и черпак этого же времени. Особенностью устройства склепа являлось двускатное перекрытие над ямой. Во входном коридоре лежали скелеты двух коней; третий конь — на дне гробницы у входа в дромос. Погребенный, мужчина большого роста, лежал в средней части склепа вытянуто, головой на северо-восток. При нем оказались: железный кинжал и меч длиной 80 см с волютообразными концами наверший, наконечник и подток копья, 19 архаических и позднеархаических наконечников стрел, 10 пращевых камней. Из предметов оборонительных доспехов найдены железный чешуйчатый панцирь и остатки пояса с бронзовым набором. Рядом с лошадьми — различные предметы конского снаряжения. Одна уздечка с золотым пластинчатым наносником, украшенным штампованным изображением оленя, фигурки и головки орла с пунсонным орнаментом лежали при погребенном. Из дру-

Разрез кургана Репяховатая Могила под Магусовым:
I — погребенный чернозем;
II — материк; III — выкид;
IV — глина с черноземом (выкид из гробницы № 2); V — дерево.

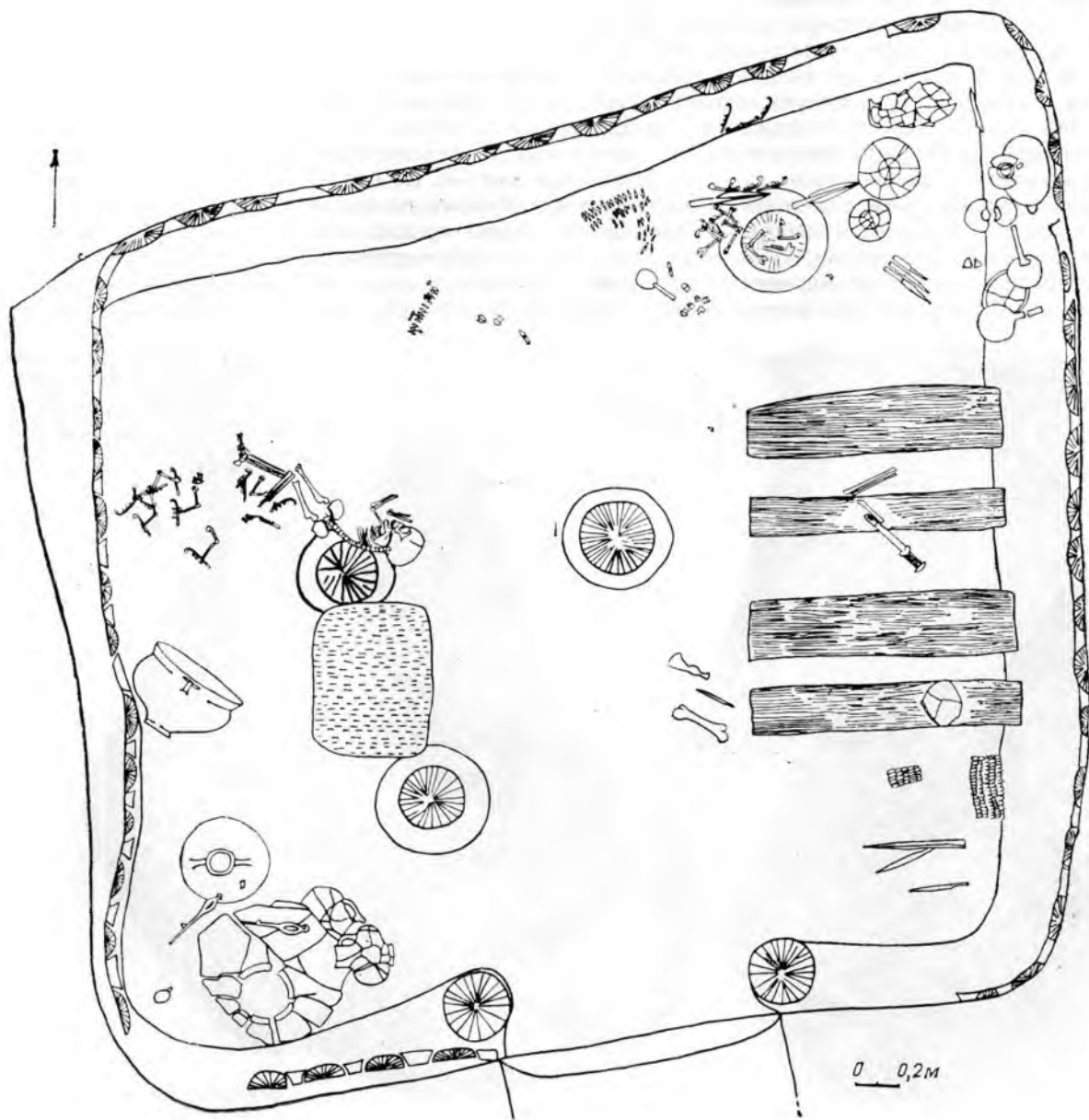

Черпаки из курганов у с. Журовка.

гих предметов утвари следует назвать две золотые оковки от деревянных сосудов — одна с изображением фигурки оленя, вторая — с оленьей головкой и вертикально отходящим от нее рогом, ветви которого трактованы в виде орлиных головок, черный глиняный сосуд местной работы; среди костей от жертвенного мяса лежал железный нож.

Выдающийся интерес представляют уздечные наборы из Журовских курганов V в. до н. э. Из кургана № 400 происходят оригинальные бронзовые S-овидные псалии, концы которых украшены стилизованными изображениями копытца, бронзовая подвеска в виде стилизованного копытца с помещенной на ней львиной головкой в профиль сверху; пряжка от подпружного ремня в виде развернутой головы лося с петелькой для закрепления конца ремня, а также бронзовый пластинчатый наносник и круглая пряжка с петелькой для ремня.

План гробницы № 2 в кургане Репязоватая Могила.

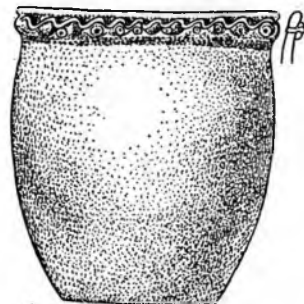
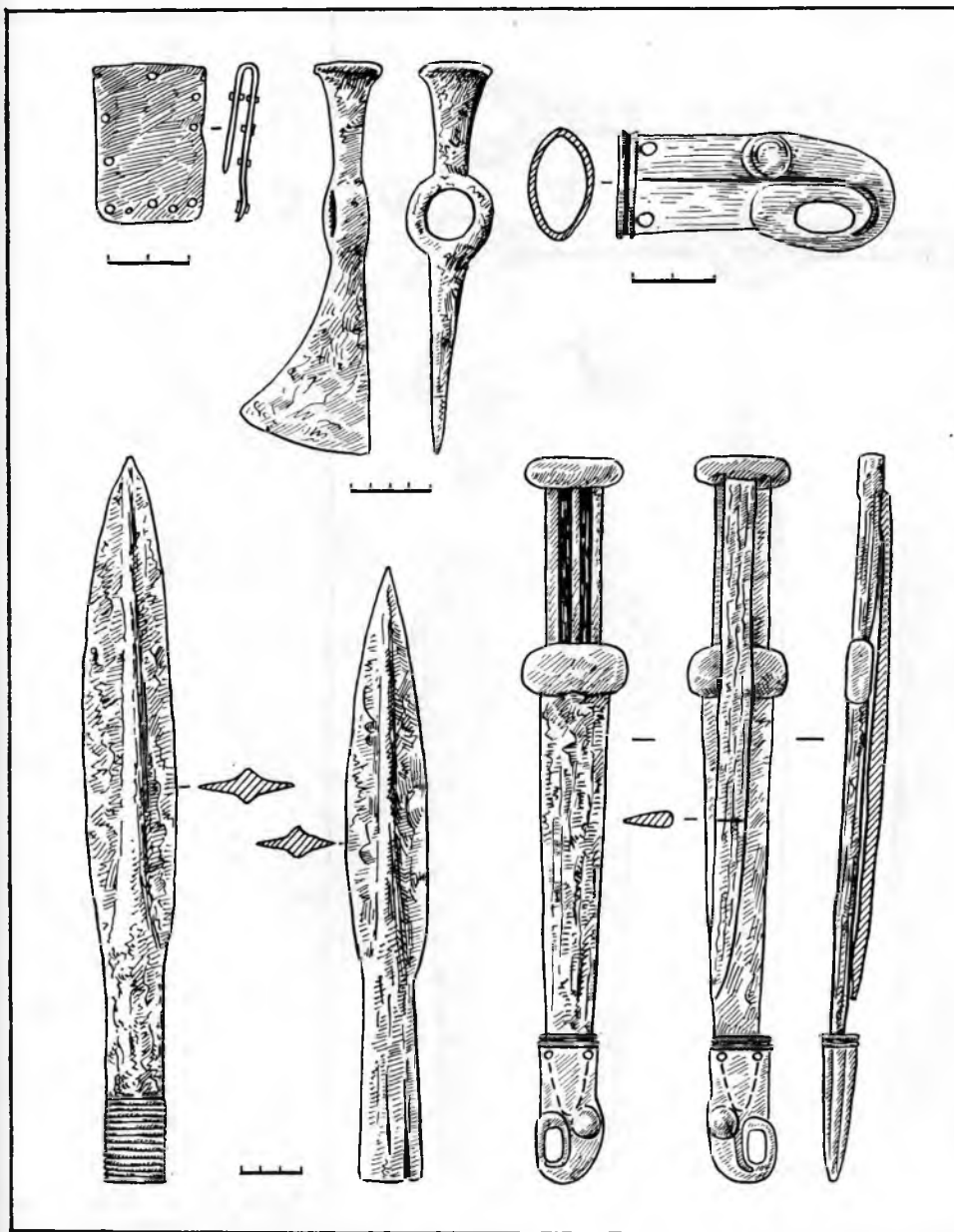

В курганах № 400 и 401 обычны разнообразные варианты железных и бронзовых псалий S-овидно и Г-образно изогнутых с концом в виде молоточка. В обоих курганах встречены бронзовые бляхи в виде львиных головок в профиль и головок орлиных грифонов с веерообразной пальметой на затылке, бронзовые бляхи в виде ромбических щитков, большие и малые гладкие круглые выпуклые бляхи, бляхи-розетки, гладкие и граненные ворварки. В кургане № 401 найдены налобники в виде фигурок хищника из семейства кошачьих в профиль с повернутой вперед головой, налобник в виде головы оленя, бляха с изображением головы лося и рогами в виде орлиных головок, пальметтами в центре и на затылке, рубчатым ухом, стилизованным в виде птичьего крыла. Замечательны по своей художественности и лаконизму бронзовые бляхи в виде когтя птицы (четыре обращены влево, четыре — вправо).

Чернолощенная корчага из гробницы № 2 Репяховой Могилы.

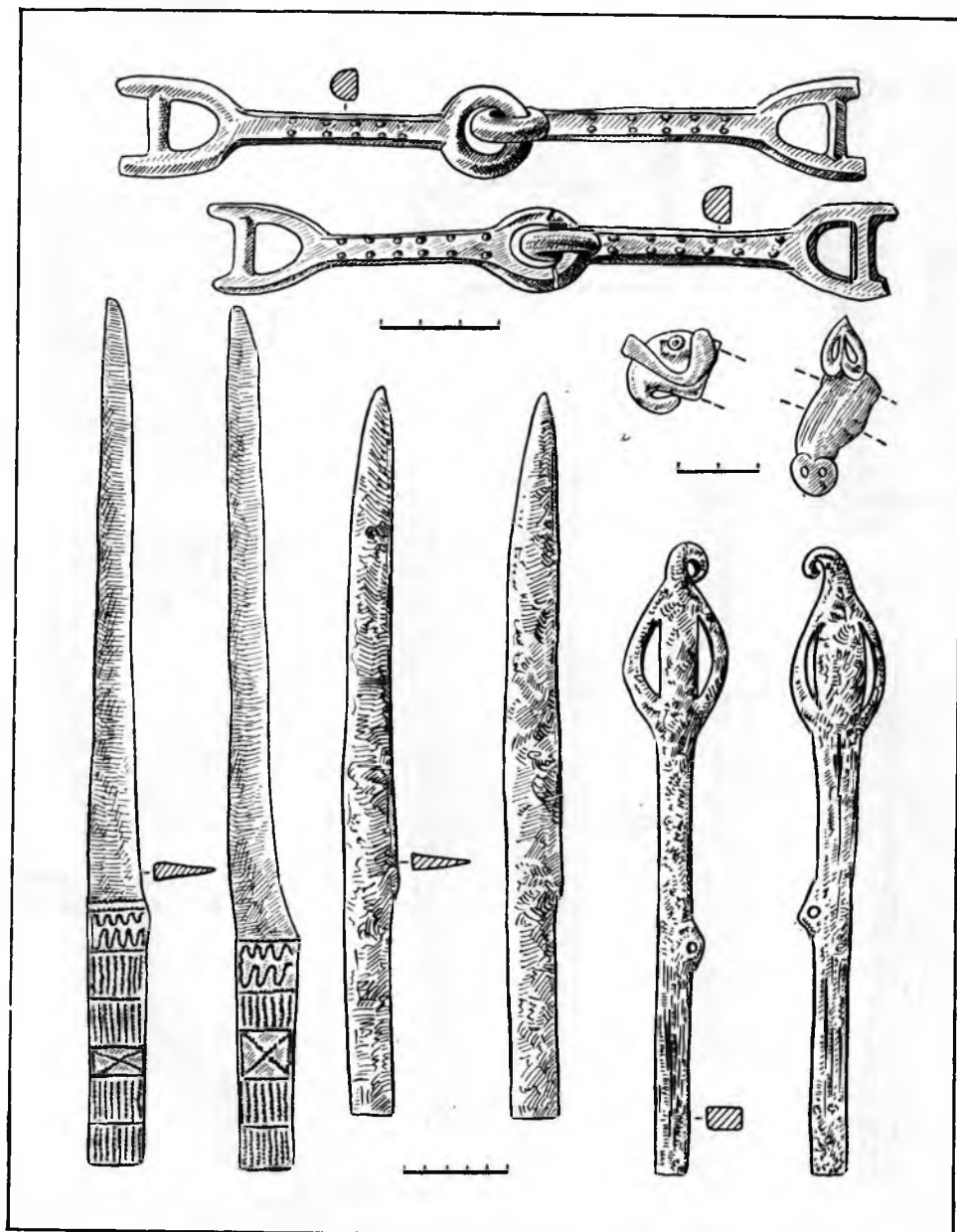

Лепные сосуды из гробницы № 2 Репяховой Могилы.

Вещи из гробницы № 2 Репяховой Могилы.

Не менее интересна серия бронзовых украшений конской узды из курганов «В» и «Г» у с. Журовка, раскопанных крестьянами [ИАК, вып. 14, с. 26, 27]. Среди них редкого типа подпружная пряжка с развернутой головой лося и крючком для закрепления ремня; серповидный предмет с фигуркой хищника из семейства кошачьих с поджатыми лапами; фигурка стоящего хищника с повернутой в фас головой на подставке в виде когтистой лапы; фигурка лося с поджатыми ногами и повернутой назад мордой с рогами и ухом в виде пальмет, увенчивающая подставку в виде когтистой лапы; головки орла и грифона, фигурка орла, подобная изображенному на золотом налобнике и на бронзовых бляхах из Золотого Симферопольского кургана.

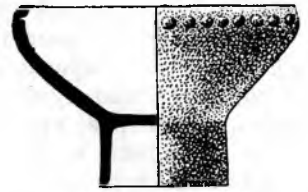
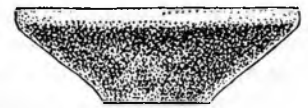
Все бронзовые изделия из курганов V в. до н. э. у с. Журовка отличаются высоким качеством изготовления и большим художественным

Предметы из Реняховатой
Могины. Гробница № 2.

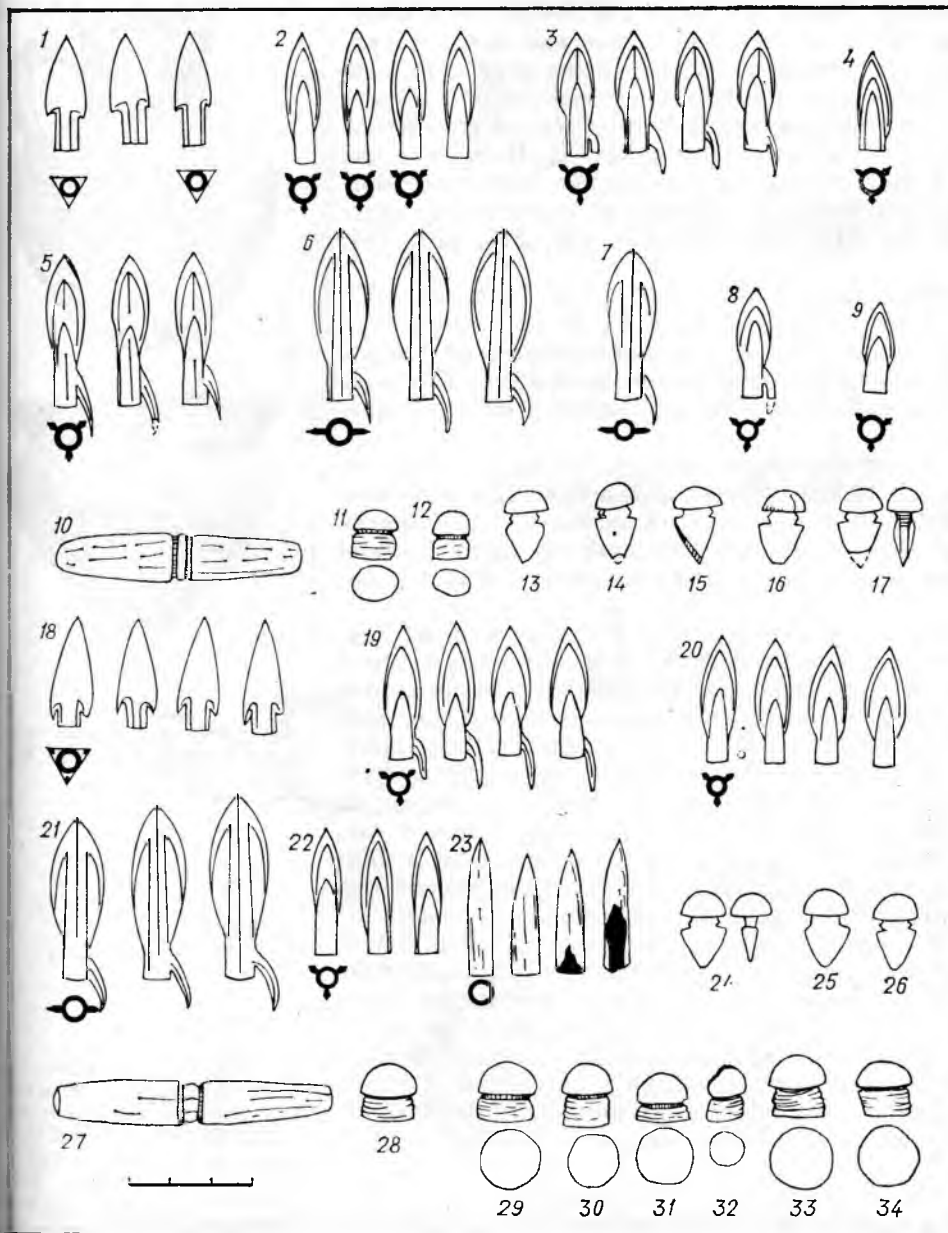

вкусом. Представляется вполне вероятным, что многие из них были изготовлены в мастерских античных колоний. Так, бронзовые бляшки в виде орлиных головок из кургана № 422 и головки на золотом налобнике из кургана № 400 в наибольшей степени соответствуют литейным формочкам из Ольвии. Мотив конского копыта в оформлении псалий нередко встречается на Боспоре. В составе семибратних и нимфейских бронз имеются очень близкие к журовским бляхи в виде головок льва, лося и орла с пальметой сзади. Здесь же имеются соответствия бронзовым налобникам в виде фигурки хищника в профиль со скульптурной головкой в фас. Едва ли не из мастерской Боспора происходит сравнительно редкий тип бронзового псалия с Г-образным концом, расклепаным в виде секирки, найденный в кургане № 188 на р. Тенетинке, датированном находкой чернолакового аттического скифоса серединой V в. до н. э. [Смела,

Ленные сосуды из гробницы № 2 Репяховой Могилы.

Наборы наконечников стрел и костяные части колчанов из гробницы № 2 Репяховой Могилы.

II, с. 85; Онайко, 1966, № 176]. Несомненно, из боспорского производственного центра происходят бронзовые псалии S-овидной формы с протомой львиного хищника на одном из концов и орлиной головкой на другом, найденные в кургане № 522 на Юрьевой Горе близ Смелы в погребении, которое может быть отнесено к первой половине V в. до н. э. [ИАК, вып. 54, с. 99].

Появление новых типов принадлежностей конской упряжки с различными вариантами бронзовых художественных украшений в зверином стиле, в которых явно чувствуются черты влияния античных северопричерноморских центров, представляется тем более вероятным, поскольку именно в это время в лесостепные земледельческие районы Скифии широко проникает античная продукция, большое количество которой оседало в бассейне р. Тясмина. Помимо упомянутых выше, ионийские кувшины найдены в курганах № 418, 429 и «Д» у с. Журовка (конец VI в. до н. э.). В кургане «Г» найдены самосский расписной лекиф и аск конца VI в. до н. э.; в кургане № 402 — чернолаковая аттическая миска; в кургане № 403 — чернолаковая аттическая чашка на ножке первой половины VI в. до н. э.; гладкая бронзовая чашечка и бронзовое ситечко; в кургане № 404 — чернолаковая пиксида середины V в. до н. э. и ольвийское бронзовое зеркало с ручкой в виде ионийской капители. В кургане между селами Ромейковка и Петраковка на Черкасшине вместе с хиосской амфорой VI—V вв. до н. э. найдены коринфский шлем и бронзовые поножи [Онайко, 1966, № 114, 115, 121, 123, 159, 163, 217, 219; 174; 262, 221, 222].

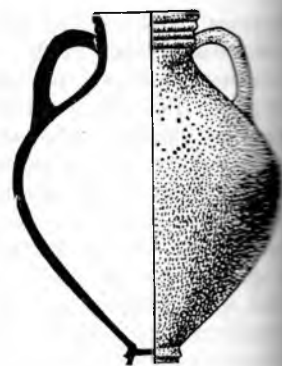
В кургане № 9 у с. Оситняжка [АЛЮР, 1904, № 1—2; ДП, VI, табл. II, с. 423; Петренко, 1967, с. 94; Онайко, 1966, № 214] в яме с деревянным склепом найдена золотая отделка головного убора в виде обруча с перекрещивающимися лентами и тисненными изображениями головок птиц и розеток, две амфоры и бронзовая позолоченная ойнохоя середины V в. до н. э.

Эти и многие другие античные вещи: амфоры, сосуды, изделия из бронзы и золота из курганов и городищ, поселений и случайных находок Среднего Приднепровья, собраны и систематизированы в неоднократно упоминаемой работе Н. А. Онайко. На составленной ею карте бассейна р. Тясмин выделяется как особое место концентрации античных находок VII—V вв. до н. э.

Количество лепной керамики местной работы с начала V в. до н. э. резко сокращается. Полностью исчезают черпаки с высокими ручками и округлотелые кубки с резной орнаментацией. Сокращается количество и упрощается форма биконических корчаг. Они становятся меньших размеров, отличаются более короткой шейкой, слабо выраженной биконичностью корпуса и отсутствием налепов. Появляется новая форма двуручных кувшинообразных сосудов, очевидно, подражающих амфорам, и одноручные кувшины. Упрощается форма мисок. Исчезают миски с отогнутым наружу краем, а также миски, украшенные орнаментом в виде каннелюр, налепов, разных линейных узоров. В качестве орнаментации сохраняются наколы с выпуклостями, располагающимися под краем.

Бочонковидные горшки с валиком и проколами под венчиком в V в. до н. э. исчезают и появляются горшки с суженной шейкой, расширяющимся у пояса или плеча корпусом и сравнительно небольшим дном. Налепной валик исчезает. Проколы под венчиком сменяются наколами, а вскоре и вовсе исчезают. Наиболее типичным становится орнамент в виде пальцевого рельефа по краю венчика, нередко в сочетании с рядом пальцевых вдавлений (или иных видов оттисков) по шейке. Появляются сосуды в виде кружек с петельчатой ручкой, вазочек на ножке, небольших горшочков и мисочек*.

На протяжении V в. до н. э. керамика Правобережья теряет свое традиционное своеобразие и приобретает общескифские черты. Состав ее

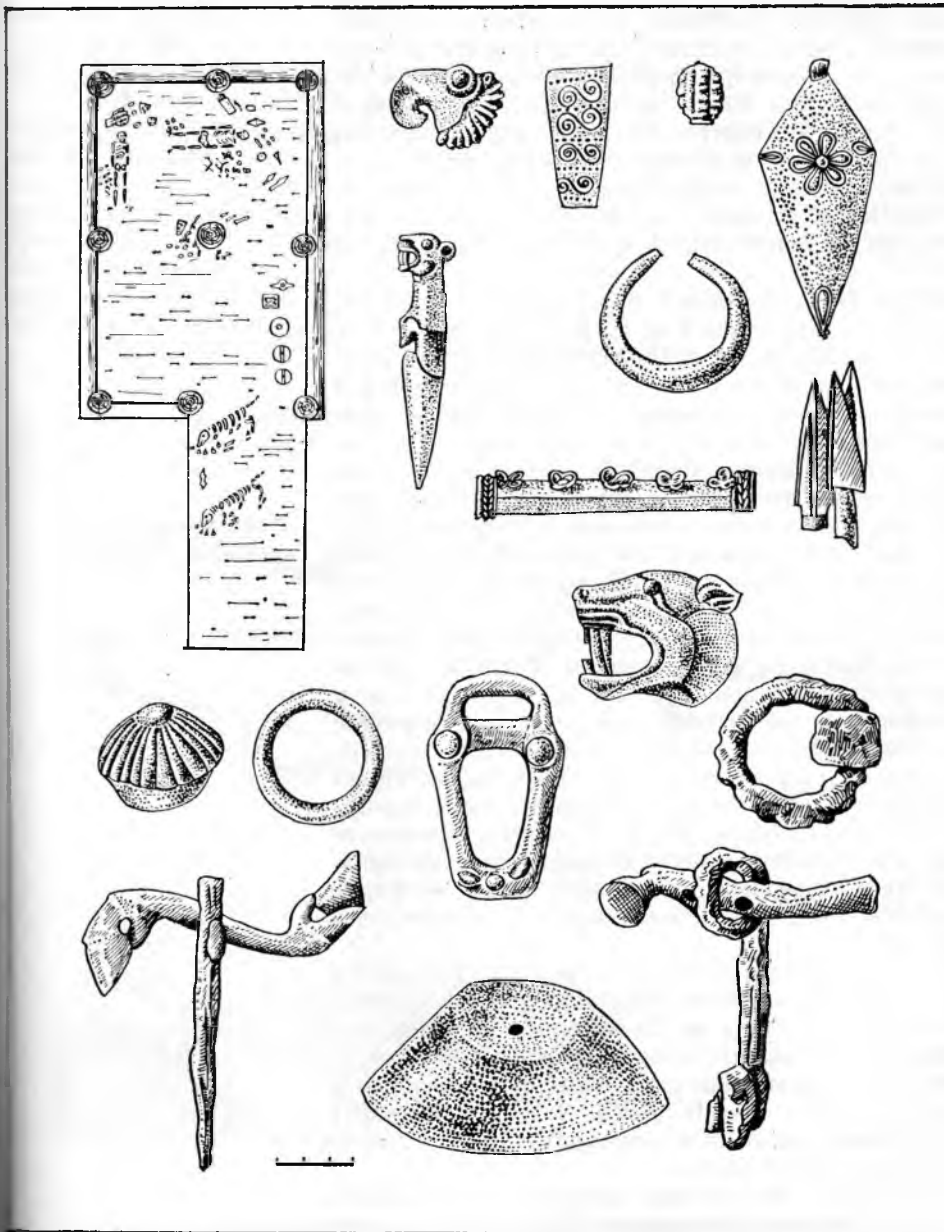
Предметы греческого порта из Репяховатой Милы.

* Описание изменений керамики приведено по материалам В. Г. Петренко, пользовавшейся для этой сводные данные по курганам и поселениям Киевско-Черкасской группы [Петренко, 1967, с. 21].

в курганных погребениях выражен слабо: более полно представлена она в материалах городищ и поселений. Эти изменения обусловлены усиливающимся влиянием скифской культуры, нивелирующей локальные различия, и широким проникновением разнообразной греческой посуды, вытеснившей прежние формы.

Обращает внимание следующая характерная деталь. В памятниках Тясминской группы слабо представлены погребения второй половины V в. до н. э. По количественному и качественному составу они значительно уступают погребениям конца VI — первой половины V в. до н. э. Такое же впечатление складывается и при изучении данных о находках античной керамики на городищах и поселениях, приведенных в каталоге Н. А. Онайко. В настоящее время трудно вынести окончательное сужде-

План погребения и изделия из кургана № 400 у с. Журовка (Тясмин).

Греческий килик с графити из кургана № 400 у с. Журовка.

ние, однако не исключено, что именно к этому времени относится начало степного влияния на южные окраины Лесостепи, приведшего к нарушению нормальной экономической жизни. Степные скифы стремились перехватить хлебную торговлю местных племен с античным миром, чтобы извлечь из нее максимальную выгоду в своих интересах. Политическая власть и военное могущество давали им неограниченные возможности. Не случайно, по-видимому, из состава керамики местных племен в Ольвии и на Березани исчезает группа керамики скифов-пахарей и единственно господствующей остается керамика степного скифского облика. С этого времени массовыми становятся зажиточные погребения в Степной Скифии.

По уточненным датировкам В. Г. Петренко, к первой половине V в. до н. э. относится 31 погребение, к середине V в. до н. э. — 4, а к концу V в. до н. э. — лишь одно из кургана № 3 у с. Пастырское высотой 4,5 м [Петренко, 1967, с. 94]. Здесь открыт склеп с захоронением хорошо вооруженного воина в сопровождении предметов конской упряжи, в составе которой сочетаются вещи, характерные для V и IV вв. до н. э. К изделиям более ранних типов можно отнести бронзовые псалии с молоточковидными концами, бляшки в виде копытца и птичьей головки, бляшку в виде гребешка. IV в. до н. э. могут быть датированы налобники с головками ушастих животных и бляхи в виде стилизованной задней лапы животного.

Новые погребения этого времени открыты Н. М. Бокий в курганах у сел Защита и Омельник [Бокий, 1970, с. 182; Бокий, 1971, с. 154]. В первом из них найдены бронзовые наверхшия в виде орлиных головок и замечательные большие бронзовые бляхи с изображением чудовищ. Время памятника определяется второй половиной V в. до н. э. В кургане у с. Омельник в яме с деревянным перекрытием находилось захоронение воина, а рядом — гробница коня. Наиболее замечательны найденные здесь золотые пластины от деревянных сосудов с головой грифона, фигурами стоящего оленя с пышными рогами и оленя с поджатыми ногами и рогами, закинутыми на спину, орла, терзающего рыбу. Интересны бронзовые псалии с загнутой весловидной лопастью, имеющие аналогии в материалах Семибратних и Нимфейских курганов, бронзовые бляхи в форме задних лап хищника и налобник в виде оленьей головы с торчащими ушами и закрученными рогами.

Курганы IV в. до н. э. Большой интерес представляет группа курганов, расположенных возле Пастырского городища. В свое время В. В. Хвойка установил, что она состояла из 21 насыпи. Очевидно, это было кладбище привилегированных лиц из числа знатных жителей городища. Несколько курганов этой группы были раскопаны В. В. Хвойкой и Н. Е. Бранденбургом [ДП, II, 1889; с. 9—10; ЖРБ, 1908, с. 136—137]. Один из курганов, описанный выше, относится к концу V в. до н. э. Большинство остальных принадлежит к IV в. до н. э.

Основным типом погребальных сооружений продолжают оставаться могильные ямы с деревянными склепами. В кургане № 1 у с. Пастырское

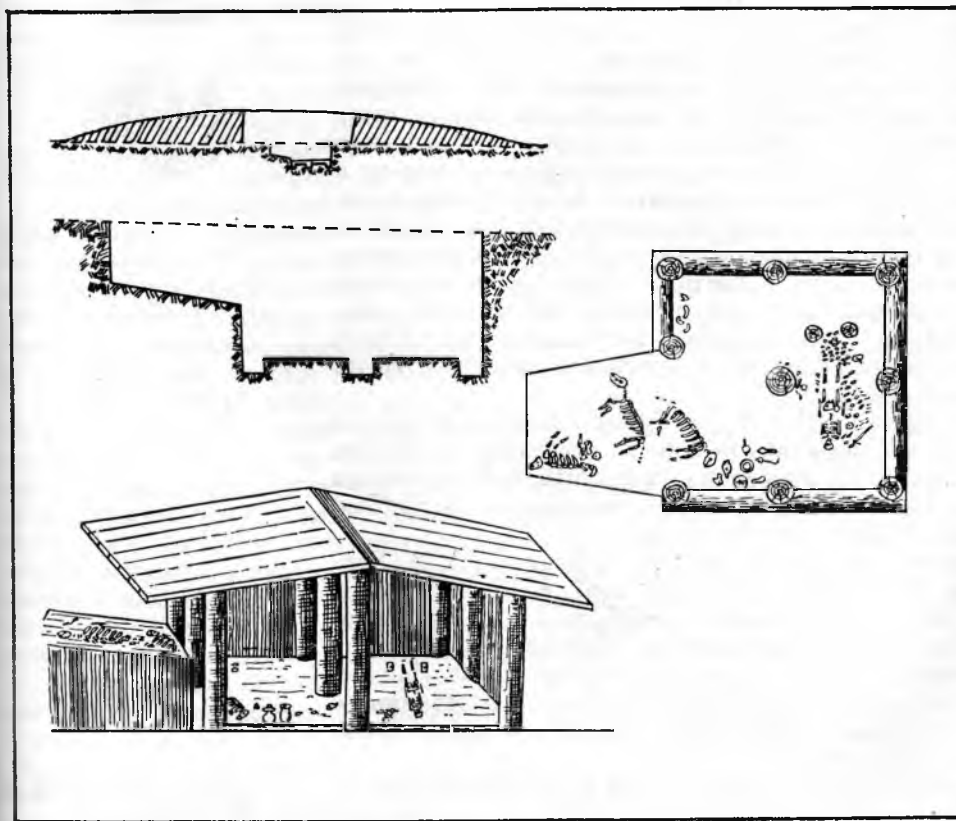

(высота 4,5 м) найдены части паноплии: меч, стрелы, копье, пращевые камни, пояс, оплечья панциря, а также большой фрагмент краснофигурного кратера со сценой похищения Европы и два чернолаковых килика. По этим античным вещам погребение датируется второй половиной IV в. до н. э. [ДП, II, 1889; Петренко, 1967, с. 95; Онайко, 1970, № 665].

Наиболее интересен курган к юго-востоку от городища (высота 3,35 м), где открыты два склепа. В первом находилось захоронение воина в сопровождении раба. При основном погребенном найдены: бронзовый аттический шлем первой половины IV в. до н. э., три копья, колчан со стрелами, серебряная чаша, чернолаковый килик и две амфоры с клеймами. В ногах воина «в поперечном положении» лежал скорченный скелет без вещей.

Во втором склепе — остатки разрушенного женского погребения, при котором найдены бронзовое зеркало, две золотые серьги, 17 золотых блях с изображением оленя, каменная овальная плита, кусок красной краски, два наконечника стрел, амфора и скифская глиняная миска.

Среди курганов IV в. до н. э. в бассейне р. Тясмин значительную группу составляют погребения в катакомбах, совершенные по стенному обряду. По данным В. Г. Петренко, катакомбных захоронений здесь насчитывается 16 [Петренко, 1967, с. 16—17; 94—95]. К приведенному перечню можно добавить катакомбы в курганах № 228—233 у г. Шпола [Смела, II, с. 117—118]. За последнее время новые погребения в катакомбах обнаружены Среднеднепровской экспедицией в курганах у г. Чигирин и у с. Матусова, а также в курганах, раскопанных Н. М. Бокий в верховьях р. Тясмин и р. Синюха [Бокий, 1971, с. 154; Бокий, 1977, с. 65—73; Бокий, 1977, с. 200]. В результате к известным ранее захоро-

Нож из кургана № 400 у с. Журовка.

План, реконструкция и разрез погребения кургана № 401 у с. Журовка.

нениям в катакомбах прибавилось еще не менее десяти. Появление в бассейне Тясмина курганов с захоронениями в катакомбах связывается всеми исследователями с проникновением сюда степных скифов.

К этой группе относятся также четыре кургана с захоронениями в глубоких могильных ямах со ступеньками вдоль стенок. В отдельных случаях входные ямы отделялись от основной камеры деревянными перегородками. Деревянные склепы в гробницах отсутствуют. Как справедливо отмечает В. Г. Петренко, появление этих могил объясняется степным влиянием на местные типы погребальных сооружений.

Наиболее интересным погребением в катакомбе в лесостепной полосе является впускная могила в кургане № 1 (4) у с. Рыжановка, содержащая захоронение молодой женщины. Умершая лежала на деревянном ложе, головой на запад. В состав богатого погребального инвентаря входят золотые ленты от пышного головного убора, украшенные растительным орнаментом и изображением пляшущих менад; золотые полоски и «карнизы» с амфоровидными подвесками: золотые серьги с фигурками крылатого льва, дисковидными, шаровидными подвесками; ожерелье-лента с тисненным растительным орнаментом и амфоровидными подвесками; свыше 400 бляшек; 8 золотых перстней, в два из них были вправлены золотые боспорские статеры IV в. до н. э.; золотой и серебряный витые браслеты; бронзовое зеркало; булавка; бусы и красная краска. Из предметов обихода найдены: бронзовая греческая ситула с носиком в виде львиной головки; миска на поддоне; серебряные чаша с высокими ручками и круглотелый сосуд с изображением собак; чернолаковый каффар; амфора; красноглиняный кувшинчик; чернолаковое блюдецко и глиняное пряслице [Смела, II, с. 138; Самоквасов, 1908, с. 71]. Находки монет убедительно датируют гробницу второй половиной IV в. до н. э. [Петренко, 1967, с. 75; Онайко, 1970]. Обряд захоронения и инвентарь полностью соответствуют богатым степным погребениям IV в. до н. э.

Интересно погребение в кургане № 487 у с. Турии. По устройству могила близка к катакомбе (глубина 4,7 м): входная яма с уступами, отделена от погребальной камеры порогом и деревянной перегородкой. В могиле обнаружены погребения воина и «слуги». Скелет воина лежал вытянуто, головой на восток. На шее была золотая гривна с заходящими концами в виде головок длинноклювых птиц, слева у бедра — колчан и однолезвийный меч с обложенной золотом рукоятью и электровым наконечником ножен. Справа от черепа лежали наконечники от трех копей и двух дротиков, еще один колчан и пращевой камень. Из других предметов утвари обнаружены: бронзовый котел с костями быка; бронзовая чаша; втульчатый наконечник; амфора, кости от вырезки жертвенного мяса [ИАК, вып. 35, с. 67]. Скелет «слуги» лежал в ногах вытянуто, головой на запад. Из вещей при нем найдены лишь бронзовое колечко с тремя шишечками и две бронзовые кнопки.

В захоронении воина кургана № 458 у с. Турии в могильной яме со ступеньками (глубина 5,35 м) оказались колчан со стрелами, два копья, два дротика, бронзовая серьга, кости барана, железный нож и амфора [ИАК, вып. 20, с. 5]. Состав инвентаря и обряд захоронения полностью соответствуют рядовым погребениям степных скифов.

Интересную серию составляют погребения, исследованные А. А. Бобринским у Холодного Яра близ Смелы [Смела, I, 1887, с. 68—97]. Всего здесь насчитывалось до 25 курганов высотой от 0,5 до 1,4 м. Раскопано 14, из которых 8 относится к скифскому времени. Курганы содержали от одного до четырех погребений, материал которых изучен Е. Ф. Покровской [1957, с. 66]. Все захоронения совершены в ямах с деревянными перекрытиями, иногда со следами деревянного склепа. Могилы имели круглую или прямоугольную форму.

В кургане № 20 (высота 0,9 м) исследованы три неразграбленные могилы. Расположены они далеко одна от другой по линии север—юг.

Предметы из кургана № 401 у с. Журовка.

Центральная могила (диаметр 4,5, глубина 1,5 м) содержала захоронение женщины и молодой «служанки». Женщина лежала головой на запад. У головы найдены две большие серебряные подвески фракийского типа, в области шеи — мелкие стеклянные бусы, на левой руке — бронзовый проволочный браслет, а на правой — повязка из бус. Из других предметов женского инвентаря здесь оказались: бронзовое зеркало, тонкая плита из песчаника для растирания краски, серебряная иглолка, глиняное пряслице, костяной наконечник (по-видимому, от веретена), два астрагала козы. Кроме того, слева (за головой) обнаружены 2 железных наконечника от копий, колчан с 47 бронзовыми наконечниками стрел, 5 метательных камней и два железных ножа. Из предметов утвари интересен чернолаковый канфар третьей четверти IV в. до н. э. [Онайко, 1970, № 687]. Кроме того: лепной горшок, кости коровы или овцы и при них два ножа с костяными рукоятками.

Скелет «служанки» лежал в ногах, поперек основного погребения, слегка скорченно на правом боку. При нем найдены железный браслет, две бронзовые подвески подгорцевского типа и две пастовые бусины-пронизи.

Это редчайший случай, когда погребальный инвентарь дает основание уточнить этническую принадлежность сопровождающего лица. В данном случае при погребении женщины из среды скифов-пахарей оказалась рабыня из подгорцевского племени. Отметим, что захоронение рабыни совершено совместно с представительницей средних слоев местного населения, а кроме того, в этом захоронении женщины с оружием, помимо скифского инвентаря, находились височные подвески фракийского типа.

В северной могиле этого же кургана (диаметр ямы 1,5, глубина 1,14 м) размещалось погребение взрослого мужчины, лежавшего вытянуто, головой на восток. Справа от головы обнаружены два железных наконечника от копий, справа у колен — железное острие со следами деревянной ручки, слева — колчан с 32 бронзовыми наконечниками стрел. Возле локтя левой руки лежал костяной набалдашник в виде скульптурной головы льва — прекрасное произведение скифского звериного стиля V в. до н. э. Очевидно, этот предмет сохранялся сравнительно долгое время и попал в могилу IV в. до н. э. Кроме того, в могиле оказались остатки костей от жертвенного мяса и при них два ножа.

Южная могила самая большая (диаметр, 4,9, глубина 1,5 м), содержала женское захоронение. Скелет умершей лежал вытянуто с поворотом на правый бок. У черепа найдены серьги в виде тонких серебряных колец. На костях были разбросаны мелкие разноцветные бусы. Под правым плечом лежало бронзовое зеркало с боковой ручкой и точками вдоль края, серебряное кольцо со спиральным щитком, комок красной краски, кости от напутственной пицци и два ножа.

В кургане № 19 открыто разрушенное женское погребение с предметами вооружения: в числе последних 20 бронзовых наконечников стрел и два наконечника копий. Оригинальны серьги из серебряной проволоки, изгибы которой в семи местах образуют круглые петельки; несомкнутые концы загнуты крючками. Аналогии им неизвестны. Наиболее достопримечательной находкой являются халцедоновый цилиндр-печать с изображением бегущей оседланной лошади и эмблемой крылатого солнечного божества над ней [Петренко, 1967, с. 95; Онайко, 1970, № 849]. По мнению Е. Ф. Покровской, поддержанному другими исследователями, этот цилиндр является произведением ионийской глиптики V—IV вв. до н. э.

В кургане № 28 погребение совершено в прямоугольной грунтовой яме с остатками деревянного склепа и содержало захоронение женщины. У головы найдены серебряные серьги лировидной формы фракийского типа, на шее — цветные бусы, у локтя правой руки — бронзовая тонкая фибула, относящаяся к типу фракийских V—IV вв. до н. э. Кроме того, здесь найдены: бронзовый рубчатый браслет, зеркало с инкрустированной

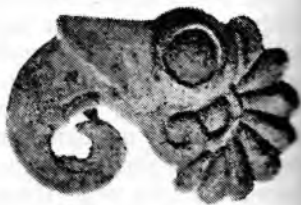
костяными пластинами ручкой, тонкая прямоугольная растиральная плита и овальный камень из песчаника с выдолбленной серединой и остатками краски, два глиняных биконических пряслица, обломки тонких железных иголок, пять метательных камней, вырезка жертвенного мяса с ножом при ней. Кроме того, отсюда происходят два стеклянных медальона, на одном из которых изображена женская фигура с птицей.

Е. Ф. Покровская справедливо отмечает своеобразие курганов холоднo-ярской группы и проникновение сюда элементов фракийской культуры, что объясняется успешными походами скифов во Фракию и завоеванием ими территории к югу от Дуная [Покровська, 1957, с. 79].

Богатое погребение второй половины IV в. до н. э. открыто в уроч. Дарьевка близ Шполы [Смела, II, 1894, с. 128—130]. К сожалению, раскопки были произведены любителями. Не отмечен ни тип погребения, ни его устройство, ни размещение вещей. Из этого захоронения происходят: железный клевец, бронзовое зеркало, чернолаковый килик второй четверти IV в. до н. э. и чернолаковая чашечка середины IV в. до н. э. и такие золотые украшения, как височные подвески в виде дисков, ажурные ленты от головного убора с чередующимися головками и пальметтами, 270 различных бляшек.

Погребения скифского типа продолжают бытовать вплоть до начала III в. до н. э. К числу наиболее поздних здесь относятся курганы № 483, 485 у с. Турии [ИАК, вып. 35, с. 61 и сл.], № 472 у с. Оситняжка [ЖРБ, 1908, с. 138; Галанина, 1977, с. 34, табл. 15, 1—7], где найдена античная керамика III в. до н. э., и курган № 9 у с. Пруссы, откуда происходит бронзовая позолоченная треугольная пластина с изображением сцен охоты на верхнем фризе и двух стоящих орлиноголовых грифонов, между которыми помещен растительный орнамент. По мнению Н. А. Онайко, пластина, служившая, очевидно, украшением колчана, является боспорским изделием конца IV — начала III в. до н. э. [ДП, III, 1900; Онайко, 1970, № 683, 727; Петренко, 1967, с. 96].

Из изложенного выше видно, что погребальный обряд тясминских курганов на всем протяжении скифского периода остается очень разнообразным, малоустойчивым и плохо поддается обобщению. Только в пределах отдельных могильников удается выделить некоторые преобладающие черты погребального устройства и обряда, свойственные той или иной группе. Для раннего периода нами отмечено устройство погребений с трупоположениями в насыпях курганов без признаков ямы; погребения в насыпях с трупоположениями; погребения в неглубоких, грунтовых ямах с деревянными перекрытиями; последовательные захоронения в грунтовой яме и в насыпи кургана; впускные погребения в насыпях курганов эпохи бронзы; погребения в деревянных склепах на грунте и со впускным в грунт основанием; сожжение склепа на грунте или со впускным в грунт основанием; погребения в ямах с деревянными склепами и сожжения подобных сооружений. Тем не менее можно отметить основную тенденцию, прослеживаемую через всю пестроту и разнообразие погребального ритуала. В течение жаботинского периода все большее значение приобретают захоронения в больших подкурганных ямах с деревянным склепом того или иного устройства. Этот тип окончательно оформился в VI—V вв. до н. э. Наиболее типичны захоронения в больших грунтовых ямах с деревянными склепами и бревенчатыми перекрытиями, столбами по углам и в средней части гробницы, с вертикальной облицовкой стен плахами, впускными в канавки по краям дна ямы и идущим с юга дромосом. Встречаются столбовые склепы без дромоса, сохраняются деревянные склепы на грунте и со впускным в грунт основанием. Унаследованным от предыдущего времени является обычай сожжения погребального сооружения. Встречаются деревянные конструкции в виде сруба. В могилах рядового населения нередки простые грунтовые ямы с деревянными перекрытиями. В курганах IV в. до н. э. появляются погребения в

глубоких ямах, что свидетельствует о влиянии степных катакомб, и катакомбные гробницы степного типа.

На протяжении всего скифского периода сохраняются захоронения в скорченном положении. Ориентировка погребенных весьма разнообразна и неустойчива с некоторым преобладанием западной.

Количество трупосожжений в V—IV вв. до н. э. несколько уменьшается, хотя продолжают встречаться сожжения погребального склепа. Появляется обычай класть в могилу уголь, кусочки мела и краски. Изредка встречается обряд полного сожжения покойника на стороне с последующим сыпанием праха в могилу, а также устройства небольшого кострища над могилой.

Обычай сопровождать умершего вырезкой жертвенного мяса с положенным при нем железным пожом появляется с начала VI в. до н. э. и стойко сохраняется на протяжении всего скифского времени. Парные захоронения с жертвоприношениями зависимых лиц становятся обычными начиная с жаботинского времени, и особенно характерны для погребений VI—IV вв. до н. э. В VI—IV вв. до н. э. встречаются женские погребения в сопровождении предметов вооружения. С началом V в. до н. э. в могилах знати появляются жертвоприношения верховых коней в дромосе или могильной яме (курганы № 396, 400, 402 у с. Журовки, № 491 у с. Макеевки, № 483 у с. Турии (или же в отдельных могилах), курган № 487 у с. Турии, № 13 у с. Оситняжка, № 3 у с. Пастырское).

Городища и поселения. Укрепленные и неукрепленные поселения дополняют представление о хозяйственной деятельности, культуре и идеологии земледельческих аборигенных племен, живших в бассейне Тясмина.

К числу наиболее важных памятников архаического периода относится поселение на Тарасовой горе у с. Жаботин. Поселение занимает небольшую возвышенность площадью 1000 × 500 м на правом берегу реки Жабянки, притока р. Тясмин, и окружено с трех сторон глубокими оврагами, соединяясь с северо-востока с напольной частью узким перешейком. Хотя валов и ров по периметру этой возвышенности не обнаружено, по своим размерам и местоположению на защищенной естественными рубежами местности это поселение приближается к большим городищам. Не исключено, что оно было обнесено несохранившейся деревянной стеной.

В непосредственно предшествующее время на Тясмине существовали небольшие городища чернолесской культуры, представляющие собой первую в истории Северного Причерноморья оборонительную линию крепостей, возведенных земледельческим населением для защиты от степного. Городища эти существовали в IX—VIII вв. до н. э. Племенами, против которых воздвигались эти укрепления, несомненно, являлись киммерийцы. Следы их влияния ярко отражены в памятниках чернолесского периода. Прекращение жизни на чернолесских городищах относится к концу VIII в. до н. э. Возникновение поселения на Тарасовой горе и ряда других, аналогичных ему, относится к непосредственно последующей поре, началу VII в. до н. э. Очевидно, эти явления взаимосвязаны и вытекают из конкретной исторической ситуации данного периода. Уход из Причерноморья основной части киммерийского населения из-за вторжения скифов, отвлечение главных сил кочевого населения в связи с походами в Переднюю Азию привело к запустению городищ и возникновению открытых поселений на южной окраине Лесостепи. Поселение на Тарасовой горе расположено в центре сосредоточения чернолесских городков (у сел Лубенцы, Ивановка, Суботово, Секирное, Залевка, Адамовка и др.) в низовьях Тясмина. Культура Жаботинского поселения на раннем этапе своего существования (конец VIII — первая половина VII вв. до н. э.) является прямым продолжением развития культуры позднего чернолесья. Возникновение большого поселка в естественно защищенном урочище взамен существовавших ранее укрепленных городков можно объяснить слиянием,

Бронзовые предметы в зверином стиле из курганов V в. до н. э. у с. Журовка.

своего рода синойкизмом, территориально-родовых групп населения, обитавших в небольших чернолесских городищах, под влиянием растущей племенной консолидации.

В течение шести лет на поселении Тарасова гора проводились раскопки, осуществляемые Среднеднепровской экспедицией Института археологии АН УССР (1950, 1951, 1953, 1957, 1958 и 1972 гг.) [Покровська, 1952, с. 55 и сл.; 1955, с. 81; Покровская, 1962, с. 73 и сл.; Покровская, 1973, с. 169 и сл.; Вязьмитина, 1952, с. 59 и сл.; Вязьмитина, Покровська, 1956, с. 38]; раскопки 1972 г. производились нами.

На поселении обнаружены жилища, открытые очаги, хозяйственные ямы, служившие глинищами, культовые помещения. Среди жилищ известны землянки прямоугольной или округлой форм со стенками из плетеного каркаса, обмазанного снаружи и изнутри глиной, а также наземные жилища со стенами каркасного плетения, обмазанными глиной, нередко покрытой белой штукатуркой. Встречаются помещения с глинобитными полами. Судя по участкам рухнувших стен, высота их достигала 2—2,5 м. Размеры жилищ (особенно наземных) бывают весьма значительны: 8×6; 12×10 и даже 14×12 м. В каждом из жилищ имелись очаги: открытые и с купольным сводом из глины по плетеному из прутьев каркасу. Под очагов выложен из камней и черепков.

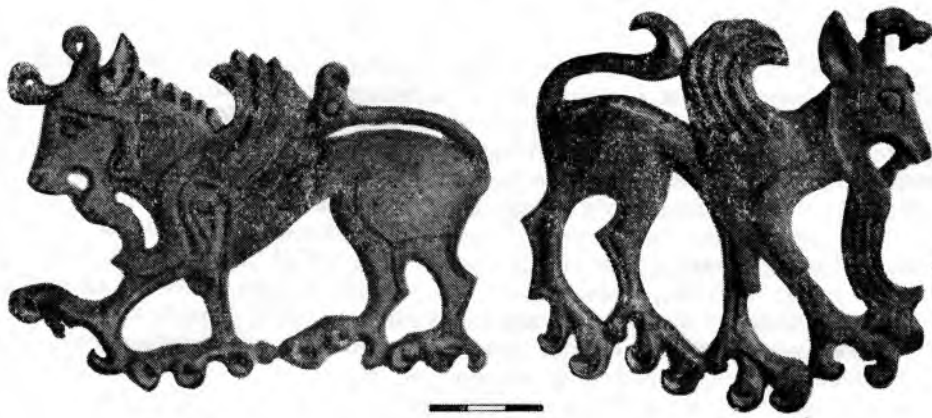
Основной период существования поселения охватывает VII — начало VI вв. до н. э. Какие-то следы жизни отмечаются здесь и позже, однако сколько-нибудь мощных культурных отложений VI—IV вв. до н. э. здесь не наблюдается. Керамика различается особенностями ранних и более поздних комплексов.

Одним из наиболее ранних оказалось жилище на раскопе II, исследованном в 1951 г. Жилище представляло собой двухкамерную полуземлянку с каркасными стенками площадью 6,5×5 м. В заполнении найдены фрагменты не менее чем 150 сосудов, в том числе от 20 корчаг, 60 черпаков и кубков, 30 мисок. Большинство сосудов богато украшено поясами, густо заполненными геометрическими композициями, затертыми белой пастой. В орнаментации использованы зубчатый, кольчатый, S-овидный штампы, штамп со знаком креста и др. Обломки больших чернолощеных корчаг орнаментированы сосковидными или пуговичными (в виде плоских кружков) налепами. Встречаются глубокие открытые чаши или миски с богатым разнообразным орнаментом и вертикальными полосами налепов. Преобладают глубокие черпаки. Многочисленны орнаментированные миски. Среди них имеются миски с отогнутым наружу краем, украшенные резным или зубчатым геометрическим орнаментом, каннелюрами или вдавленным орнаментом в виде спиралей, а также миски с прямым или загнутым краем с геометрическими узорами, налепами в виде сдвоенных или строенных шишечек по краю. Преобладают горшки с гладким краем венчика, проколами под краем и налипным валиком с зацепами в основании шейки.

Во время раскопок 1972 г. нашей основной задачей являлось выделение разновременных групп керамики из комплексов, которые помогли бы нам уточнить особенности состава керамики различных периодов существования Жаботинского поселения. В значительной степени это удалось. На раскопе XX (раскопки 1972 г. продолжали нумерацию раскопов предшествующих лет) были открыты остатки углубленного в землю жилища, хозяйственные ямы и большая бестформенная яма, содержащая значительное количество лощеной орнаментированной посуды наиболее раннего типа, в том числе обломки глубоких великолепно лощеных черпаков с линейным орнаментом и узором, составленным из оттисков зубчатого S-овидного кольчатого, ромбического и крестообразного штампиков вдоль верхнего и нижнего краев пояса, а также обломки больших корчаг с полыми изнутри роговидными выпуклостями, круглыми плоскими налепами, богатыми резным и штампованным орнаментами; разнообразно орнаменти-

Бронзовое навершие из кургана у с. Защита (Тясмин)

Бронзовые фигуры фантастических животных из кургана у с. Защита (Гасмин).

рованнные миски. Среди них — и с орнаментом в виде выдавленных спиралей.

Интересно отметить, что из числа лепных горшков наряду с имеющими гладкий край, проколы под венчиком и валик на плечике, к числу наиболее ранних относятся также горшки, украшенные по краю редкими пальцевыми вдавлениями и проколами ниже края. Последние оказались характерными для керамического комплекса раннежаботинской группы.

На раскопе XX открыта большая яма от заброшенного жилища, заполненная золистой землей с культурными остатками и керамикой позднейшего жаботинского периода. Здесь преобладала простая лепная неорнаментированная посуда. Среди горшков хорошо представлены сосуды с суженной шейкой, плавно отогнутым наружу венчиком, слабо выпуклым корпусом, с гладким или украшенным пальцевыми оттисками краем венчика, сквозными проколами под краем и налипным валиком с зацепами по поясу. Кроме них здесь найдены горшки подобного профиля с двумя валиками, на шейке и на поясе, и бочонковидные горшки с налипным валиком и проколами под краем гладкого, реже украшенного пальцевыми вдавлениями венчика.

Среди чернолощенных мисок преобладают обычные с расширяющимися ото дна стенками и прямым или слегка загнутым внутрь краем, который бывает мягко округлен или просто срезан. Из орнамента наиболее обычны проколы с выпуклостями снаружи, изредка встречаются небольшие выступы у края. Хорошо представлены глубокие миски, нередко с валиком под краем. Встречаются обломки чернолощенных неорнаментированных корчаг.

Обломки сосудов типа черпаков и мисок сравнительно редки. Многие из них неорнаментированы. Из числа покрытых резным орнаментом преобладают фрагменты черпаков с радиальной композицией узора. Интересна высокая ручка черпака, верхний отросток которой оформлен в виде головки барана.

Развитие керамики Жаботинского поселения полностью совпадает с представлением, сложившимся на основе анализа керамики из курганов.

Кроме того, в различных поисковых траншеях и на участках раскопов XX и XXI открыты пять хозяйственных ям, среди материалов которых найдена керамика смешанного, промежуточного этапа, относящаяся, очевидно, к более раннему или более позднему периодам существования поселения.

К числу ранних предметов, твердо датируемых новочеркасским временем, принадлежат найденные на поселении два бронзовых кавказских сосуда с зооморфными ручками, обломки костяной лунницы и костяного псаля, имитирующего бронзовый, с весловидной лопастью и тремя петлями, наконечник стрелы раннежаботинского типа, бронзовые булавки

с загнутыми в петли головками доскифских форм, фрагмент каменной булавы и одночленные костяные удила.

Глиняная льячка и роговые гребни для чесания шерсти на Тарасовой Горе подобны найденным на Суботовском и Лубенецком городищах.

К концу VII — рубежу VII—VI вв. до н. э. относится костяной псаллий с орнаментом в виде выемчатых треугольников, аналогичный псалиям из кургана № 2 у с. Жаботина, а также обломок ионийско-родосского сосуда и архаические наконечники стрел жаботинского и келермесского типов.

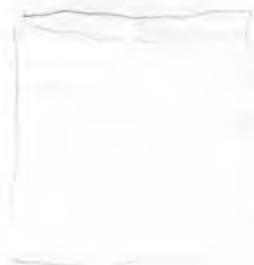
Интересны следы бронзолитейного производства: глиняная льячка, обломок литейной формы для отливки, булавки, часть звена бронзовых удили со стремявидной петлей, испорченных при литье, капли металла, бронзовые стержни-заготовки. К числу орудий земледелия относятся зернотерки, растиральные камни, железный серп. Большое количество костей домашних животных — быка, свиньи, лошади, овцы — свидетельствует о развитом скотоводстве с преобладанием в стаде крупного рогатого скота. Обычны глиняные пряслица, встречаются глиняные «катушки». Из орудий труда найдены железные ножи, два маленьких долотца, шилья, костяные тупики, бронзовая игла.

Говоря о Жаботинском поселении, нельзя не упомянуть открытое здесь культовое помещение с жертвенником. Наземное сооружение с глинобитным полом имело размеры $9 \times 9,5$ м. В центре помещения размещался жертвенник, от которого сохранился круг диаметром 1,35 м. Северная половина круга покрыта орнаментом, состоящим из шести концентрических поясов, постепенно сужающихся к концам. Первый пояс (ширина до 15 см) заполнен узором бегущей волны, концы которой, заходя один за другой, образуют спирали. Второй пояс (ширина 8 см) орнаментирован простым меандром. Четыре остальных имеют вид гладких узких поясов. Южная половина круга не орнаментирована. Она ограждена узким пояском из двух концентрических, небрежно вдавленных линий [Покровская, 1973, с. 173]. Эта часть жертвенника оказалась испорченной. Количество находок в этом помещении незначительно, однако крупные фрагменты глубоких черпаков с резным S-овидным штампованным орнаментом [Покровская, 1962] позволяют предположить, что помещение с жертвенником относится к началу VII в. до н. э.

Помимо поселения на Тарасовой Горе, следы поселений жаботинского этапа обнаружены в ряде мест бассейна р. Тясмин. Одно из них, расположенное на возвышенности над р. Тенетинкой в Сунковском лесу у шоссе Смела—Каменка, обнаружено нами во время разведки 1950 г. при строительстве дороги и вновь обследовано с шурфовкой в 1972 г. Поселение особенно интересно тем, что оно находится неподалеку от курганный группы Шейнчина Шпиля — знаменитого Тенетинского могильника. Обломки глубоких черпаков, кубков, корчаг, горшков и мисок, найденные здесь, вполне аналогичны керамике Жаботинского поселения.

В начале VI в. до н. э. с утверждением скифов в Степном Причерноморье обстановка в южной, пограничной со степью, части Лесостепи резко изменяется. Первостепенной заботой местного населения вновь становится необходимость защитить свои жилища, скот, имущество от опустошительных набегов кочевников. Организация обороны требовала сплочения большого коллектива людей и возведения мощных укреплений, куда в минуту опасности могли укрыться не только жители данного поселения, но и окрестное население, а также стада — главное достояние и источник существования. Так возникли в бассейне Тясмина большие городища скифского времени.

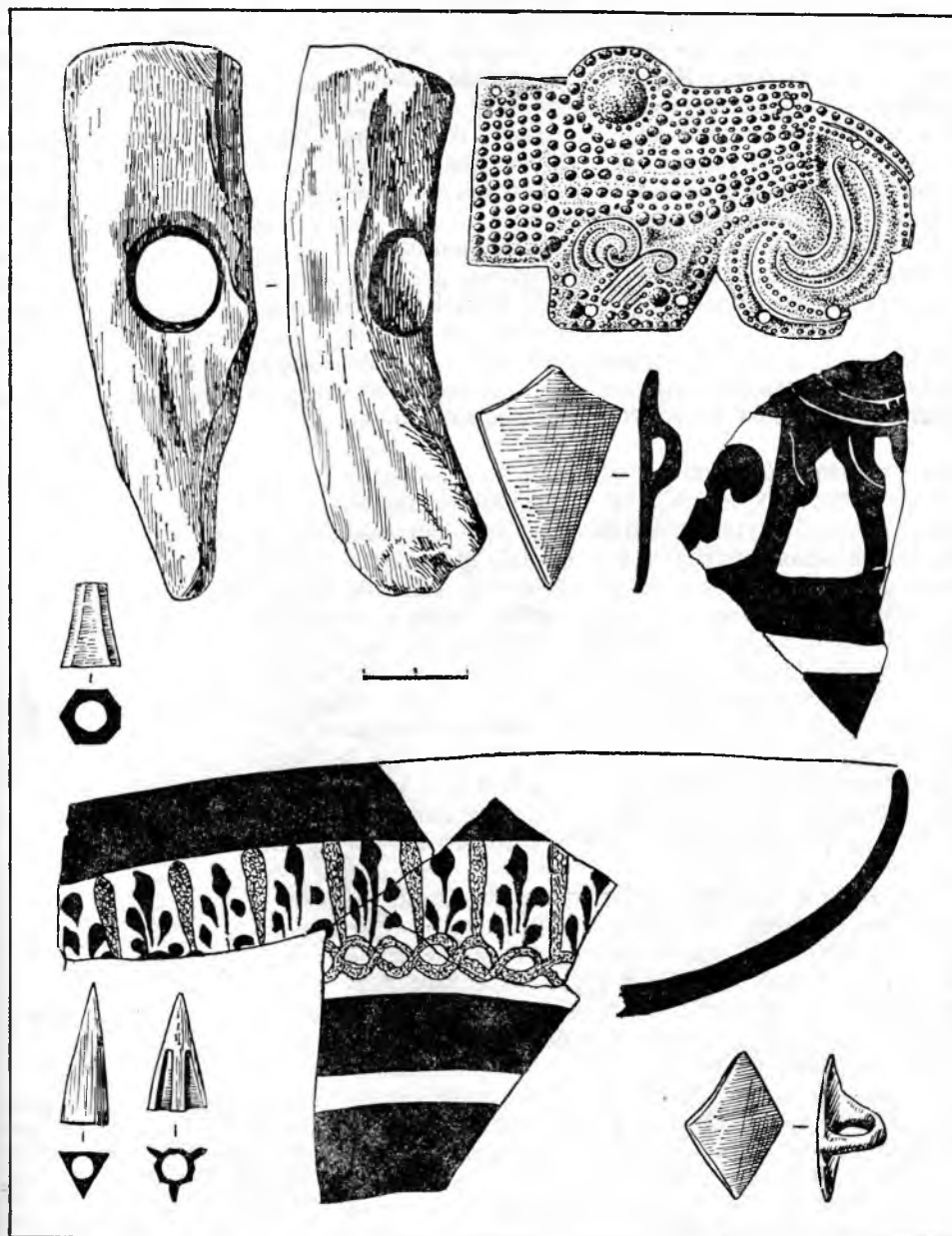
Одним из наиболее крупных и сильно укрепленных является Матрошицкое городище, площадь которого составляет около 200 га. Городище известно в науке давно. О нем писали И. И. Фундуклей [1848], Похилевич [1864]. Данные о нем сообщаются в Археологической карте [1895,

с. 112]. Описание городища с приложением плана укреплений и расположенных возле городища курганов приведено у А. А. Бобринского [Смела, II, 1894, с. 53—60]. Наибольшие раскопки на городище проведены в начале XX в. В. В. Хвойкой, оставившим краткое сообщение без публикации материалов своих работ [Хвойка, Тр. XII АС, 1902, т. 1, с. 98—99]. В дальнейшем городище неоднократно изучалось археологами. В 1938 г. здесь побывала И. В. Фабрициус [1938], в 1950 г.— А. И. Тереножкин [1952], в 1970 г. шурфовка различных участков проводилась нами [Тереножкин, Ильинская, 1970]. Тем не менее городище остается до сих пор одним из наименее изученных.

Матронинское городище расположено на вершине водораздельной возвышенности в местности, окруженной глубокими залесенными оврага-

Предметы из кургана № 411
у с. Пекари (Поросье).

ми Холодного Яра. В пределах его валов расположилась усадьба бывшего Матронинского монастыря, от которого городище получило свое название. В настоящее время на площади городища находится садово-огородная бригада колхоза им. Н. К. Крупской с. Мельники. Городище имеет в плане форму неправильного овала и со всех сторон окружено валом и рвом. Внешний вал, находящийся в лесу, сохранился и по сей день очень хорошо. Он поражает высотой и крутизной своих склонов и глубиной рва. Высота вала со стороны площадки городища достигает 4—5 м, а с наружной — вал и ров имеют общую глубину (от вершины вала до дна рва) до 15 м*. На городище ведут четыре въезда: один из них (северный) укреплен дополнительным отрезком вала вдоль склона оврага.

С северо-восточной стороны в систему внешнего вала входит вершина глубокого оврага, на дне которого имеются небольшое озерцо и два питающих его ручья (Игнатовка и Онуфриевка). Они служили источниками водоснабжения, особо важными в случае нападения и осады.

В 200 м от западного въезда проходит второй вал, ограждающий центральную часть городища площадью около 70 га. Этот вал был ниже и меньше наружного. В средней части городища с севера на юг — от устья оврага до наружного вала городища — тянулся еще один вал. В настоящее время второй и третий валы, расположенные в кольце большого вала, там, где они оказались на распахиваемых участках, в значительной степени сглажены и местами прослеживаются с трудом.

Замечательную находку, открытую во время раскопок Матронинского городища В. В. Хвойкой, составляет глинобитный жертвенник, рисунки которого опубликованы в статьях Е. Ф. Покровской [1962] и Э. В. Яковенко [1966]. По описанию В. В. Хвойки он имел вид глиняного столба диаметром 90 см и высотой 70 см, верхняя часть которого представляла круглую площадку с углублением в центре, окруженным восьмью концентрическими кругами. Основание столба состояло из сырцово-глины, а площадка обожжена.

Наша шурфовка показала заселенность почти всей площади городища. Открыт ряд очагов и хозяйственных ям. Среди керамики наиболее обычны бочонковидные горшки со слабо суженной шейкой и незначительно расширенным корпусом. Ниже края проходит массивный валиковый налеш с проколами, сделанными изнутри через валик. Обычны большие лощеные миски с венчиком либо поднимающимся вертикально, либо слабо скошенным внутрь. Встречаются обломки биконических корчаг с подлощенной поверхностью, фрагменты грушевидных черпаков, зернотерки, терочки. В культурном слое много комков обожженной глиняной обмазки и фрагментов амфор. Основной культурный слой относится к середине — второй половине VI—V вв. до н. э.

За валами Матронинского городища, неподалеку от него, с юга и запада в лесу находятся две группы больших, прекрасно сохранившихся курганов. Все они с воронками от раскопок, сведения о которых не поступали в научную информацию.

В верховьях р. Тясмина находится важное средоточие городищ, таких, как Пастырское, Шарповское, Makeевское, Буда-Makeевское.

Пастырское городище расположено в 3 км к западу от с. Пастырское в уроч. Жарище или Галуцино по обеим берегам р. Сухой Ташлык, разделяющей городище на две части — большую, юго-западную, на крутом правом берегу и юго-восточную на более низком левом берегу. Городище округлой формы, площадью 18 га, обнесено валом, высота которого местами достигает 4 м. В северо-западной части находится небольшой «агрополь», представляющий собой площадку около 0,5 га, окруженную тремя рядами сравнительно небольших валов. Исследования Пастырского городища были произведены в 1898 и 1901 гг. В. В. Хвойкой [ДП, II, 1899, с. 8—11; Хвойка, 1905, с. 93], в 1949 и 1955 гг. — экспедицией Института археологии АН УССР (Титенко-Ковчаненко, 1956, с. 52]. Материалы Па-

* Данные о высоте вала «от 10 до 12 сажен» и глубина рва «от 4 сажен в ширину и столько же в глубину» в описании, приведенном у Вобринского, преувеличены.

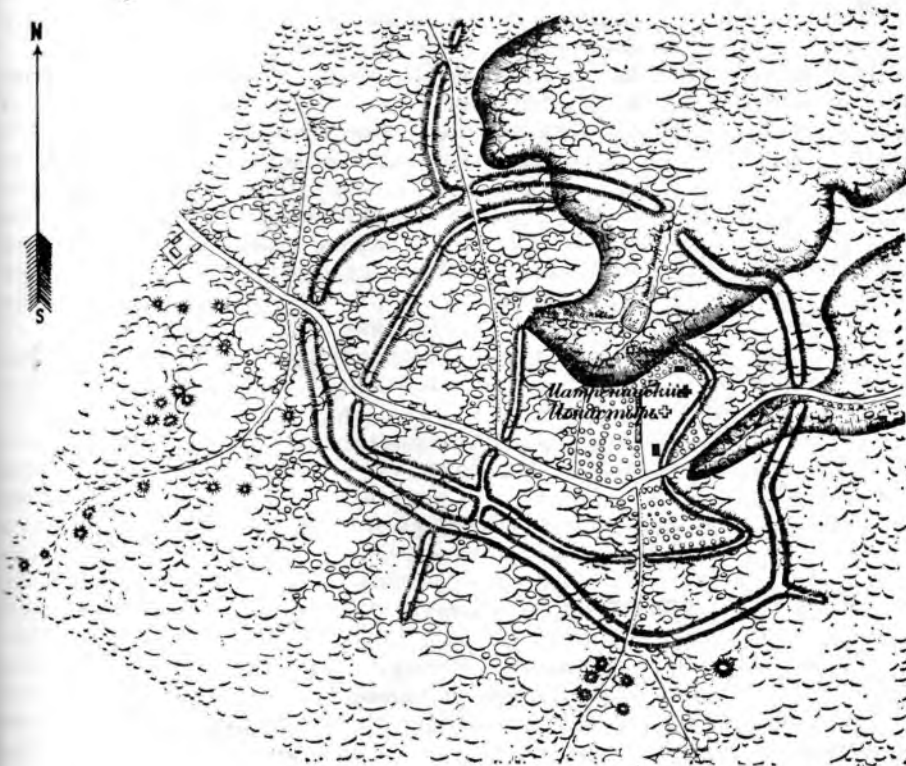
стырского городища обработаны и опубликованы Э. В. Яковенко [1966, с. 180; Яковенко, 1968, с. 175].

Экспедициями Института археологии АН УССР раскопано пять землянок и десять наземных жилищ со слабо впущенными в грунт основаниями. Землянки, как правило, относятся к более ранним периодам существования городища; они имеют овальную форму, вход с несколькими ступеньками расположен с восточной стороны. В некоторых землянках вдоль стен находились «лежанки», а в середине пятой — печь. В помещении обычные хозяйственные ямы. Верхняя часть стенок и крыша (вероятно, коническая или двускатная) сплетены из прутьев, опирающихся на столбы, и обмазаны глиной. Наземные жилища четырехугольные. Стены изготовлены из плетеного каркаса, обмазанного глиной. Кровля опиралась на столбы.

В. В. Хвойкой на Пастырском городище открыт жертвенник, представляющий собой глинобитный столб, верхняя обожженная сторона которого имела мискообразное углубление. На поверхности прочерчено 7 концентрических кругов. Около найдены черпаки от мисок и других сосудов, встречались обугленные желуди, орехи, зерна.

В составе керамики преобладают кухонные горшки двух основных типов. Для более раннего времени (VI—V вв. до н. э.) обычны слабо профилированные бочонковидные горшки с гладким краем, напленным валиком с защипами под венчиком и наколами (реже проколами) под краем. В более позднее время (V—IV вв. до н. э.) ведущей формой становятся профилированные горшки с суженной шейкой, отогнутым наружу венчиком и выпуклым корпусом. Валик, проколы и наколы в орнаментации горшков выходят из употребления и заменяются пальцевыми оттисками по краю, реже оттисками палочки.

Из лощеных сосудов встречаются биконические корчаги, миски с вертикальным или загнутым внутрь краем, в орнаментации которых

План Матронинского городища. 1894 г.

встречаются наколы с выпуклостями, в небольшом количестве — грушевидные черпаки с высокими ручками. Фрагменты лощенных сосудов, орнаментированных резьбой и инкрустацией, встречены буквально в единичных экземплярах. Встречаются глиняные пряслица, пуговицы, миниатюрные сосуды, зооморфные фигурки, «хлебцы». Обычны каменные терочники и зернотерки, встречаются оселки, железные ножи, бронзовые наконечники стрел VI—IV вв. до н. э. К числу уникальных находок принадлежит бронзовое украшение конской узды в виде клыка с изображением головы волчьего хищника и хищной птицы [Яковенко, 1969а, с. 201, рис. 1, 6], обломок нижней части костяного псаля и цилиндрический резной молоток из рога оленя [Яковенко, 1969, с. 246].

Находки вещей скифского типа, а также греческой импортной посуды свидетельствуют о том, что Пастырское городище существовало с VI по III вв. до н. э. Однако более интересным периодом жизни городища следует считать VI—V вв. до н. э. В этом убеждает нас не только преобладание и большая выразительность архаической керамики в культурном слое, но и соотношение находок античной посуды на городище. Последняя тщательно проанализирована Н. А. Онайко. На основании представленных ею материалов можно сделать вывод, что античный импорт VI—V вв. до н. э. был разнообразнее по составу, шире по центрам ввоза и богаче по ассортименту. Здесь представлены фрагменты сравнительно редких в Причерноморье родосско-ионийской расписной посуды конца VII — первой половины VI вв. до н. э. [Онайко, 1966, с. 56, рис. 8], фрагменты ионийских расписных сосудов VI в. до н. э., единичные фрагменты ионийских амфор VI в. до н. э. Много обломков хиосских амфор VI—V вв. до н. э. Единичны обломки протофасосских амфор VI—V вв. до н. э., амфор V в. до н. э. со стаканообразным дном, обломки средиземноморских амфор, сероглиняных кувшинов, мисок, сосудов типа киликов VI—V вв. до н. э., чернолаковых сосудов VI—V вв. до н. э. [Онайко, 1966].

В более позднее время, когда приток античного импорта в Причерноморье возрастает, здесь встречается намного меньше античной керамики: единичные обломки хиосских амфор IV в. до н. э., амфоры типа «Солоха I», фасосские амфоры IV—III вв. до н. э., чернолаковые сосуды IV—III вв. до н. э. и амфоры эллинистического периода [Онайко, 1970], относящиеся фактически к постскифскому зарубинецкому периоду.

Среди многочисленных остеологических остатков, найденных на городище, преобладают кости быка и коня, в незначительном количестве встречаются кости свиней, овец, коз.

Шарповское городище, обнаруженное И. В. Фабрициус в 1938 г. и исследованное ею в 1939—1940 и 1945—1947 гг., расположено в 2 км к юго-западу от с. Пастырское в лесном урочище Шарповка на высоком мысу между оврагами [Фабрициус, 1949, с. 84; 1952, с. 21]. Городище неправильной округлой формы (соответственно рельефу местности), обнесенное вокруг валом и рвом, имело два входа — с южной и северной сторон. Общая площадь 16 га. Южная треть городища с западной стороны отделена еще одним валом со рвом, пересекающим все поселение.

По своей культурной характеристике Шарповское городище чрезвычайно близко к Пастырскому. Те же типы жилищ с плетеными из прутьев и обмазанными глиной стенами, очаги с глинобитным по каркасу сводом, те же типы лепной керамики и изделий из глины, включая обломки зооморфных фигурок и глиняных «идолов» в виде небольших столбиков с антропоморфными признаками. Среди находок имеются бронзовые наконечники стрел, булавы, железные ножи, буравчики, иглы, костяные ложила, зернотерки и терочники.

На Шарповском городище обнаружены следы ремесел: железодельного, железообрабатывающего, медеплавильного, ткацкого, гончарного, костерезного, кожевенного [Фабрициус, 1952, с. 21]. Развито было пастушеское скотоводство и земледелие.

На городище открыта печь производственного назначения. Ее основание сделано на глинобитном возвышении с глиняным полом. Стены в нижней части выложены из глиняных валиков, верх глинобитный. Печь стояла под открытым небом. Возле нее найдено много золы, значительное количество кусков железной руды, железные шлаки, кусочки медного шлака, незаконченные бронзовые наконечники стрел [Петренко, 1967, с. 14].

Значительное количество греческой керамики свидетельствует о торговле с греческими центрами. Анализ ее дал ту же картину, что и для Пастырского городища. Особенно велико здесь количество фрагментов VI—V вв. до н. э. К этому времени относятся фрагменты ионийских амфор второй половины VI в. до н. э., кувшинов, киликов, мисочек с полосатой росписью VI—V вв. до н. э. Встречены фрагменты чернофигурных сосудов конца VI в. до н. э., сероглиняных мисок, солонок, киликов, фрагменты протофасосских амфор и амфор со стаканоподобным дном V в. до н. э. Отмечено особенно много обломков хиосских амфор и других амфор VI—V вв. до н. э. [Опайко, 1966, № 5, 58, 70, 76, 80, 86, 119, 133, 152, 194, 196, 197, 199].

К числу античной керамики более позднего времени относятся единичные обломки хиосских и фасосских амфор IV в. до н. э. и единичные обломки амфор эллинистического времени [Опайко, 1970, № 548, 555, 620].

Последнее свидетельствует о том, что расцвет жизни на городище приходится на VI—V вв. до н. э. В более позднее время жизнь на поселении замирает.

При раскопках Шарповского городища И. В. Фабрициус впервые обратила внимание на обожженные деревянные конструкции и прожженную глину в основании вала. Однако она ошиблась в интерпретации этого наблюдения, получившего затем разъяснение благодаря исследованию валов Люботинского городища на Харьковщине, осуществленного Б. А. Шрамко, доказавшего, что это не что иное как развал сторевших деревянных оборонительных сооружений городища.

Городища у сел Макеевка и Буда-Макеевская изучены плохо. Они открыты разведками И. В. Фабрициус в 1940, 1945, 1946—1947 гг. [1949, с. 80—83].

Макеевское городище расположено юго-восточнее с. Макеевки на плато над оврагом Похиловым. Оно имеет форму овала, вытянутого с юга на север, площадью 24 га. С юго-восточной и северо-западной сторон городище обнесено валом и рвом, с боков — скатами оврагов. Шурфовкой обнаружены остатки наземных жилищ с развалами глинобитной обожженной обмазки. Встречаются обломки обычной керамики с защипами, валиком и проколами под краем.

Буда-Макеевское городище расположено возле истоков р. Сухой Ташлык. Форма его овальная. Здесь обычна керамика с проколами и валиком под краем.

Среди городищ Тясмина особое место занимает Плискачевское городище — наиболее позднее из укрепленных поселений [Археологическая карта, 1895, с. 108; Третьяков, 1949, с. 235; Тереножкин, 1952]. Находится оно возле восточного края хут. Шевченко Смелянского района и занимает водораздельную возвышенность между вершинами двух глубоких оврагов. Форма его овальная. Поперечник городища превышает 0,5 км. Обнесено оно невысоким валом (1—1,5 м) и рвом. Культурный слой насыщен слабо. В нем встречаются обломки горшков с пальцевыми вдавлениями по краю, иногда по плечикам (палецной валик отсутствует), обломки мисок, греческих амфор. Найден фрагмент греческого чернолакового сосуда IV в. до н. э. Плискачевское городище было заселено сравнительно мало и существовало недолгое время. Скорее всего оно выполняло функции убежища.

Неукрепленные поселения Тясминского бассейна почти не изучались. На археологической карте этой территории отмечены поселения у с. Яныч (конец VII — начало III вв. до н. э.); на Пилипенковой горе у с. Завадовка (IV—III вв. до н. э.); на Гаидамацкой горе у с. Лубенцы (VI—V вв. до н. э.) [Петренко, 1967]; у с. Макеевка (VII в. до н. э.) [Рассонович; Покровская, 1954, с. 192]; у Тенетинского могильника в Сунковском лесничестве. Известны также поселения у с. Головатина в уроч. Деревино [Фабрициус, Покровская, 1947]; в уроч. Пилява гора и на Шеевой горе между селами Головатинным и Гуляй-Городом [Третьяков, 1949, с. 235].

Изучение городищ и поселений на Тясмине, как и курганных могильников, свидетельствует о том, что жизнь здесь замирает из-за вторжений кочевников, что привело к упадку хозяйственной деятельности земледельческого населения где-то с середины V в. до н. э.

КАНЕВСКАЯ (ИЛИ ПОРОССКАЯ) ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

Она сосредоточена в бассейне среднего и нижнего течения рек Роси и Росавы. Изучена значительно хуже, чем памятники Тясминского бассейна. В дореволюционное время основные раскопки курганов на этой территории осуществлялись Е. А. Зноско-Боровским [Смела, III, 1901, с. 94] и такими известными исследователями, как Н. Е. Бранденбург, Д. Я. Самоквасов [Бранденбург, ЖР, 1908; Самоквасов, МРЗ, 1908, с. 114], В. В. Хвойка. Материалы этих раскопок в настоящее время обработаны Г. Т. Ковпаненко [Ковпаненко, 1971, с. 115]. В послевоенные годы исследовали городища и поселения Поросья П. Н. Третьяков, Т. С. Пассек, В. А. Богусевич, А. И. Тереножкин, В. Г. Петренко [Третьяков, 1949; Пассек, 1949; Богусевич, 1952; Богусевич, 1952а; Тереножкин, 1953; Петренко, 1962]. На протяжении 1964—1968 гг. Г. Т. Ковпаненко исследовала Трахтемировское городище [Ковпаненко, 1967, с. 103, 106; Ковпаненко, 1968, с. 108—111].

Генетическими предшественниками культуры скифского времени на Каневщине, как и на Тясмине, является чернолесская культура.

Городища и поселения. На поселении у с. Крещатик [Покровская, Петренко, Ковпаненко, 1971, с. 94] в устье Роси обнаружены оборонительные сооружения: круговой ров (глубина 2—3 м, ширина 3—4 м) ограничивал небольшую площадку (40 × 35 м). С западной стороны находился вход. Поселение занимает территорию за пределами обнесенного рвом участка на песчаном мысу надпойменной террасы. Здесь исследованы два наземных жилища чернолесской культуры с каркасными стенами, обмазанными глиной, и каменным очагом, а также ряд хозяйственных ям. К чернолесскому времени относятся горшки с налепным валиком или пальцевыми вдавлениями по плечикам и проколами под краем венчика, глубокие черпаки, украшенные по плечикам зубчатым орнаментом, и кубки. Среди вещей — костяной гарпун и бронзовая височная подвеска, аналогичная происходящим из чернолесских памятников Тясмина.

Укрепления (оборонительный ров и несомненно соотствующая ему деревянная ограда) потеряли свое значение в конце чернолесского периода. Однако поселение продолжало функционировать вплоть до начала VI в. до н. э. Никакого культурного разрыва от позднего чернолесья к раннему жаботину не наблюдается.

К жаботинскому времени относятся остатки прямоугольных полуземлянок, печи с каркасным сводом и предпочажными ямами, большое количество хозяйственных ям. В составе керамики обычны горшки с валиками под венчиком и по корпусу, черпаки с резным орнаментом, миски с орнаментом, подобные найденным на поселении Тарасова гора, а также архаические наконечники стрел и бронзовые булавки.

Все это свидетельствует, что условия жизни в этой части Лесостепи были более спокойными, чем на Тясминском пограничье.

Интересно отметить, что на Каневщине городища скифского времени расположены не с юга, а с востока, над днепровской поймой, на мысах высокого коренного берега. Среди них известны Григоровское городище, Большое скифское городище на территории заповедника КГУ, Трахтемировское городище против Переяслав-Хмельницкого.

Трахтемировское городище [Ковпаненко, 1971, с. 116—117] одно из наиболее изученных в Правобережной Лесостепи. Возникнув в начале VI в. до н. э., оно прекращает существовать в конце того же столетия или в начале V в. до н. э. Городище занимает площадь до 500 га и расположено на высоких холмах правого берега Днепра. С западной стороны оно укреплено валом высотой до 6 м и рвом глубиной 3,5 м. Все городище называется Большими Валками, а его северо-западная часть (своего рода акрополь) — Малыми Валками, занимающими отдельную возвышенность площадью 340×400 м. Во время раскопок на этом участке открыты 40 наземных жилищ и полуземлянок с каменными очагами, многочисленные хозяйственные ямы и каменные печи с предпечными ямами.

Особый интерес представляет полуземлянка (размеры 6,6×3××0,8 м), в юго-восточной части которой открыты остатки жертвенника, представлявшего собой глиняный круг с ямкой посередине. Сохранилась часть орнамента в виде спиралей. Поверхность была покрыта сажей. На жертвеннике лежали обломки родосского расписного килика и скифская миска; неподалеку — большой сосуд в виде птицы, миска и большая корчага с коническими налечами.

Количество лощеных сосудов с резьбой и инкрустацией на Трахтемировском городище невелико. Преобладают бочонковидные горшки с налечным валиком с защипами под краем венчика по корпусу. Сквозные проколы по валику встречаются гораздо реже, нежели наколы с выпуклостями. Миски чаще всего с загнутым внутрь краем украшены проколами или наколами с «жемчужинами»; встречаются миски с парными коническими выступами по краю. В большом количестве представлены черпаки, среди которых встречаются экземпляры с резным орнаментом и каннелюрами, кубки, корчаги; найдены глиняные пряслица, «катушки», блоки, фрагменты крышек, миниатюрные сосуды.

Прочие вещи представлены двумя железными массивнообушными топорами, секирой-клевцом, бронзовыми архаическими наконечниками стрел, железными ножами, костяными трехдырчатыми псалями, оформленными в зверином стиле, тупиками, пилами, ложилами, железным серпом, гвоздевидными булавами, серьгами и браслетами.

Среди античной керамики имеются фрагменты родосских сосудов раннего VI в. до н. э. [Онайко, 1966, № 7, 109, 111], ионийские и лесбоские амфоры с полосами бурого цвета, относящиеся к VI в.

Обычны находки точильных камней, терочников, зернотерок. В составе находок остатков домашних животных преобладают кости свиньи, лошади, крупного и мелкого рогатого скота.

По данным Г. Т. Ковпаненко, на Роси известно 24 поселения раннескифского времени, расположенных на пологих склонах надпойменных террас, песчаных мысах или останцах среди заболоченной поймы. Здесь открыты зольники, землянки, остатки наземных жилищ с каркасно-глинобитными стенами; керамика жаботинского и раннескифского типов VII—VI вв. до н. э. [Ковпаненко, 1971, с. 116; Ковпаненко, 1975, с. 58].

Разведками Т. С. Пассек в 1945 г., нашими в 1953 г., В. Г. Петренко в 1958 и 1963 г. открыт ряд поселений. Среди них и существовавшие длительное время. Это, например, поселение у с. Москаленки Таращанского района (VII—III вв. до н. э.), в уроч. Псковщина в Каневе, в селах Пекари, Бобрица, Пищальники, Потапцы (VI—IV вв. до н. э.). Известны поселения, существовавшие более короткое время у сел Степанцы

(V—IV вв. до н. э.), Грищенцы (V—III вв. до н. э.), Воробьевка, Селище, Зарубинцы (IV—III вв. до н. э.) Корсунь-Шевченковского района [Петренко, 1967, № 72, 98, 83, 100, 102, 104, 120, 121, 126]. Такое количество поселений, существовавших на всем протяжении скифского времени, свидетельствует о более спокойных и стабильных условиях жизни в Поросье, чем в бассейне р. Тясмина.

На поселении у с. Грищенцы [Петренко, 1961, с. 84; Петренко, 1967, с. 10—11; Петренко, 1968, с. 208] в 1961 и 1963 гг. произведены раскопки.

Общая площадь поселения — около 7 га. Время существования по находкам амфорной керамики определяется V—III вв. до н. э. Эту дату подтверждают находки таких вещей, как наконечники стрел и конский налобник. В составе местной керамики преобладают обычные для этого времени горшки с плавно отогнутым наружу венчиком и выпуклым корпусом, орнаментированные пальцевыми рельефами по краю венчика или по венчику и горлу, а также плохо лощеные или вовсе нелощеные миски с загнутым внутрь краем и кувшинообразные сосуды.

На поселении обнаружены следы железодельного и бронзолитейного производства: куски железного и бронзового шлака, кашли бронзы, бракованные изделия, заготовки, медный слиток. Кроме того, здесь открыто производственное помещение: длинная узкая яма с углистым заполнением и части печного свода, оплакованного до стекловидного состояния. Здесь найдены кусочки бронзового шлака и бракованная посохвидная булавка.

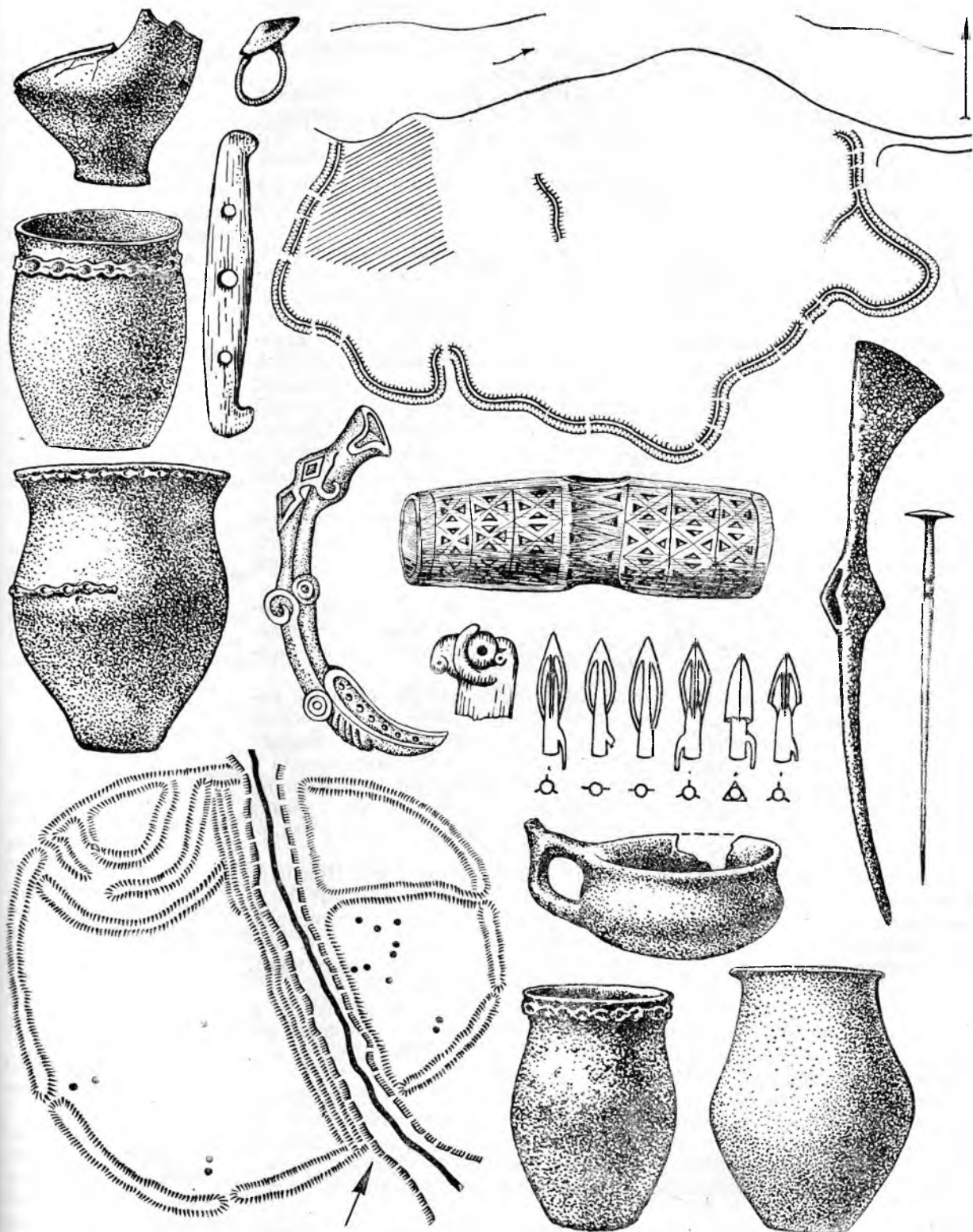
В ходе археологических исследований 1967 г. на поселении открыты три жилища овальной формы с углубленными в землю основаниями. В заполнении двух из них найдено много шлаков, обломков бронзовых стержней и брусков, булавок и иголок с незавершенной обработкой, а также железный пробой и бронзовое зубило.

Курганы. В бассейне Роси раскопано 150 курганов, из которых к VII и VI вв. до н. э. принадлежит 86 с 90 погребениями. Наиболее ранние из них — курган № 55 у с. Ковали и курган № 49 у м. Шацдра [Ковпаненко, 1971, с. 117], принадлежат к позднечернолесскому или раннежаботинскому времени. Многие из ранних погребений, относящихся к VII в. до н. э., оказались впускными в насыпи курганов эпохи бронзы (Зеленки, Кагарлык) [ЖРБ, с. 10, 19, 24, 34, 35; Галанина, 1977, с. 10—13; Ковпаненко, 1971, с. 117]. Наряду с ними широкое распространение получают курганные захоронения с погребениями на уровне грунта [Смела, III, № 101, 103, 104; Ковпаненко, 1971, с. 117] в грунтовых ямах, перекрытых бревенчатым накатом (Медвин, Бобрица, Куриловка, Берестняги, Лазурцы) [Смела, III, № 100, 101, 106, 116, 117, 119, 120, 133, 138; Ковпаненко, 1971, с. 117], в склепах с горизонтальной облицовкой стен деревом (Пищальники) [Фундуклей, 1848, с. 19—20], иногда с дромосом и четырьмя столбами по углам ямы.

Основными видами захоронений являются труположения на спине, ориентированные головой на запад (нередко с отклонениями), однако встречается и другая ориентировка. Среди погребений с трупосожжениями для раннего времени наиболее обычны сожжения гробниц (курган № 36 у с. Бобрица, курган № 7 у с. Берестняги) [Смела, III, № 100, 112—114]. К концу V — началу IV в. до н. э. наряду с сожжениями в могиле совершались трупосожжения на стороне с сыпанием праха в могилу (курган № 6 у с. Берестняги, курганы № 31, 32, 60, 63, 64 у с. Бобрица) [Смела, III, № 100, 109, 126, 127—129]. Полное сожжение погребенных отмечено в курганах № 1 и 4 у с. Яблоновка (V в. до н. э.), причем в кургане № 1 прах сыпан в бронзовый сосуд, а в кургане № 4 — в греческую расписную вазу.

В инвентарях ранних курганов встречаются главным образом керамика, представленная черпаками, кубками и горшками ранних типов.

План Трахтемировского городища и найденные на нем предметы (Поросье). План Пастырского городища и найденные на нем предметы (Тясмин).

Так, в кургане между селами Пищальники и Лазурцы [Фундуклей, 1848, с. 20], где найдены два захоронения в склепах, в ранней могиле обнаружены горшок с проколами под краем и чернолощенный черпак с оригинальным орнаментом в виде полукружий. Вторая гробница содержала погребение с раннескифским инвентарем VI в. до н. э.

Со второй половины VII в. до н. э. в могилах начинают встречаться предметы скифского вооружения, конской узды и украшения. Интересен в этом отношении курган № 375 эпохи бронзы у с. Емчиха [ЖРБ, 94; Галанина, 1977, табл. 4, 7—10], в насыпь которого впущено погребение, где найдены бронзовый псалий жаботинского типа с загнутым концом и тремя отверстиями, бронзовая булава и крестовидная бляха с солярным знаком.

Интересная группа хорошо исследованных ранних погребений открыта в курганах у с. Медвин [Ковпаненко, 1977, с. 40—72]. Здесь раскопано 11 курганов высотой от 0,5 до 1,75 м, расположенных тремя группами. Восемь из них относятся ко времени архаики, три — к IV в. до н. э. Все раннескифские погребения достаточно однотипны. Под насыпью в центре находились ямы, окруженные выброшенной из них землей — выкидом. Ориентировка ям — север—юг с незначительным отклонением, размеры: 2,5—3,3 м длиной, 1,95—2,4 м шириной и 0,6—1,5 м глубиной. С южной стороны к могиле вел дромос. Ямы перекрыты накатом из дубовых бревен, положенных поперек. Дромос, полого спускающийся к могиле и обрывающийся в нее ступенькой, перекрыт плахами, положенными вдоль. На дне, по сторонам дромоса, обнаружены ямы от столбов. В двух случаях (курганы № 1 и 3 группы III) обнаружены следы от деревянных настилов пола. В основании более высоких курганов (№ 1 и 2 группы II) открыты неглубокие рвы, в одном из которых (курган № 1) прослежены остатки тризны в виде горшка и миски.

Все погребения ограблены. В могилах наблюдались одиночные, парные (мужчина и женщина) и групповые захоронения. Господствует положение погребенных головой на юг с некоторыми отклонениями соответственно ориентировке могил.

Один из наиболее ранних — курган № 4 группы II. Деревянный накат имел следы действия огня. В яме обнаружены остатки парного погребения. Здесь найдены: бронзовые серьги в виде колечка, три глиняных пряслица, две миски, два черпака и глубокая бочонковидная пиксида с крышкой, украшенная резным орнаментом в раннежаботинском стиле по черной лощеной поверхности. По аналогии с пиксидами из кургана № 378 у с. Константиновка, памятников чернолесской культуры и Сахарны этот комплекс может быть отнесен к началу VII в. до н. э.

В погребении кургана № 2 группы II накат был двойной. При парном погребении (возраст умерших 45—55 и 38—49 лет) найдены: бронзовые удила со стремечковидными петлями, псалии с тремя муфтообразными отверстиями, подобные происходящим из кургана № 524 у с. Жаботин, колечко, глиняное пряслице, миски, кубок, обломок железного ножа. Погребение может быть датировано второй половиной VII в. до н. э.

В кургане № 3 группы II со следами действия огня на накате и столбах в разрушенном мужском погребении найдено железное копьё доскифского типа, характерное для памятников Кавказа VII—VI вв. до н. э. В насыпи обнаружен кремневый вкладыш серпа.

Могилы в кургане № 3 группы I с остатками парного захоронения мужчины (35—40 лет) и женщины (25—30 лет) датируются первой половиной — серединой VI в. до н. э. В ней найдены: архаические наконечники стрел, костяные «грибки», железные стержни от булавок, миска, горшок, кубок с резным орнаментом, ожерелье из раковин каури, железный нож.

Приблизительно к этому времени относятся и погребения в курганах № 1 (группа II) и-2; 3 (группа III).

В кургане № 2 группы III в беспорядке лежали кости трех мужчин и женщины в возрасте 65, 45—55, 35—40 и 25—30 лет. По расположению ног можно предположить, что один из умерших лежал на спине, головой на юг. Здесь найдены три глиняных пряслица, миска и три черпака, из которых один с радиальным прочерченным орнаментом.

К середине VI в. до н. э. на Каневщине уже полностью господствует скифский вещевой комплекс. Особую известность получили два кургана с захоронениями представителей местной знати: № 35 у с. Бобрица и № 100 у с. Синявка.

В первом из них [Смела III, с. 112—114], высотой 5 м, в большой квадратной могильной яме с ведущим в нее с юга дромосом обнаружен сожженный деревянный склеп со столбами и перекрытием. В центре могилы в вытянутом положении головой на запад лежал скелет основного погребенного; поперек к нему, головой на юг, лежал скелет женщины. Вдоль восточной стены гробницы — скелет лошади.

При основном погребенном сохранились остатки головного убора с 15 бляхами в виде трех концентрических кружков, образующих пирамидку, и 19 бляхами в виде фигурки коня с повернутой назад мордой и подогнутыми ногами [Іллінська, 1971б, с. 73]; на груди — ожерелье из полудрагоценных камней (топазов, сердоликов, агатов, горного хрусталя, янтаря) и большого количества белых и черных пастовых рубленых бус; у правого бока — остатки деревянного, обтянутого кожей колчана с 21 стрелой с бронзовыми наконечниками архаического типа, а рядом — бронзовое кольцо и железные удила.

Возле женщины найдены бронзовые серьги с гвоздевидными шляпками, две бронзовые булавки, блюдо из песчаника, белила, румяна, ожерелье из янтаря и белых, и черных пастовых бус. С левой стороны лежало бронзовое зеркало с бортиком и центральной высокой ручкой, украшенной круглой бляхой с изображением вепря. В ногах стояла миска. В северо-западном углу стояли сосуды: большой горшок с валиком и проколами, миска с отогнутым венчиком и двойными выступами по краю, два черпака, здесь же найдены кости быка от жертвенного мяса.

Во втором кургане [Смела, III, с. 138—142] незначительной высоты в большой могильной яме с деревянным склепом (без дромоса и следов сожжения) в центре, головой на запад, лежал погребенный. За его головой (поперек) головой на север, лежал скелет женщины с ребенком у правой руки. Еще одно захоронение из этой гробницы принадлежало, по видимому, воину-«оруженосцу». На главном умершем найден сакральный убор, связанный с солнечным культом. Элементами этого одеяния являлись: головной убор, украшенный 11 золотыми треугольными штампованными бляхами с тремя концентрическими кругами на них и 31 золотой бляхой в виде фигурок оленей, золотая гвоздевидная булавка с рубчиками, которой сзади закреплялся головной убор, две золотые сережки с гвоздевидными шляпками и три набора ожерелий. Первый набор составлен из 24 золотых четырехлепестковых розеток, второй — из золотых концентрических кружков, пронизок, хрустальных и сердоликовых бусин, третий — из сердоликовых, янтарных и агатовых бус.

При женском скелете найдено ожерелье из пастовых бус и бисера. Справа от головы находилось блюдо из песчаника, на котором лежали кусок розовой краски и бронзовое зеркало с железной ручкой.

На третьем скелете у пояса обнаружен кинжал, справа у головы — наконечник копья, слева — колчан с сотней наконечников стрел архаического типа. Вдоль южной стороны могилы стояли три больших горшка с валиками в средней части, маленький сосуд в виде кубка, большой глубокий черпак с двумя ручками, три черпака и черпак со сдвоенными орнаментированными чашечками с одной ручкой.

Некоторые исследователи полагают, что главными погребенными в курганах № 35 и 100 были женщины. Однако поскольку антропологиче-

ского определения сделано не было, а обстановка погребений недостаточно определена, вопрос остался нерешенным.

Вышеописанные гробницы могут быть датированы первой половиной VI в. до н. э., ближе к его середине.

Из других раннескифских курганов Каневщины VI в. до н. э. следует назвать курган № 6 у с. Берестяги [Смела, III, с. 100], где в разграбленном склепе найдены фрагменты наконечника железного архаического копья, бронзовые удила со стремявидными петлями и большой железный кож, конец которого украшен бронзовой львиной головкой в профиль. Из керамики здесь найдены большая корчага типа виллановы и мелкий черпак с радиальным линейным орнаментом. В кургане № 45 у с. Берестяги [Смела, III, с. 119] обнаружены бронзовые удила и три бронзовые крестовидные бляхи от узды, из которых одна — с двойной орлиной головкой. Из кургана № 77 у с. Куриловки [Смела, III, с. 133] происходят архаический акинак и ранние наконечники стрел. В кургане у с. Емчиха [Орешников, 1893, с. 19—20, рис. 2—3] встречены золотые серьги античной работы с большими щитками, украшенные львиной головкой и пирамидками зерни, серебряные браслеты с концами в виде золотых львиных головок, а также бронзовое зеркало, амфора, глиняный сосуд и обломки от «большого черного» сосуда.

К числу памятников начала — первой половины V в. до н. э. на Каневщине относятся курганы у с. Яблоновка, исследованные Д. Я. Самоквасовым [МРЗ, с. 114—121]. Они занимают особое место в скифской историографии. Б. Н. Граков, изучая открытые здесь погребения [1928], определил датировку скифских курганов Лесостепной полосы на основании совокупности предметов античного и местного инвентаря для каждого отдельно взятого комплекса. Этим был преодолен ошибочный огульный подход к датировке групп лесостепных курганов, предложенный М. И. Ростовцевым, и выработаны основы правильной методики изучения хронологии скифских курганов.

Курган № 1 (Острая Могила) высотой более 8 м содержал захоронение с сожжением в деревянном склепе на материке. Гробница размерами 3,6 × 3,6 м изготовлена из плотно пригнанных друг к другу, поставленных частоколом столбов, основания которых были вкопаны в канавку на уровне погребенного чернозема. По наблюдениям Д. Я. Самоквасова, в ходе сооружения насыпи на уровне перекрытия гробницы был зажжен большой костер, на котором произвели кремацию умершего. Прах был собран в кусок ткани и вложен в бронзовую урну, остатки кострища и инвентаря сброшены в гробницу, так что отдельные вещи — урна с прахом, амфора, чернолаковый килик — оказались под перекрытием гробницы. Сверху над деревянным настилом сооружена глиняная площадка, на которой был разложен поминальный костер и справлена тризна.

В заполнении гробницы, помимо упомянутых предметов, на разной высоте найдены бронзовые и костяные наконечники стрел, различные бусы (в том числе и золотые), четыре золотые бляхи различной величины, бронзовая ворварка, глиняное пряслице, бронзовый колокольчик, миска с восемью пращевыми камнями, вторая миска и большая корчага с боковыми ручками. В кострище над склепом обнаружены кости быка, барана и птицы, фрагменты местной и греческой посуды и другие мелкие обожженные вещи.

Основанием для датировки погребения VI—V вв. до н. э. служат хисская амфора, бусы последней четверти VI в. до н. э., золотые бляхи с изображением головок грифонов, фрагмент чернофигурного килика.

В кургане № 2 у с. Яблоновка погребение совершено в деревянной гробнице такого же устройства, впущенной в яму. Могила ограблена. По ходу грабительного лаза при выходе из гробницы в подкопе обнаружен скелет приваленного землей грабителя. Основанием для датировки погребения началом V в. до н. э. служат: фрагмент чернофигурного килика, зо-

лотая пластинка с изображением грифона, височные подвески, бусы. В гробнице впервые найдены железные пружинные щипцы для углей.

Среди погребений V в. до н. э. особенно замечательны захоронения в курганах № 4 и 5 у с. Берестяги. В кургане № 4 [Смела, III, с. 94] высотой 5 м открыта большая почти квадратная (3,5 × 3,0 м) могильная яма, перекрытая двойным бревенчатым накатом. С юго-западной стороны в могилу вел дромос. Стены могилы выглажены, обмазаны глиной и обведены канавкой 0,18 м ширины и глубины, что свидетельствует о наличии склепа с вертикальной облицовкой стен.

В гробнице находились погребения мужчины и женщины, лежавших рядом на деревянном ложе, головами на северо-запад. Женщина положена слева в позе, обнимающей мужчину (правая рука под мужским скелетом, левая — согнута к нему). У северо-западной стенки — скелет лошади.

У черепа мужчины лежали массивная золотая серьга в виде кольца и рубчатая пуговица. Справа лежал длинный меч (общая длина 86 см) с волютообразным навершием, в деревянных ножнах.

Остальной инвентарь оказался сложенным в средней части могилы. Это: гладкая золотая гривна с несомкнутыми концами; скифский акинак («подобный первому») длиной 60 см; уникальный пояс, покрытый 10 бронзовыми бляхами в виде головки льва, припавшего на передние лапы; концы пояса замыкали две крупные бляхи в виде львиных головок в профиль, обращенных навстречу друг другу [Черненко, 1968]. Кроме того, здесь обнаружены два железных наконечника копей и подтоки к ним, масса бронзовых наконечников стрел, пращевой камень, кожаный пояс, покрытый бронзовым пластинчатым набором. Вместе с оружием лежало бронзовое зеркало с ручкой, бронзовый браслет, морская раковина с дырочкой для подвешивания и сердоликовая бусина, крестовидно оправленная золотой ленточкой.

Между кусками дерева лежала золотая оковка от деревянного сосуда — прекрасный образец скифских «зооморфных превращений» V в. до н. э. — с изображением двух орлиных головок с розетками на месте глаза и внутри завитков клюва. В эту же композицию вписана фигурка водоплавающей птицы. В могилу были положены две конские уздечки, двое железных удил, четыре псалия, 15 бронзовых ворварок, бронзовое кольцо, подвеска, изображающая кисть руки, три бляшки в виде когтей лапы хищной птицы, бляха в виде «пуговицы».

В головах погребенных стояли большой сосуд и сосуд «грубой работы». Кроме того, в стенке могилы оказался тайник, где находились чернолаковые килик и лекиф середины V в. до н. э., «греческая терракотовая мисочка с двумя ручками» (?) [Петренко, 1967, с. 93; Онайко, 1970, № 166, с. 175]. Около входа в дромос лежали кости от жертвенной пицци.

Не менее замечательным оказалось погребение в кургане № 5 у с. Берестяги [Смела, III, с. 94] высотой 1,4 м. В могильной яме (3,0 × 2,5 м) с дромосом с западной стороны обнаружен сожженный деревянный склеп. Погребенный лежал у южной стенки головой на запад. У северной стенки — скелет коня. Ни при человеческом, ни при конском скелетах вещей не найдено: утварь была сложена посредине могилы. Здесь обнаружены: два бронзовых жертвенных ножа с прямой спинкой длиной 39,3 см; колчан с 60 наконечниками стрел: золотая оковка от деревянного сосуда (такая же, как в кургане № 4, но несколько меньших размеров); предметы конской узды — две пары бронзовых псалий, в том числе молоточковидных, два наносника, большая лунница, налобник в виде головки оленя, две бляхи с головками оленя с ветвистыми рогами, нащечники в виде птичьего крыла, бляха в виде головы грифона, 17 надевавшихся на ремень подвесок в виде ведерочек, две бляхи-резетки, две бляшки в виде руки. В головах погребенного стояла греческая амфора V в. до н. э. [Петренко, 1967, с. 93; Онайко, 1970, № 73], в ногах — «пузатый» сосуд. Оба погребения относятся к середине V в. до н. э.

Ко второй половине V в. до н. э. относится курган № 33 у с. Бобрица [Смела, III, с. 111], где найдены бронзовая бляха от конской узды в виде головы грифона и бронзовый позолоченный сосуд греческой работы в форме кувшина с воронкообразным венчиком, высокой шейкой и округлым корпусом, украшенный орнаментом в виде двух рядов каннелюр, поднимающихся вверх от поддона и опускающихся от основания горла вниз к узенькому пояску на середине корпуса [Петренко, 1967, с. 93].

Погребение в кургане № 66 у с. Бобрица [Смела, III, с. 129] относится к началу IV в. до н. э. В этом кургане высотой 5,6 м открыты четыре могилы. Из них особенно интересна гробница II (очевидно, впускная, размерами 3,4×1,0 м, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад) в яме с уступом. В гробнице обнаружены захоронение знатной женщины в окружении пяти сопровождающих лиц. Женщина лежала в деревянном ящике вытянуто, навзничь, головой на северо-запад. Вдоль северо-восточной стороны лежали два скелета — один головой на северо-запад, второй — на юго-восток; вдоль юго-восточной стенки лежали еще два скелета, оба головами на юго-запад; у юго-западной стенки — скелет головой на юго-восток. Все сопровождающие погребения безынвентарные.

У главной погребенной на шее находились золотые бусы (более 300) и 12 бляшек. На груди — две бронзовые булавки, на руках браслеты; у пояса — железный нож с костяной рукоятью, большое овальное блюдо из песчаника и бронзовое зеркало, а также уздечные принадлежности — железные удила с прямыми псалиями, бронзовые бляхи с изображением задних лап хищника в виде крыла, круглые бляхи и пронизи. В головах стоял терракотовый открытый сосуд (по мнению Н. А. Опайко, — чернолаковая лекана) [Онайко, 1970, № 173], разбитый и починенный еще в древности. В нем лежали две золотые пластинки (очевидно, от деревянного сосуда): одна целая, другая обрезанная, обе с изображениями грифона. Здесь же найдены маленький краснофигурный лекиф с изображением летящего Эрота [Онайко, 1970, № 662], большая амфора с тремя ручками, бронзовая мисочка.

Все в этой могиле интересно и исключительно: и погребальный обряд с большой человеческой гекатомбой, и наличие конской узды при женском захоронении, и большое количество импортных вещей рубежа V и IV вв. до н. э., и поздний случай находки блюда из песчаника.

В кургане между селами Пыцальники и Лазурцы [Фундуклей, 1848, с. 18] найдены амфора, краснофигурный кратер с изображением танцующей девушки и вакхической сцены конца V — начала IV вв. до н. э. и бронзовая ойнохэя второй половины V в. до н. э. [Онайко, 1970, № 103, 183, 214].

Краснофигурный кратер с изображением вакхической сцены второй половины IV в. до н. э. обнаружен в кургане № 93 у с. Бобрица [Смела, III, с. 137; Онайко, 1970, № 674]. Здесь в большой и глубокой ограбленной могиле с деревянным склепом (северо-восток — юго-запад, размеры 5×4×3 м), кроме кратера, сохранились золотые бляхи с подвесками, бронзовое зеркало, два метательных камня, амфора, железный нож и череп жеребенка.

К числу хорошо сохранившихся захоронений IV в. до н. э. относится погребение в кургане № 63 у с. Бобрица [Смела, III, с. 127]. Здесь в яме с деревянным склепом и дромосом (северо-запад — юго-восток, размеры 3,5×2,8×1,7 м), как описывается в публикации, был ссыпан прах покойного, сожженного вне ямы. Вместе с остатками костей найдены пояс с бронзовым набором, колчан с бронзовыми наконечниками стрел, наконечник копья, два дротика с подтоками, трое удил с железными S-овидно изогнутыми псалиями. При одной уздечке обнаружен серебряный набор, состоящий из большого наносника с прикрепленной к нему золотой лунницей, четыре круглые бляхи с узорами в виде пальметт и две бляхи меньших размеров с более простым орнаментом. Подобными

бляхами обычно прикрывали скрещения ремней оголовья и соединения удил с ремнями. В этот же комплект входят два нащечника в виде развернутых головок животных. Кроме того, в могиле оказались следующие античные предметы: маленькая глиняная амфора, бронзовая миска с подвижными ручками-кольцами, краснофигурный лекиф с изображением пальметки второй четверти IV в. до н. э. и чернолаковый канфар с канелированными стенками второй половины IV в. до н. э. [Онайко, 1970, № 613, 670, 680, 767].

Из курганов и случайных находок в окрестностях с. Грищенцы происходит значительная серия греческих сосудов, хранящихся в собрании Киевского исторического музея и Государственного Эрмитажа. Среди них назовем чернолаковый килик середины V в. до н. э.; краснофигурный лекиф с изображением сфинкса [Онайко, 1970, № 169, 185]; краснофигурный кратериск с изображением Эрота, преследующего девушку с птицей на одной стороне и мужской фигуры в плаще на другой, второй половины IV в. до н. э.; флакон, расписанный черным лаком и белой краской [Онайко, 1970, № 661, 664, 667, 673, 727, 551, 558, 585]; хиосские, фасосские, гераклейские амфоры IV—III вв. до н. э.

Изучая различные группы памятников скифской культуры, исследователи пришли к выводу о том, что курганные насыпи не являлись погребальными памятниками всех членов общины, как это было в эпоху бронзы. Курганы сооружались лишь для сравнительно ограниченной группы лиц, занимавших сколько-нибудь выдающееся положение в обществе. Величина насыпи кургана, размеры и сложность устройства гробницы, богатство погребального инвентаря зависели от социального и имущественного положения умершего. Часть населения: детей, подростков, женщин, наложниц, лиц, занятых по обслуживанию хозяйства семьи, хоронили в грунтовых могильниках, не насыпая над ними курганных насыпей.

Такой бескурганный могильник обнаружен у с. Грищенцы, в окрестностях которого известны поселения и достаточно богатые курганы. На территории могильника [Петренко, 1962, с. 142] открыто 21 погребение, расположенное без особого порядка и без наземных признаков. Погребения совершены в неглубоких (от 0,4 до 1,5 м) ямах, контуры которых не всегда удавалось проследить. 17 захоронений совершено по обряду труположения, 4 — трупосожжения, от которых остались кучки пережженных костей с отдельными вещами, очищенными от погребального костра.

Ориентировка труположений неустойчива: восток, север, северо-восток, юго-запад. Характерно, что здесь не прослежена наиболее типичная для скифского времени западная ориентировка. Среди погребенных по обряду труположения встречаются захоронения детей, подростков, взрослых, пол которых по инвентарю определить нельзя, очевидно, скорее всего это женщины. В составе инвентаря обычно фрагменты горшков, мисок, небольших горшков, кружек с ручкой. В могиле № 16 найдены античный аск начала V в. до н. э. и сероглиняная гончарная мисочка V в. до н. э. При погребенных встречаются фрагменты амфор, ножи и немногочисленные бусины, бронзовые булавки, железные браслеты.

К числу наиболее богатых относятся могила № 1 (1956 г.), где вместе с хиосской амфорой найдены меч и копье; и могила № 7, где обнаружены части конской узды в виде бронзовых ворварок, бляхи в форме головы грифона, остатки портушейного пояса и фрагменты античной керамики. Время могильника определяется V—IV, возможно, началом IV вв. до н. э. Этот грунтовый могильник существенно дополняет наше представление о социальной структуре скифского общества.

Сопоставление Каневской и Тясминской групп позволяет прийти к следующему выводу: обе части населения, несомненно, принадлежали

к одной этномультурной группе, имевшей общую генетическую подоснову. Некоторые различия между ними были обусловлены более удаленным от степи положением Каневщины.

В памятниках позднечернолесской и раннежаботинской поры менее ярко представлена чернолощенная керамика с богатой резной и штампованной орнаментацией. Количество ее здесь меньше, преобладают более простые формы. Намного слабее оказалось влияние культуры днестродунайского междуречья.

В период VI в. до н. э. в курганах Каневщины значительно реже встречаются предметы скифского обихода, нежели в курганах Тясминской группы. В инвентаре курганов преобладают сосуды архаических форм, среди которых сравнительно немного украшенных резьбой и инкрустацией; мало предметов архаического вооружения, конской узды, предметов звериного стиля. Отсутствуют такие элементы скифской культуры, как навершия; не вошли в обиход бронзовые котлы. Сравнительно мало предметов раннегреческого импорта.

В V в. до н. э. насыщенность каневских курганов вещами скифского обихода и греческого импорта значительно возрастает. В это время состав вещей, их качество и степень богатства почти не отличается от тясминских. Более того, к концу V и в IV вв. до н. э. здесь не наблюдается упадок, что характерно для памятников Тясминской группы. Влияние степных скифов, сказавшееся в проникновении обряда погребения в катакомбах, здесь почти не ощущается. Зарегистрировано только одно погребение в катакомбе в кургане у с. Осоты [Петренко, 1967, с. 17, 95]. На многочисленных поселениях в больших количествах встречается античный импорт.

Более стойко сохраняется обряд трупосожжения, в том числе сожжения на стороне со ссыпанием праха в могилу — обычай, получивший особое распространение в послескифское время.

КИЕВЩИНА

Главной особенностью Киевского ареала является соприкосновение в его пределах культуры скифов — пахарей с населением южной ветви полесской милоградской культуры, распространенной в южной Белоруссии и бассейне р. Сож к востоку от Днепра [Мельниковская, 1967].

Эта ветвь полесского населения к югу от Припяти, отличающаяся рядом локальных признаков, получила название подгорцевской культуры (точнее, подгорцевского варианта милоградской культуры), памятники которой проникают вплоть до р. Стугны [Петровська, 1974а, с. 9].

Установлено, что в эпоху бронзы на территории Киевщины обитали племена тшинецкой и белогородовской, а позднее — чернолесской культур. Таким образом, генетической подосновой населения скифского времени являлись племена того же культурного круга, что и более южных территорий [Тереножкин, 1961, с. 7, карта; Петровская, 1974, с. 339; Петровская, 1976, с. 26]. Местной подосновой памятников подгорцевско-милоградской культуры здесь не обнаружено. Это дает основание предполагать, что население данной группы появилось к югу от Киева в связи с расселением из более северных и северо-западных районов в V—IV вв. до н. э. Исследование памятников Киевской группы осуществлялось Е. А. Петровской.

Наиболее северными городищами скифского типа у края днепровской поймы южнее Киева являются Хотовское и Ходосовское [Покровська, 1952, с. 129; Петровська, 1970, с. 129]. Хотовское городище расположено на высоком холме, окруженном со всех сторон оврагами, по дну которых протекают ручьи. Площадь около 31 га. Городище вокруг обнесено валом, склоны усилены эскарпами.

По наблюдениям исследователей наиболее обжитой были южная и западная части городища. Значительная площадь его оставалась свободной и могла быть использована в качестве загона для скота. Раскопками в юго-западной части обнаружены остатки наземных жилищ, от которых сохранились завалы глиняной обожженной обмазки, хозяйственные ямы, жилища с углубленными в землю основаниями, очаги.

Керамика представлена типичными для Правобережной Лесостепи формами. Преобладают горшки бочонковидного профиля, украшенные под венчиком валиками с защипами и наколами. Встречаются обломки горшков с валиком по корпусу. Найдены обломки мисок, чернолощитых корчаг и глубоких грушевидных черпаков, глиняных крышек, пряслица, глиняные «хлебцы» и фрагменты греческой керамики. Среди поделок из камня имеются фрагменты каменных блюд, пращевые камни, части зернотерок и терочников. Металлические изделия представлены железными ножами, шильями, бронзовыми булавками и наконечниками стрел преимущественно архаических типов. Уникальную находку составляет вырезанная из кости фигурка хищника кошачьей породы, составляющая часть какого-то предмета, выполненная в большом мастерством в лучших традициях раннескифского звериного стиля [Петровська, 1970, с. 136, рис. 14]. По найденным аморфной керамике и скифским вещам время существования городища определяется VI—V вв. до н. э.

В составе стада домашних животных преобладает крупный и мелкий рогатый скот, свинья, конь; разнообразно наличие дикой фауны: тур, лось, кабан, медведь, бобр, заяц, лиса.

В окрестностях г. Обухова Е. А. Петровской исследованы два неукрепленных раннескифских поселения [1974, с. 329].

Значительный интерес представляет поселение IV—III вв. до н. э. [Петровська, 1964, с. 173] у хут. Скрипки близ с. Малая Салтановка. Оно было расположено на песчаном всхолмлении левого берега р. Стугны и насчитывало, вероятно, несколько жилищ. Культурный слой не сохранился. На развееванной поверхности дюны заметны следы очагов. Материал происходит из сборов на поверхности. Среди находок преобладают обломки горшков с суженной шейкой и плавно отогнутым венчиком, украшенным по краю пальцевым рельефом или косой насечкой, а иногда пальцевыми отгисками по шейке. Встречаются фрагменты простых нелощеных мисок, глиняные пряслица, отдельные обломки эллинистических амфор. Найдены фрагмент железного серпа, нож, шильце, бронзовые наконечники стрел позднейших скифских типов, несколько пастовых бусин. Интересна находка двух бронзовых украшений подгорцевского типа, отлитых по восковой модели. Очевидно, они попали сюда в результате контактов с населением подгорцевской культуры, поселения которых встречаются в бассейне р. Стугны.

Пироговский могильник [Петровська, 1970, с. 139—145] расположен в 2 км на юго-восток от городища в окрестностях с. Пирогова. На мысу плато открыт грунтовый могильник, одновременный Хотовскому городищу. Всего здесь обнаружено пять погребений, из которых два взрослых (женское и неопределенное), два подростковых и одно детское. Трое умерших похоронены по обряду труноположения в неглубоких (до 0,5 м) ямах, головой на север; двое — по обряду труносожжения. В одном случае прах был сыпан в могильную яму (запад-восток, размеры 0,9×0,47×0,35 м); во втором — в миску. Основной инвентарь составляют горшки (в том числе с валиковыми налепами), миски, грушевидные черпаки; встречены бусины, булавки, бронзовый браслет.

Пироговский могильник, несомненно, свидетельствует об обычае захоронения рядовых членов скифских семейств в простых бескурганых могильниках.

Среди курганов, раскопанных на Киевщине, большинство относится к архаическому типу. Старейшим из них является курган у с. Гатное

[Каталог выставки XI АС, с. 52—53], где найдены горшки жаботинского типа с налепным валиком по корпусу и проколами по краю.

Еще в середине прошлого века в уроч. Белокняжеское Поле на полях между г. Васильковым и селами Янковичи, Мархалевка, Вита, Глеваха и Крушина насчитывалось до 400 курганов, два из которых в 1847 г. были раскопаны Н. Д. Иванишиным.

В 1949—1950 гг. здесь сохранились насыпи от четырех больших курганов, один из которых у с. Глеваха исследован в 1950 г. нами [Терножкін, 1954, с. 80]. В настоящее время следы курганного могильника полностью уничтожены.

Курган у с. Глеваха — один из первых больших курганов (высота к моменту раскопок 8,7 м), раскопанных в советский период. Под насыпью обнаружена большая и глубокая могильная яма (ориентирована по линии северо-запад — юго-восток, размеры 8,0×5×2,5 м) с деревянным склепом и дромосом, идущим с юго-восточной стороны. Склеп был сожжен, однако устройство удалось полностью восстановить. Перекрытие было двойным (нижний ряд вдоль, а верхний — поперек могилы). Верхний слой состоял из хорошо выструганных сосновых брусьев, нижний — из сосновых бревен с обрубленными ветками и очищенной корой. Перекрытие поддерживалось 11 столбами, расположенными тремя рядами: по четыре вдоль юго-западной и северо-восточной сторон и три — по средней линии. Столбы находились на расстоянии 0,4—0,5 м от стен и стояли как колонны; основания вкопаны в ямы глубиной 1,3—1,5 м. Вдоль стен выкопаны узенькие (до 10 см) канавки, куда впущены основания деревянной обшивки стен из широких, прекрасно оструганных досок, поставленных вертикально. Дно покрыто досками или тонкими брусьями, положенными поперек; на дне сделаны три канавки для поперечных лежней. Гробница с деревянным полом, стенами, крышей из бревен, опирающейся на края ямы и ряды столбов, представляла достаточно совершенное архитектурное сооружение. Дромос длиной 6, шириной 1,8 м также был обшит досками и перекрыт деревом.

После сооружения гробница была завалена сверху бревнами и подожжена. Основание насыпи оказалось сильно прожженным, дерево слегка обуглено, сохранившиеся в гробнице вещи и кости носили следы воздействия сильного огня. На примере этого памятника отчетливо виден обряд «огненной игры», которым завершалось погребение и начиналось сооружение насыпи кургана. Разжегши над гробницей огромное кострище из сложенных конусом бревен, участники похорон забрасывали пламя землей, что, по-видимому, было не очень просто, особенно вначале, пока огненная стихия постепенно не умиралась.

Сама гробница ограблена. В ней разбросанные кости от мужского скелета и в восточный угол сброшен скелет женщины. Из инвентаря сохранились уникальные бронзовая гирия от кистеня, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы, крестовидная бляха от узды, две золотые бусины, бронзовые гвоздевидные булавка и сережка. Керамика представлена фрагментами горшков с валиком под краем, с проколами или наколами с выпуклостями, обломками черпаков и лощеного каннелированного кубка или черпака, большой миской с отогнутым наружу краем, орнаментированным резьбой и пластическими налепами. Наиболее значительной находкой является обнаруженная в мелких обломках, разбросанных по всему полу, чернолощенная корчага типа виллановы, украшенная в свое время золотыми лентами по шейке и венчику, а на плечиках круглыми золотыми бляхами из строенных концентрических кружков.

Большая группа курганов расположена к западу от с. Марьяновки на Перепетовом Поле, среди которых особой высотой отличались курганы Перепет и Перепятиха. Последний имел овальную насыпь более 10 м высоты и окружен 48 продолговатыми насыпями из плотно сбитой гли-

ны, составлявшими как бы вал, высотой в 2 м. Перепахана раскопана в 1846 г. Н. Д. Иванишиным [Древности..., 1, с. 1—18].

Насыпь кургана в значительной степени состояла из камня и была окружена кренидой. Под курганом открыт просторный из 16 столбов склеп, в котором вдоль стен лежало 14 человеческих скелетов головами на запад. Возле каждого из них стояли глиняные горшки, черпаки, миски. В разных местах могилы найдены бронзовые зеркала, сережки, булавки, топоры, копья, каменные блюда. На одном из сосудов обнаружено «покрывало» с нашитыми на нем золотыми бляшками в виде грифонов, по-видимому, древней иранской работы. Можно предположить, что в центре гробницы лежал главный умерший, уничтоженный грабителями. В этом случае остальные скелеты можно рассматривать в качестве сопровождающих. Если это так, то Перепахана является единственным в Лесостепной Скифии курганом с особенно многочисленными человеческими жертвоприношениями. Погребение датируется серединой — второй половиной VI в. до н. э.

В кургане у с. Малая Офирна близ Фастова [Петровська, 1968, с. 164] (высота 3,2 м) погребение находилось в могильной яме (ориентировано по линии северо-восток — юго-запад, размеры $5,4 \times 4,3 \times 2,5$ м) с сожженным деревянным склепом с перекрытием пола и столбами, вкопанными на некотором расстоянии от стен могилы. В ограбленной гробнице похоронены четыре человека. В центре находились скелеты мужчины и сопровождавшей его женщины; оба положены вытянуто, головой на север. Остатки еще двух скелетов обнаружены вдоль стен могилы за линией столбов. По-видимому, это погребения сопровождающих лиц.

В составе инвентаря обнаружены 110 бронзовых наконечников стрел архаических типов; железный наконечник копья лавролистной формы с высокой nervurой и кольцевыми рубчиками на конце втулки; железная двухлезвийная секира, тип которой известен по кавказским аналогиям; железное тесло с боковыми выступами; обломки двух железных ножей и каменный оселок без отверстия для подвешивания. Из предметов конской узды найдены обломки от железных удил со стремявидными петлями и стержневидные псалии с загнутым концом и тремя петлями. Украшения представлены бронзовым проволочным браслетом в полтора оборота с утолщениями в виде змеиных головок на концах. На черепе погребенного в юго-западном углу найдено тонкое бронзовое височное колечко.

Весьма интересен набор керамики, состоящий из пяти чернолощенных глубоких черпаков с высокими ручками и отчетливо выраженным ребром на переходе к корпусу, как бы переходной формы от архаической к грушевидным; чернолощенной миски с четырьмя выступами; горшок с валиками под венчиком и корпусу; горшок с валиком под венчиком и боковой ручкой и корчага виллановского типа с орнаментированным рифлением горлом. Е. А. Петровская справедливо сопоставляет этот комплекс с материалами из курганов № 406 у с. Журовки и относит его к середине VI в. до н. э.

Из числа других погребальных памятников Киевщины следует упомянуть курганы у с. Щучинка [АЛЮР, 1901, т. 3, с. 184—185; Черненко, 1964, с. 37—38]. В кургане № 1 обнаружена прямоугольная яма (2×2 м) с остатками склепа с шестью столбами. Погребенный лежал вытянуто, головой на юг. Слева на уровне таза найден короткий железный кинжал с брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием, у колен — два железных дротика. Слева у черепа — наконечники стрел и железная секира, у берцовой кости — брусочек, у таза — нож. В ногах стояли две миски и два горшка. В юго-западном углу найдена пара железных удил.

В кургане № 2 в прямоугольной яме ($2 \times 2,5—3$ м) обнаружен склеп с восемью столбами. Погребенный лежал вытянуто, головой на юг. Возле

черепка найдена золотая гвоздевидная сережка, у левой руки — две бронзовые гвоздевидные булавки. Вдоль восточной стенки, параллельно скелету, найден железный пластинчатый панцирь, а ниже его — свернутый в трубку боевой пояс. Кроме того, в могиле оказались двое железных удил, пара костяных псалий, железное тесло, наконечники стрел, три наконечника копий, длинный нож с горбатой спинкой и еще «два ножа типа бронзовых», по-видимому, жертвенных.

Интересны курганы у с. Триполье [Хвойка, 1900, с. 5—11], где находились одиночные захоронения в ямах с деревянными срубам. Из одного происходят: два массивных обушных топора, наконечник копья лавролистной формы, кинжал, меч, крючок, нож, бронзовые и железные наконечники стрел, костяные псалии с зооморфными головками, золотая гвоздевидная серьга, черпаки с высокой ручкой, большой высокогорлый сосуд с широкими плечами (очевидно, корчага) и сосуд, орнаментированный спускающимися с плеч рельефными полукругами.

Другой курган (№ 1) содержал женское погребение в срубе. Скелет лежал вытянуто, головой на север. В составе инвентаря найдены: электровые гвоздевидные височные подвески, бронзовые гвоздевидные булавки, бусы (в том числе пастовая подвеска в виде фигурки человека), зеркала, красная и белая краска, кусок серы и бронзовый архаический наконечник стрелы.

Курганы V и IV вв. до н. э. на Киевщине немногочисленны и мало-выразительны.

Особняком стоит наиболее северный курган у с. Ладыжечи (в устье р. Припяти), где среди остатков трупосожжения в куче золы и угля найдены железный кинжал и топор, бронзовые трехгранные наконечники стрел, булавка, железные удила и бронзовая бляха с изображением бородатого человеческого лица (как бы варварское подражание золотым бляхам из Чмыревой Могилы) [Археологическая карта, 1895, с. 3]. Погребение относится к IV в. до н. э.

Исходя из вышесказанного можно отметить глубокое и сильное проникновение скифской культуры в Киевское Поднепровье вплоть до границ Полесья. Условия жизни, способ ведения хозяйства такие же, как и в более южных районах. Особенно они близки к каневским. В качестве локального отличия отметим сравнительно частые случаи северной ориентировки погребенных, в общем весьма редкой в скифской культуре.

Что касается подгорцевских памятников, то, находясь на этой же территории, они тяготеют к другой географической среде. Подгорцевские поселения, как правило, небольшие, размещаются обычно на песчаных боровых террасах, на останцах в поймах рек, не выходя на высокие участки плато [Петровська, 1971, с. 9]. В этом сказывается своеобразие способа жизни и хозяйства населения: земледелие на мягких грунтах, выпас скота в пойменных долинах.

Культурный слой, как правило, здесь сохраняется весьма плохо. Единственным памятником, исследованным путем раскопок, является поселение на песчаной гряде у с. Подгорцы ниже Киева [Даниленко, 1956, с. 5—11]. Здесь открыты остатки двух наземных жилищ со слабо вступившими в грунт основаниями, хозяйственные ямы. Своеобразна подгорцевская керамика, представленная горшками с округлым или яйцевидным корпусом, слабо суженной шейкой и слегка отогнутым венчиком, небольшим плоским дном. Основным орнаментом являются выпуклости или ямки на шейке, иногда в сочетании с пальцевым рельефом по краю. Изредка встречаются миски. Черепок плотный, довольно тонкий, поверхность гладкая, характерного коричневого оттенка, глина с примесью толченого кварца и крупного песка. Население подгорцевской культуры применяло скифские орудия труда и оружие: мечи, наконечники стрел, массивные обушные топоры, ножи с горбатой спинкой, железные серпы, рыболовные крючки. Своеобразной местной формой являются небольшие

плоские железные наконечники стрел со слабо выделенным черешком, по форме напоминающие кремневые наконечники. Трудно сказать: к подгорцевским или скифским памятникам принадлежат найденные в окрестностях Киева железные мечи скифского типа [Петровська, 1975, с. 64; Петровская, 1971, с. 83].

Особым своеобразием отличаются бронзовые украшения подгорцевской культуры, выполненные в технике литья по восковой модели: ожерелья, набранные из трубчатых пронизок и треугольных подвесок, составленные из кружков; ажурные подвески; оригинальные булавки; дисковидные ажурные украшения — подвески в виде небольших колокольчиков, дисков, в виде двух-трех веточек, заканчивающихся круглыми шляпками. Все они имеют аналогии среди памятников южновосточной и дьяковской культур, в кругу памятников балтского и финно-угорского населения. В одном из женских погребений у сопровождавшего ее лица обнаружены колокольчиковидные подвески подгорцевского типа. О местном производстве этих украшений свидетельствуют не только их оригинальность и резкое отличие от предметов скифской культуры, но и остатки бронзолитейного производства, найденные на подгорцевском поселении в виде маленьких тиглей, глиняных ложек, капель металла.

Количество погребений подгорцевской культуры невелико. К ним относятся плохо сохранившиеся в песчаном грунте два захоронения вблизи Подгорцевского поселения [Петровська, 1971а, с. 14], поселения у с. Рудяки [Савчук, 1952, с. 56], с. Погребы [Канівець, 1952] (последние открыты на левом берегу Днепра), у с. Казаровичи [Петровская, 1971, с. 148—150]. Погребения грунтовые в неглубоких ямах, в сопровождении подгорцевской керамики и украшений.

Если памятники скифского типа на Киевщине не имеют сколько-нибудь ощутимых следов взаимодействия с подгорцевской культурой, то подгорцевские, наоборот, обнаруживают явные следы влияния культуры скифов-пахарей, что, собственно, и отличает ее от более северного массива милоградской культуры, куда эти влияния почти не проникли. Влияние скифской культуры сказалось и в распространении здесь погребений с труположениями в отличие от господства трупосожжений в милоградской культуре; преобладании плоскодонной посуды в отличие от круглодонной милоградской керамики; в использовании в орнаментации типично скифского орнамента — пальцевого рельефа по краю венчика; в проникновении сосудов типа скифских мисок, а также различных металлических вещей скифского облика.

О мирном сосуществовании этих двух народов свидетельствуют территориальное взаимопроникновение, отсутствие оборонительных рубежей, проживание подгорцевского населения в неукрепленных поселениях. Е. А. Петровская полагает, что определенному распространению подгорцевских памятников на Киевщине мог способствовать некоторый отток населения скифской культуры из этих мест в V—IV вв. до н. э.

Наиболее южные городища милоградской культуры открыты в Киевском Полесье в междуречье Припяти и Тетерева в селах Новая Красница, Бовище, Радинка, Развожев, Диброва. Они относятся к типу болотных и имеют слабо насыщенный культурный слой [Кучера, 1976, с. 88—94].

Такова своеобразная культурно-историческая обстановка, сложившаяся в западноднепровском пограничье между зонами Лесостепи и Полесья.

Прежде чем закончить обзор памятников Киево-Черкасской группы, рассмотрим памятники, ставшие известными сравнительно недавно и оставшиеся почти не исследованными.

Археологическими разведками на краю левобережной поймы Днепра обнаружено несколько городищ с культурными остатками, свойственными правобережным городищам VI в. до н. э.

Два таких городища расположены на высоком коренном берегу Днепра у сел Крутьки и Васютинцы Чернобаевского района Черкасской области [Телегин, Дяденко, 1970, с. 171]. Они находятся на узкой полосе берега Днепра между его левыми притоками Супоем и Сулой. Городища мысовые, огражденные валом с напольной стороны и эскарпированными склонами. Культурный слой насыщен слабо. Неподалеку от них, но уже в районе поймы на боровой террасе Днепра у сел Коробовка, Мельники, Жовнин обнаружены неукрепленные поселения того же времени и культуры.

Против Трахтемирова, близ Переяслав-Хмельницкого, обнаружено городище, получившее название Каратульского [Шрамко, 1967, с. 204]. Оно отличается огромными размерами, превышающими размеры Бельского городища. Среди подъемного материала, собранного на нем, найдены обломки архаической скифской керамики правобережного типа, фрагменты греческих амфор, пряслица, зернотерки, терочки, бронзовая гвоздевидная булавка, бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с шипом — VI в. до н. э.

Осмысливая эти ранее неизвестные памятники, можно придти к следующим выводам. Несомненно, угроза военного нападения со стороны степных кочевников на территории Правобережной Лесостепи шла с левого берега Днепра, вдоль которого кочевые племена продвигались глубоко на север, вплоть до широты Переяслава и Киева. Не случайно городища глубинных районов Лесостепи — Каневщины и Киевщины, расположены вдоль правого коренного берега Днепра. Для того чтобы предотвратить или, по крайней мере, уменьшить военную опасность, население Правобережья выдвигало форпосты на левый берег Днепра, создавая укрепленные поселения. Закрепление на левом берегу Днепра давало возможность широко использовать богатейшие природные ресурсы днепровской поймы (пастбища, мягкие почвы, рыбные угодья — озера и старицы). Периодом возникновения и существования этих городищ и связанных с ними поселений являлся VI в. до н. э., бывший временем расцвета культуры населения Правобережной Лесостепи. О длительности существования этих поселений достаточных данных пока не имеется, поскольку раскопки ни на одном из них не производились.

Немаловажным является тот факт, что в 1961 г. близ с. Песчаного Золотоношского района Черкасской области в торфянике возле устья р. Супой были найдены остатки затонувшего деревянного челна, 15 бронзовых высокохудожественных античных сосудов и остатки человеческого скелета. В составе песчанской находки оказались три амфоры, пять гидрий, стаменос, две ситулы, три лутерия и кратер. О. Д. Ганина отнесла их к V в. до н. э. [1970]. Н. А. Онайко считает их средиземноморскими изделиями V в. до н. э. [1970, № 213].

Находка у с. Песчаного свидетельствует о том, что греческие товары, перевозимые на челнах по Днепру, проникали в глубь Лесостепной полосы на весьма большие расстояния.

ВОСТОЧНАЯ ПОДОЛИЯ

Востоchnоподольская локальная группа охватывает бассейн среднего течения Южного Буга. Изучена эта территория значительно хуже Приднепровья. Основные исследования сосредоточивались в окрестностях г. Винницы, где находится известное с дореволюционного времени Немировское городище, исследования которого были продолжены в 1948—1953 гг. Южноподольской экспедицией М. И. Артамонова. Этой же экспедицией произведены значительные разведки и раскопки в ряде других мест в пределах Восточной Подолии. К сожалению, данные об этих важнейших работах опубликованы лишь частично

[Артамонов, 1948, с. 17; Артамонов, 1949; Артамонов, 1949а, с. 257—261; Артамонов, 1949а, с. 135; Артамонов, 1952, с. 193—195; Артамонов, 1955, с. 85; Артамонов, 1955а, с. 100]. Не полностью опубликованы результаты раскопок Немировского городища и многих других памятников.

Немаловажным является то обстоятельство, что культура Восточной Подолии сложилась на той же белогородовско-чернолесской основе, что и более восточные памятники скифского времени Лесостепного Приднепровья [Артамонов, 1961, с. 21].

До недавнего времени эталоном восточноподольской культуры раннескифского времени являлся своеобразный вариант, представляемый Немировским городищем. Но за последние годы в центральной части Восточной Подолии сотрудниками Винницкого краеведческого музея раскопаны курганы у с. Тютьки с материалом, аналогичным погребениям позднечернолесского и раннежаботинского типа южной части Среднего Поднепровья.

В кургане № 1 обнаружен скелет, лежавший на боку в скорченном положении. В составе обнаруженного инвентаря были две миски с загнутым краем, тюльпановидный горшок с валиком, концы которого заходят друг за друга, и семь небольших черпаков с ручками и прочерченным орнаментом в виде треугольников. На двух сосудах нанесен углубленный орнамент, заполненный белой пастой [Заец, Малиновская, Лобай, 1975, с. 276]. Авторы раскопок относят это погребение к чернолесскому времени.

В кургане № 2 в прямоугольной яме глубиной 0,25 м от уровня дневной поверхности оказалось шесть скелетов, лежавших головами на север, с согнутыми ногами. У изголовий находились шесть сосудов и зернотерка. В кургане № 3 обнаружены семь захоронений, в том числе три детских. В составе керамики погребений курганов № 2 и 3 найдено 18 сосудов, в том числе тюльпановидные горшки с проколами под краем и валиками в основании шейки, глубокие черпаки раннежаботинского типа с поясом из густо заполненного орнамента, гладкие и орнаментированные остродонные черпаки. Один из них аналогичен сосудам из Григоровского городища и памятников Поднепровья [Артамонов, 1955а, с. 103, рис. 40, 1; Трахтемировское городище, коллекция Кундеревица]. Далее идут корчаги, украшенные широким поясом разнообразного геометрического орнамента раннежаботинского типа [Заец, Малиновская, Лобай, 1975, с. 280; Заец, Шаломай, 1975, с. 82].

В 4 км к юго-востоку от с. Немирова в окрестностях Винницы по обеим берегам р. Мирки расположено наиболее известное городище скифского времени — Немировское. В плане оно овальное, площадь достигает 100 га. Высота валов 5—9 м. В средней части городища, на образованном глубокими оврагами мысу, имеется внутреннее укрепление Г-образной формы, так называемое Замчисько, где и сосредоточены основные культурные отложения, образующие в отдельных местах мощные зольники [Спицин, 1911; Моруженко, 1975, с. 66].

Существование Немировского городища определяется концом VII—VI вв до н. э. Среди фрагментов античной керамики найдены венчики от кувшина и диноса родосско-ионийского центра второй половины VII в. до н. э., стенка скифоса того же центра VII в. до н. э. [Онайко, 1966, № 2, 5, 6, табл. III, 3—8, 10, рис. 2, 11], стенки ионийских закрытых сосудов, ойнохов, два обломка килика VI в. до н. э., фрагменты открытых и закрытых чернофигурных аттических сосудов VI в. до н. э. [Онайко, 1966, № 117, 131, 154], венчик родосско-ионийского кратера первой четверти VI в. до н. э. [Онайко, 1966, № 106, табл. V, 1]. Исследователи неоднократно отмечали, что материалов позднее VI в. до н. э. здесь не обнаружено. По времени Немировское городище близко Трахтемировскому на Каневщине.

Здесь при раскопках открыты остатки наземных жилищ и землянок с очагами из глины и камня, хозяйственные ямы. Из вещей найдены: архаические скифские наконечники стрел, в том числе жаботинский (из них один с литником, свидетельствующий о местном производстве); два обломка костяных псалий, из которых один с головкой грифобарана, второй с копытцем; конические костяные ворварки; бронзовый рыболовный крючок и игла; разнообразные орудия из кости; зернотерки и каменные песты; пряслица; булавки с гвоздевидными шлянками и свернутыми в петли головками; глиняные блоки; пуговицы; «катушки»; миниатюрные глиняные сосуды и другие предметы бытового и хозяйственного обихода. Особый интерес представляет состав местной керамики.

Среди простой кухонной посуды наиболее обычными являются высокие горшки с проколами под венчиком и валиком с защипами в основании шейки или на корпусе, близки к этой форме горшки с валиком под венчиком и проколами или с наколами и выпуклинами. Встречаются горшки аналогичных форм и орнаментации с пальцевым рельефом по краю. Характерную группу составляют горшки с открытым, как бы развернутым краем, обычно с валиками под венчиком и по корпусу в месте перегиба. Интересны горшки с прямой верхней частью корпуса. Формы этих сосудов и орнаментация их вполне соответствуют найденным горшкам в позднем слое Жаботинского поселения и на Трахтемировском городище.

Большую и своеобразную группу составляет лощеная посуда. Фрагменты сосудов с резьбой и инкрустацией встречаются крайне редко. Устойчивую и выразительную группу составляют черпаки: мелкие и глубокие, с высокими ручками, тонкостенные, прекрасного лощения, среди которых встречаются экземпляры с очень четкой профилировкой венчика и выраженной гранью на переходе к округлой донной части. Как правило, они не орнаментированы. В отдельных случаях встречается орнамент в виде вертикальных или косых каннелюр, расположенных непрерывным рядом или группами в месте перегиба. По стройности форм и прекрасному изготовлению немировская чернолощенная керамика не имеет себе равных в Лесостепной Скифии.

Разнообразную серию составляют миски. Среди них встречаются обычные с загнутым внутрь или прямым краем, украшенные проколами или наколами с выпуклинами, косыми каннелюрами, налепами и выступами того же типа, которые хорошо представлены в памятниках VI в. до н. э. на Днепровском Правобережье. Более специфичный вид имеют глубокие миски с широким, отогнутым наружу краем, гладким или украшенным с наружной стороны каннелюрами и вписанными друг в друга рельефными полуovalами. Подобного типа миски с резной и пластической орнаментацией известны на Жаботинском поселении, их упрощенные варианты характерны для позднежаботинского слоя и Трахтемировского городища. Однако на Немирове эти миски более многочисленны и имеют какие-то особые отработанные формы и прекрасное лощение. Иногда с внутренней стороны у них выдавлены ступенчатые уступы — своего рода каннелюры. Некоторые из них, очевидно, имели высокие полые ножки.

С этими формами, по-видимому, связаны отличающиеся особой глубиной сосуды, похожие на вазы, известные среди находок в слоях позднего Жаботина и Трахтемировского городища. Они сочетают в себе некоторые черты мисок с отогнутыми краями и широкими открытых горшков.

Интересны корчаги. Они отличаются большими размерами, высоким качеством выделки и прекрасным лощением. Среди них встречаются корчаги типа виллановы и корчаги с гладким краем, конически сужающейся шейкой и выпуклым корпусом. В орнаментации их обычны шишки-налепы на поясе и каннелированный орнамент. Горизонтальными поясками

каннелюр иногда украшена шейка сосудов. Концентрические полукружия каннелюр окружают налепы на поясе. Встречаются косые или вертикальные каннелюры, выполненные при помощи наленных, хорошо заглаженных валиков. Эти корчаги и открытые миски несут на себе очевидные следы влияния керамики центральноевропейского гальштата, придавая лощеной посуде Немировского городища особый «гальштатоидный» облик, что в свое время было отмечено А. А. Спициным, и отчасти выделяя ее среди других памятников Правобережной Лесостепи.

К VI—V вв. до н. э. относится Северинское городище в Жмеринском районе, расположенное на правом берегу р. Ров, притоке Южного Буга. Первоначально оно было прямоугольным, однако до нас дошло наполовину уничтоженное речкой. Площадь сохранившейся части около 1,5 га [Смирнова, 1961, с. 88]. На городище открыта землянка с глинобитным очагом, зерновые ямы.

Среди кухонной керамики преобладают бочонковидные горшки с защитным валиком под венчиком и проколами. Характерны миски-вазы, похожие на немировские, но более грубой выделки. Обычны миски с загнутым внутрь краем, в единичных случаях украшенные наколами с вышукликами, двояными выступами, зубчатыми насечками по обрзу венчика. Найдены несколько фрагментов мисок с отогнутым краем, на одном из которых имеются косые каннелюры.

Черпаки и кубки встречаются сравнительно редко и не имеют орнамента. Хорошо представлены большие лощеные корчаги типа виллановы, иногда приближающиеся к кувшинообразным. В керамическом комплексе Севериновского городища прослеживается продолжение развития немировской керамики. Она соответствует по времени и облику посуде таких памятников Правобережья, как Пастырское, Шарповское и Хотовское городища.

В результате последних исследований представление о скифском периоде Восточной Подолии в VII—VI вв. до н. э. значительно расширилось и видоизменялось. В свое время древнейшим, чуть ли не чернопольским памятником Восточной Подолии считалось Севериновское городище [Артамонов, 1948, с. 178; Артамонов, 1952, с. 194], что способствовало смешению представлений о линии генетического развития и культурных связей. Что касается Немировского городища, то М. И. Артамонов связывал его происхождение с голиградской культурой фракийского гальштата, а находящиеся в Приднестровье памятники типа Григоровского городища датировал временем не ранее конца VI в. до н. э. [Артамонов, 1955, с. 86; Артамонов, 1955а, с. 116].

В настоящее время имеются все основания изменить подобные представления. Установление здесь белогрудовско-чернопольской подосновы свидетельствует о том, что в Восточной Подолии памятники позднего черполюсья в конце VIII — начале VII вв. до н. э. сменяются жаботинской ступенью, которая, в свою очередь, в конце VII в. до н. э. сменяется формами, свойственными Немировскому городищу (в целом соответствующего по времени и духу культуре Трахтемировского городища), продолжением которого с середины VI и в V в. до н. э. является Севериновское городище. Отсюда следует вывод, что генезис культуры в Подбужье идет по той же линии, что и в Среднем Поднепровье. Наибольшим своеобразием здесь отличается лощеная керамика Немировского городища, в которой весьма выразительно проявляются черты гальштатского влияния. Но и она по своим формам ближе к Поднепровью, чем к фракийскому гальштату.

В 8 км к западу от Винницы у с. Якушинцы расположено городище, окруженное особо мощной тройной системой обороны — валами и рвами. Внутренняя часть городища размером 420×240 м. Найденная здесь керамика относится М. И. Артамоновым к IV в. до н. э. [Артамонов, 1949а, с. 135; Сецинский, 1901, с. 230].

Севернее Винницы у с. Переорки находится большое городище IV в. до н. э. со сложной системой укрепления. Рядом с ним в лесу к северу от Винницы расположен большой курганный могильник, на котором раскопано семь насыпей, оказавшихся ограбленными. Погребения совершались в столбовых камерах, устроенных в большой яме или реже на подкурганной поверхности. Скелеты лежали на спине, головами на север. Над могилой разводился костер. В некоторых случаях стенки столбовых ям оказались обожженными (сожжение склепа). В составе инвентаря имеются железные наконечники копий, бронзовые наконечники стрел, ножи, бусы, бронзовые бляшки, глиняные сосуды. Погребения датируются IV в. до н. э. [Артамонов, 1955, с. 135].

Среди погребальных памятников IV в. до н. э. Восточной Подолии особой известностью пользуются курганы у с. Ильинцы в верховьях р. Соб, притоке Южного Буга, и курганы у с. Новоселицы в верховьях Горного Тикича.

В кургане у с. Ильинцы [Фармаковский, 1914, с. 45] под высокой насыпью (8,5 м) открыта ограбленная просторная столбовая гробница на материке. В ней найдена золотая обивка горита с изображением сцен из мифа об Ахиллесе, подобная чертомлыцкой и мелитопольской и из Пятибратнего кургана. Кроме того, здесь оказались бронзовые наконечники стрел, бронзовые кнемиды, панцирь, золотые бляшки, серебряные украшения, уздечки, лепная посуда и амфоры.

Среди курганов у с. Новосельцы [Бобринский, ИАК, рис. 14, 40] особый интерес представляет курган № 4. Под его сравнительно невысокой насыпью открыта большая столбовая гробница (7×5 м), в средней части которой лежали скелеты мужчины и женщины. Возле черепа мужчины найдена золотая сережка, на шее — ожерелье из золотых колец, в области талии — боевой пояс с железным набором. Слева у пояса лежали меч и, очевидно, горит со стрелами, у правого бедра — второй набор стрел. Справа от черепа — три наконечника копий, дротик и точильный брусок. Слева от погребенного стоял небольшой бронзовый котел, в ногах — амфора.

При женском скелете оказались остатки пышного золотого головного убора с венчиками, сережки, ожерелье из бляшек с подвесками, золотые бляшки от одежды, на руках — браслеты-повязки из бус. Возле погребенной лежали бронзовое зеркало и нож. В ногах находился скелет коня с уздечкой и бронзовыми украшениями.

В кургане № 18 в деревянной гробнице в грунтовой яме обнаружено погребение богатой женщины, лежавшей вытянуто, головой на запад. Возле нее найдены золотые бусы, бляшки, бронзовое зеркало, античная керамика: пелика, котила, лекиф, амфора второй четверти IV в. до н. э., лепной сосуд. Погребение сопровождалось конем и «рабом-конюхом».

ВОЛЫНЬ

Волынская группа охватывает Житомирскую, Хмельницкую и Ровенскую области.

Польские археологи, размещая родину славян в бассейне Одера и Вислы, считали, что через эту территорию проходили пути проникновения славян в Поднепровье. Они выделяли здесь волынскую культуру и культурные группы галыштатского периода, якобы генетически зависящие от высоцкой и лужицкой культур. Гипотеза лужицкой праславянской экспансии искусственна и не получила подтверждения памятниками раннего железа на Волыни, оставшимися почти неизвестными польской археологии. Их изучение началось только в послевоенные годы.

Р. И. Выезжев в нижнем течении р. Гнилопяти, притока р. Тетерева, и в Житомирской области открыл ряд поселений VIII—VII вв. до н. э.

с культурой чернолесского типа [Виїзжев, 1950, с. 202]. В 1964 г. В. К. Гончаровым исследовано поселение у с. Райки (Лука-Райковецкая Бердичевского района к югу от Житомира) [Тереножкін, 1965, с. 23—24]. Раскопки поселения позднечернолесской культуры возле хут. Ворошилова в Трояновском районе произведены в 1951 г. С. С. Березанской [1956, с. 48]. Поселение раннескифского жаботинского времени у с. Троянов Бердичевского района исследовано в 1956 г. Н. М. Шмаглием [1960, с. 152—155].

Большое количество поселений к западу от Житомира в бассейне рек Горыни и Вилип обнаружено Волынской экспедицией Института археологии АН УССР [Тереножкін, 1960, НА ИА АН УССР]. Поселения расположены здесь буквально на каждом километре на дюнных возвышенностях в поймах рек. Очевидно, это небольшие родовые поселки, состоявшие из нескольких наземных жилищ и землянок. Протяженность их обычно не превышает 100—150 м.

Грунтовый могильник конца VIII—VII вв. до н. э. у с. Могиляны близ Острога исследован М. Ю. Смишко [1957, с. 54—57]. Результаты проведенных работ обобщены в нашей статье [Тереножкін, 1965]. Дальнейшие исследования поселений с культурой этого типа на Ровенщине осуществляют Л. И. Крушельницкой и И. К. Свешниковым [Крушельницкая, 1974б, с. 232, карта, с. 252—254]. В работах Л. И. Крушельницкой памятники раннежелезного века Восточной Волыни получили название «памятники могилянского типа».

В течение VIII—VII вв. до н. э. население Волыни продолжало пользоваться каменными орудиями, особенно серпами с кремневыми вкладышами. Кухонная посуда поселения у с. Лука-Райковецкая представлена обломками высоких горшков с гладким валиком и наколами по краю, и стенками с валиком, расчлененными ямками и проколами под краем. Миски имеют форму срезанного конуса с прямыми стенками в загнутым внутрь или отогнутым наружу краем. Встречаются миски с залощенной поверхностью. В орнаментации их обычны наколы изнутри и выпуклости с наружной стороны ниже края. Найдена петельчатая ручка от черпака. Среди вещей — бронзовая позднечернолесская булавка с боковой петлей, два бронзовых долота. Поселение датируется VIII—VII вв. до н. э.

На поселении у с. Троянова найдены обломки горшков тюльпановидной формы, горшков, украшенных расчлененным валиком и наколами под краем, миски и фрагменты черпаков: гладких с петельчатыми ручками и украшенных поясом резного орнамента с высокими ручками в жаботинском духе. На этом же поселении найден железный кельт с одним ушком, аналогичный бронзовым кельтам предскифского периода. Поселение у с. Троянова можно отнести к жаботинской поре VII в. до н. э.

Лепная керамика поселений на Волыни в основных чертах повторяет формы, присущие позднечернолесской, жаботинской и старшей журавской группам. Своеобразие волыньских памятников заключается в простоте и консервативности форм, сохраняющих в течение долгого времени мотивы орнаментации, присущие более ранним этапам. Так, например, в орнаментации горшков не только на чернолесском, но даже и на жаботинском этапе продолжает сохраняться гладкий нерасчлененный валик, свойственный керамике белогородовского времени. В раннескифский период наряду с тюльпановидными формами выделяются высокие, почти цилиндрические горшки (очевидно, комаровская традиция). Для формы сосудов характерна здесь особая удлиненность пропорций. Архаический облик имеют глубокие кружковидные черпаки с петельчатыми ручками. Местной особенностью являются миски с венчиком, загнутым во внутрь под углом. На Житомирщине (Лука-Райковецкая) в VIII—VII вв. до н. э. получили распространение миски с отогнутым широким краем.

В VI в. до н. э. простые горшки украшались расчлененными валиками под венчиком, проколами и наколами под краем (поселение у с. Нетишина). Миска с наколами с внутренней и «жемчужинами» с наружной сторон. В целом керамика аналогична приднепровской, но значительно проще, архаичнее. Лощение заменено заглаживанием; комплекс лощеной посуды представлен несравненно слабее.

В погребальном ритуале преобладает местный архаический обряд трупосожжения с погребениями в урнах. У с. Могиляны [Смишко, 1957] открыт бескурганый могильник с захоронениями в ямах глубиной до 0,6 м с урнами в виде горшков. В одном из погребений в урне были сложены в анатомическом порядке полусожженные кости ребенка. Урна была прикрыта горшком меньших размеров, вставленным в середину. Рядом стояли два горшка и миска. В одном из горшков находились сожженные кости животного.

В другой могиле в урне, накрытой перевернутым горшком, лежала маленькая кучка костей. Рядом стояли два перевернутых горшка. В других могилах обнаружено несколько черпаков. Горшки вытянутой тюльпановидной формы с едва развернутыми венчиками, украшенные проколами под краем и защитными валиками по корпусу. Подобные урновые захоронения встречаются и в других местах на Житомирщине.

Наряду с этим известны захоронения в курганах с труположениями. Один такой курган раскопан у с. Сивки к югу от Острога [Любар-Радземинский, 1897, с. 79—82]. Здесь обнаружены скорченные погребения в сопровождении горшков тюльпановидной формы с проколами по краю и очень низко посаженным расчлененным валиком на корпусе и глубокий орнаментированный черпак, аналогичный черпаку из кургана у с. Ленковцы в Западной Подолии. Эта параллель позволяет отнести погребение в кургане у с. Сивки к раннему VI в. до н. э.

Известны одиночные находки скифских наконечников стрел. Недалеко от Дубно найден железный акипак IV в. до н. э. Вблизи с. Дулебы, восточнее г. Ровно, найдены серебряные ритоны с протомами бараана. Известны находки амфор возле с. Пилиповичи, где они сопровождали погребение в яме [ДП, III, 1900; Археологическая карта Киевской губернии, 1895].

Восточная Волынь являлась северным пограничьем скифской культуры земледельческого населения между реками Днепр и Днестр. По развитию производительных сил население Волыни отставало от своих южных соседей. Влияние скифской культуры и их связи с античным миром проявляются здесь слабо.

Вместе с тем на данной территории хорошо прослеживается связь с населением милоградской культуры, которое продвинулось с Полесья на территорию Северной Житомирщины [Мельниковская, 1967, с. 164] в бассейн р. Горыни и верхнее течение Южного Буга.

Если в Днепропровском Правобережье контакт земледельческого населения скифской культуры и Припятского Полесья привел к образованию промежуточного звена — подгорцевской культуры, то на Волыни милоградская культура выступает в более чистом виде, хотя и здесь проявляется ее взаимодействие с культурой более южного населения. Во время раскопок В. К. Гончарова у с. Лука-Райковецкая найдено немало керамики милоградского типа.

В с. Куриловка Хмельницкого района Винницкой области исследована группа небольших курганов, содержавших погребения с вытянутыми труположениями на горизонте или в очень неглубоких ямах, в инвентаре которых встречаются милоградские круглодонные сосуды, плоский черешковый железный наконечник стрелы, а также скифские меч, наконечники копий и дротиков. Погребения относятся к IV в. до н. э. [Лагодовська, Виїзжев, Копилов, 1956, с. 17].

Очевидно, к этому же культурному типу относятся и курганы у с. Мизяково Калиновского района к северу от Винницы [Лобай, 1977, с. 77—84]. Всего в группе насчитывалось 32 насыпи (высота от 1,5 м до едва заметных), из которых раскопано шесть. В кургане № 2 погребение совершено в яме размером $2 \times 1,8$ м, глубиной 0,4 м. Скелет женщины лежал вытянуто, головой на север. На руках были рубчатые литые браслеты, на груди — ажурная треугольная подвеска подгорцевского типа, четыре украшения в виде трех соединенных цепочкой колечек с петелькой у верхнего и утолщением в виде колокольчика или капли у нижнего конца и серебряная булавка с гвоздевидной выпуклой шляпкой, загнутой перпендикулярно стержню.

Женским оказалось и захоронение в кургане № 3 в яме ($1,8 \times 1,2 \times 0,45$ м) с остатками деревянного сооружения с шестью столбами. Дно посыпано белой глиной. Умершая лежала вытянуто головой на север. На правой руке был одет бронзовый гладкий браслет. При скелете найдены две бронзовые гвоздевидные булавки с большими шляпками со сквозными отверстиями и сетчатым орнаментом на стержне, и булавка с округло-выпуклой перпендикулярно отогнутой головкой, пастовые бусины.

В кургане № 4 в яме с четырехстолбовым склепом похоронен мужчина, сопровождавшийся железным копьем и железной посоховидной булавкой.

В кургане № 5 в насыпи найдено большое количество сожженного дерева и несколько обломков лепных сосудов на уровне древнего горизонта. В могильной яме, ориентированной на линию север — юг, размером $3,4 \times 1,5$ м и глубиной 0,30 м находилось парное погребение. Западный скелет лежал головой на север, восточный — на юг. Возле западного скелета найдены обломки железных булавок и четыре бронзовые булавки с загнутыми выпуклыми шляпками.

В кургане № 1 в разрушенном погребении обнаружены железная посоховидная булавка и биконическая стеклянная бусина.

Очевидно, время курганов охватывает период V—IV вв. до н. э.

Курганы у с. Куриловка и Мизяково свидетельствуют о проникновении милоградского населения на север Восточной Подолии, в верховья Южного Буга.

Сосредоточение памятников милоградской культуры известно на р. Горыни, особенно в ее среднем и нижнем течении. По данным И. К. Свешникова, здесь зарегистрировано 10 могильников и 30 поселений [Свешников, 1971, с. 68—81; Свешников, 1974, карта, с. 224, 268]. Среди исследованных И. К. Свешниковым погребальных памятников встречаются грунтовые могильники и курганы с захоронениями по обряду трупосожжений и трупоположений. Грунтовые могильники с трупоположениями обнаружены у сел Городок и Деревянное Ровенской области. Могильник в с. Городок расположен возле поселения на склонах р. Устя. Скелеты лежали на глубине 0,3—0,7 м от современной поверхности, вытянуто на спине, головой на восток. Всего открыто пять могил, содержащих от одного до трех скелетов. Возле умерших найдена типичная милоградская керамика с округлым или слабо уплощенным дном, костяные подвески, кремневые пожи.

Возле с. Корост Ровенской области обнаружено грунтовое погребение с трупосожжением, а в с. Забороль под насыпями курганов оказались погребения с остатками кремации в ямах на древнем горизонте. Инвентарь состоит из керамики, каменных и железных орудий, металлических и костяных украшений. К сожалению, найденные предметы не выразительны и не дают сколько-нибудь твердых представлений о времени погребений.

Весьма интересны курганы у с. Дубой в низовьях Горыни при впадении ее в Припять (Брестская область), исследованные Ю. В. Кухарен-

ко [1964, с. 21—24]. Под насыпями курганов обнаружены погребения на грунте или в неглубоких ямах (в отдельных случаях со следами деревянных конструкций). Встречаются вытянутые труположения и следы кострищ. В инвентаре наблюдается сочетание круглодонной милоградской керамики с такими типично скифскими вещами, как золотая серьга с гвоздевидной шляпкой и железные наконечники копий раннескифских типов. Найдены большие сосуды, выполненные в подражание скифским корчагам с парными напелами на корпусе. Курганы у с. Дубоя датируются VI в. до н. э.

Очевидно, скифским влиянием следует объяснить наличие у милоградской населения Волыни погребений под курганами с обрядом труположений, а также в составе инвентаря вещей скифского типа и некоторых элементов орнамента керамики.

Племена милоградской культуры на Волыни жили в неукрепленных поселениях, расположенных на берегах рек и озер, что свидетельствует о мирных отношениях, сложившихся между южной ветвью милоградского населения и северо-западной группой скифов-пахарей. Раскопками поселений у сел Городок и Великий Олексин Ровенской области открыты остатки наземных или углубленных в землю жилищ.

ЗАПАДНАЯ ПОДОЛИЯ

Памятники занимают среднюю часть Левобережья Днестра в пределах Тернопольской, Черновицкой и Хмельницкой областей.

Особенностью Западной Подолии является то, что в доскифское время здесь не проживали племена белогрудовской и чернолесской культур. В этот период господствующую группу населения на Среднем Днестре составляли племена голиградской группы фракийского гальштата, что сразу изменило общенсторическую ситуацию. Установлено, что памятники скифского типа появились в Западной Подолии не в результате автохтонного развития культуры местного населения, а вследствие продвижения на запад какой-то части лесостепных племен из более восточных районов, вытеснивших с левого берега Днестра население культуры фракийского гальштата.

Взаимодействие этих двух культурных начал составляет главную особенность в истории предскифского и раннескифского времени населения данной территории.

В свете современных исследований северная граница памятников голиградской группы проходит несколько южнее Львова и Тернополя, восточная — по течению р. Збруч. На юге они достигают широты Черновиц и вдоль правого берега Днестра тянутся к Ивано-Франковску [Свешников, 1964, с. 43; Крушельницкая, 1974а, с. 197, 213—227].

Городища и поселения. К числу наиболее ранних памятников, связанных со скифской культурой, на территории Западной Подолии следует считать Григоровское и Рудковецкое городища, расположенные на левом берегу Днестра несколько ниже основного ареала распространения памятников голиградского типа.

Григоровское городище [Артамонов, 1955а, с. 100] расположено у г. Могилев-Подольский на левом берегу р. Котлубанки, притока р. Днестра, в 7 км от ее устья. Размещается оно между двумя глубокими оврагами и частично на плато, примыкающем к склону.

Центральная часть городища, имеющая вид мыса площадью около 4 га, обведена мощным (высотой до 8 м) валом и глубоким рвом. Ниже по склону подступы к городищу защищены валом и рвом. Валы сооружены из земли с большим количеством камней. Кроме того, в систему городища входит большой участок плато, находящийся между верховьями оврагов, огражденный с напольной стороны валом и рвом.

Керамический комплекс городища составляет как бы переход от позднего чернолесья к раннему жаботину (конец VIII — первая половина VII вв. до н. э.). Горшки представлены в основном тюльпановидными формами с гладким краем, проколами под венчиком, валиком с защипами в основании шейки или на корпусе. Весьма выразительна лощеная посуда: корчаги, кубки, миски с отогнутыми или загнутыми внутрь краями и глубокие черпаки с высокими ручками. Присутствие последних свидетельствует о несомненном существовании городища в раннежаботинский период. В орнаментации столовой посуды господствуют геометрические, резные или зубчатые мотивы. Система орнамента такая же, как и на сосудах позднего чернолесья и раннего жаботина. В числе предметов, найденных на городище, назовем глиняные поделки в виде когтистых лап, глиняные штампики для S-овидных отисков, каменный молоток, характерный для позднего этапа киммерийской культуры.

Отсутствуют предметы античного импорта, которые на Побужье и Днестре появляются со середины VII в. до н. э. Все это свидетельствует о том, что конец существования городища относится ко времени не позднее второй половины VII в. до н. э.

Рудковецкое городище [Артамонов, 1949, с. 260] расположено при впадении р. Матвеевской в Днестр. С напольной стороны оно укреплено валом и рвом. Размеры его 620×540 м.

Найденные здесь горшки аналогичны чернолесским и жаботинским. Они тюльпановидной формы с гладким краем, проколами под венчиком и валиком по корпусу. Реже встречаются формы, характерные для более позднего времени, имеющие валик и проколы под венчиком. Встречается лощеная столовая посуда, однако керамики с резным и штампованным узором немного; большие корчаги с наклепными ручками-упорами или чаще выдавленными изнутри; каннелированный орнамент сравнительно редок. Встречаются корчажки меньших размеров, украшенные резным и штампованным узором. Имеются несколько кубков с каннелюрами, восходящие, очевидно, к культуре Фракийского Гальштата. Среди черпаков преобладают глубокие с высокими ручками, в большинстве не орнаментированные, иногда с резным или зубчатым орнаментом на ручке. Орнамент на корпусе редок. Изредка встречаются фрагменты кубков жаботинского типа с поясом резного орнамента, разделенного на отдельные заштрихованные поля и украшенные шишечками.

Среди мисок преобладают обычные с загнутым внутрь венчиком без орнамента, но встречаются отдельные экземпляры, украшенные по краю зубчатыми отпечатками, резным орнаментом, косыми каннелюрами, наклепными выступами. Известны миски с развернутым венчиком с каннелированным или резным орнаментом. Встречаются фрагменты мисок-ваз, орнаментированных наклепами и поясом из зубчатого и линейного орнамента.

Кухонная посуда количественно преобладает над лощеной.

Среди находок на Рудковецком городище наиболее важными являются четыре бронзовых длинноромбических наконечника стрел и фрагмент узкого браслета чернолесского типа с «пуговкой». Находок античной керамики не обнаружено. Городище может быть датировано концом VIII — началом VI вв. до н. э.

Григоровское и Рудковецкое городища имеют принципиальное значение: они определяют время проникновения правобережного среднеднепровского населения на запад до Днестра, к границам культуры фракийского гальштата. Обращает внимание, что они относятся к той поре, когда чернолесские городища уже перестали существовать, а скифские еще не возникли. Очевидно, проникновение к границам голиградской культуры и послужило причиной необходимости создания здесь укрепленных городищ.

В Черновицкой, Хмельницкой областях, в районе Каменец-Подольска и Могилева-Подольского, на правом берегу Днестра, на мысах и склонах оврагов расположены неукрепленные поселения. Среди них одним из наиболее ранних (конец VIII — начало VII вв. до н. э.) следует считать поселение в уроч. Пидмет у с. Нагоряне Кельменецкого района Черновицкой области [Шовкопляс, 1954, с. 98]. Поселение расположено на надпойменной террасе Днестра. Здесь открыты остатки трех жилищ полужемляночного типа, где найдены обломки сосудов позднечернолесского и раннежаботинского типов. Особенно интересна глиняная пиксида с резным инкрустированным орнаментом, подобная найденным на чернолесском городище Московская Гора [Тереножкин, 1961, с. 71, рис. 45; с. 70, рис. 44, 8] и в кургане № 378 у с. Константиновка в бассейне Тясмина [Ильинская, 1975, табл. XVI, 11; ИАК, № 4, с. 35], а также молоткообразное орудие из рога оленя с кремневидным вкладышем.

К этому же периоду А. И. Мелюкова относит поселение у с. Ленковцы [Мелюкова, 1958, с. 13—17]. В кухонной керамике поселения преобладают тюльпановидные горшки с проколами под венчиком и налестным валиком с защипами на шейке; изредка встречаются подобные сосуды с валиком под венчиком. Обычны прямостенные (баночные) горшки с проколами под краем. Этот тип посуды А. И. Мелюкова склонна объяснить влиянием культуры фракийского гальштата, однако, как следует из изложенного, аналогичные прямостенные кухонные сосуды не менее отчетливо представлены и в раннескифских памятниках Среднего Поднепровья (Жаботин, Трахтемирово). В составе лощеной керамики многочисленны миски с загнутым внутрь краем, нередко украшенные косыми каннелюрами, невысокими, косо расположенными валиками, ямками с выпуклостями, изредка зубчатым штампом. Единичные находки составляют миски с отогнутым краем с каннелюрами. Обычны глубокие гладкие черпаки с петельчатыми ручками без выступа, корчажки с налепами или выдавленными изнутри выступами на поясе; по корпусу они украшены резным орнаментом или вертикальными каннелюрами. Как отмечает А. И. Мелюкова, лощеная и кухонная посуда Ленковецкого поселения близка к чернолесско-жаботинской. К числу сосудов, появившихся здесь в результате влияния культуры фракийского гальштата, она относит каннелированные кубки с низкой шейкой и корчажки, а также сосуды с выпуклостями на корпусе.

Отметим, что кубки и корчажки с каннелюрами и выпуклостями на плече или на поясе составляют определенный элемент и в керамике чернолесско-жаботинского круга в Правобережной Лесостепи, где они, по-видимому, также имеют западное происхождение.

На поселении у с. Ленковцы найдены костяные проколки, глиняные «катушки», обломок костяного втульчатого наконечника стрелы, пряслица и кремневые вкладыши для серпов, которые в Поднепровье и на Волини продолжают бытовать вплоть до скифского периода, что в обоих случаях обусловлено наличием местных залежей кремня.

К числу хорошо изученных поселений с культурой позднечернолесского и раннежаботинского типов на Днестре относится поселение у с. Непоротово, исследуемое с 1974 г. отрядом Днестровской экспедиции, работающей на строительстве Могилев-Подольской ГЭС [Кос, Крушельницкая, Павлив, 1975, с. 299; АО 1975, 1976, с. 342—343; Крушельницкая, Мовша, Павлив, 1977, с. 317—318].

К нескольким более поздним временам (конец VII—VI вв. до н. э.) принадлежат поселения в уроч. Дунаек и Гамарня у с. Лука-Врублевцевская [Шовкопляс, 1952, с. 8—11], селища у сел Иване-Пусте [Ганина, 1975, с. 80—81], Залесье [Ганина, 1965, с. 106; Ганина, 1968, с. 187], Сухостав [Свешников, 1957, с. 106], Селище [Мелюкова, 1951, с. 68—69], Звиняч [Крушельницкая, 1968, с. 146].

Разведкой С. Н. Бибикова и В. Г. Збеновича на протяжении 200 км от с. Козлов Могилев-Подольского района до с. Перебыковцы Хотинского района Черновицкой области выявлено 2 курганных могильника и 50 поселений предскифского и раннескифского времени.

Поселение у с. Залесье, исследованное О. Д. Ганиной, расположено на правом берегу р. Збруч в 7—8 км от ее устья. Здесь открыты остатки каркасных наземных сооружений. С внутренней стороны на комьях обмазки обнаружены следы окрашенной штукатурки. Найдены развалы каркасно-глинобитной печи.

Основным типом сосудов являются тюльпановидные горшки, украшенные по краю валиком с защипами и проколами, а также прямостельные в верхней части корпуса горшки с подобной орнаментацией, лощеные миски с прямым или загнутым вовнутрь краем, черпаки с высокими петельчатыми ручками, кувшины и корчаги с выступами-упорами. Среди прочих изделий из глины встречаются крышки, пряслица, «катушки» и пуговицы.

Найдены такие орудия земледельческого труда, как зернотерки, песты, терочки. Из поселения происходят обугленные зерна проса и большое количество костей домашних, а отчасти и диких животных. Другие изделия представлены железными шильями, долотом, бронзовыми удилами, наконечниками стрел, браслетами, костяными наконечниками стрел, ворваркой, булавкой — вещами, типичными для архаических поселений правобережной скифской культуры. Керамика с резьбой, инкрустацией и другими видами архаического орнамента отсутствует. На поселении хорошо представлена античная импортная керамика, среди которой встречаются фрагменты киликов и других форм полихромной керамики родосско-навкратийского происхождения, ионийских амфор и тонкостенных сосудов, покрытых ангобом и раскрашенных коричневыми, темно-красными и пурпурными полосами. Судя по этим находкам, поселение датируется концом VII — первой половиной VI вв. до н. э. и стоит в одном хронологическом ряду с такими памятниками, как Немировское и Трахтемировское городища. С последним поселение у с. Залесье имеет большое культурное сходство. Интересно, что на поселении найдена сероглиняная кружальная раннескифская керамика. Обнаружение последней весьма существенно для уточнения времени проникновения сосудов такого рода в Лесостепное Поднепровье.

Не менее важно в этом отношении поселение у с. Иване-Пусте, дающее представление о следующем этапе культурного развития в VI—V вв. до н. э. Эта дата также хорошо определяется по находкам большого количества обломков ионийских и других амфор, греческого чернотерякового сосуда и обломков дакийских тонкостенных кувшинов и крупных сосудов, известных на поселениях VI—V вв. до н. э. в Болгарии и Румынии.

На поселении открыты остатки наземных каркасных жилищ, уничтоженных пожаром. Особенно интересным является большое прямоугольное жилище (6,3×4 м). Стены возведены из вертикально поставленных столбов, переплетенных поперек лозой и обмазанных с двух сторон глиной. В северо-западном углу на глинобитном полу находилась круглая глинобитно-каркасная куполообразная печь, в противоположном углу — открытое кострище.

Для памятников этого периода обычны бочонковидные горшки с валиками, наколами и выщуклостями под венчиком (разнообразные варианты профилировки), миски, миски-вазы, обломки больших корчаг с выступами на корпусе. В нескольких случаях шейки корчаг каннелированы при помощи горизонтальных налепных валиков. В небольшом количестве представлены обломки черпаков с неглубокой открытой чашечкой и высокой петельчатой ручкой. Элементами орнамента западного происхождения следует считать выступы-упоры по валику и опущенные вниз вы-

ступы на мисках-вазах. Найдены глиняные пряслица, пуговица, несколько «катушек».

Из других предметов назовем бронзовую булавку с гвоздевидной шляпкой и обломок костяной булавки с головкой грифона. Последняя интересна тем, что она имеет параллели в материалах из других памятников Западной Подолии (поселение у с. Селище и курган IV в. до н. э. у с. Новоселки Гримайловской). Кроме того, найдены железное шило, часть удила, бронзовый наконечник стрелы, костяной пластинчатый пса-лий с тремя отверстиями и нижним концом в виде копытца (верхний конец не сохранился) и часть бронзового гальштатского браслета.

Земледельческие орудия представлены зернотерками и обломками каменных пестов.

В жилищах, открытых на поселении Иване-Пусте, на глинобитном полу среди обломков горшков и в углубленных зернохранилищах, вырытых в полу, найдены многочисленные злаки, определение которых дало возможность установить виды растений, культивировавшихся в среде земледельческого населения скифской культуры. Это, прежде всего, мягкая, твердая и карликовая пшеница, ячмень, рожь, просо. Кроме того, здесь найдены зерна чечевицы, вики и иных бобовых растений, льна, репика, а также семена полевых сорняков.

В составе стада домашних животных представлен крупный и мелкий рогатый скот, свинья, конь. Определены кости мула, собаки, курицы. Из диких животных — кости кабана, оленя, лося, лисицы, зайца, хомяка. Основу хозяйства составляло плужное земледелие и пастушеское скотоводство. Охота играла вспомогательную роль.

Памятники V—IV вв. до н. э. Западной Подолии известны хуже. Как отмечает А. И. Мелюкова, на побережье Днестра открыты только два городища у сел Дарабаны и Поливанов Яр, где найдены единичные фрагменты сосудов скифской эпохи [Мелюкова, 1958, с. 32]. Исследовательница считает их городищами-убежищами. Однако неукрепленные поселения на окружающей территории, с которыми могли бы быть связаны эти городища, неизвестны.

Курган ы. К числу погребений, связанных с наиболее ранней группой городищ и поселений, относятся курганы у сел Мервинцы и Лука-Врублевецкая.

Курганы у с. Мервинцы [Артамонов, 1955а, с. 113—115] расположены на плато левого берега р. Мурафы ниже Могилев-Подольского. Здесь раскопаны два кургана. В первом из них (высота около 1 м) насыпь состояла из камней. В южной ее части найдены человеческие кости, при них — два фрагментированных черпака, один из которых украшен поясом зубчатого орнамента и S-овидным штампом, кубок с низким горлом, украшенный вертикальными каннелюрами, обломок горшка с расчлененным валиком по корпусу и проколами под краем венчика, обломок железных удила с замкнутым кольцом, подобный происходящим из Сахарнянского могильника в Молдавии. Комплекс соответствует концу VIII — началу VII вв. до н. э.

Во втором кургане оказалось погребение в каменном ящике (ориентирован по линии юго-восток — северо-запад, размером 3×1, высота 0,47 м) на материке. В нем найдены миска с прямыми стенками и высокий тюльпановидный горшок с проколами под краем и гладким несомкнутым валиком в основании шейки, сходный с белогородовскими и ранними чернолесскими. Вокруг могилы был кромлех, в южном секторе которого найден железный нож.

Из восьми курганов у с. Лука-Врублевецкая [Шовкопляс, 1952, с. 5; Шовкопляс, Максимов, 1952, с. 89; Мелюкова, 1958, с. 12—13] раскопано шесть высотой до 1 м. Курганные насыпи сооружены из камней и присыпаны землей. Погребения расположены на уровне древнего горизонта на каменных вымостках или в грунтовых ямах со стенками и дном, вы-

ложенными каменными плитками, а сверху, вероятно, перекрытыми деревом. Четыре кургана оказались с труположениями, два — с трупосожжениями. Умершие лежали на правом боку скорченно, головой на северо-запад. Встречаются групповые погребения. В этом отношении курганы у с. Лука-Врублевецкая напоминают курганы у с. Тютки под Винницей и курганы у с. Медвин на Каневщине. В курганах № 6 и 8 открыты трупосожжения. Урны с костями и золой помещались в неглубоких ямах. Инвентарь небогат: в основном фрагменты керамики, близкой к найденной на ранних поселениях. Из целых сосудов здесь встречены два глубоких черпака с петельчатыми ручками, тюльпановидный горшок с четырьмя остроконечными налепами на середине корпуса, служивший урной. А. И. Мелюкова считает этот сосуд близким к горшкам голиградской культуры [1958, с. 15]. Не отрицая этого, считаем возможным отметить, что тюльпановидные сосуды с шишками-налепами обычны среди памятников чернолесского типа.

В погребениях у с. Лука-Врублевецкая найдены обломок бронзового браслета, бронзовая игла с ушком, кольцо, оселки и обломок каменного молотка. Последние по своей форме аналогичны известным в памятниках позднейшего киммерийского времени.

Предложенная авторами исследований датировка погребений у с. Лука-Врублевецкая VIII — началом VII вв. до н. э., по-видимому, является правильной.

Погребения с материалами жаботинского типа, подобные Тюткам и одновременные городищам Рудковецкому, Григоровке, поселениям у сел Неповоротово, Нагоряне, Ленковцы, на Днестре не обнаружены. Зато здесь хорошо представлены погребальные памятники конца VII и VI вв. до н. э. Курганы, исследованные польскими археологами, освещены в монографии Т. Сулимирского [Sulimirski, 1936] и в работах советских археологов [Мелюкова, 1958, с. 5; Ильинская, Тереножкин, 1974, с. 97; Крушельницка, 1974, с. 240]. Большое значение имеют результаты новых раскопок курганов в этой местности, произведенные А. И. Мелюковой, Г. И. Смирновой и И. С. Винокуром. Они соответствуют времени таких поселений, как Залесье и Иване-Пусте. Группы курганов Западной Подолии сравнительно невелики (до 10 насыпей). Они нередко сооружены из камня. Камень использовался и при сооружении гробниц, что не составляет какого-то этнокультурного признака, а является результатом наличия большого количества естественных выходов камня.

Мы не будем подробно рассматривать такие памятники, как курганы у сел Братишева, Городница, Дуплишка, Бильче-Злоте, Сапогов, Шидловичи, Раков Кут, Новосельцы Гримайловские, Серватинцы, Ладычин и др., детально описанные в труде Т. Сулимирского и квалифицированно проанализированные в работе А. И. Мелюковой. Ограничимся их общей характеристикой. Курганы насыпались, как правило, для одного центрального погребения; высота сравнительно небольшая — от 0,6 до 1,3 м. При строительстве насыпи широко использовался камень.

Встречаются погребения на горизонте и в неглубоких ямах. В устройстве погребальных сооружений применялся камень для вымосток на горизонте, обкладки ям, устройства ящичков. Встречаются трупосожжения и труположения, причем и тот и другой обряды наблюдаются в курганах, расположенных рядом и составляющих одну группу.

Среди труположений преобладают одиночные в скорченном положении; встречаются парные. Ориентировка неустойчивая, чаще всего северная и северо-западная. Погребения с вытянутыми труположениями и групповые захоронения сравнительно редки.

Трупосожжения совершались на месте. Кострища обкладывали и частично закрывали камнями. Курган нередко насыпали прямо над недого-

ревшим костром, отчего земля насыпи и камни оказывались прокаленными. Отмечены случаи частичного сожжения умершего. Кости сожженных обычно оставались на месте, реже собирались в кучки или ссыпались в урны.

В составе погребального инвентаря встречаются также предметы скифского вооружения: наконечники стрел и копий, железные боевые топоры, кивжалы, остатки панцирей. Сопровождающих конских захоронений не найдено. Изредка встречаются предметы конской узда в виде удил и украшений. В числе последних имеются пряжки-пронизи с бронзовыми головками грифона или орла. Из предметов туалета найдены каменные блюда и бронзовые зеркала. Весьма обычны бусы, браслеты, бронзовые височные кольца с гвоздевидными шляпками, гвоздевидные булавки. Одна булавка со спирально свернутой головкой подобна известным из курганов высоцкой и лужицкой культур, а также ранних погребений Тенетинковского могильника и Жаботинского поселения. Бронзовая гривна с петельками на концах, по-видимому, также высоцко-лужицкого происхождения.

Керамика из курганов несколько отличается от посуды с одновременных поселений, что, по мнению А. И. Мелюковой, объясняется требованиями обряда, а не какими-либо иными причинами. В курганах слабо представлены тюльпановидные горшки, обычные горшки с прямой верхней частью корпуса. Из лощеной посуды нередки корчаги виллановского типа. Миски обычные, реже с отогнутым наружу краем. Встречаются миски на ножке. Интересна миска, найденная в кургане № 2 у с. Серватинцы, на внутренней стороне которой нанесен орнамент в виде широких каннелюр, подобных тем, которые встречаются на мисках Немировского городища. А. И. Мелюкова считает подобные миски реминисценциями традиций голиградской культуры. Весьма обычны черпаки с широко открытой чашечкой и высокой ручкой с выступом, чаще всего неорнаментированные.

Курганы Западной Подолии, описанные Т. Сулимирским, датируются VI — началом V вв. до н. э. Этим также объясняется некоторая ограниченность керамических форм по сравнению с более многообразной керамикой поселений. Количество предметов античного импорта в курганах невелико. К ним относятся несколько бронзовых зеркал ольвийского производства, бронзовое зеркало с ручкой, с головкой барана и ионийской капителью (курган II у с. Братишева).

Долгое время ученых вводили в заблуждение находки сероглиняной кружалной керамики, встречавшейся в курганах Западной Подолии, которую ошибочно считали кельтской и относили к III—II вв. до н. э., тогда как весь состав погребальных комплексов не мог быть датирован временем позднее начала V в. до н. э. В настоящее время благодаря исследованиям Г. И. Смирновой и О. Д. Ганиной установлено, что такого рода кружалные сосуды являются дакийскими или северофракийскими и датируются VI—V вв. до н. э.

Рассмотрим результаты последних исследований курганов Западной Подолии.

Курган у с. Ленковцы [Мелюкова, 1953, с. 60] имел высоту около 1 м. В центре кургана на погребенном черноземе (глубина 0,35 м) обнаружена разрушенная грабителями прямоугольная гробница в виде выкладки из камней. Здесь в различных местах найдены 28 бронзовых архаических наконечников стрел, фрагменты от железного наконечника копья лавролистной формы и раннескифского акинака, а также боевой топор, точильный оселок, фрагменты от трех железных удил, бронзовое зеркало с высоким бортиком. Последнее имело первоначально петельчатую ручку, а после ее поломки к диску была прикреплена боковая ручка, также не сохранившаяся. В составе посуды оказались: две большие лощеные корчаги, три миски (в том числе две с отогнутым краем) и глубокий чер-

пак, украшенный резными заштрихованными треугольниками на шейке и резными концентрическими полукругами на корпусе. А. И. Мелюкова относит погребение к первой половине VI в. до н. э. и считает его кенотафом. С последним предположением едва ли можно согласиться. Обстоятельства погребения — тонкий слой земли, покрывающий погребение, дренажирующая каменная насыпь — создавали условия для большой водопроницаемости, что неизбежно способствовало быстрому разрушению останков. Это очевидно и для ряда других погребений с устройством подобного рода, также относимых к «кенотафам». Трудно согласиться также с некоторой подчеркнутостью западных элементов в составе инвентаря этого кургана.

Акинак из с. Ленковцы принадлежит к обычным раннескифским и не имеет особых специфических признаков, увязывающих его с семиградскими. Бронзовое зеркало также принадлежит к чисто скифским образцам, а то, что оно имеет следы починки, не дает оснований связывать его с зеркалами из Венгрии.

Не меньший интерес представляет курган № 1 у с. Круглик [Смирнова, 1968, с. 14], где раннескифское погребение оказалось впущенным в курган эпохи бронзы. Могила ориентирована по сторонам света (размеры $3,7 \times 3,6$ м), глубина около 0,80 м. Яма перекрыта деревянным настилом. Погребение ограблено. Среди находок в могиле оказались: 19 раннескифских наконечников стрел, наконечник копья лавролистной формы, боевой топор типа секиры-молотка, бронзовая ситула, нож и шесть сосудов: пять лепных и кружальный. В составе лепных — четыре миски и один черпак. Две миски с краями, слегка загнутыми внутрь и две — с краями, отогнутыми наружу. У одной из мисок широкий отогнутый край украшен косыми каннелюрами, а придонная часть — широкими концентрическими каннелюрами. На дне — узор в виде волюты. С наружной стороны имеется небольшой выступ с отверстиями. Сосуд, несомненно, имеет следы западного влияния. Внутри миски находился черпак с неглубокой чашечкой с прямыми стенками и округлым дном и высокой ручкой с плоским выступом. Анализ сероглиняного кружального кувшина позволил Г. И. Смирновой убедительно доказать его северофракийское происхождение. Такие сосуды поступали в качестве импорта в Западную Подолию и даже восточные пределы Лесостепного скифского мира. Г. И. Смирнова датирует погребение серединой — второй половиной VI в. до н. э.

Замечательными являются курганы у сел Долиняны и Перебыковцы [Смирнова, 1977, с. 32], исследованные Г. И. Смирновой на правом берегу Среднего Днестра. Эти раскопки позволили лучше уточнить черты погребального обряда, недостаточно четко зафиксированные, а иногда и не понятые ранее исследователями. Выяснилось, что одной из основных погребальных конструкций в этих курганах, как и в Поднестровье, являлись столбовые деревянные склепы в ямах или на горизонте, ориентированные в большинстве по сторонам света, в двух случаях (курганы № 1 и 2 у с. Перебыковцы) отмечены дромосом с южной стороны. В ряде случаев вдоль краев могил на дне имелись ровики, куда вставлялись основания деревянной облицовки стен из горизонтально или вертикально поставленных плах. Детали устройства разнообразны: из десяти раскопанных курганов нет хотя бы двух, которые точно совпадали бы друг с другом.

В устройстве погребальных сооружений широко использовался камень: каменными плитами обкладывалось дно гробницы, каменным завалом окружался деревянный склеп после его сооружения. Г. И. Смирнова отмечает, что такой каменный завал нередко принимался исследователями за каменные «стены» или «ограды». Камнями укреплялись в ровиках плахи деревянной облицовки стен и столбы в ямах. Камни использовались в качестве перекрытия и в насыпи курганов. Применение камня в погре-

бальном устройстве объясняется его естественными выходами, имеющимися здесь в изобилии. Основа погребальных конструкций такая же, как и в Северном Поднепровье. Встречаются сожженные склепы.

Локальной особенностью Западной Подолии является преобладание обряда трупосожжений. Наряду с сожжениями склепов встречаются погребения с сожжением на стороне и погребальные кострища на месте захоронений.

Обряд кремации сочетается с обрядом ингумации. Нередко в одном и том же склепе встречаются кальцинированные кости и остатки скелетов без воздействия огня. Очевидно, сожжению подвергались преимущественно основные погребения, тогда как сопутствующие, женские и детские, были совершены по обряду трупоположения.

Гробницы в большинстве ограблены, сохранность скелетов и погребального инвентаря плохая. Тем не менее состав найденных вещей очень выразителен.

Из числа предметов вооружения найдены колчаны с наборами накопечников стрел архаических типов, костяные «грибки», палочки-застежки от колчанов, архаические копья, боевые топоры, костяной наконечник от ножен меча с орнаментом в виде орлиной головки, железное тесло с боковыми выступами и железные ножи, в том числе и большие охотничьи.

Из конского снаряжения обнаружены железные удила, среди них со стремявидными петлями, фрагмент костяного псаляя. Особенно интересны железные удила, склепанные по-фракийски с псаляями наглухо. Из предметов украшений встречаются серьги с гвоздевидными шляпками (одна золотая с конусовидной шляпкой и пирамидкой из четырех шариков, очевидно, греческой работы), бронзовые булавки с гвоздевидными шляпками обычных типов и булавки со спирально свернутыми головками, тип которых справедливо считается заимствованным из круга лужицко-высоцкой культуры.

В кургане № 2 у с. Перебыковцы найдена пара типично скифских бронзовых больших жертвенных ножей, оригинальный железный «шампур» с петлей у тыльного конца и костяной гребень для начеса шерсти с ручкой, оформленной в виде орлиной головки.

Среди сосудов встречаются лощеные корчаги типа виллановы, миски с загнутыми внутрь и отогнутыми наружу венчиками, фрагменты высоких открытых горшков с валиками и проколами под краем, черпаки с высокими ручками, аналогичные комплексу раннескифской керамики Лесостепного Правобережья. Г. И. Смирнова относит исследованную ею группу к первой половине — середине VI в. до н. э.

Все сказанное выше о памятниках раннескифского времени Западной Подолии позволяет прийти к выводу о том, что где-то с конца VIII в. до н. э., в пору позднего чернолесья и раннего жаботина, население Побужья и Поднепровья оказывало значительное давление на племена культуры фракийского гальштата, проживавшего в области Лесостепного Поднепровья.

Население голиградской культуры оказалось вытесненным отсюда и сменилось пришедшими племенами — носителями скифской культуры правобережного среднеднепровского типа. Естественно, что такой процесс не мог пройти бесследно. Следы влияния культуры предшествующего времени сказываются в стойком сохранении погребального обряда с трупосожжением, в сохранении пережиточных форм керамики (лощеные миски с каннелюрами и др.), однако в целом господство скифского элемента в его правобережно-лесостепном варианте является несомненным.

Близость к Прикарпаты обусловила проникновение таких вещей фракийской культуры, как кружальные сосуды, железные удила, наглухо склепанные с псаляями, и отдельные горшки с ручками-упорами.

Наибольшего расцвета скифская культура в Западной Подолии до-

стигла в VI в. до н. э. и продолжала существовать здесь до начала V в. до н. э.

Одним из наиболее интересных памятников позднего для этой территории времени является курган у с. Верхние Паневцы Каменец-Подольского района Хмельницкой области [Винокур, Хотюн, 1965, с. 118]. Курган был скрыт во время хозяйственных работ без должного наблюдения специалистов. Высота около 1,5 м. Остатки погребения размещались под каменной вымосткой. Из находок сохранились два бронзовых наконечника стрел позднеархаического типа, фрагмент бронзового зеркала с высокими бортиками и боковой ручкой, вставленной после ремонта, обломок золотой булавки или серьги с круглой и широкой гвоздевидной шляпкой и замечательный амулет в виде опральной в серебро нижней челюсти леопарда, имеющей специальные дужки для подвешивания. Судя по наконечникам стрел, этот комплекс скорее всего следует отнести к раннему V в. до н. э.

Что произошло здесь в V и IV вв. до н. э., сказать трудно. Очевидным является только то, что памятники скифского типа, столь ярко представленные в предшествующий период, исчезают и становятся почти неувидимыми.

ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ МОЛДАВИИ

Изучение памятников раннего железного века на этой территории началось только в послевоенное время. Первые опыты систематизации и исторической интерпретации памятников конца периода бронзы и начала железного века осуществлены А. И. Мелюковой [1958, с. 51; Мелюкова, 1960, с. 129; Мелюкова, 1961, с. 35]. В последние годы А. И. Мелюковой вновь пересмотрен вопрос об основных культурных группах конца II и начала I тыс. до н. э. Лесостепной Молдавии и определено отношение их к синхронным памятникам других территорий [Мелюкова, 1972, с. 57].

По мнению А. И. Мелюковой, основные памятники конца бронзового века здесь, так же как и в Западной Подолии, относятся к культуре фракийского гальштата (поселения у с. Голерканы, Кишенева и с. Лукашовки), то есть к XI—IX вв. до н. э. Население этой культуры продвинулось в конце II тыс. до н. э. через Карпаты на территорию, занятую прежде племенами культуры Ноа.

Приблизительно в VIII в. до н. э. памятники Фракийского Гальштата сменяются памятниками двух культурных групп раннего железного века, из которых ни одна генетически не связана с памятниками предшествующего периода. К первой из них относятся памятники типа поселения и могильника у с. Шолданешты, а ко второй — памятники типа Сахарна-Солончены. Обе эти группы территориально не разграничены и относятся к единому хронологическому периоду — ко второй половине VIII — началу VI вв. до н. э., однако принадлежат различным этнокультурным подразделениям.

Из них памятники типа Шолданешты составляют восточную группу культуры Басараби, распространенной на всей территории Румынии, частично Венгрии и Югославии в период от середины VIII до середины VI вв. до н. э. Позднее на ее основе складывается культура типа Бырсешти-Фериджеле [Vurle, 1967] иллирийского или фрако-язычного населения скифского времени.

Вопрос о памятниках типа Сахарна-Солончены остается дискуссионным. Несомненной является большая близость сахарнянских комплексов с позднечернолесскими и раннежаботинскими, что послужило основанием считать их принадлежащими населению восточного происхождения, выдвинувшемуся в своем распространении на запад, на правый берег Дне-

стра [Тереножкин, 1961, с. 208; Ильинская, 1975, с. 171]. Согласно мнению А. И. Мелюковой, процесс шел в обратном направлении. Памятники сахарно-солонченского типа, по ее мнению, сложились на основе культуры Бабадаг, известной в Южном Подунавье, в Болгарии и в Румынии. А. И. Мелюкова пишет: «Скорее всего памятники типа Сахарна-Солончены, основной период существования которых относится ко второй половине VIII — первой половине VII вв. до н. э., появились в Лесостепи Молдавской ССР не позднее конца IX — начала VIII вв. до н. э., вероятно, на последнем этапе бытования поселений типа Бабадаг и Инсула-Банулуй в Румынии» [1972, с. 69]. Отсюда следует, что «население Лесостепной Молдавии было передатчиком ряда форм и способов орнаментации лощеной посуды, бытовавшей на правобережье Лесостепной Украины в предскифский и в начале раннескифского периода... Произошло ли это в результате культурных влияний или было связано с движением населения с Поднестровья к Днепру, пока сказать невозможно» [Мелюкова, 1972, с. 71].

Особая близость памятников типа Сахарна-Солончены к памятникам позднечернолесского и раннежаботинского этапов в Днестро-Днепровском междуречье заставляет нас подробнее рассмотреть эту группу и основные аспекты проблемы.

Количество известных памятников сахарнянско-солонченского типа сравнительно невелико. Большинство из них концентрируется на правом берегу Днестра выше и ниже сел Рыбницы и Резины. Важнейшими из них являются поселение у с. Сахарна, исследованное Г. Д. Смирновым [1949, с. 93—97], поселение у с. Солончены, раскопанное А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1954, с. 66; 1958, с. 76], а также поселения у сел. Цехнауцы [Мельниковская, 1954, с. 69—72], Царевка, Стохная [Пассек, 1949, с. 57—58]. Тут же расположены и курганные могильники у сел. Сахарна и Алчедар [Мелюкова, 1958, с. 86; Розенфельд, 1965, с. 21].

Здесь среди кухонной посуды преобладают горшки банковидного типа и горшки со слегка выделенной шейкой. Среди банковидных форм отчетливо выделяются горшки фракийского типа с боковыми выступами-упорами. Горшки второй разновидности по формам и орнаментации близки к чернолесским и жаботинским: вытянутые тюльпановидной формы, украшенные валиком с пальцевидными защипами по корпусу. Проколы под краем сравнительно редки. Следует отметить, что сосуды этого типа количественно преобладают над остальными.

Лощеная посуда по составу основных форм, технике отделки и орнаментации особенно близка чернолесско-жаботинскому комплексу, присутствие которого зафиксировано во всей Правобережной Лесостепи от Днестра (а частично и за Днепром, в бассейне Ворсклы) вплоть до Западной Подолии. Среди основных форм назовем лощеные корчаги с высоким горлом и отогнутым венчиком с широким поясом геометрического орнамента и выпуклинами по корпусу, сделанными путем выдавливания изнутри; большие миски-вазы с резным и пластическим орнаментом, черпаки с глубокой чашечкой с высокими ручками, заканчивающимися шишечками, украшенные поясом резного и зубчатого геометрического орнамента, нередко в сочетании со штампованным орнаментом; лощеные кубки с геометрическими орнаментальными композициями, почти неизвестные на Западе. Обычны миски с загнутым внутрь краем; сравнительно редки миски с отогнутым наружу краем. По краю встречаются зигзагоподобные ряды зубчатых оттисков, часто с точками в вершинах углов; встречаются миски с горизонтальными выступами у края или ниже его. Каннелированный орнамент весьма редок и встречается почти исключительно на корчагах виллановского типа.

Кроме того, на поселениях найдены такие орудия керамического производства, как костяные лощила, костяные и глиняные штампы, которыми наносился зубчатый орнамент и штампики. Встречаются пряслица,

«катушки», глиняные пинтадеры, пуговицы, антропоморфные статуэтки, фигурки животных. Найдены кремневые вкладыши для серпов.

Костяные изделия представлены псалями киммерийских типов, проколками, иглами. На поселении у с. Сахарна обнаружена половина большой круглой костяной бляхи с ушком на обороте позднекиммерийского типа. Найдены костяные наконечники стрел — втульчатые и с вилообразным черешком, подобные чернолесским.

Из металлических вещей найдены бронзовые восьмерковидные бляхи, бронзовый наконечник стрелы новочеркасского типа (в кургане у с. Алчедар), трехгранный бронзовый наконечник стрелы VI—V вв. до н. э. Встречаются обломки каменных сверленых топоров-молотков.

Перечисленные выше находки позволяют сопоставить поселения типа Сахарна-Солочены со временем позднего чернолесья и раннего жаботина в пределах второй половины VIII и VII вв. до н. э., вплоть до VI в. до н. э.

На Сахарнянском поселении найден обломок бронзовых удил со стремявидной петлей, повернутой широкой стороной внутрь, среднеевропейского типа.

В могильниках у с. Сахарна Г. Д. Смирновым в 1948—1949 гг. исследовано девять курганов, в которых открыто 17 погребений. А. И. Мелюкова в уроч. Гульбока у этого же села раскопала еще четыре кургана с восемью погребениями [Смирнов, 1955, с. 117; Мелюкова, 1958, с. 84]. Погребения располагались на уровне древнего горизонта или в неглубоких ямах, перекрытых каменными закладами. В одном из могильников оказались погребения в примитивных каменных ящиках. В строительстве насыпи использовался камень. Под одной насыпью встречаются по два и по три захоронения. Преобладают труположения в скорченной позе на правом или на левом боку, ориентированные головой на юг, юго-восток, реже — на север. В первом Сахарнянском могильнике, раскопанном Г. Д. Смирновым, известны трупосождения, совершенные на стороне, с захоронением праха без урн в неглубоких могильных ямах.

В кургане уроч. Гульбока открыто частичное трупосождение, совершенное на стороне. Встречаются одиночные и парные захоронения. При парных погребениях кости одного из скелетов часто оказываются потревоженными, лежат не в анатомическом порядке. Возможно, это случаи повторных захоронений.

В могильнике у с. Алчедара насыпи курганов земляные. Под каждой из насыпей обнаружен ящик, сложенный из плит известняка. Все погребения ограблены. Установлено, что умершие лежали в скорченном положении.

В целом обряд захоронений в Лесостепной Молдавии близок к памятникам Восточной и Западной Подолии и Волыни.

Инвентарь в погребениях обычно состоял из одного-двух сосудов. В мужских захоронениях обязательен черпак, в женских, кроме того, кубки, миски, стаканоподобные сосуды. При мужских захоронениях обычны оселки, железные ножики, бронзовые бляхи с ушками. В одном из погребений найдены железные удила среднеевропейского типа. В одном из алчедарских курганов найдена небольшая бронзовая бляшка с солирным знаком.

К числу женского инвентаря относятся бронзовые рифленые пластинчатые браслеты, проволочные височные кольца с заходящими концами, бронзовая спираль, пластинчатый спиральный перстень, восьмерковидные бляшки и железные фибулы.

Керамика, найденная в погребениях, аналогична керамике местных поселений.

Таким образом, в памятниках сахарнянско-солонченской группы легко выделяются элементы, связанные со Средним Поднепровьем и Побужьем, и элементы, чуждые им. Явно западную группу составляют лепные

горшки баночновидного типа с ручками-упорами, антропоморфные глиняные «образки», пластинчатые рифленые браслеты, железные фибулы, бронзовые и железные удила средневропейских типов.

Другая часть вещевого комплекса причерноморского происхождения связана с киммерийской культурой. К ней относятся костяные псалии и наконечники стрел, бронзовые бляхи-восьмерки, наконечник стрелы новочеркасского типа, бронзовая бляха с солярным значком, каменные топоры, костяная бляха с ушком. Восточное происхождение имеют тюльпановидные горшки с валиковыми налечами.

Сравнивая две категории вещевого материала киммерийского и карпато-дунайского типа, легко заметить, что первые из них проникли на запад за Днестр вместе с комплексом сахарнянской культуры, в то время как вторые не получили распространения к востоку от Днестра и локализовались на территории Молдавии. Такое положение могло сложиться лишь в том случае, если этническое движение шло с востока на запад, а не наоборот, что подтверждается сложившейся исторической обстановкой, свидетельствующей о мощном продвижении населения из Среднего Поднепровья и Побужья в область Поднестровья.

Мы не отрицаем того обстоятельства, что культуры Бабадаг и Басараби могли сыграть определенную роль в формировании некоторых типов керамики, получивших распространение в памятниках времени позднего чернолесья и раннего жаботина (глубокие черпаки с высокими ручками), а также некоторых приемов орнаментации в виде каннелированных спиралей, заимствованных из культуры Басараби, рядами оттисков различных штампов (в частности, оттиски кольчатого штампа, соединенные по касательной отрезками зубчатых оттисков), встречающихся в орнаментации керамики типа Бабадаг и на сахарнянских сосудах. Эти культуры Подунавья сыграли определенную роль в сложении и распространении богато орнаментированной лощеной посуды, сочетавшей линейный резной зубчатый узор с фигурными штампами. Очевидно, определенную передаточную функцию при этом играли племена днестровского пограничья.

Однако в целом мы не склонны придавать ему сколько-нибудь решающее значение в формировании памятников сахарна-солонченской группы и тем более позднего чернолесья и раннего жаботина.

Население этой культуры составляет плотный этнокультурный массив и имеет мощный культурно-генетический ствол последовательного развития от периода средней бронзы вплоть до первых веков нашей эры. В то же время культура Сахарна-Солончена выступает изолированно, без связи с культурными этапами предшествующего и последующего периодов. Территория ее слишком невелика для того, чтобы видеть в ней тот «генератор», который мог служить источником передвижения каких-то групп населения на восток, да к тому же идущего «против течения».

Необходимо иметь в виду, что культура Бабадаг в наиболее ярком ее проявлении датируется XI—X вв. до н. э. Последовательные фазы развития ее недостаточно определены. По мнению румынских ученых, на поздних этапах она теряет многие черты яркой орнаментации, свойственной сахарнянско-жаботинской группе. В целом комплекс культуры Бабадаг остается пока еще недостаточно выясненным, неясной остается ее периодизация и пути проникновения из районов Болгарии через Румынию в Лесостепную Молдавию.

Где-то в начале VI в. до н. э. культура сахарнянского типа в Лесостепной Молдавии приходит в упадок и скоро исчезнет. Представляется весьма основательным мнение А. И. Мелюковой о том, что население сахарна-солонченской культуры было вытеснено племенами культуры Басараби [Мелюкова, 1972, с. 90].

Скифские элементы в памятниках сахарна-солонченского типа не по-

лучили распространения, поскольку основной период бытования последних приходится на предскифское — киммерийское время.

Памятники скифского типа в Лесостепной Молдавии представлены единичными находками. В 1954 г. во время земляных работ недалеко от Кишинева было обнаружено погребение с труположением, где найдены меч с бабочковидным перекрестьем и брусковидным навершием, а также набор наконечников стрел середины — второй половины V в. до н. э. К V в. до н. э. относится бронзовое навершие в виде головки грифона, обнаруженное у с. Раскоиць Олонештского района [Нудельман, Рикман, 1956, с. 129]. Массового распространения поселений и погребений с вещами скифского типа в Лесостепной Молдавии к западу от Днестра не наблюдается.

Тем больший интерес представляет открытое в 1972 г. В. А. Дергачевым раннескифское погребение у с. Куконешти в Припрутской Молдавии. По-видимому, здесь некогда находился небольшой курган, от которого сохранилось пятно на распаханной почве. Захоронение совершено в катакомбе с подбоем. Погребенный лежал вытянуто, головой на северо-запад. При нем оказался колчан со скифскими двух- и трехлопастными наконечниками стрел, костяная палочка-застежка и два «грибка» от колчана. Погребение, несомненно, относится к VI в. до н. э. и является собственно скифским, свидетельствуя о проникновении сюда скифов в VI в. до н. э.

Вообще памятники VI—V вв. до н. э. на данной территории известны очень плохо. Весьма возможно, что эта территория оставалась как бы «нейтральной зоной» между скифским и фракийским мирами.

Положение изменилось в IV—III вв. до н. э., когда в область между Прутом и Днестром проникла гетская культура, представленная такими памятниками, как городища у сел Выхватинцы, Бутучены, Большая Сахарна [Мелюкова, 1958, с. 90]. Очевидно, политический перевес в это время сложился не в пользу скифов, что позволило гето-фракийским племенам окончательно овладеть «Гетской пустыней».

ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ И ПРИКАРПАТЬЯ

Осуществленное Л. И. Крушельницкой исследование территории Западной Волыни способствовало открытию нескольких культурных групп, связанных с продвижением культуры скифского правобережного типа на запад, на территорию висоцкой и лужицкой культур.

Одна из таких групп, получившая название лежницкой (по имени поселения у с. Лежница), локализуется в верхнем бассейне Западного Буга на территории, занятой в предшествующее время памятниками ультививской группы лужицкой культуры. Появление памятников лежницкого типа относится ко времени не ранее VII—VI вв. до н. э. По мнению Л. И. Крушельницкой, эти памятники объединяют в себе черты культуры Правобережной Лесостепи и лужицкой культуры. «Объясняется ли близость материальной культуры наличием общей подосновы, относящейся к комаровско-тшинецкому этапу, или перемещением на запад в начале эпохи раннего железа каких-то групп населения с территории Подолии и Волынского Полесья и изменением их культуры под влиянием новой среды, сказать пока трудно», — пишет Л. И. Крушельницкая [1974, с. 249, карты, с. 224, 232]. Во всяком случае лежницкие памятники, включающие новые восточные черты, сменяют здесь памятники восточно-лужицкой культуры.

Территорию Верхнего Поднестровья занимают памятники так называемого черепинско-лагодовского типа, распространившиеся в южных районах висоцкой территории (в верхних северных притоках Днестра и

окрестностях Голиградской возвышенности). Эта группа возникла в конце VII в. до н. э. в результате проникновения сюда новых групп населения (вероятно, из области Западной Подолии), что привело к изменению этнического состава населения и взаимодействию культуры вновь пришедшего населения с сохранившимся населением высококой культуры, элементы которой долгое время сохраняются в быту переселенцев. Вновь сложившаяся культура приобрела своеобразный скифо-высоцкий облик [Крушельницька, 1974, карты, с. 224, 232; 240, 255—263].

Полагают, что куштановицкая культура Закарпатья, известная в период VI—III вв. до н. э., сложилась в результате проникновения в зону культуры фракийского гальштата с конца VII в. до н. э. новых групп населения с территории Западной Подолии [Смирнова, Бернякович, 1966, с. 89—115]. Наличие ряда близких лесостепных и правобережных форм и мотивов орнаментации керамики, способ сооружения курганов, погребальный обряд свидетельствуют о том, что на формирование куштановицкой культуры большое влияние оказали племена, продвинувшиеся сюда с севера и Поднестровья.

В данном случае важно отметить значительное продвижение этнического массива с востока на запад, происходившее в позднечернолесское и раннескифское время (VIII—VI вв. до н. э.), и то большое влияние, которое это продвижение оказало на территории Поднестровья, Западной Подолии и Закарпатья, приведя к вытеснению и исчезновению одних и сложению других культурных типов.

ПАМЯТНИКИ
ЛЕСОСТЕПНОГО
ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Карта скифских памятников Левобережной Лесостепи:

I — курганы; II — городища культуры посульско-донецкого типа; III — поселения культуры посульско-донецкого типа; IV — поселения культуры правобережно-ворсклинского типа; V — городища культуры правобережно-ворсклинского типа; VI — находки на дюнах; VII — могильник; VIII — случайные находки; IX — клад; X — граница Лесостепи; XI — граница Днепровской террасовой Лесостепи.

С у л а: 1 — Большие Будки; 2 — Малые Будки; 3 — Коровинцы; 4 — Волковцы; 5 — Великие Будки; 6 — Аксютинцы (уроч. Стайкин Верх); 7 — Аксютинцы (уроч. Солodka); 8 — Басовка (городище); 9 — Басовка (курганы); 10 — хутор Хмелев; 11 — Кошары; 12 — Медвежье; 13 — Плавиниши; 14 — Герасимовка; 15 — г. Ромны; 16 — Поповка; 17 — Лозовая; 18 — Кржи; 19 — Ярмолинцы; 20 — Сурмачевка; 21 — Чеберяки; 22 — Глинск; 23 — Свиридовка; 24 — Буденовка; 25 — Кулешовка; 26 — Крячковка; 27 — Сухоносковка; 28 — Городище; 29 — Хитны; 30 — Тишки; 31 — Поставмуки; 32 — Лубны; 33 — Луки; 34 — Клепачи; 35 — Малый Вязивок.

С е й м: 1 — Рыльск; 2 — Сухая; 3 — Лешиновка; 4 — Горки; 5 — Линово; 6 — Шириново; 7 — Путивль; 8 — Хавзовка; 9 — Красное Утро; 10 — Обмо-

чево; 11 — Борзана; 12 — Загоровка; 13 — Долинское (могильник); 14 — Долинское (курган); 15 — Чернигов (Татарская горка); 16 — Шебалиново.

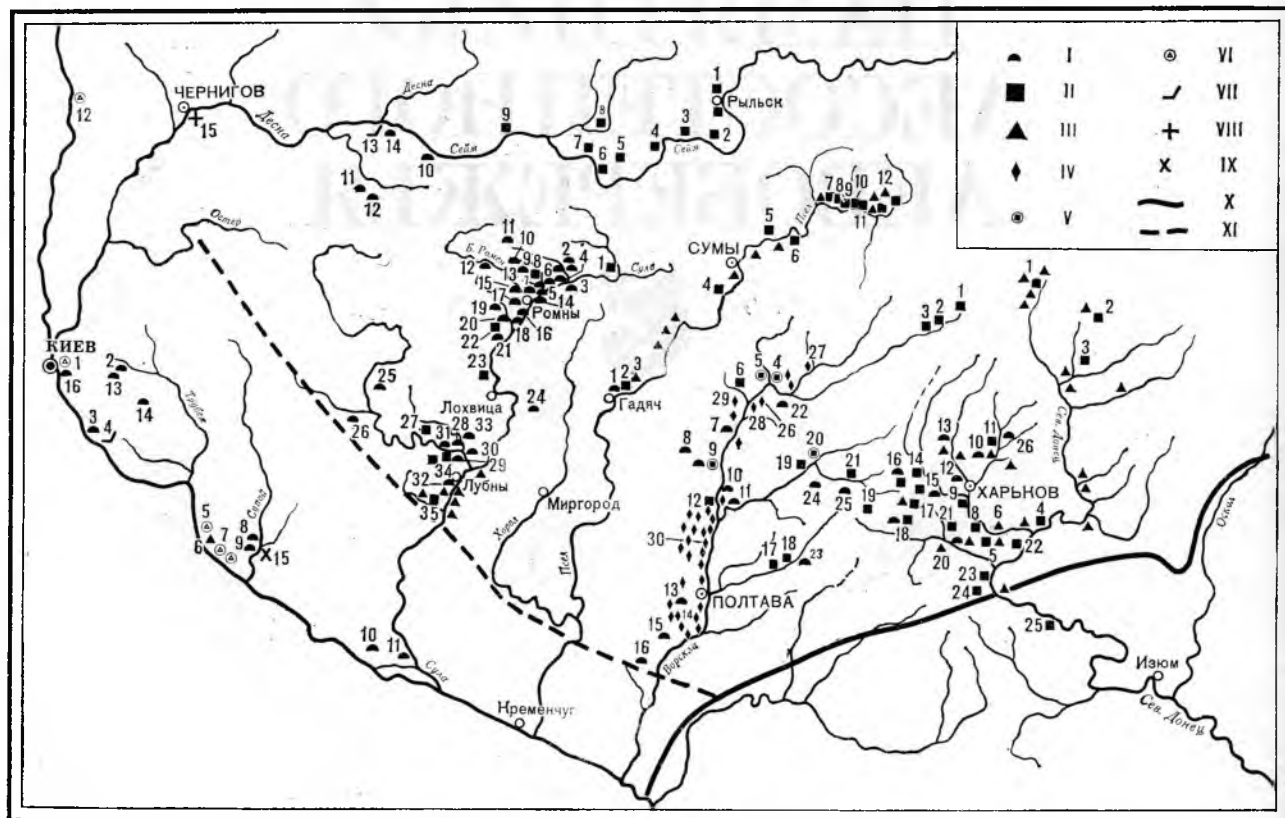
П с е л: 1 — Броварки; 2 — Кнышевка; 3 — Дудчанцы; 4 — Ворожба; 5 — Битца; 6 — Великая Рыбница; 7 — Корочка; 8 — Долгий Колодязь; 9 — Стригослы; 10 — Гочево; 11 — Бушмино; 12 — Картамышево.

С е в е р с к и й Д о н е ц: 1 — Сабынино; 2 — Большое Городище; 3 — Доброе; 4 — Чугуев; 5 — Водяное; 6 — Шмаровка; 7 — Острореховка; 8 — Хорошево; 9 — Донецкое; 10 — Большая Даниловка; 11 — Циркуны; 12 — Харьков (Холодная Гора); 13 — Дергачи; 14 — Костенки (Закозаровское городище); 15 — Люботин; 16 — Санджары; 17 — городище Караван и селце Шоловская; 18 — Городище; 19 — Барановка; 20 — Мерфа; 21 — Яковлевка; 22 — Мохначи; 23 — Коробовы хутора; 24 — Большая Гомольша; 25 — Меловое (Северское городище).

В о р с к л а: 1 — Высокое; 2 — Мошеное; 3 — Борисовка; 4 — Каменка; 5 — Сосонка; 6 — Боголюбовка; 7 — Глинщице; 8 — Блажки; 9 — Бельск; 10 — Деревки; 11 — Лихачева; 12 — Олошня; 13 — Мачехи; 14 — Пожарная Балка; 15 — Новые Санджары; 16 — Бутенки; 17 — Грашков; 18 — Коломак (городище); 19 — Городное; 20 — Полковая Никитовка; 21 — Войтовка; 22 — Кириновка;

23 — Коломак (курган); 24 — Настельный; 25 — Покровский; 26 — Ахтырка; 27 — Ницака; 28 — Хухра; 29 — Чернетчина; 30 — Алферова.

П о л д н е п р о в с к а я т е р р а с о в а я Л е с о с т е п ь: 1 — Выгуровщина; 2 — Сенювка; 3 — Софиевка (Бориспольский район); 4 — Кайлов; 5 — Леплява; 6 — Калаберда; 7 — Пепехово; 8 — Гладковщина; 9 — Софиевка (Золотоношский район); 10 — Веремеевка; 11 — Жовнин; 12 — Навозы; 13 — Борисполь; 14 — Старинская птицефабрика; 15 — Печаное; 16 — Бортичи; 17 — Прохоровка.

Памятники скифской культуры к востоку от Днестра занимают левобережье территории современной Украины в пределах бассейнов рек Сейма, Сулы, Псла, Ворсклы, а также Северского Донца в его лесостепном течении. На этой территории могут быть выделены три культурных ареала. Первый из них соответствует террасовой равнине, протянувшейся вдоль левого берега Днестра. Эта область служила зоной контакта между племенами Правобережья, Левобережья и Степного Юга. Основным на левом берегу является Посульско-Донецкий ареал, включавший также бассейн Псла и Сейма ниже г. Рыльска. В скифское время здесь жили племена, близкие по культуре, происхождению, этнической принадлежности и историческим судьбам. В пределах этой этнокультурной общности некоторыми чертами отличается северная группировка в бассейне р. Сейма, граничившая с юхновской культурой Десны и Верхнего Сейма. Некоторые местные особенности имеют и памятники Северского Донца на Харьковщине.

Второй ареал составляют памятники среднего течения р. Ворсклы, являющиеся носителями культуры правобережного типа в Левобережной Лесостепи.

Изучению памятников Сулы, Сейма, Псла, а также Приднепровской террасовой лесостепи посвящены работы В. А. Ильинской. Памятники Северского Донца исследованы П. Д. Либеровым и Б. А. Шрамко. Памятники Ворсклинского бассейна описаны в монографии Г. Т. Ковпаненко. Исследованию Бельского городища на Ворскле, кроме того, посвящен ряд статей Б. А. Шрамко. Основные результаты исследования памятников скифского времени этой территории обобщены В. А. Ильинской [Ильинская, 1971].

Важным обстоятельством является то, что в Левобережной Лесостепи отсутствуют памятники поздней бронзы, которые могли бы рассматриваться в качестве подосновы для сложения образований с культурой скифского типа, как это наблюдается на примере чернолесской культуры в Правобережье. Период поздней бронзы представлен здесь памятниками мало-будковского и бондарихинского типов, составляющих последовательные звенья культурного развития в конце II — начале I тыс. до н. э. [Ильинская, 1961а, с. 26—45].

Сопоставление памятников бондарихинской культуры с известными на этой территории памятниками железного века позволяет прийти к выводу об отсутствии генетических связей бондарихинских племен с населением скифской культуры. Несмотря на то что бондарихинская культура в Левобережье доживает до VIII в. до н. э. и содержит в себе элементы перехода к железному веку, в ней отсутствуют какие-либо признаки сложения скифской культуры. Это прослеживается в типах оружия, конском снаряжении, украшениях, предметах культа, прикладном искусстве, совершенно иной керамике, в погребальном обряде (бескурганые могильники с сожжениями). Курганный обряд погребений с труположениями для бондарихинской культуры не известен.

В то же время имеются основания говорить о существовании преемственности между населением бондарихинской культуры и племенами юхновской культуры, обитавшими в раннем железном веке в Курском Посеймье и на Десне. Эта преемственность обнаруживается в формах керамики, характере погребений, отдельных вещах, таких как глиняные грузила и погремушки, в типах железных ножей. Преемственность в материальной культуре юхновских племен от бондарихинских могла сложиться лишь в том случае, если племена — носители скифской культуры оттеснили прежних обитателей лесостепной зоны на север, в южные пределы Левобережного Полесья [Ильинская, 1969, с. 82—102].

Наиболее неясным на Левобережье остается период VII в. до н. э., соответствующий жаботинскому этапу на правом берегу. Очевидно, в это время здесь происходил процесс этнических перегруппировок, связанных

с вытеснением бондарихинского населения и распространением племен скифской культуры. Найденные здесь кавказские и киммерийские бронзовые изделия VIII—VII вв. до н. э. остаются пока не связанными с какими-то определенными археологическими комплексами.

Скифская культура посульско-донецкого типа становится господствующей в Левобережье с начала VI в. до н. э., совпадая по времени с окончанием скифских переднеазиатских походов, широким внедрением скифского комплекса в культуру оседлого населения Правобережной Лесостепи, временем сложения Скифии. Для Левобережья процесс этот был резким, внезапным, связанным с изменением культурно-исторической обстановки. С началом VI в. до н. э. эта территория оказалась связанной со степным скифским югом.

ПРИДНЕПРОВСКАЯ ТЕРРАСОВАЯ ЛЕСОСТЕПЬ

Территория к востоку от Днепра, между Киевом и Кременчугом, представляет собой особую ландшафтно-географическую зону Среднеднепровской Лесостепи. Это безлесная, слабо пересеченная и дренированная равнина шириной около 100—120 км, образованная древними террасами Днепра. По рельефу местности, характеру почв и растительности она во многом напоминает южноукраинскую степь, представляя как бы широкий степной коридор, проникающий вдоль левого берега Днепра в глубь Лесостепи до границ Полесья. Эта территория издавна служила путем, по которому обитатели степей проникали далеко на север.

Из-за сильной засоленности грунта лесной покров развит слабо. Преобладает степная и луговая растительность. С запада равнина примыкает к пойме Днепра, испещренной лугами и старицами. Естественно, что такой район с его прекрасными пастбищными угодьями не мог оставаться не использованным в скифское время. О пребывании племен скифской культуры на этой территории свидетельствуют курганы и находки скифских вещей на разветвленных дюнах вдоль края левобережной террасы Днепра. Наиболее северной находкой являются четыре бронзовые булавки с массивными шляпками и гравировкой на стержне из с. Навозы Михайло-Кочубинского района на Черниговщине [Іллінська, 1968а, с. 147].

За последние годы стали известны укрепленные городища у края надпойменной террасы Днепра с незначительными по мощности культурными слоями VI в. до н. э. правобережного типа у сел Крутьки и Васютинцы в Черкасской области [Телегін, Дяденко, 1970, с. 171—178]. В окрестностях Переяслав-Хмельницкого открыто Каратульское городище, размеры которого намного превосходят Бельское [Шрамко, 1967, с. 201]. Имеются основания полагать, что обитатели правого берега стремились закрепить за собой владение днепровской поймы, для чего создавали вдоль левого берега серию укреплений.

В ранних курганах приднепровской части Левобережья прослеживаются смешанные признаки, характерные для правобережной и посульско-донецкой групп. В низовьях Сулы у с. Веремеевка В. В. Хвойкой распознаны три кургана [Ильинская, 1968, с. 43; Линниченко, 1901, с. 73]. В кургане № 1 погребенный находился в яме с уступом. Рядом со скелетом, лежавшим в вытянутом положении головы на юго-запад, обнаружены железный чешуйчатый панцирь, копьё, обломок лепного сосуда. В кургане № 2 скифское погребение впущено в курган эпохи бронзы. Погребение разрушено. Здесь найдены бронзовые наконечники стрел, чешуйки от панциря, часть копья, меч, обломки сосуда. В кургане № 3 (высотой 0,9 м) открыта деревянная столбовая гробница, в которой оказались: кожаный колчан со стрелами, железный чешуйчатый панцирь, пять железных удил, пять костяных псалий с резьбой в зверином стиле, просверленный клык медведя, два лещных сосуда и кости барана. В архиве

А. А. Спицина сохранились зарисовки клиновидного топора, архаического копья и каменного ладьевидного блюда из кургана у с. Веремеевка. Погребения и инвентарь ближе всего к курганам Посульской группы.

В низовьях р. Сулы у с. Жовнин раскопан курган, где обнаружен набор бронзовых наконечников стрел позднеархаических типов [Іллінська, 1968а, с. 156], а в кургане, размытом водами Днепра, в этой же местности найдена прекрасная бронзовая бляха в виде головы лося [Ильинская, Горишний, 1975, с. 159] V в. до н. э.

Интересную группу составляют курганы в низовьях р. Супой. В кургане № 499 у с. Гладковщина [ЖРБ, с. 149; Галанина, 1977, с. 43, табл. 21, 1—4; Іллінська, 1968а, с. 159] открыта круглая могильная яма (диаметром и глубиной 3 м) с шатровым бревенчатым накатом. Гробница ограблена. В ней найдено основное захоронение женщины в сопровождении «раба» или «рабыни». Главное погребение оказалось разрушенным. Скелет «раба», лежавшего на боку головой на юго-восток со скрещенными ногами, не потревожен. В гробнице найдены бронзовое зеркало, костяной цилиндр, три золотые бляшки с изображением лошади с повернутой назад головой и несколько сосудов, среди них глиняный горшок, обломки двух чернолаковых кувшинов с ручкой и большой (высота 0,70 м) сосуд. Погребение датируется по находке ионийского килика последней четвертью VI в. до н. э. Устройство могилы, большое количество керамики, в составе которой можно предположить наличие лощеных кубков с высокими ручками и биконической корчаги, свидетельствует о близости этого погребения к памятникам правобережного типа.

В торфянике долины р. Супой, у с. Песчаное найден затонувший чели с грузом греческих бронзовых сосудов: амфор, гидрий, ситул, лутериев, относящихся к V в. до н. э. [Ганина, 1970].

Одним из наиболее северных памятников скифской культуры на левом берегу Днепра являются курганы у с. Сеньковки на севере Бориспольского района. Они расположены небольшими группами на невысоких возвышенностях среди болотистых низин. Здесь в 20-х годах было раскопано 14 курганов небольших размеров. В каждом из них обнаружено по одному погребению, совершенному в неглубокой грунтовой яме, вырытой в песчаном грунте. Погребения одиночные и парные. Умершие лежат в вытянутом положении, в большинстве случаев головой на север. В могилах с парными захоронениями мужские скелеты обращены головой на север, а женские — на юг, в положении антитезы. Одиночные женские захоронения ориентированы на север или северо-восток.

Состав вещей из курганов весьма своеобразен. Предметы вооружения и конского снаряжения почти отсутствуют. В то же время здесь хорошо представлен набор женских украшений и предметов туалета. Мужские погребения значительно беднее женских. При женских захоронениях обычны большие массивные бронзовые, реже железные, гвоздевидные булавки, лежавшие по одной или по две у плеча; бронзовые ручные браслеты, в том числе пара литых рубчатых (курган № 6); два ножных железных браслета (курган № 11); бронзовые сережки с крупной шляпкой и шишечкой в центре. Обычны пастовые бусы. Среди сосудов постоянны небольшие неорнаментированные горшочки с выпуклым корпусом и отогнутым верхним краем. В кургане № 2 найдена глубокая кружка с петельчатой ручкой и горшочек с пальцевыми ямками по краю, сквозными проколами и носиком для слива. Большинство погребений в курганах у с. Сеньковка может быть датировано V в. до н. э. К IV в. до н. э. относится женское погребение в кургане № 14, где обнаружены серебряная гривна, обломок серебряного височного кольца, пять золотых амфоровидных подвесок, золотая бляха с изображением человеческого лица, бронзовое зеркало с железной ручкой, подвеска в виде кольца с петелькой и тремя группами шишечек, пряжка в виде кольца и треугольника [Покровська, 1965, с. 139].

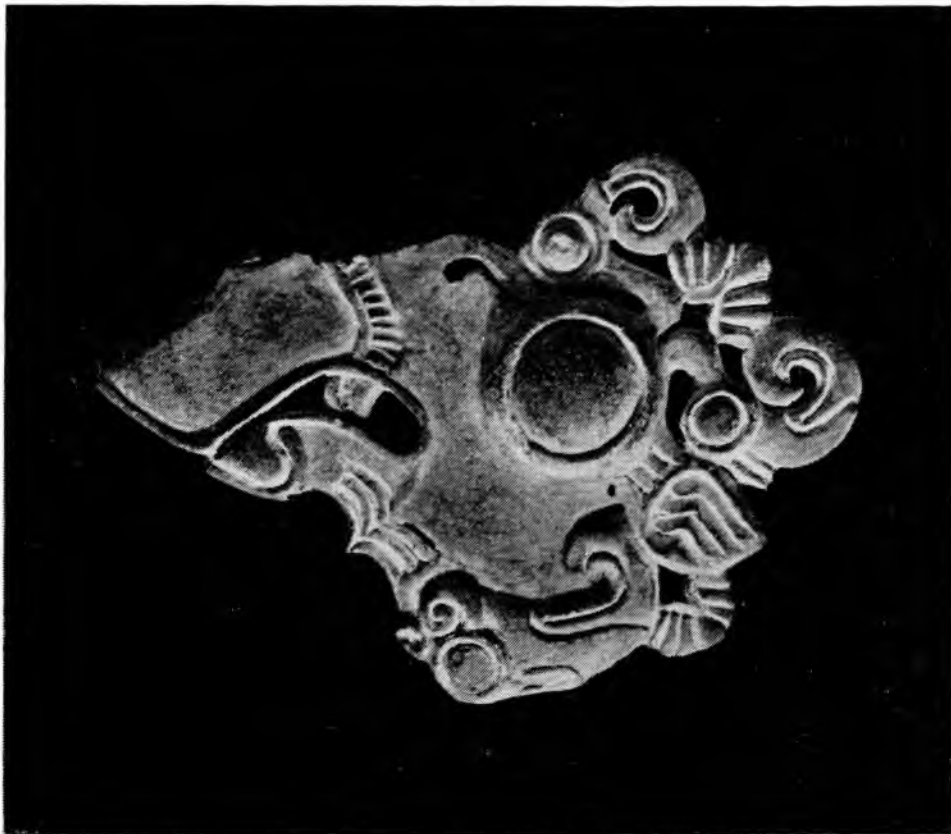
Сеньковские курганы своеобразны по обряду погребения и составляют как бы родовую локальную группу. По ряду признаков (массивные бронзовые булавки, рубчатые браслеты, ножные браслеты, типы посуды) они ближе всего к курганам Посулья.

Курганы между Борисполем и Переяславом-Хмельницким. Большое сосредоточение курганных полей находится в бассейне р. Трубеж. Начинаются они к востоку от Борисполя и тянутся на юго-восток к Переяславу-Хмельницкому, образуя значительные скопления у сел Иванков, Рогозов, Люборцы, Ерковцы и др. Раскапывались курганы в 1961—1963 гг. Скифской среднеднепровской экспедицией под нашим руководством [Ильинская, 1966, с. 152 и сл.; Яковенко, 1965, с. 150; Мозолевский, 1975, с. 211 и сл.] и в 1973—1975 гг. Бортнической экспедицией под руководством В. А. Круца.

Как и в степной полосе, скифские курганы перемежались с курганами эпохи бронзы. Скифские курганы по обряду погребения и составу инвентаря не отличаются от могил Степной Скифии, и это, бесспорно, является доказательством того, что кочевые скифы, продвигаясь вдоль левого берега Днепра, не только доходили до границ Полесья, но и освоили эти земли как постоянные кочевья. Поэтому описания бориспольских курганов были широко использованы нами при рассмотрении различного рода рядовых скифских погребений.

Новые раскопки показали, что завоевание скифами Приднепровской Левобережной равнины произошло не в IV, а уже в V в. до н. э. Так, погребение скифской «амазонки» у с. Подолье датируется двумя античными (ольвийскими) сероглиняными кувшинами V в. до н. э.

В другом кургане оказалось впускное захоронение скифянки. При ней найдены два глиняных пряслица, нож, железная булавка. У головы

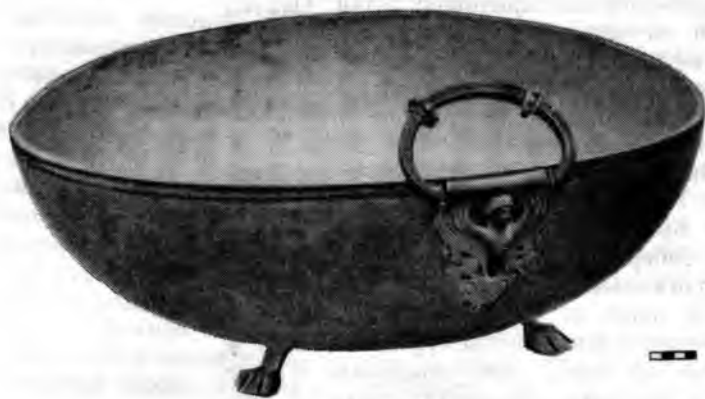

Бронзовая бляха из с. Жовнин. № 6

стоял чернолаковый килик. Под правым плечом лежало бронзовое зеркало с ажурной ручкой, заканчивающейся овальной петлей с обращенными навстречу друг другу головками двух волчьих хищников. Это зеркало и килик датируют погребение V в. до н. э.

Очевидно, к этой же группе следует отнести исследованное Ю. Н. Захаруком погребение у с. Софиевка Бориспольского района [Иллінська, 1968а, с. 160—161]. Погребение обнаружено в разрушенном кургане на песчаной дюне в пойме Днепра. В составе находок оказались: меч с волютообразным навершием и бабочковидным перекрестием, однолезвийный меч типа греческой махайры, наконечник копья и части конской узды в виде бронзовых S-овидных псалий, наносник с головой ушастого грифона, две бляхи в виде «медвежьей лапы». Погребение датируется второй половиной V в. до н. э.

*Бронзовый лугерий из кла-
да античных бронз у с. Пес-
чаное в устье р. Супой.*

На примере Бориспольских курганов отчетливо прослеживается зависимость устройства погребального сооружения от особенностей грунта. Так, в долине р. Альты, где курганы расположены на невысоких возвышенностях с песчаным грунтом, насыпи сооружены из песчанистого чернозема. Погребения совершены в могильных ямах с деревянными перекрытиями. За пределами пойменной долины господствуют захоронения в катакомбах. Особенностью данной группы является встречающееся в ряде случаев особое возвышение в виде ложи-ступеньки у тыльной стороны камеры. Изредка встречаются ямы с деревянными склепами.

Бориспольские курганы особенно интересны тем, что они дали серию захоронений, характеризующих те или иные черты семейных и социальных отношений скифского общества. Выше мы приводили примеры с захоронениями членов одной семьи (курган № 3 Старинской птицефабрики, № 4 у Любарецкого поселка), захоронение воина с «наложницей» (курган № 2 Старинской птицефабрики, № 4 у с. Мирное), погребение воина с золотой гривной (курган № 3 у с. Иванков), погребения скифских амазонок (курган № 15 Старинской птицефабрики, курган № 3 у с. Мирное), курган у с. Подолье, захоронения в сопровождении «рабов», особенно выразительно представленные в этой группе (погребение № 1 кургана № 4 у Любарецкого поселка, курганы № 1, 2, 6, 8 у Старинской птицефабрики, № 3 у с. Мирное).

В кургане у с. Ерковцы [Мозолевский, 1975, с. 211—217], имевшем высоту 1 м, открыты две гробницы — центральная и боковая. В центральной, оказавшейся ограбленной, в продольной катакомбе с овальной камерой находилось разрушенное погребение взрослого и двух детей. Во впускной гробнице, близкой по устройству центральной, лежал скелет воина в вытянутом положении головой на запад. На правой руке был надет железный браслет, на пальце золотой перстень. Самую интересную находку составлял портупейный пояс с чередующимися звеньями брон-

зовых и железных пластинок. Кроме того, умершего сопровождали два колчана или колчан и горит (97 и 29 наконечников), два ножа, костяная ворварка, наконечник копья, два дротика, подтоки, кости молодого коня и нож.

ПОСУЛЬЕ

Памятники среднего течения р. Сулы занимают особое место в Скифии. Здесь на участке протяженностью около 100 км, от г. Лубны до г. Ромны, сосредоточено огромное количество курганных могильников, расположенных компактными группами вдоль правого высокого берега и реже — по левому берегу р. Сулы.

Главные курганные кладбища расположены на мысах коренного берега Сулы при впадении в нее правобережных притоков: Удая, Олавы, Локны, Ромна, Хмелевки, Смелой и на возвышенных участках плато между ярами и оврагами. На юге скифские памятники начинаются выше впадения в Сулу р. Слепорода и тянутся вверх до впадения р. Терна. Здесь можно выделить два основных сосредоточения курганов: нижнее — у г. Лубны и верхнее — в окрестностях г. Ромны.

При впадении р. Удая в Сулу известны курганные группы у сел Хитцы, Тишки, Пустовойтовка. Выше по Удаю в окрестностях г. Пирятина — курганные группы у сел Городище и Крячковка. Выше г. Лохвица — курганные группы расположены у сел Чеберяки, Ярмолинцы, Сурмачевка, Лозовая и у г. Глинск. Возле Ромен курганные поля становятся чаще и многочисленнее. Ниже Ромен находится один из крупных могильников у хут. Поповка. У г. Ромны на левом берегу расположены курганные поля у сел Плавинищи и Герасимовка. Вверх по Суле, при впадении в нее р. Хмелевки, расположено два самых больших некрополя: против с. Аксютинцы на левом берегу и у с. Великие Будки на правом. Три курганные группы открыты вверх по р. Хмелевке у с. Басовка.

От Великих Будок цепь курганов тянется вдоль правого берега р. Сулы по направлению к следующему крупнейшему некрополю, находящемуся против с. Волковцы. Последнее сосредоточение курганов находится в низовьях правого и левого берегов р. Смела у с. Малые Будки. Отдельные курганы известны и выше (у с. Коровинцы), но количество их здесь явно уменьшается. Что касается городищ, то их на этой территории сравнительно немного. Наиболее нижним является городище у с. Малый Вязивок в устье р. Слепорода. В окрестностях г. Лубны в низовьях Удая городища расположены у сел Хитцы, Кленачи, Сухоносовка и возле г. Лохвица у с. Свиридовка. В пределах роменского узла известны городища у г. Глинск. Крупнейшим является Басовское городище, расположенное в верховьях яров правого берега р. Хмелевки [Іллінська, 1949, с. 139, Ильинская, 1968].

Невыясненным остается назначение вала на мысу при впадении в Сулу р. Хмелевки у с. Великие Будки. По конфигурации, планировке, наличию вала и следов рва это урочище соответствует представлению о городище. Однако совершенно необычным является расположение в центральной части обнесенного валом участка нескольких курганов, из которых один весьма крупных размеров. Насколько нам известно, скифы не насыпали курганов на площади своих городищ. По данным Б. А. Шрамко, здесь найдена керамика скифского времени [Шрамко, 1968, с. 210].

По берегам р. Сулы встречаются следы неукрепленных скифских поселений с незначительным культурным слоем.

Курганы. Курганные могильники Посулья, особенно некрополи в окрестностях г. Ромны, не имеют себе равных в Северном Причерноморье.

Необычными являются сосредоточенность некрополей и топографическая связь их с рекой и ее притоками, концентрация сравнительно небольших насыпей возле больших курганов. Интересны описания этих мо-

гильников, сделанные очевидцами в конце прошлого века, когда они сохраняли еще свой древний вид. Вот что пишет о них И. А. Линниченко: «Роменский уезд Полтавской губернии представляет собой одну из любопытнейших в археологическом отношении местностей. Здесь по всему высокому нагорному берегу р. Сулы на протяжении многих верст тянутся обширные группы курганов весьма крупных размеров. Обыкновенно в каждой группе высится 1—2 кургана высотой до 20 м, окружностью у основания до 300 м. Эти центральные великаны окружены несколькими курганами меньших, но все еще внушительных размеров — 8—12 м и множеством (сотнями) мелких. Наиболее крупные курганы находятся при деревнях Аксютенцах и Волковцах» [Смела, III, с. 61].

А. А. Бобринский, раскопавший до 500 курганов в окрестностях г. Смелы, был поражен этими памятниками. «Трудно передать, — пишет он, — впечатление, которое производят гигантские насыпи Роменского уезда, окруженные некрополями из сотен крупных и мелких курганов. Центральные же громадные курганы напоминают самые высокие могилы Керчи. В них особенно замечательно то, что они вовсе не расплылись и сохранили свою узкую коническую форму» [Смела, III, с. 61]. Описание курганных групп Посулья и история их исследования даны в работе В. А. Ильинской [1968, с. 5—22].

Важной особенностью является и то, что посульские некрополи состоят почти исключительно из курганов скифского времени и не перемежаются с курганами эпохи бронзы, что характерно для многих других территорий Скифии.

Раскопки курганов на Суле начались с 70-х годов прошлого века и продолжались почти непрерывно до начала нашего века. В исследованиях приняли участие такие известные археологи, как Д. Я. Самоквасов,

Останцы раскопанных курганов:

1 — Старшая Могила; 2 — у хут. Шумейко (Сула).

Н. Е. Бранденбург, В. В. Хвойка, И. А. Линниченко, Н. Е. Макаренко, а также любители. Особенно большие раскопки осуществил С. А. Мазараки, в раскопках курганов приняли участие Ф. И. Каминский, Н. Авенариус. В советский период исследования курганов почти не возобновлялись, если не считать нескольких курганов, раскопанных в 20-х годах заведующим Лубенским краеведческим музеем И. Я. Плискачем [Ильинская, 1968, с. 5—22].

В общей сложности в Посульских некрополях раскопано не менее 400 курганов. Большинство из них оказалось разграбленными и разрушенными настолько, что не дали сколько-нибудь существенного материала. В ряде случаев сохранились только сведения о произведенных раскопках, но их описания и вещи не сохранились. В других случаях материалы из курганов оказались опубликованы без сопровождающих описаний, не по комплексам.

Реальное научное значение имеют не более 120 курганов, описания которых могут быть соединены с сохранившимся инвентарем или, по крайней мере, восстановлены комплексы находок [Ильинская, 1968, с. 29—63].

Особенностью погребального обряда посульских курганов является стойкость и единообразие погребального ритуала. Господствующим типом могильных сооружений являются гробницы в обширных грунтовых ямах с деревянными склепами в виде срубов или склепов с вертикальной обшивкой стен, а для более бедных захоронений — просто с деревянным перекрытием. Большинство могил ориентировано по линии север — юг иногда с небольшим отклонением к востоку или западу. Умерших клали в вытянутом положении, головой на юг. Из 71 погребения с указанием ориентировки, 63 умерших были положены головой на юг, четыре — на север, три — на восток и один — на запад [Ильинская, 1968, с. 83].

Если погребение было парным, то женщина находилась слева — в западной части могилы. Мужчин хоронили в полном военном снаряжении, у правого бока клали меч и боевой топор, слева — колчан или горит со стрелами, справа, вдоль восточной стены, помещались копьа, наконечники которых обычно лежали в юго-восточном углу. У одной из стенок складывали защитное вооружение: панцирь и щит, а также запасные колчаны, мечи, топоры, большие охотничьи ножи и пр.

Украшения личного убора в мужских погребениях VI в. до н. э. почти неизвестны. Справа от погребенного клали уздечки, а вместе с ними нередко встречаются металлические прорезные «шумящие» напершия.

Женские погребения сопровождалась бусами, ручными и ножными браслетами, кольцами, булавками, бронзовыми зеркалами, каменными блюдами для растирания румян и белил. В курганах V—IV вв. до н. э. встречаются золотые украшения.

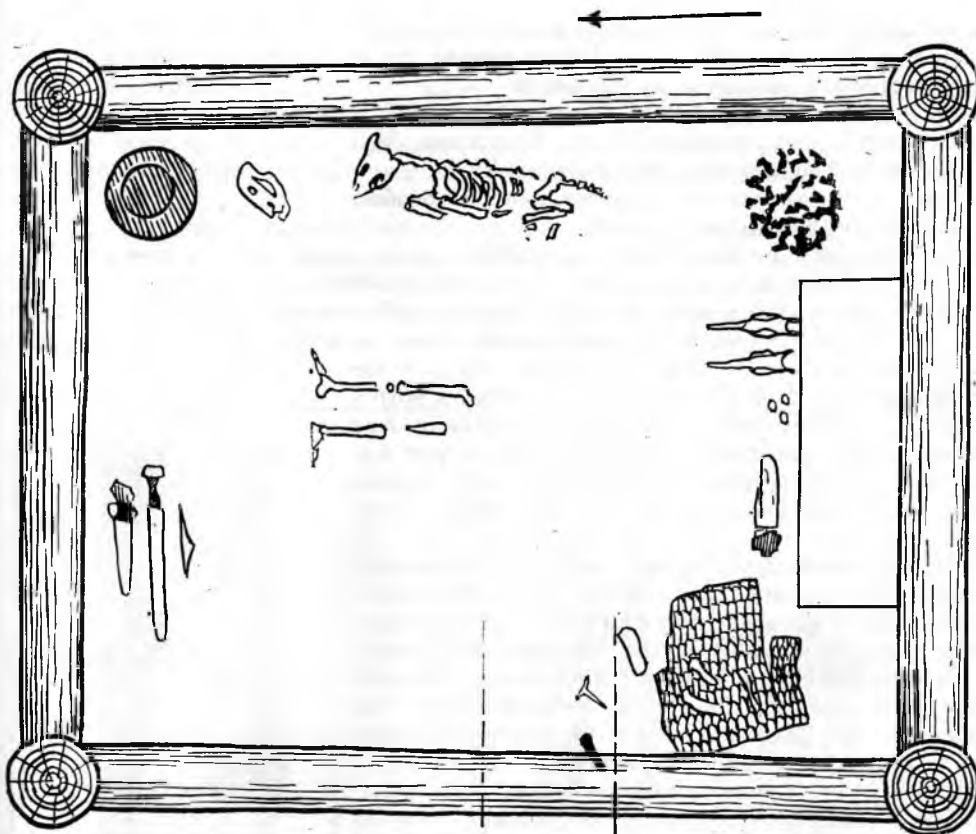
Погребальный инвентарь дополняют лещные сосуды с напугтенной пищей, бронзовые котлы, металлические чаши античной работы, амфоры и чернолаковые сосуды.

Жертвоприношения коней и сопровождающие захоронения «слуг» и «рабов» в посульских курганах отсутствуют. Примечательно также полное отсутствие захоронений детей в курганах.

Большое распространение получил обычай посыпки дна могилы известью, красной краской или золой. Значительную роль в погребальном обряде играла тризна, следы которой наблюдались при раскопках многих курганов. Обычно остатки тризны встречались в виде кострища, размещавшегося либо непосредственно на деревянном накате над могилкой, либо несколько выше, на специально устроенной для этого глинобитной площадке толщиной до 20 см. В кострищах обнаружены обломки сосудов и сожженные кости животных. Особенно отчетливо этот обряд прослежен в курганах у хут. Поповка. Тризна, по-видимому, совершалась дважды: первый раз после совершения похорон над перекрытием могилы, второй

План погребения в гробнице кургана Старшая Могила (Сула).

раз в ходе строительства насыпи, о чем свидетельствуют следы кострищ, находки керамики и костей животных.

Курганы VI в. до н. э. содержат, как правило, одну основную гробницу. В курганах V и IV вв. до н. э. известны впускные захоронения в деревянных склепах, по устройству и обряду аналогичные основным.

Погребения с трупосожжениями или сожжением склепа крайне редки, причем этот обряд появляется только в позднее время и не характерен для ранних погребений VI—V вв. до н. э. Ничего не известно относительно рвов, окружавших могилы, хотя вокруг больших курганов и курганов, находящихся в лесу, на поверхности отчетливо заметны следы рвов [Иллінська, 1962а, с. 52; Ильинская, 1968, с. 81—85].

Интересную картину дает рассмотрение курганов по хронологическим группам. Захоронений жаботинского времени (VII в. до н. э.) здесь не обнаружено. Подавляющая масса курганов (80 из 120) относится к VI в. до н. э. Памятники V в. до н. э. составляют около четверти (31 курган) из общего числа. Курганы IV в. до н. э. немногочисленны: всего 9; однако среди них имеются несколько погребений, выдающихся по своему значению и богатству. Установлено, что курганные поля на Суле возникают без связи с традициями предшествующего времени и основным периодом их сооружения является VI и отчасти V в. до н. э.

Представляется, что картина погребального обряда посульских курганов выяснена далеко не полностью. Достаточно сказать, что ни один из курганов не был раскопан полностью, а копались только центральные ямы или тупые траншеи с выемкой центральной части грунта.

Если рассмотреть курганы по составу погребенных лиц, руководствуясь наличием в могилах предметов мужского, женского или смешанного инвентаря, то оказывается, что для VI в. до н. э. 66 погребений мо-

гут быть определены как мужские, из них 17 сопровождалась женскими и лишь три (курган № 5 у хут. Поповка, № 2 у с. Герасимовки, № 54 у с. Ярмолинцы) содержали основные женские захоронения.

В курганах V—IV вв. до н. э. 30 погребений мужских (из них 8 в сопровождении женщины) и лишь 4 в курганах № 1 у с. Волковцы, № 6 и 488 у с. Басовки и у с. Будки, заключали женские погребения.

Такой состав погребенных дает отчетливое представление об особом воинском, дружинном характере посульских некрополей.

Рассмотрим наиболее выдающиеся из посульских курганов.

Курганы VI в. до н. э. Первым в этой серии, безусловно, следует назвать Старшую Могилу, курган № 1 в уроч. Стайкин Верх у с. Актютинцы [Ильинская, 1968, с. 24—26] — один из наибольших, если не самый большой, курган Посулья. Высота его достигала 20 м. Курган вокруг основания обведен рвом и валом. В центральной части насыпи встречались черепки лепной посуды, кости быка и барана. Могильная яма (ориентировка по линии север — юг, размеры 8,5×5,7×4,25 м) сверху была перекрыта накатом из двух рядов дубовых бревен; верхний — вдоль, нижний — поперек могилы. Над накатом найдены два бронзовых однострунных жертвенных ножа.

В яме находилась гробница в виде сруба между четырьмя угловыми столбами. Вдоль южной стороны размещалась материковая ступенька. Посередине гробницы лежал скелет взрослого мужчины, от которого сохранились кости ног. Скелет разрушен грабителями. Погребенный лежал вытянуто, головой на юг. При нем найдены акинак с бронзовым наконечником ножен, украшенным изображением пантеры, и охотничий нож. У северной стены склепа лежал меч (длина 75 см) с перекрестьем и навершием архаического типа; горит со следами окраски и с костяной застежкой, в котором находились 149 бронзовых наконечников стрел архаических типов, 40 железных и 20 костяных. В состав вооружения входили положенные в юго-западном углу два клиновидных боевых топора, четыре наконечника копий и панцирь из железных и бронзовых пластин. В юго-восточном углу обнаружены части 16 уздечек в виде трех бронзовых удил со стремечковидными петлями, 13 железных удил, пара железных стержневидных псалий с тремя петлями, бронзовые псалии с тремя отверстиями, головкой барана и копытцем, 13 пар костяных псалий с головками коня, барана и грифобарана. В состав предметов конской упряжи входили 30 костяных пряжек-пронизей, 8 бронзовых с изображением фигурки коня с поджатыми ногами и повернутой назад мордой, четыре бляхи в виде головки барана.

Возле ступеньки с южной стороны лежали два бронзовых грушевидных прорезных навершия, увенчанные головками быков; прорезные бубенцы насажены на железные стержни, от которых на расстоянии 1,5 м тянулся тлен от древков. В северо-восточном углу стоял большой сосуд, по-видимому, амфора. У восточной стенки лежали скелет теленка с ножом между ребрами и череп свиньи. В грабительском подкопе найдены плоское тесло с боковыми выступами, железный «гвоздь» (по-видимому, булавка). Очевидно, грабителями были сняты золотые украшения личного убора. Захоронение относится ко второй четверти VI в. до н. э. [Самовасов, 1908, с. 95—99; Ильинская, 1968, с. 24—26].

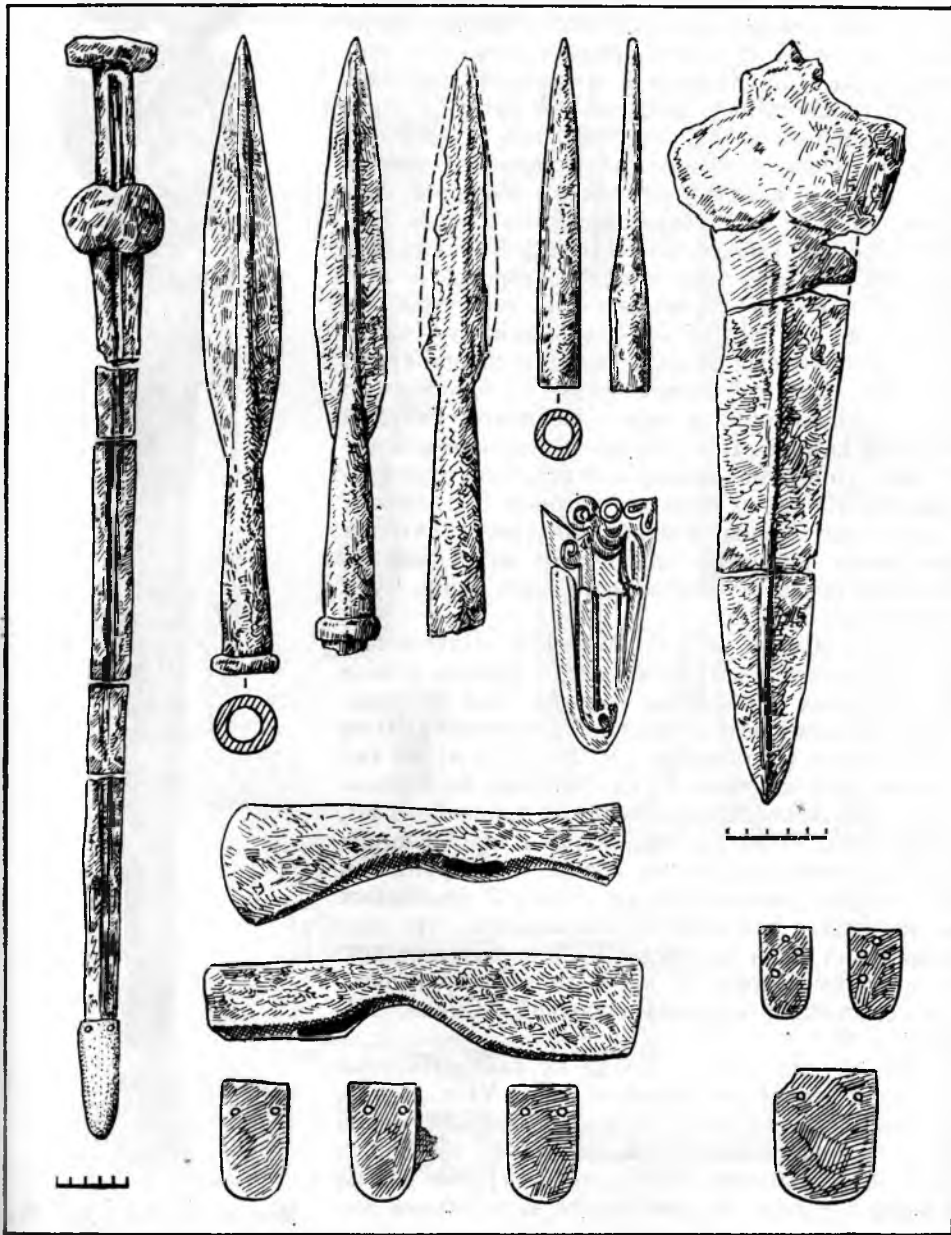
Загадку Старшей Могилы составляет группа вещей, относящихся к V в. до н. э. Это массивный бронзовый налобник с изображением головы ушастого грифона, пять бронзовых граненых ворварок, остатки колчана или горита с бронзовой застежкой и 96 наконечниками стрел, датруемых не ранее середины V в. до н. э. Отнести эти предметы к основному архаическому комплексу не представляется возможным. Очевидно, эти вещи попали сюда случайно из какого-то более позднего захоронения.

В кургане № 2 у с. Волковцы (раскопки Мазараки 1866 г.) [Ильинская, 1968, с. 45], высотой 3,8 м, в ограбленной могиле сохранились остат-

ки инвентарей мужского и женского захоронений. К первому относятся части четырех уздечек: удила и четыре пары костяных псалий, пара с головками грифобарана, три — с головками коней, выполненными в той же манере, что и на псалиях Старшей Могилы, — с широкими тупыми мордами и торчащими вперед ушами. Кроме того, найдены костяные пряжки-пронизи, четыре из которых изготовлены из просверленных кабаньих клыков.

К предметам женского инвентаря относятся: бронзовый браслет, комок красной краски, просверленная раковина, рассыпанное ожерелье из пастового бисера, биконических бусин из золотисто-зеленого стекла и пастовых рубчатых розеток. Из могилы происходит глиняный горшок с округлым корнусом, на котором расположены четыре пары шишечек.

*Предметы из погребения
кургана Старшая Могила.*

В Киевском историческом музее хранятся наборы от 14 конских уздечек из кургана № 2 у с. Аксютинцы [Ильинская, 1968, с. 38], состоящих из 13 пар костяных псалий с изображением головок грифона, барана, коня и конского копыта, пары железных псалий с головкой барана и 38 бронзовых крестовидных блях.

Курган № 1 у с. Герасимовка [Самоквасов, 1908, с. 111—112; Ильинская, 1968, с. 53] имел высоту 4,2 м и был окружен рвом. В могильной яме (ориентированной по линии север — юг, размерами 4,2×2,8×2,8 м) помещался деревянный сруб с семью столбами и перекрытием. Над накатом по краям ямы обнаружены следы тризны в виде углей, обломков сосудов и костей животных. Судя по остаткам вещей, погребение было парным. В гробнице найдены обломки копья, железные удила, из которых одни со стремечковидными петлями, железный и костяной псалии, бронзовые и серебряные крестовидные бляхи, обломок бляхи с орлиной головкой. На блюде из песчаника лежало ожерелье из пастового бисера, крупных пастовых бус и бронзовых пронизей. В состав предметов туалета входили три серебряных и одна бронзовая булавы с маленькой шляпкой и рубчиками на стержне, браслет, зеркало с центральной ручкой, украшенной изображением фигурки горного козла, золотая бляха в виде четырехлепестковой розетки, кусок серы и краски. Из предметов утвари отсюда происходят глубокий черпак с высокой ручкой и небольшой горшочек в виде баночки. Тут же найдены кости барана, свиньи и нож.

В кургане у с. Луки [Ильинская, 1968, с. 55—56] под Лубнами высотой 2,5 м в насыпи встречены следы тризны в виде обгорелой земли, углей, обломков посуды. Могильная яма (ориентирована по линии север—юг, размерами 4,5×3,9×2 м) ограблена. Здесь найдены части меча, наконечник копья, два клиновидных топора, остатки колчана или горита с костяными гвоздиками, палочкой-застежкой и 21 бронзовыми трехлопастными и 6 костяными наконечниками стрел; железные чешуйки от панциря, оселок, 15 пращевых камней. К числу предметов конской упряжи принадлежат железные удила со стремечковидными петлями, стержневидные псалии, 11 бронзовых крестовидных блях, из которых 3 с двойной орлиной головкой, бляхи в виде треугольных щитков. Интересна находка двух лепных горшков с выпуклым корпусом, пальцевыми отпечатками по краю и проколами под венчиком, кости от жертвенного мяса быка. Судя по инвентарю, погребение одиночное мужское.

Курган № 8 у хут. Поповка [Смела, III, с. 169—170; Ильинская, 1968, с. 59] имел высоту 6,6 м; в насыпи встречены следы тризны в виде углей, обожженных костей животных и обломков сосудов. Над деревянным перекрытием могилы открыта глинобитная площадка толщиной 20 см со следами кострища. Могильная яма (размерами 5×2,8×2,1 м) по дну посыпана известью. Вдоль стен шла канавка от их обшивки вертикально стоящими плахами. Скелет умершего лежал вытянуто, головой на юг. Признаки ограбления не отмечены. В могиле найдены: 2 наконечника копий, боевой топор, тесло с боковыми выступами, колчан с 47 крупными двухлопастными и трехлопастными наконечниками стрел, 2 бронзовых удила со стремечковидными петлями и 8 железных. Характерно, что псалий при них не было. Очевидно, они были деревянными и не сохранились. Из принадлежностей упряжи найдены также 17 крестовидных бронзовых блях и 6 подобных им, но с двойной орлиной головкой. [Смела, III, с. 159—170; Ильинская, 1968, с. 59].

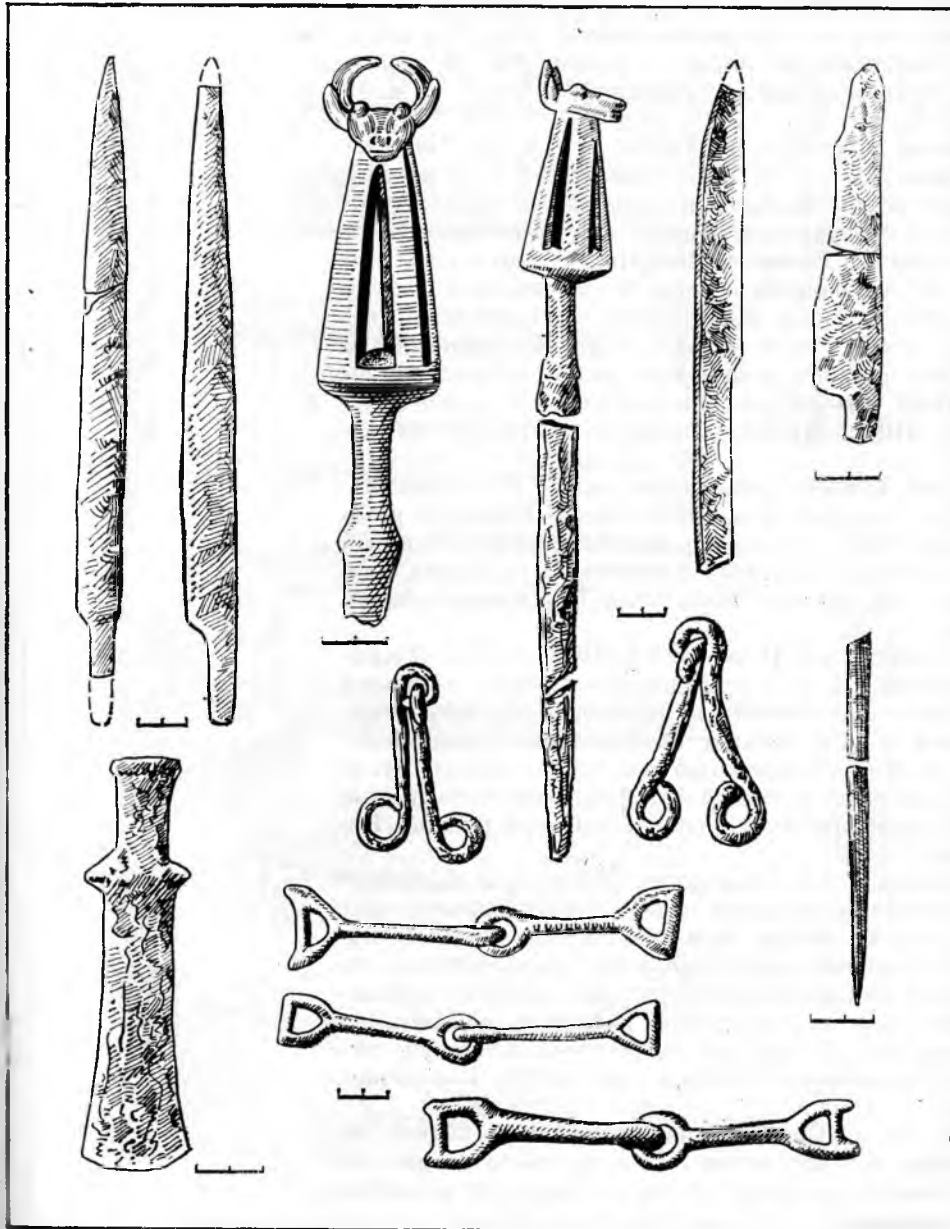
Курганы конца VI в. до н. э. Среди курганов Посулья отчетливо выделяются погребения второй половины — конца VI в. до н. э. В их числе наиболее замечательным является курган у хут. Шумейко против с. Волковцы. Высота его достигала 19 м, раскопан в 1889 г. С. А. Мазараки [ДП, III, с. 7—8; Ильинская, 1968, с. 43—44]. Насыпь по основанию была окружена рвом и валом. Во всей толще черноземной насыпи встречались угли, кости животных, обломки сосудов — следы триз-

Меч из кургана у хут. Шумейко (Сула).

ны. В большой могильной яме (размерами $6,4 \times 5 \times 3,5$ м) помещался деревянный склеп с вертикально обшитыми деревом стенками; нижние концы облицовки были спущены в канавки. Яму перекрывал накат из толстых бревен. Дно было посыпано известью и красной краской. Погребение ограблено. От скелета остались на месте кости таза и ног. Справа от таза лежал меч с рукояткой и ножнами в золотой оправе, украшенный в верхней части ножен фигурками горных козлов, лежавших спиной к спине, с подогнутыми ногами и повернутой назад головой. На ножнах нанесен вертикальный ряд фигурок «пантер», гладкий нижний конец украшен по верхнему краю тремя рядами пирамидок зерна. Такими же пирамидками отделана средняя часть рукоятки меча. Художественный стиль фигурок животных, особенно «пантер», в сочетании с пирамидками зерна позволяет считать их ольвийского производства [Ильинская,

Предметы из кургана Старшая Могила.

1971а, с. 79—80]. Возле меча лежала массивная золотая бляха с изображением коня. В южной части могилы найдены два наконечника копий, что свидетельствует о южной ориентации погребенного, и три боевых топора. Из гробницы происходят также железный чешуйчатый панцирь, крупная литая бронзовая фигурка быка, обтянутая золотым листом. У восточной стены лежали 20 железных удил, при которых оказались 18 пар костяных псалий, в большинстве украшенные головками коней и конскими копытами. При одних удилах псалии были железными. У одной из уздечек сохранились части ременного оголовья, украшенного пряжками-пронизьями в виде когтей и головок орлов, головок коней, круглой бляхой, амфоровидными подвесками, нанизанными на ремень бронзовыми колечками. У этой уздечки псалии были бронзовыми с головками коней, единственные во всей серии с двумя отверстиями [Ильинська, 1961, с. 38; Ильинская, 1968, с. 104—105]. Из предметов утвари найдены чернолощенный сосуд в виде корчаги виллановского типа, украшенный двумя рядами поясков резного геометрического орнамента с белой инкрустацией и небольшими коническими налечами по поясу, а также дно от чернофигурного килика с изображением сатира, несущего лиру, конца VI в. до н. э. [Онайко, 1966, табл. V, 6].

К этой же поре относится погребение в кургане № 3 у хут. Поповка [Смела, II, с. 168; Ильинская, 1968, с. 157—158] высотой 5 м. В насыпи были остатки тризны в виде углей, черепков и костей животных. Над могилкой, на 50 см выше древней поверхности, обнаружена глинобитная площадка толщиной 20 см со следами большого кострища. В могильной яме (размерами 4,2×2,8×1,7 м) сохранились остатки деревянного склепа с перекрытием. Вдоль стен шла канавка. Погребение не потревожено. Скелет лежал головой на юг. Слева у бедра находился меч с сердцевидным перекрестием и сильно окислившимся навершием, рядом лежали клиновидный топор и штыковидный четырехгранный стержень; у правой руки на уровне груди лежали 210 костяных пластинок, составлявших покрытие щита.

В северо-восточном углу найден наконечник копья. В юго-восточном углу — глиняный сосуд с проколами под венчиком. В Киевском историческом музее из этого комплекса сохранились железный стержневидный псалий с тремя петлями и четыре железных навершия с овальным прорезным бубенцом и длинным стержнем с подвижным бронзовым кольцом для закрепления на древках.

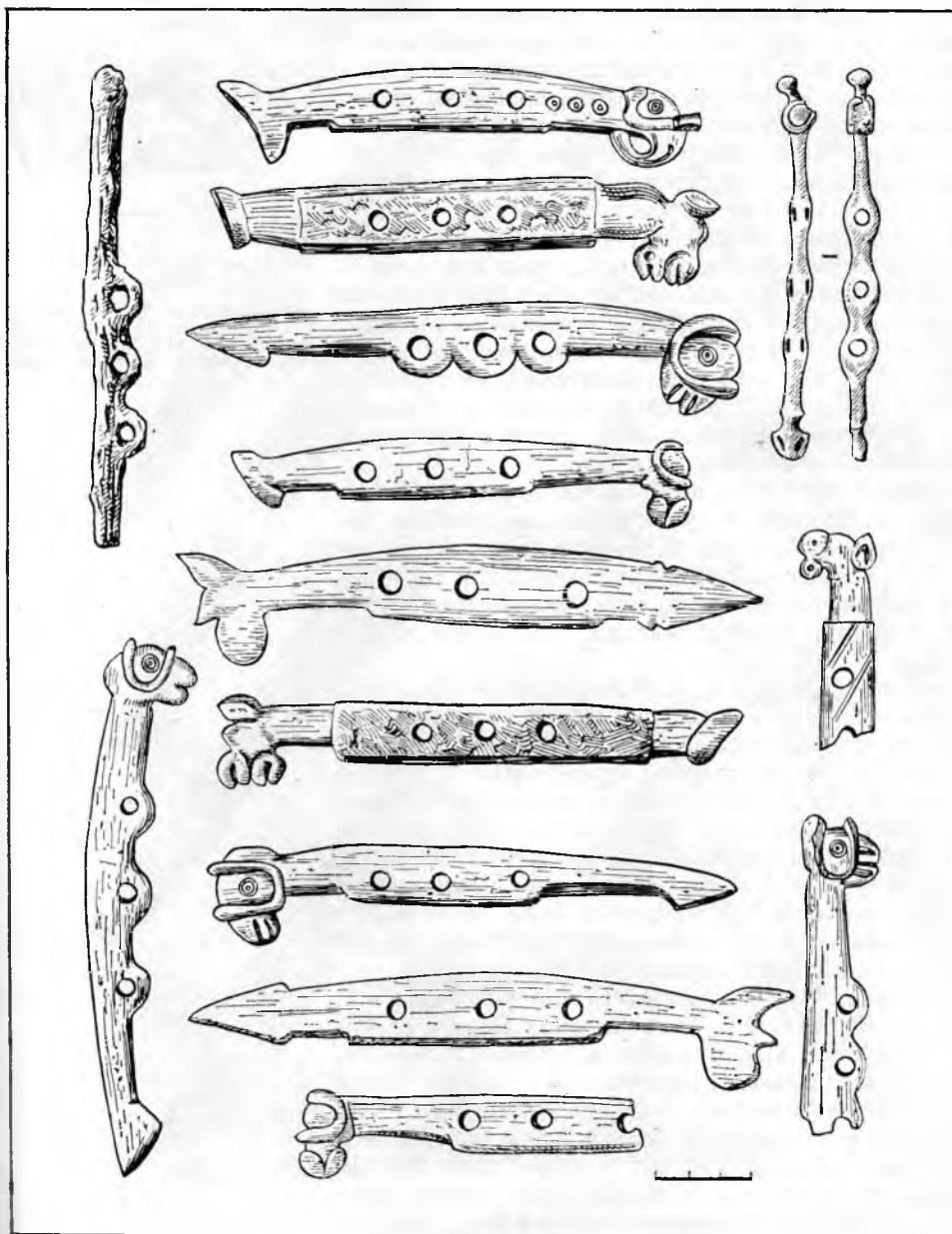
В кургане № 2 у с. Герасимовка [Самоковасов, 1908, с. 112; Ильинская, 1968, с. 53—54], высотой 1,4 м, в ограбленной могиле глубиной 2,1 м найдены предметы женского инвентаря: бронзовое зеркало с бортиком и центральной ручкой в виде петли и изображением орлиной головки, выгравированной на обороте; половина каменного блюда, кусок серы, железная булавка, бронзовое кольцо с четырьмя шишечками, три глиняных пряслица и глубокий лощеный черпак с высокой ручкой. Погребение, очевидно, женское.

В кургане № 2 уроч. Солодка у с. Аксютинцы (высота 4,2 м) зафиксирован сруб с четырьмя столбами по углам и деревянным перекрытием. В гробнице найдены: наконечник копья, стрелы позднеархаического типа, части двух уздечек с железными и костяными псалиями, подвески из когтей медведя. Из предметов женского инвентаря: два глиняных пряслица, бронзовый проволочный браслет, каменные, янтарные, глиняные и стеклянные бусы. Инвентарь погребения дополняли глиняный сосуд, кости барана и свиньи, нож [Самоковасов, 1908, с. 109—110; Ильинская, 1968, с. 32—33].

Курганы V в. до н. э. Сравнительно небольшое количество курганов этого века особенно интересно тем, что в их число входят несколько гробниц, давших отчетливое представление о характере и составе погребений описываемого периода.

Одним из наиболее ранних является курган № 2 у с. Волковцы [ДП, II, с. 7; Ильинская, 1968, с. 49] высотой 7,8 м, раскопанный С. А. Мазараки в 1897—1898 гг. Могильная яма (ориентированная по линии север—юг, размерами 3,5 × 2,8 × 2,1 м) содержала остатки дубового склепа. Посередине, головой на юг, лежал скелет мужчины, захоронение которого было потревожено грабителями, очевидно, снявшими украшения и нарушившими грудную клетку. Справа от таза лежали: длинный железный меч с навершием в виде волют, длинные железные пластины от обивки щита, остатки панциря, состоявшего из чешуйчатого нагрудника и наплечников, нашитых на кожаную основу, боевой пояс с бронзовым набором. Слева находился колчан или горит с бронзовыми и костяными наконечниками стрел, а выше, у плеча — костяной конец лука. У восточной

Псалы из кургана Старшая Могила.

стороны гробницы лежали два копыя и дротик, короткий кинжал с волютообразным навершием, три пращевых камня и несколько уздечек с железными и костяными псалями. При одной уздечке был бронзовый убор: псалии с птичьей лапой, нащечники в виде крыльев; крестовидный наносник, налобник с головой ушастого зверя, бляхи в виде розеток, «медвежьей лапы», свернувшегося зверя, орлиных головок, «висячие замочки», пряжки-пронизи, ворварки. В северо-западном углу стояли амфора и четыре сосуда местной работы.

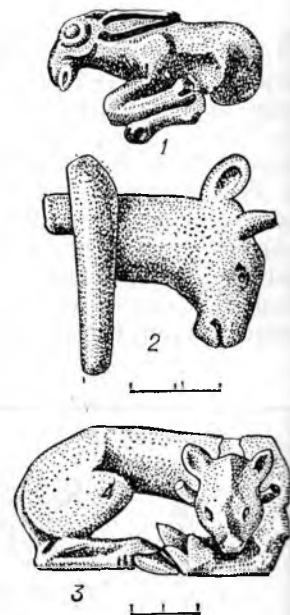
В кургане № 4 у с. Волковцы высотой 7,8 м находились несколько погребений [Линниченко, 1900; Ильинская, 1968, с. 52—53]. Особый интерес представляет погребение № 4, содержащее захоронение двух знатных женщин (начало V в. до н. э.). Склеп расположен частично в насыпи, частично в грунте (ориентирован по линии север—юг, размером 5 × 3,5 м). Дно могилы было покрыто речным илом. Над деревянным перекрытием прослежены следы костра. Умершие лежали вытянуто, головой на юг. При восточном скелете найдены: у головы — золотые серьги в виде опрокинутого конуса, на шее — ожерелье из крупных сердоликовых и пастовых бус, на руках — железные плакированные золотом браслеты, на ногах — массивные литые бронзовые рубчатые браслеты с головками ушастых животных на концах. Слева у таза лежало бронзовое зеркало с ручкой, украшенной фигуркой обнаженной Афродиты. У правой ноги стоял большой глиняный сосуд с двумя ручками (очевидно, амфора).

У скелета, лежавшего с западной стороны, обнаружены непарные золотые серьги, из которых одна в виде опрокинутого конуса, а другая — типа «калачика». На шее было надето золотое ожерелье из бус, подвесок и лунниц, на груди — несколько бляшек. На ногах — бронзовые браслеты, аналогичные описанным выше. Слева от груди стоял терракотовый сосуд. Между черепами скелетов лежала еще одна пара конусовидных сережек, а на уровне таза — несколько больших бронзовых гвоздевидных булавок и нож. Отсюда же происходят золотая биконическая серьга и бронзовая накладка в виде волоту с пальметой, очевидно, от зеркала.

У восточной стены найдены большая литой бронзовый конус с 26 дырочками по нижнему краю и 26 бронзовых колокольчиков. Здесь же лежали части двух конских уборов в виде двух длинных пластинчатых наносников, двух железных удил, бронзовых двухдырчатых псалий с фигурными концами — копыто у одного, птичья лапа, охватывающая орлиную голову, — у другого, бляхи в виде розеток, ворварки [Ильинская, 1954, с. 24; Ильинская, 1968, с. 77].

В кургане № 6 у с. Басовка (ДП, III, с. 8; Ильинская, 1968, с. 40), раскопанного С. А. Мазараки в 1899 г. (высота 5,6 м), в могильной яме (размерами 3,5 × 2,1 × 2,8 м) прослежены остатки деревянного склепа со столбами по углам и перекрытием из дубовых бревен. Дно окружено канавкой. В середине склепа вытянуто головой на юг лежал скелет женщины. У таза найдено бронзовое зеркало с железной ручкой, верхний конец которой украшен бронзовой накладкой в виде ионийской капители, а нижний — волютообразно загнутыми головками грифонов. Рядом лежал нож. В северо-восточном углу стояла протофасосская амфора VI—V вв. до н. э.; у восточной стенки находились три лепные миски, в одной из которых лежали бусы из сердолика, янтаря и горного хрусталя.

Одним из наиболее замечательных памятников первой половины V в. до н. э. является погребение в кургане № 3 уроч. Стайки Верх у с. Аксютинцы, [Самоковасов, 1908, с. 102—104; Ильинская, 1968, с. 28—29]. Высота кургана 5,7 м. Гробница впускная, сооруженная в насыпи более раннего скифского кургана на уровне погребенного чернозема. Здесь был сооружен деревянный склеп (ориентирован по линии север—юг, размер 4,4 × 2,8, высота 2,5 м), в котором содержалось парное захоронение. Мужчина лежал в восточной, женщина — в западной части склепа головами на юг. На мужчине были надеты панцирная рубаха с нарукавника-

Предметы из кургана у ур. Шумейко:

1 — бронзовая позолоченная фигурка лошади; 2 — золотая фигурка коня (?); 3 — бронзовая позолоченная фигурка быка.

ми и обшитые железными чешуйками штаны. Справа от черепа лежала золотая трубочка со сканным орнаментом. У плеча — два узколистных наконечника копий, ниже — остатки деревянного колчана или горита, в котором было около 100 трехлопастных удлинненно-вытянутых наконечников стрел. Справа у ноги лежал меч с ажурным навершием в виде когтевидных волют, боевой топор, четырехгранный штыковидный наконечник и нож. Из предметов конской узда в могиле обнаружены большие железные удила, железные псалии S-овидной формы, заканчивающиеся у верхнего конца бронзовыми шариками, железные псалии с бронзовыми головками баранов, бляхи-розетки, граненые ворварки.

Костяные псалии из кургана у хут. Шумейко.

В череп женщины, как отметил Д. Я. Самоквасов, был вбит массивный железный «гвоздь», пронизавший его ото лба к затылку. Справа от черепа лежала золотая конусовидная серьга с зернью. Вокруг головы найдены золотые бляшки с изображением лежащего животного, очевидно, нашитые по краю покрывала; на груди — ожерелье из золотых бус, чередующихся с подвесками, и две массивные бронзовые булавки, на руках — браслеты-повязки из золотых бус с рубчиками, на ногах — массивные бронзовые браслеты. В ногах лежало бронзовое зеркало с головой Медузы Горгоны на конце ручки. Тут же находились кусочки белил, красной краски, серы, три глиняных пряслица, ожерелье из горного хрусталя, сердолика, янтаря, камня и пасты. Кроме того, в гробнице найдены: маленький глиняный сосуд с ушком, амфора, часть туши коня и нож.

Предметы конской узды из кургана № 2 у с. Волковцы (раскопки Мазараки 1897 г.). Сула.

Ненарушенным оказалось впускное погребение в кургане № 2 у с. Аксютинцы высотой 10 м, раскопанное С. А. Мазараки в 1883—1885 гг. [Смеля, II, с. 162; Ильинская, 1968, с. 34—35], относящееся ко второй половине V в. до н. э. Гробница вшита через насыпь на 1 м ниже древней дневной поверхности. В яме (размером 8,5 × 4,2 м) сооружен склеп с четырьмя рядами столбов, по четыре в каждом. Вдоль стен шла канавка. Погребенный лежал головой на юг. На нем был надет железный панцирь, на шее — золотая гладкая гривна. У левого плеча находились остатки двух кожаных колчанов, в которых было 400 наконечников стрел. Справа у головы лежали пять наконечников копий и дротик. У пояса — меч с веерообразной, обложенной золотом рукоятью и треугольным перекрестием, а рядом — колчан или горит со стрелами, покрытый боль-

Бронзовые предметы конской упряжи из кургана № 4 у с. Волковцы (раскопки Линиченко). Сула.

шой золотой пластиной с изображением лежащего оленя. В юго-восточном углу гробницы найдено конское снаряжение: трое железных удил с бронзовыми фигурными псалиями, 18 разнообразных бронзовых блях, в числе которых бляхи-розетки, две бляхи в виде кисти человеческой руки, две — фантастических животных, три конских налобника с головками животных и бронзовая пряжка. Интересна находка литейной формы для отливки одного из налобников в виде головки петуха. В северо-западном углу могилы обнаружены бронзовый котел, остродонная амфора, где оказались 15 золотых бляшек в виде человеческого лица и небольшая золотая пластинка с изображением оленя, очевидно, служившая оковкой деревянного сосуда, 5 пращевых камней и маленький глиняный сосудик.

Курганы IV в. до н. э. Несмотря на малочисленность, к этой группе принадлежат несколько курганов, выделяющихся по своим размерам и богатству захоронения, часть из которых уцелела от разграбления. Среди них наиболее богатым является курган № 1 у с. Волковцы, раскопанный С. А. Мазараки в 1897—1898 гг. [ДП, II, с. 6—7; Смела, III, с. 84; Ильинская, 1968, с. 48—49]. Насыпь достигала 13,5 м высоты и была окружена рвом и валом. Погребение совершено в деревянном склепе и, очевидно, впущено в насыпь более раннего скифского кургана. Обшивкой стен служили вертикально стоящие толстые дубовые столбы, опущенные в канавку вдоль стен. Дно было обмазано глиной. Бревенчатый накат покрыт слоем речного ила толщиной до 1 м. Над этой площадкой имелись следы большого кострища.

Погребенный лежал посередине гробницы вытянуто, головой на юг. На его шее была надета золотая гривна с заходящими концами в виде птичьих головок, у левой ключицы — золотая орнаментированная пронизь, у правой руки — золотая витая лента от рукояти топора или нагайки, на уровне пояса — железный клевец. Слева у пояса находился кожаный колчан или горит, обшитый золотыми бляшками с 250 наконечниками стрел. В юго-восточном углу лежали 11 наконечников копий и дротиков и боевой топор. Возле них — четыре бронзовых наконечника с фигурками оленей и подвесными колокольчиками. У северной стены лежали бронзовый греческий шлем, нагрудник и боевой пояс. Тут же обнаружен панцирь из костяных пластин. У ног скелета найдена россыпь золотых бляшек, в том числе с изображением женщины в пышном варварском уборе.

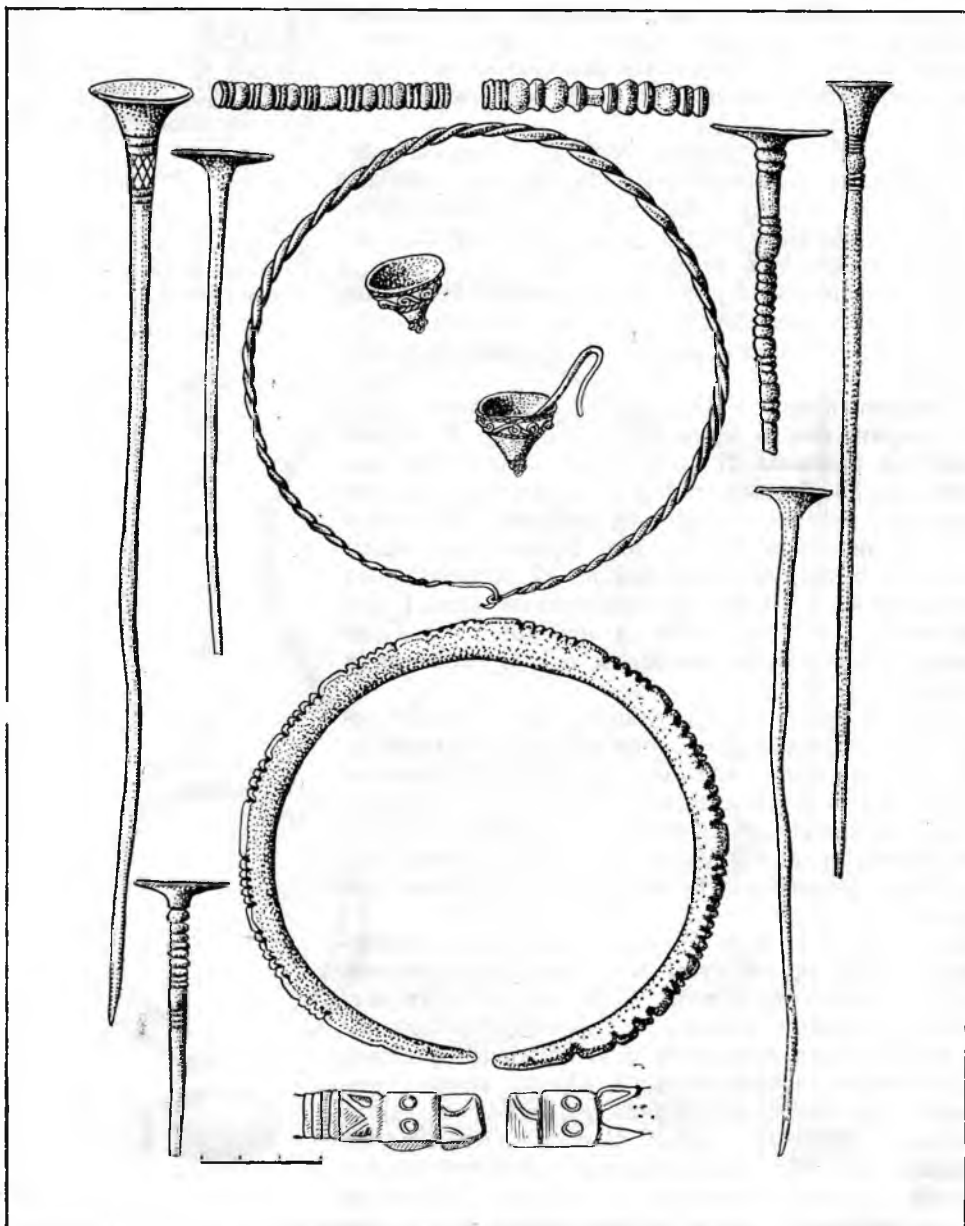
У восточной стены лежали остатки шести конских наборов. Один из них имел обложенный золотом наносник с изображением бородатой головы и трехглавой крылатой собаки (запасной наносник этого набора имел вид рыбы), обложенные золотом нащечники в виде крыльев и золотые пронизы. Другая уздечка, с хорошо сохранившимися ремнями, была убрана серебряным набором в виде пуговиц, блях и подвесок. Остальные уздечки имели бронзовые уборы. Псалии бронзовые, S-овидной формы с концом в виде удлиненного копытца. Из предметов утвари в могиле оказались серебряный кубок, бронзовый котел и чаша, амфора, канфар, терракотовое блюдечко и два лепных горшочка. Погребение, несомненно, принадлежит представителю знати весьма высокого ранга. Оно хорошо датируется находкой чернолаковой посуды второй половины IV в. до н. э. [Онайко, 1970, с. 113, № 689].

К этому же времени относится погребение богатой женщины в кургане у с. Будки, раскопанном С. А. Мазараки в 1897 г. [ДП, II, с. 7—8; Ильинская, 1968, с. 42]. В насыпи высотой 2,8 м обнаружено большое количество угля. Склеп оказался впущенным в насыпь на уровень погребенной почвы. Дно оковано канавкой. Стены обшиты дубовыми бревнами. Дерево склепа обуглено, следы огня наблюдались на костях и многих вещах. Скелет умершей лежал вытянуто, головой на юг. Возле черепа найдена золотая лента от головного убора, с изображением сцены

терзания грифонами оленя и две золотые серьги, на шее — надеты бусы, на левой руке — золотой перстень. У кисти правой руки лежали два бронзовых зеркала. Еще два зеркала и две большие гвоздевидные булавки находились справа у головы. В ногах были золотые бляшки, в том числе с изображением женской головки с пышной прической, с гривной и ожерельем. В юго-восточном углу лежала уздечка, а несколько ниже, у восточной стены — 26 бронзовых колокольчиков. У южной стенки стояли три греческих сосуда, серебряный круглотелый кубок, а у северной — греческие амфоры и девять лепных сосудов.

Не менее интересно погребение в кургане № 5 у с. Аксютинцы, раскопанном С. А. Мазараки в 1905 г. [Ильинская, 1968, с. 37—38]. Под насыпью высотой 5,8 м в яме обнаружены остатки примыкавших друг к другу разновременных склепов. Столбы в северном склепе вкопаны по

Бронзовые палочки застезки, булавки, ножной браслет, золотые серьги и гривна из погребений V в. до н. э. на Суле.

углам и по серединам сторон ($4,2 \times 3,5 \times 2,8$ м). В нем содержалось парное погребение мужчины (посередине) и женщины (у западной стены), положенных вытянуто, головой на юг. При мужском погребении найдены: на черепе — золотая повязка с овами и растительным орнаментом, у правого плеча — три золотые пластинки с фигурками львов и фантастических животных и две золотые гривны, ниже локтя правой руки — золотая спиральная лента, очевидно, от рукояти нагайки, у кисти правой руки — 15 золотых орнаментированных пронизей и 2 золотые треугольные пластины, выше пояса — 9 четырехугольных золотых блях с изображением скифа со скипетром-секирой в руке, составлявших, по-видимому, украшение пояса.

В женском захоронении найдены: у головы — золотые ленты с амфоровидными подвесками, два височных кольца, на шее — бусы из пасты и пять золотых, у плеча — две бронзовые булавки с гвоздевидными шляпками, зеркало и 24 бляшки в виде «бантиков», серебряное кольцо и браслет, на правой руке — широкий золотой браслет с рубчиком. В северо-западном углу лежали 16 бронзовых колокольчиков, пружинные очажные щипцы, кузнечные щипцы — орудия кузнечного ремесла.

Вдоль северной стелы стояли 8 греческих сосудов: амфора, два чернолаковых канфара, блюда, чернолаковая пелика, солонка, небольшой лекиф [Онайко, 1970, № 675, 686, 710, 713, 717, 733], а также бронзовый круглодонный котелок. Античные сосуды позволяют уверенно отнести погребение ко второй половине IV в. до н. э.

Таковы наиболее замечательные из посульских курганов VI—IV вв. до н. э. Формы вещей меняются в соответствии с изменениями скифской материальной культуры, но неизменными остаются погребальный ритуал и сооружения.

Мужские погребения сопровождаются большим количеством оружия, предметов конского снаряжения и культового обихода. В общей сложности в курганах Посулья найдены 27 мечей, 101 наконечник копий, 9 наконечников дротиков, 23 боевых топора, 13 охотничьих ножей. В 74 случаях сохранились остатки колчаных наборов; из защитных доспехов обнаружены 20 панцирей и 6 щитов. Кроме того, части не менее чем от 243 конских уздечек, 37 наверший из 17 погребальных комплексов, 5 топоришков-скипетров, 2 бронзовых жертвенных ножа. Благодаря обилию предметов конского снаряжения и наверший на Суле широко представлены изделия в скифском зверином стиле, особенно в резьбе по кости VI в. до н. э.

Что касается керамики, то в курганах Посулья известно до 150 сосудов, к сожалению, не всегда связанных с комплексами. Интересно, что в 80 курганах VI в. до н. э. найдено всего 46 сосудов, происходящих из 33 погребений. Среди них имеется всего четыре черпака, одна корчага типа виллановы, три миски, кружка с петельчатой ручкой. Остальные — горшки и горшочки обычного для памятников Посулья типа. Посуда, характерная для ранних погребений правобережно-ворсклинского типа, встречается единицами.

Среди сосудов из погребений известны горшки с выпуклым корпусом, суженной шейкой, пальцевым орнаментом по краю и проколами под ним и подобные им горшки без орнамента. Совершенно отсутствуют тюльпановидные и бочонковидные горшки с валиковым налепом под венчиком. Известны сосуды типа кувшинов с выпуклым корпусом, цилиндрической шейкой, отогнутым краем венчика. Среди мисок преобладают простейшие формы со стенками, поднимающимися от пояса вверх, с прямым или загнутым вовнутрь краем. В отдельных случаях они бывают орнаментированы наколами с выпуклинами. Известны кружки с петельчатыми ручками, горшки с носиком для слива. Большую серию составляют маленькие горшочки, среди которых могут быть выде-

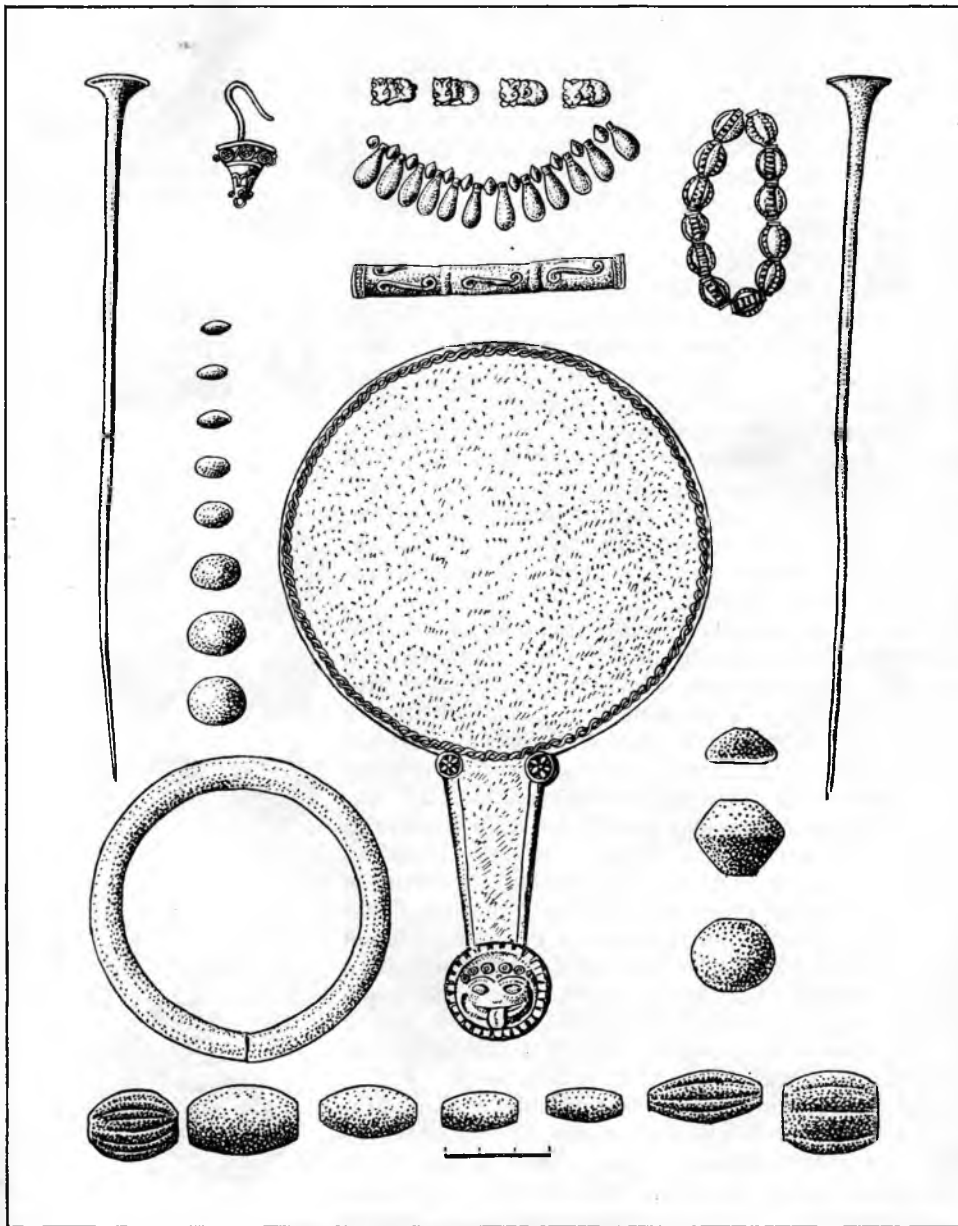

План впускного погребения из кургана № 3 в уроч. Стайкины Верх у с. Аксютинцы (Сула).

лены сосуды удлиненных пропорций и более широкие, с корпусом, расширяющимся у пояса, с суженной шейкой и мягким отгибом венчика. Встречаются горшочки с угловатыми очертаниями корпуса, с суженной шейкой и округлым раздутым корпусом, с цилиндрическим венчиком и различные варианты горшочков баночновидных форм. Большинство сосудов не орнаментированы, лишь некоторые украшены по краю ямками или насечками, изредка проколами.

Иногда встречаются миниатюрные мисочки. Чаще всего они воспроизводят форму обычных столовых мисок; иногда сосуды этого рода напоминают низкие баночновидные горшочки. Известны мисочки на высокой вазообразной ножке. Описанные варианты посуды бытуют без особых изменений от VI до IV в. до н. э. включительно. Особенностью керамики Посулья является примесь крупных зерен шамота в глине, от-

Бронзовое зеркало, бронзовые украшения и бусы из кургана № 3 в уроч. Стайкин Верх у с. Аксютинцы.

чего поверхность сосудов бывает бугристая или шероховатая [Ильинская, 1954, с. 168; Ильинская, 1968, с. 166].

В целом по количеству оружия, предметов конской упряжки, вещей, орнаментированных в зверином стиле, предметов скифского культа, сравнительной малочисленности, устойчивости форм и составу керамики посульские курганы являются наиболее скифскими среди всех остальных групп времени скифской архаики.

Городища и поселения. Городища, известные на Суле, принадлежат к типу мысовых. Они расположены на огражденных ярами и балками участках плато и дополнительно укреплены по краю и склонам системой рвов и валов. Вход в городище нередко укреплялся предградьями. Размеры городищ сравнительно небольшие. Наиболее южное из них расположено у с. Малый Вязивок [Ляпушкин, 1961, с. 86] при впадении в Сулу р. Слепорода на мысе, окруженном балками. Из группы городищ Лубенского узла при впадении р. Удая городище у с. Хитцы представляет небольшое (200 м в поперечнике) укрепление, обнесенное вкруговую валом и рвом [Ильинская, 1949, с. 146—147]. Сухоносское городище [Ильинская, 1949, с. 146; Ляпушкин, 1961, с. 136], занимающее площадь около 12 га, расположено на мысу третьей террасы левого берега р. Удая. Со всех сторон оно укреплено валом и рвом. Площадь городища разделена на северную (меньшую) и южную (большую) части двумя линиями мощных валов. Въезд в городище находился с юго-западной стороны и укреплен дополнительным валом.

Клепачевское городище [Ильинская, 1949, с. 142; Ляпушкин, 1961, с. 76] расположено на мысе между балками. Площадь около 7 га вкруговую обнесена валом. Въезд в городище находился в юго-западном углу и дополнительно укреплен валом. В Свиридовском городище [Ильинская, 1949, с. 146; Ляпушкин, 1961, с. 132], открытом в окрестностях г. Лохвица, обнаружены культурные остатки скифского и древнерусского времен. Площадь около 5 га. Расположено оно на мысе правого берега р. Сулы и впадающих в нее балок. Северный конец представляет узкий выступ, огражденный валом. Глинское городище [Ильинская, 1949, с. 145; Ляпушкин, 1961, с. 64—65] у г. Глинск, ниже г. Ромны, площадью 10 га, занимает невысокую площадку коренного берега над долиной р. Локни. Вокруг оно обнесено валом. Оборонительные сооружения с северной стороны над рекой разрушены размывами и осыпью.

Городище у с. Басовка является наибольшим из числа городищ Посулья. Оно может быть выделено как главный центр племенной округи и сосредоточения хозяйственной, политической и культурной жизни данного региона. Городище расположено в верховьях яров, впадающих с левой стороны в р. Хмелевку, правобережный приток Сулы. В систему городища входят три окруженных ярами мыса плато, два внутренних яра с источниками воды и напольный участок площадью $1,8 \times 0,5$ км. Жилыми участками служили два западных мыса — площадки Башта и Аршавское, и южный конец восточного мыса — уроч. Малый Городок. Последний играл значительную роль в обороне, закрывая подступы к городищу с южной стороны. Наиболее укрепленной была самая большая площадка, известная под названием Башта, крутые склоны которой с северо-западной и южной сторон обведены двойным рядом валов и рвов. Третий ряд, ныне почти незаметный, проходил по верхнему краю площадки городища. Примыкающая с северо-востока, обнесенная валом напольная часть была не заселена и, очевидно, служила загонem для скота. Жилая площадь городища не превышала 12 га.

Раскопки на Басовском городище производились в 1906 г. Н. Е. Макаренко [ИАК, 1907, с. 77], в 1947, 1957, 1959 гг. экспедициями Института археологии АН УССР под руководством автора [Ильинская, 1952; Ильинская, 1965а, с. 48]. В ходе работ удалось проследить некоторые особенности сооружения укреплений. Для строительства вала землю

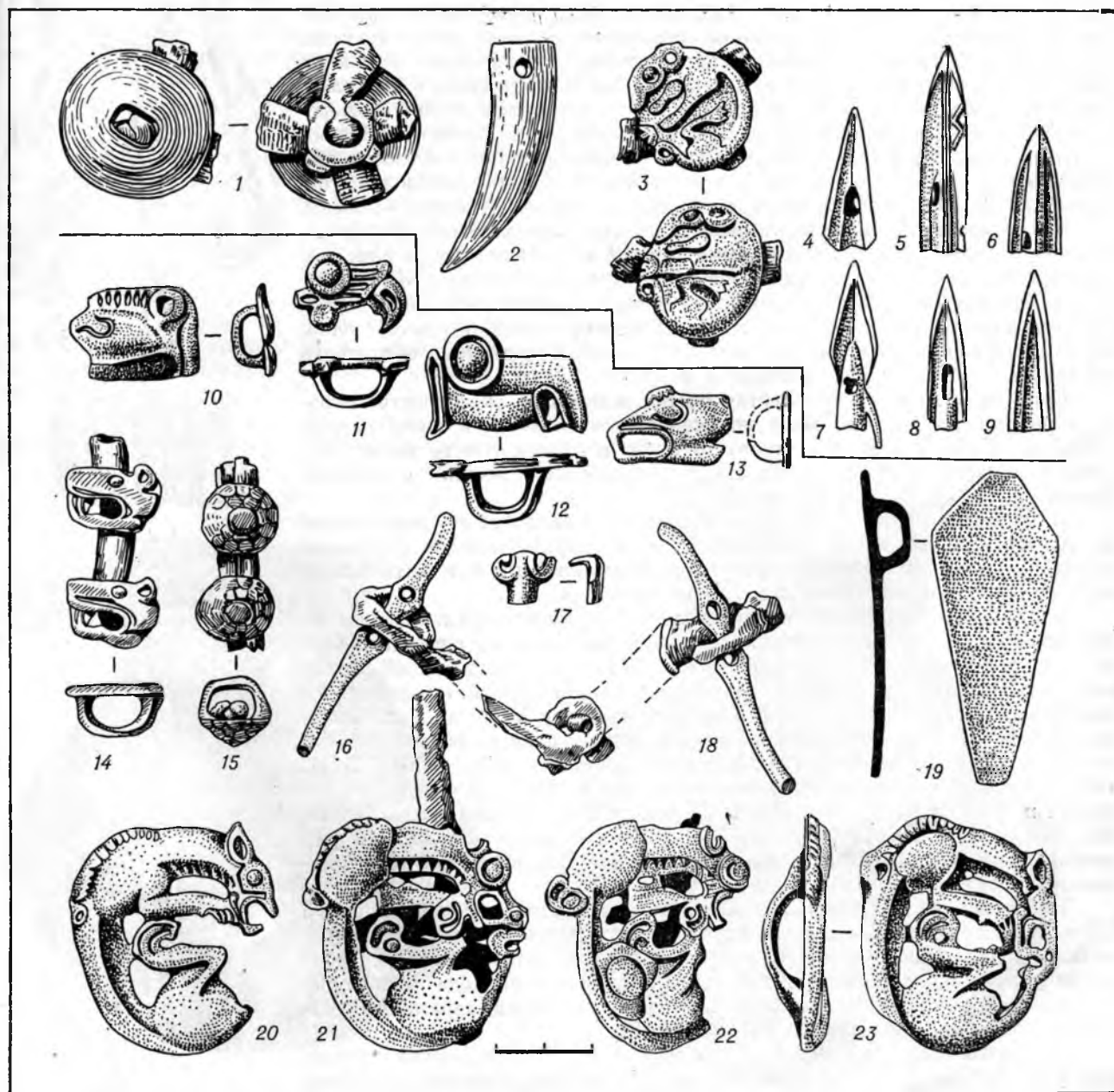
Бронзовый топорик-скипетр из Аксютинских курганов (Сула).

брали со стороны площадки городища, в результате чего вдоль внутренней стороны вала образовались ложбинки и западины, заполнившиеся впоследствии культурными отложениями.

Основным типом жилищ являлись наземные столбовые постройки с глинобитными полами и печами с купольным сводом на каркасной основе и глинобитным подом. Встречаются также круглые в плане юртообразные сооружения с углубленным полом, центральным опорным столбом и плетеными стенами, обмазанными глиной. Многочисленны зерновые и хозяйственные ямы. Нижний горизонт культурного слоя относится к VI в. до н. э., второй и третий — к V—IV вв до н. э. Верхний горизонт содержит культурные остатки III—II вв. до н. э. Уточне-

*Предметы конской узда и
наконечники стрел из кур-
ганов у с. Басовка:
1—9 — курган № 482; 10—23 —
курган № 499.*

ние одновременных комплексов позволило определить состав керамики различных периодов существования городища. Она характеризуется удивительной стойкостью и единообразием основных форм и мотивов орнамента. Основным типом для всех культурных горизонтов являются лепные горшки из глины с примесью шамота, с высоким днищем, нередко выступающей закраиной, округло выпуклым корпусом, суженной шейкой и мягко отогнутым венчиком. Варианты формы зависят от большей или меньшей высоты максимального расширения корпуса, степени сужения шейки и отгиба венчика. Орнамент состоит из пальцевых ямок, реже — насечек по наружному обрезу венчика, сквозных проколов под краем, вышпеченных обычно изнутри, нередко из наколов с выпуклинами. В единичных случаях, особенно в ранних слоях, встречаются обломки горшков, у которых край венчика как бы утолщен узким валиковым налепом с защипами. Иногда такой валик помещен на плечике сосуда. Обычны миски на высоком поддоне с прямыми или загнутым внутрь краем. Это единственный вид посуды, для которой постоянно применялось лощение. Довольно часто встречаются кувшины с округлым корпусом, высокой цилиндрической шейкой и отогнутым в виде козырька венчиком. Иногда к корпусу крепились широкие ленточные ручки с продольными желобками. Встречаются также горшочки с носиком для слива и кружки с петельчатыми ручками. Весьма обычны небольшие горшочки и мисочки, воспроизводящие формы обычной кухонной посуды.

Остальной инвентарь не отличается от обычных находок на поселениях скифского типа. Это отдельные предметы вооружения и конского снаряжения, стрелы, панцирные чешуйки, уздечные пряжки, бусы, колечки; орудия земледельческого труда — серпы, терочки, зернотерки; бытовой инвентарь — пряслица, шила, ножи, проколки и прочие вещи, характеризующие оседлый земледельческо-пастушеский быт обитателей городища.

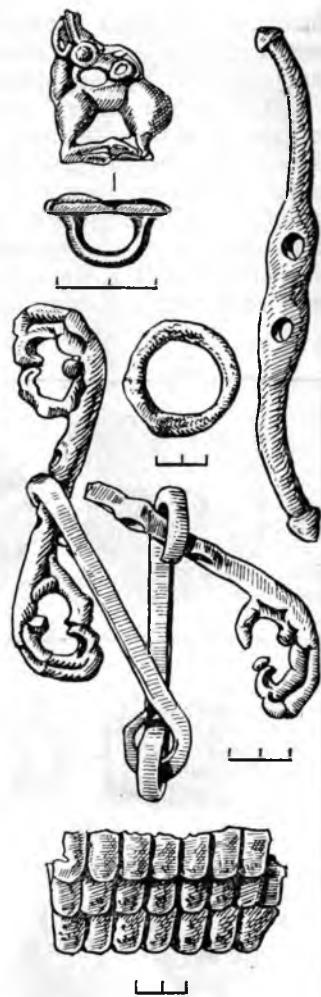
Судя по обильному количеству костей животных, скотоводство играло первостепенную роль. Мясо лошадей использовалось в пище наряду с мясом крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Кости диких животных свидетельствуют об обилии и разнообразии лесной и полевой фауны.

К наиболее ранней находке на городище принадлежат переданные Б. А. Шрамко во время разведки 1967 г. двухкольчатые бронзовые удила с подвесками. Однако культурного слоя, который мог быть связан по времени с этой находкой, здесь не обнаружено.

К VI в. до н. э. относится бронзовая крестовидная булавка с двойной орлиной головкой, интересная тем, что имеет следы литейного брака; к этой же поре относится бронзовая булавка с гвоздевидной головкой и рубчиками на стержне. Наиболее ранние предметы античного импорта на Басовском городище относятся к концу VI в. до н. э. Среди них одиночные обломки хиосских амфор, доньшко коринфского лекифа, два обломка стенок чернофигурных сосудов [Онайко, 1966, № 64, 72, 91, 140, 156, 181]. Очевидно, городище возникло в VI в. до н. э. Расцвет жизни приходится на V и особенно IV вв. до н. э. [Онайко, 1970, № 549, 557, 559, 575, 582, 596, 604, 649, 685]. К этому времени относится ряд жилых комплексов, хозяйственных ям, фрагменты амфорной и чернолаковой керамики.

Непрерывное существование Басовского городища продолжается до III—II вв. до н. э. В его верхних слоях встречаются обломки позднеэллинистической керамики, ранние типы среднелатенских фибул, бронзовые украшения среднелатенского типа. Для этого периода характерно проникновение в позднескифскую культуру элементов керамики зарубищенского типа [Ильинская, 1961б, с. 52—75].

Открытые разведкой Ф. Б. Копылова и И. И. Ляпушкина поселения у г. Лубны, у сел Литвяки, Березотча, Засулье, Солонец являются,

Части конской узда и фрагменты железного панциря из кургана № 484 у с. Плавинищи (Сула).

как отмечено авторами, только следами поселений с незначительным подъемным материалом. То же можно сказать о ряде пунктов вверх по Суле у сел Герасимовка, Недригайловка, Кулешовка и некоторых других, зарегистрированных нами и разведкой Б. А. Шрамко [Шрамко, 1968, с. 210].

Это в совокупности создает впечатление о существовавшем значительном разрыве между количеством и значением городищ и поселений по сравнению с грандиозными курганными некрополями на Суле.

ПСЕЛ

Реки Псел и Хорол являются следующими за Сулой к юго-востоку притоками Днепра в Лесостепном Левобережье. В настоящее время характер скифской культуры в бассейне Псла хорошо выяснен, хотя количество научно исследованных памятников здесь сравнительно невелико.

В 1902 г. Н. Е. Бранденбург при участии В. В. Хвойки и С. А. Мазараки раскопали курганный могильник у с. Броварки в окрестностях Гадяча [ЖРБ, с. 160—161; Ильинская, 1957, с. 232; Галанина, 1977, с. 50—55]. Несколько курганов исследовано В. В. Хвойкой. Найденные им материалы в курганах у сел Броварки и Гавриловка хранятся в Киевском историческом музее. В 1948 г. территория по течению Псла исследована экспедицией И. И. Ляпушкина, определившего культурную принадлежность ряда памятников [Ляпушкин, 1961]. В 1954 г. нами были произведены раскопки на Кнышевском городище и раскопано несколько курганов у с. Дудчанцы [Ильинская, 1957, с. 232]. В 1966 г. нами же произведена разведка на Псле от с. Великие Сорочинцы до с. Мирополья, во время которой было обнаружено ряд поселений скифского времени, размещавшихся на возвышенных участках плато и в припойменных низинах.

Скифские памятники на Псле сосредоточены в среднем течении выше г. Гадяча. Здесь находится могильник у с. Броварки, по топогра-

Серебряные сосуды из сел Волковцы и Будки (Сула).

фии, количеству насыпей и их размерам не уступающий некрополям близ г. Ромны. По обряду погребения, вещевому составу курганы на Псле аналогичны памятникам Посулья. Могильные ямы расположены под курганом, имеют остатки деревянных перекрытий или сооружений в виде склепов. Могилы ориентированы с севера на юг, иногда с небольшим отклонением. В тех случаях, когда это удалось установить, погребенные имели южную ориентировку.

Во всех могилах найдены предметы, свидетельствующие о захоронении воинов-мужчин, иногда в сопровождении женщины. Наиболее раннее захоронение относится к концу VI в. до н. э. К их числу относится курган № 503 у с. Броварки [Ильинская, 1957, с. 235; Галанина, 1977, с. 52]. Из предметов мужского инвентаря в гробнице оказались: большой охотничий нож, костяной наконечник лука, железные удила с парой костяных псалий. К предметам женского погребения относятся бронзовое зеркало и каменное ладьевидное блюдо.

Концом VI — началом V вв. до н. э. датируется курган № 505 у с. Броварки [Ильинская, 1957, с. 238; Галанина, 1977, с. 54—55], очевидно, также содержащий парное захоронение. В нем найдены наконечники стрел позднеархаических типов, части четырех уздечек с псалиями, из которых три пары костяных с резьбой в зверином стиле с тремя отверстиями и одна пара железных S-овидных с двумя отверстиями; бронзовые бляшки в виде головы грифона и львиных головок в профиль, К числу предметов женского инвентаря относятся глиняное пряслице и большое зеркало с точечным орнаментом по краю и боковой ручкой.

Несколько более поздним временем может быть датирован курган № 502 [Ильинская, 1957, с. 238; Галанина, 1977, с. 52], где найдены два наконечника копий, части от трех уздечек с железными удилами и S-овидно изогнутыми псалиями с плоско расклепанными концами, бронзовые украшения узды в виде ромбовидных щитков, розеток, бляшек в виде орлиных головок, напоминающих подобного рода конские украшения из курганов № 425 у с. Кулешовка и № 499 у с. Басовка на Суле.

Из кургана у с. Гавриловка под Гадячем, раскопанного В. В. Хвойкой, происходит бронзовое зеркало ольвийской работы, ручка которого разделена на четыре медальона, в каждом из которых изображена «пантера» с опущенными лапами, а конец ручки оформлен в виде волют [Ильинская, 1971а, с. 80]. Зеркало может быть отнесено к началу V в. до н. э.

К концу V — началу IV вв. до н. э. следует отнести погребение в кургане № 504 у с. Броварки [Ильинская, 1957, с. 236; Галанина, 1977, с. 54], где найдены два меча. Один из них с бабочковидным перекрестием и овальным навершием; второй, более разрушенный, очевидно, был близок по форме. Здесь же обнаружены кончанный набор, содержащий 140 наконечников стрел, характерных для V—IV вв. до н. э., и обломки нескольких наконечников копий.

Глиняные сосуды из курганов Псла аналогичны происходящим из курганов Посулья. Здесь также был распространен обычай ставить с умершим небольшие горшочки и мисочки.

Кнышевское городище [Ильинская, 1957, с. 243] расположено в 2,5 км вверх по Псле у с. Кнышевка на плато у края поймы. В отличие от многих других оно не имеет естественных оборонительных рубежей и обнесено кольцевым валом и рвом. Южной стороной оно смыкает к крутому краю обрыва и частично обвалилось. С юго-восточной стороны имеется дополнительный вал, защищающий предградье. В обнажениях валов видны обожженная земля и обуглившиеся бревна от сгоревших оборонительных сооружений. Площадь городища не превышает 5 га. В средней части, ближе к восточному краю, размещался зольник, где и были сосредоточены раскопки.

Керамика с городища оказалась аналогичной керамике Басовского. Корпус горшков расширяется на середине высоты, днище высокое с закраинами. Горшки орнаментированы по краю пальцевыми ямками, реже — косыми насечками и проколами под венчиком, нанесенными изнутри. Встречаются неорнаментированные горшки. Примесь в тесте является шамот. Обычны обломки мисок. В отличие от посульских, лощение на них встречается редко, отсутствует орнамент в виде наколов. Распространенной формой являются кувшины с раздутым корпусом, высокой суженной шейкой и венчиком, отогнутым в виде козырька. Некоторые из них имели широкие ленточные ручки с продольными ребрами. Встречаются миниатюрные горшочки и мисочки. Из керамических поделок, так же как на Басовском городище, обычны конусы из сырой

Золотые предметы конской узды из кургана № 1 у с. Волковцы (раскопки Мазараки 1897 г.) (Сула).

глины, пряслица, интересна находка фрагмента глиняной статуэтки, вероятно, рог от фигурки быка. Так же как на Басовском городище, лепная керамика не делится на хронологические группы.

Среди амфорной керамики найдены обломки хиосских амфор рубежа VI—V вв. до н. э. [Онайко, 1966, № 95]. К ранней поре относится костяная пряжка-пропизь. Четыре найденных на городище наконечника стрел относятся к V—IV вв. до н. э. Этим же временем может датироваться и свинцовое пряслице. Следует отметить находку обломка края бронзового котла. Обычны гранитные зернотерки и терочники, костяные шилья, костяные рукояти и клинки ножей, оселки, просверленные морские раковины. Время бытования городища определяется концом VI—IV вв. до н. э.

Группа городищ и неукрепленных поселений скифского времени в верхнем течении Псла описана И. И. Ляпушкиным [Ляпушкин, 1961]. В Курской области РСФСР расположены городища у сел Корочка, Долгий Колодязь, Кривецкие Буды, Гочево, Бушмино; в Сумской области УССР — у г. Ворожба, у сел Битица и Великая Рыбица. Сосредоточенность памятников довольно значительная. Все городища мысовые, небольшого размера, напоминающие в этом отношении городища скифского типа на Сейме. Рядом с большинством городищ отмечены неукрепленные селища. Сколько-нибудь крупных сосредоточений курганных групп здесь не отмечено.

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ

Северский Донец в пределах Харьковской области является одним из наиболее обжитых и густо заселенных районов обитания сельскохозяйственно-скотоводческих племен скифской культуры в Левобережной Лесостепи. Большое количество древних укреплений привлекало внимание исследователей с середины прошлого столетия. Однако систематическое изучение их началось лишь в советское время раскопками И. Фукса [1931], С. А. Семенова-Зусера, И. И. Ляпушкина [1961]. Особенно большое значение имеют многолетние исследования Б. А. Шрамко [1962, с. 176—234; 1962а, с. 135—155], а также П. Д. Либерова [1962].

В настоящее время на карте памятников бассейна Северского Донца в окрестностях Харькова отмечено 19 городищ скифского времени, из которых на городищах у сел Караван, Циркуны, Большая Гамольша, Люботин были произведены раскопки Б. А. Шрамко [1957а, с. 60—64; Шрамко, 1959, с. 103—108; Шрамко, 1962а, с. 139; Шрамко, 1966, с. 73—82], а на городище у с. Городище — П. Д. Либеровым [1962, с. 45]. На карте Харьковщины зарегистрировано более 50 неукрепленных селищ. Б. А. Шрамко осуществил раскопки на селищах у сел Шмаровка, Островерховка, Большая Даниловка, у станции Шелковой [Шрамко Б. А., 1954, с. 105—115; Шрамко, 1955, с. 101—103; Шрамко, 1957, с. 17—27; Шрамко, 1964, с. 180—190; Шрамко, 1965, с. 56—65] и некоторых других.

По наблюдениям Б. А. Шрамко, неукрепленные селища располагались обычно вблизи городищ. Последние с расположенными вблизи них одним или несколькими поселками и курганным могильником составляли как бы комплекс памятников родовой общины [Шрамко, 1962, с. 178, 189].

Курганные могильники скифского времени весьма многочисленны. Разбросаны они в разных местах, чаще всего на плато, на участках водоразделов, образуя компактные группы, не включающие в себя курганы более ранних эпох. В настоящее время в могильниках обычно насчитывается 15—20 курганов сравнительно небольших размеров: наиболее высокие из них не превышают 2—3 м. Одним из самых крупных некрополей является могильник у с. Гамольша. По мнению Б. А. Шрамко, общее число курганов приближается здесь к тысяче. Наряду с кур-

Керамика, типичная для по-
скульских курганов VI—
IV вв. до н. э.

ганами небольшой величины имеются насыпи высотой до 10 м [Шрамко, 1968, с. 210]. Вблизи городища Караван на площади около 2 га обнаружено до 450 курганов высотой от 0,5 до 2,5 м [Шрамко, 1962, с. 229]. Вблизи городища у с. Городища П. Д. Либеровым описан могильник, насчитывающий около 150 насыпей, наибольшие из которых имели высоту 3 м [Либеров, 1961, с. 104]. Из их числа П. Д. Либеровым было раскопано девять. Курганные могильники отмечены вблизи селища у с. Островерховка, где Б. А. Шрамко раскопано 6 курганов [Шрамко, 1965а, с. 56—65], у городища Большая Гамольша — 3 кургана [Шрамко, 1962а, с. 143—146], у городища Циркуны [Шрамко, 1959, с. 103—108]; у Люботинского городища раскопано 28 курганов [Шрамко, 1957, с. 193], 10 курганов исследовано на курганном могильнике у с. Дергачи [Трефелев, 1908, с. 102], отдельные курганы раскапывались в могильнике у с. Санжары [Шрамко, 1962, с. 212—213] и на Холодной горе в г. Харькове. Всего в Харьковской области раскопано более 50 курганов, однако учтено около 30, в большинстве оказавшихся сильно ограбленными.

Курганы. Погребальные сооружения и обряд захоронений в курганах северодонецкой группы рассмотрены П. Д. Либеровым [1962, с. 15, сводная табл., с. 18—20]. Большинство курганов, раскопанных на Донце, не превышает высоты 1 м. Захоронения преимущественно одиночные. Могильные ямы ориентированы с севера на юг. Длина 2,5 м, ширина и глубина 1 м. Могилы в ряде случаев имели деревянные перекрытия (курганы № 6 и 7 у с. Черемушны; № 5 у с. Островерховка; курган 1929 г. у с. Большая Гамольша; № 3 у г. Люботина) и реже — следы деревянной обшивки в виде склепа (курган № 6 у с. Черемушны, № 3 и 8 у г. Люботина); дно бывает посыпано известью, красной краской, золой или углем (курган № 5 у с. Черемушны, № 4 и 5 у с. Островерховки, № 8, 10 у г. Люботина). Господствующей ориентировкой погребенных является южная. Исключение составляют курганы IV в. до н. э. у с. Большая Гамольша — на границе со степью. Могильные ямы здесь вытянуты по линии запад — восток, ориентировка погребенных не постоянна.

Погребальный обряд населения бассейна Северского Донца по основным признакам аналогичен захоронениям в курганах Сулы и Псла. Во многих случаях в центральной части насыпи, несколько выше могилы, открыты следы кострищ в виде прослоек пепла, угля с включением обломков керамики, кусочков обожженной глины и костей животных. Б. А. Шрамко считает, что насыпь этих курганов сооружалась в два приема. Сначала над могилой возводили небольшую насыпь высотой до 50 см, на которой раскладывался костер и совершалась тризна (курганы № 2 у с. Островерховка, № 1, 3, 4, 6, 9 и 7 у Люботина, № 1, 2 у с. Большая Гамольша). Это полностью совпадает с нашими представлениями о порядке строительства курганов и совершении тризны в Посулье.

В кургане № 10 у г. Люботин, выделяющемся значительными размерами (высота 5,5 м), открыт восьмиугольный деревянный склеп в яме диаметром 5,5 м, глубиной 2,9 м, с шатровым перекрытием и 13 столбами по углам и серединам сторон. Интересна гробница в неглубокой могильной яме с двускатной кровлей, открытая в кургане IV в. до н. э. у с. Большая Гамольша, напоминающая своим устройством склеп с двускатной крышей в кургане № 401 у с. Журовка.

К VI в. до н. э. относится курган № 1 у г. Люботин (1945 г.), в инвентаре которого оказались бронзовая гвоздевидная булавка с небольшой головкой и рубчиками на стержне, обломок гвоздевидной сережки, архаический двухлопастный наконечник стрелы и каменное ладьевидное блюдо. В кургане № 5 у с. Островерховка найдена насыпь раннескифских пастовых бусин. К ранней поре, несомненно, относятся курганы № 4, 5, 7, 8 у с. Черемушны. В первом из них найдены пара бронзовых гвоздевидных сережек, кусок серы и горшочек с

проколами под венчиком. В кургане № 5 оказались две гвоздевидные сережки. Курган № 7 датируется на основании найденного в нем наконечника стрелы архаического типа. Четыре бронзовых наконечника раннескифских типов происходят из кургана № 8.

Лепные сосуды из курганов северско-донецкой группы имеют те же черты, что и керамика из погребений Посулья.

К V в. до н. э. относится захоронение в кургане у с. Санжары, в котором при погребенном сохранился меч и 50 бронзовых базисных и опорно-втульчатых наконечников стрел.

IV в. до н. э. датируется погребение в кургане у с. Циркуны, где найдены меч, наконечники стрел и амфора, а также курганы № 2 и 3 у с. Большая Гамольша, время которых определяется наконечниками стрел.

Как видим, курганы Северского Донца дали весьма скудный материал. Безусловно, они принадлежали рядовому населению и не имели характера воинских дружинных некрополей, подобных курганам Сулы и Псла.

Городища и поселения. Для лесостепной части Северского Донца мы располагаем значительным материалом относительно городищ и укрепленных селищ.

Большинство городищ размещается на ограниченных с трех сторон естественными рубежами мысах высокого коренного берега рек, оврагов с ручьями или русел небольших речек. С напольной стороны у них находится одно или несколько предградий, обнесенных оборонительными валами. К числу мысовых городищ такого устройства относятся городища Большое у сел Мохначи, Циркуны, Караван, Огульцы, Меловое, Большая Даниловка, Коробовы хутора, Хорошевское городище [Шрамко, 1962а, с. 136]. Размеры городищ, включая предградья, сравнительно невелики: от 1 до 12 га. Самое большое городище — у с. Городище — состоит из центрального укрепления и двух предградий, внешнее из которых охватывает площадь до 23 га. Размеры центральной части 2,4 га.

В тех случаях, когда естественных рубежей оказывалось недостаточно, городище обносилось валами вкруговую. Таковы городища у г. Люботина, у сел Большая Гамольша, Барановка, Закозоровка. Как отмечает Б. А. Шрамко, культурный слой на большинстве городищ мощный и насыщен материалами. При этом, однако, имеются городища почти без культурного слоя, служившие убежищами для населения ближайших поселков. Таковы городища у сел Яковлевское, Водяное, Сабынино. Устроены они обычно в виде мысовых укреплений с предградьями или круговыми укреплениями.

Устройство валов наиболее изучено во время раскопок Люботинского городища. В ряде мест в них открыты участки с остатками деревянно-земляного оплота, состоящего из двух бревенчатых стен и плетня с земляной засышкой внутри. Когда такие стены горели и обрушивались, находившаяся внутри земля, разваливаясь, засыпала пожарище, отчего образовывались участки с прожженной землей, ниже которой находились угли и обуглившиеся бревна. Снаружи к такой стене обычно примыкал ров с круто эскарпированными склонами.

Топография неукрепленных селищ различна. Некоторые расположены на песчаных возвышенностях в пойме или на дюнах у края бортовой террасы (сел Шмаровка, Большая Даниловка), другие — на высоких черноземных плато у берегов рек или оврагов с ручьями.

Характерными признаками поселений на плато являются зольники в виде невысоких холмов или зольных пятен с культурными остатками. Возникновение таких зольников объясняется существовавшим в то время обычаем ссыпать золу в определенное, находящееся рядом с жильем место, куда сбрасывались также различные кухонные и бытовые отбросы. Нередко для ссыпания золы использовались места покину-

тых и заброшенных жилищ. На городищах зольники встречаются значительно реже, однако культурный слой и заброшенные ямы содержат, как правило, большое количество золы.

На поселении у с. Островерховка насчитано 60 зольников, расположенных группами. Лучшее всего сохранились зольники, найденные в лесу. Они имели вид круглых или овальных бугров до 1 м высоты. В каждой из групп зольники располагались по овалу, вытянутому с севера на юг. Такая планировка, очевидно, соответствует размещению стоявших неподалеку жилищ. При одном из зольников открыты остатки наземного столбового жилища с углубленным в землю полом и очагом, размером 8×5 м. Б. А. Шрамко выделяет древнейшую группу зольников в уроч. Лымарева Поляна, от которого как бы отпочковались затем новые селища [Шрамко, 1956, с. 56—65]. Расположение зольников по кругу зафиксировано на поселении у станции Шелковая неподалеку от городища Караван и на селище возле Куряжского монастыря.

Выдающийся интерес представляет жертвенник, открытый на городище Караван [Шрамко, 1962, с. 199—204], имевший вид большой овальной тарелки с сильно прокалившейся поверхностью диаметром 1,5 м и высотой 15 см. На жертвеннике лежал толстый слой золы от сгоревшей соломы. К нему вела дорожка из камней. К западу размещались небольшие ямы. Севернее шел дугообразный вал из глины со следами сильного огня: длиной 4,5 м, шириной 2,9, высотой 0,55 м. В стороне от жертвенника размещался зольник, частично перекрывавший вал. В зольнике обнаружены обломки керамики, пряслица, металлические поделки, миниатюрные глиняные сосуды, лепешечки из глины, замешанные с зернами злаков и соломой; интересные находки большого количества моделей культурных злаков, вылепленных из глины с примесью муки. Среди них имелись модели зерен пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха и других злаков. Жертвенник на городище Караван связан с культом земледелия и по своему назначению подобен жертвенникам, открытым на Пастырском, Матронинском, Трахтемировском городищах и Жаботинском поселении. Глиняные модели культурных растений найдены на поселении у с. Иване-Пусте под Черновицами.

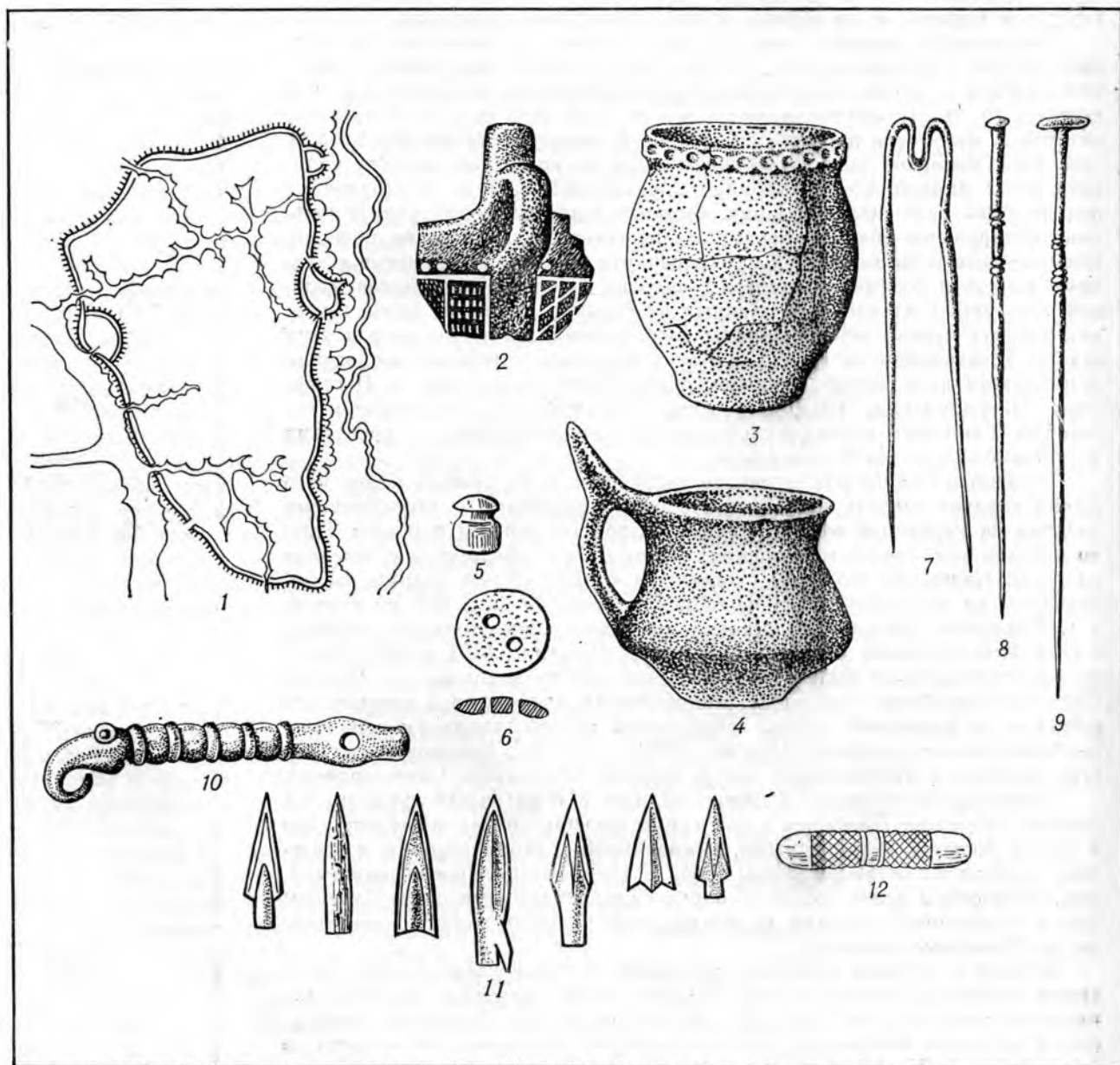
Основными типами построек на городищах и поселениях Северского Донца следует считать наземные столбовые постройки с глинобитными очагами на каркасной основе. План и устройство жилищ и очагов близко напоминают жилые сооружения, открытые на городище у с. Басовка на Суле. Наземные столбовые жилища с глинобитными полами зафиксированы на городище у с. Городище [Либеров, 1962, с. 67]; на селище у с. Шмаровка обнаружены остатки наземного прямоугольного жилища с глинобитным полом и ямками от столбов [Шрамко, 1954, с. 105]. Остатки наземных жилищ такого же рода встречены на селищах у с. Основа. Наземные столбовые жилища с глинобитными печами, свод которых изготовлен из каркасной основы, обмазанной глиной, являются основными на Люботинском городище [Шрамко, 1966, с. 73—81]. Близкое по устройству жилище с углубленным полом открыто на селище Островерховка.

Характерны округлые в плане жилища с каркасными стенами. На селище у станции Шелковая в основании зольника обнаружено округлое в плане жилище с каркасными, обмазанными глиной стенами и опорным столбом в центре [Шрамко, 1964, с. 183]. Это жилище по конструкции, размерам и плану сходно с округлыми постройками с углубленным полом, каркасными стенами и центральным опорным столбом, открытыми на Басовском городище.

Вопрос о времени скифских поселений на Северском Донце долгое время оставался невыясненным. Керамический материал «позднезольничного» типа не давал достаточных оснований для датировки. Амфорные фрагменты, найденные среди подъемного материала, относились в большинстве к V—IV вв. до н. э. На основании этих данных складыва-

лось представление о сравнительно позднем появлении здесь скифских поселений. Поздняя дата (V—III вв. до н. э.) для городищ и поселений Сулы, Псла, Северского Донца и Сейма с керамикой «позднезольничного» типа была предложена И. И. Ляпушкиным [1961].

Однако в ходе дальнейших работ выяснилось, что возникновение ряда городищ и селищ в бассейне Северского Донца относится к VI в. до н. э. Так, на селище у с. Островерховка в одном из зольников найден обломок хиосской амфоры конца VI—начала V вв. до н. э. Обломки фасосских амфор раннего V в. найдены на городищах у сел Хорошево, Городище, Караван [Шрамко, 1962, с. 220—221]. В зольнике у с. Черемушны найдены раннескифские наконечники стрел и ранние бронзовые булавки.

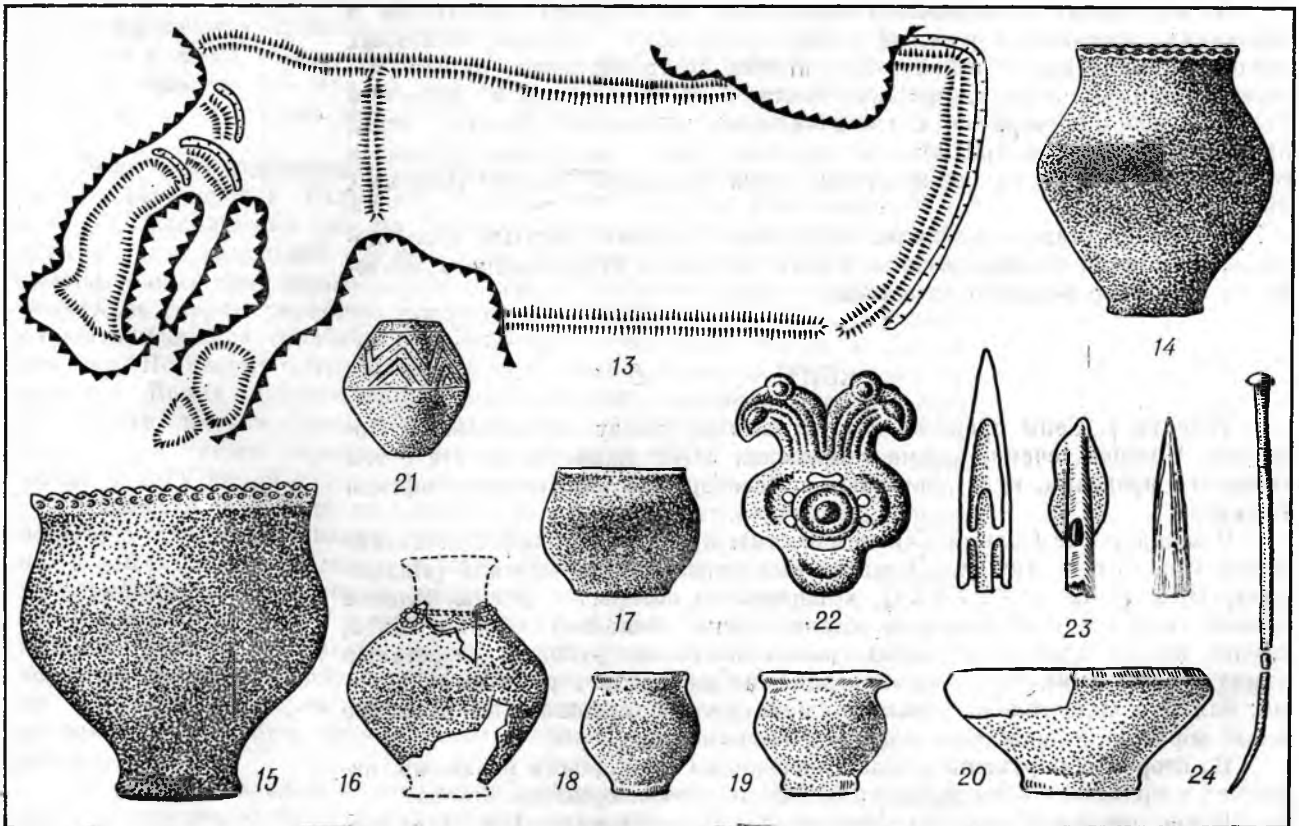
Решающее значение для определения старейших памятников имели исследования городища у г. Люботина, раскопанного широкими площадями, где найдено большое количество амфорной керамики VI в. до н. э., в том числе относящейся к началу и первой половине VI в. до н. э. Здесь обнаружены раннескифские наконечники стрел, обломок ладье-видного блюда из песчаника, железное тесло с боковыми выступами [Шрамко, 1966, с. 220—227]. Выяснилось, что Люботинское городище возникло не позднее начала VI в. до н. э. и существовало до IV в. до н. э. включительно. Однако находок V и IV вв. до н. э. значительно меньше и культурный слой позднего времени сравнительно невелик, что позволяет считать Люботинское городище преимущественно памятником VI в. до н. э.]

Широкие масштабы раскопок позволили открыть здесь комплексы, состоящие из жилых и хозяйственных построек, погребов, различного рода ям, бытовых и производственных печей, очагов и пр. На Люботинском городище найдены разнообразные орудия производства: ножи, стамески, резцы, зубильца, обломок пилы, долото, деталь лучкового сверла, хозяйственный топор, тесло, иглы, шильца, пряслица и ряд других предметов, позволивших Б. А. Шрамко значительно расширить представление об уровне развития ремесленного производства у скифов [1965]. На Люботинском городище открыты значительные следы железообрабатывающего и бронзолитейного ремесла. Так, здесь обнаружены специальный горн для цементации железных орудий и оружия. Среди вещей здесь оказались: бронзовый наконечник стрелы IV в. до н. э. с литником, обломки тигля с остатками бронзы, обломки льячки, сопла, часть керамической литейной формы.

Исследование керамики городищ и поселений Северского Донца под-

Городища *Левобережной Лесостепи:*

1—12 — Бельское; 13—24 — Басовское.

твердило их однотипность и неизменность ведущих форм посуды от архаического к более позднему периоду. Безраздельно господствуют горшки с выпуклым корпусом, украшенные обычным орнаментом в виде пальцевых вдавлений или насечек по наружному краю венчика и проколами под ним. Количество горшков с валиковым орнаментом невелико. Валик в большинстве случаев как бы лепился дополнительно, утолщая край венчика. Характерны миски с вертикальным или загнутым внутрь краем. Лощение среди посуды встречается редко. Из других форм можно отметить кувшинообразные сосуды, в том числе кувшины с широким оттянутым наружу венчиком и широкими ленточными ручками с продольными желобками. Встречаются горшки с носиком для слива, кружки, цедилки, сковородки с вертикальным бортиком. Обычны миниатюрные сосуды, пряслица, глиняные конусы, культовые модели зерен, лепешечки, хлебцы, фигурки животных.

Анализируя керамику Люботинского городища, Б. А. Шрамко пришел к интересному выводу. Из тысячи обломков глиняных сосудов выделялись по форме и приемам отделки два фрагмента чернолощенных черпаков и миски, подобные широко распространенным в памятниках бассейна Ворсклы. Петрографический анализ подтвердил, что тесто этих двух сосудов отличается от керамики северско-донецких поселений и соответствует составу глины керамики, изготовлявшейся в бассейне р. Ворсклы. Тем самым был доказан факт существования межплеменного обмена керамическими сосудами.

Основные типы посуды скифского времени с Северского Донца вполне аналогичны керамике Сулы и Псла. Несколько отличается только состав глины. Для отощения ее местные гончары использовали песок, а не шамот, отчего посуда здесь более гладкая, менее шероховатая и бугристая.

На городищах и поселениях постоянно встречаются зернотерки и терочки, костяные и роговые наконечники мотыг, обломки железных серпов, а также наконечники стрел, втулки дротиков, ножи, топоры, чешуйки панциря, псалии, пряжки, бляхи, бусы, бронзовые и железные булавки, обломки сережек с гвоздевидными шляпками, зеркала, иглы, проколки, отдельные предметы в зверином стиле — костяная ложечка с головкой животного на конце ручки, кусок бронзовой бляшки [Шрамко, 1962, с. 180—226].

В составе стада преобладал крупный и мелкий рогатый скот, лошади, домашняя свинья, собака. Охота не имела существенного значения в хозяйстве местного населения.

СЕЙМ

Течение р. Сейм представляет пограничье между Лесостепью и Полесьем. Нижнее течение Сейма в пределах УССР является вместе с тем северным пределом, куда достигают в Левобережье памятники скифской культуры.

В междуречье Сулы и Сейма известны курганы со скифским инвентарем V в. до н. э. Так, у с. Борозна были открыты два кургана [Ильинская, 1968, с. 40, табл. XXXI], в первом из которых найдены золотая оковка сосуда с изображением оленя, куски железной обивки щита, втулка копья, пращевый камень, нож с костяной рукоятью, железные удила с железными S-овидными псалиями, две бляхи с рубчатыми краями, бляха в виде головы ушастого животного, припавшего на передние лапы, ворварка и подвеска в виде висячего замочка.

Во втором обнаружены удила с железными S-овидными псалиями, налобник с орлиной головкой, часть бронзовой бляхи с головкой лося.

В кургане у с. Загоровка [Каталог XI АС в Киеве, с. 153—154] най-

дены железный чешуйчатый панцирь, продолговатая гирия, подвески в виде висячих замочков, обломки греческой амфоры. На левом берегу Сейма, в его нижнем течении у с. Обмочево [ОАК за 1912 г., с. 122], раскопан курган, в котором оказались сосуды и бронзовые наконечники стрел. В окрестностях г. Чернигова на левом берегу Десны, в уроч. Татарская Горка найдено замечательное скифское навершие с соллярным диском. В Черниговском музее хранятся также два рубчатых позных браслета и большая бронзовая гвоздевидная булава [Ильинская, 1962, с. 82]. Эта северная левобережная группа скифских находок явно тяготеет к посульской группе скифских памятников.

Основными памятниками скифского времени на Сейме являются мысовые городища, цепь которых тянется вдоль правого высокого берега Сейма. Городища обследованы И. И. Ляпушкиным и Д. Т. Березовцом. К их числу принадлежат городища у г. Рыльска на границе Украины с Россией, городища у сел Сухая Лециновка, Горки, Линово, Ширяево (или Старые Гончары), у г. Путивля, а ниже Путивля — у сел Хавзовка, Красное Утро. При впадении Сейма в Десну расположено Шабалиновское городище юхновской культуры, в материале которого встречена керамика скифского типа.

Вверх по Сейму в пределах Курской области РСФСР встречаются городища, принадлежащие не скифской, а юхновской культуре. Среди них городища: Кузина Гора, Александровское, Плаксинское, Моисеевское [Алихова, 1962, с. 86]. Юхновские племена занимали область течения Десны вверх от впадения в нее Сейма. В нижнем течении Десны в пределах УССР раскопки производились на юхновских городищах у с. Юхново близ Новгород-Северского, у сел Пушкари, Кудлаевка [Воеводский, 1949, с. 67; Алихова, 1956, с. 31; Розенфельдт, 1968, с. 194; Мельниковская, 1967а, с. 233—234; Мельниковская, 1968, с. 232—233]. Непосредственная близость населения скифской и юхновской культур в бассейне р. Сейм и прилегающего к низовьям Сейма бассейна Десны не могла не оказать влияния на некоторое своеобразие культурного облика скифских и юхновских памятников, находящихся в зоне этого пограничья.

Типичным памятником скифской культуры в бассейне Сейма является городище у с. Ширяево Путивльского района [Іллінська, 1953, с. 109]. Расположено оно на высоком мысе правого коренного берега, ограничено с напольной стороны рвом и валом. Как показали раскопки, юго-восточный край площадки городища был искусственно досыпан и выровнен, а сверху укреплен глинобитной вымосткой. У края площадки открыто наземное столбовое жилище с глинобитным полом и двумя очагами. По своему устройству оно аналогично жилищам Басовского городища. Время существования Ширяевского городища определяется VI—IV вв. до н. э. Здесь найдены бронзовый наконечник стрелы VI в. до н. э., а также пирамидальные стеклянные бусы, характерные для конца V и IV вв. до н. э.

Керамика городища не делится на хронологические группы. Руководящую группу составляют горшки с корпусом, расширяющимся у пояса, с высоким выступающим дном. Орнаментированы они пальцевыми вдавлениями или насечками палочкой по краю и сквозными проколами под венчиком. В качестве вариантов формы могут быть выделены горшки со слабо суженной шейкой и отогнутым венчиком и горшки с короткой шейкой и корпусом, расширяющимся у плечика. Обычны горшки небольших размеров, повторяющие формы крупных сосудов. Обломки мисок встречаются сравнительно редко. Кувшинообразные сосуды не найдены.

Из числа земледельческих орудий обнаружены мотыга, изготовленная из отростка оленьего рога, два железных серпа с ручкой в виде загнутого назад крючка, зернотерки и терочки. Обычными находками

являются глиняные пряслица, костяные и железные шилья, проколки и иглы. К числу предметов, связанных с рыболовством, относятся большой железный крючок и хорошо обожженные глиняные грузила для сетей. Эти принадлежности явно заимствованы у племен юхповской культуры, где рыбная ловля занимала существенное место в хозяйстве населения.

В составе стада домашних животных преобладали бык мелкой породы и домашняя свинья, почти равным числом представлены лошадь и мелкий рогатый скот. Богата и разнообразна дикая фауна. Среди костных остатков имеются кости лося, оленя, косули, выдры, лисицы, медведя, волка, кабана, бобра, тура или зубра. Встречаются кости и чешуя рыб.

По особенностям домостроительства, типам керамики и основному составу других находок Ширяевское городище очень близко к городищам Посулья, Псла, Северского Донца и, по-видимому, принадлежало населению родственной этнической группы. Наличие здесь отдельных форм керамики, близкой к юхновской, глиняных грузил юхновского типа, орудий рыбной ловли закономерно объясняется определенным влиянием со стороны соседнего юхновского населения. Область среднего и нижнего течения р. Сейма следует, таким образом, рассматривать в качестве северной окраины скифской культуры посульско-донецкого типа.

При этом необходимо отметить, что обитатели сейминских городищ не были строителями курганов. Очевидно, у населения этой территории был распространен иной погребальный ритуал. О его чертах можно догадываться по остаткам грунтового могильника, обнаруженного случайно при земляных работах в окрестностях с. Долинское, неподалеку от Сосницы в низовьях Сейма [Мельниковская, 1950, с. 70]. Захоронения совершены на небольшой глубине (25—35 см). Никаких следов деревянных сооружений или перекрытий не наблюдалось. Ориентация погребенных не ясна. Всего здесь было открыто шесть захоронений, сопровождавшихся скифскими вещами. В погребении № 1 найдены бронзовый трехлопастный наконечник стрелы и бронзовые проволочные браслеты на руках умершего. В погребении № 2 на плечах скелета взрослого человека найдены две длинные бронзовые булавки с гвоздевидными шляпками и несколько проволочных браслетов, из которых один со спирально загнутыми концами. В погребении № 3 обнаружены большой нож, наконечник копья архаического типа и 10 бронзовых колец с шпешечками на наружной стороне. В могиле № 4 возле скелета оказались две бронзовые гвоздевидные булавки с большими шляпками, бронзовый браслет и пастовая бусина. При детском погребении № 5 найден небольшой глиняный горшочек и в погребении № 6 — бронзовая гвоздевидная булавка с небольшой шляпкой и рубчиками на стержне. Все металлические вещи из погребений характерны для скифских погребений VI—V вв. до н. э.

Возможно, что это грунтовый могильник, подобный открытым у сел Грищинцы и Пирогово на Правобережье. Что касается погребений воинов мужчин, то либо их также хоронили в бескурганных могильниках, либо их погребения совершались в особых курганных кладбищах в ином месте.

ВОРСКЛА

На фоне единой в культурном отношении территории основной части Левобережной Лесостепи как бы особняком стоят памятники, расположенные по среднему течению р. Ворсклы от г. Полтавы до г. Ахтырки. В VII—VI вв. до н. э. здесь проживало население, связанное своей культурой и происхождением с племенами Правобережной Лесостепи. Окружало эту группу, в том числе и со стороны верховья Ворсклы, население со скифской культурой посульско-донецкого типа.

Основные особенности памятников скифского времени среднего течения Ворсклы подробно освещены в работах М. Я. Рудинского и Г. Т. Ковпаненко [Рудинский, 1928, с. 44—51; Рудинский, 1949, с. 53—79; Ковпаненко, 1961, с. 62; Ковпаненко, 1967].

В настоящее время выяснено, что среднее течение Ворсклы было заселено выходцами из Правобережной Лесостепи, вероятнее всего, из ее Тясминского ареала. Время этого передвижения относится к VIII и VII вв. до н. э. Этнической средой, куда проникли пришельцы, явились племена бондарихинской культуры.)

Исследование Осиповского поселения на р. Орели показало, что продвижение из области чернолесья на левый берег Днепра происходило еще на первой ступени чернолесской культуры [Беляев, 1977, с. 44—48]. Очевидно, причиной явилась усложнившаяся обстановка на пограничной со степью окраине. Однако прочно закрепиться здесь на этом этапе пришельцам не удалось, и более сильный колонизационный поток зафиксирован на Ворскле в период позднего чернолесья. Наиболее ранние поселения правобережного типа открыты у сел Хухры и Ницаха; по своей культуре они могут быть сопоставлены с позднечернолесскими и раннежаботинскими памятниками и соответствуют по времени VIII — началу VII вв. до н. э.

Г. Т. Ковпаненко выделены отдельные предметы чернолесской культуры, найденные в бассейне р. Ворсклы. Среди них имеются чернолесский сосуд из с. Кириковки, а также бронзовая и железная проволочные серьги, бронзовая восьмерковидная бляшка, булавка со спирально закрученной головкой и обломок двуколычатых удил, происходящие из сборов у с. Лихачевка [Ковпаненко, 1967, с. 46—48].

Интересно бескурганное погребение с трупосожжением у с. Бутенки, в инвентаре которого оказались части от четырех уздечек с удилами и псалями доскифских типов, два железных наконечника копий, два бронзовых наконечника стрел новочеркасского типа и два чернолесских браслета. Погребение датируется VIII в. до н. э. и может быть связано с носителями чернолесской культуры, продвинувшимися в это время на Ворсклу [Ковпаненко, 1962, с. 66].

Городища и поселения. Большое значение для понимания своеобразия Ворсклинского бассейна имеет Бельское городище, расположенное в междуречье Ворсклы и ее правого притока Сухой Груни. В систему городища входят три укрепления: Западное (72 га), Восточное (65 га) и Куземинское (15 га), объединенные общим валом Большого Бельского городища. Площадь всего городища достигает 4,020 га. По своим размерам Бельское городище уступает лишь недавно открытому на левом берегу Днепра Каратульскому городищу.

Начало изучения Бельского городища было положено в 1906 г. В. А. Городцовым [Городцов, 1911, с. 93]. В 1958—1960 гг. исследования возобновлены совместными экспедициями Московского и Харьковского университетов под руководством Б. Н. Гракова и Б. А. Шрамко [Граков, Елагина, НА ИА АН УССР 1958/30, 1959/30, 1960/43]. Позднее и вплоть до настоящего времени здесь проводит работы экспедиция Харьковского университета под руководством Б. А. Шрамко. По данным Б. А. Шрамко, до 1973 г. его экспедицией на Западном городище раскопано более 1000 м², а на Восточном — около 12 тыс. м². В течение 1973—1976 гг. на Восточном городище им было вскрыто еще 5247 м², то есть в общей сложности более 17 тыс. м² на Восточном и более тысячи на Западном городище.

Столь широкий размах работы привел ко многим открытиям и наблюдениям. Была произведена новая топографическая съемка Бельского городища; получены важные результаты, касающиеся устройства оборонительных сооружений; данные о времени и плотности заселения отдельных участков. Исследовано большое количество хозяйственно-бытовых

комплексов: землянки и наземные постройки, разнообразные хозяйственно-производственные помещения и объекты; получены важные данные относительно различного вида домашних ремесел, в том числе кузнечного и бронзолитейного. Значительный состав вещевых находок скифского обихода и греческого импорта позволяет установить хронологический диапазон существования различных участков городища и дает представление об особенностях материального комплекса Восточного и Западного городищ. Получены многочисленные данные, дающие представление о хозяйственной деятельности, идеологии и земледельческих культах древнего населения.

В результате исследований, произведенных в 60-е годы, выяснено, что население Западного и Восточного укреплений принадлежало к различным этнокультурным группировкам Лесостепного Поднепровья. На Западном городище жили носители культуры правобережного типа, а на Восточном — племена посульско-донецкой группы. В первую очередь это проявилось в различиях керамического комплекса.

В ранних горизонтах культурного слоя и ранних зольниках Западного городища преобладала керамика, аналогичная жаботинской и старшежуровской. Это прежде всего высокие кухонные горшки с гладким краем, проколами под венчиком, валиками с защипами по шейке и корпусу; для более позднего времени характерны бочковидные горшки с налепными валиками и проколами под краем.

Широко представлены чернолощенные черпаки, кубки с резным орнаментом, инкрустированные белой пастой; орнаментированные миски, корчаги типа виллановы. Среди черпаков встречаются глубокие с широким орнаментальным поясом, густо заполненным различными композициями резных геометрических узоров. При этом, однако, отметим, что древнейшие элементы орнамента, такие, как зубчатые отиски и фигурные штампы, здесь встречаются редко. Местную особенность составляют черпаки с раздвоенными концами высоких ручек.

Важной находкой являются длинноромбические наконечники стрел первой половины VII в. до н. э. [Шрамко, 1975, с. 117, рис. 10, 2—5]. Эти наконечники в сочетании с раннежаботинской посудой определяют время возникновения поселения на месте Западного городища началом VII в. до н. э.

На Западном городище зафиксировано 43 зольника. Во время раскопок под некоторыми из них открыты землянки и хозяйственные ямы. Землянки имели форму, близкую к квадрату ($7 \times 8 - 7 \times 7,6$ м, глубиной от 0,6 до 1 м). Вдоль стен стояли столбы, к которым крепилась облицовка; в средней части размещались столбы, на которые опиралось двускатное перекрытие. Вдоль стен возводились земляные нары. В жилищах открыты очаги с глинобитными стенками. По своему устройству землянки Западного городища близки жилищам Жаботинского поселения.

В одном из зольников, раскопанных В. А. Городцовым, найдены большие куски глиняной обмазки с рельефным спиральным орнаментом от жертвенника, подобного открытым на Жаботинском поселении и Трахтемировском городище. Обломки подобных жертвенников встречены и на Западном городище.

Среди вещей, найденных здесь, имеются наконечники стрел VI—IV вв. до н. э., обломки бронзового и костяных псалий, костяная палочка-застежка, «гвоздик», бронзовые булавки, браслеты, колечки [Ковпаненко, 1967, с. 63—69]. Среди каменных изделий интересна каменная булава, подобная найденной на поселении Тарасова Гора, обломок ладьевиного блюда, зернотерки, терочки, железный топор [Шрамко, 1975а, с. 73]. Замечательная находка бронзового котла, у которого две из четырех ручек оформлены в виде фигурок козла [Шрамко, 1976, с. 196]. Из керамических поделок известны пряслица, глиняные «катушки», пуговицы

и пр. Античная керамика представлена обломками сосудов конца VII—III вв. до н. э. [Шрамко, 1975а, с. 73—74].

Среди производственных объектов на Западном городище обнаружена яма, заполненная остатками сильно ошлакированного свода печи, связанная, по-видимому, с бронзолитейным производством [Шрамко, 1969, с. 273].

На Восточном Бельском городище чернолесская керамика правобережных форм отсутствует. Процент лощеной керамики составляет менее 0,1, тогда как на Западном она составляет более 44%. Для керамики Восточного городища совершенно нехарактерны такие формы столовой посуды, как черпаки с высокими ручками, кубки [Шрамко, 1975а, с. 75—76]. Мало типичны горшки, орнаментированные валиком под венчиком. Господствующими являются горшки с пальцевыми ямками или насечками по венчику, проколами или наколами под краем. В отличие от лощеных орнаментированных мисок Западного укрепления, на Восточном встречаются простые миски с прямым или слегка загнутым краем. Обычны сосуды в виде кружек с петельчатыми ручками, кувшины с высокой шейкой и ручками, плоские крышки. «В целом, — отмечает Б. А. Шрамко, — керамика Западного укрепления имеет многочисленные аналоги на Днепровском Правобережье, а керамика Восточного — типична для многих поселений Левобережья и бассейна Северского Донца» [1975а, с. 76]. Далее, отмечает Б. А. Шрамко, на Восточном городище отсутствуют ярко выраженные зольники. Основным типом жилищ являлись не землянки, а наземные бревенчатые и легкие каркасные постройки. В большом количестве открыты глинобитные печи на каркасе из прутьев. Жертвенники на Восточном городище меньше размера, не имеют сложной рельефной орнаментации, поверхность их гладкая, побеленная. Различаются характер жертвоприношения и состав культовых вещей [Шрамко, 1975а, с. 77]. Античная керамика Восточного укрепления представлена различными формами, преимущественно фрагментами амфор конца VII—III вв. до н. э.

Что касается времени возникновения Западного и Восточного городищ, то, с нашей точки зрения, наиболее убедительными являются датировки, предложенные Б. А. Шрамко в 1973 г. [Шрамко, 1973, с. 86, 92]: Западное городище возникло во второй половине VII в. до н. э., а Восточное — в начале VI в. до н. э. Отнесение времени возникновения этих памятников к VIII в. до н. э. представляется нам мало обоснованным [Шрамко, 1975, с. 115; 1975а, с. 67].

На протяжении какого-то времени Западное городище на берегу р. Сухая Грунь и Восточное на берегу р. Ворсклы существовали самостоятельно. Лишь позднее они были объединены общим валом Бельского городища, что подтверждает существование дружеских отношений между их обитателями.

Время сооружения вала Вельского городища, объединившего два укрепления в единое, представляется недостаточно выясненным. Б. А. Шрамко предложил дату — конец VI — начало V вв. до н. э., основываясь на найденном на размытом гребне вала наконечнике стрелы. Это не может служить основанием для решения столь важного вопроса, так как, во-первых, наконечник не относится к числу архаических, во-вторых, находка его на гребне вала не может служить доказательством для определения времени сооружения этого укрепления. Вопрос остается пока открытым. Время возникновения Куземинского укрепления (IV в. до н. э.) и его специализированное назначение не вызывает возражений.

Основным объектом исследований явилось Восточное городище. Здесь раскрыта наибольшая площадь, давшая значительный материал, всесторонне раскрывающий жизнь населения с культурой посульско-донецкого типа на протяжении скифского периода.

Здесь раскопаны остатки нескольких бронзолитейных мастерских, в том числе и принадлежащих к VI в. до н. э. «Нет ни одного раскопа,— пишет Б. А. Шрамко,— в котором не были бы обнаружены следы деятельности ремесленников в виде обломков тиглей, льячек, литейных форм, шлаков, слитков, полуфабрикатов и бракованных изделий. Этому соответствуют и разнообразные, часто уникальные, орудия для обработки цветных металлов и железа» [Шрамко, 1975а, с. 78—79]. Напомним о многочисленных находках металлообрабатывающего производства на Люботинском городище, относящемся к этому же культурному типу, где были произведены значительные раскопки. Особый интерес представляют найденные на Восточном городище обломок глиняной литейной формы для отливки массивной бляхи в виде оленя с рогами, отростки которых заканчиваются головками орлов [Шрамко, 1970, с. 243; Шрамко, 1972, с. 125], и нижняя половина формы для тиснения золотых бляшек [Шрамко, 1970а, с. 217—224]. Среди других объектов следует упомянуть раскопки печи для обжига керамики [Шрамко, 1967, с. 199], глиняную жаровню для подсушивания зерна и решетку для сушки фруктов [Шрамко, 1973, с. 315].

В 1972—1973 гг. на Восточном городище открыто святилище VI—V вв. до н. э. с несколькими круглыми глиняными жертвенниками и ямами для культовых отливаний, возле которых найдены глиняные зооморфные и антропоморфные статуэтки и их обломки, глиняные лепешки и специальные сосуды [Шрамко, 1974, с. 364—365; Шрамко, 1976, с. 202—207].

Во время работ 1974—1975 гг. исследованы остатки кузницы V—IV вв. до н. э. [Шрамко, 1976а, с. 408—409].

Западное городище, на котором произведены меньшие по объему раскопки, выглядит намного беднее Восточного. На городище найдено большое количество земледельческих орудий: железные серпы, коса, косяк, кварцевые зернотерки и терочки, открыты многочисленные зерновые ямы и погребя. Найдены обуглившиеся зерна и отпечатки их на днищах сосудов. В числе злаков имеется мягкая пшеница, ячмень, рожь, овес, просо, полба, горох, фасоль. Примесь сорняков в зернах культурных растений свидетельствует о том, что посевы производились многократно на одном и том же участке при переложной системе земледелия. Имеются данные, говорящие в пользу существования озимых посевов.

В составе стада, судя по остеологическим остаткам, первое место занимал крупный рогатый скот, среди которого было много волов, затем — лошади, мелкий рогатый скот, свиньи, собаки. Встречены кости домашних птиц. Из дикой фауны (1,6%) — кабаны, олени, лоси, косули, зайцы, бобры, лисицы, медведи, куница и волк.

На городище широко были развиты различные виды домашних ремесел: обработка кожи, кости, дерева, камня [Шрамко, 1975а, с. 78]. Здесь найдены булавки, бусы, колечки, изделия из кости и бронзы, оформленные в зверином стиле, стрелы, мечи, топоры и пр. Ни один предмет не выходит из числа обычных для скифской культуры, многие из них изготовлялись на месте.

Бельское городище, особенно его Восточное укрепление, свидетельствует о высоком уровне развития хозяйства, которого достигли племена Лесостепной Скифии (в частности, ее посульско-донецкая группа) в земледелии, скотоводстве, ремеслах, торговле и других видах производственной деятельности.

Что касается Западного городища, то с конца VI — начала V вв. до н. э. здесь постепенно исчезают локальные признаки, свойственные раннескифской культуре Правобережья. Керамика становится похожа на керамику из Восточного городища по всей территории посульско-донецкого Левобережья.

Б. А. Шрамко отстаивает гипотезу, что Бельское городище является остатками древнего города Гелона, упомянутого Геродотом. Для этого нет достаточных оснований. Мы считаем, что автор уклоняется от основного направления исследований, представленных богатейшими результатами многолетних исследований Бельского городища. Наши возражения по этому вопросу изложены в специальной статье [Ильинская, 1977, с. 73—95]. Отметим, что гипотеза о Бельском городище как городе Гелоне не находит подтверждения в письменных источниках. Этому противостоят данные языкознания, а также отмеченные Геродотом различия в хозяйственно-культурной, этнической и атропологической характеристике обих народов, невозможность отождествления правобережно-ворсклинской части населения Лесостепной Скифии с ираноязычными племенами гелонов, а населения с культурой посульско-донецкого типа с древними аборигенами — будинами. Археологические раскопки Бельского городища не позволяют выделить его в какую-то особую культурно-локальную группу, обособленную от остальных памятников Лесостепной Скифии.

К числу других городищ Средней Ворсклы относятся городища у сел Каменка и Сосонка на Ворскле и городища у с. Полковая Никитовка на р. Мерле, правом притоке Ворсклы.

Городища у сел Каменка и Сосонка расположены на возвышенностях по берегам оврагов. Они состоят из центрального укрепления, окруженного валом и рвом вкруговую, и нескольких дополнительных внешних укреплений, представленных дугообразными отрезками вала. Во время разведок на городище Сосонка найдена чернолощенная керамика. Городище Полковая Никитовка отличается большими размерами. Площадь его около 54 га. Оно окружено валом и рвом. На городище открыты зольники бельского типа [Ляпушкин, 1961, с. 75, 126, 133]. С 1959 г. исследования здесь ведутся А. А. Моруженко. Городище относится к VI—V вв. до н. э., по типу культуры близко к Восточному Бельскому городищу. Первоначально на месте городища существовало неукрепленное поселение, позднее возникло само городище. Первоначально укреплениями служили деревянные стены, погибшие во время пожара. Позднее был насыпан вал, вдоль гребня которого сооружена деревянная стена [Моруженко, 1970; 1973, с. 316—317].

На городище открыты хозяйственные помещения, ямы, обнаружены остатки бронзолитейного производства: остатки плавильных печей, бронзовые шлаки, обломки льячек, литейных форм, в том числе шиферная форма для отливки ворварок, полуфабрикаты и испорченные при литье изделия [Моруженко, Косиков, 1976, с. 367—368]. Открыт развал печи для обжига керамики [Моруженко, 1974, с. 315—316]. Находки обычные: ножи, серпы, проушной топор, шилья, стамески, долотца, бусины, браслеты, гвоздевидные булавки и сережки, костяная поделка в виде головы лося, роговой гребень, наконечники стрел, железное копье, пряслица, конусы из глины, культовые лепешки, миниатюрные сосуды, обломки амфор преимущественно VI—V вв. до н. э.

Среди керамики преобладают горшки с пальцевыми вдавлениями по краю, косыми насечками и сквозными проколами. Встречаются фрагменты сосудов с наклепными валиками. Обычны простые миски и кувшинообразные сосуды.

В верховьях Ворсклы, к северу от Ахтырки зарегистрирован ряд городищ у сел Боголюбовка, Борисовка, Высокое, Мощное, в пограничных с Украиной районах Белгородской области РСФСР [Ляпушкин, 1961, с. 52, 55, 61, 90—91]. Городища принадлежат к числу небольших мысовых, огражденных валами с напольной стороны, подобных мысовым городищам Сейма, верховьев Псла, Северского Донца. К подобному же типу относятся также Коломацкое и Грашковское городища с окружающими их селищами на р. Коломаке [Ляпушкин, 1961, с. 78—79, 80],

правобережном притоке Ворсклы, близко соприкасающемся с зоной распространения памятников северско-донецкого бассейна.

По данным Г. Т. Ковпаненко, из общего количества поселений, зарегистрированных на Ворскле (до 66), не менее 32 принадлежит к раннескифским памятникам с керамикой правобережного типа. Эти поселения сконцентрированы в основном вдоль правого берега Ворсклы между селами Бельск и Пожарная Балка к югу от Полтавы [Ковпаненко, 1967, с. 50—51]. Из числа неукрепленных селищ этой территории лучше других изучены поселения у сел Пожарная Балка, Мачухи и Алферовка. Характерной особенностью Ворсклинских поселений является наличие на них значительного количества курганообразных зольников.

На поселении Пожарная Балка [Ляпушкин, 1961, с. 99—123] И. И. Ляпушкиным раскопаны два зольника и часть площади между ними. Обнаружены очаги, хозяйственные и столбовые ямы. Керамика соответствует времени поздней поры жаботинского поселения (чернолощенные черпаки с радиальным орнаментом, горшки с валиковыми налестками, глиняные цедилки, пуговички). Кроме того, здесь найдены такие раннескифские предметы, как костяные псалы с резьбой в зверином стиле, пряжка-пронизь, бронзовая гвоздевидная булавка, три наконечника стрел архаического типа, фрагмент расписного милетско-родосского сосуда. Поселение может быть датировано концом VII — началом VI вв. до н. э.

Аналогичная керамика найдена на поселении у с. Мачухи [Рудинский, 1949, с. 69—71]. Здесь также оказались глиняные пуговицы, обломки зооморфных фигурок, трехлопастная стрела, булавка с гвоздевидной головкой, железное долото, нож.

На зольнике поселения у с. Алферовка, близком к описанным по составу керамики, найдены обломки ионийских и протофасосских амфор VI и VI—V вв. до н. э. [Ковпаненко, 1967, с. 53, 58].

Селища V—III вв. до н. э. расположены в среднем и верхнем течении р. Ворсклы. По местоположению они не отличаются от более ранних и также характеризуются наличием на них зольников. Из них небольшие раскопки произведены на селищах у сел Кучмивка, Чернечины и Буды [Ковпаненко, 1967, с. 76—79]. Отличительной особенностью их является отсутствие здесь чернолощеной правобережной керамики и господство керамического комплекса посульско-донецкого типа. Следует отметить, что датировка этих памятников, относимых обычно к V—III вв. до н. э., остается недостаточно выясненной. Возможно, при дальнейших исследованиях по крайней мере часть из них окажется более ранними.

Курганы. Так же как и на Северском Донце, курганные некрополи в бассейне р. Ворсклы расположены обычно неподалеку от поселений и городищ по одной или несколько групп. Всего на Ворскле раскопано до 150 курганов: до 45 курганов исследовано у Вельского городища, 38 — у с. Мачухи, 14 — у с. Лихачевки, 9 — у с. Кириковка, 22 — на р. Коломак, отдельные курганы у с. Глинища, у хут. Блажки, у г. Полтавы, у сел Новые Санжары, Войтовка, Великие Будищи.

Говоря о погребальном обряде курганов Ворсклы, отметим отсутствие строгого единообразия, наличие определенных признаков, присущих отдельным могильникам, что обусловлено не столько временными различиями, сколько обычаями того или другого селения. Подобное разнообразие черт погребального ритуала для различных могильников отмечается и в Правобережье.

Курганы у Бельского городища расположены несколькими группами — на полях к западу от городища в уроч. Скоробор и Осняги, где, по данным Б. А. Шрамко, насчитывалось до 1000 курганов [Шрамко, 1976, с. 409], и в уроч. Саранчево поле. Двадцать два кургана в этих могильниках раскопаны В. А. Городцовым [Городцов, 1911, с. 138], приблизительно столько же в уроч. Скоробор исследовано Б. А. Шрамко.

По данным исследований В. А. Городцова, погребения в курганах у Бельска совершались в могильных ямах длиной 3—5,3 м, шириной 2,6—3,5 м, глубиной от 1 до 1,5 м. Все могилы перекрыты деревянным накатом. Гробница в виде сруба обнаружена только в кургане № 9 у с. Осняг. В остальных курганах деревянная облицовка стен не отмечена вовсе. Зато почти во всех случаях отмечено особое устройство пола, покрытого лубом или деревянным настилом. В ряде случаев для погребенных устраивались деревянные помосты или ложе из луба. Досчатые настилы клали на поперечные лежни или брусья, вкопанные в дно могилы. Луб натягивался и закреплялся деревянными брусьями, уложенными в канавки. Под деревянным или лубяным настилом в нескольких случаях отмечена подсыпка дна известью.

Основной являлась ориентировка могил по линии северо-запад — юго-восток или юго-запад — северо-восток. В тех случаях, когда удавалось проследить ориентировку, умершие лежали головой на юго-запад.

В курганах № 8 у Скоробора, № 1 и 4 у Осняг, № 10 Саранчевского поля над перекрытием могил отмечены следы кострища с сожженной соломой от пшеницы.

Господствуют вытянутые труположения, но встречаются и скорченные. В сильно скорченном положении, головой на север, был погребен воин в кургане № 4 уроч. Осняги, при котором найдены меч с золотой обкладкой рукояти типа Солохи, колчан с 90 наконечниками стрел и два наносника в виде орлиной головки и головки ушастого зверька. Погребение датируется IV в. до н. э.

В курганах VI в. до н. э. среди остатков тризны в насыпи встречаются обломки чернолощеной керамики — черпаки, кубки, а также горшки с валиковым налепом под краем (курганы № 2, 3, 10, 11 уроч. Скоробор, № 1 у Осняг). Из числа ранних курганов, исследованных В. А. Городцовым, приведем описание неразграбленной могилы кургана № 6 уроч. Скоробор, где оказалось погребение мужчины и женщины, лежавших вытянуто, головой на юго-запад. Возле женского скелета, находившегося справа от мужского, обнаружен окрашенный красной краской колчан с четырьмя архаическими наконечниками стрел. На шее женщины найдены мелкие бусы, на левой ключице — железная гвоздевидная булавка и глиняная пуговка. В головах мужского скелета стояла миска.

В разрушенном парном захоронении кургана № 4 у с. Скоробора найдены остатки колчана из кожи и меха с бронзовыми наконечниками стрел архаических типов и несколько стрел из дерева с деревянными наконечниками; железные удила с железными трехпетельчатыми псалиями. В состав женского инвентаря входили бусы из пастового бисера, глиняная пуговка и пряслице.

Назовем также находки архаического кинжала и топорика в кургане № 1 у Скоробора, железных удил со стержневидными архаическими псалиями из кургана № 10 у Скоробора и кургана № 11 у Саранчевского поля, а также железных удил со стремявидными петлями и стержневидными псалиями из кургана № 1 у Осняг. В кургане № 2 у Осняг обнаружены девять золотых бляшек в виде треугольников, составленных из трех кружков, от архаического убора.

Из 22 курганов, раскопанных В. А. Городцовым, не менее 12 относятся к VI в. до н. э., 6 могут быть датированы V—IV вв. до н. э. Среди них упомянутый курган № 4 у Осняг, курган № 5 у Скоробора, где найден кинжал с волютообразным навершием, курган № 5 у Осняг и некоторые другие.

Характеризуя курганы, раскопанные им в уроч. Скоробор, В. А. Шрамко отмечает наличие склепов с крышей и стенками, облицованными деревом, а также наличие деревянного пола. Он отмечает обычность находок местной керамики (черпаки, миски, горшки), находку деревянного колчана со стрелами, мечей, удил, псалий. В более поздних курганах

обнаружены золотые украшения, ритон с золотыми и серебряными накладками, бронзовые поножи.

Весьма интересно погребение, открытое Б. А. Шрамко в кургане № 2 (1965 г.) в уроч. Скоробор (высота 1,6 м) [Шрамко, 1976, с. 207]. Могильная яма размерами 1,5 × 2 × 0,5 м была перекрыта двумя рядами плах. Около могилы, на уровне погребенной почвы, открыто большое кострище, в золе которого найдены остатки сожженной соломы, зерен шеницы, ячменя, ржи, овса, бобовых и культовые модели зерен из глины. В могиле захоронена женщина средних лет, лежавшая вытянуто на спине, головой на запад. При ней найдены две гвоздевидные булавки, золотые бусы, пастовый бисер, куски серы и реальгара, бронзовое зеркало, украшенное фигуркой пантеры на конце ручки, кости животных от напутственной пищи и нож.

Обращает внимание, что среди ранних курганов у Бельского городища отсутствуют погребения VII в. до н. э., соответствующие наиболее ранним слоям культурного слоя Западного укрепления.

Курганы у села Мачухи. Насыпи, числом до 160, расположены компактной группой неподалеку от поселения и, безусловно, связаны с ним. Исследования здесь проводил М. Я. Рудинский в 1923—1925, 1946 гг. [Рудинский, 1928, с. 19—22; Рудинский, 1949, с. 55—59; Ковпаненко, 1970, с. 146—169]. Курганы небольших и средних размеров высотой до 1 м и меньше. Курганы высотой от 2 до 3 м одиночны. Из раскопанных здесь 38 курганов большинство относится к VI в. до н. э. и только 5 могут быть датированы V в. до н. э.

Захоронения совершались в обширных (размером 3 × 2,5 м), но сравнительно неглубоких до (1,5 м) ямах, перекрытых деревянным накатом. Во многих случаях отмечена обшивка стен деревом или лубом. Встречаются склены в виде срубов. Обычен деревянный настил пола. В большинстве могил ориентированы по линии север—юг.

Наряду с основными захоронениями в ямах, в ряде случаев встречались погребения, впущенные через насыпь и совершенные в неглубоких ямах в грунте, часто у края основной могилы. Умершие, обычно женщины и дети, были положены скорченно, на левом боку. При последних либо вовсе не бывает вещей, либо их сопровождают обычные горшки, миски, черпаки и редкие украшения. Женские захоронения определяются по наличию в них глиняных пряслиц. Основные погребения в могильных ямах бывают одиночными, парными и групповыми. Среди парных могут быть выделены погребения с сопровождающими женскими захоронениями. В кургане № 19, VI в. до н. э., оба погребенных лежали головой на юго-восток. При первом из них оказались миска, черпак и обломок распавшегося железного предмета; при втором — миска, бочонковидный горшок, биконический кубок, сера, реальгар и бусы.

Иногда сопровождающее лицо было погребено в скорченном положении. Так, в кургане № 14 один из погребенных лежал вытянуто на спине. При нем найдены наконечник стрелы, две фрагментированные железные булавки и железный нож. Второй — скорченно на боку, повернут лицом к первому. Вещей при нем не обнаружено. Оба ориентированы на юго-запад. Кроме того, в могиле найдены два горшка и бронзовая ворварка.

В кургане № 13 обнаружено групповое погребение V в. до н. э. Женский и мужской скелеты лежали вытянуто, головой на юг. Рядом с мужчиной найдены меч с волутообразным навершием, колчан со стрелами позднеархаических типов, железные удила с псалиями, две бронзовые бляшки, ворварка, глиняный горшок; с женским — обломок железной булавки, три бронзовых колечка, глиняное пряслице, железный нож, горшок и миска. Третий умерший лежал в скорченном положении, лицом к первому. При нем были наконечник стрелы и обломок ножа. Очевидно, это захоронение раба или слуги.

Сопровождающие захоронения зависимых лиц встречаются и при основных женских погребениях. В кургане № 8 основное погребение принадлежало женщине, лежащей вытянуто, головой на юго-восток. При ней были две миски, небольшой горшок, бронзовый браслет, гвоздевидная серьга и бусы. В ногах — скелет человека в сидячем положении, при котором найдена всего лишь одна бусина.

В скорченном положении бывают погребены не только сопровождающие лица и лица, захороненные во впускных могилах, но и основные погребенные в подкурганых гробницах. В кургане № 25 умерший лежал скорченно, головой на юг, на правом боку. При нем найдены черпак, горшок, между костями грудной клетки — мелкие бусы, под черепом — обломок железной булавки. Найдены также сера и реальгар. Очевидно, погребение принадлежало женщине.

В насыпях курганов постоянно встречаются обломки керамики, однако трудно сказать, являются ли они остатками тризны или фрагментами сосудов из разрушенных при ограблении могил. Следов особых кострищ в насыпи, на грунте или над погребениями, связанных с обрядом тризны в курганах Мачухи, не зарегистрировано. Обряд погребения не меняется на протяжении VI и V вв. до н. э.

Инвентарь мачухинских курганов отличается обилием и разнообразием посуды для паутственной пищи. Особенно велико количество мисок (до 30 экз.), нередко встречающихся по две. Из других сосудов обычны черпаки (16 экз.) с высокими ручками, чаще неглубокие, неорнаментированные или с радиальным орнаментом, аналогичные позднежаботинским и старшежуровским черпакам из Правобережья. Обычны горшки бочонковидной формы с защитными валиками под венчиком. Наиболее ранние погребения отличаются почти полным отсутствием скифских металлических изделий, за исключением трех наконечников копий (курганы № 1, 2, 24), и отдельных наконечников стрел (курганы № 7, 8, 11, 16, 17, 24, 27), ножей и точильных камней (курганы № 27, 35). В этом отношении курганы Мачухи близки к курганам Тенетинского могильника на Тясмине. Сближает их также слабое имущественное различие, близость состава женских и мужских инвентарей.

В погребениях второй половины VI в. до н. э. обычными становятся грушевидные черпаки с высокими ручками, сохраняются лощеные миски, горшки с валиковыми налечами. В кургане № 11 в яме с деревянным срубом при погребенном, положенном головой на юго-восток, найдены: архаический наконечник стрелы, две бронзовые пряжки-провизи в виде орлиных головок, черпак с высокой, раздвоенной на конце ручкой и круглотелый сосуд. Курган № 18 датируется по находке бронзового зеркала с волютами на верхнем и бараньей головкой на нижнем концах ручки второй половины VI в. до н. э. Кроме того, здесь оказалась железная булавка с гвоздевидной головкой, миска с четырьмя шпечками, грушевидный черпак и небольшой горшочек.

Количество предметов вооружения, конской узды, украшений в зверином стиле в могилах V в. до н. э. несколько увеличивается, хотя в эту пору остается весьма незначительным. В кургане № 10 обнаружен колчаный набор с 29 наконечниками; в кургане № 13 — меч, колчан, железные удила с псалями; в кургане № 9 — наконечники стрел V в. до н. э. и три бронзовые бляшки с головкой хищника кошачьей породы. В курганах V в. до н. э. чернолощенные сосуды в виде черпаков и кубков уже не встречаются. Здесь обычны миски и горшки с выделенной шейкой, выпуклым корпусом и отогнутым наружу венчиком. Связь мачухинского поселения и могильника с культурой населения Правобережья не вызывает сомнений.

Четырнадцать курганов, раскопанных И. А. Зарецким у сел Лихачевка, Деревка, Опишлянка, дополняют характеристику погребального обряда у населения Ворсклинского бассейна. Как и в описанных выше

группах, основной тип погребальных сооружений составляют ямы с деревянными перекрытиями. Ориентировка их выяснена недостаточно: в двух случаях отмечена северо-южная (курганы № 8, 13) и одним (курган № 2) — северо-запад — юго-восточная. В кургане № 6 открыт склеп с деревянной облицовкой стен, полом и накатом. В курганах № 2 и 9 вдоль стен могилы открыты канавки; в кургане № 2 вдоль стен обнаружено еще 14 столбовых ям. Погребенная здесь женщина лежала в скорченном положении, головой на юго-восток. Открыты здесь и сожженные склепы. В кургане № 5 склеп, очевидно, размещался на погребенной поверхности, о чем свидетельствует сильно сожженная яма. В кургане № 13 был сожжен склеп, находившийся в яме.

Большинство курганов у с. Лихачевки относится к середине VI — началу V вв. до н. э. Ранним V в. до н. э. датируются курганы Витова Могила (№ 7) и Опишлянка (№ 13), где найдены колчаны с наконечниками стрел позднеархаических типов, украшенные с наружной стороны золотыми бляшками. Колчан Витовой Могила с параллельными стенками и круглым дном был украшен по верхнему краю золотыми бляшками в виде «пантер» с поджатыми лапами, концы которых, а также плечо и конец хвоста оформлены в виде орлиных головок. В средней части колчана помещена круглая бляха, окаймленная бордюром из орлиных головок и четырьмя бляхами-розетками, ниже расположены по дуге фигурки козлов с поджатыми ногами и повернутой назад мордой. Вдоль нижнего края размещалось 11 блях в виде орлиных головок. Рядом с колчаном лежали три железных псаля и небольшие роговые и бронзовые пластины.

Колчан из кургана у с. Опишлянка имел трапециевидную форму. По верхнему краю он был украшен 14 золотыми бляшками в виде «пантер», а в левом верхнем углу — бронзовой с золотой плакировкой крестовидной бляхой ольвийской работы с изображением фигурок «пантер» и хищников, терзающих травоядное животное. Кроме того, здесь найдены 10 удил с псалями и наконечник копья.

К середине VI в. до н. э. относится курган № 8, в котором найден деревянный колчан с 32 бронзовыми двухлопастными и трехлопастными наконечниками стрел, чернолощенный орнаментированный черпак и круглотельный кубок. В кургане № 6 оказались ранний наконечник копья, бронзовый рыболовный крючок и железные удила со стержневидными трехпетельчатыми псалями. В кургане № 9 сохранилась витая электроваля гривна. В кургане № 1 — золотая бляшка-розетка. При женском скорченном погребении в кургане № 2 обнаружены куски серы и краски, миска и горшок с ямками по краю и проколами под венчиком.

Из курганов у с. Кириковка [Мельник, 1905, с. 715] наибольший интерес представляет неогрabenное погребение в кургане № 13. В могильной яме с деревянным перекрытием (размеры 3,1 × 2 × 2,6 м) вдоль стен были вкопаны столбы. К яме вел дромос, стенки которого были обшиты деревом. Скелет лежал на подстилке из бересты, вытянуто, головой на юго-запад. У головы найдена золотая цепочка с подвеской в виде ромба. Возле пояса — два меча: длинный и поменьше. Сохранившийся меч архаической формы. Здесь же у пояса обнаружены нож и оселок. У левого предплечья — роговой конец лука и остатки берестяного колчана с восьмью архаическими наконечниками стрел.

К IV в. до н. э. относится большинство курганов у хут. Покровского и Настельного, расположенных на рр. Мерла и Коломак в междуречье Ворсклы и Северского Донца. По некоторым особенностям погребального обряда (преобладание ориентировки ям по линии северо-запад — юго-восток, деревянные настилы пола) курганы можно отнести к ворсклинской группе, а не к северодонецкой, как они описаны у П. Д. Либерава. В тех случаях, когда отмечена ориентировка, погребенные были обращены головой на северо-запад, запад или восток.

Состав инвентаря в могилах незначителен. Обычно это поздние наконечники стрел, копий и дротиков, точильные и пращевые камни. Среди украшений имеются пастовые и стеклянные бусы, железные и бронзовые браслеты, отдельные золотые украшения, греческие амфоры, канфар.

Интересен курган № 1 третьей группы у хут. Настельного с захоронением женщины с оружием. Погребение совершено в яме в деревянной гробнице. Скелет ориентирован на северо-запад, посыпан сверху золой и скорлупой от яиц. Под головой умершей находилось 19 наконечников стрел. Кроме того, здесь найдены бронзовое зеркало, горшочек, кость от вырезки мяса и нож.

Из курганов у хут. Покровского интересно неразграбленное погребение в кургане № 9, реконструкция которого предложена П. Д. Либеровым [1962, с. 23], с захоронением женщины и раба. Основное погребение совершено на особом возвышении с деревянным настилом, где был постлан луб. Скелет ориентирован на северо-запад. У черепа найдена бронзовая проволочная серьга, на груди — ожерелье из мелких золотых и пастовых бус. В центре ожерелья — подвеска в виде фригийской головки. Ворот одежды обшит золотыми бляшками с изображением зайца, на правой руке — бронзовый и железный браслеты. У правого плеча найдены две бронзовые булавки. Кроме того, в могиле лежали плита из песчаника, бронзовое зеркало с ручкой, глиняный горшочек.

Скелет сопровождающего лица лежал в ногах поперек могилы в скорченном положении на правом боку. Вещей при нем не было. В ногах обнаружена небольшая кучка золы.

Из числа других памятников назовем курган у с. Глинице Зеньковского района. Он раскопан крестьянами, нашедшими в нем 123 наконечника стрел архаических типов, бронзовое зеркало с центральной ручкой, поверх которой прикреплена бляха с изображением животного, бронзовое кольцо с тремя выступами, сердоликовую бусину и два куска румян. При исследовании кургана А. А. Бобринским установлено, что погребение совершено в яме с остатками деревянного склепа. В насыпи прослежены следы тризны. Во время раскопок А. А. Бобринскому передали найденную в верхних слоях насыпи золотую серьгу в виде калачика. Погребение относится к VI в. до н. э. [Рабинович, 1936, с. 81—85].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В обзоре памятников Скифии мы рассмотрели Предкавказье, Кавказ, Степное Приазовье, Причерноморье, Крым, Украинскую Лесостепь. Несмотря на то что далеко не все памятники могли быть учтены, основные особенности культуры скифского типа определяются достаточно отчетливо. Хорошо прослеживаются их периодизация, смена и эволюция материальной культуры, черты общности и проявления локальных особенностей отдельных регионов.

Подведем некоторые итоги сказанному выше.

Скифская культура представляет собой часть обширной историко-культурной общности, объединяющей круг культур так называемого скифо-сибирского типа, представленное о которых за последние годы существенно расширилось и обогатилось благодаря памятникам Алтая, Казахстана, Тувы. Эта общность на заре раннего железного века охватывает огромную территорию степей, полупустынь и горных районов от Дуная до Монголии. Немаловажно, что культура в глубинах Азии появляется на 100—150 лет раньше, нежели на территории Европейской части СССР.

В свете этих данных, а также общего представления о происхождении кочевнических народов и формировании их культуры представляются несостоятельными гипотезы южнорусского или переднеазиатского происхождения скифов и распространения их культуры из Причерноморья (или Передней Азии) в недра Азии, вплоть до границ Китая.

На современном уровне наших знаний еще нельзя точно очертить территорию первоначальной прародины скифов. Наиболее вероятно, что ее следует искать где-то в непосредственном контакте с карасукской культурой, оказавшей влияние на киммерийскую, а позднее скифскую культуры ранних кочевников Северного Причерноморья.

Незначительные, но интересные сведения о родине скифов содержатся у античных авторов. Так, Геродот сообщает, что скифы первоначально жили в Азии «будучи теснены войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю» [Геродот, IV, 11]. Местоположение земли массагетов прочно засвидетельствовано тем же автором. Согласно Геродоту, они занимали значительную часть огромной равнины к востоку от Каспийского моря и далее на восток до р. Аракс. Говоря о массагетах, он отмечает, что последние живут за Араксом (Аму-Дарьей), напротив исседонов [Геродот, I, 201, 202, 203, 204].

Согласно сведениям, заимствованным из поэмы «Аримаспея» Аристея из Проконесса (вторая половина VII в. до н. э.), Геродот сообщает другой вариант об изгнании скифов из Азии, по которому исседоны были вытеснены из своей страны аримаспами и, в свою очередь, вытеснили скифов, которые вторглись в киммерийскую землю [Геродот, IV, 13].

Исседонов в настоящее время принято локализовать в Зауралье — Притоболье [Пьянков, 1978, с. 186—187].

По преданию, сообщенному Диодором Сицилийским (I в. до н. э.), заимствованному, вернее всего, из боспорских исторических сочинений, скифы сначала «жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие. Позднее, под водительством одного воинственного царя, они приобрели себе страну до Кавказа и реки Танаиса, а усилившись еще более, овладели всей территорией от Танаиса до Фракии» [Диодор Сицилийский, II, 43].

Как видим, по сведениям, которыми располагали греческие писатели, родина скифов могла соседствовать с массагетами или исседонами, возможно, на пространстве между теми и другими, то есть приблизительно в Западном Казахстане. Последнее возмож-

но, но пока еще не подтверждено открытием здесь памятников, соответствовавших протоскифам.

По Диодору, в Восточной Европе скифы прежде всего обосновались в Предкавказье. Геродот также был осведомлен, что скифы, оказавшись в Причерноморье, в погоне за киммерийцами устремились на Кавказ и вторглись в Переднюю Азию. Ассирийские письменные источники засвидетельствовали, что скифы появились на Востоке не позже 70-х годов VII в. до н. э. и создали здесь, в районе озера Урмия, царство Ашкуз, сыгравшее большую роль в истории [Дьяконов, 1956, с. 245—254]. Археологические данные подтверждают появление скифской культуры на Северном Кавказе, встречу ее с киммерийской в период раннего VII в. до н. э. и продвижение в этот же период вдоль восточного Кавказа.

Изучение скифского времени на Кавказе продолжает еще нуждаться в расширении археологической источниковедческой базы. Необходимо специальное монографическое исследование уже накопившихся материалов. Но и имеющиеся у нас сведения позволяют прийти к выводу, что на Кавказе обнаруживаются памятники и различные остатки старейшей скифской культуры, часть которых с определенной уверенностью может быть отнесена к самому началу появления скифов. В этом заключается исключительное значение Кавказа для скифоведения.

В памятниках Кавказа безукоризненно точно засвидетельствована встреча скифской культуры с позднейшей киммерийской, ставшей нам известной по памятникам новочеркасской группы. С наибольшей вероятностью эти памятники можно датировать еще первой четвертью VII в. до н. э.

Близки им по времени погребения Мингечаура, могилы кобанской культуры как на северном, так и на южном склонах Главного хребта, Самтаврского могильника в Грузии, в составе вещей которых имеются различные предметы скифской культуры. Некоторые из них отчетливо связываются с курганами жаботинского этапа середины, второй половины VII в. до н. э. В одном хронологическом и историко-культурном русле стоят многочисленные находки скифских бронзовых наконечников стрел в руинах переднеазиатских городов Древнего Востока. В совокупности в них зачатлены следы пребывания скифов на Кавказе и их переднеазиатских походов.

Древнейшим из числа хорошо датированных скифских памятников является курган

на Темир-Горе близ Керчи, относящийся к третьей четверти VII в. до н. э. По составу происходящих из него вещей он чисто скифский, никаких предметов, которые можно было бы отнести к новочеркасской ступени киммерийской культуры, в нем не обнаружено, а это свидетельствует о том, что конец киммерийского времени в Причерноморье следует отнести к несколько более раннему времени, во всяком случае не позже первой половины VII в. до н. э. Таким образом, выясняется, что скифская культура во вполне сложившихся формах, с типичными проявлениями звериного стиля уже существовала в Предкавказье и в Северном Причерноморье во время скифских походов в Переднюю Азию, и поэтому их нельзя ставить в зависимость от тех или иных переднеазиатских культурных воздействий. Скифы продвигались на восток не с доскифской, а со скифской культурой в ее ранних формах, которые нельзя смешивать с ассирийскими, урартийскими, мидийскими или какими-то иными переднеазиатскими началами. ¶

Большое значение имеет установление факта наличия скифских памятников в степях Предкавказья, относящихся к VII—V вв. до н. э.

Келермесские и Костромской курганы в Адыгее прочно датируются рубежом VII—VI вв. до н. э. В найденных в них материалах (в чем они едины с Мельгуновским курганом на Кировоградской), сочетаются собственно скифские изделия и высокохудожественные произведения восточных, скорее всего урартийских торевтов, выполненные в соответствии со вкусами знатных скифских заказчиков. В составе заупокойных даров этих гробниц оказались предметы ассирийской утвари (сосуды, обломки кресел и проч.), т. е. военная добыча, трофеи скифов, захваченные во время походов по странам Востока. Отсюда следует, что Келермесские и подобные им курганы являются памятниками, более всего соответствующими времени возвращения скифов с Востока на свою причерноморскую родину.

Отсутствие собственно скифских курганов или гробниц на путях через Закавказье и Кавказ определенно свидетельствует о том, что эта территория оставалась вне прочных кочевий, за пределами владений скифов. Однако сила воздействия скифской культуры на культуры кавказских народов столь значительна, что она позволяет предполагать, во-первых, длительность, во-вторых, проникновение через Кавказ значительной массы скифских воинских подразделе-

ний. Элементы скифской культуры и искусства оказались так прочно усвоенными на Кавказе, что в течение длительного времени сохранялись и подвергались местной художественной переработке.

Что касается Северного Кавказа, в области расселения кобанских и меотских племен, то скифское влияние здесь было еще более сильным и органичным, так как скифы являлись их непосредственными соседями. Если уход скифов из Закавказья можно, по некоторым признакам, отнести к VI в. до н. э., то в Северном Предкавказье они задержались значительно дольше, вероятнее всего, в течение всей первой половины V в. до н. э., что подтверждается наличием собственно скифских курганов соответствующего возраста. Политическая обстановка на Северном Кавказе в VI в. до н. э. определяется лучше всего переданными Ксенофонтосом словами Сократа: «...В Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны...» [Воспоминания о Сократе, II, 1, 10]. Вне всякого сомнения, скифы не создали здесь сколько-нибудь прочное и стойкое политическое объединение.

К середине V в. до н. э., когда Геродот совершил свое путешествие в Скифию, скифы уже потеряли свое бывшее влияние на Кавказе, что было, очевидно, обусловлено усилиями самих меотов и других народов, населявших Северный Кавказ; выдвиганием Боспора в качестве крупной политической и экономической силы, консолидировавшей вокруг себя местные племена, и продвижением савроматов к Дону и в Предкавказье.

Проблема раннескифского времени в степях Причерноморья остается весьма сложной. Исследователи, ограничивавшие географические пределы Скифии степной полосой и считавшие, что Скифия была заселена ираноязычными племенами, в том числе не только кочевыми, но и оседлыми скифами-пахарями и скифами-земледельцами, обнаружили, что памятники, которые можно было бы связать с этими племенами, названными Геродотом, в архаический период в степной полосе практически отсутствуют. В результате эта группа племен просто выпала из поля зрения, не получив отражения в этногеографии Скифии.

Опираясь крайне ограниченным количеством данных о раннескифских памятниках в степной полосе, И. В. Яценко и М. И. Артамонов пришли к выводу, что скифы VII—VI вв. до н. э. были малочисленны и уступали в развитии племенам, обитавшим в Украинской Лесостепи и Прикубанье, и счи-

тали, что они относятся не к скифской, а к иным культурам.

Возражая этой точке зрения, мы уже говорили, что такое толкование коренным образом противоречит представлению о месте и значении Скифии VII—V вв. до н. э., сложившемуся на основании письменных свидетельств и археологических данных, относящихся ко времени переднеазиатских походов, пребывания скифов в Передней Азии, присутствия их на Кавказе и возвращения в Причерноморье [Ильинская, 1968, с. 175—177].

По Геродоту, скифы в рассматриваемый период являлись наиболее передовой в культурном отношении народностью к северу от Черного моря: «По берегам Понта Эвксинского, куда вступил походом Дарий, обитают племена, за исключением скифского, несравненно более грубые, чем во всех других странах» [Геродот, IV, 46].

По возвращении в Причерноморье скифы создали большое политическое объединение государственного типа, обратив в рабов и подвластных, то есть данников, ряд других кочевых и земледельческих народов. В ходе утверждения собственного господства им пришлось выдержать тяжелую («не меньше мидийской») войну с выступившим против них населением Керченского полуострова [Геродот, IV, 1—4]. О большом количестве населения Скифии в ранний период свидетельствует рассказ Геродота о бронзовом котле царя Арианта, отличного из множества наконечников стрел, собранных по одной от каждого скифа [Геродот, IV, 81]. В результате победоносной войны с Дарием скифы стяжали себе славу «непобедимых» [Геродот, IV, 46]. Описывая Степную Скифию, Геродот отмечает, что в царских владениях «живут самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами» [Геродот, IV, 20].

Говоря о скифах, греческий историк V в. до н. э. Фукидид писал: «С этим последним народом не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам, если они будут единодушны» [Фукидид. О Пелопонесской войне, I, 97]. Диодор Сицилийский также отмечает военное могущество скифов, подчинивших себе страну за рекой Танаисом до Фракии: «поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами» [Диодор Сицилийский, II, 43].

Приведенные свидетельства древних авторов, многие из которых являлись современ-

никами изучаемых событий, необходимо учитывать при оценке раннего периода истории скифов. Что касается памятников археологии, то период архаики нельзя рассматривать в отрыве от скифских курганов Северного Кавказа и следов влияния скифов на культуру населения Кавказа и Передней Азии.

В настоящее время количество известных нам скифских памятников ранней поры (VII—V вв. до н. э.) намного возросло, их учтено более сотни. В размещении скифских курганов с основными (или впускными) раннескифскими захоронениями наблюдается следующее: они сравнительно равномерно и в весьма ограниченном количестве рассеяны от Дона до нижнего течения Дуная. Все это одиночные могилы. Особенно определено это можно сказать о старейших из них. До сих пор в степи не обнаружено ни одного кладбища рядовых скифов, ни одного некрополя скифской знати, которые могли бы быть поставлены в один ряд с Келермесскими курганами в Адыгее. Все раннескифские могилы на этой территории производят впечатление, что захоронения в них были совершены при различных, более или менее случайных, обстоятельствах (условия военных действий, перекочевок и пр.). Лишь в течение V в. до н. э. начала обозначаться концентрация скифских могил в области Нижнего Поднепровья и ближайших к ней территорий к западу и востоку.

Возможное объяснение этому феномену заключается в местоположении раннескифских кладбищ за пределами степей, в отдаленной северо-восточной части Скифии, в земле племени Герр. По сообщению Геродота, уже во время войны скифов с Дарием у скифов существовали скрытые где-то в отдаленной труднодоступной местности «могилы предков» [Геродот, IV, 127], возникновение которых относится ко времени более раннему — к началу VI в. до н. э. Наличие больших курганных некрополей дружинников архаического времени в глубинах Лесостепи может служить подтверждением сообщения Геродота.

Архаические захоронения степной полосы, включая и Предкавказье, особенно из числа наиболее ранних, по существу ничем не отличаются от гробниц, типичных для территории Лесостепи. Преобладают подкурганные захоронения в ямах или на дневной поверхности с деревянными склепами и перекрытиями, нередко со следами сожжения. Господствуют вытянутые труположения с преобладанием широтной ориентировки.

Встречаются погребения одиночные (чаще мужские) и парные. При мужских захоронениях обычны акинаки, длинные мечи, наборы наконечников стрел, наконечники копий, предметы конского снаряжения, наконечники ножен кинжалов и мечей, костяные концы луков, предметы узды нередко украшены в скифском зверином стиле. В женских захоронениях находят украшения, предметы туалета: каменные блюда, зеркала, изредка предметы вооружения. В составе погребальной утвари известны деревянные чаши с золотыми окантовками, деревянные подносы с положенной на них вырезкой мяса и ножом. По составу сопровождающих вещей степные гробницы мало чем отличаются от лесостепных, так что мы не всегда можем уверенно сказать, кому принадлежит та или иная могила — коренному скифу-кочевнику, жителю степи или же представителю местного оседлого населения.

Изменение представлений о характере степных раннескифских погребений является одним из важнейших результатов исследований памятников Степной Скифии за последние десятилетия.

В конце V в. до н. э. происходят большие изменения в размещении погребальных памятников степных скифов. Курганные некрополи знатных и простых скифов отныне сосредоточиваются в основной зоне степных кочевий. Наибольшее их количество известно в правобережной и левобережной частях Нижнего Поднепровья в пределах Днепропетровской, Запорожской и Херсонской областей. Здесь же находятся богатейшие курганы скифских царей и высшей аристократии. По-видимому, на этих землях, находившихся в центральной части скифских угодий, одинаково хоронили как царские, так и кочевые скифы, остающиеся в археологическом отношении пока не разделенными. Известны скифские курганы и на других территориях: вдоль северо-западного побережья Черного моря, вдоль Азовского моря, в степном Крыму, на Керченском п-ве. В небольшом количестве курганы степных скифов IV в. до н. э. встречаются в южной части правобережной Лесостепи, проникают они в глубь лесостепной полосы вдоль левого берега террасовой равнины Днепра. Именно в этот период, с конца V в. до н. э., складывается типичный для степных скифов обряд погребения в катакомбах, позволяющий значительно более четко отделить захоронения представителей степного скифского кочевого населения от оседло-земледельческих племен Скифии.

Погребальные сооружения в виде катакомб изредка встречаются в пору архаики, более широко они распространяются у степных скифов V в. до н. э., а в IV в. до н. э. почти совсем вытесняют погребения в виде простых ям с деревянными перекрытиями или деревянных столбовых склепов, сооруженных на подкурганной поверхности или в ямах. Причины этих изменений недостаточно выяснены. Возможно, что катакомбы заменялись склепами для того, чтобы сделать гробницы менее доступными для грабителей. Определенную роль могло сыграть недостаточное количество леса в степной полосе. Однако эти соображения нельзя считать вполне убедительными. Отметим, что приблизительно в это же время у сарматских племен также произошел переход от погребений в ямах с деревянными гробницами к захоронениям в катакомбах.

В настоящее время возросло количество обнаруженных погребальных памятников кочевых скифов, что позволяет более подробно представить себе устройство скифского общества. Для этого нами в первую очередь использовались максимально сохранившиеся захоронения в курганах. Выяснилось, что скифское общество было весьма сложным по имущественному и социальному составу. Уточнение градаций этого общества нуждается в специальных исследованиях.

Систематизируя скифские степные курганы и захоронения, мы сочли возможным разделить их, в зависимости от размеров и особенностей погребального устройства, состава заупокойных даров, человеческих и конских жертвоприношений, на различные в экономическом и социальном отношении группы: царские курганы, курганы скифской знати, богатых скифов, рядового скифского населения, также подразделяющегося на определенные составные по имущественному признаку. В ряде случаев представляется возможным определить положение погребенного в семейной ячейке, относящейся к той или иной социальной прослойке. Выделяются погребения царей и знатных жен, занимающих высокое положение в семье и обществе, знатного юношества, слуг из числа лично свободных скифов, представителей различных групп рядового населения — мужчин и женщин.

Интересны могилы скифских женщин. По словам Геродота, в гробницы скифских царей клали одну из насильственно умерщвленных наложниц [Геродот, IV, 71]. Мы не собираемся брать под сомнение достоверность сообщения «отца истории». Очевидно, такие

факты были ему известны и имели место в скифской практике. Однако раскопки скифских царских курганов показывают, что этот обычай был не всегда обязательным. Чаще всего в могилах представителей скифской знати (включая царей и высшую аристократию) сопровождающие погребения женщин, которые могли бы быть отнесены к категории наложниц, не встречаются вовсе. Как правило, в курганах бывают по две или три могилы, из которых одна основная, другие — впускные. В этих случаях мужская и женская могилы бывают отдельными, причем женская нередко оказывается впускной, то есть более поздней. По ценности находящихся вещей женские гробницы обычно не уступают мужским, а отсюда следует, что скифы обычно хоронили в могиле мужа не насильственно умерщвленную жену, а умершую естественной смертью. Этот обычай наблюдается не только в курганах царей и знати, но и рядовых скифов.

В то же время в ряде скифских курганов при погребениях мужчин (чаще представителей рядового сословия) встречались сопровождающие захоронения женщин, в которых можно видеть насильственно умерщвленных жен или же «рабынь»-наложниц. Положение последних определяется отсутствием при них сопровождающего инвентаря и особым положением по отношению к главному погребению мужчин.

В последнее время выявлено большое количество курганов, содержащих основные погребения женщин, сопровождавшихся, помимо типично женского инвентаря, предметами вооружения. Выделение этой прослойки «скифских амазонок», по своему положению приближающихся к женщинам савроматских племен, составляет ранее неизвестную черту скифского общественного быта.

Положение скифянок обрисовано Геродотом в легенде о происхождении савроматов, в которой рассказывается об ответе амазонок скифским юношам, звавшим их в свою общину: «Мы, пожалуй, не уживемся с вашими женщинами, так как у нас не одинаковые с ними обычаи: мы стреляем из луков, бросаем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены, тогда как ваши женщины... занимаются женскими работами; они постоянно сидят на повозках, не ходят на охоту и вообще никуда не показываются» [Геродот, IV, 114].

Действительно, при большинстве женских погребений, начиная от знатных скифянок и до представительниц рядового населения, встречаются предметы украшений и туалета,

косметические принадлежности, орудия женского труда, однако предметы вооружения отсутствуют. Отсутствуют они и в захоронениях по-царски богатых женщин: в Мелитопольском, Мордвиновском, Чертомлыцком курганах, в Толстой Могиле и проч.

В то же время стало известно, что в скифской среде существовало сословие женщин, пользовавшихся достаточно почетным положением в обществе, хотя и не принадлежавших к сословию знати, владевших боевым луком, копьями, дротиками, пращами, реже мечом, то есть были столь же воинственными, как и савроматки. Среди них известны не только юные девушки, но и женщины старших возрастов. Интересно, что появление представительниц этого сословия зарегистрировано с VI в. до н. э. Причем встречаются они не только среди степных скифов, но и среди представительниц населения Лесостепи.

Точного ответа на вопрос о расхождении источников о положении женщин в скифском обществе еще нет. Очевидно, ответ на это удастся получить лишь в результате специального исследования о месте скифской женщины в древнем обществе, остающемся до настоящего времени почти совершенно не освещенным в науке.

Археологические данные свидетельствуют о господстве у скифов малой индивидуальной семьи при наличии института полигамии. В курганах, помимо основных погребений, нередко встречаются самостоятельные впускные могилы. Существование связей между погребенными подчеркивается тем, что гробницы нередко оказывались сооруженными по определенному плану, на одной прямой линии. Характеристика погребенных позволяет видеть в них последовательные захоронения членов одной семьи. Известны погребения с единовременными захоронениями ближайших членов семьи: мужчины, женщины, ребенка — групповые захоронения, при которых ближайшие родственники умерщвлялись вместе с главой дома. Наряду с этим сложился обычай, согласно которому ближайшие родственники не умерщвлялись насильственно, а после естественной смерти вносились в ту же гробницу, через специально сделанный вход. По-видимому, в это время был запрещен внос последующего умершего через главную входную яму. Такого рода гробницы с двумя выходами в большинстве сильно ограблены, что крайне затрудняет изучение состава погребенных в них лиц, среди останков которых чаще всего обнаруживаются кости мужчины, жен-

щины, детей, то есть членов малой семьи. Эта же картина прослеживается в редких случаях сохранившихся захоронений (Толстая Могила).

О существовании у скифов малой семьи свидетельствует рассказ Лукиана о некоем скифе Абавах, пришедшем в город Ольвию с семьей, которая состояла из жены, грудного мальчика и семилетней девочки [Лукиан. Токсарис или дружба, § 61].

Преобладание в скифском обществе малой индивидуальной семьи, свойственной многим кочевым народам [Хазанов, 1975, с. 55], определяется, прежде всего, установлением у скифов развитой частной собственности на скот и другие виды имущества.

В руках господствующего в скифском обществе сословия знати сосредоточивались большие богатства. По расточительной роскоши они не имеют себе равных среди других народов в Европе. Богатство скифских курганов свидетельствует о существовании многочисленной зажиточной социальной прослойки в скифском обществе. В рассказе Гиппократа, младшего современника Геродота, фигурируют «скифские богачи», которые называются «самыми благородными и пользующимися наибольшим могуществом людьми в Скифии» [Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, § 30]. Характеризуя богатство правителя земли махлиев (одного из меотских племен) Адирмаха, Лукиан упоминает, что этот знатный туземец имел «десять золотых чаш, восемьдесят четырехместных повозок и множество овец и быков» [Лукиан. Токсарис или дружба, § 44—46]. Подобный имущественный ценз и измерения степени богатства вполне применимы и к скифской зажиточной верхушке.

Надо полагать, что основным источником скифских богатств была нещадная эксплуатация даннически зависимых подвластных народов, продукты которой путем торгового обмена в греческих городах реализовались в художественную керамику, металлические сосуды, масло, вино, золотые украшения, оружие, конское снаряжение, личный убор и другие предметы роскоши.

Автор IV в. до н. э. (то есть времени наиболее богатых скифских курганов) Клеарх Солийский отмечает жестокую эксплуатацию скифами подчиненных ими племен фракийцев. «Ибо и они предавались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это же очевидно из остающихся еще до сих пор одежды и образа жизни их начальников. Предавшись же роскоши и притом весьма силь-

но и устремившись первыми из людей к тому, чтобы жить роскошно, они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у людей, с которыми вступали в сношения, стали отрезать концы носов... Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение «от скифов», показывающее, каково оно было». [Клеарх Соллийский, IV, 8]. Приведенный отрывок греческого историка представляет большой интерес. Во-первых, здесь определенно сравнивается роскошь и богатство скифов с бесправием и угнетением покоренных народов, во-вторых, имеется указание и на то, что это богатство и роскошь скифов существовали и в прошлом и, наконец, что постигшие скифов беды, вследствие которых они стали «несчастнейшими из всех смертных», являются следствием их «насильственных поступков».

Археологические и письменные источники свидетельствуют, что глубокое социально-имущественное расслоение скифского общества существовало еще во времена скифской архаики [Терепошкин, 1966, с. 36].

Одним из крупных достижений современного скифоведения является более отчетливое и мотивированное выяснение состава сопровождающих лиц в погребениях скифской знати. Так, в одной из подобных групп, сопровождающих захоронения царей, можно уверенно видеть свободных скифов, которые выполняли при своих господах роль конюхов, поваров, виночерпиев. Свободные скифы помещались в гробницы с соблюдением всех требований скифского обряда: в вытянутом положении, с оружием, в скифском уборе, иногда содержащем и ценные золотые украшения. Подтверждаются слова Геродота, что скифским царям служили не рабы, а «природные скифы» [Геродот, IV, 71—72]. Не исключено, что свободные скифы-слуги сопровождали не только царей, но и других представителей высшей знати.

Отдельную группу составляют сопровождающие захоронения рабов. Это чаще всего люди молодого возраста. Скелеты их обычно находятся в ногах хозяев, при выходе из могилы, в скорченном, как бы засунутом, брошенном положении, как правило, без вещей, иногда они бывают отделены от основных погребенных в отдельной камере или за стеной деревянного склепа.

Кроме богатей и аристократии, большую социальную группу составлял верхний зажиточный слой скифских общинников. Пред-

ставителей этой прослойки можно видеть в захоронениях мужчин, при которых найдены полные комплекты защитного и наступательного вооружения, по своему оснащению не уступающего средневековым рыцарским. Параллельно им встречаются женские захоронения, при которых, помимо предметов бытового обихода, встречаются ценные золотые украшения от парадной одежды. Эта социальная группа составляет как бы промежуточное звено между знатью и массой рядового населения.

Основную массу захоронений VI в. до н. э. составляют могилы простых скифов. По устройству погребальных сооружений и обряду они не отличаются от могил знати [Граков, 1964, с. 118]. Основное различие между ними заключается в размерах погребальных сооружений, количестве и ценности заупокойных даров и жертвоприношений. Массу простых скифов, очевидно, составляли бедные кочевники, в могилах которых обычно находят остатки горита со стрелами, наконечники копий, иногда акинак, греческий сосуд для вина, скромные украшения.

В свидетельствах античных авторов мы находим характеристики этой части простого скифского населения. По словам Лукиана, люди, происходившие из «толпы простых скифов», являлись «владельцами пары быков и одной повозки» и назывались поэтому «восьминогими» [Скиф или гость, § 1]. Поэт Пиндар (VI в. до н. э.) говорит о скифском бедняке Стратоне, который не имел даже дома, перевозимого на повозке, и считался поэтому «бесчестным» [Схолии к комедиям Аристофана]. У Пиндара находим сообщение о скифах, доведенных до такой степени нужды, что они вынуждены были питаться павшим скотом [Отрывки, фр. 209]. Гиппократ пишет о существовании скифской безлошадной бедноты, которая причислялась к числу людей самого низкого происхождения [О воздухе, водах и местности, гл. 30]. Подобного рода имущественная и социальная поляризация, наличие знати и богатей, с одной стороны, и беднейшего населения с другой — носила у скифов изначальный характер.

В этой «толпе простых скифов», упоминаемой древними авторами и известной по многочисленным курганам, можно видеть основных производителей кочевого скифского общества, всадников и пехотинцев всенародного скифского ополчения.

Факт существования многочисленного сословия скифской аристократии и богатей убеждает нас в том, что его существование

было возможным лишь при условии всестороннего обслуживания: выпас бесчисленных стад и табунов, принадлежащих знати; тяжелый труд по выполнению всех тех работ, в которых нуждается кочевник, как во время кочевий, так и в условиях лагерной жизни, на пастбищных стоянках. Скифская знать использовала труд большой массы людей. В числе последних можно было видеть скифов, не имевших скота для ведения самостоятельного кочевого образа жизни, скифскую бедноту и, конечно, рабов. Подобное слияние эксплуатируемых групп населения у кочевых народов Евразийских степей сохранилось вплоть до начала нашего века: всю тяжесть труда у скотоводов несли безропото их обедневшие сородичи и рабы.

О большом значении рабства у скифов хорошо известно по письменным источникам. Археологическими данными подтверждено существование домашнего рабства не только у богатых, но и сравнительно бедных людей.

Большую роль в жизни скифского общества играла война. Война, как пишет К. Маркс, являлась важной общей задачей древних общин, которые вели ее с целью захвата земли у других общин, а также для защиты занимаемой территории и других объективных условий существования. «Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности» [К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. I, с. 11—12].

Все, что нам известно о курганах кочевых скифов, полностью соответствует приведенной характеристике. Все скифы, от рядовых до высших, предстают перед нами как воины, разнообразно оснащенные оружием. «...Самая важная особенность скифов,— пишет Геродот,— состоит в том, что никакой враг, напавший на них, не может ни спастись от них бегством, ни захватить их, если они не захотят быть открытыми: ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собою, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, а жилища устраивают на повозках — такому народу как не быть непобедимым и неприступным» [IV, 46].

Для того чтобы сохранить военное могущество, скифы должны были иметь и поддерживать стойкое, хорошо вооруженное, крепко спаянное дисциплиной войско, включавшее всех общинников. Родовой строй, во многом утративший первоначальные соци-

альные и производственные функции, сохранялся в качестве готовой формы военной организации общества, необходимой для постоянной и прочной защиты пастбищ, охраны стад и походов против соседей. Приводя слова скифа, Лукиан пишет: «У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи...» [Лукиан. Токсарис или дружба, § 36]. Как видно из приведенного отрывка, скиф-общинник должен быть всегда готовым к участию в сражении в составе контингента воинов, из которых формировались общевойсковые соединения под предводительством родовых старейшин, номархов, царей. У скифов было множество обычаев, способствовавших воспитанию храбрых и беспощадных в бою воинов. По числу убитых врагов скиф получал свою долю военной добычи и почетную чашу вина [Геродот, IV, 64—66]. Археологические памятники открывают большие, еще далеко не исчерпанные, возможности для изучения общественного строя скифов.

Поселений и погребений, которые могли бы быть сопоставлены с областью обитания оседлых земледельческих племен скифов-пахарей и скифов-земледельцев в степной полосе, несмотря на многие специальные поиски, не обнаружено. Ни на территории степного течения Южного Буга, ни на Нижнем Днепре нет памятников земледельческого населения скифской культуры, к которым можно было бы отнести вышеперечисленные племена, упоминаемые Геродотом.

Небольшие «острова», занятые оседлым пастушеско-земледельческим населением, в степной полосе обнаружены лишь в ближайшем соседстве с греческими городами Северного Причерноморья, где они возникли в результате особого «микrokлимата», созданного торгово-экономическими интересами греческих городов-колоний с их особым интересом к натуральной продукции местного производства, особенно к земледельческой. Таковым был калиппидский, эллиноскифский ареал в окрестности Ольвии, на нижнем Буге, земледельческие округа, связанные с городами Никоном и Тирой в низовьях Днестра, область Керченского п-ва, связанная с городами Боспора. Население это вело активный торговый обмен с греческими центрами и не только поставляло продукты собственного производства, но, по-видимому, также являлось посредником в торговле греков с населением более отдаленных земледельческих регионов.

Характеризуя значение торговли с населением Северного Причерноморья, греческий историк II в. до н. э. Полибий писал: «Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино» [Полибий, История, 38]. Известно также, что важнейшей статьёй вывоза из Северного Причерноморья в Грецию было зерно.

Особо важную роль в отношении вывоза хлеба из Скифии в метрополию играл, как известно, Боспор. Крупные масштабы торговых операций явились важным источником обогащения местной скифской и синдо-меотской знати. Погребения представителей местной верхушки скифских и синдо-меотских племен отличаются особым богатством и насыщенностью драгоценными изделиями и другими произведениями ювелирного и художественного мастерства.

Важным обстоятельством является возникновение на Боспоре и в прилегающих к Боспору районах особых центров бронзолитейного ремесла, специализировавшегося на изготовлении различного рода художественных бронз (конской узды, наверший и проч.). Эти вещи, выполненные в особой своеобразной манере скифо-греческого звериного стиля, получили широкое распространение в туземной среде и наложили заметный отпечаток на скифо-меотскую культуру V—IV вв. до н. э.

Существенный интерес представляет сделанное в последние годы открытие, что в устье Дона, у станицы Елизаветовской, на восточной границе Скифии, там, где она находилась в контакте с Боспором, савроматским и синдо-меотским миром, в середине VI в. до н. э. возникло большое поселение (позднее городище) местного (скифского) населения, главным занятием которого являлась организация торгового обмена скифского мира с греческими городами Боспора и соседними с востока племенами. В III в. до н. э. роль торгового центра перешла к возникшему здесь же греческому городу Тагнаису, ставшему важным центром греко-варварской торговли, в том числе центром работорговли.

В IV в. до н. э. в центре Степной Скифии возникает второе значительное укрепленное поселение — Каменское городище, ставшее центром металлургического (железодела-

тельного, железообрабатывающего и бронзолитейного) ремесла. Массовый переход степного населения к оседлому образу жизни, пастушескому и земледелию происходит в III в. до н. э. в условиях изменившейся исторической обстановки.

Общественный быт и материальная культура оседлого населения степной полосы мало чем отличаются от кочевых скифов. Основную массу захоронений составляли погребения небогатых слоев непосредственных производителей, по основным признакам близких к рядовым скифам кочевых племен. Наличие в могиле оружия (сагайдачные наборы, копья, дротики, режущие мечи, в отдельных случаях панцирные доспехи) является непременной принадлежностью мужских погребений, что свидетельствует о личной свободе всего населения. Оружие встречается и в женских могилах. Постоянно оно в погребениях у Елизаветовского городища, к чему, возможно, располагали близость пограничной зоны, а также наиболее близкий контакт с савроматским миром. Напомним, что именно в восточной приазовской части Степной Скифии согласно легенде произошла встреча скифских юношей с воинственными амазонками.

Столь же близкими по характеру являются погребения представителей знати, особенно ярко представленные в памятниках Керченского п-ова и больших курганах Елизаветовского могильника. Отличительной чертой некрополей оседлого населения степной полосы является преобладание здесь захоронений в ямах с устройством гробниц с облицовкой и перекрытиями из дерева (Буго-Днестровская группа), камня (Керченский п-ов), камыша (устье Дона) — в зависимости от местных условий. В гробницах знати на Керченском п-ове и на южном Дону чаще всего устраивались каменные склепы.

Тесный контакт с греческими центрами обусловил наличие в могилах местного населения этих групп особенно большого количества греческой посуды, амфор для вина, а в могилах знати, кроме того, многочисленных предметов роскоши античного производства.

Лесостепная полоса УССР была занята земледельческо-пастушескими племенами скифской культуры. В западной части, от Днепра до Днестра, как мы полагаем, жили скифы-пахари Геродота. Они были автохтонами, так как их памятники генетически восходят к доскифскому времени и берут свое начало в белогрудовской и чернолесской культурах,

на основе которых сформировалась жаботинская ступень, являющаяся переходной от предскифского к скифскому периоду. Мы пришли к выводу о том, что эти племена могли именоваться «скифами» по аналогии с другими основными племенами, входившими в состав политического объединения Скифии, однако они имели другую этническую принадлежность, нежели ираноязычные племена скифов, пришедшие из глубин Азии. В науке стало традиционным видеть в землях к югу от Припяти, в пределах Киевщины, Волини, Подолии прародину славян. В пользу этой гипотезы высказались с надлежащей аргументацией языковеды, историки, а вслед за ними и археологи. Вероятность нахождения исходных земель славян в западной части Среднего Поднепровья несравненно более обоснована, чем вислодерская теория. Непрерывная нить культурной преемственности от исторически засвидетельствованных времен раннего славянства до конца периода бронзы позволяет думать, что скифы-пахари, оказавшиеся в VI—IV вв. до н. э. в составе Скифии, скорее всего были праславянами.

Их культура этого периода обнаруживает различные истоки: местные, идущие от эпохи бронзы и начала железного века, от белогрудовской и чернолесской культур, которые четче и ярче всего сохраняются в некоторых чертах погребального ритуала и составе, типах и орнаментации керамики; культурные элементы, привнесенные собственно скифами, проникшие во все проявления культуры и быта местного населения, что свидетельствует о тесной связи этого населения в VI—IV вв. до н. э. со степным скифским миром. Традиционно местные элементы оказались как бы заслоненными, а культура населения приобрела общескифский характер. В Правобережной Лесостепи распространился скифо-сибирский обряд захоронения в курганах с сооружением на подкурганной поверхности или в ямах деревянных склепов с дромосами, с господством обряда трупоположения, в сопровождении определенного рода заупокойных даров, включавших полную номенклатуру вещей скифского обихода: всех видов оружия, принадлежностей копейской узды, предметов быта, украшений и туалета, вещей культового обихода. Как и в других культурах скифо-сибирского круга, склепы эти нередко поджигались с культовыми целями во время похорон. Такой обряд, свойственный ранним скифам, стойко продержался в Правобережной Лесостепи до конца скифского периода.

Кочевые скифы степной полосы являлись опасными соседями земледельческого населения, от их набегов особенно страдали южные земли, вдоль которых возникла линия укрепленных городищ. Близ больших городищ, как правило, расположены небольшие курганные могильники, где хоронили представителей местной знати. Нередко встречаются курганные некрополи дружинников, особенно многочисленные в южной, пограничной со степью, части Лесостепи.

Агрессивная, эксплуататорская политика кочевых скифов по отношению к покоренным ими племенам, особенно усилившаяся в V—IV вв. до н. э., привела к определенному застою и упадку жизни местного населения, особенно в бассейне р. Тясмина и других, смежных со Степью районах.

С продвижением на север и северо-запад скифский элемент в культуре местного населения слабеет, количество укрепленных поселений уменьшается. Условия жизни представляются более спокойными и патриархальными. Скифский элемент в местной культуре слабеет по мере приближения к зоне леса, где скифская культура граничит с милоградской культурой Невриды, сосредоточенной на Припяти, в Южной Белоруссии и на Соже в области Левобережья.

Археологические факты свидетельствуют о том, что южная группа полесского населения, граничившая со скифами-пахарями, являвшаяся носителями так называемой подгорцевской культуры, находилась в добрососедских отношениях с населением скифской культуры Правобережья; часть из подгорцевских племен проникла в северную часть Лесостепной зоны и жила чересполосно со скифами-пахарями, не придерживаясь каких-либо географических рубежей и не создавая оборонительных укреплений.

Важным открытием является уточнение времени и обстоятельств проникновения скифской культуры в область Лесостепного Поднепровья. Выясняется, что широкая волна экспансии населения чернолесско-жаботинской культуры, где-то в VIII в. до н. э. распространялась на запад, на Средний Днестр. Потеснив племена культуры Фракийского Гальштата, они укрепились на данной территории и, расширив владения на северо-запад, положили начало существованию западно-подольской группы скифской культуры. Проникновение этих же групп правобережного населения на верхний Днестр в область, занятую населением висоцкой и лужицкой культур, привело к созданию здесь новых этнокультурных образований.

По мнению исследователей, проникновение населения западно-подольской культуры далее на юго-запад послужило основой для возникновения в области Закарпатья куштановицкой культуры, сочетающей в себе черты поднепровского варианта земледельческой культуры скифского типа с местной, фракийской в своей основе, культурой закарпатских племен.

В это же время позднего чернолесья и раннего жаботина часть населения из южной части Правобережной лесостепи переселилась на восток, в область среднего течения р. Ворсклы, положив начало существованию ворсклинской группировки с культурой правобережного типа. Причиной таких передвижений, вероятнее всего, явилась некоторая избыточность населения, сложившаяся в этот период в бассейне р. Тясмина и, что особенно важно, усилившееся давление со стороны кочевнических племен, заставлявшее искать выход в переселении на более удаленные и спокойные места. Историческая ситуация, как о том можно судить по археологическим памятникам, в Левобережной Лесостепи сложилась несколько иначе, чем в Правобережье. Бронзовый век в Лесостепи к востоку от Днепра закончился существованием бондарихинской культуры, приблизительно в IX—VIII вв. до н. э. Племена бондарихинской культуры, вероятнее всего, под давлением степных кочевников покинули свои земли и мигрировали на север в леса, где в бассейнах рр. Десны и среднего Сейма на их основе сложилась юхновская культура раннего железного века [Ильинская, 1961а, 1969].

Наиболее ранними памятниками начала железного века являются поселения и погребения второй ступени чернолесской культуры, обнаруженные Г. Т. Ковпаненко в бассейне р. Ворсклы [Ковпаненко, 1967], появление которых, как отмечалось выше, было обусловлено результатами миграции части населения из Днепровского Правобережья в конце IX или VIII вв. до н. э. На чернолесской основе в бассейне Ворсклы сложилась локальная группа с культурой скифского типа, которая по особенностям материальной культуры, ярко выраженной в комплексе лощеной инкрустированной керамики, повторяет путь, уже известный нам на Правобережье по памятникам VII—V вв. до н. э. Учитывая приведенные параллели, население Ворсклы и Правобережья долго сохраняло прочные экономические и культурные связи.

Остальная территория Левобережной Лесостепи, в основном в пределах бассейнов

рр. Сулы, Псла и Северского Донца, была заселена значительно позднее, в начале первой половины VI в. до н. э. На этой территории, как видно по археологическим памятникам, скифская культура появилась во вполне сложившихся формах, во время, соответствующее окончанию походов и утверждению господства скифов в Причерноморье.

Будучи скифским по культуре, население Левобережной Лесостепи не имело местных истоков в культурах предшествующего времени. Существует мнение, что народ, заселивший Левобережную Лесостепь, в этническом отношении был также ираноязычным, родственным скифам-кочевникам. С наибольшей вероятностью в этом населении можно видеть скифов-земледельцев Геродота [Іллінська, 1970, с. 23—39].

Исторический процесс в Левобережье протекал несколько иначе, чем в правобережной части Лесостепи. В V—IV вв. до н. э. жизнь на городищах и поселениях не сокращается и не приходит в упадок, а, наоборот, достигает наивысшего предела.

Безусловную достопримечательность Левобережья составляют огромные курганные некрополи дружинников в бассейне р. Сулы, относящиеся в большинстве к VI и V вв. до н. э. Среди них имеются могилы высшей знати, которые могут быть приравнены к курганам царей или племенных вождей.

Очевидно, различаясь этнически, население Лесостепи к западу и востоку от Днепра в хозяйственно-экономическом отношении стояло на одном уровне. Основу их жизни составляли земледелие и скотоводство. Находки античного импорта свидетельствуют об активном торговом обмене с греческими центрами, причем важной статьей обмена являлся, несомненно, товарный хлеб.

Оседлый образ жизни способствовал развитию таких домашних производств, как прядение, ткачество, кожевенное, деревообрабатывающее и прочих ремесел. Б. А. Шрамко доказал, что черная металлургия, кузнечное дело, бронзолитейное производство в Лесостепи достигли уровня обособившегося ремесла. Убедительные данные в пользу сказанного получены при раскопках Люботинского и Бельского городищ.

Северная граница распространения скифской культуры в Левобережье проходила по нижнему течению Сейма в пределах УССР. К северу и востоку обитали племена юхновской культуры, находившиеся со своими соседями далеко не в мирных отношениях, как об этом свидетельствуют городища, расположенные по обеим берегам реки.

Погребальные памятники убеждают нас в том, что в плане имущественной и социальной организации племена, жившие в Лесостепи, принципиально не отличались от кочевых скифов. В их составе обнаруживаются те же социальные группы, низшие ступени которых соответствуют рабам и бедным общинникам; мощную по своему положению прослойку составляли достаточно богатые и хорошо оснащенные в военном отношении общинники, далее идут богатые люди и знать, которые, однако, уступали по богатству и роскоши степной аристократии.

Совокупность археологических данных свидетельствует, что лесостепные племена, будучи подвластными данниками степных скифов, сохранили в своей внутренней жизни самостоятельность, определенный уровень независимости от господствующего союза племен скифов-царских. Как строились отношения между теми и другими, вероятнее всего, определяется следующим сообщением Страбона: «Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение привыкшим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну... Действительно, они даже бы не начинали бы войны, если бы дане не были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в своих силах так, что могут или легко отразить нападающих или воспрепятствовать вторжению». [VII, 4, 6].

В конкретном случае Страбон говорит о взаимоотношениях кочевников и земледельцев в сравнительно позднее время скифского царства в Крыму. Но таково, очевидно, было общее действующее право во все времена истории скифов. Достаточно вспомнить о даннических обязательствах, которыми облагали скифы побежденные ими народы во время походов в Переднюю Азию.

Очевидно, и отношения господствующих общин с подвластными племенами были более крутыми и неупорядоченными. Известно, что во время переднеазиатских походов скифы «кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа» [Геродот, IV, 20].

Лукиан сообщает о грабительских отрядах предприимчивых скифских воинов, совершающих набеги по собственной инициа-

тиве: «...Относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на вашу страну, скифы отвечают, что они не выслаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх ради прибыли» [Токсарис или дружба, § 49].

Крушение и распад «Большой Скифии» были почти столь же внезапны и стремительны, как и ее возникновение. В IV в. до н. э., во время долголетнего правления царя Атея, скифы вели себя особенно агрессивно и по отношению к подвластным им племенам, и по отношению к греческим колониям Северного Причерноморья, и по отношению к западным фракийским племенам. В конце V—IV вв. до н. э. в Афинах появилось большое количество рабов — гетов и трибалов — из числа фракийских народов. Борьба на фракийской границе составляла главное направление внешней политики Атея, что привело в конечном итоге к столкновению его с Филиппом Македонским. Война скифов с македонцами протекала с переменным успехом. Решающую победу одержал Филипп, разбив скифов в генеральном сражении в 339 г. до н. э. В этом году погиб и царь Атей, которому было 90 лет.

Это поражение имело тяжелые последствия для скифов, открыв цепь последующих военных неудач. Фракийцы на западной границе перешли в наступление. Район на запад от Днестра практически уже не контролировался скифами и оказался под властью гетских племен. На восточной границе активизировались сарматы. В начале III в. до н. э. Скифия оказалась ослабленной войнами и внутренними противоречиями. В III в. до н. э. племена савромат-сармат двинулись из-за Дона и сокрушили могущество скифов. Вот как говорит об этом Диодор Сицилийский: «Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [II, 43].

Сарматы овладели степями Причерноморья и прошли через них вплоть до Дуная. Скифам удалось удержать за собой Крым и часть территории на Нижнем Днепре. Скифия сократилась до своего основного минимального этно-культурного ядра. Все подвластные племена вышли из политического объединения «Большой Скифии». Наступил новый заключительный период истории Скифии, связанный с господством сарматов в степи, скифским царством в Крыму и на Нижнем Днепре, получившем название «Малой Скифии».

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— 1974, СА, № 2.
- Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике.— Вестник музея Грузии, 1957, 29—А и 21—В.
- Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречье Дуная — Днестра.— АО за 1972, 1973.
- Алексеева И. Л.* Работы в Килийском районе.— АО за 1974, 1975.
- Алихова А. Е.* К вопросу о датировке двух городищ у с. Юхнова.— КСИИМК, 1966, вып. 65.
- Алихова А. Е.* Древние городища Курского Посейма.— МИА, 1962, № 113.
- Анфимов Н. В.* Новые данные к истории азиатского Боспора (Семибратнее городище).— СА, 1941, № 7.
- Анфимов Н. В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху.— СА, 1949, № 11.
- Анфимов Н. В.* Меотские поселения Восточного Приазовья.— КСИИМК, 1950, вып. 54.
- Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с Николаевского.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961, т. 2.
- Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья.— ПСА, 1971.
- Арсланов Г. М., Ваидов Р. М., Йоне Г. П.* Древний Мингечаур.— Баку, 1959,— 174 с.
- Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подольи в 1948 г.— Вестник Ленинградского ун-та, 1948, № 11.
- Артамонов М. И.* Південноподільська експедиція.— АП, 1949, т. 1.
- Артамонов М. И.* Археологические исследования в Подольи.— Вестник Ленинградского ун-та, 1949а, № 12.
- Артамонов М. И.* Этногеография Скифии.— Уч. зап. Ленинградского ун-та. Серия ист. наук, 1949б, № 85.
- Артамонов М. И.* Археологічні дослідження на Південному Поділлі у 1948 р.— АП, 1952, т. 4.
- Артамонов М. И.* Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции.— КСИА, 1955, вып. 4.
- Артамонов М. И.* Археологические исследования в Южной Подольи в 1952—1953 гг.— КСИИМК, 1955а, вып. 59.
- Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСГЭ, 1961, вып. 2.
- Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифского искусства — *Omăgiu lui George Orăscu. Bucuresti*, 1962.
- Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага (Артия) — Ленинград (Советский художник), 1966.— 120 с.
- Артамонов М. И.* Происхождение скифского искусства.— СА, 1968, № 4.
- Артамонов М. И.* Загадки скифської археології.— УІЖ, 1970, № 1, с. 23—30.
- Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.— 156 с.
- Археологическая карта Киевской губернии.— В кн.: Приложение к XV т. «Древностей», М., 1895.
- Багалец Д. И.* Раскопки курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губернии летом 1903 г.— Труды XIII Археол. съезда, 1906, т. 1.
- Багалец Д. И.* Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии.— Труды XII Археол. съезда, 1905, т. 1.
- Беляев О. С.* Розкопки поселення доби бронзи поблизу с. Йосипівка.— Археологія, 1977, 22.
- Березанська С. С.* Поселення раннього залізного віку в Житомирській області.— АП, 1956, т. 4.
- Березовець Д. Т.* Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скифського часу в с. Кут.— АП, 1960, т. 9.
- Бессонова С. С.* Реконструкция деревянного саркофага из Трехбратнего кургана.— СА, 1971, № 4.
- Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Бессонова С. С., Кириллин Д. С.* Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Бибикова В. И.* К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила.— СА, 1973, № 4.
- Бідізля В. І.* Дослідження Гайманової Могили.— Археологія, 1971, 1.
- Блаватский В. Д.* Пантиканей. М., 1964.— 232 с.
- Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. 1, 1887.— 172 с.; т. 2, 1894.— 225 с.; т. 3, 1901.— 174 с. (в тексте — [Смела, I...III]).
- Богусевич В. А.* Раскопки скифского и древнеславянского поселения на территории Каневского биологического заповедника КГУ.— Наук. зап. Київського держ. ун-ту, 1952, т. 9, вип. 1.
- Богусевич В. О.* Канівська археологічна експедиція.— АП, 1952а, т. 3.
- Бодянский О. В.* Скифське поховання поблизу Запоріжжя.— Археологія, 1972, 7.
- Бокій Н. М.* Нові пам'ятки скифського звіриного стилю з Кіровоградщини.— Археологія, 1970, вип. 23.ч
- Бокій Н. М.* Археологические работы на Кирово-

- градцине в 1968 г.—Археол. иссл. на Украине в 1968 г., 1971, вып. 3.
- Бокій Н. М. Скифський курган у с. Медеро-во.—СА, 1974, № 4.
- Бокій Н. М. Скифские курганы в бассейне р. Большая Высь на Кировоградщине.—В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977а.
- Бокій Н. М. Розкопки курганів у верхів'ях басейну Тясмина.—Археологія, 1977, 22.
- Болтрик Ю. В. Отчет о раскопках Запорожской экспедицией курганов группы VIII и «Длиного кургана» в 1969—1970 гг. близ с. Балки Васильевского района Запорожской области.—НА ИА АН УССР, 1970/37 в.
- Бондарь Н. Н. Торговые отношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э.—СА, 1955, № 23.
- Бранденбург Н. Е. Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга (1888—1902). СПб, 1908.—220 с. (в тексте ЖРБ).
- Браун В. К. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г.—ИАК, 1906, вып. 19; ОАК за 1898. 1901.
- Брашинский И. Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья.—Егепа, 1965, № 4.
- Брашинский И. Б. Сокровища скифских царей. М., 1967.
- Брашинский И. Б., Доманский Я. В. Исследования Елизаветовского городища и курганного могильника.—АО за 1966. 1967.
- Брашинский И. Б. Работы Южнодонской экспедиции.—АО за 1967. 1968.
- Брашинский И. Б., Демченко А. И. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г.—КСИА, 1969, вып. 116.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К. Раскопки и разведки в дельте Дона.—АО за 1971. 1972.
- Брашинский И. Б. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону.—КСИА, 1973, вып. 133.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К., Мелентьева Г. М. Исследования в дельте Дона.—АО за 1972. 1973.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К., Житников В. Г., Засецкая И. П. Работы в дельте Дона.—АО за 1973. 1974.
- Брашинский И. Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону.—КСИА, 1976, вып. 145.
- Брашинский И. Б. Раскопки Елизаветовского курганного могильника.—АО за 1975. 1976а.
- Брашинский И. Б., Зарецкий Ю. П., Копылов В. П., Яковенко Э. В. Исследование Елизаветовского курганного могильника.—АО за 1976. 1977.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону.—СА, 1978, № 2.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа.—Изв. Сев. Кавказского научн. центра Высшей школы. Ростов, 1977.
- Бунычян Е. П. Погребальные сооружения и погребальный обряд рядовых скифов Южной Херсонщины (по материалам Краснознаменной экспедиции).—В кн.: Открытия молодых археологов Украины, 1976, ч. 1.
- Буйнов Ю. В. Бондарихинская культура.—Автореф. канд. дис. Киев, 1981, с. 18.
- Виззжев Р. І. Археологічні пам'ятки північної течії р. Гнилоп'яти.—АП, 1950, т. 3.
- Виноградов В. Б. О скифских походах через Кавказ.—Труды Чечено-Ингушского НИИ. 1964, т. 19.
- Виноградов В. Б. Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии.—СА, 1966, № 2.
- Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966.—168 с.
- Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа.—АЭЗ, 1969, т. 3.
- Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.—387 с.
- Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.—223 с.
- Винокур І. С., Хотюн Г. М. Скифський амулет.—Археологія, 1965, т. 19.
- Воеводский М. В. Городища верхней Десны.—КСИИМК, 1949, вып. 24.
- Воронов Ю. Н. История Абхазии с древнейших времен до раннего средневековья.—Автореф. канд. дисс. М., 1971.—25 с.
- Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.—В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Вязьмитина М. И. Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин Кировоградской обл.—КСИА АП УССР, 1952, вып. 1.
- Вязьмитина М. І., Покровська Є. Ф. Поселення VII—VI ст. до н. е. в околицях с. Жаботин.—АП, 1956, т. 6.
- Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкин О. І., Ковпащенко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень».—АП, 1960, т. 8.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949.—623 с.
- Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.—СА, 1951, № 15.
- Гайдукевич В. Ф. Боспор и Танаис в доримский период.—В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963.
- Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга).—САИ, 1977, вып. Д1—33.
- Ганина О. Д. До питання про жіночі поховання зі зброєю скифського часу.—Праці КДІМ, 1958, т. 1.
- Ганина О. Д. Поселення скифського часу біля с. Іване-Пусте.—Археологія, 1965, т. 19.
- Ганина О. Д. Зерна та насіння рослини з поселення в с. Іване-Пусте.—Археологія, 1968, т. 21.
- Ганина О. Д. Античні бронзи з Піщаного. К., 1970.—98 с.
- Ганина О. Д. Раннескифское поселение у с. Залесье Тернопольской области. 150 лет Одесского археологического музея.—Тез. докл. юб. конф. 1975.
- Горелик М. В. Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у г. Орджоникидзе.—В кн.: Скифы и сарматы. К., 1977.
- Граков Б. Н. Древности Яблоновской курганной группы из собрания Д. Я. Самоквасова.—Тр. секции археол. РАНИОН, 1928, вып. 2.
- Граков Б. М. Скифи. Київ, 1947.—95 с.
- Граков Б. Н. Термин «Жхда» и его производные в надписях Северного Причерноморья.—КСИИМК, 1947а, вып. 16.
- Граков Б. М. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи.—Археологія, 1947б, т. 1, с. 23—38.
- Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.—МИА, 1954, № 36.
- Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.—ВССА, 1954.
- Граков Б. Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле.—МИА, 1962, № 115.

- Граков Б. Н. Погребальные сооружения и ритуал общинников степной Скифии.— АСГЭ, 1964, № 6.
- Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.— 168 с.
- Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.— 396 с.
- Гуцал А. Ф. Нові пам'ятки раннього залізного віку в Середньому Подністров'ї.— Археологія, 1979, 31.
- Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903.— 176 с.
- Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби.— Сообщения АН Грузинской ССР, 1952, № 3.
- Городцов В. А. Бытовая археология. М., 1910.— 444 с.
- Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г.— Тр. XIV Археол. съезда, 1911, т. 3.
- Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.— 191 с.
- Даниленко В. М. Дослідження пам'яток підгірцевського та бобриського типів на Київщині в 1950 р.— АП, 1956, т. 6.
- Данилевич В. Е. Раскопки курганов около хут. Покровского Валковского уезда Харьковской губ. летом 1903 г.— Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIII Археол. съезда, 1908, вып. 2.
- Дзис-Райко Г. А. Ліпна кераміка з о. Березані VII—VI ст. до н. е.— МАСП, 1959, вып. 2.
- Дзис-Райко Г. А. Раскопки Надлиманского городища в 1960 г.— КСОГУ и ОГАМ, 1960.
- Дзис-Райко Г. А. Археологические исследования городища у с. Надлиманское.— МАСП, 1966, вып. 5.
- Добровольский А. В. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану.— У кн.: Збірн. Дніпропетровського музею. Дніпропетровськ, 1929.
- Доманский Я. В. Раскопки Елизаветовского городища и курганов на Нижнем Дону.— АО за 1965, 1966.
- Доманский Я. В., Марченко К. К. Некоторые вопросы античной истории Нижнего Побужья.— 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР.— Тез. докл. юб. конф., 1975а, с. 120—121.
- Доманский Я. В., Марченко К. К., Рубан В. В. Исследования поселений на берегах Бугского лимана.— АО за 1974, 1975.
- Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956.— 485 с.
- Егоров Н. М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные воды.— КСИИМК, 1955, вып. 58.
- Жебелев С. А., Мальмберг В. К. Три архаические бронзы из Херсонской губернии.— МАР, 1907, № 32.
- Заец И. И., Малиновская Т. В., Лобай Б. И. Раскопки Винницкого краеведческого музея.— АО за 1973, 1974.
- Заец И. И., Малиновская Т. В., Лобай Б. И., Шаломай Ф. П. Раскопки в Винницкой области.— АО за 1974, 1975.
- Заец И. И. Курганный комплекс раннескифского времени у с. Тютьки Винницкой обл.— СА, 1979, № 1.
- Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, 1941, № 3.
- Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, 1953, № 18.
- Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА, 1954.
- Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, 1965, № 125.
- Иллінська В. А. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скифії.— Археологія, 1951, т. 5.
- Иллінська В. А. Розвідка пам'яток скифського часу на Посуллі.— АП, 1949, т. 3.
- Ильинская В. А. О скифах-пахарях и будинах Геродота.— КСИИМК, 1951, вып. 40.
- Иллінська В. А. Верхньосульська експедиція 1947 р.— АП, 1952, т. 6.
- Иллінська В. А. Городище скифського часу на Сеймі.— Археологія, 1953, т. 8.
- Ильинская В. А. Керамика скифских погребений Посулья.— ВССА, 1954а.
- Ильинская В. А. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы.— КСИИМК, 1954, вып. 54.
- Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел.— СА, 1957, № 27.
- Иллінська В. А., Тереножкін О. І. Нариси стародавньої історії Української РСР.— У кн.: Племена скифського часу, ч. 2, розділ 5. Київ, 1957.
- Иллінська В. А. Скифська вузда VI ст. до н. е.— Археологія, 1961, т. 13.
- Ильинская В. А. Бондарихинская культура бронзового века.— СА, 1961а, № 1.
- Ильинская В. А. Позднескифский слой Басовского городища.— КСИА АН УССР, 1961б, вып. 11.
- Иллінська В. А. Скифські сокири.— Археологія, 1961в, т. 12.
- Ильинская В. А. Скифское павершие из окрестностей Чернигова.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
- Иллінська В. А. Кургани скифського часу Посульсько-Донецького лісостепу.— Археологія, 1962а, т. 14.
- Иллінська В. А. Про скифські наверхники.— Археологія, 1963, т. 15.
- Ильинская В. А. О некоторых мотивах раннескифского звериного стиля.— СА, 1965, № 1.
- Иллінська В. А. Басівське городище.— Археологія, 1965а, т. 18.
- Иллінська В. А. Про походження та етнічні зв'язки племен скифської культури Посульсько-Донецького лісостепу.— Археологія, 1966, т. 20.
- Ильинская В. А. Скифские курганы около г. Борисполя.— СА, 1966а, № 3.
- Ильинская В. А. Наверхия из Майкопского и Новочеркаского музея.— СА, 1967, № 4.
- Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968.— 267 с.
- Иллінська В. А. Из ненадрукованих матеріалів скифського часу в Лівобережному Лісостепу.— Археологія, 1968а, т. 21.
- Ильинская В. А. Некоторые вопросы генезиса южновской культуры.— СА, 1969, № 2.
- Иллінська В. А. Андрофаги, меланхлени, будини або скифи.— Археологія, 1970, т. 23.
- Ильинская В. А. Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье.— Автореф. докт. дис.— М., 1971.
- Иллінська В. А., Тереножкін О. І. Скифський період.— В кн.: Археологія Української РСР, т. 2. Частина перша. Київ, 1971.
- Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971а, № 2.
- Иллінська В. А. Золоті прикраси скифського архаїчного убору.— Археологія, 1971б, 4.
- Ильинская В. А. Скифская вузда IV в. до н. э.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Иллінська В. А. Бронзові наконечники стріл так званого жаботинського і новочеркаського типів.— Археологія, 1973, 12.
- Ильинская В. А. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин.— СА, 1973а, № 3.

- Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.— 222 с.
- Ильинская В. А., Горюшин П. А.* Бронзовая бляха из кургана у с. Жовнино.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Ильинська В. А.* Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я.— Археологія, 1976, 20.
- Ильинская В. А.* Может ли Бельское городище быть городом Гелон.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Ильинская В. А.* Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича.— СА, 1978, № 3, с. 90—100.
- Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. у с. Матусова.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1979.
- Ильинская В. А.* Изображение скифов времени переднеазиатских походов.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев, 1982, с. 38—47.
- Ионе Г. И.* Мингечаурские курганные погребения с оружием.— КСИИМК, 1953, вып. 60.
- Канівець В. І.* Звіт про розвідувальні розкопки біля с. Погребі в 1952 р.— НА ІА АН УРСР.
- Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 1956, № 50.
- Капошина С. И.* Из истории греческой колонизации Побужья.— МИА, 1956а, № 50.
- Кастанаян Е. Г.* Ленная керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА, 1952, № 25.
- Кастанаян Е. Г.* Ленная керамика боспорских городов.— Автореф. канд. дис. Л., 1967.— 25 с.
- Кириллин Д. С.* Трехбратние курганы у Тобечикского озера.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- Кияшко В. Я.* Раскопки Константиновского поселения.— АО за 1968. 1969.
- Кияшко В. Я., Кореняко В. А.* Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону.— СА, 1976, № 1.
- Клейн Л. С.* Курганы біля с. Троїцького.— АП, 1960, т. 8.
- Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых связях греков с областью р. Танаис в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМК, 1935, вып. 104.
- Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станции Елизаветской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г.— ИГАИМК, 1935, вып. 104.
- Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И».— В кн.: Ольвия, Киев, т. 1, 1940.
- Книпович Т. Н.* Танаис. М.—Л., 1949.— 176 с.
- Ковалева И. Ф.* Отчет Фрунзенской археологической экспедиции за 1973 г.— НА ИА АН УРСР, 1973/35.
- Ковалева И. Ф.* Отчет Фрунзенской археологической экспедиции за 1974 г.— НА ИА АН УССР, 1975/.
- Ковалева И. Ф.* Отчет Богдановского отряда ново-строечной экспедиции ДГУ за 1976 г.— НА ИА АН УССР, 1976/66.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С.* Раскопки курганов в бассейне Самары.— АО за 1977. 1978.
- Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства учхоза «Самарский».— В кн.: Курганные древности степного Приднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978.
- Ковпаненко Г. Т.* Памятники скифского часу в бассейне р. Ворсклы.— Археологія, 1961, т. 13.
- Ковпаненко Г. Т.* Погребение VIII—VII вв. до н. э. в бассейне р. Ворсклы.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 2.
- Ковпаненко Г. Т.* Носачівський курган VIII—VII ст. до н. е.— Археологія, 1966, т. 20.
- Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища.— АИУ, 1967а, вып. 1.
- Ковпаненко Г. Т.* Племена скифского часу на Ворсклі. К., 1967.— 188 с.
- Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища.— АИУ, 1968, вып. 2.
- Ковпаненко Г. Т.* Курганы поблизу с. Мачухи на Полтавщині.— Археологія, 1970, т. 24.
- Ковпаненко Г. Т.* Памятники раннескифского времени Каневщины.— ПСА, 1971.
- Ковпаненко Г. Т.* Роботи Південнобузької (Очаківської) експедиції.— АИУ, 1972, вып. 4.
- Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В.* Скифские курганы на юге Херсонщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Ковпаненко Г. Т., Левченко Б. М.* Поселения ранне-скифского часу біля с. Медвин на р. Росі.— Археологія, 1975, 15.
- Ковпаненко Г. Т.* Курганы скифского времени у с. Медвин в Поросье.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Ковпаненко Г. Т.* Скифские курганы у с. Ковалевка. В кн.: Курганы на Южном Буге. Киев, 1978.
- Козенкова В. И.* Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1965 г.— КСИА, 1965, вып. 103.
- Козенкова В. И., Крупинов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения (по раскопкам 1964 г.).— КСИА, 1966, вып. 106.
- Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир Гора.— ВДИ, 1972, № 1.
- Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов.— СА, 1957, № 2.
- Корпусова В. Н.* Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное.— АИУ, 1967, вып. 1.
- Корпусова В. М.* Про населення хори античної Феодосії.— Археологія, 1972, 6.
- Корпусова В. Н.* Отчет Северо-Крымской экспедиции за 1977 г.— НА ИА АН УССР, 1977.
- Кос А. И., Крушельницкая Л. И., Павлов Д. Ю.* Многослойный памятник у с. Непоротово.— АО за 1974. 1975.
- Кругликова И. Т.* О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города.— МИА, 1954, № 33.
- Кругликова И. Т.* Исследования сельской территории Европейского Боспора.— СА, 1957, № 1.
- Кругликова И. Т.* Сельская территория Боспора.— В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- Кругликова И. Т.* Работы Восточнокрымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г.— КСИИМК, 1960, вып. 78.
- Кругликова И. Т.* Исследование сельских поселений Боспора.— ВДИ, 1963, № 2.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1974.— 300 с.
- Крупинов Е. И.* Глиняная головка «скифа» из Закавказья.— ВДИ, 1940, № 3—4.
- Крупинов Е. И.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.— УЗКНИИ, 1950, т. 5.
- Крупинов Е. И.* Жемталинский клад.— Тр. ГИМ, 1952, вып. 4.
- Крупинов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.— 176 с.
- Крупинов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.— 520 с.

- Крупнов Е. И.* Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР.— Археологический сборник, 1969, т. 3.
- Крушельницька Л. І.* Розвідкові розкопки на Подністров'ї.— У кн.: Матеріали II Подільської історико-красознавчої конференції. Львів, 1968.
- Крушельницька Л. І.* Лісостепові землеробські племена скифського часу на Західному Поділлі.— У кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.
- Крушельницька Л. І.* Племена культури фракійського гальштату.— У кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974а.
- Крушельницька Л. І.* Населення Західної Волині і Верхньої Наддністрянщини у ранньоскифський час.— У кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974б.
- Крушельницька Л. І., Мовша Т. Г., Павлиц Д. Ю.* Исследования в с. Непорогово.— АО за 1976. 1977.
- Крылова Л. П.* Отчет о работах Криворожской экспедиции 1964 г.— НА ИА АН УССР, 1964/67.
- Кубышев А. И.* Отчет о работе Херсонской археологической экспедиции за 1974 г.— НА ИА АН УССР, 1974/8.
- Кульская О. А.* Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий.— В кн.: Ольвия. Киев, 1940, т. 1, с. 171—185.
- Кульська О. А.* Хіміко-технологічне вивчення кераміки з Ольвії.— АП, 1958, т. 7.
- Курочкин Г. Н.* К вопросу о переднеазиатском этапе в развитии скифского искусства. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана.— Краткие тез. докл. на конф., 1965.
- Куртин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Кухаренко Ю. В.* Памятники раннего железного века на территории Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1—29.
- Кучера М. П.* Городища милоградської культури в Київському Поліссі.— Археологія, 1976, 20.
- Лагодовська О. Ф., Виєзжев Р. І., Копилов Ф. Б.* Курганы скифського часу в с. Курилівці.— АП, 1956, т. 6.
- Лагодовская Е. Ф., Сымонович Э. А.* Скифский могильник у с. Михайловка на Нижнем Днепре.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Лаппо-Данилевский А., Мальберг В.* Курган Карагодеуашх.— МАР, 1894, № 13.
- Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб, 1887.
- Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1947, 1948, 1949 гг. Приложение.
- Левы Е. И.* К вопросу об ольвийской агоре.— СА, 1954, № 21.
- Леонтьев П. М.* Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях.— Прописки, 1854, № 4.
- Лесков А. М., Збенович В. Г.* Археологические разведки и раскопки на Керченском полуострове в 1959 г.— АИБ, 1962, т. 2.
- Лесков А. М.* Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, 1961, № 1.
- Лесков А. М.* Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965.— 200 с.
- Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма.— СА, 1968, № 10.
- Лесков А. М.* Кировское поселение.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Лесков О. М.* Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.— 123 с.
- Лесков А. М., Хазанов А. М.* Социальная история скифов.— СА, 1977, № 3.
- Либеров П. Д.* Скифские курганы Киевщины.— КСИИМК, 1949, вып. 30.
- Либеров П. Д.* Курганы у с. Константиновки.— КСИИМК, 1951, вып. 37.
- Либеров П. Д.* К вопросу о скифах-пахарях.— ВДИ, 1951а, № 4.
- Либеров П. Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— ВССА, 1954.
- Либеров П. Д.* Новые материалы из курганов у с. Черемушны.— КСИА АН СССР, 1961, вып. 83.
- Либеров П. Д.* Памятники скифского времени в бассейне Северского Донца.— МИА, 1962, № 113.
- Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1-31.
- Линищенко П. А.* Археологические исследования летом 1898 г.— ЗООИД, 1900, т. 22.
- Линищенко П. А.* О новейших раскопках В. В. Хвойка.— ЗООИД, 1901, т. 23.
- Лобай Б. І.* Курганы скифського часу на Вінниччині.— Археологія, 1977, 21.
- Люба-Радземинский С. В.* Памятники каменного века части Западной Волины.— Тр. IX Археологического съезда, 1897.
- Ляпушкин И. И.* Днепровское Лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961 № 104.
- Макалагия С. И.* Раскопки Дванского могильника.— СА, 1949, № 11.
- Макаренко Н. Е.* Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии.— ИАК, 1907, вып. 22.
- Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, 1954, № 21.
- Максимова М. И.* Серебряный ритон из Келермеса.— СА, 1956, № 25.
- Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
- Манцевич А. П.* Бронзовые пластины из Прикубанья.— В кн.: Исследования в честь академика Д. Дечев. София, 1958.
- Манцевич А. П.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве.— СА, 1958а, № 2.
- Манцевич А. П.* Золотая чаша из Келермесского кургана.— В кн.: Omagiu lui George Oprescu. Bucuresti, 1962.
- Манцевич А. П.* О пластине из кургана Карагодеуашх.— АСГЭ, 1964, вып. 6.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии.— СА, 1964, № 1.
- Марковин В. И.* Скифские курганы у с. Гойты (Чечено-Ингушетия).— СА, 1965, № 2.
- Марковин В. И.* Бронзовое навершие из Прикубанья.— СА, 1971, № 4.
- Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.— 312 с.
- Марченко К. К.* Варвары в составе населения Безрезани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I вв. до н. э.— Автореф. канд. дис. Л., 1974.— 25 с.
- Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов.— КСИИМК, 1950, вып. 34.
- Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени на Среднем Днепре.— КСИИМК, 1953, вып. 51.
- Мелюкова А. И.* Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии.— КСИИМК, 1954, вып. 56.
- Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья.— МИА, 1958, № 64.
- Мелюкова А. И.* Исследования памятников пред-

- скифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Народной Республики Румынии. Кишинев, 1960.
- Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.— МИА, 1961, № 96.
- Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины.— МИА, 1962, № 115.
- Мелюкова А. И.* Исследования гетских памятников в степном Подвостровье.— КСИА, 1963, вып. 94.
- Мелюкова А. И.* Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1—4.
- Мелюкова А. И.* Скифские элементы в гетской культуре.— КСИА, 1965, вып. 105.
- Мелюкова А. И.* К вопросу о границе между скифами и гетами. Древние фракийцы в Северном Причерноморье.— МИА, 1969, № 150.
- Мелюкова А. И.* Население Нижнего Поднестровья в IV—III вв. до н. э.— ПСА. 1971.
- Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии.— СА, 1972, № 1.
- Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975.— 259 с.
- Мельник Е. Н.* Раскопки курганов в Харьковской губ.— Тр. XII Археологического съезда, 1905, т. 1.
- Мельниковская О. Н.* Могильник у с. Долинское Черниговской обл.— КСИИМК, 1950, вып. 34.
- Мельниковская О. Н.* Археологические разведки на поселении у с. Цахвауцы.— КСИИМК, 1954, вып. 56.
- Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннежелезном веке. М., 1967.— 196 с.
- Мельниковская О. Н.* Новые раскопки на Десне.— АО за 1966. 1967.
- Мельниковская О. Н.* Работы Юхновского отряда.— АО за 1967. 1968.
- Миллер А. А.* Новый источник к изучению связей Скифии с Кавказом.— ИРАИМК, 1925, т. 4.
- Миллер А. А.* Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг.— СГАИМК, 1926, т. 1.
- Миллер А. А.* Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг.— СГАИМК, 1929, т. 2.
- Минаева Т. М.* Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее.— В кн.: Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1956, вып. 8.
- Мозолевский Б. Н.* Курган Толстая Могила близ г. Орджоникидзе на Украине.— СА, 1972, № 3.
- Мозолевский Б. Н.* Скифские погребение у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Мозолевский Б. Н., Мизольская Т. С., Рябова В. А.* Раскопки на Днепропетровщине.— АО за 1973, 1974.
- Мозолевский Б. Н., Рябова В. А., Шевченко Н. П.* Отчет о работе Орджоникидзевской экспедиции в 1974—1975 гг.— НА ИА АН УССР, 1975/8.
- Мозолевский Б. Н.* Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979.— 248 с.
- Моруженко А. А.* Исследования в бассейне Ворсклы.— АО за 1969. 1970.
- Моруженко А. А.* Раскопки городища Полковая Никитовка.— АО за 1972. 1973.
- Моруженко А. А.* Исследования в бассейне р. Мерлы.— АО за 1973. 1974.
- Моруженко А. О.* Оборонні споруди Немирівського городища.— Археологія, 1975, 15.
- Моруженко А. А., Косиков В. А.* Работы лесостепной скифской экспедиции.— АО за 1975. 1976.
- Мунчаев Р. М.* Луговой могильник.— ДЧИ, 1963.
- Мурзин В. Ю., Евдокимов Г. Л.* Раннескифское погребение у с. Верхнетарасовка.— В кн.: Курганы юга Днепропетровщины. Киев, 1977.
- Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской области.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.
- Мурзин В. Ю.* Скифы на Північному Кавказі.— Археологія, 1978, 27.
- Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев, 1982.
- Навроцкий П. П.* Каменное изваяние из ст. Бескоробной.— АО за 1970. 1971.
- Нещитайло А. Л.* Зеленокумский курган.— АО за 1968. 1969.
- Нудельман Г. Л., Рикман Э. А.* Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии.— Изв. Молд. фил. АН СССР, 1956, № 4.
- Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э.— САИ, 1970, вып. Д1—27.
- Онайко Н. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг.— КСИА АН СССР, 1975, вып. 143.
- Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике.— В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Орешников А. В.* Обзорение раскопок, находок, приобретений древностей музеями и пр. в России и за границей.— Арх. изв. и зам. Московского археол. общества, 1893, № 1.
- Островерхов А. С.* Ягорлыцкое поселение.— АО за 1973. 1974.
- Островерхов А. С.* Ягорлыцкое поселение ремесленников.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы конференции). Киев, 1975.
- Островерхов А. С.* О черной металлургии античных центров Днепро-Бугского лимана.— В кн.: Тезисы юбилейной конференции (150 лет Одесскому археологическому музею). Одесса, 1975а.
- Островерхов А. С.* Антична склоробна майстерня на Ягорлицькому поселенні.— Археологія, 1978, 25.
- Павлуцкий Г.* Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде.— АЛЮР, 1903, № 1.
- Пассек Т. С.* Археологические разведки в Молдавии.— КСИИМК, 1949, вып. 26.
- Пассек Т. С.* Пороська археологічна експедиція 1945 р.— АП, 1949, т. 1.
- Покровська Є. Ф.* Поселення передскифського часу в басейні р. Тясмин.— Археологія, 1951, т. 5.
- Перебольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близнаца и гомеровский гимн Деметре.— Тр. ГЭ, 1962, вып. 7.
- Петренко В. Г.* Культура племен Правобережного Среднего Поднепровья в IV—III вв. до н. э.— МИА, 1961, № 96.
- Петренко В. Г.* Могильник скифского времени у с. Грищенцы.— МИА, 1962, № 113.
- Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ, 1967, вып. Д1—4.
- Петренко В. Г.* Раскопки в районе Канева.— АО за 1967. 1968.

- Петренко В. Г.* Раскопки большого кургана в Ставропольском крае.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов на конференции 1975 г.). Киев, 1975а, ч. 2.
- Петренко В. Г.* Ставропольская экспедиция.— АО за 1974. 1975.
- Петренко В. Г.* Работы Ставропольской экспедиции.— АО за 1975. 1976.
- Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4—5.
- Петровська Є. О.* Пам'ятка пізньоскифського часу на р. Стугні.— Археологія, 1964, т. 16.
- Петровська Є. О.* Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині.— Археологія, 1968, т. 21.
- Петровська Є. О.* Ранньоскифські пам'ятки на південній околиці Києва.— Археологія, 1970, т. 24.
- Петровська Є. О.* Стародавні знахідки біля с. Ораного на Київщині.— Археологія, 1971, 3.
- Петровська Є. О.* Підгірцевські пам'ятки Київського Подніпров'я.— Археологія, 1971а, 2.
- Петровская Е. А.* Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской обл. в 1968 г.— В кн.: Археологические открытия на Украине в 1968 г. Киев, 1971б.
- Петровская Е. А.* Два поселения скифского времени вблизи г. Обухова.— АО за 1973. 1974.
- Петровская Е. А.* Раскопки поселения у г. Обухова.— АО за 1974. 1975.
- Петровська Є. О., Іванов І. І.* Акінак із с. Забір'я поблизу Києва.— Археологія, 1975, 16.
- Петровская Е. А.* Поселения белогрудовской культуры к югу от Києва.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. ИА АН СССР и ИА АН УССР. Киев, 1976.
- Пиневич П. М.* Отчет об археологических раскопках в Мариупольском округе.— НА ИА АН УССР, Архив ВУАК, № 116/д.
- Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.* Моздокский могильник. Л., 1940.— 52 с.
- Пиотровский Б. Б.* Скифы и Древний Восток.— СА, 1954, № 19.
- Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур, 1955, вып. 3.
- Пиотровский Б. Б.* Город бога Гейшебы (Кармир-Блур).— СА, 1959а, № 12.
- Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.— 284 с.
- Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Л., 1970.— 41 с.
- Погорельый В. Н.* Скифские курганы у с. Мирное под Борисполем.— В кн.: Древности среднего Поднепровья. Киев, 1981.
- Покровська Є. Ф.* Хотівське городище.— АП, 1952, т. 4.
- Покровская Е. Ф.* К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Поднепровья (бассейн р. Тясмин) в VIII—VII вв. до н. э.— Автореф. канд. дис. Киев, 1953.
- Покровська Є. Ф.* Кургани передскифського часу в басейні р. Тясмин.— Археологія, 1953а, т. 8.
- Покровская Е. Ф.* Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин Черкасской обл.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.
- Покровська Є. Ф.* Кургани IV ст. до н. е. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли.— Археологія, 1957, т. 10.
- Покровская Е. Ф.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин.— КСИА АН УССР, 1962, вып. 12.
- Покровська Є. Ф.* Курган біля с. Сеньківка.— Археологія, 1965, т. 18.
- Покровська Є. Ф., Петренко В. Г., Ковпащенко Г. Т.* Поселения VIII—VII ст. до н. е. поблизу с. Хрещатик на Київщині.— Археологія, 1971, 2.
- Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин.— СА, 1973, № 4.
- Покровська Є. Ф.* Поховання VII—VI ст. до н. е. на р. Тенетинці.— Археологія, 1975, 17.
- Полин С. В., Ольговский С. Я.* Архаическое скифское погребение на Херсонщине.— В кн.: Тезисы II молодежной конференции ИА АН УССР. Киев, 1976.
- Похилевич Л.* Сказания о населенных местностях Киевской губернии. Киев, 1864.— 763 с.
- Придик Е.* Мельгуновский клад.— МАР, 1911, вып. 31.
- Прушевская Е.* Родоская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове.— ИАК, 1917, вып. 63.
- Пузикова А. И.* Новые курганы скифского времени в Белгородской области.— КСИА АН СССР, 1966, вып. 107.
- Пьянков И. В.* Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
- Рабинович Б. З.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья.— СА, 1936, вып. 1.
- Рабинович Б. З.* Шлемы скифского периода.— Тр. ОИПК ГЭ, 1941, т. 1.
- Рабишкин Б. М.* Поселение у Широкой Балки.— КСИИМК, 1951, вып. 11.
- Розенфельд Р. Л.* Алчедарские курганы.— В кн.: Известия Молдавского филиала АН СССР, Кишинев, 1955, № 5/25.
- Розенфельд Р. Л.* Пушкаревское городище на Десне.— СА, 1968, № 1.
- Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49.
- Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.— 537 с.
- Ростовцев М. И., Степанов П. К.* Эллино-скифский головной убор.— ИАК, 1917, вып. 63.
- Ростовцев М. И.* Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918.— 189 с.
- Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской обл. эпохи раннего и позднего эллинизма.— МАР, 1918а, вып. 37.
- Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.— 621 с.
- Руденко С. И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- Рудинський М. Я.* Археологічні збірки Полтавського музею. Полтава, 1928, т. 1.
- Рудинський М. Я.* Мачухська експедиція Інституту археології АН УРСР. Київ, 1949, т. 2.
- Русяева А. С.* Разведка в районе Березанского лимана.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев, 1967, вып. 1.
- Русяева А. С.* Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1967 г. Киев, 1968, вып. 2.
- Русяева А. С.* Разведки и раскопки поселения близ Ольвии.— В кн.: Археологические исследования на Украине 1968 г. Киев, 1971, вып. 3.
- Рыбалова В. Д.* К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине.— Арх. сборн. ГЭ, 1961, вып. 2.
- Савчук А. П.* Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине.— КСИА АН УССР, 1952, вып. 1.
- Сальников А. Г.* Раскопки поселения IV—II вв. до н. э. у с. Пивденное в 1960 г.— КСОГУ и ОГАМ, 1961.
- Сальников А. Г.* Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962).— МАСП, 1966, вып. 5.

- Самохвасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.— 271 с.
- Свешников И. К. Поселення ранньоскіфського часу біля с. Сухостав Тернопільської обл.— Археологія, 1957, т. 11.
- Свешников И. К. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі.— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, 1964, вип. 5.
- Свешников И. К. Пам'ятки милоградської культури в басейні р. Горині.— Археологія, 1971, 2.
- Свешников И. К. Племена милоградської культури.— У кн.: Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ, 1974.
- Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.— 191 с.
- Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии.— Тр. XI Археологического съезда, 1901, т. 1.
- Сибилев Н. В. Древности Изюмщины. Изюм, 1936, вып. 1.
- Сидорова И. А. Архаическая керамика из Пантуканья.— МИА, 1962, № 103.
- Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея.— МИА, 1959, № 63.
- Синицин И. М. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьем Днестра и Буга.— Наук. зап. ОДП, 1950, т. 9.
- Синицин М. С. Раскопки Надлиманского и Рокосланского городищ в 1957—1958 гг.— ЗОО, 1960, вып. 1/34.
- Скадовский Г. Л. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепроовского лимана.— Тр. VIII археологического съезда, 1897, т. 3.
- Скуднова В. М. Скифские памятники из Нимфея.— СА, 1954, № 21.
- Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— Тр. ГЭ, 1962, т. 7.
- Смирнов Я. И. Восточное серебро. СПб., 1909.— 49 с.
- Смирнов Г. Д. Сахарянский могильник II.— Изв. Молд. фил. АН УССР, 1955, № 5.
- Смирнов Г. Д. Скифское городище и селище Большая Сахарна.— КСИИМК, 1949, вып. 26.
- Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.— 379 с.
- Смирнов А. И. Скифы. М., 1966.— 200 с.
- Смирнова Г. И. Северинское городище (по материалам Юго-Подольской экспедиции 1947—1948, 1953 гг.).— Арх. сборн. ГЭ, 1961, вып. 2.
- Смирнова Г. И., Бернякович К. В. Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья.— АС, 1966, № 7.
- Смирнова Г. И. Раскопки курганов у сс. Круглик и Долиняны на Буковине.— Арх. сборн. ГЭ, 1968, вып. 10.
- Смирнова Г. И. Раскопки у с. Долиняны на Буковине.— АО 1977. 1978.
- Смирнова Г. И. Новое в изучении археологических памятников Северо-Западной Скифии.— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Смишко М. Ю. Погребения раннежелезного века в с. Могиланы Ровенской обл.— КСИА АН УССР, 1957, вып. 7.
- Соколовский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33.
- Спицин А. А. Скифы и Гальштат.— В кн.: Сборник в честь А. А. Бобринского. СПб, 1911.
- Спицин А. А. Курганы скифов-пахарей.— ИАК, 1918, вып. 65.
- Стефани Л. Керченские древности в императорском Эрмитаже. вып. 1. СПб., 1873.
- Субботин Л. В., Загинало А. Г., Шмаглий Н. М. Курганы у с. Огородное.— МАСП, 1970, вып. 6.
- Телегин Д. Я., Дяденко В. И. Нові скіфські городища і поселення на Середньому Дніпрі.— Археологія, 1970, т. 24.
- Тереножкин А. И. Городища и поселения в бассейне р. Тясмин.— КСИИМК, 1952, вып. 43.
- Тереножкин О. И. Курганы у с. Глеваха.— Археологія, 1954, т. 9, с. 80—97.
- Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополь.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 5.
- Тереножкин А. И. К вопросу о этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время.— СА, 1955а, № 24.
- Тереножкин А. И. Предскифский период в Днепровском Правобережье. К., 1961.— 247 с.
- Тереножкин О. И. Пам'ятники скіфів-орачів в Південному Поліссі.— Археологія, 1965, т. 19.
- Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов.— СА, 1966, № 2.
- Тереножкин А. И. Скифская культура.— ПСА, 1971а.
- Тереножкин А. И. Дата мингечаурских удил.— СА, 1971, № 4.
- Тереножкин А. И. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда.— СА, 1972, № 3.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кивчалы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Тереножкин А. И. Киммерийцы. К., 1976.— 223 с.
- Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н. Скифский курганный могильник Гайманово поле.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Телов Б. В. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли.— СА, 1961, № 1.
- Телов Б. В. Раскопки Глийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 10.
- Телов Б. В. Скифские элементы в материальной структуре Юго-Осетии.— В кн.: Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966.
- Телов Б. В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.— 294 с.
- Телов Б. В. Скифы и материальная культура центрального Кавказа в VII—VI вв. до н. э.— В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1979.
- Тітенко (Ковпаненко) Г. Т. Розкопки пам'яток скіфського часу на Пастирському городищі.— АП, 1956, т. 6.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. 2. СПб, 1889.
- Трапш М. М. Новые археологические находки в Абхазии.— КСИИМК, 1954, вып. 53.
- Трапш М. М. Древний Сухуми, т. 2. Сухуми, 1969.— 375 с.
- Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии, т. 1. Сухуми, 1970.— 210 с.
- Третьяков П. М. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину.— АП, 1949, т. 1.
- Трефелев С. И. Археологическая экспедиция в с. Дергачи Харьковского уезда.— Тр. XII Археологического съезда, 1908, т. 2; Тр. VII Археологического съезда, 1897, т. 4.
- Фабриціус І. В. Тясминська експедиція.— АП, 1949, т. 2, с. 80—111.
- Фабриціус І. В. Тясминська експедиція 1947 р.— АП, 1952, т. 4.
- Фармаковский Б. В. Золотые обивки наилучей (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана

- в м. Ильинцах.— Сборник в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911.
- Фармаковский Б. В. Архаический период в России.— МАР, 1914, вып. 34.
- Фукс И. Про городища скитської доби на Харківщині.— ВУАН, 1931.
- Фундуклей И. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. К., 1848.— 124 с.
- Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.— 343 с.
- Халилов Дж. А. Археологические находки «скифского» облика и вопрос о «скифском царстве» на территории Азербайджана.— ПСА, 1971.
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1900, вып. 3.
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев, 1907, вып. 4.
- Хвойка В. В. Знахідки у могилах між Верем'єм, Стретівкою і біля Трипілля.— У кн.: Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1900, 1.
- Хвойка В. В. Раскопки курганов при с. Оситняжке Чигиринского уезда Киевской губернии.— АЛЮР, 1904, № 1—2.
- Херійка В. В. Городища Среднего Поднепровья, их значение, древность и народность.— Тр. XII Археологического съезда, 1905, т. 1.
- Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея.— СА, 1952, № 16.
- Цвек О. В. Могильник скифского і сарматського часу на Керченському півострові.— Археологія, 1968, т. 21.
- Чердниченко Н. Н. Отчет Ворошиловградской экспедиции за 1971 г.— НА ИА АН УССР, 1971/31.
- Чердниченко Н. Н. Отчет Верхне-Тарасовской экспедиции за 1975 г.— НА ИА АН УССР, 1975/11.
- Черепанова Е. Н., Щепинский А. А. Там, где пройдет Северо-Крымский. Симферополь, 1966.— 96 с.
- Черненко Б. В. Скифські бойові пояси.— Археологія, 1964, т. 16.
- Черненко Е. В. Скифський доспех. Киев, 1968.— 152 с.
- Черненко Е. В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Черненко Б. В. Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова.— Археологія, 1970а, т. 23.
- Черненко Е. В. Оружие из Семибратних курганов.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Черненко Е. В. Отчет о работе Верхне-Тарасовской экспедиции 1973 г.— НА ИА АН УССР, 1973/12.
- Черненко Е. В. Отчет о работе Краснознаменной экспедиции в 1974 г.— НА ИА АН УССР, 1974/7.
- Черненко Е. В., Бунятян Е. П. Курганская группа Шевченко П.— В кн.: Курганы южной Херсонщины. Киев, 1977.
- Черненко Е. В., Мурзін В. Ю. Скифський курган V ст. до н. е. поблизу с. Дніпріани.— Археологія, 1978, 32.
- Черников С. С. Загадка Золотого кургана. М., 1965.— 190 с.
- Черняков И. Т. Киммерийский курган близ устья Дуная.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Шапошникова О. Г. Погребение скифского воина на р. Ингуль.— СА, 1970, № 3.
- Шапошникова О. Г. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1971 г.— НА ИА АН УССР, 1971/28.
- Шапошникова О. Г. Отчет Ингульской экспедиции за 1972 г.— НА ИА АН УССР, 1972/3.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Бочкарев В. С., Гребенников Ю. С., Рычков Н. А., Ребедаило Г. П., Клошинцев В. Б. Отчет о работе Ингульской экспедиции в 1973 г.— НА ИА АН УССР, 1973/8.
- Шапошникова О. Г. Отчет Ингульской экспедиции за 1975 г.— НА ИА АН УССР, 1975/3.
- Шапошникова О. Г. Отчет о работах Ингульской экспедиции за 1977 г.— НА ИА АН УССР, 1977/78.
- Шапошникова О. Г., Ребедаило Г. П. Курганная группа у с. Новорозановки.— В кн.: Древности Поингулья. Киев, 1977.
- Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону (памятники кобьяковской культуры).— СА, 1973, № 2.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.— 252 с.
- Шелов Д. Б. Социальное развитие скифского общества.— ВИ, 1972, № 3.
- Шилов В. П. О расселении меотских племен.— СА, 1950, № 14.
- Шилов В. П. Население Прикубанья конца VII — середины IV вв. до н. э.— Автореф. канд. дис.— М.— Л., 1951.— 15 с.
- Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1961, № 1.
- Шилов В. П. Ушаковский курган.— СА, 1966, № 11.
- Шмаглий Н. М. Находки раннескифского времени у с. Трояново под Житомир.— СА, 1960, № 4.
- Шовкопляс І. Г. Курганний могильник передскифського часу на Середньому Дністрі.— АП, 1952, т. 4.
- Шовкопляс І. Г., Максимов Є. В. Дослідження курганного могильника передскифського часу на Середньому Дністрі.— Археологія, 1952, т. 7.
- Шовкопляс І. Г. Поселення ранньоскифського часу на Середньому Дністрі.— Археологія, 1954, т. 9.
- Шрамко Б. А. Памятники скифского времени у с. Островерховка Харьковской области.— КСИА АН УССР, 1955, вып. 4.
- Шрамко Б. А. Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции ХГУ в 1951 г.— НА ИА АН УССР, 1951/52.
- Шрамко Б. А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северского Донца.— КСИИМК, 1954, вып. 54.
- Шрамко Б. А. Археологічні дослідження курганів раннього залізного віку в околицях м. Люботина.— Праці історичного факультету ХДУ, 1957, т. 5.
- Шрамко Б. А. Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине.— КСИА АН УССР, 1957а, вып. 7.
- Шрамко Б. А. Новые памятники предскифского времени на Северском Донце.— КСИИМК, 1957б, вып. 67.
- Шрамко Б. А. Курган и городище у с. Циркуны.— КСИИМК, 1959, вып. 63.
- Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.— 404 с.
- Шрамко Б. А. Поселения скифского часу в бассейне Дінця.— Археологія, 1962а, т. 14.
- Шрамко Б. А. Поселения скифского часу біля станції Шовкової.— Археологія, 1964, т. 16.
- Шрамко Б. А. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху.— Автореф. докт. дис., 1965.— 32 с.
- Шрамко Б. А. Селище та могильник ранньої залісної доби біля с. Островерхівки.— АП, 1956, т. 6.
- Шрамко Б. А. Нові дані про господарство скифської епохи.— Вісник ХДУ. Іст. сер., 1966, № 17.
- Шрамко Б. А. Исследования лесостепной полосы УССР.— АО за 1966. 1967.
- Шрамко Б. А. Исследования памятников скифского времени в бассейнах р. Ворсклы, Сулы и Северского Донца.— АО за 1967. 1968.

- Шрамко Б. А. Исследования Западного и Восточного Бельских городищ.— АО за 1968. 1969.
- Шрамко Б. А. Раскопки в бассейнах Северского Донца и Ворсклы.— АО за 1969. 1970.
- Шрамко Б. А. Об изготовлении золотых украшений ремесленниками Скифии.— СА, 1970а, № 2.
- Шрамко Б. А. Дослідження пам'яток в басейнах Сіверського Дінця і Ворскли.— Археол. відкриття на Україні у 1969 р. 1972, вип. 4.
- Шрамко Б. А. Исследования в Харьковской и Полтавской областях. АО за 1972. 1973.
- Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973.
- Шрамко Б. А. Раскопки на Бельском городище.— АО за 1973. 1974.
- Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у г. Бельск — город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.
- Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелано-будинская проблема.— СА, 1975а, № 1.
- Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
- Шрамко Б. А. Раскопки Бельского городища и могильника «Скоробор».— АО за 1975. 1976а.
- Шрамко Б. А. Исследования лесостепной полосы УССР.— АО за 1976. 1977.
- *Штигельман Ф. М. Поселение античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 1956, № 50.
- Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья.— В кн.: Античное общество. М., 1967.
- Шульц П. Н., Наеротский Н. И. Прикубанские изваяния скифского времени.— СА, 1973, № 4.
- Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье. Симферополь, 1969.— 328 с.
- *Яковенко Е. В. Некрополь скифского часу біля м. Бориспіль.— Археологія, 1965, т. 18.
- Яковенко Е. В. Нове про розкопки В. В. Хвойки біля с. Пастирського.— Археологія, 1966, т. 20.
- Яковенко Е. В. Пастирське городище скифського часу.— Археологія, 1968, т. 21.
- Яковенко Э. В. Резной молоток из Среднего Приднепровья.— СА, 1969, № 2.
- Яковенко Э. В. Клыки с зооморфными изображениями.— СА, 1969а, № 4.
- *Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- *Яковенко Э. В. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма.— КСИА, 1970а, вып. 124.
- Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе.— СА, 1972, № 3.
- Яковенко Е. В. «Скипетр царицы» з Куль-Оби.— Археологія, 1973, 11.
- Яковенко Е. В. Скифи східного Криму в V—III ст. до н. е. К., 1974.— 150 с.
- Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959.— 119 с.
- Яценко И. В. Скифские погребения близ Ногай-ка.— ВДИ, 1956, № 1.
- Anatolien Studies. Journal of the British Institute of Archeology of Ankara, vol. 21, London, 1971.
- Barnett R. D. The Treasure of Ziwiye.— Iraq, 17, 2, 1959.
- Böhm I., á Jankovich I. M. Skythove na Podkarpatske Rusi, Část prvá, Mohilové pohrebiste v Kustanovicich. Praha, 1936.
- Bydłowski A. Mogily w Nowosiólce w pow. Lipowec-kim, gub. Kijowskiy.— Swiatowit, 1904, 5.
- Carrière B., et Barrois A. Fouilles de l'Ecole archéologique Fransaise de Jérusalem 1926.— Syria, 1927, vol. 8.
- Coghlan H. H. Coasting moulds made in metal.— Man, 1952, vol. 52.
- Dalton O. M. The treasure at the Oxus.— London, 1964.— 80 pp.
- Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzin.— Praehistorische Zeitschrift, 1913, B. 5.
- Flinders Petrie W. M. Gerar.— London, 1928.
- Flinders Petrie W. M. Tools and weapons illustrated by the Egiptian collection in the University college. London, 1917.
- Ghirshman R. Iran, Protoiranier, Meder, Achämeniden. München, 1964.— 452 S.
- Ghirshman R. Le Trésor de Sakkez les origines de l'art mede et les bronzes du Luristan.— Artibus Asiae, 1950, vol. 133.
- Ghirshman R. Willage Perse-Achéménide.— Memoris de la Mission archeologique en Iran, 1954, vol. 30.
- Ghirshman R. 7000 ans d'art en Iran. Paris, 1961.
- Godard A. Le Trésor de Ziwiye (Kurdistan). Haarlem, 1950.
- Goldman H. Excavations et Gözlü, Tarsus, 1936.— American Journal of Archeology, 1937, vol. 41; 1938, vol. 42.
- Goldman H. Excavations et Gözlü Kule, Tarsus. Princeton, New-Jersey, 1963, vol. 3.
- Herzfeld E. Iran in the Ancient East, 1941.
- Leskov A. Treasures from the Ukrainian Barrows Leningrad, 1972.
- Leskov A. Die skythischen Kurgane. Antike Welt, 1974. Sondernummer, Jahrgang.
- Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Passek T., Latynin B. Sur la question des "Kammennye baby". ESA, 1929.
- Rau P. Gräber der Fruhen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
- Porada E. The art of Ancient Iran. New-York, 1965.
- Sulimirski T. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936.
- Sulimirski T. Scythian antiquities in Western Asiae.— Artibus Asiae, 1954, vol. 17, 3—4.
- Underwood L. Bronze age technology in Western Asia and Northern Europa.— Man, 1958, vol. 48, part 1.
- Vulpe Al. Necropola hallstättianá de Feregile. București, 1967.
- Woolley C. L. Carchemish, 1921, part 2.
- Zakharov A. Zaretsky's excavations in the Government of Kharkov.— ESA, 1932, vol. 7.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ	— Археология и история Боспора.	КСОГУ	— Краткие сообщения Одесского государственного университета.
АИУ	— Археологические исследования на Украине.	МАР	— Материалы по археологии России.
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России.	МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья.
АО	— Археологические открытия.	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки УРСР.	НА ИА	— Научный архив Института археологии Академии наук УССР.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа.	АН УССР	— Научный архив Института археологии Академии наук УССР.
АЭС	— Археолого-этнографический сборник.	ОАК	— Отчет археологической комиссии.
ВДИ	— Вестник древней истории.	ОГАМ	— Одесский Государственный археологический музей.
ВССА	— Вопросы скифско-сарматской археологии.	ПСА	— Проблемы скифской археологии.
ВУАК	— Всеукраїнська археологічна комісія.	СА	— Советская археология.
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры.	САИ	— Свод археологических источников.
ДП	— Древности Приднепровья.	СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа.
ДЧИ	— Древности Чечено-Ингушетии.	Тр. АС	— Труды Археологического съезда.
ЖРБ	— Журнал раскопок Бранденбурга.	Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея.
ЗОАО	— Записки Одесского археологического общества.	Тр. ГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.	Тр. ОИПК	— Труды отдела истории первобытной культуры.
ИАК	— Известия археологической комиссии.	Пр. КДИМ	— Праці Київського Державного історичного музею.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.	Тр.	— Труды Российской ассоциации научных институтов общественных наук.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры.	РАНИОН	— Украинський історичний журнал.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	УЗ КГУ	— Ученые записки Киевского Государственного университета.
АН СССР	— Краткие сообщения Института Археологии АН УССР.	УЗ ЛГУ	— Ученые записки Ленинградского Государственного университета.
КСИА	— Краткие сообщения института истории материальной культуры.	УЗ ОДПИ	— Учені записки Одеського Державного педагогічного інституту.
АН УССР		ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua.
КСИИМК			

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	ОТ РЕДАКТОРА
Введение 7	К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
Глава I 17	СКИФЫ И КАВКАЗ КАВКАЗ — СКИФСКАЯ ДОРОГА (20). СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ (25). СКИФЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (40). СКИФСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (44). СОБСТВЕННО СКИФСКИЕ КУРГАНЫ (51). КУБАНСКИЕ КУРГАНЫ (56). СКИФСКИЕ КАМЕННЫЕ СТАТУИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (72). ИЗОБРАЖЕНИЯ СКИФОВ ВРЕМЕНИ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПОХОДОВ (73). СКИФЫ И СИНДО-МВОТЫ НА КУВАНИ (77).
Глава II 87	ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ СКИФОВ VII—V ВВ. ДО Н. Э.
Глава III 119	ПАМЯТНИКИ КОЧЕВЫХ СКИФОВ IV В. ДО Н. Э. ЦАРСКИЕ КУРГАНЫ (124). КУРГАНЫ СКИФСКОЙ ЗНАТИ (139). ПОГРЕБЕНИЯ БОГАТЫХ СКИФОВ (161). ПОГРЕБЕНИЯ РЯДОВЫХ СКИФОВ (163).
Глава IV 191	ПАМЯТНИКИ ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ СКИФИИ VI—IV ВВ. ДО Н. Э. О СКИФАХ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАХ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (193). ПРИОЛЬВИЙСКАЯ ГРУППА (195). НИЖНЕДНЕСТРОВСКАЯ ГРУППА (202). ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ВОСТОЧНОГО КРЫМА И ВОСПОРСКОГО ЦАРСТВА (204). ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ДОНА (222).
Глава V 227	ПАМЯТНИКИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ КИЕВО-ЧЕРКАССКИЙ РЕГИОН (230). КАНЕВСКАЯ (ИЛИ ПОРОССКАЯ) ГРУППА ПАМЯТНИКОВ (266). КИЕВЩИНА (276). ВОСТОЧНАЯ ПОДОЛИЯ (282). ВОЛЫНЬ (286). ЗАПАДНАЯ ПОДОЛИЯ (290). ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОЙ МОЛДАВИИ (299). ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ ВОЛЫНИ И ПРИКАРПАТЬЯ (303).
Глава VI 305	ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ ПРИДНЕПРОВСКАЯ ТЕРРАСОВАЯ ЛЕСОСТЕПЬ (308). ПОСУЛЬЕ (312). ПСЕЛ (333). СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ (336). СЕЙМ (342). ВОРСКЛА (344).
356	ЗАКЛЮЧЕНИЕ
368	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
378	СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Академия наук Украинской ССР
Институт археологии

Варвара Андреевна Ильинская

Алексей Иванович Тереножкин

СКИФИЯ

VII—IV вв. до н. э.

Утверждено к печати ученым советом
Института археологии АН УССР

Редактор

Л. Л. Ващенко

Макет книги и оформление художника

В. И. Глазунова

Художественный редактор

С. П. Квитка

Технический редактор

Б. М. Кричевская

Корректоры

З. П. Школьник, Л. Н. Творковская

Информ. бланк № 4379.

Сдано в набор 04.03.82. Подп. в печ. 26.05.83.
БФ 00689. Формат 84×108/16. Бум. тип. № 1.
Обыкн. нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 39,9.
Усл. кр.-отт. 60,27. Уч.-изд. 40,23. Тираж 2000 экз.
Заказ 2—544. Цена 6 р. 70 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев, ГСП, Репина, 3

Головное предприятие республиканского
производственного объединения «Полиграфкнига».
252057, Киев, Довженко, 3.

К4-83-1619